Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

182

А. Богдановъ и И. Степановъ.

Б73т1

КУРСЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

ТОМЪ I.

6415

Цѣна 2 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910.

Пров. 1956
Пров 38"
пр.

Типографія Монтвида. Гончарная ул, 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	IX.
ВВЕДЕНІЕ	1—20
I. Опредѣленіе экономической науки	1— 5
II. Методы экономической науки	5 —17
1 Индуктивный методъ (5) —2 Дедуктивный методъ (9).— 3. Принципъ соціальнаго приспособленія (11). —4 Методы объективные и субъективные (14).	
III. Система изложенія	17—20
I. ПЕРВОБЫТНЫЙ РОДОВОЙ КОММУНИЗМЪ . . .	21—39
1. Техника первобытнаго человѣчества	24—28
2. Строеніе первобытной группы	28—32
3. Возникновеніе идеологіи	32—36
4. Силы развитія (абсолютное перенаселеніе). . .	36—39
II. АВТОРИТАРНАЯ РОДОВАЯ ОБЩИНА	40—90
1. Возникновеніе первобытнаго земледѣлія и скотоводства.—Развитіе орудій.—Ростъ потребностей.	40—47
2. Запасы. Прибавочный трудъ.	47—49
3. Раздѣленіе труда въ родовой общинѣ	49—55
4. Размѣры родовыхъ общинъ, ихъ дробленіе и взаимоотношенія.	56 - 58
5. Развитіе идеологіи	58—68
6. Зарожденіе и развитіе обмѣна.— Возникновеніе собственности	68—87
7. Силы развитія въ авторитарно-родовомъ обществѣ.	87—90

стр.

III. ФЕОДАЛЬНАЯ СИСТЕМА . . . . . 91—217

1. Развитіе техники . . . . . 93—109
2. Земледѣльческая группа феодальной эпохи . 109—128
3. Обособленіе организаторскихъ функцій. — Абсолютная рента.— Феодальная группа у кочевниковъ. 128—138
4. Процессъ феодальнаго объединенія . . . . . 139—151
5. Дифференціація мирно-организаторской дѣятельности.—Духовное сословіе . . . . . 151—171
6. Развитіе идеологіи въ феодальномъ обществѣ . 171—178
7. Развитіе обмѣна въ феодальную эпоху . . . . 179—197
8. Развитіе денегъ. — Міровыя деньги. — Мѣрило стоимости. – Сокровище . . . . . 197—209
9. Силы развитія въ феодальномъ обществѣ . . . 209—213
10. Мѣсто феодальной системы въ исторіи экономическаго развитія . . . . . 213—217

IV. РАБОВЛАДѢЛЬЧЕСКІЯ СИСТЕМЫ . . . . . 218—275

А ВОСТОЧНОЕ РАБСТВО . . . . . 218—225

Б. АНТИЧНОЕ РАБСТВО . . . . . 226—271

1 Происхожденіе античнаго рабства. . . . . 226—232
2. Рабовладѣльческая группа . . . . . 232—238
3. Соціально-политическая организація античнаго міра . . . . . 238—245
4. Идеологія классическаго міра . . . . . 245—253
5. Ходъ экономической деградаціи античнаго общества . . . . . 253—266

a) Гибель мелкихъ производителей (253).— b) Упадокъ крупнаго рабовладѣльческаго хозяйства (260) — c) Пролетаріатъ (262).—d) Колонатъ (264)

6. Наслѣдство классическаго міра. . . . . 267—271

С. КОЛОНІАЛЬНОЕ РАБСТВО . . . . . 271—275

V. СИСТЕМА КРѢПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА . . . . 276—329

1. Отношеніе крѣпостного хозяйства къ другимъ экономическимъ формамъ . . . . . 276—281
2. Превращеніе феодала въ помѣщика. — Развитіе крупной земельной собственности и мелкаго

стр.

крестьянскаго землевладѣнія (Англія) . . . 281—295
3. Развитіе крѣпостныхъ отношеній —Крестьянскія войны (Франція, Германія и Россія). . . . . 295—308
4. Помѣщичье хозяйство. — Крестьянскія повинности . . . . . 308—319
5. Эволюція ренты . . . . . 319—329

VI РЕМЕСЛЕННЫЙ СТРОЙ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ . 330—385

1. Техника ремесленной эпохи. . . . . 330—343
2. Развитіе средневѣковаго города . . . . 344—353
3. Возникновеніе и расцвѣтъ ремесла.—Цехи . . 353—370
4. Разложеніе ремесла. Классовая борьба внутри ремесла. . . . . 370—385

ИДЕОЛОГІЯ ПРЕДЪ-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. . . . . 386—403

a) Фетишизмъ мѣновой стоимости . . . . . 386—392
b) Деньги и жажда накопленія . . . . . 392—396
c) Частная собственность. . . . . 396—401
d) Общій характеръ предъ-капиталистической идеологіи . . . . . 401—403

КУРСЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переживаемая человѣчествомъ эпоха непрерывной технической революціи, обостренной классовой борьбы, глубокихъ соціальныхъ кризисовъ порождаетъ во всѣхъ слояхъ общества усиленный интересъ къ познанію его природы, его строенія, законовъ его жизни. Ключъ къ нимъ лежитъ въ экономической области; это все въ большей мѣрѣ сознается даже представителями оффиціальной науки,—столь рѣзко и очевидно послѣдніе этапы капитализма успѣли обнажить внутренній смыслъ развивающихся соціальныхъ связей и конфликтовъ. Матеріалъ экономическаго изслѣдованія накопляется за послѣднее время съ небывалой быстротой; сумма усилій, которыя затрачиваются на его собираніе не только отдѣльными спеціалистами, но еще болѣе—государственными и общественными организаціями, постоянно возрастаетъ.

Но успѣхъ познанія опредѣляется отнюдь не однимъ накопленіемъ матеріала; еще важнѣе здѣсь—точка зрѣнія, методъ разработки. Чѣмъ значительнѣе накопленная масса данныхъ, тѣмъ необходимѣе планомѣрная ихъ систематизація; чрезмѣрное нагроможденіе матеріала само по себѣ можетъ стать серьезнымъ препятствіемъ для успѣшности познанія. Разработка частичная, которая способна удовлетворять ученыхъ спеціалистовъ,—по самому характеру своей дѣятельности къ ней всего болѣе тяготѣющихъ,—совершенно недостаточна для тѣхъ, кто хочетъ сознательно относиться къ соціальной жизни въ ея цѣломъ, кто хочетъ занять правильную позицію по отношенію къ общему ходу ея историческаго развитія, чтобы цѣлесообразно участвовать въ непосредственномъ ея строительствѣ. Тутъ выступаетъ самая настоятельная потребность представить всю экономическую жизнь человѣчества, какъ единый и

цѣлостный процессъ, объективно изображая связь его прошлаго, его настоящаго и доступнаго предвидѣнію будущаго.

Такая задача по существу невыполнима ни для какой школы, связанной прошлымъ или настоящимъ въ своихъ познавательныхъ стремленіяхъ,—ни для какой школы хотя бы отчасти экономически-реакціонной или экономически-консервативной: для нихъ невозможно ни вполнѣ объективное, ни вполнѣ цѣлостное изображеніе соціальнаго развитія. Задача выполнима только для школы, относящейся принципіально-критически ко всему прошлому и ко всему настоящему человѣчества, но въ то же время умѣющей послѣдовательно исходить изъ пріобрѣтеній прошлаго и настоящаго въ своей работѣ для будущаго; такова именно школа Маркса. Ей не нужна ни защита, ни оправданіе современнаго строя; не удовлетворяется она и пассивнымъ его пониманіемъ; раскрывая и изслѣдуя его стихійность, она противопоставляетъ ей практическую и познавательную критику, изучая соціальный міръ, чтобы измѣнять его. Къ этой школѣ принадлежатъ авторы предлагаемой работы. Сознавая насущность задачи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ ея огромныя трудности, они рѣшились предпринять свою попытку; оба были нѣсколько подготовлены къ ней своими предшествующими работами, но ни одинъ изъ нихъ не взялъ бы на себя смѣлости предпринять ее единолично.

Надо было использовать массу наличнаго матеріала и всевозможныя уже выполненныя, въ подавляющемъ большинствѣ лишь частичныя попытки теоретической его систематизаціи, и изъ всего этого, подчиняя каждый шагъ работы строгому единству метода, организовать стройную и объективную картину развитія, соблюдая въ ней историческую перспективу. При этомъ не можетъ быть и мысли о простомъ выдѣленіи экономическихъ элементовъ изъ общей совокупности соціальныхъ явленій: интегральный характеръ общественнаго процесса требуетъ, чтобы отчетливо была выяснена прежде всего роль экономическихъ отношеній въ соціальной системѣ, а слѣдовательно—связь ихъ съ другими ея областями. Слѣдуя основной точкѣ зрѣнія школы Маркса, экономическій анализъ долженъ исходить изъ техническихъ условій жизни общества и считаться съ идеологическими. Но и тѣхъ, и другихъ мы

касались лишь въ предѣлахъ экономической ихъ функціи: техническихъ—поскольку въ нихъ лежатъ движущія силы развитія общественно-трудовыхъ отношеній, идеологическихъ—поскольку они служатъ необходимымъ орудіемъ организаціи этихъ отношеній.

Таковы соображенія, опредѣлившія планъ нашей работы: раздѣленіе на части сообразно историческимъ періодамъ развитія и порядокъ разсмотрѣнія каждаго періода, начиная съ техническихъ предпосылокъ его экономической жизни, кончая его идеологіей. Архитектурно, планъ этотъ, какъ видимъ, сходенъ съ планомъ „Краткаго курса экономической науки", написаннаго 12 лѣтъ тому назадъ однимъ изъ авторовъ предлагаемой работы (и притомъ также при участіи другого автора). Но задачи и характеръ обоихъ курсовъ различны: тамъ дѣло шло главнымъ образомъ о популяризаціи, здѣсь прежде всего—о систематизаціи; тамъ приходилось по-преимуществу иллюстрировать методъ наиболѣе удобнымъ матеріаломъ, здѣсь—послѣдовательно примѣнять его къ самому различному матеріалу.

Трудности нашей работы особенно возрастали благодаря ограниченности мѣста, имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи. Такъ называемый „критическій" способъ изложенія тутъ былъ совершенно невозможенъ: болѣе или менѣе полный анализъ существующихъ по каждому вопросу теорій потребовалъ бы многихъ и многихъ томовъ. Мы ограничивались принципіальной критикой такихъ теорій, которыя предъявляютъ болѣе или менѣе серьезныя притязанія на господство въ современной наукѣ; за этими исключеніями намъ достаточно было неуклонно примѣнять ту теорію, которая составляетъ идейную силу нашего теченія.

Въ интересахъ не только краткости, но и цѣльности изложенія мы цитатъ по возможности избѣгали. Взамѣнъ того въ концѣ всей этой работы мы дадимъ систематическую библіографію, составленную примѣнительно къ общему построенію работы, съ краткими поясненіями относительно содержанія и цѣнности рекомендуемыхъ книгъ. Это будетъ библіографія не для ученаго спеціалиста, а для образованнаго читателя, разсчитанная на то, чтобы, не подавляя его своимъ количествомъ, помочь ему ознакомиться

и съ разнообразіемъ существующихъ въ наукѣ взглядовъ, и съ болѣе важнымъ фактическимъ матеріаломъ, не нашедшимъ мѣста въ рамкахъ нашего курса.

Раздѣленіе труда между авторами опредѣлялось различіями ихъ спеціальной подготовки. Одинъ изъ нихъ работалъ до послѣдняго времени по-преимуществу въ области методологіи; другой занимался больше историко-экономическими вопросами конкретнаго характера. Такимъ образомъ, при редакціонномъ единствѣ работы, научная отвѣтственность, въ извѣстной мѣрѣ, все-же должна быть раздѣлена. Богдановымъ написаны: общее введеніе, весь отдѣлъ о рабовладѣльческихъ системахъ, всѣ главы объ идеологіи и всѣ, за исключеніемъ главы въ отдѣлѣ „Первобытный родовой коммунизмъ",—о силахъ развитія различныхъ періодовъ; Степановымъ—всѣ главы технически и экономически-описательнаго содержанія и остальныя теоретическія главы этого тома.

Выпускаемый въ свѣтъ I томъ, охватывающій всѣ докапиталистическія формаціи, наиболѣе разнообразныя и наименѣе изслѣдованныя, представляетъ, безспорно, самую трудную часть работы. Томъ II и послѣдній, посвященный изученію общества капиталистическаго и, насколько это возможно, соціалистическаго, авторы надѣются дать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Авторы считаютъ предпринятое ими дѣло потому особенно своевременнымъ, что, по ихъ убѣжденію, время переживаемаго Россіей общественнаго затишья и реакціи должно быть спеціально использовано для закрѣпленія и расширенія той научно-идейной основы, на которую опирается дѣятельность наиболѣе прогрессивной силы современнаго общества.

Февраль 1910 г.

ВВЕДЕНІЕ.

I. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Познаніе первоначально возникло изъ практическихъ потребностей человѣчества въ его трудовой борьбѣ съ природой за жизнь и развитіе. Познавать явленія—это значитъ овладѣвать ихъ взаимной связью, ихъ соотношеніями; такимъ способомъ создается возможность ихъ предвидѣть, планомѣрно вмѣшиваться въ ихъ ходъ матеріальной человѣческой силой, ихъ регулировать и эксплуатировать въ человѣческихъ интересахъ. Слѣдовательно, познаніе представляетъ существенный моментъ реальной власти людей надъ природой. Будучи, по своему происхожденію, результатомъ прогресса производительныхъ силъ общества, оно становится условіемъ и опорой этого прогресса, какъ съ полной очевидностью показываетъ современная научная техника крупной промышленности.

Каждая наука имѣетъ своимъ содержаніемъ систематизированное познаніе опредѣленной области человѣческаго опыта. Для экономической науки такая область—соціально-трудовыя отношенія между людьми.

Въ производствѣ, въ коллективной борьбѣ съ природой, люди силой жизненной необходимости становятся въ извѣстныя взаимоотношенія, которыя, охватывая ихъ своей сѣтью, пріобрѣтаютъ огромное вліяніе на судьбы каждаго человѣка и всего человѣчества. Отсюда возникаетъ важнѣйшая практическая потребность — познавательно овладѣть соціально-трудовыми отношеніями людей, найти условія и законы ихъ развитія. Этой потребностью и опредѣляется задача экономической науки.

Отсюда же вытекаетъ и сравнительно позднее зарожденіе экономической науки: начало ея, какъ науки, относится къ XVI—XVII в., къ эпохѣ распространенія мѣнового хозяйства и первыхъ шаговъ капитализма. Она появилась тогда, когда соціально-трудовыя отношенія стали сурово господствовать надъ людьми своей стихійностью. Разрушительная для стараго общества сила денегъ, жестокая власть рынка и кон-

курренціи вызвали потребность въ изслѣдованіи и изученіи экономическихъ формъ.

Остановимся нѣсколько ближе на предметѣ нашей науки.

Соціально-трудовыя отношенія людей—это прежде всего тѣ отношенія прямого или косвеннаго сотрудничества, которыя связываютъ людей въ производствѣ: простая кооперація, техническое раздѣленіе труда, общественное раздѣленіе труда и т. под. Это—производственныя отношенія въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ прямомъ и точномъ его значеніи. Они являются экономическими—первичными и основными; ихъ жизненная роль здѣсь пока не требуетъ поясненій.

Но ими область соціально-трудовыхъ отношеній не исчерпывается всецѣло. Существуютъ еще производныя и косвенныя соціально-трудовыя отношенія, которыя, естественно, входятъ также въ сферу экономической науки.

Продуктъ, который экономически представляетъ кристаллизованный трудъ людей, распредѣляется въ обществѣ такъ или иначе. Произведенія труда людей A, B, C становятся объектомъ распоряженія или потребленія, вообще — пользованія для человѣка D, произведенія труда F для G, а рядомъ съ этимъ, можетъ быть, и обратно. Обычно, это выражается иначе: D присваиваетъ себѣ продуктъ работы A, B, C, или: G и F обмѣниваются своими продуктами и т. п. Но ясно, что передъ нами тутъ, дѣйствительно, соціально-трудовыя отношенія, отношенія труда однихъ людей для другихъ; причемъ совершенно не важно, будетъ ли эта связь взаимной или односторонней — она есть связь трудовая. Рабочіе работаютъ на капиталиста, или, другими словами, капиталистъ присваиваетъ себѣ произведенный ими товаръ въ частную собственность; ремесленникъ и крестьянинъ работаютъ другъ на друга, или—продукты ремесленника и крестьянина распредѣляются между ними путемъ обмѣна. Словомъ, присвоеніе, распредѣленіе, обмѣнъ, собственность—все это также производственныя отношенія людей—въ широкомъ и общемъ смыслѣ термина.

Такимъ образомъ, если экономическая наука опредѣляется, какъ ученіе о соціально-трудовыхъ отношеніяхъ людей, то въ ея содержаніе входятъ и „формы производства“, и „формы присвоенія, обмѣна, распредѣленія“. Обыкновенно въ учебникахъ эти составныя части сюжета экономической науки перечисляются въ самомъ ея опредѣленіи, благодаря чему, оно оказывается болѣе сложнымъ и менѣе стройнымъ. Точный анализъ позволяетъ объединить различные на первый взглядъ элементы общей формулой, выражающей ихъ сущность: „соціально-трудовыя отношенія“.

Экономическія формы жизни измѣнчивы; онѣ либо прогрессивно

развиваются, либо деградируютъ, подвергаясь распаду и разложенію; изъ этого очевидно, что наука должна изучать ихъ исторически; должна анализировать ихъ измѣненія, раскрывать ихъ причины, ихъ условія. Только на такомъ пути она можетъ познавательно овладѣть своимъ сюжетомъ, дать возможность предвидѣнія экономическихъ явленій и практически-цѣлесообразнаго воздѣйствія на нихъ.

При этомъ само собою выясняется, насколько относительно и условно отграниченіе предмета экономической науки,—какъ, впрочемъ, и всѣхъ другихъ наукъ. Измѣненія экономическихъ формъ зависятъ отнюдь не только отъ условій, лежащихъ въ самой экономикѣ, но также—и, притомъ, еще въ большей степени—отъ условій, лежащихъ внѣ ея. Экономическія формы не развиваются сами собою; движущія силы ихъ развитія всегда, при достаточномъ изслѣдованіи, оказываются исходящими изъ ихъ среды, соціальной и внѣ-соціальной.

Согласно ученію Маркса, основу экономическихъ формъ и ихъ движенія представляютъ „производительныя силы общества“ или условія соціально-техническія; т.-е, другими словами, соціально-трудовыя отношенія людей къ внѣшней природѣ.

Ведя борьбу съ внѣшней природой, люди вынуждены становиться въ такія отношенія между собою, которыя соотвѣтствовали бы условіямъ и способамъ этой борьбы; напр., обработка земли требуетъ иныхъ формъ сотрудничества, чѣмъ охота, и, притомъ, земледѣліе на берегахъ большихъ разливающихся рѣкъ — также иныхъ, чѣмъ земледѣліе въ лѣсистыхъ равнинахъ, и т. п. Такимъ образомъ, производительныя силы общества порождаютъ опредѣленную его экономическую организацію; она можетъ законно разсматриваться, какъ жизненное выраженіе данной суммы производительныхъ силъ, даннаго ихъ уровня и характера. Въ этомъ заключается исходная точка всякаго дѣйствительно-научнаго изслѣдованія экономическихъ явленій.

Въ своей трудовой дѣятельности общество либо непрерывно развиваетъ свои производительныя силы, какъ это наблюдается чаще всего, — либо растрачиваетъ ихъ, жизненно ослабѣвая и теряя свою власть надъ природой, что до сихъ поръ встрѣчалось въ исторіи гораздо рѣже. Экономическія формы необходимо должны приспособиться къ новому состоянію производительныхъ силъ. Но, разъ сложившись, онѣ приспособляются не сразу, не слѣдуютъ непосредственно за измѣненіями техническихъ условій, ибо обладаютъ уже нѣкоторымъ самостоятельнымъ жизненнымъ консерватизмомъ, собственнымъ стремленіемъ сохраняться, какое существуетъ у всѣхъ жизненныхъ формъ. Это запаздываніе ихъ измѣненій въ нѣкоторыхъ частяхъ экономической системы можетъ оказываться настолько значительнымъ, что она, какъ

цѣлое, уже реально не выражаетъ даннаго состоянія производительныхъ силъ, а оказывается въ жизненномъ противорѣчіи съ нимъ. Тогда соотвѣтствіе возстановляется путемъ историческихъ кризисовъ или революцій, экономическая сущность которыхъ и заключается въ разрушительно-творческомъ приспособленіи экономическихъ формъ къ соціально-техническимъ условіямъ.

Итакъ, здѣсь, въ отношеніяхъ общества къ природѣ, лежитъ „базисъ“ экономическаго развитія и, вообще, измѣненія экономическихъ формъ, его начальный пунктъ, его движущія силы. Но имѣются еще иныя условія, которыя также, хотя и въ другомъ смыслѣ, вліяютъ на это развитіе и на эти измѣненія: условія соціально-идеологическія

Соціально организуясь въ трудовой своей дѣятельности, люди вырабатываютъ „идеологію“—рѣчь, познаніе, нормы обычая, права, политическій строй и т. д. Всѣ эти формы, будучи производными отъ техническихъ условій и отъ экономическихъ отношеній, опредѣляются ими въ своемъ возникновеніи и развитіи, отражаютъ ихъ въ своемъ содержаніи, но въ свою очередь, разъ уже сложившись, становятся жизненно-важными составными частями соціальной системы, необходимыми элементами той соціальной среды, въ которой совершается развитіе техническое и экономическое. А среда можетъ оказываться благопріятной или неблагопріятной для развитія, задерживать его своими треніями или облегчать его своей подвижностью. То или иное вліяніе и обнаруживаетъ на практикѣ соціально-идеологическая среда.

Такъ, если въ обществѣ господствуетъ консервативная система понятій,—каковы, напр., бываютъ почти всегда религіозныя міровоззрѣнія, — и если обычаи общества, его право, мораль консервативны по своему направленію, то всякій технической,—а слѣдовательно, и зависящій отъ него экономическій—прогрессъ встрѣчаетъ на своемъ пути величайшія сопротивленія: изобрѣтателей сжигаютъ, примѣненіе выработанныхъ ими усовершенствованій запрещаютъ, возникающія новыя формы присвоенія стѣсняютъ спеціальными законами и т. под. Наоборотъ, міровоззрѣніе, чуждое консерватизма, проникнутое идеей развитія, — каково, напр., современное естественно-научное, — ускоряетъ темпъ соціальнаго прогресса и служитъ для него твердой опорой; и такую же роль играютъ демократическія учрежденія, правовыя и политическія.

Конечно, идеологіи консервативныя—сами продуктъ общества, технически и экономически консервативнаго, тогда какъ прогрессивныя — продуктъ общества, въ основахъ своей жизни прогрессивнаго, такъ что роль идеологіи сводится къ усиленію и закрѣпленію первичныхъ тенденцій соціальной жизни; но отъ этого она не становится менѣе важной для нашей науки.

Какъ видимъ, экономическое изслѣдованіе должно постоянно учитывать значеніе для экономическаго развитія различныхъ внѣ-экономическихъ моментовъ, соціальныхъ и даже несоціальныхъ. Слѣдовательно, было бы неправильно сказать, что соціально-трудовыя отношенія людей составляютъ исключительный предметъ экономической науки; нѣтъ, изъ всеобщей связи явленій невозможно вырвать какую-нибудь ихъ группу и сдѣлать ее вполнѣ отдѣльнымъ объектомъ познанія. Экономической наукѣ по необходимости приходится трактовать о самыхъ разнообразныхъ предметахъ; она вынуждена говорить и о разливахъ Нила, и о затменіяхъ спутниковъ Юпитера, и о католической догматикѣ. Но разливы Нила важны для нея не сами по себѣ и не съ точки зрѣнія ихъ астрономическихъ, географическихъ и т. д. причинъ, а лишь съ той стороны, что они вынуждаютъ опредѣленную организацію земледѣльческаго труда въ Египтѣ; затменія спутниковъ Юпитера интересны для нея также не сами по себѣ, и не съ точки зрѣнія ихъ математическаго вычисленія, а лишь постольку, поскольку ихъ открытіе помогло развитію мореплаванія и мѣновыхъ сношеній (на этихъ затменіяхъ было основано точное опредѣленіе долготы на морѣ, необходимое для управленія кораблемъ); и католическая догматика занимаетъ экономиста опять-таки не въ смыслѣ, напр., ея связи съ догматикой еврейской, а лишь въ смыслѣ ея реакціонной роли по отношенію къ развивавшимся въ извѣстную эпоху экономическимъ формамъ, и т. под. Ставя своей спеціальной задачей изученіе соціально-трудовыхъ отношеній между людьми, экономическая наука разсматриваетъ прочія явленія исключительно съ точки зрѣнія этой задачи. Такъ слѣдуетъ понимать точное опредѣленіе всякой науки: ея предметъ означаетъ не границы ея изслѣдованія, а его точку зрѣнія.

II. МЕТОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Методы экономической науки опредѣляются ея задачей, и естественно, что съ методами другихъ наукъ они сходны какъ разъ постольку, поскольку однородны преслѣдуемыя задачи.

1. Индуктивный методъ.

Для познавательнаго овладѣнія фактами требуется прежде всего ихъ прямое наблюденіе, ихъ точное описаніе, ихъ обобщеніе. Все это входитъ въ рамки индуктивнаго метода. Въ экономической наукѣ онъ получаетъ во многомъ своеобразное развитіе и принимаетъ различныя формы.

Форма наиболѣе элементарная—это простое обобщающее описаніе. Наблюдаются различные экономическіе факты и группируются по сходству; въ каждой группѣ однородныхъ фактовъ выдѣляются и устанавливаются ихъ общіе, повторяющіеся элементы. Напр., даже самыя различныя капиталистическія фабрики имѣютъ цѣлый рядъ одинаковыхъ чертъ, совокупность которыхъ и даетъ обобщенную картину капиталистической фабрики. Это — необходимое начало научнаго изслѣдованія.

Но чѣмъ сложнѣе изучаемыя явленія, чѣмъ больше разнообразія и измѣнчивости представляютъ они въ своемъ содержаніи, тѣмъ труднѣе поддаются обобщающе-описательному методу, тѣмъ приблизительнѣе и неопредѣленнѣе результаты, къ которымъ онъ приходитъ. Факты соціальные, къ числу которыхъ принадлежатъ экономическіе процессы, обладаютъ наибольшей сложностью изъ всѣхъ, извѣстныхъ намъ въ опытѣ,—въ нихъ наблюдается масса варіацій, и непосредственное обобщеніе особенно трудно. Самыя формулы обобщенія приходится чаще всего сопровождать оговорками „обыкновенно", „въ большинствѣ случаевъ" и т. под. Возьмемъ хотя бы тотъ же примѣръ — крупно-капиталистическую фабрику. Въ огромной массѣ случаевъ она характеризуется большимъ числомъ рабочихъ — сотнями или тысячами. Но есть очень крупныя предпріятія этого рода, которыя при усовершенствованныхъ автоматическихъ механизмахъ обходятся очень малымъ числомъ рабочихъ. Приходится уже въ самомъ правилѣ указывать на исключенія. А между тѣмъ тутъ дѣло идетъ еще о сравнительно рѣзко дифференцированной экономической формѣ. Формы переходныя, не вполнѣ опредѣлившіяся даютъ несравненно больше колебаній и уклоненій, и попытки чисто-эмпирическаго ихъ описанія приводятъ къ формулировкамъ запутаннымъ, неопредѣленнымъ и громоздкимъ.

Больше порядка и ясности въ изложеніе фактовъ позволяетъ тогда внести методъ статистическій. Онъ точнѣе, потому что оперируетъ количественными пріемами. Онъ въ цифрахъ выражаетъ относительную частоту тѣхъ или иныхъ явленій, тѣхъ или иныхъ признаковъ, имъ свойственныхъ; онъ надежнѣе освѣщаетъ взаимную связь этихъ признаковъ, численно констатируя, какіе изъ нихъ съ какими постояннѣе соединяются. Наконецъ, статистическій методъ способенъ даже до нѣкоторой степени устанавливать эмпирическія тенденціи общественнаго развитія, выясняя, какіе факты становятся въ данную эпоху многочисленнѣе, какіе ихъ признаки усиливаются и т. под. Но, взятый въ отдѣльности, онъ не въ силахъ раскрывать точно ихъ причины и ихъ жизненное значеніе, а слѣдовательно, недостаточенъ и для того, чтобы предусматривать ихъ измѣненія. Напр., промышленная

статистика эпохи процвѣтанія, констатирующая ростъ производства и торговли по всѣмъ направленіямъ, сама по себѣ еще не способна дать никакихъ указаній на тотъ грядущій кризисъ, который остановитъ эту тенденцію прогресса и временно смѣнитъ ее противоположною. Да и вообще каждая статистически находимая тенденція на дѣлѣ, обыкновенно, есть лишь равнодѣйствующая или результатъ взаимнаго соотношенія нѣсколькихъ различныхъ тенденцій, которыя и развиваются въ разныя стороны. Такъ, наблюдаемое общее движеніе цѣнъ зависитъ съ одной стороны отъ измѣненія трудовой стоимости товаровъ, съ другой стороны—отъ измѣненія стоимости самихъ денегъ; а по отношенію къ отдѣльнымъ товарамъ сюда присоединяется еще вліяніе монополій и т. д. Статистическія цифры выражаютъ только сложный результатъ сочетанія всѣхъ этихъ условій и не даютъ ихъ дѣйствительнаго взаимоотношенія. Тутъ выступаетъ на сцену иной, болѣе совершенный методъ—абстрактно-аналитическій.

Методъ абстрактнаго анализа—высшая форма индукціи—раскрываетъ простѣйшія тенденціи развивающихся явленій, отвлекая, абстрагируя эти тенденціи отъ безконечной сложности конкретныхъ фактовъ; такимъ путемъ получаются упрощающія схемы явленій — ихъ „абстрактные законы“. Это—наиболѣе трудная, но и наиболѣе важная задача познанія; всего труднѣе она именно для наукъ соціальныхъ, имѣющихъ дѣло съ наиболѣе сложными фактами, съ наиболѣе запутанными комбинаціями условій.

Въ естественныхъ наукахъ имѣется свой особый способъ „отвлекать“ простѣйшія тенденціи явленій—точный экспериментъ. Технически создаются такія простѣйшія условія, въ которыхъ та или иная тенденція уже не осложняется другими, а выступаетъ въ чистомъ или почти чистомъ видѣ; тогда ее легко подвергнуть строгому наблюденію и количественному изслѣдованію.—Но и въ естествознаніи такая законченная постановка эксперимента представляетъ скорѣе лишь идеальный случай. Чаще всего и здѣсь осложняющія условія устраняются только приблизительно,—только сводятся къ наименьшей, какой удается, величинѣ,—или парализуются присоединеніемъ къ нимъ завѣдомо противоположныхъ вліяній. Затѣмъ, количественно измѣняя то условіе, отъ котораго, какъ предполагается, зависитъ изучаемая тенденція, измѣряютъ каждый разъ результаты; напр., устранивъ въ достаточной мѣрѣ вліяніе температуры на объемъ газа, измѣняютъ давленіе, подъ которымъ онъ находится, и измѣряютъ каждый разъ объемъ. Если получаемыя соотношенія удается выразить математическимъ уравненіемъ то задача разрѣшена, данная тенденція выяснена, ея значеніе всегда можетъ быть предусмотрѣно, учтено и въ дальнѣйшемъ изслѣдо-

ваніи, и въ практическихъ разсчетахъ, связанныхъ съ даннаго рода фактами.

Въ общественныхъ наукахъ подобная постановка экспериментовъ невозможна, или возможна только въ какихъ-нибудь исключительныхъ случаяхъ. Объектъ познанія—люди, ихъ взаимныя отношенія, соціальныя силы—тутъ не допускаетъ такого обращенія съ собою, какое осуществимо по отношенію къ неорганическимъ тѣламъ, растеніямъ, животнымъ; реально изолировать по произволу различныя тенденціи не удается и не приходится; можно пользоваться только наблюденіемъ фактовъ такъ, какъ они сами по себѣ протекаютъ. Замѣной точнаго эксперимента является тогда методъ мысленнаго отвлеченія, тотъ абстрактно-аналитическій методъ, который оказался такимъ могучимъ орудіемъ познанія сначала въ рукахъ буржуазныхъ классиковъ-экономистовъ, а затѣмъ еще несравненно болѣе — въ рукахъ Маркса и его школы.

Какимъ способомъ достигается „мысленное отвлеченіе“ тенденцій? Прежде всего требуется, конечно, точное и внимательное наблюденіе возможно большаго числа однородныхъ фактовъ. Далѣе, выбравши то условіе, вліяніе котораго желательно установить, надо расположить эти факты въ послѣдовательный рядъ по степени возрастанія или убыванія этого именно условія. Тогда, сопоставляя тѣ случаи, въ которыхъ всѣ остальныя условія приблизительно сходны, легко видѣть, въ какую сторону происходитъ измѣненіе результата, когда уменьшается вліяніе даннаго условія, въ какую сторону—когда оно увеличивается. Напр., если надо выяснить отношеніе трудовой стоимости товаровъ къ ихъ цѣнѣ, надо брать различные случаи обмѣна товаровъ, происходящіе при одинаковыхъ, въ общемъ, условіяхъ,— при свободной на рынкѣ конкурренціи, при одинаковой для обмѣнивающихся сторонъ возможности не спѣшить съ продажей товара и т. д. Оказывается, что въ массѣ подобныхъ случаевъ чѣмъ меньше общественнаго труда заключено въ товарѣ, тѣмъ меньше его цѣна, а предметы, которые получаются безъ всякаго примѣненія коллективнаго труда, которые каждый можетъ взять простымъ личнымъ усиліемъ—хотя бы вода изъ рѣки,—цѣны совсѣмъ уже не имѣютъ. Такъ выясняется основная тенденція цѣнъ—ихъ прямая зависимость отъ соціально-трудовой стоимости.

Опираясь на этотъ результатъ, можно продолжать „отвлеченіе“ и анализъ другихъ тенденцій, выступающихъ въ той же группѣ явленій. Сравнивая рядъ случаевъ, гдѣ трудовая стоимость товаровъ приблизительно одна и та же, но имѣется, въ разныхъ степеняхъ, вліяніе монополіи, приходимъ къ установленію роли монопольныхъ тенденцій въ обмѣнѣ и т. д.

Когда всѣ существенныя тенденціи данной группы фактовъ обнаружены, когда характеръ и степень ихъ вліянія при различныхъ условіяхъ съ надлежащей точностью опредѣлены и формулированы, то задача абстрактно-аналитическаго метода выполнена, закономѣрность, которую онъ отыскивалъ, раскрыта, и любой фактъ этого типа во всякій моментъ можетъ быть полностью „объясненъ", т.-е. анализированъ и поставленъ въ точную связь со всей совокупностью его условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ получается прочная основа для того научнаго предвидѣнія, которое осуществляется посредствомъ дедуктивнаго метода.

2. Дедуктивный методъ.

Дедукція, или „выведеніе", немыслима безъ предварительной работы индуктивнаго метода: дѣлать выводы возможно только изъ установленныхъ заранѣе положеній, выражающихъ какія-либо закономѣрности данныхъ опыта, а закономѣрности эти раньше должны быть найдены, что и выполняетъ индукція. Слѣдовательно, сила дедукціи необходимо зависитъ отъ широты и глубины тѣхъ „наведеній", на которыя она опирается. Такимъ образомъ, различныя формы индуктивнаго метода въ очень неравной степени даютъ почву для точной дедукціи, а въ частности—предвидѣнія.

Простое „обобщающее описаніе", съ его почти всегда лишь приблизительными результатами, представляетъ сравнительно шаткую и ненадежную основу для дедукціи; ея выводы, естественно, должны въ этихъ случаяхъ оказываться еще болѣе приблизительными, они не обладаютъ несомнѣнностью, а только вѣроятностью. Пусть изъ обобщенныхъ нами наблюденій мы знаемъ, что крупное капиталистическое производство обыкновенно въ конкурренціи вытѣсняетъ мелкія предпріятія, пусть изъ другихъ наблюденій мы нашли, что чаще всего число работниковъ въ промышленности увеличивается съ развитіемъ крупнаго производства. Если намъ извѣстно только это, а неизвѣстно, въ силу сочетанія какихъ тенденцій, и съ какими условіями связанныхъ, получаются въ дѣйствительности такія соотношенія, то далеко ли можемъ мы пойти въ своихъ дедукціяхъ? Предположимъ, мы узнали, что въ страну, гдѣ до сихъ поръ царило мелкое производство, проникаетъ крупный промышленный капиталъ. „Предвидѣніе" будетъ таково: очень вѣроятно, что крупный капиталъ будетъ побивать мелкій; если это случится, то есть основанія ожидать, что число рабочихъ рукъ, занятыхъ въ промышленности, станетъ возрастать. Но какъ велики дѣйствительные шансы этого послѣдняго результата? Тутъ судить объ этомъ чрезвычайно трудно, потому что пришлось соединить вмѣстѣ

двѣ различныхъ „вѣроятности“, а какъ онѣ вліяютъ одна на другую, усиливаютъ или ослабляютъ — мы не знаемъ, и безъ анализа болѣе точнаго, чѣмъ тотъ, который дается простымъ эмпирическимъ обобщеніемъ, узнать не можемъ.

Статистическій методъ для дедукціи даетъ уже болѣе надежную опору. Обобщенія, полученныя изъ цифровыхъ данныхъ, устойчивѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ обобщенія чисто описательныя; изъ первыхъ комбинированные выводы часто могутъ получаться также въ количественной формѣ, и самая вѣроятность того или иного результата въ большинствѣ случаевъ можетъ быть взвѣшена и выражена численно. Но все-же здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, предвидѣніе не имѣетъ характера увѣренности, какъ только возникаетъ вопросъ о границахъ, о предѣльномъ выраженіи статистически найденныхъ закономѣрностей. Пусть, напр., твердо установлено, что въ такой-то странѣ за нѣсколько лѣтъ число мелкихъ предпріятій ежегодно сокращалось на 2—3 процента. Вытекаетъ ли отсюда увѣренное предвидѣніе, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мелкія предпріятія исчезнутъ, и даже — что вообще когда-нибудь они исчезнутъ? Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ сокращеніе пріостановится, или даже смѣнится обратнымъ процессомъ? Разъ неизвѣстно, въ чемъ сущность наблюдаемой и измѣренной тенденціи, изъ какихъ болѣе элементарныхъ тенденцій она складывается, и съ какими общими условіями онѣ связаны,—то нельзя дать научно-мотивированнаго отвѣта на поставленные вопросы.

Вотъ почему и методъ обобщающе-описательный, и статистическій постоянно тяготѣютъ къ методу абстрактно-аналитическому, постоянно стремятся перейти въ него. Именно этотъ послѣдній создаетъ настоящее поле для „выведенія“ и предвидѣнія.

Когда установлены „абстрактные законы“ явленій, т.-е. выдѣлены ихъ различныя тенденціи, и указана связь этихъ послѣднихъ съ опредѣленными условіями, тогда вполнѣ достаточно знать сумму условій, чтобы точно предусмотрѣть развитіе обусловленнаго; и достаточно знать основныя условія, иногда очень немногія, чтобы въ существенныхъ чертахъ предвидѣть ходъ соотвѣтственныхъ событій. Такъ, на основаніи раскрытыхъ Марксомъ законовъ, связывающихъ прогрессъ капитала съ развитіемъ классовой борьбы, русскіе марксисты еще въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка предсказали общій ходъ пролетарскаго движенія, развернувшійся лишь въ 90—900-хъ годахъ, и переходъ его изъ экономическаго въ политическое, и особенную роль пролетаріата среди другихъ классовъ въ буржуазной революціи, и т. под. Аналогичнымъ образомъ въ настоящее время вступленіе цѣлаго ряда отсталыхъ странъ на путь капитализма позволяетъ съ увѣренностью предусмотрѣть въ не-

далекомъ будущемъ огромное обостреніе конкурренціи на міровомъ рынкѣ, жесточайшіе кризисы перепроизводства и невиданное усиленіе и углубленіе борьбы классовъ, и т. д.

Ученіе Маркса объ исторической неизбѣжности соціалистическаго строя есть также строгая дедукція, въ которой комбинируются абстрактнымъ анализомъ обнаруженныя основныя тенденціи развитія производственной техники съ одной стороны, различныхъ классовъ общества— съ другой. И несмотря на то, что самый фактъ именно такого общественно-экономическаго переворота ни разу еще не имѣлъ мѣста въ исторіи человѣчества, правильность вывода по существу должна быть признана несомнѣнной, не только потому, что методъ, который приводитъ къ нему, вполнѣ подтвержденъ и оправданъ успѣхомъ другихъ его примѣненій, — но также и потому, что ходъ жизни современныхъ обществъ очевиднымъ образомъ направляется именно по той линіи, которая этой дедукціей предуказана, — черезъ тѣ этапы, которые явно приближаютъ человѣчество къ пункту, ей намѣченному.

Соединеніе абстрактнаго анализа и дедукціи въ настоящее время— главное и лучшее орудіе научно-экономическаго изслѣдованія.

3. Принципъ соціальнаго приспособленія.

Соціально-трудовой процессъ есть сложнѣйшій и, можетъ быть, самый своеобразный изъ жизненныхъ процессовъ, но все же онъ безусловно принадлежитъ къ явленіямъ жизни и сохраняетъ всѣ ихъ существенныя черты. А всякое познаніе жизни въ современной наукѣ необходимо опирается на идею приспособленія. Какъ всякая форма жизни, общество борется съ природой за свое существованіе, и эта борьба вся основывается на приспособленіи. Вся техническая жизнь общества есть его соціально-трудовое приспособленіе къ внѣшней средѣ: вырабатываются пріемы и способы защиты отъ нея, воздѣйствія на нее въ интересахъ людей; всѣ эти пріемы и способы суть техническія приспособленія общества.

Надо избѣгать той неясности, къ которой могутъ вести нѣкоторыя переносныя примѣненія термина. Принято, напр., говорить: „животныя приспособляются къ средѣ, а человѣкъ самъ ее къ себѣ приспособляетъ“, и сообразно съ этимъ называютъ „приспособленіями“ разныя орудія, машины и т. под. Такія формулировки заключаютъ въ себѣ вѣрную мысль, поскольку онѣ указываютъ на свойственный человѣку активный характеръ дѣятельности въ его борьбѣ за жизнь, въ противоположность болѣе пассивному характеру приспособленія другихъ организмовъ. Но, тѣмъ не менѣе, это—метафоры, ибо только живое приспосо-

бляется, только жизненная функція, или органъ, является дѣйствительнымъ приспособленіемъ. Активно приспособляются не только люди, но во многихъ случаяхъ также животныя,—когда они роютъ себѣ норы, когда истребляютъ своихъ враговъ и т. д., вообще, когда измѣняютъ среду въ своихъ интересахъ; иногда это можно сказать даже о растеніяхъ,—напр., когда мощное дерево, вытягивая корнями соки изъ земли, убиваетъ тѣмъ самымъ вокругъ себя множество конкуррирующихъ слабыхъ растеній, или когда оно своимъ медленнымъ, но непрерывнымъ давленіемъ преодолѣваетъ какое-нибудь механическое препятствіе на пути своего роста. Если человѣкъ строитъ домъ или дѣлаетъ себѣ орудіе, то, конечно, онъ преобразуетъ свою среду, но въ этомъ взаимодѣйствіи возрастаетъ его собственная приспособленность къ борьбѣ за жизнь, а отнюдь не „приспособленность“ предметовъ среды, которые остаются безжизненными и инертными.

Въ экономической дѣятельности каждая часть общества — хозяйство, предпріятіе, отдѣльный членъ предпріятія—приспособляется къ соціальной средѣ. Въ своей организаціи предпріятіе приспособляется къ исторически выработанной техникѣ и, положимъ, къ условіямъ рынка; отдѣльный членъ предпріятія долженъ приспособляться къ общей его организаціи и т. д. Всѣ соціально-трудовыя отношенія между людьми представляютъ изъ себя такого рода приспособленія.

Такимъ образомъ, и для экономической науки, какъ для другихъ наукъ о жизни, основная и самая общая тенденція изучаемыхъ ею явленій есть тенденція приспособленія; основной и самый общій изъ ея абстрактныхъ законовъ—законъ приспособленія. Но здѣсь онъ, естественно, принимаетъ болѣе частную, болѣе спеціальную форму: дѣло идетъ не о приспособленіи вообще, а объ активномъ, соціально-трудовомъ приспособленіи.

Этотъ принципъ легко найти, какъ скрытую предпосылку, во всѣхъ примѣненіяхъ абстрактнаго анализа экономическихъ фактовъ, и во всѣхъ исходящихъ изъ того же анализа дедукціяхъ. Такъ, вся теорія обмѣна и конкурренціи сводится къ вопросу о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ производитель можетъ приспособиться къ рынку, а черезъ него—къ соціальной системѣ производства въ цѣломъ. Ученіе о трудовой стоимости, какъ основѣ цѣнъ, можетъ быть прочно и окончательно доказано только такимъ путемъ, чтобы было выяснено и установлено, что приспособленность соціальнаго цѣлаго требуетъ обмѣна по трудовой стоимости и нарушается постольку, поскольку движеніе цѣнъ не соотвѣтствуетъ этой нормѣ.

Чтобы ясно понимать принципъ соціально-трудового приспособленія и правильно имъ пользоваться, надо постоянно имѣть въ виду не

только его положительную, но и отрицательную сторону: приспособленіе не является само собою и сразу, оно возникаетъ изъ неприспособленности и имѣетъ ее какъ-бы своей предпосылкой; механизмъ жизни ее устраняетъ и этимъ создаетъ приспособленіе. Напр., абсолютное перенаселеніе въ натурально-хозяйственномъ обществѣ выражаетъ его техническую неприспособленность къ исторически-даннымъ условіямъ трудовой борьбы за жизнь; приспособленіе—техническій прогрессъ — порождается давленіемъ этой неприспособленности и есть ея послѣдовательное устраненіе. Путь, которымъ совершается подобное устраненіе, въ различныхъ общественныхъ формаціяхъ неодинаковъ: въ первобытныхъ натурально-хозяйственныхъ системахъ онъ мало отличается отъ зоологическаго подбора минимальныхъ уклоненій въ благопріятную сторону; въ обществѣ мѣновомъ двигателемъ приспособленія выступаетъ стихійная сила конкурренціи, уничтожающей все неприспособленное, а затѣмъ также сила классовой борьбы, въ обществѣ коллективистическомъ на смѣну подобнымъ слѣпымъ двигателямъ приспособленія придетъ, повидимому, организованное коллективное мышленіе, т.-е. планомѣрный и сознательный выборъ обществомъ наилучшихъ методовъ борьбы съ природой и наилучшихъ формъ собственнаго устройства. Но всюду та или иная, общая или частичная неприспособленность стоитъ въ исходномъ пунктѣ развитія и служитъ его стимуломъ, активное трудовое приспособленіе представляетъ его результатъ.

Какъ мы сказали, обыкновенно у экономистовъ и вообще у соціологовъ принципъ приспособленія прямо не формулируется, но образуетъ постоянную скрытую предпосылку ихъ анализа и ихъ дедукцій; ибо всякій разъ, какъ дѣлается выводъ, что такая-то соціальная форма развивается и получаетъ преобладаніе, а такія-то вытѣсняются и отмираютъ, это и выражаетъ собою результатъ изслѣдованія приспособленности или неприспособленности данныхъ формъ къ условіямъ соціальной жизни и развитія.

Существуютъ, однако, и такія школы въ соціальныхъ наукахъ, которыя выдвигаютъ идею приспособленія открыто и съ большей настойчивостью, но въ чрезвычайно ошибочномъ видѣ, именно—придаютъ ей не тотъ спеціальный смыслъ, который вытекаетъ изъ самой точки зрѣнія соціальныхъ наукъ, изъ характера ихъ объекта,—а иной, узко-біологическій, пожалуй даже — зоологическій. Соціологи-дарвинисты, совершенно упуская изъ виду трудовое единство соціальной системы, приравниваютъ экономическую дѣятельность людей къ индивидуальной и видовой борьбѣ животныхъ за ихъ существованіе, конкурренцію внутри мѣнового общества — къ конкурренціи во всей біологической природѣ, и пытаются не столько объяснять, сколько оправдать закономъ выживанія приспо-

собленныхъ истребительную конкурренцію капитала съ мелкимъ производствомъ и экономическое подавленіе имъ пролетаріата. Ложность этой концепціи очевидна изъ того, что борьбу съ природой ведетъ не индивидуумъ, а общество, и что соціальная анархія прозводства при мѣновой организаціи не имѣетъ ничего общаго со стихійной анархіей зоологическаго міра, гдѣ борьба особей и видовъ выступаетъ отнюдь не при взаимномъ ихъ обмѣнѣ полезными продуктами, какъ это происходитъ въ соціальной средѣ нашего времени.

Соціологи-органицисты, напротивъ, крайне преувеличивая жизненное единство соціальной системы, приравниваютъ ее къ высоко-дифференцированному организму и „объясняютъ“ ея строеніе и жизнь посредствомъ сопоставленія различныхъ функцій и частей общества съ функціями и частями живого индивидуума. Этимъ путемъ обосновывается и оправдывается, главнымъ образомъ, узкая спеціализація внутри общества, дробленіе его на классы и группы, господство однихъ классовъ и группъ надъ другими. Коренная ошибка здѣсь заключается въ томъ, что единство общественнаго цѣлаго является соціально-трудовымъ, т.-е. предполагаетъ сознательную дѣятельность каждой изъ „клѣтокъ“ общества—человѣческихъ особей, тогда какъ единство организма—физіологическое—не только не предполагаетъ особаго активнаго сознанія каждаго элемента, но скорѣе исключаетъ это послѣднее. Никакой сознательной координаціи между функціями клѣтокъ или тканей не требуется, такъ какъ имѣется на лицо ихъ матеріальная непрерывность, а экономія силъ организма дѣлаетъ необходимымъ возможно большее упрощеніе функцій отдѣльныхъ элементовъ. Мускульному волокну, которое сокращается, или железистой клѣткѣ, отдѣляющей слизь, незачѣмъ думать о томъ, что она дѣлаетъ, или совѣщаться съ себѣ подобными, или вступать съ ними въ мѣновые договоры и т. под., какъ это наблюдается въ соціальныхъ отношеніяхъ людей; въ организмѣ сознательность цѣлаго опирается на стихійность жизни частей, тогда какъ общества изъ безсознательныхъ автоматовъ никогда не получилось бы.

Вообще, принципъ приспособленія можетъ цѣлесообразно примѣняться для экономическаго изслѣдованія лишь въ опредѣленно-конкретизированной частной формѣ, — какъ принципъ соціально-трудовой дѣятельности людей.

4. Методы объективные и субъективные.

Элементъ сознательности, присущій соціально-трудовымъ дѣйствіямъ и отношеніямъ людей, нерѣдко кладется въ основу попытокъ примѣненія субъективно-психологическаго метода въ политиче-

ской экономіи. Исходной точкой анализа тогда берется индивидуальное сознаніе человѣка, участвующаго въ производствѣ, распредѣленіи, обмѣнѣ,—или два или нѣсколько индивидуальныхъ сознаній,—и психологически выясняется, какимъ образомъ данная личность или данныя личности при такихъ-то условіяхъ могутъ и должны устанавливать свои экономическія отношенія. Главнымъ полемъ для этихъ методовъ являлось до сихъ поръ ученіе объ обмѣнѣ и о прибыли. Примѣрами могутъ служить теоріи субъективной трудовой цѣнности и, особенно, наиболѣе распространенныя въ оффиціальной наукѣ доктрины о роли „предѣльной полезности“ въ обмѣнѣ товаровъ, въ образованіи прибыли и пр. Возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся эти психологическіе методы къ тѣмъ *объективнымъ* методамъ, о которыхъ шла рѣчь до сихъ поръ, и особенно—въ какомъ отношеніи къ самымъ задачамъ экономической науки, т.-е. полезны ли и нужны ли они для экономическаго изслѣдованія.

Задачи нашей науки состоятъ, какъ было выяснено, въ томъ, чтобы познавательно овладѣть ея объектомъ—соціально-трудовыми отношеніями людей, получить возможность предвидѣть ходъ ихъ развитія и цѣлесообразно воздѣйствовать на него. Мы видѣли, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ разсмотрѣнные нами объективные методы достигаютъ успѣха въ этихъ направленіяхъ. Даютъ ли что-нибудь подобное методы субъективно-психологическіе?

Легко убѣдиться, что съ этой точки зрѣнія они совершенно безплодны. Никакого предвидѣнія и практическаго воздѣйствія на нихъ основать нельзя. И это по той причинѣ, что они оперируютъ вовсе не съ тѣми условіями, которыя въ дѣйствительности опредѣляютъ собою движеніе экономическихъ формъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ изъ себя индивидуумъ съ его психикой въ соціальной средѣ? Прежде всего, онъ ея *продуктъ*. Она окружаетъ его со дня его появленія на свѣтъ и косвенно вліяетъ на него даже раньше этого, черезъ организмы его родителей. Она, черезъ воспитаніе, опредѣляетъ его практическое и его познавательное отношеніе къ жизни; она, при посредствѣ того положенія, которое онъ въ ней занимаетъ, обусловливаетъ его матеріальные и идейные интересы; она даетъ ему готовыя формы мышленія, какъ орудіе и опору въ его дѣятельности. Самыя сильныя и яркія индивидуальности—это тѣ, въ которыхъ скрещивается всего болѣе соціальныхъ вліяній, которыя всего полнѣе отражаютъ въ себѣ жизнь соціальнаго цѣлаго; въ нихъ связь индивидуума съ соціальной средой особенно глубока и тѣсна. Такимъ образомъ, индивидуальная психика, изъ которой исходятъ психологиче-

скіе методы, уже ранѣе выработана объективной и соціальной средой, уже зависитъ отъ нея, какъ производная функція.

Теперь беремъ индивидуума въ опредѣленныхъ экономическихъ условіяхъ, т.-е. въ извѣстной системѣ сотрудничества и собственности, которая дана ему извнѣ, которая исторически создалась независимо отъ него, въ которой онъ своими силами можетъ внести лишь неизмѣримо малыя измѣненія. Беремъ его, напр., на рынкѣ, куда онъ явился въ качествѣ продавца своего товара и покупателя чужихъ. Изслѣдуемъ психическіе процессы, которые въ немъ совершаются при его мѣновыхъ операціяхъ. Какова реальная роль этихъ психическихъ процессовъ, чего могутъ они на практикѣ достигнуть? Только одного: хорошо или плохо приспособить данное лицо къ даннымъ экономическимъ условіямъ. Цѣны товаровъ на рынкѣ уже существуютъ; ему не приходится выдумывать ихъ. И ему, и другимъ продавцамъ-покупателямъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, неизбѣжно считаться съ этими цѣнами, болѣе того—подчиняться имъ. Поскольку же онъ старается выйти изъ этого подчиненія, создать для себя наилучшія, исключительно-благопріятныя условія обмѣна, постольку направленіе его усилій опять-таки всецѣло зависитъ отъ его интересовъ, т.-е. отъ его положенія въ обществѣ и стремленій, воспитанныхъ въ немъ соціальной средой. Самое пониманіе личныхъ интересовъ въ томъ или иномъ смыслѣ вытекаетъ изъ объективныхъ соціальныхъ условій. Напр., въ данномъ случаѣ, при анархіи производства и господствѣ рынка, оно имѣетъ форму стремленія присваивать и накоплять мѣновую стоимость въ денежномъ видѣ.

Итакъ, вся „субъективная“ дѣятельность сознанія здѣсь сводится къ тому, чтобы въ рамкахъ наличныхъ рыночныхъ цѣнъ и ихъ наличныхъ колебаній продать товаръ какъ можно скорѣе и выгоднѣе, купить какъ можно дешевле, т.-е. — какъ можно лучше приспособиться къ объективно-даннымъ отношеніямъ рынка. Какимъ путемъ пойдетъ въ этомъ случаѣ психика, и какія „субъективныя“ перипетіи она будетъ переживать, это экономически совершенно не важно и даже не интересно, ибо результатъ предопредѣленъ объективными условіями и не можетъ быть измѣненъ субъективными.

Правда, благодаря личнымъ психологическимъ особенностямъ, тотъ или иной человѣкъ экономически приспособляется лучше другихъ, т.-е. продаетъ и покупаетъ выгоднѣе, чѣмъ по обычной цѣнѣ; но при этомъ каждый разъ кто-нибудь другой долженъ приспособиться плохо, т.-е. купить выше обычныхъ цѣнъ, продать ниже. „Субъективно“ для обоихъ это, конечно, очень важно; но для экономической науки, которая есть наука соціальная и беретъ явленія въ соціальномъ масштабѣ, это никакого значенія не имѣетъ.

Въ концѣ концовъ, оказывается, что весь „субъективный“ анализъ экономическихъ процессовъ, какъ бы тонко и искусно онъ ни производился, нисколько не способенъ предрѣшить ихъ объективныхъ результатовъ, которые зависятъ отъ объективныхъ же условій. Онъ просто относится къ иной области, чѣмъ экономическое изслѣдованіе,—къ области индивидуально-психическаго отраженія соціально-трудовыхъ процессовъ и формъ, а не къ области ихъ реальнаго движенія и развитія.

Коренная ошибка „психологической“ точки зрѣнія въ наукахъ о соціально-трудовой жизни людей—это ея индивидуализмъ. Вмѣсто того, чтобы экономическаго индивидуума разсматривать и объяснять, какъ результатъ соціальнаго развитія и точку приложенія соціальныхъ силъ, она хочетъ соціальную систему понять, какъ нѣчто производное отъ индивидуума и, притомъ, именно нынѣшняго индивидуума, какимъ мы его находимъ среди капиталистической культуры. Отсюда и глубокая неисторичность этихъ воззрѣній.

Экономическая наука можетъ достигать своей цѣли, т.-е. познавательно овладѣвать своимъ предметомъ, только какъ наука историческая, объективная и соціальная по самому своему методу.

III. СИСТЕМА ИЗЛОЖЕНІЯ.

Изъ всего изложеннаго съ несомнѣнностью вытекаетъ, что самый простой и цѣлесообразный способъ изложенія нашей науки—это послѣдовательно-историческій. Дѣйствительно познать какую бы то ни было экономическую форму возможно только выяснивши ея происхожденіе и тѣ соціальныя условія, въ которыхъ она развивалась. Въ цѣлостномъ изложеніи всего трудового развитія человѣчества, какъ одного непрерывнаго процесса, отъ перехода человѣка изъ зоологическаго состоянія въ соціальное до тѣхъ экономическихъ формацій будущаго, которыя уже теперь предусматриваются съ достовѣрностью,—въ такой системѣ всякая экономическая форма выступитъ въ наиболѣе вѣрной перспективѣ, и ея связь съ другими выяснится всего легче и короче.

Вотъ почему здѣсь, во введеніи, мы ограничиваемся характеристикой задачъ и методовъ нашей науки, не занимаясь, вопреки традиціи, анализомъ экономическихъ „категорій“, т.-е. общихъ понятій, съ которыми оперируетъ современное экономическое изслѣдованіе. Всѣ эти категоріи, какъ, напр., „обмѣнъ“, „стоимость“, „капиталъ“ и т. под., лучше всего анализировать именно по мѣрѣ ихъ историческаго возникновенія, отъ ихъ простѣйшаго, зародышеваго состоянія, до послѣднихъ

извѣстныхъ намъ стадій ихъ развитія. Это избавитъ насъ отъ обычной ошибки экономистовъ и соціологовъ—перенесенія современныхъ концепцій на такіе общественные комплексы, которымъ онѣ совершенно не соотвѣтствуютъ, въ родѣ представленія о палкѣ и камнѣ, какъ о „капиталѣ“ первобытнаго человѣка.

Для удобства изложенія намъ придется подраздѣлить процессъ экономическаго развитія на періоды, характеризующіеся различнымъ строеніемъ общественной организаціи. Основныхъ типовъ строенія можно намѣтить три.

1. Дробное натуральное хозяйство

Человѣчество распадается на самостоятельные производственные коллективы, организованные, тѣсно сплоченные, вначалѣ мелкіе, потомъ все болѣе крупные. Каждый изъ такихъ коллективовъ—трудовыхъ общинъ—удовлетворяетъ свои потребности продуктами собственнаго труда, не прибѣгая къ обмѣну продуктовъ съ другими общинами, или пользуясь обмѣномъ въ сравнительно ничтожныхъ размѣрахъ.

Въ этомъ періодѣ мы будемъ различать три эпохи, изъ которыхъ каждая представляетъ крупныя и важныя особенности въ соціально-трудовыхъ отношеніяхъ:

a) Первобытный родовой коммунизмъ. Мелкія родовыя группы съ почти отсутствующимъ раздѣленіемъ труда.

b) Авторитарная родовая община. Размѣры группы возрастаютъ, имѣются зачатки спеціализаціи, функція организаторская обособилась внутри общины въ видѣ власти старѣйшаго и опытнѣйшаго.

c) Феодализмъ. Дальнѣйшій ростъ организаціи, при которомъ кровныя связи отступаютъ на второй планъ передъ связями собственно экономическими. Спеціализація идетъ дальше, захватываетъ также организаторскую функцію, такъ что создается болѣе или менѣе сложная и дифференцированная система власти—подчиненія.

Далѣе слѣдуетъ второй періодъ:

2. Мѣновое хозяйство.

Обширныя человѣческія общества распадаются на формально самостоятельныя хозяйства, которыя лишь въ относительно малой или ничтожной степени удовлетворяютъ свои потребности собственными продуктами, въ наибольшей же части—продуктами другихъ хозяйствъ, именно при посредствѣ обмѣна.

Развивается частная собственность (индивидуальное присвоеніе). Тутъ надо прежде всего выдѣлить:

a) Формы переходныя, которыя, собственно, относятся настолько же къ этому періоду, какъ и къ предыдущему—рабство, крѣпостное право. Въ нихъ натурально-хозяйственные элементы сохраняются еще въ значительной мѣрѣ, а растущее вліяніе обмѣна выражается въ интенсивной непосредственной (въ формѣ порабощенія) эксплуатаціи группами господствующими группъ, имъ подчиненныхъ.

Далѣе, формы болѣе типичныя:

b) Мелко-буржуазный строй—ремесленный, свободно-крестьянскій. Самостоятельные мелкіе производители связываются при посредствѣ рынка. Эксплуатація прямая почти отсутствуетъ, косвенная (въ формѣ покупки рабочей силы) находится въ зародышѣ.

c) Домашне-капиталистическая система. Мелкіе производители группируются вокругъ связывающаго ихъ и эксплуатирующаго торговаго капитала. Покупка рабочей силы капиталомъ маскируется формой скупки продуктовъ по внѣшности еще самостоятельныхъ производителей, а затѣмъ формой раздачи работы на домъ. Производство технически еще раздроблено.

d) Промышленный капитализмъ типа мануфактуры. Производство технически объединяется въ мануфактурѣ, но остается ручнымъ. Техническая спеціализація развивается до крайнихъ предѣловъ. Эксплуатація путемъ покупки рабочей силы выступаетъ во вполнѣ сложившемся, чистомъ видѣ.

e) Машинный капитализмъ. Дальнѣйшая концентрація производства въ крупно-капиталистическихъ предпріятіяхъ. Замѣщеніе спеціализированной ручной техники—машинною. Развитіе анархіи производства до наибольшей степени и выраженіе этого развитія—кризисы производства. Интенсивная классовая борьба, зарожденіе въ ней новаго трудового коллектива въ видѣ пролетарскихъ организацій.

Наконецъ, послѣдній періодъ, о какомъ можетъ говорить современная экономическая наука, — строй, намѣчающійся въ тенденціяхъ нынѣшняго общества, но еще не реализованный:

3. Объединенное натуральное хозяйство (коллективизмъ).

Организованная въ цѣломъ система производства. Устраненіе обмѣна и частной собственности; коллективная собственность на средства труда; прекращеніе классовой борьбы. Трудовое сплоченіе всего человѣчества и неограниченное возрастаніе его власти надъ природой.

Все наше разграниченіе, конечно, условно. Въ непрерывности соціальнаго развитія нѣтъ рѣзко обособленныхъ этаповъ. Чистыхъ экономическихъ формъ того или иного типа не существуетъ: это—познавательныя абстракціи. Но преобладаніе въ однѣ эпохи однѣхъ, въ другія—другихъ тенденцій выступаетъ на практикѣ съ достаточной ясностью и позволяетъ раздѣлить матеріалъ такъ, какъ это всего удобнѣе для его изслѣдованія и изученія.

I. ПЕРВОБЫТНЫЙ РОДОВОЙ КОММУНИЗМЪ.

Прямыхъ данныхъ объ экономическихъ отношеніяхъ собственно первобытнаго человѣка нѣтъ, да и быть не можетъ. Единственное, что могло сохраниться непосредственно отъ него, это кости скелета, открываемыя въ древнихъ геологическихъ отложеніяхъ. Отъ формы костей возможны нѣкоторыя обратныя заключенія къ формамъ борьбы первобытнаго человѣка за свое существованіе.

Наблюденія надъ высшими обезьянами, наиболѣе близко стоящими къ человѣку, тоже даютъ нѣкоторую возможность представить себѣ жизнь докультурнаго человѣка. Но здѣсь необходимо соблюдать величайшую осторожность. Современныя четверорукія, возможно, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ тѣхъ предшественниковъ первобытныхъ людей, которые жили среди первобытной природы.

Жизнь современныхъ дикарей даетъ цѣнный матеріалъ для того, чтобы косвенно установить основныя черты экономическихъ отношеній первобытнаго человѣка.

Знакомясь съ примитивными орудіями и техническими пріемами современныхъ дикарей, изслѣдователь можетъ до извѣстной степени представить себѣ жизнь человѣка въ предшествующія эпохи развитія, когда техника стояла еще ниже. Онъ сопоставляетъ современныя орудія дикарей съ орудіями, открываемыми при раскопкахъ; анализируетъ слѣды доисторическихъ общественныхъ отношеній, сохраняющіеся въ обычаяхъ, религіозныхъ представленіяхъ, культѣ, сказаніяхъ, строеніи рѣчи, корняхъ словъ и т. д. у культурныхъ народовъ, сравниваетъ результаты анализа съ соотвѣтствующими явленіями у дикарей и приходитъ такимъ образомъ къ тому, что устанавливаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые этапы развитія, общіе для всего человѣчества.

Однако, и при использованіи этого матеріала приходится соблюдать нѣкоторыя предосторожности.

Во-первыхъ, всѣ дикари, о которыхъ сообщаютъ намъ путешественники, стоятъ уже на довольно высокой ступени развитія. У всѣхъ ихъ техника оставила далеко позади ступень первичныхъ орудій,

каковыми были, по всей вѣроятности, палка и камень; всѣ они ко времени открытія ихъ европейцами уже примѣняли такія сложныя орудія, какъ копье, лукъ или бумерангъ, и, повидимому, почти всѣ были знакомы если не съ добываніемъ огня, то съ его примѣненіемъ. Наконецъ, въ связи съ развитіемъ техники, у всѣхъ этихъ дикарей достигъ уже сравнительно высокой выработанности членораздѣльный языкъ. Такимъ образомъ, наблюденія надъ ними даютъ въ первую очередь матеріалъ для заключеній объ отношеніяхъ человѣка, уже вышедшаго изъ докультурной эпохи, и лишь косвенно матеріалъ для возсозданія жизни первобытнаго человѣка.

Во-вторыхъ, то, что путешественники обычно называютъ дикими племенами, не представляетъ чего-то однороднаго. Считаясь съ этимъ, изслѣдователи стараются классифицировать ихъ, но при этомъ въ основу группировки обыкновенно кладутъ какой-нибудь внѣшній, чисто случайный признакъ, напр., способъ добыванія пищи, понимаемый въ самомъ грубомъ, упрощенномъ смыслѣ: низшіе охотники, высшіе охотники, кочевники, низшіе земледѣльцы (Гроссе). Получивъ такія внѣшне-однородныя группы, изслѣдователь уже не замѣчаетъ, что, напр., степень развитія обмѣна обусловливаетъ внутри каждой группы иногда болѣе значительныя различія въ „формахъ хозяйства“, чѣмъ между племенами двухъ сосѣднихъ группъ.

Въ-третьихъ, научныя наблюденія надъ дикарями начинаются сравнительно поздно. Только развитой капиталистическій способъ производства, характеризующійся нескончаемыми переворотами во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, создаетъ необходимыя предпосылки для такого рода наблюденій. Старинымъ путешественникамъ, впервые встрѣчавшимся съ дикарями, чужда была мысль, что въ жизни и обычаяхъ дикарей они могутъ открыть элементы доисторическаго быта цивилизованныхъ народовъ. Для ихъ статическаго мышленія, чуждаго идеѣ развитія, дикари отдѣлялись отъ цивилизованныхъ народовъ непереходимой пропастью. Наблюдательность по отношенію къ дикарямъ могла изощриться лишь послѣ того, какъ ее изощрили бурныя измѣненія въ обществахъ самихъ путешественниковъ.

Въ-четвертыхъ, къ тому времени, когда сложились необходимыя предпосылки для дѣйствительнаго изученія быта дикарей, послѣдніе уже успѣли подвергнуться всевозможнымъ воздѣйствіямъ со стороны европейцевъ. Общія условія жизни дикихъ племенъ кореннымъ образомъ измѣнились. Иногда трудно, почти невозможно рѣшить, представляетъ ли извѣстное явленіе первоначальный элементъ жизни дикаго племени, или же результатъ исключительно новѣйшихъ внѣшнихъ вліяній. Племя, вытѣсненное изъ своихъ прежнихъ обиталищъ и поставленное въ со-

вершенно новую обстановку, быстро деградируетъ· техника падаетъ, общественныя связи разлагаются, и лишь сравнительно развитой языкъ нѣкоторое время напоминаетъ о томъ, что позади лежитъ эпоха болѣе тѣсныхъ и широкихъ общественныхъ отношеній. По всей вѣроятности, именно такъ объясняются, напр., факты, лежащіе въ основѣ конструированнаго Бюхеромъ „индивидуальнаго исканія пищи", какъ первичной ступени хозяйства.

Наблюденіе фактовъ неразрывно связано съ ихъ истолкованіемъ. Путешественниками, впервые обратившимися къ изученію жизни дикарей, были, по большей части, миссіонеры. На ихъ сообщеніяхъ отразилось міросозерцаніе ихъ профессіи: вѣра въ происхожденіе всего человѣчества отъ одной супружеской пары, въ существованіе единой, откровенной религіи, общіе корни которой забыты народами послѣ внезапнаго ихъ расхожденія, въ генетическое единство всѣхъ сходныхъ отношеній, обычаевъ и сказаній у различныхъ народовъ. Поэтому необходима научная критика первоисточниковъ для того, чтобы извлечь изъ нихъ дѣйствительно цѣнный матеріалъ.

Однако, даже послѣ того, какъ теологическое мышленіе было оттѣснено свѣтскимъ, естественно-научнымъ, и случайный наблюдатель-миссіонеръ смѣнился спеціально подготовленнымъ изслѣдователемъ, это еще не гарантировало научной точности сообщеній. Выросшіе въ отношеніяхъ буржуазнаго общества, путешественники въ теченіе долгаго времени не могли отрѣшиться отъ нихъ при истолкованіи неизвѣстныхъ, совершенно чуждыхъ отношеній. По мѣрѣ того, какъ въ нѣдрахъ буржуазнаго общества разгорается борьба противъ него, непреднамѣренныя искаженія, вытекающія изъ неспособности понять жизнь докапиталистическаго человѣка, усиливаются искаженіями иного рода, вытекающими изъ нежеланія понять ее. Частью безсознательно, а частью и совершенно сознательно наблюденія путешественниковъ и ихъ теоретическая разработка направляется не столько потребностями познанія, сколько полемическими задачами. Напримѣръ, древнее Перу, — своеобразное феодальное государство, построенное на базисѣ марки, похожей на древне-германскую,—изображается, какъ коммунистическое государство, служитъ для запугиванія ужасами, къ которымъ повело бы осуществленіе „соціалъ-демократическихъ теорій". Зачатки современной собственности, отношенія господства и подчиненія, индивидуальный бракъ и семья, главенство отца открываются на такихъ ступеняхъ культуры, гдѣ ихъ появленіе, какъ ничѣмъ не обусловленное, представляло бы настоящее чудо; для объясненія послѣдняго выдвигается новое чудо: неизмѣнность и неизмѣняемость природы человѣка, полная независимость ея отъ измѣняющихся условій существованія.

Колоніальная политика дала мощный толчокъ изслѣдованіямъ, но она же напередъ опредѣлила ихъ результаты. Путешественники ставятъ своей задачей доказать, что высшей культурѣ принадлежитъ право на опеку надъ низшей, т.-е. на варварскую эксплуатацію дикарей, на ихъ подчиненіе жестокой дисциплинѣ принудительнаго труда. Піонеры капиталистической культуры почти въ одинъ голосъ заявляютъ о вопіющей лѣности дикарей и закрываютъ глаза на тотъ фактъ, что они затрачиваютъ огромное количество трудовой энергіи, обнаруживаютъ поразительную выдержку и настойчивость въ привычныхъ для нихъ сферахъ дѣятельности: охотѣ и художественной промышленности, кузнечномъ дѣлѣ и производствѣ оружія. Путешественники перестаютъ замѣчать, что всякая народность затрачиваетъ такое количество труда, какое она можетъ и должна затрачивать при данной жизненной обстановкѣ.

Несмотря на всѣ эти затрудненія, основные этапы въ развитіи человѣчества можно признать болѣе или менѣе установленными. Остается много пробѣловъ, многое недостаточно выяснено. Но зато опредѣлилось основное направленіе, въ которомъ надо искать объясненій. Современной наукѣ удается установить преемственную связь между отдѣльными этапами, какъ послѣдовательными ступенями развитія, представить исторію человѣчества, какъ непрерывный процессъ.

1. Техника первобытнаго человѣчества.

Непосредственный предшественникъ первобытнаго человѣка ничѣмъ не выдѣлялся изъ остального животнаго міра. Это было четвероногое (или, вѣрнѣе, четверорукое), примѣнявшее въ борьбѣ съ природой только такія же средства, какъ и другія родственныя ему животныя. Исходъ борьбы опредѣлялся крѣпостью мышцъ, остротой и силой зубовъ и когтей, вѣрностью глаза, тонкостью слуха, быстротой бѣга и лазанья. Это существо не дѣлало орудій и вмѣстѣ съ тѣмъ не обладало такими зачатками человѣческой рѣчи и способностями создавать понятія, которыя качественно возвышали бы его надъ животнымъ міромъ. Оно не было еще человѣкомъ.

Превращеніе его въ человѣка неразрывно связано съ началомъ примѣненія орудій. Послѣднее не слѣдуетъ представлять себѣ, какъ изобрѣтеніе, т.-е. какъ результатъ взвѣшиванія и обдумыванія, сознательно направленныхъ къ опредѣленной цѣли. Не было оно и открытіемъ, т.-е. комбинаціей, на которую предокъ человѣка натолкнулся случайно, но которой вслѣдъ затѣмъ онъ сознательно далъ цѣлесообразное примѣненіе. Для такихъ изобрѣтеній и открытій не было необхо-

димыхъ предпосылокъ: не было мышленія, которое формулируетъ въ понятіяхъ связь вещей и законы ихъ измѣненій и позволяетъ сознательно примѣнять опредѣленныя средства для достиженія опредѣленныхъ цѣлей.

Примѣненіе орудій не возникло, какъ внезапное изобрѣтеніе или открытіе, а развилось, какъ медленный процессъ измѣненій, охватывающій многія тысячелѣтія, быть можетъ, цѣлые геологическіе періоды. Измѣненія совершались, не доходя до сознанія первобытнаго существа, какъ измѣненія, повышающія приспособленность зоологическихъ видовъ, не доходятъ до сознанія особей.

Первичныя орудія представляли какъ бы простое внѣшнее восполненіе, усиленіе или удлиненіе естественныхъ органовъ. Камень, которымъ раскалывается твердая оболочка плода, — это тотъ же кулакъ, только болѣе крѣпкій. Палка, которой сбивается высоко висящій плодъ, — это та же рука, только искусственно удлиненная и въ связи съ этимъ усиленная. Предокъ человѣка на первыхъ ступеняхъ развитія примѣняетъ палку и камень отъ случая къ случаю, беретъ ихъ такъ, какъ они попадаются ему, не подвергаетъ обработкѣ, не носитъ постоянно съ собою. Только въ длинномъ процессѣ борьбы съ природой примѣненіе орудій, какъ выгодное измѣненіе, закрѣпилось и пріобрѣло регулярный характеръ.

Какъ ни просты были первоначальныя орудія, они, тѣмъ не менѣе, оказали колоссальное дѣйствіе. По мѣрѣ примѣненія первичныхъ орудій рука все болѣе развивается въ исключительно хватательный органъ. Развиваясь въ этомъ направленіи, она становится не органомъ для какой-либо одной опредѣленной трудовой операціи, какъ у остальныхъ животныхъ, а универсальнымъ органомъ, который, оперируя орудіями, замѣщаетъ другіе органы животнаго міра. Но такимъ развитіемъ функцій руки предполагается вертикальное положеніе туловища. Слѣдовательно, съ прогрессомъ примѣненія орудій, съ развитіемъ въ существо, дѣлающее орудія, человѣкъ превращался изъ четвероногаго въ двуногое животное, превращался въ собственно человѣка.

У другихъ животныхъ орудіями труда являются органы ихъ тѣла. Процессъ отбора совершается посредствомъ измѣненія и дифференціаціи этихъ органовъ. У человѣка приспособленіе къ измѣняющимся условіямъ существованія совершается въ первую очередь посредствомъ развивающагося примѣненія и дифференціаціи орудій труда. Поэтому, начиная съ той отдаленной эпохи, когда въ Европѣ открываются первые несомнѣнные слѣды человѣка, съ дилювіальнаго періода, отдѣленнаго отъ насъ многими десятками тысячелѣтій, и до настоящаго времени—тѣло человѣка претерпѣло, за исключеніемъ нервныхъ центровъ,

лишь незначительныя измѣненія. Да и эти измѣненія носятъ вторичный, производный характеръ. Они обусловливаются процессомъ измѣненія орудій труда. Слѣдовательно, съ самаго возникновенія человѣка основнымъ фактомъ его исторіи становится развитіе производственной техники.

На первыхъ ступеняхъ примѣненіе орудій развивалось крайне медленно. Человѣкъ лишь въ процессѣ борьбы съ природой все болѣе превращался въ существо, дѣлающее орудія.

Въ длинномъ ряду тысячелѣтій, подъ давленіемъ суровой, зоологической борьбы за существованіе, изъ простыхъ орудій развились сложныя. Соединеніе камня и палки посредствомъ растительныхъ волоконъ дало молотъ, который, благодаря измѣненіямъ формы камня, дифференцировался въ каменный молотъ, кирку, топоръ и копье съ наконечникомъ изъ остраго камня или рыбьей кости. Раковины и осколки твердыхъ камней послужили первоначальной формой ножа. Дальнѣйшее развитіе орудій выразилось въ ихъ дифференціаціи, въ зависимости отъ особенныхъ назначеній, и въ усовершенствованіи ихъ обработки. Скрѣпленіе камня и палки растительными волокнами не исчезло, но въ извѣстныхъ случаяхъ оно замѣнилось насаживаніемъ продолбленнаго камня на деревянную рукоять. Случайно найденные камни замѣняются камнями, обработанными посредствомъ отбиванія и шлифовки. Все это предполагаетъ уже очень высокую ступень развитія человѣка, т.-е. достаточно широкую пропасть между нимъ и остальнымъ животнымъ міромъ.

О жилищѣ собственно первобытнаго человѣка едва ли приходится говорить. Временнаго пріюта онъ искалъ въ случайно попавшейся пещерѣ, въ дуплѣ или на густыхъ вѣтвяхъ дерева. Въ тропическихъ странахъ, вѣроятно, очень рано появляется сплетенный изъ вѣтвей зонтъ для защиты отъ жгучаго солнца. Изъ него впослѣдствіи развился шатеръ въ различныхъ его формахъ, служившій сначала, быть можетъ, для защиты огня. Переносныя и постоянныя жилища постепенно возникли въ позднѣйшій періодъ, одновременно со скотоводствомъ и земледѣліемъ. Одежда тоже представляетъ позднѣйшій продуктъ развитія.

Примѣненіе огня относится къ очень раннимъ ступенямъ культуры. Насколько возможно прослѣдить въ настоящее время его исторію, его первоначальнымъ источникомъ послужила молнія или лава, выброшенная изверженіемъ вулкана. Огонь не добывается, а берется и переносится. Первобытный человѣкъ переноситъ его съ собой во всѣхъ своихъ странствованіяхъ. Поддержаніе огня рано становится одной изъ главныхъ заботъ первобытнаго человѣка. Сначала огонь служитъ исключительно для отпугиванія дикихъ звѣрей. Для приготовленія пищи онъ

примѣняется лишь впослѣдствіи. Еще позже,—по всей вѣроятности, лишь на довольно высокой ступени развитія земледѣлія,—развивается добываніе огня треніемъ деревяшки о деревяшку или посредствомъ высѣканія искръ изъ кремня. Но и здѣсь огонь добывается лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ. Какъ общее правило, онъ просто поддерживается или заимствуется у сосѣдей.

Трудъ первобытнаго человѣка почти исключительно затрачивался непосредственно на добываніе пищи и на борьбу противъ дикихъ звѣрей. Сначала человѣкъ не былъ охотникомъ въ точномъ значеніи этого слова. Растительныя вещества составляли очень важный, иногда преобладающій элементъ его пищи. Вооруженный примитивными орудіями, онъ настолько же охотился за животными, сколько и крупные хищные звѣри за нимъ; животную пищу онъ болѣе отыскивалъ и собиралъ, чѣмъ добывалъ посредствомъ охоты. Земледѣльцемъ первобытный человѣкъ во всякомъ случаѣ не былъ; онъ просто отыскивалъ и бралъ плоды, коренья и другія питательныя части дико растущихъ растеній.

Мясо млекопитающихъ, рыба, моллюски и т. д., оставшіеся на берегу послѣ морского прилива или рѣчныхъ разливовъ, клубни, стебли и сѣмена растеній—поглощались первобытнымъ человѣкомъ въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ находилъ. Организмъ усваивалъ сравнительно небольшую часть съѣденной пищи. Поэтому ея требовалось много больше, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ, когда ея усвояемость повышается разнообразными подготовительными операціями: размоломъ, печеніемъ, варкой.

Потребность въ пищѣ была основнымъ стимуломъ хозяйственной дѣятельности первобытнаго человѣка. Почти вся его дѣятельность сводилась непосредственно къ добыванію пищи. Побуждаемый голодомъ, человѣкъ отправлялся на поиски и продолжалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не являлась возможность утолить голодъ. Его трудовая энергія къ тому времени обыкновенно исчерпывалась до конца. Наполнивъ желудокъ большимъ количествомъ малопитательной и неудобоваримой пищи, человѣкъ погружался въ сонъ, такъ какъ процессъ пищеваренія требовалъ новой огромной затраты силъ организма. Когда организмъ справлялся съ трудной работой, голодъ опять побуждалъ человѣка къ возобновленію поисковъ.

Первобытный человѣкъ не дѣлалъ запасовъ. При бродячей жизни сохраненіе пищевыхъ средствъ было бы вообще затруднительно. Сохраненіе мяса млекопитающихъ было невозможно. Крупныя млекопитающія лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ дѣлались добычей первобытнаго человѣка. При низкой производительности труда, избытки не могли имѣть мѣста. Группа немедленно уничтожала все, что она добывала во время своихъ поисковъ.

Такимъ образомъ, затрата всей трудовой энергіи первобытнаго человѣка была едва лишь достаточна для его пропитанія. Весь его трудъ представлялъ необходимый трудъ, т.-е. трудъ, безусловно необходимый для его существованія. Вся энергія, которую человѣкъ усваивалъ въ процессѣ питанія, цѣликомъ затрачивалась на добываніе пищи Вся пища, которую онъ добывалъ, шла на возстановленіе энергіи, затраченной въ процессѣ труда. Прибавочнаго труда нѣтъ, прибавочный продуктъ отсутствуетъ.

Власть природы надъ первобытнымъ человѣкомъ была безгранична. Только съ развитіемъ орудій труда онъ шагъ за шагомъ высвобождался изъ-подъ этой полной, непосредственной, зоологической подчиненности природѣ. Только съ прогрессомъ техники, съ возрастаніемъ производительности общественнаго труда создавалась особая среда, которую человѣкъ противопоставлялъ стихійнымъ силамъ природы. И только съ развитіемъ этой среды развивался и умъ человѣка.

2. Строеніе первобытной группы.

Лѣтъ 10 тому назадъ Бюхеръ выдвинулъ теорію „индивидуальнаго исканія пищи“, какъ первоначальной формы хозяйства, и теорію полнаго отсутствія общественныхъ связей, какъ исходной формы существованія первобытнаго человѣка.

Выше уже сказано о недостаточности и сомнительности наблюденій, лежащихъ въ основѣ этой теоріи. Еще болѣе подозрительной покажется она, если мы обратимся къ первоисточнику Бюхера, къ книгѣ Липперта, у котораго Бюхеръ взялъ и самый терминъ, и главные факты.

Липпертъ, быть можетъ безсознательно для него, преслѣдуетъ полемическія задачи. Ему глубоко антипатично представленіе о первобытномъ родовомъ коммунизмѣ. Но, борясь противъ него, онъ впадаетъ въ цѣлый рядъ противорѣчій. То онъ заявляетъ, что „общественная жизнь“ является необходимой предпосылкой всякой культуры, а потомъ утверждаетъ, что уже дообщественный человѣкъ стоялъ на довольно высокой ступени культуры. То рѣшительно отрицаетъ всякія общественныя связи у первобытнаго человѣка; то ограничиваетъ это отрицаніе, говоря лишь объ отсутствіи общественнаго союза, основаннаго „на признаніи правъ собственности“.

Послѣднее обстоятельство въ особенности важно. Конструированіе „индивидуальнаго исканія пищи“ неразрывно связано со стремленіемъ доказать, что человѣческая культура начинается лишь съ появленія собственности или урегулированнаго владѣнія, напоминающихъ соотвѣтствующія отношенія буржуазнаго общества. Такъ разсуждаетъ Липпертъ.

А вслѣдъ за нимъ и Бюхеръ утверждаетъ, что „хозяйство всегда предполагаетъ обусловленное наличностью имущества человѣческое общеніе, накопленіе имущества“. Но вѣдь противники Липперта-Бюхера всегда говорили, что общество, построенное на отношеніяхъ собственности, представляетъ очень поздній продуктъ развитія, и что базисомъ хозяйства въ теченіе длиннаго ряда тысячелѣтій было не „накопленіе имущества“, а нѣчто совершенно иное.

Отрицая общественность первобытнаго человѣка въ однихъ мѣстахъ своей книги, Липпертъ, первоисточникъ Бюхера, въ другихъ мѣстахъ уничтожаетъ свое отрицаніе. Онъ признаетъ, что первобытные люди соединялись въ мелкія обособленныя группы. Онъ допускаетъ возможность, что различныя группы соединялись для совмѣстной охоты и совмѣстной защиты отъ хищныхъ звѣрей. Болѣе того: группа, образовавшаяся вокругъ матери и связанная не только сосѣдствомъ, но и совмѣстностью труда, и для Липперта является первичной формой общества, развившейся уже у первобытнаго человѣка. И для Липперта кровная общность, родъ, служитъ той основой, на которой развивается трудовая сплоченность.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что популярная одно время теорія Липперта-Бюхера не въ состояніи поколебать воззрѣній, прочно установившихся въ современной наукѣ: человѣкъ выступаетъ съ самаго начала, какъ общественное животное; общность крови послужила первоначальной основой общественныхъ отношеній и—прежде всего—общественныхъ отношеній труда.

У первобытнаго человѣка, какъ у современныхъ дикарей, кормленіе грудью продолжалось, вѣроятно, до очень поздняго возраста, зрѣлость же наступала сравнительно рано. За тотъ короткій промежутокъ времени, который отдѣлялъ эти два періода,—тотъ, когда дочь нуждалась въ помощи матери, и тотъ, когда она сама становилась матерью,—связь между двумя поколѣніями еще не успѣвала порваться. Такимъ образомъ, родъ, охватывавшій представителей нѣсколькихъ поколѣній единоутробныхъ родственниковъ, становился возможнымъ.

Новое поколѣніе еще въ томъ возрастѣ, когда оно нуждалось въ защитѣ взрослыхъ и, быть можетъ, даже въ кормленіи грудью, начинало принимать участіе въ поискахъ пищи. Оно усваивало отъ взрослыхъ ихъ опытъ, который помогалъ при ловлѣ добычи, при отысканіи болѣе обильныхъ мѣстонахожденій пищи. Изолированный, первобытный человѣкъ быстро палъ бы жертвой случайностей, неразрывно связанныхъ съ примитивными методами трудовой дѣятельности и съ неразвитостью орудій труда. Трудовая сплоченность первобытной группы уменьшала этотъ элементъ случайности; если одни члены группы въ те-

ченіи нѣсколькихъ дней не нашли ничего, то другіе, напавшіе на богатую добычу, спасаютъ отъ неизбѣжной смерти всю группу. Облавы на сравнительно крупныхъ животныхъ, по самому своему существу, возможны только для группы. Защита отъ хищныхъ звѣрей тоже можетъ быть организована только группой. По всѣмъ этимъ причинамъ родовая сплоченность была не только возможна, но и необходима.

Совмѣстная борьба за жизнь упрочивала тѣ связи, которыя возникали, благодаря общности крови. Размѣры группъ и степень ихъ сплоченности были различны въ зависимости отъ естественныхъ условій обитаемой мѣстности. Чѣмъ богаче природа, т.-е. чѣмъ легче добываніе пищи, тѣмъ обширнѣе группа, которая можетъ жить на сравнительно небольшой территоріи, но тѣмъ больше и опасности, которыя угрожаютъ ей отъ стихійныхъ явленій и отъ дикихъ звѣрей. Здѣсь выживаютъ въ борьбѣ за существованіе только тѣ группы, которыя болѣе обширны и болѣе тѣсно сплочены въ своихъ трудовыхъ отношеніяхъ.

Размѣры группъ уменьшаются, связи между членами ихъ пріобрѣтаютъ менѣе прочный и постоянный характеръ, когда группы вытѣсняются въ такія области, гдѣ природа не принуждаетъ къ сплоченію: внѣшнія опасности почти отсутствуютъ; для добыванія пищи, напр., для собиранія моллюсковъ и рыбы, выброшенныхъ приливами, или кореньевъ и низшихъ сухопутныхъ животныхъ, не требуется объединенія труда. Но у такихъ слабыхъ и легко распадающихся бродячихъ группъ культура не развивается; онѣ погибаютъ при встрѣчѣ съ группами, развившими сильную сплоченность въ суровой школѣ борьбы.

Раздѣленіе труда, хотя бы въ зародышевой формѣ, отсутствовало въ первобытной родовой группѣ. Не намѣчалось еще и раздѣленіе труда между полами. Въ тѣхъ трудовыхъ операціяхъ, которыми поддерживалось существованіе рода, у мужчины не было никакихъ преимуществъ передъ женщиной. Такими примитивными орудіями, какъ палка и камень, одинаково хорошо владѣли мужчина и женщина.

При полномъ отсутствіи раздѣленія труда, въ первобытномъ родѣ не было отношеній господства и подчиненія. Поэтому первобытный родъ не былъ въ точномъ смыслѣ слова не только патріархальнымъ, но даже и матріархальнымъ, такъ какъ въ немъ не было почвы для отношеній властвованія, для обособленія организаторовъ отъ организуемыхъ. Всѣ различія, существовавшія между членами первобытнаго рода, сводились къ естественнымъ различіямъ возраста: къ различіямъ между тѣми, кто еще нуждался въ попеченіяхъ взрослыхъ и не могъ принимать участія въ ихъ трудѣ, и тѣми, кто уже достигъ полной работоспособности. Но и этотъ періодъ безпомощности и подзащитности охватывалъ

несравненно меньшее число лѣтъ, чѣмъ у современнаго культурнаго человѣка.

Распредѣлительныя отношенія носили самый простой характеръ, являлись выраженіемъ того факта, что, при низкомъ развитіи производительности труда, отдѣльная личность поглощалась родомъ, могла существовать только съ родомъ и въ родѣ. Даже дикари, стоящіе на болѣе высокой ступени культуры, найдя добычу, криками сзываютъ сородичей, и только когда всѣ соберутся, начинается потребленіе. Такимъ образомъ, непосредственно осуществляется полное равенство и въ лишеніяхъ, и въ использованіи удачъ. Только такая сплоченность рода и могла прикрывать его членовъ отъ превратностей первобытной жизни, когда человѣкъ не дѣлалъ запасовъ и съ величайшей медленностью совершенствовалъ орудія труда. Роды съ меньшею сплоченностью были обречены на вымираніе. Человѣкъ, оторвавшійся отъ своего рода, быстро дѣлался жертвой голода или хищныхъ звѣрей.

У первобытнаго рода вообще отсутствуетъ какая бы то ни было собственность, какое бы то ни было имущество, если не считать таковымъ примитивныя орудія труда. Но эти орудія настолько просты, что для отысканія и изготовленія ихъ требуются самыя простыя трудовыя операціи, затрата самаго ничтожнаго количества трудовой энергіи.

Впослѣдствіи орудія усложняются, производство ихъ требуетъ бо́льшаго количества труда, успѣшная борьба за существованіе требуетъ бо́льшаго количества орудій. Но и на этой болѣе высокой ступени развитія не появляется ничего, напоминающаго индивидуальную собственность. Орудія принадлежатъ всему роду; пользуется ими всякій членъ рода, у котораго имѣется въ нихъ нужда.

Но эти тѣсныя, непосредственно коммунистическія связи, охватывавшія первобытныхъ людей, были въ высшей степени узкими связями. Сфера ихъ не простиралась за предѣлы рода, т.-е. группы кровныхъ родственниковъ, ведущихъ совмѣстную борьбу за существованіе. Отдѣлялся отъ стараго рода новый, исчезала совмѣстность борьбы,—и уже въ ближайшемъ поколѣніи одинъ родъ становился чужимъ для другого.

Возможно, что человѣкъ первоначально былъ стаднымъ животнымъ. Небольшія стада людей встрѣчались, временно сливались въ одно стадо, потомъ опять расходились; составъ каждой группы, вѣроятно, отличался большой неустойчивостью.

Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ все болѣе развивается въ человѣка: по мѣрѣ того, какъ совершенствуются орудія, выростаетъ сознаніе, возникаетъ и прогрессируетъ рѣчь,—та самая совмѣстность борьбы, которая сплачиваетъ членовъ одного и того же рода, все болѣе отдѣляетъ его отъ другихъ родовъ. И чѣмъ тѣснѣе внутренняя сплочен-

ность каждаго отдѣльнаго рода, тѣмъ глубже его обособленіе отъ другихъ. Чѣмъ выше развитіе рѣчи, тѣмъ больше даже она раздѣляетъ членовъ различныхъ родовъ. Чужіе роды превращаются во враждебные роды. Между ними развиваются отношенія безпощадной борьбы. Побѣжденные поѣдаются.

Борьба со всѣми сосѣдними группами даетъ лишь новую опору для упроченія коммунистическаго характера всѣхъ отношеній между членами одного и того же рода.

3. Возникновеніе идеологіи.

Переходъ человѣчества отъ зоологическаго состоянія къ производственно-соціальному имѣлъ своимъ результатомъ и своимъ выраженіемъ возникновеніе идеологіи, т.-е. прежде всего рѣчи и мышленія, затѣмъ соціальныхъ нормъ. Первичнымъ идеологическимъ явленіемъ была именно рѣчь, какъ форма общенія людей въ трудовомъ процессѣ.

Согласно взглядамъ современной филологіи, началомъ рѣчи послужили аналогичные позднѣйшей трудовой пѣснѣ коллективные крики, сопровождавшіе совмѣстныя усилія людей въ коллективной работѣ. Трудовая пѣсня нашихъ временъ есть, разумѣется, нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ тѣ элементарные крики, по своей стихійной непосредственности и простотѣ они соотвѣтствовали, скорѣе, напр., пѣнію птицъ. Но и въ нынѣшней трудовой пѣснѣ есть такіе моменты, которые близко напоминаютъ первоначальные трудовые звуки. Такъ, въ нашей національной „Дубинушкѣ“ звукъ „ух-х“, соотвѣтствующій порыву коллективной работы, рѣзко повышающемуся мускульному напряженію трудящихся, какому-нибудь, положимъ, общему толчку, сбрасывающему съ ихъ пути тяжелое препятствіе,—этотъ звукъ является не просто частью слова „ухнемъ“, а непосредственнымъ трудовымъ междометіемъ, которое въ данномъ случаѣ послужило и корнемъ для образованія глагола „ухнуть“. Въ знаменитой французской „Карманьолѣ“ которая по своему происхожденію была просто трудовой пѣсней революціоннаго народа при общественныхъ работахъ, ея припѣвъ „ça ira“ отнюдь не былъ только словеснымъ выраженіемъ надежды на будущее, но также—непосредственнымъ трудовымъ крикомъ коллективнаго усилія. Таковы же были, въ своемъ зарожденіи, „первичные корни“ человѣческой рѣчи, согласно геніальному изслѣдованію Людвига Нуарэ.

Эти звуки, повторяющіеся при работѣ, одинаковые для всѣхъ членовъ одной трудовой группы (неодинаковые вели бы къ нарушенію единства и ритма работы), оказывались естественными, для всѣхъ членовъ группы понятными обозначеніями трудовыхъ актовъ, которые ими

сопровождались. Они развивались и усложнялись, въ зависимости отъ развитія и усложненія самаго производства. Такъ возникли различные языки человѣческихъ народовъ. Другіе же человѣческіе звуки—междометія, не связанные тѣсно съ соціально-трудовымъ процессомъ,—крики боли, радости, печали и т. п.,—не только не могли сыграть такой роли, но и сами оказывались зоологически-консервативны: на памяти исторіи, за цѣлыя тысячелѣтія они замѣтно не измѣнялись. Идеологія была порождена именно производствомъ, его отношеніями и условіями.

Итакъ, первичные корни обозначали коллективныя человѣческія дѣйствія. Ихъ значеніе, какъ организующей формы для трудового процесса, здѣсь вполнѣ очевидно и просто. сначала, подобно рабочей пѣснѣ, они регулируютъ трудъ и воодушевляютъ работниковъ, затѣмъ получаютъ еще смыслъ повелительнаго наклоненія, т.-е. призыва къ труду, и т. д. И во всемъ своемъ дальнѣйшемъ развитіи идеологія по существу остается тѣмъ же, чѣмъ она была въ этихъ своихъ зародышахъ прямо или косвенно—организующей формой коллективной борьбы человѣчества съ природой.

„Понятія“ и вообще мышленіе возникаютъ изъ рѣчи и представляютъ, выражаясь словами Макса Мюллера, не что иное, какъ „рѣчь безъ звука“. Такимъ образомъ, познаніе, слагающееся изъ понятій, въ своей основѣ столь же соціально, какъ и рѣчь, и столь же тѣсно генетически связано съ производственной дѣятельностью.

Если первоначальныя слова и понятія относятся только къ человѣческимъ трудовымъ актамъ, то впослѣдствіи они, путемъ такъ называемой „основной метафоры“, переносятся также на различныя дѣйствія, происходящія во внѣшней природѣ. Это происходитъ безсознательно, стихійно, и приводитъ къ огромному расширенію поля идеологіи, хотя количество ея формъ остается въ данномъ періодѣ все-таки очень незначительнымъ: оно измѣряется немногими десятками, максимумъ—сотнями словъ-понятій.

Итакъ, для первобытнаго мышленія міръ представлялся, какъ нѣкоторая сумма дѣйствій, человѣческихъ и нечеловѣческихъ, стихійныхъ. Идеи „вещей“ сложились позднѣе и, вѣроятно, уже за предѣлами изучаемаго періода (когда изъ общей системы труда выдѣлилось, какъ самостоятельная его отрасль, производство орудій, о чемъ рѣчь будетъ дальше).

Слова (и, слѣдовательно, понятія) весьма рано начали служить для организаціи труда не только прямо—какъ трудовые сигналы, — но и косвенно, какъ способъ передачи и сохраненія въ группѣ накопляющагося трудового опыта Если тотъ или иной производственный процессъ, усложняясь, разбивается на рядъ отдѣльныхъ дѣйствій, для ко-

торыхъ возникаютъ особыя обозначенія, то рядъ этихъ словъ, взятыхъ въ той же самой послѣдовательности, въ которой идутъ соотвѣтственныя дѣйствія, образуетъ техническое правило, запомнивъ которое, люди имъ руководятся при всѣхъ дальнѣйшихъ повтореніяхъ даннаго производственнаго процесса; оно является какъ бы его словеснымъ отпечаткомъ. И въ то же время „техническое правило“ есть первичный зародышъ и простѣйшій элементъ всякаго научнаго познанія.

Благодаря „основной метафорѣ,“ техническое правило можетъ затѣмъ стать совершеннѣе и точнѣе, такъ какъ въ немъ находитъ себѣ мѣсто указаніе на порядокъ не только дѣйствій самихъ работниковъ, но и сплетающихся съ этими дѣйствіями измѣненій во внѣшней природѣ, въ матеріалѣ труда и т. п. Напр., если на какое-нибудь животное всего цѣлесообразнѣе охотиться раннимъ утромъ, то все это могло быть выражено сочетаніемъ трехъ словъ, изъ которыхъ первое обозначало, положимъ, солнечный восходъ, вторымъ выражалось типичное и характерное для животнаго дѣйствіе (изъ чего впослѣдствіи развились названія животныхъ), а третье соотвѣтствовало понятію охоты, ловли или убійства.—Точно такъ же благодаря основной метафорѣ, стало возможно описаніе внѣшнихъ явленій, напр., привычекъ того же самаго животнаго, или смѣнъ въ состояніи погоды, и т. д.

Къ „техническимъ правиламъ“ принадлежали первоначально и формулы „обычаевъ“, т.-е. установившихся жизненныхъ отношеній между членами родовой группы, прежде всего, конечно, отношеній сотрудничества и распредѣленія: распорядокъ и связь дѣйствій отдѣльныхъ лицъ въ общемъ трудѣ, способъ дѣлежа добычи и т. п. Тутъ, опять-таки, технически и экономически организующая функція идеологіи выступаетъ съ полной очевидностью.

Таковы основныя формы первобытной идеологіи, взятыя въ ихъ генезисѣ. Мы видимъ, что по существу своему она была соціально-экономическимъ фактомъ. Этотъ характеръ она сохранила и въ дальнѣйшемъ,—онъ, какъ увидимъ, былъ только затемненъ и замаскированъ ея сложнымъ развитіемъ въ послѣдующіе періоды жизни человѣчества.

Было бы ошибочно представлять себѣ первобытную идеологію, какъ нѣкоторую систему въ современномъ значеніи этого слова. Еще не вполнѣ обособившись отъ породившаго ее производственнаго процесса, она развивалась только въ непосредственной зависимости отъ него и не могла формально складываться въ сколько-нибудь самостоятельное формальное цѣлое. Ни о какомъ „міровоззрѣніи“ первобытнаго человѣка, строго говоря, не можетъ быть рѣчи: его „идеологія“ не соотвѣтствуетъ этому понятію.

отдѣльныхъ родовъ. Если по извѣстнымъ причинамъ,—какимъ именно, увидимъ впослѣдствіи,—часть членовъ рода освобождается отъ производительнаго труда, то средства существованія доставляются ей трудомъ остальныхъ членовъ рода. Ихъ рабочее время распадается на необходимое время,—то, въ теченіе котораго производятся средства ихъ собственнаго существованія,—и прибавочное время,—то, въ теченіе котораго производятся средства существованія неработающихъ членовъ рода.

3. Раздѣленіе труда въ родовой общинѣ.

Ростъ производительности труда сопровождается крупными перемѣнами въ производственныхъ отношеніяхъ рода

Первобытная группа характеризуется однородностью трудовыхъ опе рацій, одинаковой ролью всѣхъ членовъ рода въ процессѣ примитивнаго производства. Различіями возраста опредѣляются количественныя различія въ затратахъ трудовой энергіи. Но качественно, по своему направленію, эти затраты однородны. Всѣ члены рода въ мѣру своихъ силъ принимаютъ одинаковое участіе въ отысканіи пищи и въ отраженіи враговъ, будутъ ли то люди, или же звѣри.

По мѣрѣ того, какъ увеличиваются размѣры группы и разнообразіе производственной дѣятельности, медленно развивается раздѣленіе труда между членами одного и того же рода. „И былъ Авель пастырь овецъ, а Каинъ былъ земледѣлецъ“ (Бытіе, IV, 3). „Цилла также родила Тувалкаина (Θовела), который былъ ковачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза“ (IV, 22). „Дѣти выросли, и сталъ Исавъ человѣкомъ, искуснымъ въ звѣроловствѣ, человѣкомъ полей; а Іаковъ человѣкомъ кроткимъ, живущимъ въ шатрахъ... И продалъ Исавъ первородство свое Іакову. И далъ Іаковъ Исаву хлѣба и кушанья изъ чечевицы“ (XXV, 27, 28, 33, 34).

Передъ нами—спеціализація занятій, раздѣленіе труда: одни члены родовой группы занимаются исключительно охотой, другіе — скотоводствомъ, третьи — земледѣліемъ, четвертые — производствомъ орудій. Но библейскія представленія о первичномъ раздѣленіи труда сформированы въ очень позднюю эпоху, когда не только утратились воспоминанія о матріархальномъ родѣ, но и разложеніе патріархальнаго рода зашло очень далеко. Готовые результаты длительнаго процесса изображаются здѣсь, какъ исходные пункты въ развитіи техническаго раздѣленія труда.

Началомъ процесса раздѣленія труда послужили безконечно-малыя различія въ занятіяхъ членовъ одной и той же производственной единицы, одного и того же рода. Только постепенное накопленіе такихъ различій привело къ распаденію однородныхъ прежде занятій на нѣ-

сколько группъ, къ выдѣленію послѣднихъ, какъ спеціальныхъ занятій опредѣленныхъ членовъ рода. Отысканіе пищи дифференцировалось и дало начало земледѣлію, преимущественному занятію женщинъ, и добыванію животной пищи, преимущественному занятію мужчинъ. По мѣрѣ того, какъ орудія и пріемы охоты совершенствовались и усложнялись, въ предѣлахъ рода вырабатывались искусные рыбаки съ одной стороны и искусные охотники—съ другой. Производство орудій, въ свою очередь, выдѣлилось въ преобладающую, а потомъ и въ исключительную отрасль занятій опредѣленныхъ членовъ рода. Увеличеніе размѣровъ родовой группы дѣлало такое выдѣленіе возможнымъ: для нея требовалось настолько большое количество орудій, что на производство ихъ затрачивалось все рабочее время спеціалистовъ. Усложненіе и усовершенствованіе орудій дѣлало это выдѣленіе необходимымъ: только спеціализировавшись на данной отрасли производства, работникъ достигалъ желательнаго совершенства.

Развитіе раздѣленія труда въ предѣлахъ родовой группы давало ей возможность достигать максимальныхъ результатовъ при минимальной затратѣ трудовой энергіи. Производительность труда возрастала, т.-е. при затратѣ прежняго количества трудовой энергіи получалось бо̀льшее количество продукта.

На разсматриваемой ступени развитія техническое раздѣленіе труда лишь медленно приводило къ обособленію различныхъ его отраслей, къ созданію болѣе или менѣе прочныхъ, неподвижныхъ рамокъ, къ выдѣленію исключительныхъ спеціалистовъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Одновременно съ техническимъ раздѣленіемъ труда развивалось обособленіе труда организаторскаго отъ труда исполнительскаго. Пока производство оставалось однообразнымъ и первобытно-простымъ, для выдѣленія организаторскаго труда не было ни возможности, ни необходимости. Преходящими различіями возраста обусловливались преходящія различія трудоспособности. Младшіе члены рода пріобрѣтали необходимый опытъ подъ руководствомъ матери или ея братьевъ. Трудъ временнаго руководителя отличался отъ труда остальныхъ членовъ тѣмъ, что въ единицу времени старшій членъ затрачивалъ бо̀льшее количество трудовой энергіи, чѣмъ остальные, и потому его трудъ давалъ соотвѣтственно большій продуктъ. Но качественно рабочая сила руководителя была такова же, и затрачивалась она въ томъ же направленіи, какъ рабочая сила остальныхъ членовъ рода.

Чѣмъ болѣе увеличиваются размѣры рода, чѣмъ шире и разнообразнѣе становится его производство, тѣмъ недостаточнѣе оказывается та низкая степень организованности, которая развилась стихійно и не

пошла дальше зачаточныхъ формъ совмѣстнаго труда. Постепенный переходъ отъ собиранія выброшенной на берегъ рыбы и моллюсковъ къ правильному рыболовству со сложными приспособленіями и снастями, отъ собиранія низшихъ животныхъ къ облавамъ на моржей и тюленей, отъ поисковъ плодовъ и кореньевъ къ земледѣлію съ зачатками оросительныхъ сооруженій—шагъ за шагомъ приводилъ къ тому, что планомѣрное руководство, стройная организація, цѣлесообразное сочетаніе разнородныхъ дѣйствій превращалось въ постоянное требованіе, въ необходимое условіе существованія рода.

Изъ временнаго руководителя мать, или ея братъ, превращается въ постояннаго организатора. Его роль возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается сложность и разнообразіе производства, какъ прогрессируетъ раздѣленіе труда. Первоначальный родъ, въ которомъ матери принадлежало просто центральное мѣсто, развивается въ патріархальный родъ, въ которомъ мать, или старшій родственникъ по матери, становится вліятельнымъ организаторомъ, главой расширяющейся группы.

Всѣ народы земного шара прошли черезъ эту ступень развитія. Дольше всего оставались на ней племена, у которыхъ земледѣлію принадлежало преобладающее значеніе. Быстрѣе всего патріархальный родъ разложился у племенъ съ преобладаніемъ охоты или кочевого скотоводства, какъ основныхъ источниковъ существованія. Когда собираніе растительной пищи и примитивное земледѣліе, лежавшее на женщинѣ, превращается въ скромное дополненіе къ охотѣ и скотоводству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ войнѣ, мать утрачиваетъ прежнее вліятельное положеніе, отецъ начинаетъ борьбу сначала за свое признаніе, а за тѣмъ и за преобладаніе.

Эта революція—одна изъ величайшихъ въ исторіи человѣчества—закончилась побѣдой мужчины. Послѣдовательныя стадіи ея были въ общихъ чертахъ таковы. Женщина, которая первоначально всю свою жизнь оставалась въ одномъ и томъ же родѣ, вынуждена впослѣдствіи переходить въ родъ своего мужа. Она лишается непосредственной поддержки своихъ братьевъ и другихъ родственниковъ по матери, постепенно превращается въ собственность новаго рода. Устанавливается родство не только по матери, но и по роду отца. Дѣти остаются въ родѣ отца. Мужчина, который прежде былъ руководителемъ рода, состоявшаго изъ его племянниковъ, т.-е. дѣтей его сестры, становится организаторомъ новаго рода, въ который входятъ уже только его собственныя дѣти, дѣти его братьевъ и другія степени родства исключительно по мужской линіи. Организаторскія функціи, а затѣмъ и развившееся изъ нихъ господствующее положеніе въ родѣ, начинаютъ передаваться отъ отца къ его старшему сыну. Такъ матріархальный

родъ шагъ за шагомъ подтачивается и уступаетъ мѣсто патріархальному роду. Отношенія первобытнаго и матріархальнаго рода смѣняются отношеніями преемственнаго господства мужчины и подчиненія женщины. Значительно медленнѣе, но въ томъ же направленіи совершается переворотъ и во внутреннихъ отношеніяхъ преимущественно земледѣльческихъ родовъ.

Сначала руководство не было обособленнымъ видомъ дѣятельности. Руководитель—мужчина или женщина—вообще говоря, исполняетъ такія же работы, какъ и остальные члены рода; онъ просто даетъ послѣднимъ примѣръ. Ему, какъ наиболѣе опытному, скорѣе просто подражаютъ, чѣмъ подчиняются.

Даже война и охота лишь медленно развиваютъ отношенія командованія и подчиненія. Сильный и опытный идетъ впереди и своимъ примѣромъ увлекаетъ за собой остальныхъ. У нѣкоторыхъ воинственныхъ племенъ центральной Африки и Калифорніи развитіе власти предводителя до сихъ поръ ушло лишь немного дальше этой ступени.

Съ расширеніемъ рода и его производства, превращеніе отдѣльныхъ членовъ рода исключительно въ организаторовъ дѣлаетъ новый шагъ впередъ. У кочевниковъ старѣйшина уже только начинаетъ работу: накидываетъ арканъ на самое неподатливое животное; у земледѣльцевъ старѣйшій дѣлаетъ лишь первый ударъ мотыкой или проводитъ первую борозду. Все дальнѣйшее выполняютъ остальные члены рода; на руководителѣ лежитъ только верховный контроль, исправленіе промаховъ, общія указанія.

Собственно земледѣльческіе роды только при особыхъ условіяхъ пошли дальше такихъ зачатковъ организаторскаго труда, какъ исключительной дѣятельности отдѣльныхъ членовъ рода. Южно-славянская задруга, русская семейная община—представляютъ продуктъ разложенія матріархальнаго рода и постепеннаго развитія его въ патріархальный. Онѣ существуютъ среди мѣнового общества, среди отношеній, основанныхъ на частной собственности, на господствѣ однихъ и подчиненіи другихъ. И тѣмъ не менѣе, глава общины здѣсь—просто исполнитель ея коллективной воли, руководитель ея трудовой дѣятельности, представитель при сношеніяхъ съ другими общинами. Свое мѣсто онъ занимаетъ обыкновенно не по наслѣдству, а по избранію всей общиной. Таково же и положеніе представителя нѣсколькихъ сосѣднихъ общинъ, объединяющихся для достиженія тѣхъ или иныхъ общихъ цѣлей.

Въ областяхъ, гдѣ урегулированіе мощныхъ рѣкъ является предварительнымъ условіемъ существованія плотнаго земледѣльческаго населенія, организаторскій трудъ совершенно отдѣлился отъ исполнительскаго и развился въ сложную іерархическую систему. Но, повидимому,

эта строго выдержанная авторитарная система не самостоятельно выработана въ процессѣ развитія земледѣльческихъ родовъ; она, по крайней мѣрѣ ея основные зачатки, принесена завоевателями-кочевниками. Такъ сложились производственныя отношенія въ Китаѣ, Месопотаміи, Египтѣ.

Быстрѣе шло развитіе власти организатора у охотничьихъ и скотоводческихъ родовъ.

Охота и скотоводство приводили къ частымъ столкновеніямъ между сосѣдними родами изъ-за территорій, стадъ, водопоевъ. Война становилась нормальнымъ, постояннымъ явленіемъ, изъ безпорядочной свалки превращалась въ длительный походъ, обдуманный до деталей, въ рядъ стройно организованныхъ сраженій, въ которыхъ проводится значительное раздѣленіе труда: одна часть рода ложнымъ движеніемъ отвлекаетъ силы врага отъ мѣста главнаго удара, другая нападаетъ на стоянку, третья—на стада, четвертая устраиваетъ засаду. Предводитель изъ временнаго руководителя, подающаго примѣръ, постепенно развивается въ болѣе постояннаго организатора; онъ направляетъ дѣйствія второстепенныхъ организаторовъ, которые ведутъ въ битву отдѣльныя части рода. Организація усложняется еще больше, когда война ведется не отдѣльнымъ родомъ, а группой союзныхъ родовъ.

Но охота и скотоводство не только учащали военныя столкновенія: они же дали и первыя, зародышевыя формы сложной военной организаціи. Это какъ нельзя болѣе естественно. Война, въ особенности на первыхъ ступеняхъ, и по цѣли, и по пріемамъ—та же облава, та же охота; только объектъ ея не животное, а человѣкъ. Впослѣдствіи она, какъ и охота, въ свою очередь можетъ развиться въ своеобразное первобытное скотоводство. Такъ было въ древней Мексикѣ, гдѣ стада побѣжденныхъ племенъ служили запасомъ пищи для побѣдителей.

Сначала вождь выдвигается только въ сраженіи и на время сраженія. Впослѣдствіи совѣщаніе рода, подготовляясь къ походу, наперед выбираетъ его. По окончаніи войны, предводитель становится рядовымъ членомъ рода; на одинаковыхъ основаніяхъ съ остальными онъ принимаетъ участіе въ обычныхъ работахъ, подъ руководствомъ главы рода, старѣйшины, организующаго всю нормальную трудовую дѣятельность рода. Во время войны онъ такой же исполнитель воли рода, какъ старѣйшина—въ мирное время. Старѣйшина при содѣйствіи остальныхъ членовъ рода учитываетъ общія потребности и, съ согласія всѣхъ взрослыхъ членовъ рода, распредѣляетъ рабочія силы по различнымъ отраслямъ усложняющагося производства. Точно такъ же собраніе сообща обсуждаетъ и планъ военной кампаніи; предводитель—мужчина или женщина—это лицо, на которое собраніе возлагаетъ руководство исполненіемъ плана.

По мѣрѣ того, какъ съ увеличеніемъ плотности и подвижности населенія возрастаетъ масштабъ столкновеній и усложняется организація походовъ и битвъ, выработка стратегическихъ плановъ и избраніе главнаго предводителя переходитъ отъ собранія рода къ собранію предводителей. Выборы предводителей постепенно превращаются въ простое утвержденіе старыхъ предводителей, зарекомендовавшихъ себя въ предыдущей войнѣ. Организаторскія функціи все болѣе отдѣляются отъ исполнительскихъ. Рядовые члены рода просто должны выполнять планъ, въ составленіи котораго они не участвовали. Координація всѣхъ частичныхъ операцій—дѣло исключительно предводителя. Онъ командуетъ, остальные исполняютъ его волю. Такъ возникаютъ отношенія власти, отношенія господства и подчиненія. Въ такой—все еще довольно примитивной—военной организаціи съ предводителями нѣсколькихъ степеней уже дана зачаточная форма общественныхъ отношеній феодализма.

Съ ростомъ значенія войны для жизни рода, съ усложненіемъ и возрастаніемъ его повседневнаго производства элементы военной организаціи изъ области войны понемногу переносятся въ область мирныхъ отношеній. Организаторскій трудъ совершенно обособляется отъ исполнительскаго. Около старѣйшины, главнаго организатора, появляются второстепенные организаторы. Всѣ они, не принимая непосредственнаго участія въ процессѣ производства, существуютъ на прибавочный продуктъ, производимый остальными членами рода. Рабочее время работающихъ членовъ рода распадается на двѣ различныхъ части. Въ теченіе одной части рабочаго дня они производятъ необходимыя средства своего собственнаго существованія, въ теченіе другой—средства существованія организаторовъ. Если, при данномъ уровнѣ производительности, работающимъ требуется 10 часовъ труда, чтобы произвести необходимыя средства своего существованія, то при 12-часовомъ рабочемъ днѣ организаторы могутъ присвоить продуктъ остальныхъ двухъ часовъ.

Полное обособленіе организаторской дѣятельности, превращеніе ея въ особую привилегію ограниченной группы рода, установленіе ея наслѣдственной передачи отъ отца къ сыну, неразрывно связано съ развитіемъ обмѣна, съ возникновеніемъ собственности, съ внутреннимъ разложеніемъ стараго рода.

Существованіе при медленно измѣняющихся, почти застойныхъ производственныхъ условіяхъ приводитъ къ тому, что въ длинномъ ряду поколѣній вырабатываются прочные навыки, эмпирическія примѣты, устанавливаются грубыя внѣшнія соотношенія между явленіями природы и моментами производственной дѣятельности. Первобытно-скотоводческій родъ, который изъ поколѣнія въ поколѣніе бродитъ за вольными стадами полудикихъ животныхъ, съ теченіемъ времени начинаетъ пре-

дугадывать ихъ передвиженія, въ надлежащій моментъ подготовляться къ нимъ, а потомъ и направлять ихъ. Точно такъ же первобытный земледѣлецъ начинаетъ сообразовать посѣвъ съ набуханіемъ почекъ, цвѣтеніемъ того или иного дерева, съ прилетомъ тѣхъ или иныхъ птицъ. Обязанности руководителя связываются со способностью предсказаній, гаданій по признакамъ, неуловимымъ для рядовыхъ членовъ рода. Колдунъ, шаманъ выступаетъ около организатора, иногда сливается въ одномъ лицѣ съ нимъ. Организаторъ пользуется въ своей дѣятельности всѣмъ многовѣковымъ опытомъ рода. Онъ—прежде всего хранитель его преданій, его запаса эмпирическихъ наблюденій. При малой подвижности всѣхъ производственныхъ отношеній, этого достаточно для руководства хозяйственной дѣятельностью рода.

Опытъ предковъ, въ общемъ, помогаетъ организатору ориентироваться и среди колебаній обычнаго хода производства. Если примѣты показываютъ, что уловъ рыбы будетъ плохъ, необходимо усиленно заняться охотой; если примѣты неблагопріятны для стадъ, надо расширить посѣвы; если слѣдуетъ ожидать скораго приближенія дикихъ стадъ, то къ производству оружія привлекается возможно бо̀льшее число членовъ рода. Старинный опытъ, просто воспринятый отъ предковъ, лишь съ величайшей медленностью расширяется новыми наблюденіями, которыя дѣлаетъ каждый новый организаторъ.

Такимъ образомъ, организаторъ устанавливаетъ извѣстное соотвѣтствіе между различными отраслями производства и цѣлесообразно распредѣляетъ между ними рабочія силы. Онъ достигаетъ того, что всѣ годовыя потребности рода покрываются его производствомъ и не образуется чрезмѣрныхъ запасовъ однихъ продуктовъ· въ то время, какъ другіе отсутствуютъ.

Эмпирическія правила, которыми руководствуется организаторъ, въ теченіе долгаго времени сохраняютъ свой первоначальный характеръ совершенно конкретныхъ примѣтъ. По самой своей конкретности они не допускаютъ сведенія въ какую-либо систему. Значительная часть ихъ подлежитъ не столько сознательному пониманію, сколько чисто механическому усвоенію. Въ полномъ объемѣ они извѣстны только организатору. Онъ можетъ превратить ихъ въ свою тайну, которой подѣлится только съ тѣмъ, съ кѣмъ захочетъ. Слѣдовательно, на извѣстной ступени развитія организаторъ можетъ добиться того, что ему будетъ предоставленъ выборъ преемника. Такимъ образомъ, въ развитіи самого организаторскаго труда создается опора для наслѣдственной передачи положенія организатора.

4. Размѣры родовыхъ общинъ, ихъ дробленіе и взаимоотношенія.

Повышеніе производительности труда приводитъ къ увеличенію численности той группы, которая можетъ находить достаточныя средства существованія на площади опредѣленныхъ размѣровъ. Данныя объ увеличеніи территоріальной емкости, сопровождающемъ переходъ къ земледѣлію и скотоводству, не могутъ быть вполнѣ точными. Поскольку они относятся къ областямъ съ различнымъ климатомъ и различной природой, они несравнимы. Чѣмъ примитивнѣе орудія труда, чѣмъ зачаточнѣе культура, тѣмъ безграничнѣе власть природы, тѣмъ исключительнѣе ея вліяніе на плотность населенія. Съ другой стороны, отнесеніе различныхъ племенъ въ разрядъ, напр, „охотничьихъ" еще ничего не говоритъ о совершенствѣ ихъ орудій и пріемовъ охоты. Въ этой области возможны большія различія. Насколько велико вліяніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, покажетъ одинъ примѣръ. Индѣйцы сѣверо-запада Соединенныхъ Штатовъ, Гудсоновой области и Патагоніи причисляются изслѣдователями къ „охотничьимъ" племенамъ. Для того, чтобы добывать средства существованія, на одного охотника требуется площадь: въ первой области — до 3 квадр. километровъ, во второй до 25 и въ третьей — до 95 квадр. километровъ.

Однако, и такія данныя, при надлежащемъ отборѣ и группировкѣ, все же могутъ служить основой для нѣкоторыхъ сравненій.

Вычисленія, — разумѣется, болѣе или менѣе приблизительныя, — даютъ на 1000 квадр. километровъ такое количество населенія при различныхъ способахъ производства: охотничьи племена (бушмены, австралійцы) 2—10 человѣкъ, охотничьи племена съ зачатками земледѣлія (индѣйцы, папуасы, нѣкоторыя негритянскія племена въ Африкѣ) — 200—700 чел.; кочевыя пастушескія племена—700—1.700 чел., рыбачьи племена на сѣверо-западѣ Америки и въ Полинезіи — до 1.700 чел.; рыбачьи племена съ зачатками земледѣлія на островахъ Тихаго океана—до 9.000 чел.; кельты и германцы (до начала нашей эры) при занятіи земледѣліемъ и скотоводствомъ—5.000—12.000 чел.

Такимъ образомъ, въ областяхъ съ приблизительно одинаковыми условіями природы переходъ къ примитивному земледѣлію и скотоводству увеличиваетъ плотность населенія въ 20 и болѣе разъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ земледѣлія и скотоводства территоріальная емкость повышается настолько, что плотность населенія въ умѣренномъ поясѣ съ суровой природой начинаетъ превосходить плотность разселенія примитивно-земледѣльческихъ племенъ Тихаго океана, живущихъ среди бо-

гатой природы. Непосредственное вліяніе природы отступаетъ передъ вліяніемъ техники. Человѣкъ—существо, дѣлающее орудія,—одерживаетъ рѣшительныя побѣды надъ природой. Въ своихъ передвиженіяхъ онъ переходитъ въ полярныя страны. Начиная съ этой ступени развитія, уже не природа, а только человѣкъ можетъ побѣдить и вытѣснить человѣка.

Низкая производительность труда ставила очень низкую границу размѣрамъ родовой группы у первобытнаго человѣка и требовала раздѣленія группы, какъ только достигалась эта граница. При повышеніи производительности общественнаго труда группа сравнительно крупныхъ размѣровъ можетъ существовать на небольшой территоріи; съ другой стороны, новыя группы, отдѣляющіяся отъ нея, могутъ слѣдовать за нею при ея передвиженіяхъ или селиться въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею. Кровныя связи, которыя были такъ узки въ предыдущую эпоху, нѣсколько расширяются. Становится возможнымъ то явленіе, которое получило неудачное названіе „экзогамнаго брака“: установленія брачныхъ связей только между членами различныхъ родовыхъ группъ, воспрещенія ихъ между членами одного и того же рода. Оно служитъ выраженіемъ тенденціи къ исключенію отъ брачныхъ связей родственниковъ — сначала близкихъ степеней, а потомъ и отдаленныхъ, сначала по матери, а впослѣдствіи и по отцу. Эта тенденція могла обнаружить свое дѣйствіе лишь на той ступени развитія, когда родъ утратилъ свою прежнюю абсолютную обособленность, когда отношенія безпощадной борьбы начали переходить въ сосѣдскія отношенія, — т.-е. когда разселеніе родовъ стало болѣе тѣснымъ.

Такъ какъ роды уже не съ такой быстротой, какъ раньше, утрачиваютъ воспоминаніе о своемъ кровномъ единствѣ, то этимъ дается первоначальная основа для развитія отношеній сотрудничества между ними. Они сообща организуютъ охоту въ крупномъ масштабѣ, походы противъ чужихъ родовъ и защиту отъ ихъ нападеній, приступаютъ къ устройству общими силами обводнительныхъ и осушительныхъ сооруженій: къ начаткамъ урегулированія ручьевъ и разливовъ, распредѣленія ихъ по полямъ. Совмѣстность борьбы за существованіе, т.-е. трудовая совмѣстность, охватывавшая раньше только членовъ одного узкаго рода, постепенно расширяется и развивается въ новую основу для межъродовыхъ связей. Возникаютъ зачаточныя формы „племени“, „народности“, „національности“: болѣе или менѣе обширныхъ группъ, у которыхъ на почвѣ длительной трудовой сплоченности развивается общность историческаго опыта, трудовыхъ навыковъ и приспособленій, языка и преданій. Раньше всякій членъ другого, не своего тѣснаго рода былъ „чужимъ“,—что соотвѣтствуетъ „варвару“ позднѣйшей ступени: грековъ

классическаго міра, современныхъ китайцевъ. Понятіе „варваръ", противополагающееся понятіямъ „человѣкъ", „свой", отодвигается за предѣлы сравнительно обширныхъ сосѣдскихъ группъ.

Рѣзкія границы, обособлявшія прежде одинъ родъ отъ другого, до извѣстной степени сглаживаются и стираются. Иногда трудно рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ подраздѣленіями одного и того же рода, или же съ отдѣльными родами, связанными дѣйствительнымъ или мнимымъ единствомъ крови, совмѣстностью борьбы, общностью преданій. Но если сравнить мелкія группы австралійскихъ племенъ съ обширными деревнями африканскихъ охотниковъ-земледѣльцевъ, съ земледѣльческими селеніями Индостана, съ израильскимъ родомъ эпохи патріарховъ, съ огромными ордами кельтовъ и германцевъ, гунновъ и татаръ, то будетъ видно, какъ расширяются общественныя связи по сравненію со связями первобытнаго человѣка. Группы, охватывавшія какихъ-нибудь 30—50 человѣкъ, разростаются въ общества съ сотнями и тысячами членовъ, наконецъ, во временныя соединенія изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ.

5. Развитіе идеологіи.

Расширеніе и усложненіе производства естественнымъ образомъ влечетъ за собою возрастаніе массы идеологическаго матеріала: во-первыхъ, растетъ разнообразіе трудовыхъ актовъ, выражаемыхъ идеологическими символами—словами-понятіями, во-вторыхъ, усиливается самая потребность въ этихъ символахъ, какъ организующихъ формахъ, потому что сложнѣе и труднѣе становится дѣло организаціи общиннаго труда. Зарождающееся раздѣленіе труда приводитъ къ тому, что техника производства дифференцируется, такъ сказать, одновременно по разнымъ направленіямъ, хотя процессъ этотъ и происходитъ съ первобытно-стихійной медленностью; и трудовой опытъ съ теченіемъ времени уже не вмѣщается полностью въ рамки каждой отдѣльной психики, по крайней мѣрѣ, въ рамки обыкновенной зрѣлой психики,—и тѣмъ настоятельнѣе необходимость въ томъ, чтобы этотъ опытъ былъ выраженъ и закрѣпленъ идеологически, и могъ бы храниться въ коллективѣ по частямъ, передаваясь отъ человѣка къ человѣку въ ихъ словесномъ общеніи.

Спеціальное значеніе обособляющейся въ данную эпоху функціи организатора производства, выполняемой обыкновенно старѣйшимъ, т.-е. опытнѣйшимъ членомъ общины, заключается именно въ томъ, что онъ концентрируетъ въ себѣ трудовой опытъ своего коллектива, если не во всей полнотѣ, то, по крайней мѣрѣ, во всемъ общемъ и суще-

ственномъ его содержаніи. По этой причинѣ организаторъ и оказывается способенъ устанавливать связь и соотношеніе различныхъ сторонъ и частей коллективной работы, распредѣлять трудъ сообразно съ его сложившимся въ общинѣ раздѣленіемъ, вообще—вести организаторскую дѣятельность. Но и для сохраненія въ своей памяти всѣхъ необходимыхъ техническихъ частностей, и для передачи своего запаса знаній своему преемнику, онъ нуждается въ значительно выработанной системѣ словъ-понятій; такъ же необходима она ему для того, чтобы давать точныя инструкціи каждому изъ работниковъ, особенно, если тотъ будетъ выполнять свою работу не на его глазахъ, что становится все обычнѣе съ увеличеніемъ размѣровъ группы и усложненіемъ трудового процесса. Словомъ, самая форма организаціи производства вынуждаетъ идеологическое развитіе, а глава общины является представителемъ и носителемъ этого развитія по преимуществу.

Старая система словъ-понятій, обозначающихъ только трудовые акты, дѣлается при такихъ условіяхъ все болѣе недостаточной, и мало-по-малу, въ ряду вѣковъ, кругъ обозначеній расширяется,—выдѣляются названія орудій, матеріаловъ труда, имена работниковъ, вообще—символы „предметовъ“, а затѣмъ и ихъ жизненно-важныхъ элементовъ—„свойствъ“.

Переходъ отъ идеи „дѣйствія“ къ идеѣ „предмета“ или „вещи“ отнюдь не представлялъ изъ себя рѣзкаго идеологическаго скачка. „Вещь“ выступала въ мышленіи людей первоначально, какъ устойчивый комплексъ дѣйствій, съ одной стороны—человѣческихъ (т.-е. различныхъ воздѣйствій на предметъ), съ другой—дѣйствій, испытываемыхъ человѣкомъ (т.-е. различныхъ воздѣйствій отъ предмета); въ ряду тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, „вещь“ и опредѣляется, фиксируется въ познаніи, какъ ихъ прочное единство, какъ ихъ постоянная связь. Напр., орудіе, какъ особая „вещь“, познавательно объединяетъ совокупность тѣхъ трудовыхъ актовъ, посредствомъ которыхъ оно сдѣлано, съ тѣми, которые съ его помощью выполняются, и со всѣми тѣми дѣйствіями, которыя оно, въ свою очередь, и при его производствѣ, и при его примѣненіи производитъ на организмъ самого работника. Какой-нибудь каменный топоръ концентрируетъ въ себѣ массу различныхъ трудовыхъ операцій—выбора подходящаго камня, его отбиванія, обтачиванья, просверливанія, прилаживанія рукоятки и т. д. Затѣмъ сюда присоединяются тѣ акты, въ которыхъ топоръ и играетъ собственно роль орудія—срубаніе вѣтвей, убиванье животныхъ, раскалыванье костей и т. под. При каждомъ ударѣ топоромъ по твердымъ тѣламъ, онъ передаетъ рукѣ ударяющаго отвѣтный толчокъ или сотрясеніе, которые въ примитивномъ мышленіи понимаются, благодаря „основной матафорѣ“, какъ „дѣйствія“ топора, сим-

волизируясь подобно дѣйствіямъ человѣка.—Таковъ сложный матеріалъ трудового опыта, организующійся въ одномъ словѣ-понятіи, которое служитъ для обозначенія „вещи"—каменнаго топора. Какъ видимъ, весь этотъ матеріалъ представляетъ изъ себя кристаллизованную активность, прежде всего—соціально-трудовую и вслѣдъ за нею—активность внѣшнюю, стихійную, которая мыслится, такъ сказать, черезъ посредство активности соціально-трудовой, путемъ безсознательнаго уподобленія.

Есть всѣ основанія думать, что понятія о „вещахъ" возникли раньше всего именно въ видѣ понятій объ „орудіяхъ", тогда, когда производство орудій выдѣлилось, какъ особая отрасль общественной системы труда. „Вещи" могли фиксироваться въ мышленіи лишь благодаря тому, что само мышленіе систематически фиксировалось на нихъ въ процессѣ труда, а это соотношеніе впервые получилось при спеціализированномъ производствѣ орудій. Когда орудіе бралось прямо изъ природы, или когда производство его, будучи элементарно-простымъ, совершалось въ ряду прочихъ соціально-трудовыхъ дѣйствій, не дифференцируясь въ самостоятельный комплексъ, не превращаясь въ отдѣльную спеціальность особыхъ работниковъ, то орудіе не отграничивалось неразвитымъ сознаніемъ отъ тѣхъ дѣйствій, для которыхъ употреблялось, и если выступала надобность его обозначить, то оно „обозначалось" тѣмъ же словомъ, что и эти дѣйствія; слѣды такого состоянія языка еще и теперь сохраняются въ нарѣчіяхъ нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Напротивъ, при спеціализированномъ производствѣ орудій создаются объективныя условія для мысленнаго разъединенія самаго орудія и его примѣненій: дѣлаютъ орудіе одни, а пользуются имъ чаще всего другіе; для первыхъ орудіе выступаетъ, какъ постоянная цѣль опредѣленнаго, законченнаго цикла трудовыхъ актовъ, для вторыхъ—какъ необходимое условіе ихъ собственнаго труда, но такое условіе, за которымъ надо обращаться къ его производителямъ. И здѣсь, и тамъ отдѣльный символъ сталъ соціально-нуженъ, и онъ съ теченіемъ времени вырабатывается, чѣмъ глубоко преобразуется общій строй рѣчи и мышленія людей.

Разъ уже имѣются понятія о вещахъ-орудіяхъ, дальнѣйшее развитіе символики вещей, въ зависимости отъ расширяющагося трудового опыта, идетъ несравненно проще и легче. Опорой ему служитъ, конечно, та же „основная метафора", которая сдѣлала вообще возможнымъ мышленіе о внѣ-соціальныхъ явленіяхъ, мышленіе о внѣшней природѣ.

Такъ на мѣсто первобытной діалектики „міра дѣйствій" зарождается статика „міра вещей". Предложенія или сужденія распадаются на подлежащее и сказуемое; раньше всѣ они были безличными. Со-

здается строй рѣчи и мысли, сколько-нибудь допускающій переводъ на языкъ современной намъ идеологіи. Это былъ гигантскій прогрессъ до-культурнаго человѣчества. И если для насъ идея статики связана съ представленіемъ о консервативной тенденціи мышленія, противъ которой борется нынѣшнее научное познаніе,—то по сравненію съ „первобытной діалектикой“ тутъ имѣлось огромное уменьшеніе стихійнаго консерватизма, ускореніе темпа развитія—результатъ расширенія того жизненнаго матеріала, на который опирается развитіе, и возросшаго разнообразія формъ, съ которыми оно оперируетъ.

Во много разъ увеличившееся богатство идеологіи уже несовмѣстимо съ той безсвязной отрывочностью, которая характеризовала ея зародышевое состояніе. Идеологія начинаетъ систематизироваться, организоваться; все болѣе дифференцируясь отъ самаго производства, она мало-по-малу пріобрѣтаетъ нѣкоторое собственное строеніе, собственный порядокъ и единство. Отъ элементарнаго познанія шагъ за шагомъ совершается переходъ къ міровоззрѣнію. Основной путь, которымъ идетъ этотъ процессъ, заключается въ томъ, что вырабатывается универсальный способъ познавательной систематизаціи—схема причинности; и матеріалъ познанія весь постепенно проходитъ черезъ нее, перерабатывается ею, дѣлаясь болѣе связнымъ и единымъ.

Содержаніе „причинности“ образуетъ постоянная связь явленій, какъ основа ихъ предвидѣнія. Въ предвидѣніи заключается ея огромное техническое и, вообще, практическое значеніе, благодаря которому она становится универсальной и на всемъ протяженіи культурной исторіи человѣчества, развиваясь и измѣняя свои формы, остается центральнымъ, организующимъ принципомъ всякаго міровоззрѣнія. Но ея начало просто и элементарно и лежитъ въ той же соціально-трудовой области, изъ которой исходитъ вся идеологія.

Накопленіе постоянныхъ связей между фактами въ трудовомъ опытѣ людей, весьма слабое въ эпоху бродячаго охотничьяго образа ихъ жизни, гдѣ наибольшую роль играли стихійныя случайности, стало гораздо болѣе значительнымъ тогда, когда явились болѣе устойчивые способы борьбы за существованіе, а именно земледѣліе и скотоводство, ослабившіе власть случайности надъ жизнью людей и неразрывно связанные съ нѣкоторымъ предвидѣніемъ будущаго. Объединяющую же схему для находимыхъ связей опыта дала производственная организація той эпохи—авторитарная община.

Какъ было выяснено, міръ „вещей“ еще только начиналъ складываться въ ту эпоху, и природа въ мышленіи людей представлялась, по преимуществу, какъ міръ дѣйствій—человѣческихъ, соціально-трудовыхъ, и затѣмъ дѣйствій не-человѣческихъ, внѣ-соціальныхъ, но пони-

маемыхъ по типу человѣчески-соціальныхъ дѣйствій, въ силу основной метафоры. И между различными дѣйствіями познаніе устанавливало въ ряду вѣковъ тѣ постоянныя соотношенія, которыя послужили зародышемъ причинности. Гдѣ же нашло оно раньше всего такія соотношенія?

Если постоянная послѣдовательность двухъ дѣйствій наблюдается у одного и того же лица, какъ, напр., натягиваніе и спусканіе тетивы лука, то здѣсь еще не изъ чего создаться схемѣ причинности: оба дѣйствія составляютъ просто одинъ трудовой комплексъ, и ихъ связь, выраженная въ понятіяхъ, есть только элементарное техническое правило. Тотъ моментъ противопоставленія двухъ актовъ, какъ „причины“ и „слѣдствія“, который обязательно имѣется въ причинной схемѣ, здѣсь отсутствуетъ. Онъ осуществляется въ томъ случаѣ, если отношеніе постоянной послѣдовательности соединяетъ дѣйствія двухъ различныхъ людей. А это бываетъ именно тогда, и только тогда, когда одно изъ нихъ является организаторскимъ, другое—соотвѣтственнымъ исполнительскимъ. Лишь въ этомъ случаѣ связь дѣйствительно постоянная, и первое вполнѣ опредѣляетъ собою второе, т.-е. „причина“—„слѣдствіе“. Во всѣхъ иныхъ случаяхъ, гдѣ въ процессѣ труда или борьбы тѣсно сплетаются человѣческія дѣйствія, ихъ соотношеніе не обладаетъ характеромъ устойчивости и необходимости,—на тотъ или иной актъ человѣка А, сотрудника или врага, но не организатора, человѣкъ В можетъ реагировать различно, смотря по обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, первоначально, связь причинности въ мышленіи людей была просто выраженіемъ опредѣленной формы сотрудничества—авторитарнаго раздѣленія труда.

Благодаря основной метафорѣ, явленія внѣшней природы мыслились посредствомъ понятій, относившихся, по первичному и точному своему смыслу, къ дѣятельности людей, и естественно, что они мыслились въ тѣхъ же формахъ, какъ эта дѣятельность,—такъ что и постоянная связь внѣшнихъ явленій представлялась, какъ постоянная связь человѣческихъ трудовыхъ актовъ. Этимъ путемъ разъ возникшая схема причинности стала универсальной, сохраняя свой авторитарный характеръ. Привычная послѣдовательность двухъ явленій усваивалась въ такомъ видѣ, что одно изъ нихъ вызываетъ и опредѣляетъ другое, какъ указаніе или приказаніе организатора вызываетъ и опредѣляетъ поступки исполнителя.

Слѣды этой концепціи удержались въ очень большомъ количествѣ и въ народной поэзіи разныхъ племенъ, гдѣ причина того или иного ряда явленій часто олицетворяется въ видѣ ихъ спеціальнаго повелителя, и еще болѣе—въ ихъ миѳологіи, культѣ, религіозной традиціи.

Организаторскій актъ воплощается чаще всего въ словесныхъ указаніяхъ (лишь иногда—въ дѣйствіи, которымъ подается примѣръ исполнителямъ, или въ замѣняющихъ слова жестахъ). Поэтому для слова роль „причины", такъ сказать, особенно типична въ эпоху зарожденія причинности,—и отсюда возникли свойственныя всѣмъ племенамъ и народамъ на раннихъ ступеняхъ культуры идеи магизма, власти заклинаній и другихъ словесныхъ формулъ надъ явленіями природы, преданія о сотвореніи вещей и управленіи ими посредствомъ простыхъ приказаній со стороны верховнаго авторитета и т. под. Всѣ эти факты ясно вскрываютъ сущность причинной концепціи въ ея первой, авторитарной стадіи.

Мы видимъ, что въ этой фазѣ „причинность" вполнѣ фетишистична. отношенія вещей она представляетъ, какъ отношенія людей. Таковъ именно авторитарный фетишизмъ, который обыкновенно называютъ „натуральнымъ фетишизмомъ". Онъ зарождается уже въ основной метафорѣ, которая дѣйствія вещей мыслитъ символами, относящимися къ дѣятельности людей. Но форму міровоззрѣнія онъ получаетъ тогда, когда возникаетъ міровоззрѣніе вообще, т.-е. съ развитіемъ и распространеніемъ на „міръ", на весь трудовой опытъ, схемы причинности.

И, несмотря на свою фетишистическую оболочку, эта схема пріобрѣтаетъ громадное значеніе для соціально-трудового процесса, какъ форма предвидѣнія, какъ опора всякой планомѣрной техники, всякой сознательно-цѣлесообразной дѣятельности. Тѣмъ самымъ она все болѣе укрѣпляется и становится прочнѣйшимъ, постоянно дѣйствующимъ механизмомъ въ системѣ мышленія; всякій матеріалъ опыта, попадающій въ этотъ механизмъ, какъ-бы автоматически имъ приводится въ тотъ именно видъ, который соотвѣтствуетъ схемѣ, т.-е. дробится на активно-организаторскій и пассивно-исполнительскій моменты, раздваивается по этой линіи. Напр., въ реально-нераздѣльномъ комплексѣ, какимъ является солнце съ его свѣтомъ и теплотой, солнце обособляется, какъ причина, свѣтъ и теплота—какъ вызываемыя имъ слѣдствія, и т. под. А когда самый матеріалъ не поддается такому раздвоенію, не заключаетъ въ себѣ непосредственно такихъ частей, которыя могли бы быть сопоставлены по привычной схемѣ, тогда онъ подвергается иному преобразованію, приводящему къ той же схемѣ, а именно—мысленному удвоенію. Это—явленіе, по своей широтѣ и общности играющее также огромную роль въ міровоззрѣніи изучаемаго періода· анимистическое удвоеніе вещей, ведущее къ универсальному дуализму.

Авторитарная организація труда, господствуя надъ соціальной системой въ ея цѣломъ, тѣмъ не менѣе, даже процессъ производства

не можетъ охватывать во всѣхъ его частностяхъ и деталяхъ. Руководство организатора не можетъ сопровождать каждаго исполнителя во всѣ моменты его работы, и нерѣдко онъ вынужденъ здѣсь самъ брать на себя инициативу своихъ дѣйствій—замѣщать для себя своего организатора. Еще болѣе это обычно и неизбѣжно во всей той дѣятельности человѣка, которая не относится прямо къ соціально-трудовому процессу, напр., удовлетвореніе его личныхъ потребностей, забава и т. под. Въ подобныхъ случаяхъ „причиною“ дѣйствій отдѣльнаго человѣка является онъ самъ. По отношенію къ внѣшнимъ явленіямъ и вещамъ неразвитое познаніе часто также не находитъ спеціальныхъ видимыхъ причинъ, и тогда опять-таки оно автоматически принимаетъ эти причины въ самихъ же данныхъ явленіяхъ и вещахъ. Слѣдовательно, одно и то же явленіе или вещь въ мышленіи выступаетъ дважды: какъ причина и какъ слѣдствіе, какъ нѣчто активно-властное и какъ нѣчто пассивно-подчиненное, оно удваивается идеологически, познается въ двухъ различныхъ понятіяхъ; а для примитивнаго мышленія это и означаетъ—находить въ данномъ явленіи два различныхъ явленія, въ данной вещи—двѣ различныхъ вещи; мысленное удвоеніе для него не отличается отъ реальной двойственности. Что получается тогда изъ схемы причинности?

Получается идеологическая форма, называемая „анимизмомъ“. Къ реальной вещи присоединяется скрытый за нею ея двойникъ, называемый ея „душою“ и играющій роль активнаго ея начала, авторитарной причины ея измѣненій, движеній, вообще „проявленій“. И это удвоеніе, универсальное почти въ такой же мѣрѣ, какъ породившая его концепція причинности, охватываетъ весь міръ „вещей“.

Что „души“ были первоначально простыми двойниками соотвѣтственныхъ „тѣлъ“, обладая всѣми чувственными ихъ свойствами и отличаясь только своей функціей,— о томъ свидѣтельствуютъ грубоматеріалистическія представленія о „душѣ“, до сихъ поръ сохранившіяся у наиболѣе отсталыхъ дикихъ племенъ. „Одухотвореніе“ душъ, ихъ дематеріализація есть продуктъ послѣдующихъ ступеней культуры, результатъ собственнаго развитія анимистическихъ формъ, непрерывно, хотя и медленно, ихъ преобразовывшаго съ того самаго времени, какъ „души“ познавательно отдѣлились отъ „тѣлъ“. Точно такъ же была продуктомъ дальнѣйшаго развитія и утрата „душъ“ большинствомъ тѣлъ природы—созданіе обширнѣйшей группы „неодушевленныхъ предметовъ“.

Анимизмъ послужилъ исходной точкой болѣе полной и болѣе глубокой систематизаціи міровоззрѣнія авторитарной эпохи—его развитія въ различныя религіи.

По мѣрѣ расширенія и углубленія трудового опыта, постоянныя связи явленій, познаваемыя въ формѣ причинныхъ связей, развертываются во все болѣе длинныя цѣпи: явленіе A „вызывается“ явленіемъ B, а это, въ свою очередь, есть слѣдствіе C, которое опять-таки имѣетъ свою причину—D, и т. д. Благодаря ограниченности и слабости познанія, каждая такая цѣпь обрывается на какомъ-нибудь звенѣ, для котораго дальнѣйшей причины въ опытѣ найти уже не удается. Въ изучаемую эпоху, согласно упрочившейся логикѣ анимизма, въ этомъ пунктѣ выступаетъ на сцену причина „духовная“, прибавляемая къ послѣднему найденному звену. Но процессъ безсознательнаго творчества, свойственнаго авторитарному мышленію, на этомъ не останавливается.

Концепція причинности, возникшая какъ отраженіе опредѣленнаго типа сотрудничества, и далѣе, естественнымъ образомъ, продолжаетъ отражать на себѣ историческое развитіе этого типа. Въ авторитарныхъ общинахъ, а затѣмъ въ ихъ племенныхъ союзахъ, когда организаторская функція распредѣляется между разными лицами, надъ такими частными организаторами всегда стоитъ ихъ общій глава и руководитель, къ которому сходятся всѣ нити власти. Эту реальную схему объединеннаго въ одномъ центрѣ сотрудничества и повторяетъ фетишистическое мышленіе, стихійно и неизбѣжно, послѣ того какъ оно вышло за предѣлы непосредственнаго опыта и создало причины анимистическія, „духовныя“. Именно эти послѣднія, какъ фиктивные „организаторы“ той или иной цѣпи явленій, въ свою очередь подчиняются объединяющимъ ихъ высшимъ организаторамъ—„духовнымъ“ причинамъ высшаго порядка; тѣ могутъ сводиться къ еще высшимъ; и, наконецъ, въ этой линіи развитія можетъ возникнуть послѣдняя или верховная причина — всеобщій организаторъ и властитель.—Все развитіе авторитарно-причинныхъ цѣпей въ надъопытной области и составляетъ сущность религіознаго міровоззрѣнія, а высшія причины, стоящія надъ „душами“ отдѣльныхъ вещей, являются „божествами“ различныхъ порядковъ.

Исторически, религія зарождается изъ культа предковъ-организаторовъ. Въ родовыхъ и племенныхъ преданіяхъ древніе патріархи и вожди поднимались все выше и выше надъ живущими людьми и превращались мало-по-малу въ божества; а потомъ къ этимъ родовымъ и племеннымъ божествамъ сходились въ народномъ творчествѣ и внѣ-соціальныя цѣпи причинности. изъ источника родовой и племенной жизни божество становилось также высшей причиной или „повелителемъ“ какого-нибудь цикла явленій, а то даже и всѣхъ явленій вообще.

Въ религіозныхъ схемахъ, восходящихъ къ послѣднимъ (или „пер-

вымъ") причинамъ и точно отражающихъ авторитарную общественную организацію, всего лучше и очевиднѣе раскрывается генезисъ и смыслъ самой авторитарной причинности. Но не въ этомъ, конечно, заключалось реальное жизненное значеніе религіозныхъ схемъ, которое было огромно, и на которомъ основывалась ихъ величайшая устойчивость. Оно состояло въ томъ, что религія была универсальной организаціей опыта. Разбросанный, отрывочный, полный пробѣловъ матеріалъ опыта она собирала и спаивала въ одно стройное цѣлое, которое, благодаря своей связности, могло несравненно прочнѣе и легче сохраняться въ памяти людей, несравненно удобнѣе и проще передаваться отъ человѣка къ человѣку, отъ поколѣнія къ поколѣнію, чѣмъ если бы накопленныя практическія знанія оставались сами по себѣ, безъ этой объединяющей идеологической организаціи. О томъ, насколько экономизируется энергія познающаго приведеніемъ разрозненныхъ знаній въ систему, легко составитъ себѣ понятіе тотъ, кто попробуетъ запомнить нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ фразъ, не связанныхъ между собою, и сравнитъ потраченныя усилія съ тѣмъ, что требуется, чтобы заучить цѣльный разсказъ такого же объема. И, конечно, наибольшая экономія мышленія достигается именно тогда, когда способъ организаціи опыта есть перенесенный въ познаніе, привычный способъ практической организаціи труда.

Съ религіознымъ міровоззрѣніемъ неразрывно связывается другая область идеологіи — область соціальныхъ нормъ, которая также неизбѣжно расширяется и усложняется въ своемъ содержаніи съ возрастаніемъ сложности трудовыхъ отношеній общины. Обычаи, первоначально существующіе въ родовой общинѣ какъ завѣты предковъ, затѣмъ, по мѣрѣ развитія культа предковъ, а изъ него — собственно религіи, переходятъ, естественнымъ образомъ, въ повелѣнія религіозныхъ авторитетовъ, въ выраженіе воли боговъ. Принявъ такую форму, обычай отчасти уже тѣмъ самымъ отрывается въ мышленіи людей отъ жизни и непосредственной практики родового коллектива и пріобрѣтаетъ окраску внѣшей силы, тяготѣющей надъ людьми и требующей ихъ безусловнаго повиновенія. Но все это еще только отчасти, такъ какъ сами божества остаются еще въ близкой и тѣсной связи съ соціально-трудовой системой, какъ ея верховные сотрудники-организаторы. Въ то же время ихъ власть и сила служатъ могучей санкціей и охраной нормъ обычая; и тѣ же самыя „перво-причины", которыя придаютъ единство и стройность познавательной системѣ идеологіи, выступаютъ, какъ организующіе центры для идеологіи нормативной, придавая огромную прочность и связность всему міропониманію эпохи.

Но эта прочность и связность соединяются съ глубокой консер-

вативной тенденціей. Если непосредственный, такъ сказать, „зоологическій“ консерватизмъ жизни и значительно ослабѣлъ по сравненію съ предыдущей эпохой, то самое строеніе всей идеологіи было анти-прогрессивнымъ. Таково по существу авторитарное мышленіе и инымъ быть не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, функція организатора во всякой трудовой системѣ есть распредѣленіе силъ прежде всего, и это очень трудная задача, требующая полнаго и яснаго учета потребностей системы съ одной стороны, трудовой энергіи и способностей работниковъ—съ другой стороны, тяжело и медленно вырабатывается въ развитіи общины опредѣленный способъ разрѣшенія задачи, дающій твердую опору организатору въ его дѣятельности. Всякое техническое новшество нарушаетъ этотъ сложившійся способъ распредѣленія силъ: оно увеличиваетъ производительность труда въ одномъ пунктѣ его организаціи, такъ что тамъ освобождается нѣкоторая сумма трудовой энергіи; но оно увеличиваетъ ея затраты, хотя бы и въ меньшей степени, въ другихъ пунктахъ, и возникаетъ необходимость въ перераспредѣленіи силъ, т.-е. самая сложная и утомительная задача вновь ложится на организатора. Напр., новое орудіе повышаетъ успѣшность, положимъ, земледѣльческаго труда; но оно само должно быть произведено для этого, на что требуется затрата труда другихъ работниковъ, и, кромѣ того, можетъ потребоваться измѣненіе тѣхъ инструментовъ, которыми обыкновенно дѣлаются орудія; и затѣмъ, все это, и самое примѣненіе новаго орудія, и измѣненія въ производствѣ инструментовъ предполагаютъ еще нѣкоторую сумму усилій, употребленную на обученіе различныхъ работниковъ новымъ или измѣненнымъ трудовымъ операціямъ. Все установившееся равновѣсіе трудовой организаціи колеблется, и организатору приходится возстановлять его работою своего еще сильно-консервативнаго по самому строенію мозга. Понятно, какое отношеніе къ себѣ должны встрѣчать всякія техническія преобразованія,—а значитъ, и всякія иныя, экономическія и идейныя, которыя только изъ нихъ же исходятъ.

Именно въ идеологіи эта консервативная тенденція получаетъ свое полное, законченное выраженіе. Техническія правила и нормы обычая, которыя прямо служатъ регулирующими, организующими формами для трудового процесса, и различныя общія вѣрованія, которыя образуютъ идеологическую связь для этихъ знаній и обычаевъ, — все разсматривается, какъ „завѣты предковъ“, а затѣмъ—какъ „велѣнія боговъ“, все освящается и закрѣпляется авторитарнымъ фетишизмомъ.

Реальный консерватизмъ жизни гораздо меньше, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ, но онъ остается огромнымъ по сравненію со всѣмъ тѣмъ, что современные люди способны себѣ представить на основаніи

своего опыта. Измѣнился характеръ консерватизма, его форма. Прежде всякое усовершенствованіе, всякое новшество, все необычное при своемъ появленіи воспринималось, какъ уродство, какъ нѣчто неестественное и потому страшное. Теперь оно разсматривается, какъ „преступленіе“ авторитарныхъ завѣтовъ, какъ нарушеніе высшей властной воли, навлекающее гнѣвъ ея на самого нарушителя и на весь родъ его. Результатъ же тотъ, что хотя скорость общественнаго развитія и болѣе значительна, чѣмъ была раньше, но ходъ его остается по-прежнему стихійнымъ.

Идеологическій консерватизмъ противодѣйствуетъ прогрессивной тенденціи во всѣхъ областяхъ жизни, и нужны стихійныя силы, чтобы преодолѣвать его мало-по-малу. Это дѣлается, какъ и раньше, абсолютнымъ перенаселеніемъ.

6. Зарожденіе и развитіе обмѣна. — Возникновеніе собственности.

Необходимой предпосылкой возникновенія и развитія обмѣна служитъ такая степень производительности труда, при которой прибавочный продуктъ представляетъ болѣе или менѣе постоянное явленіе. Пока родовая община производитъ лишь безусловно необходимое для удовлетворенія ея текущихъ потребностей, пока у нея нѣтъ излишковъ и отсутствуетъ хотя бы зародышевая форма запасовъ, обмѣнъ не можетъ возникнуть.

Но и развитія прибавочнаго труда еще не достаточно для того, чтобы развился обмѣнъ. Обмѣнъ предполагаетъ, что другъ другу противостоятъ два единоличныхъ или коллективныхъ собственника разнородныхъ предметовъ. Обмѣнъ одинаковыми предметами можетъ имѣть символическое значеніе, но оно мало интересуетъ экономическую науку. Обмѣнъ предметами, которые никому не принадлежатъ, какъ вода или воздухъ, не имѣлъ бы смысла.

Для Руссо „гражданское“ общество, т.-е. буржуазное, мѣновое общество, начинается какъ разъ съ установленія собственности. „Тотъ первый человѣкъ, который, огородивъ участокъ земли, дерзнулъ сказать: „это мое“, и нашелъ людей, достаточно простодушныхъ для того, чтобы повѣрить ему, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества.“

Теоретики естественнаго права съ самаго начала отнесли право собственности къ числу тѣхъ „вѣчныхъ, неотчуждаемыхъ правъ, съ которыми рождается человѣкъ“.

Для вульгарной политической экономіи чувства, стремленія и ин-

стинкты собственника такъ же врождены человѣку, такъ же естественны,— т.-е. представляютъ продуктъ природы, а не исторіи, — какъ чувства жажды и голода.

Надѣливъ первобытнаго человѣка всѣми свойствами современнаго собственника, вульгарный экономистъ уже не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ того, какъ развился обмѣнъ. И обмѣнъ, и общественное раздѣленіе труда появляются для него одновременно съ появленіемъ на землѣ человѣка.

Для новѣйшихъ вульгарныхъ экономистовъ человѣческая исторія, человѣческое хозяйство начинается лишь съ той эпохи, когда развиваются отношенія собственности и общественнаго раздѣленія труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣновыя отношенія. Весь періодъ до этой эпохи лежитъ внѣ исторіи, онъ можетъ интересовать только естественныя науки. Человѣкъ до этой эпохи — „дообщественный“, „доисторическій“, „безъисторическій“, „безхозяйственный“ человѣкъ

Но такое объясненіе зарожденія обмѣна—то же, что полный отказъ отъ объясненія. Раздѣленіе народовъ и періодовъ на „историческіе“ съ одной стороны и „доисторическіе“ или „безъисторическіе“ съ другой— необходимо оставить. Для науки между „доисторическимъ“ и „историческимъ“ періодами нѣтъ перерыва. Отношенія такъ называемыхъ доисторическихъ народовъ связываются для нея въ непрерывный рядъ съ развитыми историческими отношеніями. „Доисторическій“ или „безъисторическій“ бытъ — это лишь одна изъ стадій, черезъ которыя прошли въ своемъ развитіи и всѣ „историческіе“ народы.

Развитой обмѣнъ, несомнѣнно, предполагаетъ извѣстное развитіе собственности и общественнаго раздѣленія труда. Но столь же ясно и несомнѣнно, что сколько-нибудь глубокое общественное раздѣленіе труда немыслимо безъ широкихъ мѣновыхъ отношеній, и что право собственности лишь въ процессѣ обмѣна можетъ пойти дальше зародышевыхъ формъ, если только послѣднія вообще возникаютъ до обмѣна и безъ обмѣна.

Получается какъ будто неразрѣшимое противорѣчіе: для возникновенія обмѣна необходимо существованіе права собственности и общественнаго раздѣленія труда; но и право собственности, и общественное раздѣленіе труда при отсутствіи обмѣна, въ свою очередь, не могутъ развиться.

Противорѣчіе возникаетъ только для изслѣдователя, который беретъ готовые результаты длительнаго процесса развитія и, какъ долгое время дѣлала буржуазная политическая экономія, занимается только развитыми отношеніями мѣнового, капиталистическаго общества. Въ самомъ процессѣ развитія, въ исторіи, этимъ противорѣчіямъ не было мѣста.

Еще въ XVIII и даже въ XIX вѣкѣ путешественники открывали цѣлыя дикія племена съ полнымъ отсутствіемъ обмѣна и общественнаго раздѣленія труда. Отдѣльныя родовыя группы въ экономическомъ отношеніи были вполнѣ обособленными, самодовлѣющими единицами,—всѣ свои потребности удовлетворяли исключительно продуктами собственнаго производства.

Частной собственности тоже не было внутри такихъ группъ. Добыча потребляется сообща. Жилища и даже орудія являются предметами общаго пользованія. Утварь и украшенія принадлежатъ безраздѣльно всей группѣ, а не отдѣльнымъ членамъ, — „принадлежатъ“ въ томъ же значеніи слова, въ какомъ и каждый членъ „принадлежитъ“ той же группѣ, т.-е существуетъ съ нею и въ ней.

Война была первоначально самой обычной формой отношеній между сосѣдними группами. Группа-побѣдительница уничтожала побѣжденныхъ, захватывала ихъ запасы и орудія.

Война—это полная противоположность обмѣна, который въ развитой своей формѣ предполагаетъ, что обѣ стороны даютъ другъ другу предметы одинаковой для нихъ стоимости. Война означаетъ, напротивъ, одностороннее завладѣніе, вытекающее изъ полнаго уничтоженія другой стороны. Тѣмъ не менѣе, уже война отчасти сопровождается явленіями, которыя, какъ элементы, входятъ потомъ и въ двусторонній обмѣнъ. Благодаря столкновеніямъ, каждый родъ начинаетъ смотрѣть на занимаемую имъ территорію, какъ на свою территорію. Благодаря войнѣ, у рода-побѣдителя появляются предметы, которые раньше принадлежали побѣжденнымъ, а потомъ, если перемѣнится счастье, будутъ принадлежать новымъ побѣдителямъ. Такъ возникаютъ зародышевыя формы коллективной, групповой собственности, такъ развивается первичное понятіе собственности, которое не могло бы зародиться, если бы группа оставалась абсолютно замкнутой, изолированной.

Но этого мало. Война, какъ и настоящій обмѣнъ, равносильна для рода-побѣдителя увеличенію разнообразія его производства. Къ продуктамъ, которые производятся имъ самимъ, присоединяются продукты, которые произведены побѣжденными. Это даетъ толчокъ возникновенію и росту новыхъ потребностей.

Переходя, благодаря измѣнчивости военнаго счастья, отъ одного рода къ другому отдѣльные предметы могли уже въ древнѣйшій періодъ исторіи человѣчества удаляться на огромныя разстоянія отъ мѣста ихъ производства: напр., нефритовые топоры и янтарныя украшенія за тысячи верстъ отъ мѣстонахожденія нефрита и отъ Балтійскаго моря.

На этомъ основаніи, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи конструи-

ровали развитую торговлю—съ обширными караванами, съ купцами въ качествѣ спеціальной профессіи—для такой отдаленной эпохи, когда необходимыя предпосылки ея развитія совершенно отсутствовали. Для нихъ человѣкъ, едва лишь возвысившись надъ чисто зоологическимъ существованіемъ, уже превращается въ современнаго продавца-покупателя, хозяйство котораго тысячами нитей связано съ развитымъ рынкомъ [1]).

Ростъ производительности общественнаго труда велъ за собою увеличеніе территоріальной емкости, болѣе тѣсное разселеніе или размѣщеніе отдѣльныхъ родовъ. Онъ дѣлалъ возможными болѣе близкія, сосѣдскія отношенія между родами, онъ дѣлалъ невозможнымъ состояніе постоянной истребительной войны между ними. Постепенно вырабатывается рядъ символическихъ дѣйствій, которыя должны показать, что обѣимъ сторонамъ чужды враждебные замыслы. Представители одной стороны предлагаютъ другой подарки, въ первую очередь протягиваютъ оружіе. Если та не принимаетъ ихъ,—начинается битва. Если она отвѣчаетъ подарками,—это означаетъ, что между родами устанавливаются мирныя отношенія.

Лишь съ величайшей медленностью символическое значеніе обмѣна подарками отступаетъ на задній планъ передъ собственно мѣновымъ, экономическимъ значеніемъ этого акта. Торговля израильскихъ и египетскихъ, вавилонскихъ и ассирійскихъ царей и даже римской знати въ эпоху Имперіи все еще старается сохранять эту внѣшне-благоприличную оболочку, хотя по своему внутреннему содержанію она уже рѣшительно переростаетъ ее. Отношенія односторонняго насильственнаго захвата,—напр., платежъ дани въ древней русской и въ библейской исторіи,—тоже замаскировываются въ оболочку обмѣна подарками.

---

[1]) Вотъ небольшая цитата, которая въ ясной, популярной, необдуманно-простодушной формѣ и въ сконцентрированномъ видѣ даетъ результаты, разсѣянные въ рядѣ новѣйшихъ „ученыхъ изслѣдованій“, но выраженные въ осторожно-взвѣшенныхъ, болѣе или менѣе запутанныхъ положеніяхъ: „Эгоизмъ является самой древней и мощной пружиной, выступающей въ исторіи развитія человѣчества... Эгоизмъ съ первобытныхъ временъ направилъ первое вожделѣніе человѣка къ собственности и пробудилъ въ немъ злое желаніе отнять у своего ближняго вещи, составлявшія предметъ его зависти и удивленія... Дальнѣйшее средство овладѣть собственностью другихъ, являвшеюся предметомъ зависти, далъ обмѣнъ. Непосредственный обмѣнъ представляетъ древнѣйшую форму торговли и уже въ доисторическія времена пріобрѣлъ характеръ настоящей міровой торговли“. Дальше слѣдуютъ доказательства: находки во Франціи рядомъ съ остатками первобытнаго человѣка, современника мамонта,—предметовъ изъ Египта и русской равнины, такія же удивительныя находки въ С. Америкѣ. M. G. Schmidt. Geschichte des Welthandels. 1906. Въ дальнѣйшемъ намъ не разъ придется возвращаться къ сходнымъ воззрѣніямъ. Имъ не вполнѣ чуждъ, напр., даже Э. Мейеръ

Отъ прежняго тѣснаго, хотя и временнаго сближенія родовъ, начинающагося съ момента обмѣна подарками, остается и сохраняется обычай гостепріимства. Родъ принимаетъ въ свой составъ члена другого рода, но принимаетъ только на время и только для того, чтобы дать ему отдохнуть, снабдить всѣмъ необходимымъ для дороги, обезпечить безопасность на своей территоріи. На этомъ оканчиваются его обязательства по отношенію къ путнику. Но и этого достаточно для того, чтобы сдѣлать возможными мѣновыя отношенія между отдаленными родами. Не даромъ не только на русскомъ и на нѣмецкомъ, но и на нѣкоторыхъ другихъ языкахъ купцы назывались „гостями".

По мѣрѣ того, какъ мѣновыя отношенія пріобрѣтаютъ все бо̀льшую важность для существованія обособленныхъ группъ, они въ процессѣ своего развитія создаютъ цѣлый рядъ обрядностей и обычаевъ, дѣлающихъ возможнымъ временное сближеніе враждебныхъ сторонъ. Въ символическихъ дѣйствіяхъ, сопровождающихъ обмѣнъ, долгое время сохраняется воспоминаніе о внутреннемъ родствѣ войны и обмѣна, захвата и торговли, о внѣшнемъ, формальномъ сходствѣ первоначальнаго обмѣна съ дареніемъ. Экономическій смыслъ новыхъ обычаевъ и обрядностей сводится къ тому, что каждая сторона не просто беретъ подарки, предлагаемые другой стороной, но принимаетъ участіе и въ опредѣленіи предметовъ, которые она желаетъ получить, и въ установленіи извѣстной пропорціи между обмѣниваемыми продуктами.

Такова была торговля древнихъ финикіянъ съ дикими племенами сѣверной и сѣверо-западной Африки. Высадившись на берегъ, финикіяне раскладывали кучками стеклянныя бусы и другія украшенія, пурпурныя ткани и прочіе предметы своей торговли, разводили огромный костеръ и отъѣзжали на почтительное разстояніе. Туземцы собирались на дымъ, осматривали товары и, оставивъ около желательныхъ для нихъ предметовъ кучки золота по своей оцѣнкѣ, удалялись отъ берега. Возвратившись, финикіяне забирали товары, на которые не оказалось покупателей, и кучки золота, которыя представляли достаточную цѣну за товаръ. Они опять отъѣзжали, опять приходили туземцы, забирали купленные товары, отказывались отъ покупки другихъ, повышали оцѣнку третьихъ. Такимъ образомъ, обѣ стороны торговались другъ съ другомъ. Торгъ каждую минуту могъ превратиться въ грабежъ, если финикіяне считали цѣлесообразнымъ и возможнымъ устроить засаду.

Островитянскія племена Тихаго океана, встрѣчаясь съ равносильными противниками, протягиваютъ другъ другу подарки на концахъ копій. Торгъ по малѣйшему поводу быстро превращается въ битву. При встрѣчѣ со слабымъ противникомъ съ самаго начала вспыхиваетъ борьба.

Какъ бы часто обмѣнъ ни прерывался вспышками прежней родовой исключительности, онъ все же развивался, и его обычнымъ мѣстомъ были пограничныя области, лежащія между территоріями сосѣднихъ родовъ. По мѣрѣ того, какъ роль обмѣна растетъ, эти области превращаются въ нейтральныя территоріи, на которыхъ встрѣчаются обмѣнивающіеся. На протяженіи многихъ вѣковъ нейтралитетъ развивается изъ вооруженнаго,—изъ преходящаго перерыва постоянной войны,—въ болѣе прочный, строго соблюдаемый нейтралитетъ. Сначала роды встрѣчаются въ пограничныхъ областяхъ вооруженные, вполнѣ готовые къ битвѣ, такъ какъ никто не знаетъ, чѣмъ встрѣча кончится и даже начнется: мирнымъ обмѣномъ, или же битвой. Впослѣдствіи устанавливается обычай поддерживать миръ на опредѣленное время, напр., въ извѣстные дни года отъ восхода до захода солнца. Какъ только истекаетъ это время, обмѣнъ уступаетъ мѣсто открытому, безпощадному грабежу.

Таково въ главныхъ чертахъ развитіе внѣшнихъ формъ и пріемовъ обмѣна. Въ основѣ его лежатъ постепенныя измѣненія внутренняго содержанія и экономическаго значенія обмѣна для существованія родовъ.

Война, пока обмѣнъ не достигъ извѣстнаго уровня развитія, не можетъ играть сколько-нибудь выдающейся роли въ качествѣ особаго вида производственной дѣятельности. Главной основой существованія родовъ остается ихъ собственное мирное производство: военная добыча даетъ лишь случайное подспорье къ обычнымъ предметамъ потребленія, организаторъ не считается съ ней въ своихъ хозяйственныхъ планахъ. Основная задача войны чаще всего—вытѣсненіе и уничтоженіе противника. Добыча—лишь ея случайный и неглавный результатъ. Получается знакомство съ предметами, которыми обладалъ побѣжденный. Но этого еще недостаточно для того, чтобы родъ-побѣдитель сдѣлалъ войну своимъ главнымъ занятіемъ. Для этого требуются болѣе сильныя и широкія побужденія, которыя порождаетъ только сравнительно широкій и постоянный обмѣнъ.

Обмѣнъ подарками на первыхъ порахъ тоже не имѣетъ особеннаго непосредственно-экономическаго значенія. Одинъ родъ, встрѣтившись съ другимъ, предлагаетъ ему кремневый топоръ и получаетъ отвѣтный подарокъ: два копья съ желѣзными наконечниками. Этимъ актомъ и заканчиваются экономическія отношенія между двумя родами. Совершившійся актъ можно выразить въ слѣдующей формулѣ:

1 топоръ = двумъ копьямъ.

Топоръ случайно оказался не просто продуктомъ, т.-е. предметомъ, произведеннымъ непосредственно для собственнаго потребленія, а то-

варомъ, т.-е. продуктомъ, который, въ концѣ-концовъ, принесъ пользу данному роду не тѣмъ, что онъ топоръ, что имъ можно сражаться съ противникомъ, а тѣмъ, что за него удалось получить другіе предметы. Стоимость его для отдающаго рода заключалась и выразилась въ моментъ обмѣна не въ томъ, что имъ можно было рубить, а въ томъ, что онъ принесъ два копья. Коротко говоря, стоимость топора выразилась въ 2 копьяхъ, которыя и составили для даннаго случая мѣновую стоимость топора.

Для другой общины актъ представляется въ обратномъ видѣ. Она на 2 копья получила топоръ. Въ данный моментъ копья, какъ оружіе, были не важны для нея. Сражаться она не хотѣла. Если бы въ данномъ случаѣ копья пришлось примѣнить тѣмъ способомъ, для котораго они вообще производятся, это огорчило бы всѣхъ ея членовъ. Другими словами, обычный способъ примѣненія копій, или ихъ потребительная стоимость, какъ оружія, въ данный моментъ совершенно не существовала для второй общины. Ихъ „потребительная стоимость“ заключалась только въ томъ, что на нихъ можно было получить отвѣтный подарокъ, топоръ. Копья оказались полезными не какъ оружіе, а какъ товаръ, какъ предметъ обмѣна. Ихъ стоимость нашла себѣ выраженіе въ формулѣ:

2 копья = 1 топору.

Величина ихъ стоимости выразилась въ томъ, что два копья принесли одинъ топоръ.

Перейдя въ актѣ обмѣна изъ одного рода въ другой, 1 топоръ и 2 копья находятъ себѣ примѣненіе, становятся потребительными стоимостями уже какъ топоръ и копья, какъ оружіе. Это выступитъ немедленно и съ полной наглядностью, если за мирной встрѣчей непосредственно послѣдуетъ ссора и кровопролитная битва. Тогда каждый родъ на самомъ себѣ почувствуетъ потребительную стоимость произведеннаго имъ самимъ и отданнаго другому роду оружія.

Въ описанной мѣновой сдѣлкѣ все случайно и единично. Случаенъ мирный характеръ первой встрѣчи двухъ родовъ. Случайно, слѣдовательно, то обстоятельство, что топоръ и копья выступаютъ непосредственно какъ товаръ, какъ предметы обмѣннаго даренія, а не какъ собственно оружіе. Случайны, наконецъ, тѣ пропорціи, въ которыхъ обмѣнены другъ на друга товары. На разсматриваемой ступени развитія для обоихъ родовъ важны не пропорціи, въ которыхъ совершается обмѣнъ, а самый фактъ обмѣна, его символическое значеніе.

Въ виду всего этого, разсмотрѣнная примитивная форма обмѣна подарками называется простой, единичной или случайной формой обмѣна.

Пробивъ первыя бреши въ первоначально замкнутомъ родовомъ

хозяйствѣ, обмѣнъ не останавливается на этомъ. Мирныя встрѣчи, раньше рѣдкое исключеніе, становятся обычнымъ явленіемъ. Легче всего завязываются мѣновыя отношенія въ тѣхъ случаяхъ, когда роды, не утратившіе воспоминаній о своемъ родствѣ, разселяются на довольно обширномъ пространствѣ и только нѣкоторые изъ нихъ остаются около мѣстонахожденій привычныхъ предметовъ потребленія. Родовая группа, встрѣчая чуждые роды, которые въ своихъ блужданіяхъ соприкасаются съ ея территоріей, совершенно естественно предлагаетъ въ подарокъ такіе предметы, которыми наиболѣе богата ея область и которые наиболѣе охотно берутъ встрѣчные роды. Взаимный обмѣнъ подарками можетъ пріобрѣсти періодическій характеръ,—одинъ родъ начинаетъ снабжать этими предметами другіе роды и получать въ обмѣнъ самые разнообразные предметы своего собственнаго потребленія.

Такимъ образомъ роды, жившіе около озера Эри, вымѣнивали необходимые для нихъ продукты на мѣдь, мексиканскіе роды—на обсидіанъ, германскіе роды, жившіе около Балтійскаго моря, — на янтарь и т. д. Для этихъ родовъ обмѣнъ становился болѣе однообразнымъ: встрѣчаясь все съ новыми и новыми родами, они предлагали въ качествѣ подарка неизмѣнно одинъ и тотъ же предметъ, — только разные его экземпляры и въ разныхъ количествахъ. Слѣдовательно, новыя мѣновыя отношенія между родами можно выразить въ такой формулѣ:

10 золотниковъ янтаря = { 1 топору; 5 стрѣламъ; 2 копьямъ; 1 связкѣ стеклянныхъ бусъ; 2 глинянымъ сосудамъ; и т. д.

На первый взглядъ кажется, что различіе между этой и предыдущей формулой, а также между отношеніями, которыя онѣ выражаютъ, чисто количественное. Въ первомъ случаѣ былъ одинъ актъ обмѣна, оставшійся единичнымъ; здѣсь—5, 6, неопредѣленный рядъ повторныхъ мѣновыхъ актовъ. Въ дѣйствительности различіе формулъ не исчерпывается количественной стороной.

Новая формула означаетъ: при своихъ послѣдовательныхъ встрѣчахъ съ различными родами данный родъ получалъ отъ нихъ за 10 зол. янтаря 1 топоръ, 5 стрѣлъ и т. д. Янтарь оказался для него предметомъ, на который вообще можно вымѣнивать различные другіе предметы. Каждые 10 зол. янтаря, которыми располагаетъ родъ, стоятъ столько же, сколько 1 топоръ, 2 копья. Стоимость одного и того же количества янтаря нашла и находитъ себѣ выраженіе въ различныхъ количествахъ разнообразныхъ другихъ товаровъ.

Для того, чтобы янтарь пріобрѣлъ такое значеніе, необходимо, чтобы онъ уже раньше сдѣлался обычнымъ предметомъ потребленія въ предѣлахъ даннаго рода. Послѣдній производилъ, добывалъ янтарь, какъ предметъ украшенія, для благовонныхъ куреній и т. д. Извѣстная сумма труда затрачивалась родомъ на отысканіе янтаря, который служилъ опредѣленнымъ потребностямъ именно какъ янтарь.

Новая формула обмѣна служитъ выраженіемъ того факта, что роль янтаря измѣнилась. Онъ по-прежнему добывается для непосредственныхъ потребностей данной общины въ янтарѣ, слѣдовательно, сохраняетъ для нея свою потребительную стоимость, благодаря своимъ физическимъ свойствамъ: цвѣту, блеску, прозрачности, аромату, пригодности для обработки. Но въ актахъ обмѣна онъ пріобрѣтаетъ еще и особую, новую потребительную стоимость: способность обмѣниваться на продукты, производимые сосѣдними родами, доставлять своимъ владѣльцамъ топоры, стрѣлы, копья, ткани. Къ его физическимъ свойствамъ присоединяется это новое, общественное свойство, возникшее и развивающееся въ актахъ обмѣна, въ зачаточныхъ формахъ общественныхъ отношеній между родами.

Зарождающіяся мѣновыя отношенія между родами выражаютъ собою глубокія перемѣны въ производственныхъ отношеніяхъ этихъ родовъ и, въ первую очередь, того, который добываетъ янтарь. Янтарь начинаетъ добываться не только за его физическія свойства, но также изъ-за новаго общественнаго свойства: изъ-за его способности обмѣниваться на другіе предметы, изъ-за того, что его производство все чаще можетъ практически замѣщать собственное производство одежды, оружія, утвари. Чѣмъ чаще янтарь играетъ роль товара, обмѣнивается на другіе продукты, тѣмъ болѣе расширяется его производство, и относительно сокращается производство этихъ другихъ продуктовъ. Въ концѣ-концовъ, родъ уже сознательно увеличиваетъ количество рабочихъ силъ, занятыхъ добываніемъ янтаря и производствомъ изъ него различныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ, новая формула служитъ выраженіемъ возникающаго общественнаго раздѣленія труда, т.-е. раздѣленія труда между группами, которыя, въ общемъ, сохраняютъ свою самостоятельность и обособленность и связаны лишь мѣновыми отношеніями. Пока акты обмѣна оставались случайными, единичными, каждый родъ самъ производилъ все необходимое для себя. Теперь для отдѣльныхъ родовъ становится возможнымъ болѣе развить опредѣленную отрасль производства и удовлетворять потребность въ продуктахъ другихъ отраслей посредствомъ обмѣна съ сосѣдними родами. Эта возможность отчасти и осуществляется уже на разсматриваемой ступени развитія. У однихъ

родовъ, въ зависимости отъ естественныхъ условій, развивается производство каменнаго оружія, у другихъ — гончарное производство; мѣстонахожденія металловъ становятся центрами кузнечнаго производства; охотничьи роды вымѣниваютъ необходимые для нихъ предметы на мѣха и роговыя издѣлія; скотоводческіе—преимущественно на кожи и шкуры, ковры и цыновки.

Превращеніе продукта въ товаръ сдѣлало нѣкоторый шагъ впередъ по сравненію съ предыдущей ступенью. Тогда совершенно случайно тотъ, а не другой предметъ,—напр. каменный топоръ, а не роговое украшеніе, — фигурировалъ въ качествѣ подарка, зародышевой формы товара; онъ представлялъ, въ сущности, вычетъ изъ той суммы потребительныхъ стоимостей, топоровъ, которые были необходимы для самихъ первоначальныхъ владѣльцевъ этого топора. На новой ступени обмѣна, иллюстрированной примѣромъ рода, добывающаго янтарь, превращеніе янтаря въ товаръ пріобрѣтаетъ болѣе регулярный характеръ; оно не случайно, янтарь начинаютъ добывать отчасти именно для того, чтобы вымѣнивать на него другіе продукты; янтарь-товаръ представляетъ избытокъ надъ тѣмъ количествомъ, которое необходимо для самого рода, иниціатора обмѣна.

Однако, все это свидѣтельствуетъ о перемѣнахъ въ производственныхъ отношеніяхъ преимущественно одной родовой общины,—той, которая добываетъ янтарь, а не тѣхъ, съ которыми она обмѣнивается. Только для первой обмѣнъ развивается въ процессъ, состоящій изъ безконечнаго ряда звеньевъ. Только янтарь выражаетъ свою стоимость неопредѣленное число разъ и въ неопредѣленномъ числѣ другихъ предметовъ. Для остальныхъ общинъ обмѣнъ—по-прежнему случайный, единичный актъ; для той или иной изъ нихъ сегодня топоръ провратился въ товаръ, выразилъ свою стоимость въ янтарѣ, а потомъ, быть можетъ черезъ много мѣсяцевъ, то же самое повторится съ копьями; при встрѣчѣ съ новыми родами въ обмѣнъ за топоръ будутъ получены стеклянныя бусы. Словомъ, для остальныхъ родовъ сохраняются въ полной силѣ отношенія, характеризующіяся первой формой обмѣна. Новая—полная или развернутая форма обмѣна—существуетъ лишь для одной родовой группы,—въ нашемъ примѣрѣ для производящей янтарь.

Извѣстныя, болѣе или менѣе устойчивыя пропорціи, въ которыхъ обмѣниваются предметы одинъ на другой, вырабатываются въ процессѣ обмѣна только для этой группы. На янтарь она вымѣниваетъ предметы, которые производятся также и ея собственными рабочими силами. На производство каменнаго топора, напр., требуется 2-мѣсячный трудъ одного работника, и столько же затрачивается на добываніе 10 зол. янтаря. Этимъ опредѣляется минимальная пропорція, ниже которой

община должна будетъ не спускаться, потому что иначе ея труда не хватило бы на удовлетвореніе ея потребностей. Такъ какъ она—единственная производительница янтаря, и такъ какъ она сталкивается съ цѣлымъ рядомъ группъ, отъ которыхъ можно получить топоры, то у нея есть сила установить такую пропорцію. Разъ установившись, опредѣленныя пропорціи продолжаютъ служить регуляторомъ мѣновыхъ сдѣлокъ и послѣ того, какъ собственное производство топоровъ сократится у данной общины до полнаго исчезновенія. Разумѣется, все это возможно лишь постольку, поскольку символическое значеніе обмѣна подарками отступаетъ на задній планъ передъ его экономическимъ содержаніемъ,—т.-е. все это предполагаетъ болѣе или менѣе глубокія перемѣны въ производственныхъ отношеніяхъ общины.

Остальныя общины не знакомы съ условіями добыванія янтаря. Обмѣнъ для нихъ—случайный, единичный актъ. Янтарь, который для первой общины уже далеко ушелъ въ своемъ превращеніи въ товаръ, для нихъ еще не утратилъ окончательно значенія подарка. По всѣмъ этимъ причинамъ, онѣ—пассивная сторона при установленіи мѣновыхъ пропорцій. Послѣднія диктуются первымъ родомъ. Акты обмѣна часто отклоняются для него въ благопріятную сторону отъ нормальной пропорціи: 10 зол. янтаря = 1 топору. Эта норма остается регуляторомъ только для самихъ производителей янтаря и, главнымъ образомъ, именно какъ низшій предѣлъ его товарной стоимости.

Мѣновая дѣятельность рода, добывающаго янтарь, съ теченіемъ времени оказываетъ глубокое вліяніе на роды, живущіе въ непосредственномъ и длительномъ сосѣдствѣ съ нимъ. Въ учащающихся мѣновыхъ актахъ съ первымъ родомъ ихъ собственные продукты неизмѣнно выражаютъ свою стоимость все въ одномъ и томъ же товарѣ: въ янтарѣ. Для нихъ 1 топоръ, 5 стрѣлъ, 2 копья и т. д. каждый разъ оказываются равными извѣстному количеству янтаря.

Совершенно естественно, что другія родовыя общины, соприкасающіяся не съ самими производителями янтаря, а съ ихъ непосредственными сосѣдями, тоже получаютъ въ обмѣнъ за свои подарки янтарь; по всей вѣроятности, именно изъ-за янтаря и завязываются между ними мирныя отношенія. Мирный способъ полученія янтаря,—смѣняющійся иногда простымъ грабежомъ, — мало-по-малу пріобрѣтаетъ все болѣе устойчивый и регулярный характеръ. Обыкновеніе выражать стоимость продуктовъ въ янтарѣ распространяется шире, на новые роды.

Такъ шагъ за шагомъ янтарь превращается во всеобщую мѣру стоимости для родовъ, занимающихъ сравнительно обширную территорію. Непосредственный обмѣнъ все болѣе утрачиваетъ свое прежнее исключительное значеніе. И если даже онъ сохраняется, то обмѣнъ на

янтарь все же вторгается въ качествѣ посредствующаго звена въ тѣ соображенія, которыми руководствуются стороны при опредѣленіи пропорціи обмѣниваемыхъ продуктовъ. Желая вымѣнять на случайно избыточные топоры дополнительное количество копій, владѣлецъ первыхъ соображаетъ: топоръ достался мнѣ за 10 золотниковъ янтаря, копья же мнѣ самому приходилось уступать по 2 штуки за 10 золотниковъ. Слѣдовательно, сдѣлка будетъ правильная, если за 1 топоръ удастся получить 2 копья. Точно такъ же и для владѣльца копій обмѣнъ ихъ на янтарь фигурируетъ, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ воображаемаго, не получающаго дѣйствительной реализаціи момента.

Около производителей янтаря развивается особый тяготѣющій къ нимъ и до извѣстной степени отграниченный міръ, для котораго всѣ мѣновые акты принимаютъ единообразную форму:

1 топоръ
5 стрѣлъ
2 копья
1 связка бусъ
3 глиняныхъ сосуда
и т. д.

} = 10 золот. янтаря.

Новая формула представляетъ мѣновые акты съ точки зрѣнія тѣхъ родовъ, которые вымѣниваютъ на свои продукты янтарь. Она кажется перевернутой второй формулой и ничѣмъ больше. Въ дѣйствительности, какъ видно уже изъ предыдущаго, господство этой формы обмѣна знаменуетъ огромный шагъ въ развитіи мѣновыхъ отношеній.

Не только въ обмѣнѣ съ общиной, производящей янтарь, но и въ обмѣнѣ между сосѣдними общинами всѣ остальные товары выражаютъ свою стоимость въ янтарѣ. Янтарь выдѣлился изъ ряда другихъ товаровъ, какъ товаръ по преимуществу, какъ средство для выраженія стоимости всѣхъ другихъ товаровъ, какъ всеобщее мѣрило и воплощеніе стоимости,—выдѣлился потому, что въ процессѣ развивающихся мѣновыхъ сдѣлокъ онъ превратился въ товаръ, на который пріобрѣтаются всевозможные другіе товары.

Янтарь начинаютъ вымѣнивать уже не ради его физическихъ свойствъ, а за его общественное свойство: за то, что всѣ другіе товары выражаютъ въ немъ свою стоимость, за то, что онъ сдѣлался всеобщимъ покупательнымъ средствомъ. Для рода, добывающаго янтарь, это свойство, пріобрѣтаемое янтаремъ въ процессѣ развивающихся общественныхъ отношеній между родами, служитъ побужденіемъ расширять добываніе янтаря; то же самое свойство побуждаетъ сосѣдніе роды расширять свое производство топоровъ, копій и т. д., на которые можно вымѣнять янтарь у другихъ родовъ. Такимъ образомъ, новая, всеоб-

щая форма обмѣна служитъ выраженіемъ прогрессирующаго общественнаго раздѣленія труда, а слѣдовательно, и глубокаго измѣненія въ производственныхъ отношеніяхъ каждаго рода. Превращеніе продукта въ товаръ сдѣлало рѣшительный шагъ впередъ не только для рода, добывающаго янтарь, какъ было при господствѣ предыдущей формы обмѣна, но и для окружающихъ родовъ.

Съ теченіемъ времени свойство янтаря обмѣниваться въ опредѣленныхъ пропорціяхъ на другіе предметы, начинаетъ казаться такимъ же его естественнымъ свойствомъ (а не зависящимъ, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, отъ общественныхъ отношеній и, въ частности, отношеній трудовыхъ затратъ), какъ цвѣтъ и прозрачность, твердость и блескъ.

Это явленіе—надѣленіе свойствъ обмѣна особыми свойствами—вполнѣ развертывается лишь на очень позднихъ ступеняхъ экономическаго развитія. Въ разсматриваемый періодъ оно едва намѣчается.

По мѣрѣ того, какъ непосредственный обмѣнъ отступаетъ на задній планъ и всеобщая форма обмѣна получаетъ болѣе широкое распространеніе, мѣновыя пропорціи различныхъ товаровъ все болѣе утрачиваютъ случайный характеръ, все болѣе фактически регулируются трудовыми затратами. Иначе оно и быть не можетъ: развитіе всеобщей формы обмѣна уже само по себѣ показываетъ, что обмѣнъ изъ случайнаго акта превращается въ постоянное условіе существованія цѣлаго ряда родовъ. Количественныя отношенія обмѣниваемыхъ продуктовъ перестаютъ быть чѣмъ-то безразличнымъ; соотвѣтствіе между суммой труда и суммой потребностей этихъ общинъ можетъ поддерживаться лишь при томъ условіи, чтобы онѣ не расточали свой трудъ при обмѣнѣ, т.-е. получали за свои товары продукты не меньшей трудовой стоимости. Но сведеніе мѣновыхъ стоимостей къ трудовымъ затратамъ является косвеннымъ, совершается при посредствѣ хотя бы воображаемаго обмѣна на янтарь: товары, производство которыхъ стоило одинаковаго количества труда, должны обмѣниваться на равныя количества янтаря.

Однако, производство для собственнаго потребленія все еще остается господствующимъ даже въ такихъ родахъ, которые спеціализировались на производствѣ оружія, гончарныхъ издѣлій и т. д. Даже для нихъ обмѣнъ доставляетъ лишь нѣкоторое восполненіе къ собственному производству предметовъ питанія, украшеній и т. д. О родахъ, которые не могли развить у себя такихъ спеціальныхъ отраслей, нечего и говорить. Поэтому элементъ случайности все еще значителенъ какъ въ самыхъ мѣновыхъ отношеніяхъ между родами, такъ и въ тѣхъ пропорціяхъ, въ которыхъ обмѣниваются продукты одинъ на другой.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ янтарь уже развился въ деньги для своей области. Въ другихъ областяхъ такую роль начинаютъ играть куски мѣди или желѣза, скотъ и продукты скотоводства, напр., шкуры. Въ пограничныхъ территоріяхъ, соприкасающихся съ такими областями, идетъ борьба между различными орудіями обмѣна за привилегированное положеніе, за выдѣленіе изъ ряда остальныхъ товаровъ, за превращеніе въ деньги уже не для одной, а для цѣлаго ряда смежныхъ областей. Но и эта борьба, и ея исходъ относятся къ позднѣйшему періоду экономическаго развитія.

Послѣдовательное развитіе формъ обмѣна можно иллюстрировать на болѣе близкихъ къ намъ отношеніяхъ, когда встрѣчаются два рѣзко различныхъ экономическихъ строя, и потому всѣ процессы протекаютъ со стремительной быстротой.

Въ деревню съ натурально-хозяйственнымъ строемъ всѣхъ отношеній, т.-е. съ производствомъ, разсчитаннымъ непосредственно на собственное потребленіе, является торговецъ, представляющій въ то же время и скупщика. Происходитъ цѣлый рядъ актовъ непосредственнаго обмѣна: 1 зеркало = неопредѣленному количеству шерсти, которое отдается и принимается просто на глазъ, 1 платокъ = такому же неопредѣленному количеству пуха или костей и т. д. Акты обмѣна единичны, пропорціи обмѣна случайны для крестьянъ. Они производили и производятъ продукты не для рынка, а непосредственно для собственнаго потребленія. Продуктъ для нихъ не товаръ, т.-е. не воплощеніе опредѣленнаго количества труда, не стоимость, которая должна посредствомъ обмѣна замѣститься равной стоимостью, а потребительная стоимость, которая, какъ случайно избыточная, замѣняется другой потребительной стоимостью. Но уже здѣсь, въ отличіе отъ первобытнаго обмѣна, мѣновыя пропорціи далеко не случайны для скупщика.

На новой ступени обмѣна торговецъ, являющійся въ деревню, уже говоритъ: такое-то количество денегъ ты можешь получить за шерсть, за перо. 10 золотниковъ серебра = 1 овцѣ или двумъ шкурамъ, или 10 фунтамъ пуха. Торговецъ развернулъ свою дѣятельность, произвелъ расцѣнку всему, чѣмъ располагаетъ деревня. Инициатива обмѣна, установленіе пропорцій—опять-таки дѣло больше его, чѣмъ деревни.

Потомъ деревня уже сама заявляетъ: и 1 овца, и 10 фунтовъ шерсти, и 5 фунтовъ льна, и 2 пуда ржи,—каждый изъ этихъ предметовъ = 10 золотникамъ серебра. Деревня вынуждена сама пойти на рынокъ. Обмѣнъ разложилъ старый экономическій строй деревни, пронизалъ всѣ ея внутреннія отношенія, все превратилъ въ товаръ, всему далъ расцѣнку на серебро. Но полнаго господства всеобщая форма обмѣна достигаетъ лишь съ того времени, когда человѣкъ съ пустыми

руками будетъ вынужденъ выйти на рынокъ и заявить. я самъ представляю собой товаръ, рабочую силу; продаю его за 10 золотниковъ серебра на недѣлю.

На внутреннія отношенія первобытныхъ родовъ, близкихъ, почти тожественныхъ по степени экономическаго развитія, зарождающійся обмѣнъ дѣйствовалъ съ величайшей медленностью, напоминающей медленность біологическихъ процессовъ. Но окончательнымъ результатомъ переворота во внѣшнихъ отношеніяхъ была полная революція во внутреннихъ отношеніяхъ рода.

Встрѣчаются два рода. Съ той и другой стороны выступаетъ по наиболѣе сильному члену, которые на данный моментъ являются представителями своихъ родовъ; если вспыхнетъ битва, они же, какъ передовые борцы, окажутся и вождями, за которыми послѣдуютъ остальные.

Встрѣча окончилась мирно. Въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ производство обоихъ родовъ почти одинаково; поэтому обмѣнъ, возникающій вслѣдствіе временнаго сближенія между ними, едва ли пойдетъ много дальше первоначальнаго акта, при которомъ представители обмѣнялись, напр., топоромъ и стрѣлами. Всѣ внутреннія отношенія родовъ послѣ ихъ расхожденія остались такими, какъ были до встрѣчи.

Но все, чѣмъ располагаетъ каждый родъ, пріобрѣтаетъ теперь особенное значеніе. Послѣ встрѣчи съ чуждымъ родомъ,—а это для первыхъ ступеней равносильно встрѣчѣ съ враждебнымъ родомъ,—данный родъ сохранилъ за собой и свою территорію, и всѣ предметы потребленія, которыми онъ обладаетъ. Онъ отстоялъ ихъ отъ чуждаго рода или въ дѣйствительной схваткѣ, или благодаря тому, что встрѣчный родъ не рискнулъ съ нимъ сразиться. Болѣе того: онъ, быть можетъ, отнялъ у встрѣчнаго рода все, на чемъ покоилось существованіе послѣдняго: и территорію, и орудія, и запасы. Такимъ образомъ, все, чѣмъ обладаетъ каждый родъ, благодаря взаимнымъ столкновеніямъ, выступаетъ, какъ собственность каждаго рода. И уже здѣсь до полной обнаженности ясно, что отношенія родовой собственности суть лишь особое выраженіе отношеній силы.

Временный представитель уже выдѣляется здѣсь изъ остальной массы рода. Увеличеніе количества актовъ обмѣна даетъ возможность его дальнѣйшаго выдѣленія. Онъ получилъ топоръ отъ другого рода,—онъ добылъ этотъ топоръ. Данный топоръ не таковъ, какъ остальные топоры, произведенные коллективнымъ трудомъ общины.

Еще болѣе благопріятная почва создается для зарожденія такихъ представленій, если встрѣча приводитъ къ сраженію,—это на первыхъ ступеняхъ межродовыхъ отношеній болѣе обычно и вѣроятно, чѣмъ

мирный обмѣнъ. Битва начинается между представителями родовъ. Давидъ беретъ доспѣхи поверженнаго Голіафа. Они добыты его личной силой, сообразительностью и храбростью: первоначальная схватка опредѣлила исходъ всей битвы. Масса только довершила дѣло: она можетъ распоряжаться тѣмъ, что захвачено ею самой. Такъ возникаетъ зародышевая форма тѣхъ отношеній и тѣхъ представленій, которыя мало-по-малу превращаютъ впослѣдствіи собственность родовую въ личную собственность главы рода.

Когда обмѣнъ становится болѣе регулярнымъ и даетъ возможность развиться качественнымъ различіямъ въ производствѣ обмѣнивающихся родовъ, предводитель понемногу освобождается отъ контроля рода. Сначала онъ, руководя обмѣномъ, только исполнялъ общую волю рода. Даже у современныхъ дикарей обмѣнъ—въ высшей степени сложная и до крайности медлительная процедура. Представители встрѣчающихся племенъ взаимно обмѣниваются подарками. Это ихъ индивидуальный актъ. Но дальше каждый родъ выступаетъ уже какъ коллективное цѣлое. Каждый членъ рода осматриваетъ, обнюхиваетъ, ощупываетъ, прикидываетъ, привѣшиваетъ къ рукѣ предметъ, предлагаемый другимъ родомъ. Всѣ принимаютъ участіе въ обсужденіи полезности, добротности предметовъ, выгодности намѣчающейся сдѣлки,—какъ отчасти еще и теперь въ захолустныхъ деревняхъ полдеревни принимаетъ участіе въ покупкѣ бусъ или зеркальца у заѣзжаго коробейника. Представители только руководятъ торгомъ, и потомъ они же передаютъ другъ другу изъ рукъ въ руки предметы, которыми роды рѣшили обмѣняться. Этотъ моментъ—одинъ изъ критическихъ. Легко можетъ случиться, что двѣ стороны не поняли другъ друга, что предметъ передается не тотъ и не въ томъ количествѣ, какъ ожидалось. Только-что начавшееся мирное сближеніе переходитъ въ ссору, которая легко ведетъ къ кровопролитной развязкѣ. Обычная картина „цыганскаго“ торга на какомъ-нибудь конскомъ рынкѣ даетъ лишь слабое представленіе объ условіяхъ первобытной торговли. Хотя цыгане и сумѣли сохранить нѣкоторую долю кочевой первобытности, но земледѣльческая группа, которая противостоитъ кочевой группѣ на рынкахъ, крестьяне, во всякій моментъ чувствуетъ за собой мощную силу современнаго государства. Въ шумномъ торгѣ конскаго рынка прорываются поэтому лишь проблески первобытныхъ мѣновыхъ отношеній.

Въ виду обычнаго характера первоначальнаго обмѣна, представителемъ рода при мѣновыхъ отношеніяхъ выступаетъ чаще всего не старѣйшина, руководитель его мирной дѣятельности, а наиболѣе сильный и опытный воинъ, тотъ членъ рода, который въ сраженіяхъ выдвигается, какъ предводитель. Но съ силой и опытностью онъ долженъ сочe-

тать также не малую осторожность и хитрость. Это—эмбріонъ позднѣйшаго Одиссея, въ которомъ воинъ успѣлъ уже порядочно стушеваться передъ купцомъ. Онъ долженъ обставить дѣло такъ, чтобы противная сторона не высмотрѣла слабыхъ пунктовъ, не предъявила неумѣренныхъ требованій, не напала врасплохъ, не отняла у рода и своихъ первоначальныхъ подарковъ, и всего, что у него было, — чтобы, наконецъ, просто не уничтожила его. Благопріятный исходъ встрѣчи становится личной заслугой вождя. Его же заслуга, если онъ во время подастъ сигналъ къ нападенію и превратитъ обмѣнъ въ успѣшный грабежъ.

Такъ развивающійся обмѣнъ создаетъ отношенія, выдѣляющія вождя изъ остальной массы рода, превращающія его функціи изъ временныхъ въ постоянныя, дѣлающія его центромъ вновь возникающихъ представленій,—представленій о собственности.

Но тѣ же явленія, какъ изъ отношеній между родами, возникаютъ изъ отношеній и между предводителями. Мечъ не отнятъ вражескимъ предводителемъ, а вымѣнянъ на топоръ, — значитъ, вражескій предводитель побоялся напасть, значитъ, топоръ добытъ силой. На почвѣ этихъ фактическихъ отношеній силы постепенно развивается представленіе о топорѣ, какъ собственности предводителя.

Несомнѣнно, именно съ этой эпохи украшенія пріобрѣтаютъ новый характеръ. Возникнувъ въ періодъ расширенія общественныхъ связей первобытнаго рода, они отмѣчали въ первую очередь принадлежность къ тому или иному роду, т.-е. отмежевывали одинъ родъ отъ другихъ. Теперь коллективная жизнь и дѣятельность рода, его честь и достоинство начинаютъ персонифицироваться въ предводителѣ, въ его „подвигахъ“ и „дѣяніяхъ“. Развивается та наивная хвастливость, которую путешественники отмѣчаютъ въ вождяхъ дикихъ племенъ, та приниженность передъ вождями, которая, впрочемъ, достигаетъ пышнаго расцвѣта, превращается въ пресмыкательство лишь много позже, въ эпоху разложенія феодализма. Украшенія принимаютъ все болѣе индивидуальный и индивидуалистическій характеръ: выдѣляютъ отдѣльную личность изъ остальной массы рода, кричатъ объ ея личныхъ заслугахъ. Украшенія, какъ и оружіе, развиваются въ символы превосходства данной личности надъ другими, — въ ея личную, частную собственность.

Разъ начавшись, процессъ дифференціаціи съ большей или меньшей быстротой, въ зависимости отъ условій, разлагаетъ прежнюю сплоченность рода, разрушаетъ первобытный, стихійный, естественный коммунизмъ его производственныхъ и распредѣлительныхъ отношеній. Установить послѣдовательность отдѣльныхъ его ступеней не всегда

удается, въ различныхъ мѣстахъ она была, несомнѣнно, различна. Но общее направленіе и окончательные результаты процесса не возбуждаютъ сомнѣній.

Зародившись, частная собственность вождя обнаруживаетъ тенденцію къ расширенію. Этому благопріятствуютъ отношенія обмѣна-войны, которая все больше превращается въ одно изъ главныхъ условій существованія рода. Военная добыча уже не поступаетъ въ общее распоряженіе рода, а подвергается раздѣлу, причемъ особую долю получаетъ прежде всего предводитель. Являясь выраженіемъ дифференціаціи, уже намѣтившейся внутри рода, этотъ раздѣлъ, въ свою очередь, углубляетъ и ускоряетъ ее.

Такъ какъ обмѣнъ вначалѣ лишь немного отличается отъ военнаго грабежа, и вымѣнянные продукты тогда лишь случайно и неуловимой гранью отмежевываются отъ военной добычи, то отношенія обмѣна совершенно такъ же, какъ и война, выдвигаютъ вождя изъ общей массы рода. Изъ вымѣнянныхъ продуктовъ ему выдѣляется особая доля,—онъ получаетъ вознагражденіе за успѣшный обмѣнъ.

На дальнѣйшей ступени обмѣнъ организуется уже какъ болѣе или менѣе отдаленный походъ, трудности и опасности котораго не всякому по силамъ. Изъ состава рода выдѣляется дружина съ выбраннымъ ею предводителемъ. Шагъ за шагомъ она развивается въ мѣнового посредника между своимъ родомъ и чуждыми родами. Таковы зачаточныя ступени пиратства у финикіянъ, военно-мѣновыхъ походовъ норманновъ, первоначальной торговли славянскихъ племенъ; вѣроятно, такова же реальная основа греческаго миѳа объ Аргонавтахъ. Обмѣнъ вырывается изъ-подъ контроля рода, превращается въ функцію особой категоріи лицъ, которыя имѣютъ полную возможность использовать ее въ своихъ интересахъ.

Со временемъ между сосѣдними родами возникаютъ союзы для организаціи обмѣна въ крупномъ масштабѣ. Военно-торговая дружина получаетъ предводителей нѣсколькихъ ранговъ. Походъ иногда продолжается два-три года. На чуждой землѣ иногда строятся укрѣпленія, около которыхъ производится обмѣнъ съ чуждыми племенами. Это—позднѣйшія ступени торговли у тѣхъ же финикіянъ, норманновъ, новгородскихъ славянъ, у арабовъ. Но онѣ уже выводятъ насъ за предѣлы собственно патріархально-родового періода, въ феодальную эпоху, отчасти и дальше.

Расширяясь, отношенія частной собственности въ то же время стремятся упрочиться. Та борьба противъ матріархата, о которой говорилось выше, получаетъ новую опору и стимулъ въ отношеніяхъ, сопровождающихъ развитіе мѣновыхъ связей. Вождь, борясь за наслѣдствен-

ность своего положенія, борется за наслѣдственную передачу своей собственности. Исполняемыя имъ особыя функціи, особое положеніе въ родѣ, которое создали ему эти функціи, порождаютъ въ немъ взглядъ на собственность рода, а потомъ и на самый родъ, какъ на свою личную собственность. Начинается упорная борьба за реализацію этихъ воззрѣній,—та длительная революція, которая оканчивается полнымъ переворотомъ, побѣдой патріархата.

Стремясь оторвать свою жену отъ ея рода, мужчина при содѣйствіи своихъ родичей сначала похищаетъ ее. По мѣрѣ развитія обмѣна, прямой грабежъ съ величайшей медленностью развивается въ обмѣнъ. Женщина превращается въ товаръ, который покупаетъ на первыхъ ступеняхъ родъ мужа, а потомъ, съ торжествомъ патріархальнаго начала, самъ мужъ. Шагъ за шагомъ, но съ величайшей послѣдовательностью, родъ женщины устраняется отъ всякаго контроля надъ судьбой проданнаго товара, лишается права оказывать ей защиту и помощь. Ея мужъ становится полнымъ, безграничнымъ ея собственникомъ. Женщина превращается въ вещь, въ рабу, въ такую же составную часть собственности мужа, какъ орудія, скотъ и утварь. Обрядности при заключеніи брака отчасти до настоящаго времени ярко иллюстрируютъ генетическую близость войны и обмѣна· подчеркиваютъ, что мужъ и добылъ жену силой, и купилъ ее, какъ товаръ.

Отъ состава цѣлостнаго раньше рода обособляется сначала семья вождя, а потомъ и семьи другихъ организаторовъ, каждая со своей особой собственностью, со строгимъ наслѣдованіемъ ея отъ отца къ сыновьямъ, среди которыхъ старшій скоро занимаетъ привилегированное положеніе. Прибавочный продуктъ, производимый остальной массой рода, становится основнымъ источникомъ существованія этихъ семей. Сначала между уровнемъ жизни организаторовъ и организуемыхъ нѣтъ замѣтныхъ различій. Впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія обмѣна, организаторы все больше отрываются отъ организуемыхъ. Они начинаютъ организовать производство и обмѣнъ уже въ своихъ интересахъ· для увеличенія прибавочнаго продукта, для приращенія своей собственности, наростающей изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Начавшись наверху, процессъ распаденія рода неизбѣжно распространяется книзу. Тамъ тоже намѣчается обособленіе отдѣльныхъ патріархальныхъ семей съ особыми интересами, отмежевывающими ихъ отъ остальныхъ.

Старый, непосредственно-коммунистическій укладъ жизни еще долгое время продолжаетъ существовать; но онъ существуетъ уже больше какъ инстинктъ, обычай, традиція. Дольше всего сохраняется онъ, какъ слѣдуетъ изъ всего предыдущаго, внизу, среди организуемыхъ. Насту-

паетъ эпоха, когда наверху все превращается въ товаръ,—и отдѣльные члены рода, и весь родъ, и собственныя честь и достоинство. Но внизу еще долго сохраняются остатки первобытно-родового уклада: въ сплоченности и солидарности массы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ землепользованія. Только капитализму удалось съ корнемъ вырвать эти остатки.

Но кое-гдѣ уже первобытный обмѣнъ сдѣлалъ достаточно, — настолько достаточно, что нѣкоторые историки съ негодованіемъ отрицаютъ, напр., самую возможность матріархата у предковъ древнѣйшихъ народовъ Востока: китайцевъ, ассирійцевъ, вавилонянъ, египтянъ, израильтянъ. Они хотятъ знать эти народы только такими, какими они выступаютъ въ ихъ исторіи: съ гробницами, художественными черепками, клинообразными надписями и—широкими межродовыми связями. Они не видятъ, что темпъ развитія все ускоряется, что развитіе тѣхъ самыхъ отношеній, которыя у японцевъ, славянъ и германцевъ потребовали немного столѣтій и даже у грековъ и римлянъ развились достаточно быстро, у древнѣйшихъ народовъ Востока стоили цѣлаго ряда тысячелѣтій упорной борьбы, которая предшествовала возникновенію историческихъ документовъ. Тогда не было Геродотовъ и Тацитовъ, которые могли бы оставить намъ свои хотя бы отрывочныя наблюденія.

Если принять это во вниманіе, тогда придется удивляться не тому, что у китайцевъ и израильтянъ сохранилось такъ мало пережитковъ первобытнаго строя, которые современнымъ борцамъ за авторитарныя отношенія приходится устранять натянутыми истолкованіями, а тому, что эти остатки вообще сохранились.

7. Силы развитія въ авторитарно-родовомъ обществѣ.

По-прежнему „натуральный“ характеръ общинно-родового хозяйства и отсутствіе экономической борьбы внутри общины, и общій консерватизмъ формъ жизни, — все это вмѣстѣ необходимо вело къ тому, что основной силой развитія оставалось абсолютное перенаселеніе.

Но повышеніе производительности труда и возрастаніе плотности населенія, изъ него вытекавшее, сами по себѣ шагъ за шагомъ уже измѣняютъ и степень, и отчасти даже способъ дѣйствія этой силы.

Прежде всего, повышеніе производительности труда, а значитъ, и матеріальнаго уровня жизни ведетъ къ относительному уменьшенію смертности, и самый процессъ размноженія ускоряется, быстрѣе и чаще, чѣмъ это было раньше, приводя къ мучительному, но вынуждающему прогрессъ противорѣчію между потребностями общины и суммой доступ-

ныхъ для нея при данной техникѣ средствъ существованія. Словомъ, дѣйствіе абсолютнаго перенаселенія становится интенсивнѣе и острѣе.

Съ другой стороны, благодаря болѣе плотному разселенію, ближе и тѣснѣе становится соприкосновеніе родовыхъ общинъ. Благодаря этому, ближайшимъ результатомъ начавшаго ощущаться хотя бы въ нѣкоторыхъ общинахъ недостатка средствъ къ жизни являются попытки грабежа сосѣдей и захвата ихъ земли или вытѣсненія ихъ съ пастбищъ, на которыхъ они кочуютъ. Возникаютъ безчисленные мелкіе военные конфликты. Роды ограбленные и вытѣсненные со своей позиціи оказываются въ состояніи, такъ сказать, отраженнаго перенаселенія. противорѣчіе между потребностями и суммою жизненныхъ средствъ у нихъ дѣлается еще острѣе, чѣмъ то, которое толкнуло ихъ побѣдителей на борьбу съ ними. Побѣжденные вынуждены сами прибѣгнуть къ тому же способу улучшить свое положеніе и нападаютъ на другихъ сосѣдей, чтобы захватить ихъ территорію. Эти, въ свою очередь, должны двинуться по тому же военному пути далѣе, и такимъ образомъ обнаружившееся сначала въ одномъ пунктѣ дѣйствіе перенаселенія волнами распространяется затѣмъ дальше и дальше, пока не натолкнется либо на естественныя препятствія — море, непроходимыя горы,—либо на достаточно мощный отпоръ сильныхъ въ военномъ отношеніи родовъ.

Впослѣдствіи подобная борьба ведется не отдѣльными родами, а цѣлыми, иногда обширными племенными союзами. Въ этомъ видѣ она уже становится извѣстна исторіи, которою описаны многія волны разселенія племенъ, особенно монгольскихъ и арійскихъ, и, главнымъ образомъ, въ позднѣйшія эпохи авторитарно-родового строя, на границѣ феодальнаго періода. Событія развертываются всюду по одному, приблизительно, типу: на какой-нибудь сравнительно-замкнутой территоріи, — памирское, иранское плоскогорье, восточно-монгольскія пустыни и т. под.,—сотни лѣтъ кочуютъ скотоводческія племена, пока, наконецъ, у нихъ не начинаетъ чувствоваться сильная земельная тѣснота. Тогда возникаетъ внутренняя борьба между этими племенами, одни тѣснятъ другихъ, и нѣкоторое время равновѣсіе поддерживается за счетъ взаимнаго истребленія. Но въ борьбѣ образуются все болѣе обширные военные союзы, она становится напряженнѣе и острѣе, и наступаетъ моментъ, когда человѣческая волна переливается черезъ край обычной кочевой территоріи, обрушиваясь на другія племена. Тѣ, будучи вытѣснены съ родныхъ мѣстъ, подаются дальше, тѣсня другихъ сосѣдей, и т. д. Иногда побѣдители, слившись съ остатками побѣжденныхъ, весьма быстро исчерпываютъ ихъ территорію и вынуждены идти дальше въ своемъ завоевательномъ походѣ; иногда ихъ вынуждаетъ къ этому и крайнее опустошеніе, которому они во время борьбы подвергли за-

воеванныя области, стоитъ припомнить, въ какую мрачную пустыню превращали иногда кочевники, въ родѣ монголовъ, раньше цвѣтущія страны, особенно страны съ культурой, основанной на искусственномъ орошеніи или регулированіи рѣкъ, котораго кочевники, разумѣется, не могли поддерживать. Такъ получались иногда переселенія воинственныхъ племенъ, длившіяся десятки, даже сотни лѣтъ и простиравшіяся на тысячи и тысячи верстъ отъ ихъ первоначальной родины. Всѣ различныя комбинаціи этихъ типовъ мы находимъ въ историческихъ разселеніяхъ германскихъ племенъ, затѣмъ славянскихъ и монгольско-тюркскихъ.

Здѣсь, слѣдовательно, дѣйствіе абсолютнаго перенаселенія принимало форму отчаянной борьбы за территорію и хроническихъ переселеній. То и другое дѣлало необходимымъ развитіе техники: въ военной конкурренціи группы съ высшей техникой имѣли, обыкновенно, преимущество; а при переходѣ на новыя мѣста измѣненіе прежнихъ производственныхъ пріемовъ и усвоеніе новыхъ было неизбѣжно, просто въ силу невозможности полнаго сохраненія старой техники въ новыхъ условіяхъ. Необходимость техническаго прогресса еще болѣе усиливалась и обострялась тѣмъ жизненнымъ противорѣчіемъ, что многочисленность общины была очень важна для ея военной самозащиты и удержанія за собою территоріи, и въ то же время, конечно, ускоряла и усиливала развитіе перенаселенія. Благодаря первому обстоятельству, родовыя общины легко принимали въ свою среду иноплеменниковъ и даже военноплѣнныхъ, чаще всего—прямо ихъ усыновляя; но этимъ въ общину вносились новые элементы, а съ ними проникали и техническія новшества, съ которыми община не могла бороться такъ рѣшительно, какъ прежде, при возрастающемъ гнетѣ перенаселенія.

Возникновеніе и первые шаги обмѣна сами по себѣ, какъ мы выясняли, знаменуютъ повышеніе производительности труда и, значитъ, въ свою очередь ведутъ къ усиленію и обостренію дѣйствія основной силы развитія—абсолютнаго перенаселенія. Кромѣ того, обмѣнъ ускоряетъ техническое развитіе еще тѣмъ, что даетъ для него новый, готовый матеріалъ—знакомитъ однѣ общины съ продуктами, а косвенно и съ техникой другихъ общинъ, ведущихъ производство въ иныхъ природныхъ условіяхъ. Поэтому, пути обмѣна часто должны были становиться путями завоевательнаго переселенія даже и помимо той первоначальной связи войны съ обмѣномъ, на которую мы указывали. Словомъ, прогрессивная роль обмѣна сливалась тогда съ вліяніемъ основной силы развитія и лежала въ ея рамкахъ. Это и вполнѣ естественно, такъ какъ по своему основному характеру хозяйство общины было по-прежнему натуральнымъ; значеніе обмѣна было больше эпизодическимъ,

онъ захватывалъ лишь сравнительно очень малую долю хозяйства; рынокъ, поскольку онъ уже складывался, еще не зналъ систематической конкурренціи между продавцами однихъ и тѣхъ же товаровъ. Обмѣнъ, слѣдовательно, не могъ еще развить своей самостоятельной силы развитія, которою на послѣдующихъ стадіяхъ соціальной жизни является именно эта конкурренція.

Но не будучи самостоятельнымъ двигателемъ прогресса, а пока еще только подчиненнымъ, обмѣнъ, тѣмъ не менѣе, уже обнаруживаетъ, какъ мы видѣли, свое преобразующее дѣйствіе на строеніе общества,—главнымъ образомъ, въ выработкѣ формъ собственности и возрастающемъ обособленіи организаторской функціи, во все бо̀льшемъ возвышеніи организаторовъ надъ остальными членами ихъ общинъ. Это вліяніе, усиливая и углубляя собою вліяніе войнъ, проистекавшихъ изъ абсолютнаго перенаселенія, во многихъ чертахъ опредѣлило собою переходъ къ дальнѣйшей, высшей фазѣ экономической жизни — къ феодальному обществу.

III. ФЕОДАЛЬНАЯ СИСТЕМА.

На новой ступени развитія разселеніе родовъ становится настолько тѣснымъ, что извѣстная степень объединенія превращается въ необходимое условіе мирнаго размежеванія этихъ родовъ. Феодализмъ и былъ той экономической и политической формой, въ которую вылилось это объединеніе.

Основнымъ экономическимъ фактомъ эпохи было значительное повышеніе производительности земледѣльческаго, скотоводческаго и охотничьяго труда. Въ зависимости отъ прошлой экономической исторіи родовъ и отъ различія въ естественныхъ условіяхъ, оно неодинаково совершалось въ разныхъ областяхъ. Дѣйствительная экономическая исторія не признаетъ тѣхъ ступеней техники, черезъ которыя, по старинным воззрѣніямъ, прошло будто бы все человѣчество: охота, скотоводство, экстенсивное земледѣліе, интенсивное земледѣліе. Существуютъ цѣлыя обширныя области, въ которыхъ земледѣльческое населеніе не могло бы достигнуть такой степени плотности, какой уже въ древнія времена достигло скотоводческое населеніе. Въ нѣкоторыхъ приморскихъ областяхъ земледѣліе почти совсѣмъ невозможно, охота же и, особенно, рыболовство, ея особая отрасль, уже много столѣтій тому назадъ достигли такой степени техническаго развитія, что прибрежныя полосы по густотѣ населенія могутъ помѣряться съ нѣкоторыми земледѣльческими районами, по меньшей мѣрѣ съ тѣми, въ которыхъ преобладаетъ заимочная система. Съ другой стороны, примитивное земледѣліе во многихъ случаяхъ предшествовало скотоводству и долгое время соединялось съ охотой.

Въ зависимости отъ этого, мы наблюдаемъ феодальныя отношенія въ самыхъ различныхъ странахъ, въ которыхъ преобладаніе принадлежитъ самымъ разнообразнымъ отраслямъ производства: въ Западной Европѣ, въ которой уже 1000 лѣтъ тому назадъ господство завоевываетъ земледѣліе съ трехпольной системой, характеризующейся соединеніемъ земледѣлія со скотоводствомъ; въ Китаѣ, въ его чисто земледѣльческихъ областяхъ, гдѣ скотоводство съ незапамятныхъ временъ

не играло существенной роли; въ близкой намъ по времени Персіи и Малой Азіи, гдѣ кочевое скотоводство еще недавно имѣло, да отчасти и теперь имѣетъ рѣшающее значеніе, хотя оно уже соединяется съ довольно интенсивнымъ земледѣліемъ (садовая культура); въ прибрежной полосѣ японскихъ острововъ, въ которую воздѣлываніе риса проникаетъ лишь въ новѣйшее время; въ древней Месопотаміи съ ея преимущественно огородной и садовой культурой по берегамъ рѣкъ и съ кочевымъ скотоводствомъ — на окраинахъ; у средневѣковыхъ норманновъ съ рѣшительнымъ преобладаніемъ рыболовства; въ древнемъ Перу съ тщательной культурой маиса, картофеля, нѣкоторыхъ бобовыхъ и немногихъ другихъ растеній, со сложными оросительными сооруженіями и т. д.. Вообще, феодализмъ соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ ступенямъ развитія производительныхъ силъ, связанъ съ ихъ уровнемъ, а не съ тѣмъ или инымъ ихъ характеромъ, не съ тѣмъ или инымъ направленіемъ производства.

Разумѣется, различіе конкретныхъ условій, при которыхъ совершалось развитіе феодальной системы, оказало огромное вліяніе на степень ея выработанности у различныхъ народовъ. У однихъ феодализмъ не пошелъ дальше первыхъ слабыхъ зачатковъ, у другихъ развился въ сложную и устойчивую систему, сохранявшуюся въ теченіе многихъ вѣковъ, у третьихъ, наконецъ, онъ былъ короткой стадіей развитія, которая быстро смѣнилась рабовладѣльческими отношеніями или родственными имъ отношеніями своеобразнаго полицейскаго государства.

Хронологически эпоха феодализма въ различныхъ пунктахъ земного шара не совпадаетъ. Месопотамія и Египетъ проходили черезъ эту ступень развитія тысячи за 4—5 лѣтъ до нашего времени, въ древней Греціи до временъ Пелопонесской войны существовалъ еще своеобразный „городской феодализмъ“; средневѣковая Италія въ XII и особенно въ XIII вѣкахъ переходитъ къ слѣдующей стадіи развитія; въ Россіи періодомъ расцвѣта феодализма слѣдуетъ считать X—XV вѣка; въ Перу онъ былъ живучъ въ эпоху вторженія европейцевъ; Персія и Малая Азія—ихъ области, удаленныя отъ торговыхъ путей,—отчасти до сихъ поръ переживаютъ „средневѣковье“; начало феодализма въ Японіи историки обыкновенно относятъ къ XII—XIII столѣтіямъ, а крушеніе—лишь ко второй половинѣ XIX вѣка, хотя феодальныя отношенія въ дѣйствительности и возникли много раньше, и окончательно подточены были задолго до прошлаго вѣка.

Хронологическое отграниченіе эпохъ экономическаго развитія вообще трудно, иногда невозможно. По мѣрѣ того, какъ однѣ области поднимаются на сравнительно высокую ступень культуры, для осталь-

ныхъ создается тѣмъ самымъ воздѣйствующая на нихъ „культурная“, „историческая“ среда. Всѣ процессы развитія протекаютъ у нихъ съ бо́льшею быстротой. Старыя экономическія отношенія еще сохраняются въ замкнутыхъ областяхъ, а въ мѣстахъ, гдѣ перекрещиваются вліянія передовыхъ сосѣдей, они уже совершенно разрушены и уступаютъ мѣсто отношеніямъ новаго типа. Благодаря этому, иногда на самой маленькой территоріи, напр., въ нѣкоторыхъ областяхъ Кавказа, причудливо сталкиваются, то сохраняя свою обособленность, то давая удивительную помѣсь, формы замкнутаго патріархально-родового быта съ отношеніями развитого феодализма и съ энергичной дѣятельностью торговаго капитала, настойчиво прокладывающаго дорогу новымъ формамъ. Такъ и въ древней Греціи—на этомъ небольшомъ клочкѣ земли, на которомъ одно время сконцентрировалось быстрое поступательное движеніе Европы, — Аѳины оставили позади за собой феодализмъ въ такую эпоху, когда въ „варварской“ Македоніи еще шло сплоченіе обособленныхъ патріархальныхъ родовъ.

Задача послѣдующаго очерка — выяснить основныя условія, которыя приводили къ созданію феодальной системы, и общія черты, которыя характеризуютъ экономическія отношенія на соотвѣтствующей стадіи развитія. Спеціальное описаніе конкретныхъ формъ феодализма относится къ общей и экономической исторіи отдѣльныхъ странъ, а также къ исторіи ихъ юридическихъ учрежденій.

1. Развитіе техники.

Намѣтившееся раньше территоріальное господство различныхъ отраслей труда выступаетъ въ болѣе опредѣленной формѣ. Въ различныхъ областяхъ наиболѣе прочно удерживаются тѣ роды, у которыхъ преобладанія достигли отрасли производства, наиболѣе соотвѣтствующія естественнымъ условіямъ этихъ областей.

Разсмотримъ для начала, какъ шло развитіе земледѣлія.

Попадая въ области, благопріятныя для земледѣлія, будущіе земледѣльческіе роды укрѣпляются первоначально въ мѣстахъ, подготовленныхъ какъ бы самой природой: въ районахъ воздѣлыванія риса занимаютъ естественныя болота, въ рѣчныхъ долинахъ—мѣста, удобряемыя естественными разливами и свободныя отъ порослей. Переселенцы какъ бы вклиниваются среди аборигеновъ, которые или уничтожаются, или отбрасываются въ лѣса, гдѣ они могутъ вести первобытно-охотничью и первобытно-кочевую жизнь.

Новые роды сначала не удерживаются прочно на занятыхъ мѣстахъ. „Запашки“ переносятся изъ области въ область, земледѣліе но-

ситъ кочевой характеръ, иногда уступаетъ по своему значенію скотоводству, прочнаго жилья нѣтъ, сельскохозяйственный инвентарь скуденъ и однообразенъ, „отборъ“ еще не направился въ эту сторону. Рѣшающее значеніе для существованія рода имѣетъ еще не земледѣліе, а вся совокупность разнородныхъ, слабо развитыхъ и слабо дифференцированныхъ занятій родовой группы. Новыя общины все еще не приспособились къ особымъ естественнымъ условіямъ своихъ особенныхъ территорій.

Продолжающееся вторженіе поселенцевъ извнѣ и размноженіе прежнихъ приводитъ къ тому, что по истеченіи длиннаго ряда поколѣній всѣ мѣста, отъ природы готовыя къ воздѣлыванію, оказываются захваченными. Земледѣліе становится осѣдлымъ, жилье—постояннымъ, прирученный скотъ, если скотоводство еще сохраняется,—домашнимъ скотомъ, территорія, занятая каждымъ родомъ, превращается въ его прочную собственность. Эта собственность охраняется отъ обычныхъ въ ту эпоху нападеній тѣмъ, что возникающее селеніе развивается въ укрѣпленіе: окружается рвами и плетнями, валомъ и тыномъ, иногда каменной или деревянной стѣной. Всякая попытка перенести воздѣлываніе на новое мѣсто приводитъ къ истребительной борьбѣ, жертвы которой лишь рѣдко окупаются выигрышемъ.

Для увеличенія численности населенія становится безусловно необходимымъ увеличеніе площади, пригодной для земледѣлія. Въ однѣхъ областяхъ, какъ въ Японіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Индостана и Перу, начинается расчистка лѣсовъ и порослей, которая идетъ рука объ руку съ уничтоженіемъ или, по меньшей мѣрѣ, съ подчиненіемъ аборигеновъ. Въ другихъ областяхъ—въ Китаѣ, Месопотаміи, Египтѣ, отчасти Индостанѣ и въ Перу,—начинаетъ примѣняться искусственное орошеніе, дающее новые и новые участки плодородной почвы на мѣстѣ прежней безплодной.

Естественно, что тѣ родовыя группы, которыя первыми успѣли расширить свою земледѣльческую территорію, должны были получить рѣшительный перевѣсъ надъ сосѣдями. Объединенныя процессомъ побѣдоносной борьбы съ природой, выведенныя этой борьбой изъ своей первобытной замкнутости, онѣ сплошь, безъ перерывовъ и промежутковъ, занимаютъ обширныя области и, какъ многолюдная, компактная, внутренно-сплоченная масса, выступаютъ противъ своихъ отсталыхъ сосѣдей, разбитыхъ на слабыя, разъединенныя группы. Этотъ процессъ, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ тому, что новое земледѣліе, устойчивое и осѣдлое,—съ расчисткой лѣсовъ, а, мѣстами, и съ искусственнымъ орошеніемъ, — совершенно вытѣсняетъ земледѣліе первобытное. Процессъ этотъ не измѣняетъ своего направленія, но только проте-

каетъ быстрѣе, если роды въ той или иной мѣрѣ объединяются завоеваніемъ или необходимостью сопротивленія внѣшнимъ врагамъ,—напр., какимъ-либо номадамъ.

Частью одновременно съ расширеніемъ земледѣльческой территоріи, частью по его завершеніи развивается другой процессъ: улучшеніе обработки почвы, старательный подборъ наиболѣе подходящихъ растеній, примѣненіе различныхъ способовъ для сохраненія и повышенія урожайности почвы. Такъ шагъ за шагомъ первобытное земледѣліе съ его небрежнымъ и поверхностнымъ взрыхленіемъ почвы развилось въ ту огородную, „грядковую“ культуру хлѣбныхъ растеній, которая уже много вѣковъ существуетъ въ Японіи и, особенно, въ Китаѣ. Такъ возникла та знаменитая „садовая“ культура древней Месопотаміи (отчасти и Финикіи), эмпирическія завоеванія которой лишь черезъ нѣсколько тысячелѣтій получили теоретическое истолкованіе (у Дарвина): изъ дикихъ растеній съ плодами, не лучше плодовъ дикой яблони, упорнымъ коллективнымъ трудомъ длиннаго ряда поколѣній созданы были культурныя растенія: финиковая пальма, фиговое дерево (винныя ягоды), маслина (оливковое дерево) *).

Въ этихъ интенсивныхъ формахъ земледѣлія главными орудіями подготовки и обработки почвы служили топоръ, мотыка и заступъ. Рабочій скотъ здѣсь не можетъ найти сколько-нибудь широкаго примѣненія, иногда совершенно отсутствуетъ, какъ во многихъ земледѣльческихъ областяхъ Японіи и Китая. Искусственное удобреніе частью не играетъ особенной роли, — обильное естественное удобреніе производится рѣчными разливами,—частью для удобренія служатъ человѣческіе экскременты и отбросы потребительнаго хозяйства, морскія водоросли, рыба, низшія животныя и т. д. Вся земля, сколько-нибудь доступная обработкѣ, превращается въ „пахатную землю“, точнѣе—въ поля, сады и огороды. Лѣса выкорчевываются, луга исчезаютъ, песчаныя неплодородныя пустоши покрываются слоемъ плодородной земли, которую приносятъ иногда съ значительнаго разстоянія. Скотоводство, по всѣмъ этимъ причинамъ, можетъ сократиться до выкормки нѣсколькихъ свиней при каждомъ хозяйствѣ и до разведенія домашней птицы.

Въ томъ же основномъ направленіи, но при иныхъ условіяхъ, а потому и съ иными результатами развивалось европейское земледѣліе:

---

*) Эти примѣры,—а ихъ число было бы легко увеличить,—кстати сказать, пригодны для выясненія истинной цѣнности теоріи „убывающаго плодородія почвы“,—убывающаго по мѣрѣ экономическаго развитія. Раньше, говорятъ сторонники этой теоріи, стоило только протянуть руку, чтобы набрать всевозможныхъ плодовъ; теперь плодовыя деревья приходится культивировать. Какъ видимъ, на дѣлѣ всю основу этой теоріи составляютъ лишенныя почти всякой питательности дикія кислыя яблоки.

греческое и римское подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Египта, изъ котораго оно заимствовало и главныя культурныя растенія, и основныя земледѣльческія орудія, и способы обработки земли; средневѣковое—подъ прямымъ воздѣйствіемъ римскаго земледѣлія, забытая техника котораго медленно возстановляется и распространяется въ теченіе почти $1^1/_2$ тысячи лѣтъ послѣ великаго переселенія народовъ.

Главную основу существованія древнѣйшей Греціи составляло скотоводство: разведеніе козъ, овецъ и свиней. Первобытное земледѣліе служило только нѣкоторымъ подспорьемъ къ нему. Но потомъ относительное значеніе земледѣлія и скотоводства измѣнилось. Уже въ эпоху Гезіода (около 800 лѣтъ до Р. Х.) воздѣлываніе земли стоитъ довольно высоко. Почва распахивается смѣнившимъ мотыку плугомъ, въ который запрягается рабочій скотъ (волы). Истощеніе почвы, какъ результатъ однообразныхъ культуръ, уже извѣстно грекамъ этого времени. Примѣняется удобреніе навозомъ и растеніями, которыя запахиваются въ недозрѣломъ видѣ (зеленое удобреніе). Черезъ извѣстные промежутки земля оставляется подъ паромъ; повидимому, уже возникаетъ зародышевая форма трехполья. Для расширенія площади запашекъ иногда предпринимаются также обводнительныя работы. Главными хлѣбами являются ячмень и пшеница, близъ городовъ къ нимъ присоединяются овощи, бобовыя растенія и т. д.

Дальше земледѣліе древней Греціи не пошло въ своемъ развитіи. Гористый характеръ страны болѣе благопріятствовалъ скотоводству. До эпохи тирановъ (около 500 лѣтъ до Р. Х.) шерстяная одежда, мясо, молоко, сыръ, какъ предметы потребленія, имѣли бо́льшее значеніе, чѣмъ растительныя вещества. Съ развитіемъ торговли появляется привозный хлѣбъ. Мѣстное земледѣліе сосредоточивается на культурѣ маслины, фиговаго дерева, винограда.

Въ Италіи расчистка земли отъ зарослей и подготовка ея для обработки началась, повидимому, еще у этрусковъ, предшественниковъ римлянъ. Послѣдніе настолько энергично продолжали ее, что уже въ первые вѣка существованія Рима земледѣліе сдѣлалось господствующимъ занятіемъ и оттѣснило скотоводство, превративъ его въ подсобную отрасль при земледѣліи. Къ земледѣльческимъ орудіямъ Греціи въ Римѣ присоединяется борона; кромѣ того, примѣняются грабли, серпъ, вилы и т. д.,—словомъ, уже почти всѣ основныя орудія современной деревни. Возлѣлывалась пшеница, просо, полба, ячмень, свекловица, конопля, ленъ,—бо́льшая часть современныхъ культурныхъ растеній.

У кельтовъ, германцевъ и славянъ [1]) исторія земледѣлія какъ бы

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, мы употребляемъ эти термины скорѣе какъ географическіе, чѣмъ какъ племенные, не вкладываемъ въ нихъ никакого „ра-

повторяется сначала. Когда они впервые сталкиваются съ Римомъ (и Византіей), у нихъ господствуетъ первобытное производство: соединеніе почти недифференцированныхъ охоты, скотоводства и земледѣлія. Съ увеличеніемъ населенія, размахъ блужданій все болѣе сокращается, роль земледѣлія возрастаетъ. Но оно еще долго носитъ бродячій характеръ дикой переложной системы: пригодныя для обработки мѣста, главнымъ образомъ рѣчныя долины, засѣваются каждый годъ однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ до тѣхъ поръ, пока не наступаетъ истощеніе. Въ дальнѣйшемъ, когда всѣ такія мѣста уже захвачены, совершается переходъ къ расчисткѣ лѣсовъ, къ выжиганію древесныхъ остатковъ, къ осушенію болотъ. Создавъ новую почву, человѣкъ и на ней остается только до тѣхъ поръ, пока не истощитъ ее посѣвомъ однихъ и тѣхъ же растеній. Но со временемъ онъ начинаетъ забрасывать ее только на срокъ, необходимый для того, чтобы она „отдохнула",—чтобы произошло ея разрыхленіе и естественное удобреніе гніющими частями растеній. Переложная система становится болѣе совершенной, земля утилизируется интенсивнѣе, размахъ блужданій уменьшается. Относительное значеніе скотоводства падаетъ, такъ какъ для пастбища остаются только непригодные для земледѣлія луга, сокращающіеся лѣсные выгоны и отдыхающая пахатная земля. Въ значительной части Сибири земледѣліе до

соваго" содержанія. Въ послѣднее время приводятся очень убѣдительныя доказательства въ пользу того, что даже около начала нашей эры кельтскіе роды не всегда достаточно ясно отграничивались отъ германскихъ. Первобытные предки германцевъ, по наиболѣе популярной теперь гипотезѣ—скифы, въ свою очередь выдѣлились, какъ нѣчто отличное отъ первобытныхъ славянскихъ родовъ лишь послѣ того, какъ тѣ и другіе достаточно прочно осѣли на болѣе или менѣе отграниченныхъ территоріяхъ. Для современной науки понятія „славянская душа", „германскій духъ", „арійская раса", которыми такъ охотно оперируютъ „расовые теоретики", начиная съ антисемитовъ и кончая новѣйшими колонизаторами, все болѣе превращаются въ пустыя слова, которыми замазываются колоссальные пробѣлы въ дѣйствительномъ изученіи предмета Если за этими словами и скрывается что-нибудь, то отнюдь не „изначальныя свойства",—которыя будто-бы „опредѣляютъ всю будущую судьбу народа, какъ свойства сѣмени опредѣляютъ характеръ дерева",—а продуктъ историческаго развитія. Притомъ, это—очень поздній продуктъ, возникалъ онъ лишь послѣ того и въ той мѣрѣ, какъ полная недифференцированность первобытнаго производства уступала мѣсто территоріальной обособленности развивающагося производства. Поскольку новѣйшая техника выдвигаетъ единое, общее, универсальное въ отношеніяхъ передъ особеннымъ, исключительнымъ, ограниченнымъ, локальнымъ, постольку уже теперь интернаціональное начинаетъ борьбу противъ національнаго. „Расовые теоретики" начинаютъ путаться. нѣмецкіе приписываютъ нѣмцамъ тѣ самыя добродѣтели, которыя славянскіе приписываютъ славянамъ, славянъ первые надѣляютъ тѣми пороками, которые славянскими „теоретиками" открываются только у нѣмцевъ Перепутавшись, „расовые теоретики" ищутъ прибѣжища у „арійской расы", чтобы потомъ окончательно раствориться въ „народахъ европейской культуры".

сихъ поръ не пошло дальше этой ступени, которая воспроизводитъ передъ нами — въ новой исторической обстановкѣ — далекое прошлое Запада.

Расширеніе земледѣльческой площади сопровождается оттѣсненіемъ аборигеновъ: литовцевъ и славянъ—при распространеніи германцевъ на востокъ и сѣверъ; финновъ—при передвиженіи славянъ на сѣверо-востокъ, изъ бассейна Днѣпра въ бассейнъ Волги (XII—XVI вѣка); татаръ—при позднѣйшемъ передвиженіи славянъ въ южныя поля и степи, гдѣ скотоводство еще долгое время сохраняетъ перевѣсъ надъ земледѣліемъ (XVI—XVIII, частью даже XIX вѣкъ); башкиръ, киргизовъ, бурятъ и т. д.—при новѣйшемъ движеніи къ Уралу и за Уралъ. Коренное населеніе съ своимъ первобытнымъ производствомъ все дальше отбрасывается въ лѣса и степи, все больше стискивается суживающимся кольцомъ. Часть его истребляется, часть до настоящаго времени влачитъ существованіе примитивныхъ охотниковъ и скотоводовъ,—оленеводовъ и рыболововъ Сѣвера,—часть переходитъ къ земледѣлію и смѣшивается съ пришельцами.

Но въ то время, какъ на периферіи все дальше распространяется экстенсивная заимочная система, въ мѣстахъ своего возникновенія это „новое“ земледѣліе уже оказывается устарѣлымъ и уступаетъ мѣсто еще болѣе интенсивному использованію земли. Переносъ запашекъ становится невозможнымъ и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ затруднительнымъ, если не потому, что нераспаханной земли не осталось, то—и даже главнымъ образомъ—потому, что рѣшительно вся земля превратилась въ собственность. Расчищая новую землю, земледѣлецъ долженъ быть готовъ къ тому, что къ старымъ повинностямъ за старую, отдыхающую землю прибавятся новыя обязательства за новую землю (зачаточная форма абсолютной ренты). Единственное, что онъ можетъ сдѣлать,—это уйти къ новому собственнику, который дастъ ему возможность заниматься земледѣліемъ на болѣе легкихъ условіяхъ. Но уже одна эта необходимость перемѣны собственника суживаетъ размахъ передвиженій земледѣльческаго населенія. Со временемъ самый процессъ передвиженій приводитъ къ повсемѣстному распространенію однообразныхъ условій землепользованія и, слѣдовательно, шагъ за шагомъ ослабляетъ, если не совсѣмъ уничтожаетъ, побужденія къ переходу отъ одного владѣльца къ другому. Но уже раньше землевладѣльцы начинаютъ принимать разнообразныя мѣры съ той цѣлью, чтобы удержать земледѣльцевъ на своей землѣ. Переходъ становится возможнымъ только какъ бѣгство. А это предполагаетъ отказъ отъ дома и почти отъ всего сельскохозяйственнаго инвентаря, который создавался и увеличивался въ ряду поколѣній. Фактическое ограниче-

всего общества и, по меньшей мѣрѣ, въ рабской зависимости непосредственныхъ производителей. Получивъ такое освѣщеніе, прошлое служило для запугиванія той „казармой“, въ которую пролетарскій соціализмъ будто бы угрожаетъ превратить все общество. Наконецъ, у многихъ изслѣдователей не малую роль играетъ чисто инстинктивная, несознанная антипатія ко всему, что рѣзко отлично отъ отношеній развитого буржуазнаго общества.

Къ этимъ болѣе или менѣе общимъ причинамъ отрицанія преемственной связи между общиннымъ землевладѣніемъ и первобытнымъ родовымъ строемъ, въ Россіи присоединились специфически-мѣстныя обстоятельства. Для ихъ выясненія не мало сдѣлалъ покойный Н. П. Сильванскій.

На протяженіи всего XIX вѣка идетъ борьба между двумя основными направленіями въ разработкѣ русской исторіи. Для одного изъ нихъ процессъ общественнаго развитія Россіи вполнѣ самобытенъ и даже противоположенъ западному развитію. Община и общинный духъ— одинъ изъ коренныхъ устоевъ нашего органическаго развитія, прерваннаго и нарушеннаго Петромъ.

Другое направленіе было скорѣе моральнымъ осужденіемъ, телеологическимъ отрицаніемъ самобытности, чѣмъ научнымъ выясненіемъ дѣйствительнаго сходства между стадіями развитія на Западѣ и въ Россіи. Глубокая своеобразность русской исторіи признавалась, но только затѣмъ, чтобы открыть въ эпохѣ Петра, какъ рѣзкой хронологической датѣ, новую эру: рѣзкаго разрыва съ самобытностью, сближенія съ Западомъ. Изъ всего этого дѣлался очень простой дидактическій выводъ: разъ „мы“ уже порвали съ своимъ самобытнымъ прошлымъ, то будущее Россіи лежитъ не въ органическомъ развитіи, а въ дальнѣйшей „европеизаціи“, въ дальнѣйшемъ „заимствованіи европейскихъ началъ“, въ дальнѣйшемъ „сближеніи съ Западомъ“.

При болѣе близкомъ изученіи русской исторіи стало выясняться, что Петръ I былъ только временнымъ носителемъ и наиболѣе яркимъ воплощеніемъ процессовъ, которые начались еще въ московскій періодъ, въ XVI вѣкѣ. Однако, наши историки „западническаго“ направленія и въ этихъ процессахъ видѣли не столько явленія органическаго развитія, сколько акты правительственной власти, чисто внѣшне, главнымъ образомъ, персонально связанной съ русскимъ обществомъ. Эти историки выступили съ теоріей „внѣшнихъ вліяній“, какъ теоріей творческой мощи правительства.

Согласно этой теоріи, въ началѣ нашей исторіи наблюдается хаосъ, полное отсутствіе общественныхъ связей между элементами

„бродячей Руси", блуждающими въ пустынной странѣ *). У насъ будто бы не развилось ни средневѣковыхъ сословій Европы, ни феодализма, ни крестьянской общины, ни всего общества. „Все общественное зданіе воздвигалось рукою власти" (Б. Чичеринъ), или, въ болѣе современной и потому менѣе искренней формулировкѣ, общество и государство развивалось „наизнанку" по сравненію съ Западомъ: тамъ все строилось снизу вверхъ, у насъ сверху внизъ. У насъ „государственная организація сложилась раньше, чѣмъ могъ ее создать процессъ внутренняго экономическаго развитія" (П. Милюковъ). Въ концѣ-концовъ, все общество опять-таки строилось „государственной властью". Она же создала и „міръ", деревенскую общину, связавъ индивидуальныхъ земледѣльцевъ, элементы бродячей Руси, коллективной отвѣтственностью за исправное отбываніе всевозможныхъ повинностей

Политическіе корни этой теоріи не подлежатъ никакому сомнѣнію. Она гармонически связана со всѣмъ общественнымъ міросозерцаніемъ и своихъ первоначальныхъ творцовъ, и ихъ позднѣйшихъ продолжателей. Правительство, своей всемогущей властью творившее въ прошломъ русское общество, и впредь могло бы измѣнить самое направленіе общественнаго развитія. Необходимо только, чтобы оно поняло уроки исторіи, въ особенности сдѣлало выводъ изъ внѣшнихъ столкновеній и испытаній и произвело нѣкоторыя чисто персональныя измѣненія въ своемъ составѣ **).

Какъ бы ни относиться къ научной цѣнности этой теоріи, нельзя отказать ей въ одномъ: въ большой полемической язвительности, направленной противъ самобытниковъ разнаго рода, въ первую очередь противъ славянофиловъ, но потомъ и противъ народниковъ. Оказывалось, что та самая сила—государство,—которая у самобытниковъ фигурировала, какъ разрушительница исконныхъ устоевъ русской исторіи, была въ дѣйствительности творцомъ этихъ устоевъ. Своей полемической остротѣ, несомнѣнно, обязана эта теорія и тѣмъ, что одинъ ея

*) П. П. Масловъ въ своемъ истолкованіи старой и новѣйшей русской исторіи до сихъ поръ продолжаетъ исходить изъ „бродячей Руси", безсознательно заимствуя точку зрѣнія либеральныхъ историковъ и, въ частности, П. Милюкова. См., напр., „Der Kampf", II. Jahrg, VIII, а также „Общественное движеніе въ Россіи", I, стр. 643 и слл.

**) Свое завершеніе историческая теорія русскаго либерализма нашла въ мнимомъ объясненіи реформы 1861 года, выдвинутомъ лѣтъ 10 тому назадъ. Оно сводится къ тому, что общественно-экономическія предпосылки этой реформы отсутствовали, что она проведена властью „государства какъ организаціи порядка", которое просто предвосхищало будущее капиталистическое развитіе и направлялось въ своей дѣятельности не внутренними, а внѣшними, въ первую очередь—международными отношеніями.

элементъ—фискальное происхожденіе общины—былъ до извѣстной степени воспринятъ марксизмомъ.

Однако, легко видѣть, что либеральная историческая теорія представляетъ, въ сущности, славянофильство навыворотъ, методологически стоитъ на одной почвѣ съ нимъ, равноцѣнна ему. Въ одной концепціи внѣшняя сила, не связанная съ внутреннимъ развитіемъ, производитъ ломку національныхъ устоевъ; въ другой то же самое абстрактное государство изъ ничего творитъ новый міръ общественныхъ отношеній. Въ обоихъ случаяхъ—откровенный или нѣсколько замаскированный дуализмъ общества и государства.

На самомъ дѣлѣ, ни правительствамъ, ни феодаламъ не приходилось изобрѣтать деревенской общины; и тѣ внѣшнія вліянія, которыя, въ концѣ-концовъ, разлагаютъ ее, были необходимымъ продуктомъ ея внутренняго развитія. Общее направленіе послѣдняго не измѣнялось даже мощными завоевателями, вторгавшимися извнѣ.

Характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ Индостана. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи (напр. Баденъ-Пауэллъ) стараются показать, будто корня индостанскихъ общинъ слѣдуетъ искать исключительно въ фискальныхъ мѣропріятіяхъ англійскаго правительства. Но даже имъ приходится признать, что послѣднее, при всей своей мощи, просто сумѣло использовать тѣ формы общинной жизни, которыя оно застало при своемъ появленіи. Даже они открываютъ, что коллективную отвѣтственность удалось ввести только въ тѣхъ областяхъ, гдѣ патріархальный родъ, кланъ, обнаруживалъ большую степень живучести. Въ этихъ областяхъ сохранилось воспоминаніе о происхожденіи отъ общихъ предковъ, дѣйствительныхъ или только мнимыхъ; сообща выбирались старѣйшины, которые регулировали общія дѣла селенія; земледѣлецъ не былъ частнымъ собственникомъ обрабатываемой имъ земли,—онъ временно, впредь до передѣла, пользовался только извѣстной долей территоріи, принадлежащей всей общинѣ. Въ этихъ областяхъ круговая порука не встрѣтила сопротивленія. Напротивъ, въ тѣхъ частяхъ Индостана, гдѣ разложеніе стариннаго рода зашло много дальше, даже мощному правительству Англіи пришлось отказаться отъ своей фискальной реформы. Такимъ образомъ, стремясь вскрыть чисто тягловое происхожденіе современныхъ индостанскихъ общинъ, изслѣдователи непреднамѣренно раскрываютъ самую тѣсную преемственную связь ихъ съ патріархальной родовой общиной.

Иныхъ первоначальныхъ корней не имѣла и русская община. Централизующееся московское государство XVI—XVII вѣковъ нашло уже готовыми—или, точнѣе, еще сохранившимися — нѣкоторые элементы общинныхъ отношеній. Пустоши, лѣса и выгоны не дѣлились между

крестьянами, оставались въ общемъ пользованіи. Самое земледѣліе, соединявшееся съ экстенсивнымъ скотоводствомъ, съ постояннымъ выпасомъ скота, требовало соединенія его въ общее стадо и приводило къ тому, что даже пахатная земля, когда она оставлялась подъ паромъ, поступала въ общее пользованіе. Такимъ образомъ, самая техника земледѣлія препятствовала тому, чтобы процессъ развитія частной собственности получилъ завершеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ расчистка новой земли могла быть произведена только коллективнымъ трудомъ. Традиціи общинно-родового быта получали новую опору въ этихъ временныхъ отношеніяхъ трудовой сплоченности. Для завѣдыванія всѣми общими дѣлами міръ выбиралъ старостъ, тысяцкихъ и сотскихъ,—какъ ихъ выбирала и германская родовая община, марка. И уже въ домосковскій періодъ феодалъ имѣлъ дѣло не съ отдѣльными крестьянами, а со всѣмъ деревенскимъ міромъ или съ его выборными представителями, которые завѣдывали раскладкой повинностей. Такимъ образомъ, московскому періоду не приходилось создавать общины,—ему оставалось только возлагать на нее новыя функціи. Русская община, какъ и западная, много старше государства. Въ русской экономической исторіи нѣтъ „самобытности“ ни въ томъ смыслѣ, будто крестьянская община представляетъ специфически-русское (или славянское) учрежденіе; ни въ томъ смыслѣ, будто, въ противоположность западной крестьянской общинѣ, русская община создана лишь государствомъ, стремившимся къ болѣе удобному закрѣпощенію крестьянъ.

Разумѣется, новая роль, возложенная на общину государствомъ, не могла не отразиться на всѣхъ ея внутреннихъ отношеніяхъ. По мѣрѣ того, какъ ея непосредственно экономическія функціи сокращались, а фискальныя съ ростомъ государственной централизаціи увеличивались, община все болѣе превращалась въ тягловую общину, слѣды ея первоначальнаго происхожденія все болѣе исчезали. Въ дальнѣйшемъ община уже съ самаго начала—при переселеніяхъ, при расчисткѣ новой земли—воспроизводилась, какъ организація тягла по-преимуществу, и государство уже дѣйствительно могло просто распространять эту форму, какъ бы „создавать“ ее въ новыхъ областяхъ.

Очевидно, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда фискальныя функціи сыграли огромную роль въ развитіи общины и общиннаго землевладѣнія, онѣ не создавали общину изъ ничего, а лишь возрождали старую, родовую общину. Таковъ былъ, несомнѣнно, и первоначальный источникъ общинной обработки полей, — тѣхъ „общественныхъ запашекъ“ въ Египтѣ и, особенно, въ Перу, продуктъ которыхъ поступалъ жрецамъ, феодаламъ и т. д.

Послѣ этихъ предварительныхъ поясненій мы можемъ обратиться

къ земледѣльческимъ общинамъ феодальной эпохи. Ихъ можно расположить въ правильный рядъ, въ которомъ непосредственно трудовыя связи становятся все болѣе слабыми. При этомъ слѣдуетъ помнить, что, какъ вытекаетъ изъ всего предыдущаго, этотъ рядъ не представляетъ стадій развитія, черезъ которыя полностью проходила всякая земледѣльческая страна. Общинная обработка земли во многихъ случаяхъ отсутствовала.

Существуютъ основанія думать, что основу древнѣйшей индостанской общины составлялъ слабо дифференцированный родъ. Какъ общія потребности всей родовой группы, такъ и индивидуальныя потребности отдѣльныхъ ея членовъ удовлетворялись продуктомъ общинной обработки земли. Но дифференціація общины уже началась; изъ ея состава выдѣлились различные организаторы, въ нѣкоторыхъ общинахъ (на сѣверѣ) еще выборные, а въ другихъ (на югѣ) отчасти уже наслѣдственные: старшина, жрецъ, счетчикъ или писарь, предводитель, сельскіе стражники и т. д. Ихъ семьи уже явственно отдѣлились отъ общаго состава рода, ихъ потребительное хозяйство рѣзко обособилось отъ общаго хозяйства рода. Они получали извѣстную долю продукта всей родовой группы.

Каждая община живетъ обособленной жизнью. Почти всѣ потребности должны удовлетворяться ея собственнымъ производствомъ. Для исполненія неземледѣльческихъ работъ, требующихъ извѣстной спеціальной выучки, въ каждой деревнѣ имѣются свои кузнецъ, гончаръ, сапожникъ, цирюльникъ—онъ же примитивный хирургъ, обыкновенно и профессіональный сватъ—и т. д. Но это—не ремесленники въ позднѣйшемъ значеніи слова, а должностныя лица деревни. Они содержатся на общественный счетъ. Даже въ областяхъ (и въ эпохи), гдѣ разложеніе рода зашло дальше и земля обрабатывается отдѣльными семьями, сдѣльной платы не существуетъ, должностныя лица ежегодно получаютъ отъ каждаго обывателя опредѣленное количество зерна, мяса, овощей, впослѣдствіи денегъ,—т.-е. вознаграждаются въ формѣ, которая напоминаетъ наемъ пастуха въ современной русской деревнѣ.

Вопросъ о томъ, имѣла ли мѣсто гдѣ-либо и въ Европѣ общая обработка земли родовыми группами, въ настоящее время представляется спорнымъ. Лампрехтъ, напр., высказываетъ предположеніе, что родовое земледѣльческое производство у германцевъ вначалѣ существовало. Другіе находятъ слѣды общинно-родового земледѣлія у пиренейскихъ басковъ, у кельтовъ Ирландіи и т. д. Но факты, на которые опираются эти гипотезы, довольно малочисленны и допускаютъ иное истолкованіе. Зато не подлежитъ никакому сомнѣнію, что основной хозяйственной ячейкой на зарѣ европейскаго земледѣлія была не инди-

видуальная семья, состоящая исключительно изъ родственниковъ по прямой нисходящей линіи, а обширная семейная община, охватывающая и боковыя ступени родства по мужской линіи, нѣчто среднее между родовой общиной и позднѣйшей индивидуальной семьей.

Однако, хотя семья уже выдѣляется изъ состава рода, но обрабатываемая ею земля еще не составляетъ не только собственности ея главы, но и коллективной семейной собственности. Частная земельная собственность представляетъ лишь конечный результатъ длительнаго процесса, который и въ наше время еще не пришелъ къ завершенію.

Пока земледѣліе оставалось кочевымъ, земельной собственности и даже сколько-нибудь прочному землевладѣнію не было мѣста. Роды еще не осаживаются прочно на своихъ территоріяхъ; послѣднія на своей периферіи еще не вполнѣ обособились одна отъ другой. Такъ же неустойчивы и поземельныя отношенія внутри каждой родовой группы. Въ предѣлахъ временно занятой территоріи земледѣльческія семьи переносятъ свое хозяйство и жилье съ мѣста на мѣсто, пока всей родовои группѣ не придется искать новой территоріи,—потому ли, что ее начинаютъ тѣснить сосѣди, или же потому, что на старой территоріи уже не остается мѣста для экстенсивнаго земледѣлія.

Отношенія землепользованія становятся болѣе устойчивыми, когда роды осѣдаютъ на занятыхъ территоріяхъ. Отдѣльныя семьи черезъ извѣстные промежутки времени переносятъ запашки все на одни и тѣ же мѣста. Соотвѣтствующіе участки фактически выдѣляются въ ихъ исключительное пользованіе,—но именно только участки, поступающіе подъ полевую культуру. Остальная часть территоріи—лѣса, выпасы и т. д.—сохраняется въ общемъ пользованіи родовой группы и, кромѣ того, служитъ запаснымъ фондомъ для растущаго населенія. Эта земля принадлежитъ „всѣмъ“, или, что то же самое, не принадлежитъ никому. Она—„ничья“, „Божья“. Въ областяхъ съ живучими родовыми традиціями—у славянъ, у большинства германскихъ племенъ—прочное разселеніе пріобрѣтаетъ форму болѣе или менѣе обширныхъ деревень. Непосредственно примыкающая къ нимъ земля тоже остается въ общемъ пользованіи, общими силами окружается рвомъ или изгородью и служитъ для постояннаго выпаса *). Такія отношенія землепользованія до сихъ поръ можно наблюдать на сѣверѣ Европейской Россіи и, особенно, въ Сибири.

---

*) Напр., у германцевъ еще въ эпоху Цезаря и даже Тацита скотъ круглый годъ оставался на подножномъ корму. Запасы корма для скота начинаютъ дѣлать лишь послѣ прочнаго перехода къ осѣдлому земледѣлію, притомъ, къ сравнительно интенсивнымъ его формамъ.

Переходъ къ болѣе интенсивному земледѣлію, къ трехпольной системѣ, сопровождается болѣе прочнымъ закрѣпленіемъ опредѣленныхъ участковъ земли за отдѣльными семьями. Фактически онъ уже самъ по себѣ представляетъ установленіе длительныхъ, постоянныхъ отношеній между опредѣленной семейной группой и болѣе или менѣе отграниченной площадью пахатной земли. Эти фактически сложившіяся отношенія потомъ обыкновенно утверждаются прямымъ рѣшеніемъ общины, которая, не ограничиваясь простой регистраціей, въ большинствѣ случаевъ старается до извѣстной степени урегулировать ихъ. Вся пахатная земля предварительно разбивается на участки или коны, каждый изъ которыхъ охватываетъ почву равнаго качества и равныхъ удобствъ. Всякій дворъ, т.-е. всякая семья, по жребію получаетъ свою долю въ каждомъ конѣ. Такіе окончательные „передѣлы“ могутъ и не сопровождаться сколько-нибудь значительной перетасовкой сложившихся поземельныхъ отношеній. Еще въ періодъ, когда происходитъ расчистка земли, деревня каждый разъ захватываетъ площади болѣе или менѣе однородныхъ достоинствъ и намѣчаетъ въ нихъ участки для отдѣльныхъ семей. Окончательное урегулированіе не столько создаетъ черезполосицу, сколько просто санкціонируетъ уже существующую, сложившуюся въ длинномъ ряду поколѣній.

Господствующая система воздѣлыванія, трехполье, безъ особыхъ усилій примиряется съ черезполосицей. Полосы, которыя отводятся отдѣльнымъ семьямъ въ каждомъ конѣ, настолько велики, что необходимость переносить распахиваніе, бороньбу и т. д. съ одной полосы на другую не вызываетъ безполезнаго расточенія времени. Въ каждомъ конѣ отводится полоса приблизительно такихъ размѣровъ, что на распахиваніе ея уходитъ какъ разъ цѣлый рабочій день. Нѣкоторыя изъ первоначальныхъ названій такихъ полосъ: моргенъ, Tagewerk, jurnalis и т. д.—уже сами по себѣ говорятъ о технической раціональности, лежащей въ основѣ распредѣленія коновъ между отдѣльными хозяйственными ячейками *).

*) Эти названія полосы прямо означаютъ: „количество земли, которое можно вспахать въ одно утро, въ одинъ день“. На протяженіи всего феодальнаго періода эта непосредственно-трудовая, субъективная единица измѣренія, отъ страны къ странѣ измѣняющаяся вмѣстѣ съ качествами почвы и трудностью обработки, оставалась господствующей единицей для измѣренія площади сельскохозяйственной земли. Объективныя мѣры начинаютъ примѣняться лишь съ того времени, когда земля перестаетъ быть просто основой пропитанія и становится предметомъ торговаго оборота Тогда старинные „моргены“, „акры“, „йохи“ переводятся на новую мѣру и даютъ то разнообразіе дѣйствительной величины моргена и акра, которое наблюдается до настоящаго времени.—Наша десятина пережила въ общихъ чертахъ ту же исторію.

Соединеніе такихъ параллельныхъ полосъ въ болѣе крупныя не повело бы ни къ какому выигрышу. Получивъ два моргена вмѣсто одного, крестьянинъ долженъ былъ бы выѣзжать на свою полосу не одинъ день, а два дня кряду, или же отправился бы на пахоту не одинъ, а вдвоемъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ не получилось бы никакой выгоды. Каждый пахарь совершалъ бы свой трудъ индивидуально. Существующая техника земледѣлія дѣлала здѣсь возможной только простую одновременность однородныхъ трудовыхъ операцій, не повышающую ихъ производительности. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло при уборкѣ хлѣба и сѣна. Здѣсь совмѣстный трудъ даетъ начало временнымъ мануфактурнымъ группамъ, складывающимся на короткій моментъ и повышающимъ производительность труда нѣкоторымъ его раздѣленіемъ. Но такъ какъ въ этихъ случаяхъ требуется величайшая быстрота, то „моргенъ", — т.-е. количество земли, которое можно распахать въ одно утро,—и здѣсь оказывается технически-раціональной величиной, съ которой обычно успѣваетъ справиться крестьянская семья среднихъ размѣровъ. Малосильнымъ семьямъ приходится прибѣгать къ „помочамъ", къ сосѣдскому содѣйствію односельчанъ. Общая уборка всей деревней, т.-е. полное уничтоженіе раздѣленія на полосы, то же ничего не дало бы. На данной ступени земледѣльческой техники осуществимо лишь слабое раздѣленіе труда; для созданія мануфактурной группы раціональныхъ размѣровъ вполнѣ достаточно 5—7 человѣкъ, обслуживающихъ каждую отдѣльную повозку, на которую нагружается, напр., сжатая рожь. Такимъ образомъ, земледѣльческая техника и новыя урегулированныя формы землепользованія вполнѣ гармонируютъ другъ съ другомъ. Противорѣчія между ними возникаютъ лишь съ того времени, когда по тѣмъ или инымъ причинамъ исчезаютъ запасы свободныхъ земель, на которыя могло бы направляться растущее населеніе. Тогда черезполосица начинаетъ переходить въ черезполосное раздробленіе, распыленіе, парцеллированіе земли. Но это явленіе лежитъ далеко за предѣлами феодальной эпохи.

Тѣ отношенія землепользованія, которыя устанавливаются вслѣдствіе урегулированнаго распредѣленія пахатныхъ земель, никакъ нельзя назвать отношеніями частной собственности въ современномъ значеніи слова. Земля предоставляется не индивидуальному земледѣльцу, а цѣлой семьѣ. Глава послѣдней—просто ея представитель. По отношенію къ полученной землѣ у него нѣтъ права продажи, передачи и завѣщательнаго распоряженія. Въ хозяйственномъ использованіи ея онъ тоже исполняетъ лишь волю представляемой имъ коллективности: онъ—просто организаторъ экономической дѣятельности семьи, но не собственникъ ея средствъ производства. Такое положеніе въ нѣкоторыхъ

странахъ сохранялось очень долго,—до самаго послѣдняго времени. Напр., въ Индостанѣ лишь англичанамъ суждено было ускорить и отчасти завершить превращеніе представителей семейныхъ общинъ въ дѣйствительныхъ землевладѣльцевъ. Въ Россіи только въ XX вѣкѣ блокъ ублюдочной буржуазіи съ помѣщиками, характерный для современной экономической эпохи, предпринимаетъ рѣшительные шаги съ той цѣлью, чтобы превратить главу крестьянской семьи въ полнаго собственника земли.

Но и семьѣ не предоставляется безграничнаго права распоряжаться той землей, которая отводится для нея. Она можетъ пользоваться ею, только какъ пахатной землей. Когда снята жатва, земля превращается въ часть выпаса, общаго для всей деревни. Этимъ опредѣляется и дальнѣйшее ограниченіе права распоряжаться пахатной землей. Если бы каждый крестьянинъ производилъ озимый и яровой посѣвы и оставлялъ полосы подъ паромъ, гдѣ и какъ ему вздумается, то всѣ поля деревни превратились бы въ пеструю мозаику, въ которой озимыя полосы чередуются съ паромъ, созрѣвающій яровой хлѣбъ вклинивается въ пастбищные участки. Общее стадо и общій выпасъ были бы невозможны; безъ дорого стоящихъ огражденій отдѣльныхъ полосъ выпасъ на пахатной землѣ, вообще, сдѣлался бы невозможнымъ. Такимъ образомъ, экстенсивное скотоводство и экстенсивное земледѣліе обусловливаютъ и поддерживаютъ такъ называемый принудительный сѣвооборотъ: однородную обработку и однородные посѣвы на полосахъ, расположенныхъ по сосѣдству *). Основныя черты этого порядка намѣтились, несомнѣнно, уже въ заимочный періодъ земледѣлія. Коллективно расчистивъ новый участокъ, заимочники сѣяли на немъ одинаковые хлѣба и въ одинаковой послѣдовательности. При однородности почвы на сосѣднихъ поляхъ самъ собою получался общій сѣвооборотъ.

Слѣдовательно, даже по отношенію къ пахатной землѣ общинѣ принадлежало особое право собственности, которое осуществлялось то какъ право коллективнаго пользованія, то какъ право высшаго владѣнія и распоряженія освободившимися участками. Пока отношенія землепользованія еще не упрочились, и все находилось въ состояніи броженія, время отъ времени производилось перераспредѣленіе пахатной земли между наличными семьями. Въ зависимости отъ измѣненій ихъ состава,

*) Принудительный сѣвооборотъ обыкновенно выводится изъ общиннаго землевладѣнія. Но для феодальнаго періода зависимость, очевидно, обратная. Здѣсь техника непосредственно опредѣляетъ формы собственности, владѣнія и пользованія. Сѣвооборотъ становится дѣйствительно принудительнымъ, начинаетъ диктоваться извнѣ лишь съ того времени, когда формы собственности превращаются въ тормозъ для новой земледѣльческой техники Для феодальнаго періода выраженіе Flurzwang, принудительный сѣвооборотъ, очень не точно.

у однѣхъ отбирались полосы земли, другимъ отводились новыя,—совершался частичный или полный передѣлъ земли. Такъ было, несомнѣнно, въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи. Но и въ тѣхъ періодическихъ передѣлахъ, которые явились позже, какъ приспособленіе къ феодальнымъ или государственнымъ повинностямъ общины, право послѣдней распоряжаться всею землей не было создано, а лишь получило дальнѣйшее развитіе. Съ другой стороны, предпосылкой безпрепятственнаго примѣненія передѣловъ и здѣсь оставалась старинная однородность феодальной деревни: одинаковая тщательность,—или, точнѣе, одинаковая примитивность—экстенсивной культуры, соотвѣтственно одинаковое количество скота, качественная и количественная однородность удобренія и т. д.

Лѣса, луга, пустоши по-прежнему остаются въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ деревенской общины. Оно сохраняетъ вольный характеръ, почти никѣмъ и ничѣмъ не регулируется, пока размѣръ общихъ угодій превышаетъ потребности населенія. На этомъ основаніи, нѣкоторые изслѣдователи склонны утверждать, будто общиннаго землевладѣнія никогда не существовало. Тѣ отношенія къ землѣ, которыя выражаются терминомъ—общая земельная собственность, говорятъ они, были въ дѣйствительности полнымъ отсутствіемъ земельной собственности. При безграничномъ земельномъ просторѣ земля никому не принадлежала.

Но они упускаютъ изъ виду цѣлый рядъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, территоріи деревенскихъ общинъ довольно рано отграничиваются одна отъ другой. Въ Германіи процессъ ихъ размежеванія начался въ I вѣкѣ и въ общихъ чертахъ достигъ завершенія уже къ V вѣку, т.-е. въ эпоху, когда, согласно этой теоріи, земельной тѣсноты еще не было. Каждая деревенская марка, т.-е. преемница родовой общины, занимаетъ съ этого времени вполнѣ опредѣленную территорію. По мѣрѣ того, какъ въ послѣдующіе вѣка—до XIV—XV столѣтія—марка даетъ начало новымъ деревенскимъ общинамъ, ея территорія распредѣляется между послѣдними и развивается въ сѣть болѣе мелкихъ, но по-прежнему вполнѣ отграниченныхъ территорій. Землевладѣніе каждой общины совпадаетъ съ ея территоріей. Тѣ же явленія наблюдались въ удѣльный періодъ русской исторіи, когда отъ волостной общины, развившейся изъ стараго рода, отвѣтвлялись деревенскія общины. Слѣдовательно, уже для этого періода невѣрно, будто бы земля не принадлежала никому.

Во-вторыхъ, если въ предѣлахъ деревенской территоріи земля не принадлежитъ никому въ частности, это и означаетъ, что она принадлежитъ всѣмъ, совокупности общины. Послѣднее обнаруживается съ полной ясностью, когда относительные размѣры угодій сокращаются. Тогда община начинаетъ регулировать пользованіе лѣсомъ, лугами,

выгонами и т. д. Покосъ, напр., выполняется сообща, и потомъ сѣно распредѣляется между дворами; въ позднѣйшій періодъ луга раздѣляются только передъ покосомъ и на время покоса. Регламентируется и ограничивается количество головъ скота, на выпасъ котораго имѣетъ право каждое хозяйство общины; за излишнее количество община требуетъ особое вознагражденіе, и т. д. Каждый дворъ (или германская гуфа) превращается въ совокупность правъ пользованія различными угодьями, причемъ величина его доли въ этихъ угодьяхъ соотвѣтствуетъ его долѣ въ поляхъ.

По мѣрѣ того, какъ растетъ населеніе и производятся новыя расчистки подъ пашню, площадь общихъ угодій все болѣе сокращается. Тѣмъ не менѣе, она остается очень значительной на всемъ протяженіи феодальной эпохи. Быстрое сокращеніе ея, мѣстами полное исчезновеніе, относится къ слѣдующему періоду; оно было вызвано не столько внутреннимъ развитіемъ самого крестьянскаго земледѣлія, сколько развитіемъ городского міра, который съ теченіемъ времени обособился отъ деревни.

Первоначальная деревенская община у славянъ и германцевъ, въ Японіи, Индостанѣ и Перу,—а также, судя по нѣкоторымъ признакамъ, въ Египтѣ и Месопотаміи,—совпадала съ родовой общиной. Съ теченіемъ времени эта связь между ними разрывается. Отъ родовой общины отдѣляются новыя поселенія, которыя начинаютъ жить обособленной жизнью; на границахъ старыхъ территорій возникаютъ общины съ населеніемъ, отдѣлившимся отъ различныхъ родовыхъ общинъ. Родственныя отношенія — исходная точка въ развитіи общинной жизни — все болѣе стушевываются передъ просто сосѣдскими отношеніями. Извѣстныя формы совмѣстной борьбы за существованіе все болѣе диктуются непосредственно экономическими условіями, независимо отъ общности крови и родовыхъ традицій.

Но и оторвавшись отъ своего первоначальнаго базиса, отъ родовой общины, деревенская община воспроизводитъ ея внутренній строй, является сколкомъ съ нея. Она не создавалась вновь, а просто воспроизводилась: точно такъ же, какъ дружина на различныхъ ступеняхъ своего развитія была копіей тѣхъ родовыхъ организацій, которыя дали ей начало; какъ цехи и гильдіи при своемъ возникновеніи переносили отношенія деревенской жизни въ новую область, или какъ наша артель была городскимъ изданіемъ деревенской общины. Сила или слабость общиннаго начала, степень обособленія организаторскихъ функцій, выдѣленіе большихъ семей или даже распаденіе послѣднихъ на мелкія индивидуальныя семьи, характеръ связей каждой деревенской группы съ сосѣдними и, вообще, съ внѣшнимъ міромъ, — во всѣхъ этихъ и въ

другихъ отношеніяхъ деревенская община является просто преемницей родовой общины. И даже мыслятся новыя общественныя отношенія въ старыхъ идеологическихъ формахъ, завѣщанныхъ родовой общиной. Какой бы пестрой по своему составу ни была новая крестьянская группа, возникаетъ и удерживается, несмотря ни на что, фикція первоначальнаго родства, какъ единственной основы созданія и существованія общины. Да, впрочемъ, и въ дѣйствительности всѣ члены деревенскаго міра, въ концѣ-концовъ, обыкновенно переплетаются отношеніями родства; но послѣднія возникаютъ лишь съ теченіемъ времени, вслѣдствіе заключенія браковъ на ограниченной территоріи, замкнутой въ своемъ экономическомъ существованіи. Слѣдовательно, здѣсь уже не предѣлы совмѣстной борьбы за существованіе очерчиваются отношеніями родства, какъ было въ старой родовой группѣ, а наоборотъ: отношенія родства развиваются на базисѣ совмѣстной экономической жизни *).

Въ ту эпоху, когда въ различныхъ странахъ Европы совершался переходъ къ осѣдлому земледѣлію, разложеніе рода зашло довольно далеко, и общее производство и хозяйство родовой группы въ значительной степени уступило мѣсто индивидуальному хозяйствованію отдѣльной семьи. Какъ показано выше, техника средневѣковаго земледѣлія лишь въ немногихъ случаяхъ требовала объединенныхъ дѣйствій со стороны односельчанъ, да и въ этихъ случаяхъ самое производство оставалось по большей части индивидуальнымъ. Коллективная организація труда выступала при пастьбѣ стада, при устройствѣ колодцевъ и прудовъ, при возведеніи еще нѣкоторыхъ сооруженій, о которыхъ будетъ упомянуто ниже, иногда при расчисткѣ новой земли. Съ выдѣленіемъ военно-организаторскихъ функцій, даже организація защиты во внѣ выскользаетъ изъ вѣдѣнія деревни; а съ выдѣленіемъ воина въ особую профессію, — процессъ, который зашелъ болѣе или менѣе далеко въ Индостанѣ, Японіи и средневѣковой Европѣ, — житель деревни окончательно развивается въ Bauer'а воздѣлывателя, хлѣбороба, крестьянина, вся жизнь котораго почти цѣликомъ протекаетъ въ его индивидуальномъ хозяйствѣ и исчерпывается, какъ показываютъ нѣкоторыя изъ этихъ названій, его отношеніями къ ограниченному участку земли.

---

*) Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ даже въ Московской губерніи встрѣчались обширныя деревни, въ которыхъ всѣ крестьяне носили 2 — 3 фамили. Конечно, къ этой „эндогаміи“ особаго рода приводило въ значительной мѣрѣ внѣшнее принужденіе, крѣпостное право. Но она обусловливалась и общимъ экономическимъ строемъ старинной деревни.

Тѣ немногія общія функціи, которыя еще исполняются совокупностью односельцевъ, обусловливаютъ лишь болѣе или менѣе поверхностную сосѣдскую связь между ними и не создаютъ той глубокой экономической сплоченности, того недифференцированнаго, сплошного существованія, которыми характеризовался старый родъ. Сами по себѣ онѣ не въ состояніи задержать дальнѣйшаго разложенія деревенской общины и превращенія ея изъ экономической организаціи въ просто административную организацію. Это—общая тенденція въ развитіи всѣхъ общинъ, а вовсе не специфическая особенность тѣхъ изъ нихъ, которымъ приписывается чисто внѣшній, фискальный способъ возникновенія.

Несмотря на существованіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на большую живучесть деревенской общины, крестьянинъ уже въ феодальный періодъ превращается въ того индивидуалиста, какимъ его знаетъ и новѣйшая исторія. Всѣ важнѣйшіе предметы потребленія производятся въ его собственномъ хозяйствѣ, — и все оно строится такимъ образомъ, чтобы все необходимое производилось въ каждомъ индивидуальномъ хозяйствѣ. Послѣднее становится самодовлѣющимъ міромъ. Крестьянинъ самъ мастеритъ соху и телѣгу, по крайней мѣрѣ ихъ деревянныя части, самъ строитъ избу, кроетъ крышу и кладетъ печь, обыкновенно самъ же выдѣлываетъ кожи и шьетъ обувь. Въ его индивидуальномъ хозяйствѣ варится пиво и медъ, и проходятъ всѣ стадіи обработки, до послѣдней включительно, ленъ и пенька. Недаромъ не только у насъ, но и въ Германіи и во Франціи, представленіе о крестьянинѣ стариннаго стиля прочно ассоціировалось съ прялкой или веретеномъ. Каждое правильное крестьянское хозяйство должно наладить свой ткацкій станокъ и производить всѣ ткани, необходимыя для членовъ семьи. Шитье производится дома. Еще очень недавно зазорнымъ считалось, если крестьянка не могла „обшить“ всю семью. По возможности собственными силами производится даже окраска тканей и пряжи.

Типичное крестьянское хозяйство становится эмбріономъ всѣхъ производствъ, какія только можно себѣ представить. Крестьянинъ развивается въ то чудо универсальности, какимъ онъ оставался вплоть до вторженія капитализма и какимъ наше народничество и родственныя западныя теченія возвели его въ идеалъ человѣческаго совершенства.

Примитивность техники и полная неразвитость потребностей были необходимой предпосылкой такой организаціи крестьянскаго хозяйства. Только экстенсивное земледѣліе могло мириться съ самодѣльными плугомъ (сохой) и бороной, сдѣланными почти сплошь изъ дерева. Только человѣкъ, въ глазахъ котораго вся жизнь и вся дѣятельность имѣетъ

лишь одно предназначеніе: пропитаніе, удовлетвореніе элементарнѣйшихъ потребностей въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, можетъ расточать рабочую силу такъ, какъ ее расточаетъ крестьянинъ, вся жизнь котораго непосредственно сводится къ производству необходимѣйшихъ средствъ существованія.

Въ очень немногихъ, исключительныхъ случаяхъ крестьянинъ не можетъ обойтись своей собственной работой и работой семьи, произвести необходимые предметы непосредственно „трудомъ рукъ своихъ." „Правильный" крестьянинъ, т.-е. типичный представитель феодальной эпохи, даже кузнечныя работы старается выполнять при своемъ собственномъ домѣ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, напр. въ Рудныхъ горахъ, въ Трирскомъ округѣ и на Рюгенѣ, эти традиціи выдержанно-замкнутаго хозяйства сохранялись еще въ половинѣ прошлаго вѣка.

Тѣмъ не менѣе, то выдѣленіе кузнецовъ въ особую профессію, которое началось въ предыдущій періодъ, продолжается и въ феодальной деревнѣ. Но и появленіе кузнеца мало измѣняетъ общій характеръ самодовлѣющаго хозяйства. Самъ кузнецъ, въ особенности на первыхъ порахъ, такой же крестьянинъ, какъ и остальные, только размѣры запашки у него относительно меньше. Кузнецъ, подобно современному русскому пастуху, состоитъ какъ бы на службѣ всей деревни; за опредѣленное ежегодное количество продуктовъ—ржи, овощей, дровъ и т. д.—распредѣляемыхъ между дворами общины, онъ обязуется починять для нихъ всѣ орудія, а различныя экстраординарныя работы выполняетъ за особое вознагражденіе, уплачиваемое тоже въ натурѣ. Такая организація обслуживанія крестьянскихъ хозяйствъ кузнецомъ сохранилась въ захолустныхъ деревняхъ Россіи и Германіи до новѣйшаго времени; только къ вознагражденію натурой присоединилось небольшое денежное вознагражденіе.

Положеніе мельника мало отличается отъ положенія кузнеца. Работа на мельницѣ беретъ у него только нѣкоторую часть его рабочаго времени. Онъ или, по крайней мѣрѣ, его семья крестьянствуетъ, т.-е. занимается земледѣліемъ такъ же, какъ и остальные односельчане. Если мельникъ пришлый, то надѣлъ, получаемый отъ общины, составляетъ часть вознагражденія за помолъ. Обычной и важнѣйшей формой вознагражденія даже въ современной деревнѣ остается извѣстная доля муки или зерна. Иногда примѣняются способы вознагражденія, совершенно чуждые точной мѣрѣ и вѣсу: явленіе, характерное для старой деревни, въ которой все производство непосредственно направлено на собственное потребленіе и хлѣбъ не превратился въ товаръ, стоимость

котораго должна болѣе или менѣе точно сообразоваться съ вымѣниваемой стоимостью *).

Въ такомъ направленіи развивалось крестьянское хозяйство не только въ средневѣковой Европѣ, но и въ древнихъ Греціи и Римѣ, въ Египтѣ, Месопотаміи, Китаѣ, Японіи, вообще, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ и когда земледѣлецъ сохранялъ хотя бы нѣкоторую производственную самостоятельность. Хозяйственная зависимость, выражавшаяся въ томъ, что ему приходилось отдавать часть своихъ продуктовъ или труда феодаламъ или государству, нисколько не нарушала чисто индивидуалистическаго характера его собственнаго производства. Только нѣкоторой частью своего существованія онъ включался въ чужое хозяйство и производство. Въ остальномъ же былъ по-прежнему натурально-хозяйственнымъ крестьяниномъ, индивидуальнымъ производителемъ.

Этимъ объясняется, между прочимъ, возможность тѣхъ великихъ перетасовокъ населенія, о которыхъ говоритъ исторія Египта, Ирана и Месопотаміи. Побѣдитель переводилъ населеніе обширныхъ областей, цѣликомъ или бо̀льшую часть, въ прочно подчиненныя части страны, гдѣ разселялъ его среди стараго населенія; послѣднее, наоборотъ, давало переселенцевъ въ новыя, только-что завоеванныя области. Крестьянскія семьи и цѣлыя крестьянскія общины, представляя обособленные организмы, лишь слабо и поверхностно связанные съ сосѣдними организмами, въ самомъ непродолжительномъ времени устраивались на новомъ мѣстѣ совершенно такъ же, какъ на своей родинѣ. Эти насильственныя пересадки поражаютъ воображеніе современнаго человѣка. Для территоріально-расчлененнаго хозяйства переводъ, напр., московскаго населенія въ Сибирь, архангельскаго—въ Москву былъ бы равносиленъ полному разгрому экономической жизни Россіи. Въ феодальномъ же мірѣ произвольное перемѣщеніе массъ, населяющихъ обширныя области, не вызывало особенно глубокихъ экономическихъ пертурбацій.

Но какъ разъ отсутствіе глубокихъ связей между элементами феодальнаго общества и дѣлало такія перетасовки политически-необходимыми. Эти элементы — употребляя нѣсколько измѣненное сравненіе Маркса—лишь такъ же внѣшне могли сплачиваться другъ съ другомъ, какъ картофелины мѣшкомъ. Племена, уже прочно ассимилированныя

*) Во многихъ мѣстахъ Россіи главное вознагражденіе мельника до сихъ поръ составляетъ то количество муки, которое онъ можетъ подцѣпить лопаткой изъ ларя или мѣшка. Только съ превращеніемъ хлѣба въ товаръ, т.-е. съ крушеніемъ крестьянскаго хозяйства, какъ оно сложилось въ феодальный періодъ, этотъ способъ становится источникомъ ожесточенныхъ столкновеній и послѣ долгой борьбы уступаетъ мѣсто болѣе объективнымъ способамъ и нормамъ вознагражденія.

вновь возникающей феодальной системой, должны были своей внѣшне-принудительной силой сдерживать элементы, вновь включенные въ нее завоеваніемъ. Такъ шло феодальное объединеніе патріархальныхъ земледѣльческихъ общинъ и обширныхъ областей Ассиріи и Вавилона, Египта и Персіи. Библія хранитъ воспоминаніе о двухъ такихъ попыткахъ ассимиляціи израильтянъ сосѣдями-земледѣльцами. Это, во-первыхъ, такъ называемое „переселеніе въ Египетъ", гдѣ израильтяне, повидимому, должны были земледѣльчески колонизовать новую область (Сихемъ); во-вторыхъ, — позднѣйшее „вавилонское плѣненіе". Оно было не въ силахъ измѣнить прочно сложившіяся формы хозяйства у преимущественно скотоводческаго и торговаго народа *).

Подчиненная община водворялась около рѣки, одна или вмѣстѣ съ сосѣдними общинами прокладывала новый каналъ, если требовалось искусственное орошеніе, и потомъ замыкалась въ своемъ крестьянскомъ существованіи. Общія оросительныя работы, поскольку онѣ требовались для болѣе или менѣе обширной территоріи, объединяли осѣвшія на ней группы,—но тѣмъ менѣе надежна была связь подобныхъ территорій между собою. Онѣ безъ особаго труда объединялись однимъ завоевателемъ, не находили особыхъ побудительныхъ мотивовъ противиться другому, если онъ оставлялъ незатронутыми общія основы ихъ крестьянскаго производства, и почти такъ же легко переходили подъ власть третьяго. Ожесточенная борьба и быстрыя повторныя смѣны господства ассиріянъ и вавилонянъ, лидійцевъ и персовъ, Месопотаміи и Ирана, объединеніе и распаденіе восточныхъ царствъ,— всѣ эти событія, несмотря на свой внѣшній драматизмъ, были скорѣе просто смѣной феодальныхъ верхушекъ, чѣмъ дѣйствительными революціями, проникающими въ глубины общества; болѣе измѣненіемъ лицъ,

---

*) Играя роль торговаго посредника между Месопотаміей и Египтомъ, израильтяне постоянно подвергались ударамъ то съ одной, то съ другой стороны. Такъ называемымъ „исходомъ изъ Египта",— событіемъ, о реальной исторической основѣ котораго приходится только догадываться, — ихъ вассальная зависимость отъ Египта не окончилась. И хотя позднѣйшая исторія всячески старается вытравить изъ памяти этотъ горькій для національнаго сознанія фактъ, даже Давидъ и, въ особенности, Соломонъ находились въ строгомъ вассальномъ подчиненіи египетскимъ фараонамъ. Отъ этой зависимости израильтяне освобождались, вообще говоря, только затѣмъ, чтобы сдѣлаться вассалами счастливыхъ соперниковъ Египта· вавилонянъ или персовъ, грековъ или римлянъ. За развитіемъ торговыхъ сношеній между областями Передней Азіи и Средиземнаго моря шло расширяющимися кругами ихъ феодальное объединеніе. Такія ограниченныя области, какъ Палестина, достигали независимости лишь на короткое время, и не столько собственными силами, сколько благодаря соперничеству мощныхъ сосѣдей.

которымъ приходилось уплачивать дань, чѣмъ измѣненіемъ самаго характера повинностей.

Подведемъ итоги.

Насколько можно судить по сохранившимся даннымъ, прочный переходъ къ земледѣлію въ разныхъ странахъ совершался въ эпоху, когда старый, внутренно-цѣлостный родъ уже въ значительной степени разложился. Отдѣльные случаи, въ которыхъ предполагается общинно-родовое земледѣльческое производство съ распредѣленіемъ продукта между членами родовой группы, не могутъ считаться безспорными.

Тѣмъ не менѣе, способъ первоначальнаго разселенія земледѣльцевъ—германская марка, русская волостная община—непосредственно примыкаетъ къ патріархально-родовой общинѣ. Индивидуальная собственность на землю медленно возникала лишь въ ходѣ развитія и дальнѣйшаго разложенія этихъ общинъ. Экстенсивная техника земледѣлія и скотоводства приводила къ тому, что относительно устойчивыя отношенія пользованія складывались у земледѣльческой семьи только къ пахатной землѣ, но и эта земля, когда жатва снималась, поступала въ общее пользованіе. Остальныя же угодья: луга, выгоны, лѣса, пустоши—постоянно находились въ общемъ пользованіи деревни.

Не приводя къ созданію индивидуальной земельной собственности, феодальное земледѣліе обусловливало, однако, лишь временныя и довольно поверхностныя связи между единичными хозяйствами сосѣднихъ крестьянскихъ семей, и потому не могло задержать дальнѣйшаго разложенія рода и превращенія деревенской общины изъ экономической въ административную организацію. Но, по меньшей мѣрѣ, такую-то организацію возникающее государство во всякомъ случаѣ нашло существующей и, связавъ ея членовъ круговою порукой, не создало общины изъ ничего, какъ утверждаетъ теорія чисто административнаго происхожденія общинъ, а просто расширило функціи той общины, которая была продуктомъ разложенія стараго рода.

Въ процессѣ своего распаденія патріархальный родъ далъ начало патріархальнымъ семейнымъ общинамъ, которыя и являются основной экономической ячейкой феодальной эпохи. Связанная съ другими членами деревенскаго міра преимущественно сосѣдскими отношеніями, каждая крестьянская семья представляетъ самодовлѣющее хозяйство. Основное ея стремленіе — удовлетворять всѣ потребности непосредственно собственнымъ производствомъ. Тѣ немногочисленные „ремесленники“, которые появляются въ феодальной деревнѣ, не расшатываютъ, а скорѣе укрѣпляютъ общій натурально-хозяйственный укладъ крестьянской семьи, и сами очень мало выдѣляются изъ крестьянской массы.

Такимъ образомъ, экономическій строй деревни даетъ объясненіе

той локальной и провинціальной ограниченности и обособленности, которою характеризуется феодальный періодъ, и тому индивидуализму, который становится типичной чертой крестьянина.

3. Обособленіе организаторскихъ функцій. — Абсолютная рента.—Феодальная группа у кочевниковъ.

То выдѣленіе организаторскихъ функцій, которымъ опредѣлилось строеніе патріархально-родовой общины, продолжалось и въ земледѣльческой общинѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ процессъ этотъ, совершавшійся въ сравнительно позднее время, представляетъ до прозрачности ясный переходъ отъ собственно родового строя къ феодальной системѣ. Такъ, напр., когда кланы Ирландіи начинаютъ объединяться, главы ихъ—сначала выборные, а потомъ наслѣдственные, — превращаются каждый въ сеньера своей патріархальной группы. Съ теченіемъ времени намѣчаются пять областныхъ союзовъ, число которыхъ потомъ уменьшается до четырехъ. Во главѣ каждаго такого „королевства" поперемѣнно становится вождь то одного, то другого клана. Сначала король дѣйствуетъ подъ контролемъ и съ согласія собранія, которое составляется изъ главъ объединившихся клановъ; впослѣдствіи онъ начинаетъ борьбу за безконтрольность своихъ дѣйствій. Словомъ, въ Ирландіи около тысячи лѣтъ тому назадъ можно было наблюдать послѣдовательныя ступени того процесса, который обрисованъ у насъ въ предыдущемъ отдѣлѣ. Совершенно такъ же шелъ процессъ феодализаціи въ Индостанѣ; таковы же его начальныя ступени и въ другихъ странахъ, поскольку ихъ удается прослѣдить по сохранившимся отрывочнымъ даннымъ.

Разъ начавшись, процессъ подчиненія земледѣльческихъ общинъ власти организатора быстро идетъ впередъ. Община, взятая какъ цѣлое, все болѣе утрачиваетъ дѣеспособность. Въ области мирной дѣятельности всѣ трудовыя операціи, превышающія силы отдѣльнаго двора, выполняются уже по иниціативѣ организатора. Всѣ крупныя сооруженія, необходимыя для цѣлой общины и возводимыя ея коллективнымъ трудомъ, постепенно развиваются въ собственность организатора, становятся элементомъ его собственнаго, все болѣе расширяющагося хозяйства. Таковы, напр., мельницы, печи для хлѣба, сооруженія для трепанія льна, прессы для выжиманія винограда и т. д.

Вознагражденіе, которое получаетъ организаторъ за пользованіе такими сооруженіями, еще больше выдвигаетъ его хозяйство изъ ряда крестьянскихъ хозяйствъ. Хозяйство организатора превращается въ тотъ пунктъ, къ которому стекается весь прибавочный продуктъ об-

щины: и та его часть, которая въ старомъ недифференцированномъ родѣ служила для расширенія производства, и та часть, которая обращалась въ запасъ на случай разныхъ непредвидѣнныхъ потрясеній хозяйства: неурожая, пожара и т. д. Организаторъ, какъ единственный носитель всѣхъ общественныхъ функцій, какъ воплощеніе всѣхъ необходимыхъ связей между индивидуальными хозяйствами земледѣльцевъ, мало-помалу сосредоточиваетъ у себя всѣ хозяйственные запасы. При основаніи новаго хозяйства крестьянинъ получаетъ отъ него соху, борону, скотъ, словомъ, весь сельскохозяйственный инвентарь, сѣмена и хлѣбъ до ближайшаго урожая. При неурожаѣ сравнительно слабые дворы продовольствуются изъ запасовъ организатора. Все это дѣлаетъ экономическое подчиненіе общины организатору еще болѣе прочнымъ, даетъ ему возможность расширять свою власть на новыхъ крестьянъ, на новыя общины, шагъ за шагомъ превращаетъ его въ сеньера, въ господина подвассальной общины и всего окрестнаго населенія.

Въ томъ же направленіи вело обособленіе военно-организаторскихъ функцій. По мѣрѣ того, какъ сношенія и столкновенія между общинами становились обычнымъ явленіемъ, званіе вождя переставало быть временнымъ. На него ложилось постоянное завѣдываніе тѣми внѣшними отношеніями, которыя колебались между войной и обмѣномъ. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ эти функціи, военный организаторъ завершалъ крестьянскую обособленность отъ внѣшняго міра. Крестьянское хозяйство не можетъ обойтись, напр., безъ нѣкотораго количества желѣза, котораго нѣтъ въ данной мѣстности; но добываніе этого желѣза—обмѣномъ ли, грабежомъ ли—касается только вождя. Его же исключительнымъ дѣломъ становится организація внѣшней защиты. Крестьянинъ долженъ или только вооружаться по его призыву, какъ было въ классическомъ мірѣ, или же, главнымъ образомъ, доставлять вождю и его дружинѣ средства существованія и передвиженія, какъ было въ Египтѣ, Мексикѣ, Индостанѣ, Японіи и особенно въ средневѣковой Европѣ.

Функціи защиты играли въ феодальномъ мірѣ такую роль, о которой въ настоящее время трудно составить себѣ представленіе. Границы „своего“ міра, отдѣлявшія его отъ міра „чужихъ“, „враговъ“, лежали иногда у самой околицы. Въ современныхъ государствахъ дѣйствительныя укрѣпленія отнесены на далекую периферію; въ феодальный періодъ территоріи были сплошь покрыты замками, бургами, засѣками и крѣпостцами, которыя были одновременно и воплощеніемъ, и опорой экономической и политической автономіи мелкихъ областей. Первоначальное феодальное объединеніе этихъ областей, которое и само по себѣ сопровождалось борьбой между ними, далеко не устра-

няло затяжной войны, постоянныхъ набѣговъ и грабежей, которые всей своей тяжестью обрушивались на мирное крестьянское населеніе. Даже въ позднiй перiодъ московскаго государства, въ XVI и отчасти въ XVII вѣкѣ, крупные бояре могли безнаказанно совершать свои наѣзды и грабежи. Для того, чтобы положить имъ конецъ, требовалась такая степень военной и административной централизацiи, которая далеко превышаетъ возможности феодальной эпохи съ ея экономической децентрализованностью.

Съ обособленiемъ военно-организаторскихъ функцiй, съ выдѣленiемъ особой профессiи воиновъ, мирному населенiю не остается иного выхода, какъ „закладываться“, „коммендироваться“, т.-е. отдаваться подъ защиту вождя своей области. Самостоятельное существованiе крестьянства становится невозможнымъ. И свою землю, и все свое имущество, и самую жизнь оно сохраняетъ лишь благодаря дѣятельности военнаго организатора. Конечно, за все это приходится отбывать различныя повинности: отдавать часть своего труда или продуктовъ, или того и другого одновременно. Это — новая причина, почему въ распоряженiе организатора поступаетъ прибавочный трудъ и прибавочный продуктъ окружающей области. Вождь и его дружина, которые раньше лишь временно отдѣлялись отъ общины и отъ ея мирной производственной дѣятельности, прiобрѣтаютъ теперь постоянный самостоятельный источникъ существованiя, содержанiе ихъ становится извнѣ налагаемой повинностью общины, развитiе профессiи воиновъ завершается выдѣленiемъ сословiя воиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ внизъ отдѣляется крестьянское сословiе· обширная профессiональная группа земледѣльцевъ, постоянныя обязанности которой представляютъ оборотную сторону привилегiй мирныхъ и военныхъ организаторовъ.

По самому свойству своихъ функцiй военный организаторъ съ теченiемъ времени оттѣсняетъ организатора мирно-производственной дѣятельности на заднiй планъ. Послѣднiй или смѣняется господскимъ уполномоченнымъ—приказчикомъ, посельскимъ, мейеромъ, villicus'омъ,— который управляетъ собственнымъ хозяйствомъ сеньера и, при посредствѣ ряда должностныхъ лицъ деревенской общины — тысяцкихъ, сотскихъ и т. д.,—организуетъ отбываніе ею всевозможныхъ повинностей; или же мирный организаторъ становится вассаломъ военнаго организатора и превращаетъ въ своихъ вассаловъ второстепенныхъ мирныхъ организаторовъ. Съ особенной рельефностью второй порядокъ развитiя выступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда упроченiе феодальныхъ отношенiй было связано съ внѣшнимъ завоеванiемъ. Вассальныя отно-

шенія служили той формой, въ которой осуществлялся союзъ пришлыхъ организаторовъ съ мѣстными организаторами *).

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и расчлененіи организаторскія функціи даютъ начало цѣлому ряду другихъ видовъ дѣятельности, которыя связаны частью съ мирнымъ производствомъ, частью съ военной защитой, частью съ тѣмъ и другимъ. Таковы предупрежденіе и разборъ столкновеній между сосѣдними общинами и отдѣльными членами, исполненіе приговоровъ, постановленныхъ при разборѣ. Въ зависимости отъ конкретныхъ условій, верховная судебная и административная власть быстрѣе или медленнѣе обособляется отъ общины и переходитъ къ сеньеру; какъ главный представитель организованной коллективной силы, только онъ и обладаетъ рессурсами, необходимыми для осуществленія этой власти. Въ ходѣ развитія она постепенно пріобрѣтаетъ внѣшнюю форму уже не коллективной власти общины, взятой въ ея цѣломъ, а личной власти сеньера.

Такимъ образомъ, организаторъ со своимъ хозяйствомъ все больше обособляется отъ общины. При расширеніи пахатной земли онъ получаетъ извѣстную долю новыхъ расчистокъ для веденія собственнаго хозяйства. При каждомъ успѣшномъ походѣ онъ оставляетъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторую часть завоеванныхъ земель и превращаетъ въ своихъ непосредственныхъ вассаловъ живущее на нихъ крестьянское населеніе. Строй деревенскаго производства утрачиваетъ ту однородность, которая предполагалась выше.

Пахатная земля распадается на двѣ части: крестьянскую и господскую. Послѣдняя обрабатывается трудомъ зависимыхъ крестьянъ, которые должны отбывать опредѣленное количество дней въ недѣлю. Эти обязательныя работы крестьянинъ выполняетъ со своимъ рабочимъ скотомъ (конная барщина) и во всякомъ случаѣ со своими собственными орудіями (пѣшая барщина). Господинъ обзаводится собственнымъ инвентаремъ лишь на исходѣ феодальной эпохи, когда трудъ зависимыхъ отъ него крестьянъ постепенно смѣняется трудомъ дворовыхъ,

---

*) Таково, напр., подчиненіе первоначальнаго дравидскаго населенія Индостана арійцами. Но и новѣйшая колоніальная политика широко пользуется такимъ методомъ подчиненія. Туземныхъ организаторовъ—какъ мирныхъ, такъ и военныхъ — бековъ, хановъ, султановъ, раджей, старшинъ, шейховъ и т. д. — она превращаетъ въ собственниковъ представляемыхъ ими областей, капиталистически развращаетъ ихъ и развиваетъ такимъ образомъ сложный, іерархически расчлененный феодальный аппаратъ, который, опираясь на мощные военные и финансовые рессурсы европейскихъ государствъ, организуетъ капиталистически безпощадную эксплуатацію своихъ областей подъ руководствомъ европейскаго капитала. Европейская буржуазія вступаетъ въ тѣсный союзъ съ феодалами Индостана, Египта, Алжира, Персіи и т. д., — такова здѣсь сущность современнаго имперіализма.

т.-е. крестьянъ, лишенныхъ и земли, и собственнаго производства. Но и тогда сельскохозяйственныя орудія, примѣняемыя въ господскомъ производствѣ, нисколько не отличаются отъ примѣняемыхъ одиночкою-земледѣльцемъ.

Барскія пахатныя поля подчиняются тому же принудительному сѣвообороту, какъ и крестьянскія, и въ извѣстные моменты служатъ для общаго выпаса крестьянскаго и господскаго скота. Общимъ остается пользованіе и такими угодьями, какъ луга, лѣса и т. д. Размѣры пользованія въ общемъ и здѣсь сообразуются съ размѣрами запашекъ.

Въ ранній періодъ феодализма господскія запашки относительно невелики, размѣры барщиннаго труда незначительны. Главную основу господскаго хозяйства составляетъ не собственное земледѣльческое производство, не прибавочный трудъ, извлекаемый изъ крестьянъ въ формѣ барщины, а прибавочный продуктъ, создаваемый крестьяниномъ въ своемъ производствѣ и поступающій въ господское хозяйство въ формѣ натуральныхъ оброковъ: зерна, пряжи, скота, птицы и т. д.

Съ теченіемъ времени оброки развиваются въ сложную систему поборовъ, охватывающую десятки разныхъ наименованій, опирающуюся на всевозможные юридическіе титулы, иногда явно придуманные просто для оправданія новыхъ поборовъ. Но первоначальныя феодальныя повинности были ясно и непосредственно связаны съ тѣми полезными функціями, которыя лежали на сеньерѣ, какъ фактическомъ организаторѣ коллективной дѣятельности представляемаго имъ населенія. Несмотря на величайшее разнообразіе своихъ названій и формъ, онѣ являлись вознагражденіемъ сеньера за то, что онъ создавалъ и поддерживалъ общія условія, необходимыя для земледѣльческаго производства. защищалъ отъ вторженій извнѣ, обезпечивалъ внутренній миръ, доставлялъ необходимый инвентарь для пришлыхъ или отдѣлившихся крестьянъ, которымъ приходилось заново садиться на землю, воздвигалъ сооруженія, необходимыя для всей совокупности крестьянскихъ хозяйствъ, и т. д.

Слѣдовательно, всѣ доходы, которые получалъ сеньеръ отъ оброковъ и барщины, съ самаго начала принимали форму ренты, т.-е. вознагражденія за то, что онъ давалъ возможность пользоваться землей. Рента феодальной эпохи уплачивается не за то, что земля, на которой крестьянинъ ведетъ свое производство, отличается исключительными качествами или расположена особенно выгодно: крестьянинъ отбываетъ оброки и барщину за простую возможность производительнаго использованія земли. Величина ренты при собственно феодальныхъ отношеніяхъ стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми полезными функціями, которыя выполняются феодаломъ. Необходимость усиленной внѣшней

защиты ведетъ къ увеличенію оброковъ, взимаемыхъ на военныя цѣли. Постройка печи, мельницы или укрѣпленія временно увеличиваетъ число дней барщины.

Эта рента, уплачиваемая за простую возможность вести земледѣльческое производство, называется абсолютною рентой въ отличіе отъ дифференціальной ренты, величина которой ближайшимъ образомъ опредѣляется различіями въ качествѣ и положеніи участковъ земли и въ тщательности ея воздѣлыванія. Дифференціальная рента въ феодальный періодъ не играла особенной роли. Въ болѣе плодородной области сосредоточивалось болѣе плотное населеніе. Но каждому крестьянскому двору приходилось отдавать сеньеру приблизительно такую же часть своего рабочаго времени, такую же долю своихъ продуктовъ, какъ и въ менѣе плодородныхъ областяхъ. Въ способахъ обработки земли, въ размѣрахъ трудовыхъ затратъ на единицу площади не было крупныхъ различій. И сеньеръ феодальной эпохи пользовался особыми выгодами своей области не для того, чтобы повысить норму эксплуатаціи зависимаго крестьянства, а для того, чтобы увеличить плотность крестьянскаго населенія. Въ феодальный періодъ, въ особенности въ то время, когда дружина еще не окончательно обособилась отъ массы населенія, соціальная сила сеньера стояла въ самой тѣсной и очевидной связи не съ его индивидуальнымъ богатствомъ, а съ силой представляемой имъ коллективности.

Абсолютная рента собственно феодальной эпохи, первая зародышевая форма позднѣйшаго нетрудового дохода, не стоитъ ни въ какой связи съ отношеніями земельной собственности. Вопросъ о томъ, кому принадлежитъ земля автономной хозяйственной области, могъ возникнуть лишь въ болѣе поздній періодъ, когда отъ сеньера начали отходить всѣ его полезныя функціи и экономически-раціональныя основы получаемыхъ имъ доходовъ стали превращаться въ сплошную загадку. Тогда-то и пришлось отыскивать и изобрѣтать юридическіе титулы для объясненія отношеній, утрачивающихъ экономическій смыслъ, и ретроспективно претворять феодальныхъ сеньеровъ въ изначальныхъ владѣльцевъ, если не въ полныхъ собственниковъ всей земли.

При своемъ возникновеніи рента, какъ особый доходъ опредѣленной группы лицъ, отдѣляется отъ общей массы годового продукта постольку, поскольку организаторскія функціи, постепенно обособляясь отъ исполнительскихъ, превращаются въ спеціальное занятіе этой группы. Присвоеніе ренты организаторами прямо и непосредственно вытекаетъ изъ ихъ экономическихъ отношеній къ организуемымъ, представляетъ, можно сказать, все тѣ же производственныя отношенія между этими группами, только выраженныя на языкѣ распредѣленія.

Но уже очень рано, по мѣрѣ того, какъ обмѣнъ превращаетъ продукты въ товаръ, это общественное отношеніе начинаетъ пріобрѣтать такой характеръ, какъ будто оно не стоитъ ни въ какой связи съ производственнымъ процессомъ, съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаютъ въ немъ сеньеръ и крестьянинъ, какъ будто оно является отношеніемъ не человѣка къ человѣку, а въ первую очередь отношеніемъ ихъ къ основному условію земледѣльческаго производства. къ вещи, къ землѣ. Рента и ея присвоеніе сеньеромъ выступаетъ уже не какъ матеріальное условіе и опора его организаторской дѣятельности, а какъ вознагражденіе за голый юридическій титулъ, за простое право собственности на землю, независимое отъ какой бы то ни было дѣятельности. Сеньеръ-организаторъ начинаетъ превращаться въ сеньера-землевладѣльца. Онъ расширяетъ свое вліяніе уже не столько расширеніемъ своихъ организаторскихъ функцій, сколько распространеніемъ своего права собственности. Послѣднее захватываетъ даже области, населеніе которыхъ вовсе не нуждается въ его организаторской дѣятельности. Постепенно вырабатываются воззрѣнія, согласно которымъ herrenloses Land, земля, не принадлежащая какому-либо сеньеру, представляетъ безсмыслицу: nulle terre sans seigneur, какъ гласитъ средневѣковое французское правило. Отношенія крестьянина и сеньера все болѣе превращаются въ отношенія собственности, въ голыя юридическія отношенія, которыя безъ всякихъ посредствующихъ звеньевъ базируются на соотношеніи силы обѣихъ сторонъ.

Собственно феодальныя отношенія вообще отличаются большой неустойчивостью. Какъ организаторъ-сеньеръ лишь незамѣтной гранью отдѣляется отъ сеньера-собственника не только земли, но и зависимаго населенія, такъ и феодальныя отношенія рядомъ постепенныхъ промежуточныхъ звеньевъ соединяются съ рабскими и крѣпостническими. Въ своемъ чистомъ видѣ феодальныя отношенія реализуются въ исторіи по большей части только какъ преходящій моментъ. Въ абстрактномъ изложеніи феодальная система занимаетъ видное мѣсто, потому что только она объясняетъ намъ, какъ могли возникнуть многія позднѣйшія категоріи и отношенія, сохранившіяся до новѣйшаго времени: крестьянское и феодальное сословія, частная земельная собственность, крупное землевладѣніе, рента. Но трудно указать эпоху, когда феодализму принадлежало бы такое безраздѣльное господство, какъ въ свое время, напр., патріархально-родовому началу.

Въ хозяйствѣ сеньера, построенномъ на оброкахъ и барщинѣ, господствуютъ тѣ же основные экономическіе принципы, какъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Господскій дворъ—Hof, curtis, вилла, мэноръ, боярская усадьба,—который стоялъ въ центрѣ барщиннаго и оброчнаго

крестьянства, не только въ древности, но и въ средніе вѣка являлся ойкосомъ—домомъ, самодовлѣющей экономической организаціей. Онъ долженъ былъ служить не задачамъ накопленія, не обогащенію сеньера, а удовлетворенію потребностей сеньера и всѣхъ непосредственно связанныхъ съ нимъ: его семьи, дружины, управляющихъ и т. д.

Весь доходъ сеньера первоначально получаетъ форму ренты: всевозможныхъ повинностей, которыя отбывались крестьянами за то, что имъ обезпечивается пользованіе землей. Главную массу его составляютъ сельскохозяйственные продукты, производимые крестьянами какъ на собственныхъ поляхъ, такъ и на барскихъ запашкахъ. Они вполнѣ удовлетворяютъ потребность сеньера и окружающихъ его въ средствахъ питанія.

Шерсть, ленъ, пенька, доставляемые крестьянами какъ оброкъ, даютъ достаточные матеріалы для одежды. Переработка ихъ производится въ домѣ сеньера. Знатныя германскія женщины феодальной эпохи съ такимъ же знаніемъ дѣла организовали пряденье, вязанье и ткачество, какъ русскія боярыни руководили сложными производствами дѣвичьей. Во многихъ случаяхъ оброкъ состоялъ прямо изъ тканей.

Различные предметы домашней утвари: посуда и нѣкоторыя украшенія, а иногда и оружіе, — доставлялись тоже въ видѣ оброчныхъ статей или производились при отбываніи барщины. Хозяйственный сеньеръ старался создать въ своей области самыя разнообразныя производства, совершенно эмансипироваться отъ внѣшняго міра въ удовлетвореніи своихъ потребностей. Такъ возникло, напр., металлургическое производство Штиріи и Золингена.

Зависимые крестьяне, получившіе достаточный навыкъ въ опредѣленныхъ промышленныхъ производствахъ, сначала занимаются ими лишь между прочимъ и сохраняютъ свое земледѣльческое хозяйство. Отъ остальныхъ крестьянъ они отличаются только тѣмъ, что оброкъ земледѣльческими продуктами и земледѣльческая барщина замѣняются для нихъ промышленными оброкомъ и барщиной.

Но пока полученіе многихъ продуктовъ феодальнымъ хозяйствомъ находится въ полной зависимости отъ крестьянскаго производства, общій строй ойкоса остается невыдержаннымъ. Сеньеръ стремится сосредоточить подъ своимъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ всѣ необходимыя отрасли производства и получать отъ крестьянъ только трудъ, предметы питанія и сырье.

Крестьяне, специализировавшіеся въ промышленномъ производствѣ, водворяются при господскомъ дворѣ. Къ нимъ присоединяются спеціалисты, привлекаемые извнѣ или просто взятые въ качествѣ военной добычи. Это—зародышевая форма позднѣйшихъ дворовыхъ крестьянъ.

Отъ послѣднихъ они отличаются тѣмъ, что ихъ связь съ собственнымъ земледѣльческимъ производствомъ порвана не окончательно. Они еще получаютъ небольшой участокъ земли и сами должны производить для себя пищу и одежду. Но ясно, что это лишь переходная ступень къ положенію дворовыхъ крестьянъ, у которыхъ нѣтъ собственнаго хозяйства и которые всю свою рабочую силу отдаютъ господскому производству.

Дворъ крупнаго сеньера постепенно превращается въ обширный производственный организмъ, въ которомъ сосредоточиваются всевозможные спеціалисты: кузнецы, слесаря, оружейные мастера, ткачи, красильщики, музыканты, пекари, портные, цырюльники, пивовары, винодѣлы, бондари и т. д. Къ нимъ присоединяется цѣлая армія организаторовъ различныхъ степеней и спеціальностей: управляющіе, приказчики, писцы, таксаторы, завѣдующіе отдѣльными отраслями военнаго дѣла—продовольствіемъ, укрѣпленіями, стражей, обозомъ. Словомъ, въ развитомъ хозяйствѣ крупнаго феодала мы найдемъ эмбріональныя формы всего позднѣйшаго разнообразія профессій, всѣхъ позднѣйшихъ дворцовыхъ и государственныхъ званій и должностей. Наименованіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—егермейстеръ, шталмейстеръ, камергеръ (охотничій или доѣзжачій, конюшій, дворецкій) — и, въ особенности, общимъ духовнымъ обликомъ ихъ носителей современное государство отчасти еще до сихъ поръ напоминаетъ, что его организація зародилась въ вотчинѣ, нашла свою исходную точку въ дворовой челяди, развилась изъ личныхъ службъ феодала. Таковы же историческіе корни названій: королевскій университетъ, королевскій театръ и т. д.

Несмотря на огромные размѣры хозяйства сеньера, его цѣль остается прежняя, такая же, какъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ: непосредственное удовлетвореніе всѣхъ потребностей продуктами собственнаго производства. Только предметы, которыхъ никакъ нельзя достать въ данной мѣстности, добываются посредствомъ обмѣна. Только продукты, представляющіе избытокъ надъ обычными потребностями, поступаютъ въ обмѣнъ. Такимъ образомъ послѣдній не затрагиваетъ общихъ основъ ойкоснаго хозяйства, а, напротивъ, служитъ ихъ укрѣпленію.

Уровень жизни мелкаго рыцаря на всемъ протяженіи феодальной эпохи мало отличается отъ крестьянскаго быта. Простой, даже суровый образъ жизни диктуется ему и самой профессіей, и всей совокупностью экономическихъ отношеній. Съ своей усадьбой онъ связанъ короткое время, бо́льшая часть жизни проходитъ въ походахъ и около главнаго предводителя. Поэтому, хотя у рыцаря имѣется всего какая-нибудь пара вассальныхъ крестьянскихъ дворовъ, онъ, довольствуясь малымъ, не взвин-

чиваетъ чрезмѣрно ихъ повинностей, а съ другой стороны, вынуждается щадить ихъ, чтобы они не передались другому сеньеру.

Въ ранній періодъ феодальной эпохи крупному сеньеру тоже приходилось бережно относиться къ крестьянамъ. Дружина еще не обособилась отъ чисто земледѣльческой массы. Объединеніе областей въ крупныя сеньеріи еще не приняло устойчивыхъ формъ. Крестьянство еще далеко не осѣло, не размежевалось территоріально по своей вассальной зависимости. Между объединителями-сеньерами шла своеобразная конкурренція, въ которой побѣждалъ тотъ, кто привлекалъ бо̀льшія массы крестьянъ, передававшихся вмѣстѣ съ землей или оставлявшихъ старую землю.

Этого мало: у сеньера этого періода не было и особенныхъ побужденій къ усиленію эксплуатаціи. Старшій товарищъ дружинниковъ, сеньеръ ведетъ такую же походную жизнь, какъ и они, сохраняетъ такія же простыя и суровыя привычки, которыя приближаютъ его къ крестьянамъ. Не роскошь привлекаетъ къ нему дружину, а боевыя достоинства. Преданія о раннемъ періодѣ феодализма у всѣхъ народовъ разсказываютъ о вождяхъ, не чуждавшихся грубыхъ пирушекъ, но презиравшихъ уютъ и комфортъ, не говоря уже объ осѣдлой роскоши. Моралисты эпохи разложенія феодализма у всѣхъ народовъ, а не только у римлянъ, начиная съ эпохи Пуническихъ войнъ, плачутся о гибели этихъ простыхъ, патріархальныхъ привычекъ и нравовъ.

Въ отношеніяхъ дружины воспроизводятся внутреннія отношенія мирной феодальной группы. Какъ предводитель только съ большой медленностью обособляется отъ дружины, такъ и сеньеръ по своему образу жизни лишь постепенно обособляется отъ простыхъ земледѣльцевъ. Повинности послѣднихъ должны обезпечить для него удовлетвореніе болѣе или менѣе элементарныхъ потребностей. Не предъявляется особенно повышенныхъ требованій и къ дворнѣ и даже къ рабамъ, которые появляются уже въ феодальный періодъ. Рабами пользуются не для того, чтобы выколачивать изъ нихъ прибавочную стоимость и обмѣнивать полученный продуктъ на предметы роскоши. Они употребляются для разныхъ домашнихъ работъ, иногда играютъ роль писцовъ, приказчиковъ, воспитателей и т. д., связываются общностью жизни съ семьей феодала и становятся чѣмъ-то въ родѣ неполноправныхъ ея членовъ.

* * *

Общій строй производственныхъ отношеній у кочевниковъ феодальной эпохи такой же, какъ у земледѣльцевъ. Сеньеръ организуетъ охрану стадъ и территорій, на которыхъ они пасутся, оказываетъ помощь

въ случаяхъ падежа, разбираетъ столкновенія подвластнаго населенія, вѣдаетъ отношеніями къ сосѣднимъ ордамъ и т. д. Его доходъ тоже принимаетъ форму ренты и сначала является вознагражденіемъ за то, что своей дѣятельностью онъ обезпечиваетъ общія условія, необходимыя для скотоводства. Барщина не играетъ такой роли, какъ у земледѣльцевъ. Дань скотомъ и продуктами скотоводства представляетъ основную форму повинностей вассальнаго населенія. Но главнымъ базисомъ силы шейховъ, князьковъ и т. д. являются ихъ собственный родъ и собственныя стада, какъ для европейскаго феодала—его собственное хозяйство. Военно и мирно-организаторскія функціи у кочевниковъ самымъ характеромъ ихъ производства связываются тѣснѣе, чѣмъ въ земледѣльческихъ группахъ. Нѣтъ и такой рѣзкой дифференціаціи между мирными и военной профессіями. Но зато иногда очень рано выдѣляется профессія торговцевъ, которые поселяются въ центрахъ обмѣна и разными средствами, — то откупаясь отъ кочевниковъ, то объявляя себя ихъ „подданными“, вассалами, „слугами“, то нанимая ихъ въ качествѣ охранной стражи, то выдвигая одну орду противъ другой, — съ перемѣннымъ успѣхомъ организуютъ движеніе каравановъ. Такъ было въ прибрежныхъ городахъ Персіи и особенно Аравіи въ періодъ до „распространенія Ислама“; такой характеръ до сихъ поръ носятъ многія города сѣверной Африки и современной Персіи.

Процессъ разслоенія у кочевниковъ протекаетъ быстрѣе, чѣмъ у земледѣльцевъ. Хозяйства рядовыхъ членовъ не просто подчиняются хозяйствомъ главы родовой или семейной общины, но иногда совершенно поглощаются имъ. Рядовые члены фактически сами превращаются въ собственность господина. Ихъ существованіе, какъ и существованіе настоящихъ рабовъ, въ которыхъ превращаются военно-плѣнные, становится неотдѣлимымъ отъ господскаго хозяйства и производства. Однако, пока господство принадлежитъ натурально-хозяйственнымъ отношеніямъ, рабство и здѣсь имѣетъ сравнительно мягкій характеръ. Такъ было, напр., у арабовъ до основанія ими обширныхъ феодальныхъ государствъ и, повидимому, у турокъ наканунѣ столкновеній ихъ съ европейцами.

Когда кочевники прочно осаживаются на опредѣленныхъ территоріяхъ, феодальныя отношенія не создаются у нихъ вновь, а просто расширяются и упрочиваются. Тотъ методъ подчиненія, который въ эпоху „распространенія Ислама“ арабы и турки примѣняли къ завоеваннымъ земледѣльческимъ странамъ, не былъ изобрѣтенъ ими спеціально для даннаго случая: они просто переносили въ новую область тѣ формы общественныхъ связей, которыя развились у нихъ уже при кочевомъ бытѣ.

4. Процессъ феодальнаго объединенія.

Въ предыдущихъ главахъ мы познакомились съ основной ячейкой феодальнаго общества: съ земледѣльческой (и кочевой) общиной, со строемъ ея производства, съ положеніемъ въ ней мирныхъ и военныхъ организаторовъ. Теперь необходимо обратиться къ изученію того, какъ и почему объединялись эти общины и давали начало феодальной системѣ, феодальному обществу.

Знакомство съ феодальной системой лучше всего начинать съ ея наиболѣе общихъ и основныхъ чертъ. Тогда будетъ ясно, что Grundherrschaft, земельное господство, юридическія отношенія земельной собственности, въ которыхъ нѣмецкіе историки видятъ главную характеристику феодализма, въ дѣйствительности представляютъ, какъ указано въ предыдущей главѣ, вторичный его моментъ. Полнаго развитія онъ достигалъ лишь по мѣрѣ перехода къ осѣдлому земледѣлію. Первичный моментъ феодализма—выдвигаемыя французскими историками іерархическія отношенія экономической и слѣдующей за нею политической зависимости. Они могутъ возникнуть, хотя бы юридическія отношенія къ землѣ, къ территоріи были до такой степени шатки, неустойчивы и неопредѣленны, какъ они остаются въ теченіе долгаго времени у кочевниковъ.

Необходимыя предпосылки для развитія феодальныхъ отношеній между сосѣдними группами слѣдующія.

Производительность труда должна быть достаточно высока для того, чтобы группы, обособленныя раньше большими пространствами, необходимыми для ихъ существованія, начали ближе соприкасаться другъ съ другомъ. Между ними должны установиться сосѣдскія отношенія. Мѣновыя отношенія становятся необходимымъ условіемъ существованія родовъ, но остаются для нихъ болѣе или менѣе внѣшними, не вторгаются внутрь. Развивающаяся собственность разлагаетъ родъ, но не уничтожаетъ его. Экономическое существованіе тѣхъ семейныхъ общинъ, на которыя онъ постепенно распадается, было бы немыслимо, если бы онѣ въ извѣстныхъ случаяхъ не прикрывались болѣе обширной и сильной коллективностью рода. Болѣе того,—новыя производственныя отношенія ведутъ къ созданію новой коллективности: сосѣдніе роды объединяются для осуществленія совмѣстныхъ предпріятій, будутъ ли то отдаленные походы для обмѣна, или захватъ чужихъ территорій, или же защита собственной территоріи.

Всѣ эти предпосылки въ извѣстной мѣрѣ осуществляются уже у кочевыхъ скотоводовъ и даже раньше, въ періодъ перехода отъ перво-

бытнаго скотоводства и земледѣлія къ слѣдующимъ ступенямъ техники. Въ предыдущемъ мы уже приводили данныя относительно того, насколько значительна была плотность населенія у такихъ примитивныхъ земледѣльцевъ и скотоводовъ, какъ германцы и кельты въ эпоху ихъ первыхъ встрѣчъ съ римлянами, или у рыбачьихъ племенъ съ зачаточнымъ земледѣліемъ на островахъ Тихаго океана. Она не уступаетъ плотности земледѣльческихъ странъ съ господствомъ дикой переложной системы (до 10.000 человѣкъ на 1 000 кв. километровъ), которая долго удерживается въ богатыхъ лѣсами областяхъ, и лишь раза въ 2—$2^1/_2$ меньше плотности населенія античнаго міра и средневѣковой Европы, перешедшей къ трехполью (19—25 тысячъ человѣкъ на 1.000 кв. километровъ). Несравненно большая плотность чисто земледѣльческаго населенія наблюдается только въ областяхъ, особенно благопріятныхъ для земледѣлія, съ преобладаніемъ культуры огороднаго типа, какъ современная Индія или Китай (болѣе 150.000 человѣкъ на 1.000 кв. километровъ).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ отдѣльные роды, какъ бы обширны они ни были, не могутъ сохранять своей обособленности и приходятъ къ созданію болѣе или менѣе урегулированныхъ отношеній другъ съ другомъ. Поэтому зачатки феодализма наблюдаются какъ у германцевъ эпохи Тацита, такъ и у отсталыхъ скотоводовъ, каковы, напр., современные чукчи.

По мѣрѣ выдѣленія и обособленія организаторскихъ функцій и, въ частности, военно-организаторскихъ функцій, масса родовой группы утрачиваетъ инициативу и самую дѣеспособность, которыми она обладала раньше въ своемъ полномъ недифференцированномъ составѣ. Союзы между отдѣльными родами отливаются въ форму договоровъ между вождями. Сначала каждый родъ принимаетъ участіе въ обсужденіи договора, направляетъ дѣятельность вождя, по меньшей мѣрѣ контролируетъ ее. Такъ было еще у германцевъ эпохи внѣдренія ихъ въ предѣлы Римской имперіи, въ періодъ перехода отъ довольно первобытнаго производства къ новому земледѣлію. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ и упроченіемъ власти вождя, съ превращеніемъ ея въ наслѣдственную функцію опредѣленной семьи, вождь становится воплощеніемъ всей коллективной воли своего рода. Союзные договоры заключаютъ полновластные представители родовъ.

Средствомъ объединенія родовъ, установленія мира между ними, была, несомнѣнно, чаще всего война. Съ повышеніемъ производительности труда, съ сокращеніемъ площади, необходимой для существованія группы опредѣленныхъ размѣровъ, каждый родъ со всѣхъ сторонъ окружается враждебными группами. Уничтоженіе всѣхъ сосѣдей становится неосуществимой задачей. Побѣждаетъ тотъ родъ, который огра-

ничивается слабой формой подчиненія сосѣдняго рода, принудительнымъ превращеніемъ его въ военнаго союзника. Увеличивъ свои силы силами союзника, первая родовая община уже безъ труда подчиняетъ разъединенныхъ сосѣдей, т.-е. раскидываетъ союзъ на болѣе или менѣе обширную область. Создаются территоріальные союзы, отдѣльныя части которыхъ слабо и внѣшне объединены между собою обмѣномъ, не проникающимъ внутрь, и принудительной силой завоевателя. Именно такіе союзы образуютъ знакомыя намъ по главѣ объ обмѣнѣ группы съ третьей формой обмѣна, съ неустойчивыми мѣстными „деньгами“, какъ янтарь, скотъ, шкуры, куски мѣди и т. д.

Обрядности, сопровождающія заключеніе договора, символизируютъ, что одна изъ сторонъ—побѣжденный, другая—побѣдитель. Побѣжденный становится на колѣни, „бьетъ челомъ“, протягиваетъ безпомощно сложенныя ладонями руки къ побѣдителю, который иногда наноситъ ему ударъ, иногда требуетъ цѣлованія своей ноги, иногда становится ею на голову побѣжденнаго, „сокрушаетъ ему выю“ и т. д. Смягчаясь, эти обрядности могутъ утратить свой первобытно-откровенный характеръ, но сохраняютъ воспоминанія о своемъ происхожденіи изъ отношеній борьбы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда никакой борьбы не предшествовало заключенію договора.

Содержаніемъ договора является обѣщаніе защиты, въ первую очередь военной защиты, со стороны вождя, представителя побѣдившаго рода, и обязательство службы, прежде всего военной службы,—со стороны представителя побѣжденныхъ. Первый становится господиномъ, сеньеромъ, второй—вассаломъ, слугой. По первому призыву господина онъ долженъ являться „со своими людями“.

Разъ возникнувъ, форма вассальныхъ отношеній распространяется вглубь, на такія сферы, гдѣ, вообще говоря, нѣтъ мѣста вооруженнымъ столкновеніямъ. Вождь родовой группы (какъ, напр., ирландскаго клана въ VII—IX вѣкахъ по Р. Х.) превращается въ сеньера, главы семейныхъ общинъ, на которыя теперь распадается родъ, становятся его вассалами, обязанными передъ нимъ службой и данью. Наконецъ, даже эти главы начинаютъ чувствовать себя не простыми представителями своихъ группъ, не просто исполнителями опредѣленныхъ техническихъ функцій, а тоже сюзеренами, повелителями. Складывается тотъ строй семьи, который принято называть восточнымъ, но который въ своихъ основныхъ элементахъ достигъ вполнѣ достаточнаго развитія и въ Европѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, феодализація была новой ступенью въ развитіи патріархата, продолженіемъ и предварительнымъ завершеніемъ той борьбы, которую организаторъ ведетъ за превращеніе своей функціи въ свою исключительную привилегію.

Феодальныя отношенія мало-по-малу расширяютъ область своего дѣйствія. Создаются межъ-областные союзы; сеньеры отдѣльныхъ областей становятся вассалами того изъ своей среды, которому благопріятствуютъ естественныя и экономическія отношенія его области; политически использовавъ экономическую потребность въ объединеніи и уже совершающееся объединеніе, онъ выступаетъ въ качествѣ „собирателя“ своей земли, становится сувереномъ, — еще не монархомъ, т.-е. не „единодержцемъ“ и ужъ во всякомъ случаѣ не „самодержцемъ“ въ позднѣйшемъ значеніи слова, а лишь „первымъ между равными“. Даже въ своей области „державными“ правами онъ располагаетъ по отношенію только къ тѣмъ владѣніямъ, которыя составляютъ его прямую собственность, наслѣдственную или полученную при раздѣлѣ добычи. Представители отдѣльныхъ родовъ сохраняютъ всѣ свои права по отношенію къ своимъ группамъ. Феодальное объединеніе просто прикрываетъ ихъ военной силой объединившихся родовъ отъ внѣшняго нападенія и даетъ возможность мирно улаживать взаимныя столкновенія. Отдѣльныя группы феодальной системы утрачиваютъ свою самостоятельность лишь въ той мѣрѣ, въ какой этого требуетъ защита во внѣ и размежеваніе внутри.

Процессъ феодализаціи обыкновенно изображается у историковъ, какъ процессъ раздробленія власти и самого общества. Даже въ солидныхъ изслѣдованіяхъ почти всегда многозначительно упоминается, напр., что преемники Карла Великаго по справедливости получили клички Лѣнивыхъ и Толстыхъ; это — намекъ на „роль личности“ въ развитіи феодализма. Во всякомъ случаѣ выходитъ такъ, какъ будто западный міръ былъ уже глубоко и прочно, почти въ современномъ значеніи слова, объединенъ при послѣднихъ Меровингахъ и ихъ талантливыхъ майордомахъ, а древняя Русь—при Владимирѣ Мономахѣ.

Такія представленія совершенно ошибочны. Внѣшнюю форму явленій они смѣшиваютъ съ ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Какъ слѣдуетъ изъ всего предыдущаго, феодализація есть въ дѣйствительности процессъ объединенія, принимающій внѣшній видъ распада, процессъ утраты самостоятельности, отливающійся въ форму ея сохраненія и пріобрѣтенія. Передавая вассалу въ качествѣ лена то, что и раньше принадлежало ему, сеньеръ, сюзеренъ гарантируетъ себѣ въ немъ союзника вмѣсто врага. Получая отъ сюзерена ленъ, вассалъ обезпечиваетъ его отъ военныхъ вторженій какъ сосѣдей, такъ и самого сюзерена. Такъ создается система слабыхъ, но тѣмъ не менѣе организованныхъ общественныхъ связей между группами, которыя до того времени представляли обособленные міры съ неустойчивыми, слу-

чайными и неорганизованными связями, колеблющимися между грабежомъ-обмѣномъ и просто войной.

Сеньеру приходится довольствоваться на первыхъ порахъ чисто номинальной зависимостью вассаловъ. Послѣднимъ принадлежитъ широкое право перехода къ новому сеньеру, отказа отъ прежняго. Принципіально оно ничѣмъ не ограничено, практически ограничивается только измѣняющимися конкретными условіями: соотношеніемъ силъ борющихся другъ съ другомъ „собирателей", относительной опасностью того или иного изъ нихъ. Къ претенденту, которому улыбнулся успѣхъ, переходятъ вассалы его противника и тѣмъ самымъ ускоряютъ и закрѣпляютъ его торжество, — закрѣпляютъ до тѣхъ поръ, пока гдѣ-нибудь на окраинахъ не появится новый объединитель, который въ свою очередь начнетъ отбивать и переманивать вассаловъ къ себѣ.

Пограничныя территоріи между владѣніями конкуррирующихъ объединителей въ особенности являются областью переходовъ вассаловъ съ одной стороны на другую. Еще въ эпоху Столѣтней войны (XIV—XV в.) крупные областные сюзерены объявляли себя попеременно вассалами то англійскаго, то французскаго короля, — какъ пограничные Рюриковичи переходили то къ Литвѣ, то къ Москвѣ. Въ этихъ актахъ, совершенно естественныхъ для средневѣковой эпохи съ отсутствіемъ устойчивыхъ и глубокихъ экономическихъ связей между отдѣльными областями, патріотическіе историки видятъ только проявленія возмутительныхъ продажности и вѣроломства. Они не видятъ, что феодализмъ былъ необходимой переходной ступенью къ той политической централизаціи, при которой этимъ историкамъ, чтобы разъ навсегда обезпечить спокойное существованіе, достаточно прочно продаться одному повелителю, будетъ ли то современный монархъ, или господствующій общественный классъ.

Эта слабость и легкая расторжимость общественныхъ группировокъ представляетъ типичную черту феодальнаго періода общественности. Въ этомъ — разгадка тѣхъ быстрыхъ революцій, которыя одна за другой слѣдовали у кочевниковъ — половцевъ, татаръ, арабовъ, у послѣднихъ даже послѣ перехода къ осѣдлости и основанія сильныхъ государствъ, — и приводили то къ полному безсилію, то къ грозному объединенію какимъ-нибудь завоевателемъ, который черезъ короткое время устраняется новымъ объединителемъ. Въ этомъ же надо искать объясненія многихъ явленій въ современной Персіи, Малой Азіи, Марокко, Албаніи, которыя на нашихъ глазахъ во многомъ воспроизводятъ раннее средневѣковье Европы. Мелкіе и крупные князьки и князья, всѣ эти „султаны", „ханы" и „беки", являются феодальными вождями отдѣльныхъ „племенъ", т.-е. областныхъ объединеній, слабо связан-

ныхъ между собою и почти номинально—съ центральной властью Даже назначаемые агенты послѣдней находятъ въ экономической обособленности отдѣльныхъ областей достаточную опору для своей самостоятельности и при случаѣ становятся на сторону противниковъ своего суверена, — какъ номархи древняго Египта и особенно сатрапы древней Персіи рѣшали исходъ переворотовъ своимъ присоединеніемъ къ той или другой сторонѣ.

Необходимость сосредоточить силы для захвата новой территоріи или для защиты старой можетъ иногда приводить разрозненные феодальные міры къ временной военной централизаціи. Такъ было съ татарами, арабами и норманнами эпохи завоеваній; такъ было въ Западной Европѣ на границѣ VIII и IX вѣковъ, когда ей пришлось напрячь всѣ свои силы для принудительной ассимиляціи саксовъ и для отраженія аваровъ и особенно мавровъ. Однако и въ этихъ случаяхъ централизація при обычныхъ условіяхъ остается почти исключительно военной, и лишь постольку сопровождается зародышевыми формами экономической, финансовой и административной централизаціи, поскольку это вызывается потребностями военной централизаціи. Да и военная-то централизація очень непрочная; она разрушается, едва лишь общему врагу нанесенъ серьезный ударъ.

Іерархическое расчлененіе складывающагося общества, характерное для феодализма, можетъ возникнуть не только какъ результатъ самостоятельнаго объединенія группы родовъ, занимающихъ отграниченную область и медленно охватывающихся совмѣстностью борьбы за существованіе. Этотъ процессъ во многихъ случаяхъ ускоряется воздѣйствіями извнѣ.

Развитіе военной техники приводитъ къ тому, что военное дѣло шагъ за шагомъ обособляется въ спеціальное занятіе особой группы лицъ. Внутри нѣкогда однородной родовой группы намѣчается раздѣленіе труда по новой линіи: на мирныя занятія и войну. При новыхъ условіяхъ веденія войны полная боевая способность дается только тяжелымъ вооруженіемъ, при которомъ использованы всѣ пріобрѣтенія желѣзной и стальной техники. Оно экономически доступно только немногимъ, преимущественно тѣмъ, кто уже раньше былъ причастенъ къ военно-организаторскимъ функціямъ. Новая военная организація представляетъ полный разрывъ со стариннымъ боевымъ строемъ, воспроизводящимъ строй рода и характеризующимся слабой дифференцированностью, если не полнымъ ея отсутствіемъ. Главной боевой силой становится уже не родъ, какъ цѣлое, и даже не всѣ мужчины, а именно тяжело вооруженные воины, постепенно выдѣляющіеся въ особую профессію. Остальные члены рода выступаютъ съ легкимъ

вооруженіемъ. лукомъ, легкими метательными дротиками—въ противоположность тяжелому копью воина, примѣняющаго его для рукопашной схватки, деревяннымъ, иногда обтянутымъ воловьей кожей щитомъ—въ противоположность металлическому щиту, панцырю и шлему воина. Они составляютъ просто вспомогательные отряды, которые лишь начинаютъ битву или довершаютъ побѣду. Это — по большей части пѣшее войско, между тѣмъ какъ профессіональные воины уже въ древнемъ мірѣ начинаютъ развиваться въ конницу (боевыя колесницы Востока и Греціи, всадники Рима), а въ средніе вѣка составляютъ конницу по преимуществу (рыцари).

Вспомогательные отряды изъ массы членовъ родовой группы имѣютъ серьезное значеніе только при одномъ условіи: если война ведется на собственной территоріи рода или въ непосредственной близости отъ нея. Между тѣмъ для феодальнаго періода характерно то, что районъ и масштабъ столкновеній все возрастаетъ: прежнія мѣстныя войны все болѣе смѣняются отдаленными походами.

Организація ихъ принимаетъ форму дружины. Дружину составляли сначала всѣ воины рода — или группы союзныхъ родовъ, — которые, задумавъ набѣгъ, „поднимали на щитѣ“, избирали одного изъ своей среды въ герцоги, въ главные предводители. Строй дружины оставался приблизительно копіей рода или союза родовыхъ группъ: то же самое расчлененіе, то же главенство коллективной воли надъ индивидуальной волей организатора или, по меньшей мѣрѣ, полная подконтрольность всѣхъ дѣйствій послѣдняго. Дружинники не столько подчиненные вождя, сколько его боевые товарищи.

Съ дальнѣйшимъ обособленіемъ военно-организаторскихъ функцій и закрѣпленіемъ ихъ за опредѣленной группой лицъ, характеръ дружины измѣняется. Вождь самъ выступаетъ инціаторомъ похода и съ самаго начала организуетъ дружину. набираетъ своихъ собственныхъ дружинниковъ, привлекаетъ къ себѣ въ качествѣ вассаловъ другихъ предводителей, которые приходятъ со своими дружинниками-вассалами. Устройство дружины и здѣсь воспроизводитъ строй общественныхъ отношеній въ группѣ объединившихся родовъ. Но, во-первыхъ, строй дружины оторвался отъ родового устройства въ томъ смыслѣ, что воинъ можетъ переходить отъ одного предводителя къ другому, такъ что каждое подраздѣленіе составляется изъ членовъ различныхъ родовъ. Во-вторыхъ, въ дружинѣ, какъ спеціально военной организаціи, феодальная система съ ея іерархической лѣстницей отношеній зависимости быстрѣе достигаетъ высокой степени ясности и выработанности. Въ третьихъ, въ дружинѣ феодальная система отрывается отъ своей основы, союза сосѣднихъ родовыхъ группъ, пріобрѣтаетъ самостоятельное суще-

ствованіе и получаетъ возможность перемѣщаться въ то время, какъ ея первоначальный базисъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Дружина какъ бы превращается въ особый, самостоятельный родъ, главное производство котораго составляетъ война и обмѣнъ.

Если походъ оканчивается успѣшно, феодальныя отношенія могутъ быстро упрочиться и кристаллизоваться въ новой странѣ, подвергшейся завоеванію. Главный предводитель становится сувереномъ, вожди крупныхъ дружинъ, его вассалы, получаютъ въ качествѣ бенефиція обширныя области, часть ихъ оставляютъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи, другую часть передаютъ на основаніи вассальнаго договора своимъ ближайшимъ сотоварищамъ по походу и превращаются такимъ образомъ въ крупныхъ сюзереновъ. Рядовые дружинники какъ главнаго предводителя, такъ и второстепенныхъ вождей, въ свою очередь, получаютъ, каждый отъ своего сюзерена, небольшіе бенефиціи, чтобы на доходы отъ покореннаго населенія поддерживать свою боевую готовность и являться на службу по первому призыву своего сеньера. Это—самураи Японіи, подвассалы и рыцари Западной Европы, главная масса инковъ древняго Перу, мелкіе бояре, дѣти и слуги боярскіе удѣльнаго періода Руси, польская шляхта, каста воиновъ въ Индостанѣ; послѣдняя, какъ и другія касты Индостана, повидимому, менѣе отличалась отъ профессій-сословій феодальной Европы, чѣмъ то представлялось старинамъ историкамъ.

Пользованіе тѣми феодами, которые возникаютъ въ такихъ случаяхъ, носитъ болѣе условный характеръ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда вассалъ не получаетъ землю отъ сюзерена при заключеніи феодальнаго договора, а является къ нему съ своей землей и просто превращаетъ ее въ вассальную, чтобы вѣрнѣе обезпечить ее за собой. Право перехода съ землей и службой отъ одного сеньера къ другому здѣсь значительно суживается. Вассалъ пользуется бенефиціемъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ несетъ службу своему сюзерену. Такъ возникли болѣе централизованныя феодальныя отношенія, напр., въ Англіи XI вѣка, послѣ норманнскаго завоеванія.

Однако бенефицій съ теченіемъ времени утрачиваетъ характеръ условнаго пожалованія, связаннаго съ обязательствомъ службы, и превращается въ аллодъ или вотчину вассала. Это—совершенно естественная тенденція средневѣковаго землевладѣнія. Въ обществѣ, представляющемъ рядъ экономически самостоятельныхъ міровъ, объединеніе можетъ быть только болѣе или менѣе внѣшнимъ, политическая власть—болѣе или менѣе мѣстной, зависимость мѣстныхъ міровъ — болѣе или менѣе номинальной.

Но внѣшнее, иноплеменное завоеваніе вообще не играло такой

творческой роли въ развитіи феодализма, не имѣло такого огромнаго значенія, какое приписываютъ ему у разныхъ народовъ преданія объ „основаніи государствъ“ или феодальныя представленія о „бѣлой кости“ и „голубой крови“, предназначенныхъ къ господству, и „черной кости“ и „красной крови“, искони предназначенныхъ къ подчиненію. Для ограниченнаго сознанія все, что лежитъ за предѣлами его натурально-хозяйственнаго мірка, является „иноплеменнымъ“. Не даромъ даже для городского міра европейскихъ среднихъ вѣковъ всякій пріѣзжій купецъ,— вначалѣ просто всякій купецъ, какъ представитель новыхъ формъ, разрушающихъ старый строй экономическихъ отношеній, — все, что являлось извнѣ, всякій, кто не принадлежалъ къ числу жителей даннаго городка,—все это были „Fremden“, чужаки, иноземцы, иностранцы. Дружина феодальныхъ объединителей Месопотаміи, Египта, Ирана, древней Руси тоже неизмѣнно представлялась объединеннымъ сплошь иноплеменной. И это даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ на древнемъ Востокѣ, она была на первыхъ порахъ, несомнѣнно, туземной и только впослѣдствіи, въ послѣ-феодальный періодъ, смѣнилась наемными войсками и свитой или лейбъ-гвардіей, употребляя современные термины. Такое явленіе какъ нельзя больше естественно. Въ дофеодальный періодъ съ его узкими общественными отношеніями всякая группа союзныхъ родовъ отличалась отъ другихъ группъ по своимъ экономическимъ связямъ и даже по языку и божествамъ никакъ не меньше, чѣмъ на позднѣйшей ступени развитія—представитель одной націи отъ представителя другой земли или націи. Съ другой стороны, дружина, какъ упомянуто выше, дѣйствительно обособляется отъ массы тѣхъ общинъ, которыя дали ей начало, и развивается въ своеобразное подобіе самостоятельнаго рода, — съ особымъ способомъ производства, особыми функціями, особыми интересами, обычаями и бытомъ.

Какъ бы то ни было, дѣйствительно внѣшнее завоеваніе, несомнѣнно, имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникновенія феодальной системы. Но если приглядѣться къ дѣлу поближе, то будетъ ясно, что главное—вовсе не въ иноплеменности завоевателей и даже не въ завоеваніи самомъ по себѣ.

Прежде всего, то объединеніе, которое представляли завоеватели, пока они составляли дружину, они сохраняютъ по завоеваніи только при извѣстныхъ условіяхъ. Завоеватели Ирана, Малой Азіи, нѣкоторыхъ частей Балканскаго полуострова, вообще территорій, раздѣленныхъ горами на замкнутыя недосягаемыя области, до сихъ поръ не могли устоять передъ силой центробѣжныхъ тенденцій. Осѣвши въ этихъ областяхъ, они утрачивали связь между собой, объединеніе отдѣльныхъ мірковъ становилось чисто номинальнымъ; патріархально-

родовая раздробленность — съ нескончаемой мелкой войной, съ затяжной кровной местью, съ самосудами вмѣсто организованнаго суда — пріобрѣтала рѣшительный перевѣсъ надъ феодальнымъ объединеніемъ, которое все же характеризуется стремленіемъ организованно урегулировать взаимныя отношенія автономныхъ частей. Какъ бы сильны ни были завоеватели, они не могутъ сколько-нибудь быстро измѣнить способъ производства у завоеванныхъ. Слѣдовательно, для того, чтобы дружина завоевателей дала начало развитымъ формамъ феодализма, требуется, чтобы процессъ феодализаціи начался въ завоеванной странѣ еще до вторженія завоевателей. Внѣшняя сила, завоеваніе, можетъ лишь ускорить дѣйствіе внутреннихъ силъ.

Съ другой стороны, необходимо, чтобы по уровню своего производства и, слѣдовательно, по выработанности феодальныхъ отношеній завоеватели не особенно отличались отъ завоеванныхъ,—только тогда они могутъ ассимилировать экономическій строй новой страны, ускорить процессъ ея феодализаціи, сдѣлать свое завоеваніе прочнымъ, подчиненіе завоеванныхъ глубокимъ и длительнымъ. Исторія знаетъ не мало примѣровъ, когда кочевники, сконцентрировавшись подъ воздѣйствіемъ временныхъ обстоятельствъ въ мощную военную силу, оказывались не въ состояніи подчинить себѣ производство покоренныхъ и овладѣть ихъ политическимъ аппаратомъ. Въ ихъ феодализмѣ верхъ одерживали центробѣжныя тенденціи, между тѣмъ какъ феодализмъ побѣжденныхъ опирался на развивающіяся экономическія отношенія, почти не затронутыя завоевателями, и переходилъ къ высшимъ формамъ объединенія, къ болѣе тѣсному общественному сплоченію. Послѣ нѣсколькихъ столѣтій чисто внѣшняго подданства побѣжденная сторона безъ особыхъ усилій свергала иго завоевателей. Такъ было съ татарскимъ завоеваніемъ старой Руси, и, повидимому, такъ же было съ завоеваніемъ древняго Египта гиксами.

Изъ этого слѣдуетъ, что внѣшнее завоеваніе не представляетъ какого-либо особаго способа возникновенія феодальныхъ обществъ и нисколько не объясняетъ, какъ и почему вообще развиваются феодальныя отношенія. Объясненія всегда приходится искать во внутренней исторіи покорителей и покоренныхъ. Будутъ ли они единоплеменниками или иноплеменниками, — это не имѣетъ существеннаго значенія.

Русская исторія можетъ служить прекрасной иллюстраціей какъ процесса феодализаціи вообще, такъ и относительной роли внутренняго развитія и внѣшнихъ вліяній.

Въ VIII—IX вѣкахъ идетъ первоначальное объединеніе самостоятельныхъ родовъ, разбросанныхъ по системамъ Волхова и Днѣпра. Оно подготовляется оживленнымъ обмѣномъ, развивающимся по теченію

этихъ рѣкъ. Военно-мѣновые походы норманновъ (варяговъ), которые для грабежа и обмѣна проникаютъ съ сѣвера до самой Византіи, ускоряютъ процессъ разложенія и первичнаго объединенія славянскихъ родовъ. Намѣчаются обширные областные союзы, концентрирующіеся около главныхъ пунктовъ обмѣна. Важнѣйшіе изъ нихъ—новгородскій на сѣверѣ, кіевскій на югѣ. Роды, живущіе въ сторонѣ отъ главныхъ путей обмѣна, въ особенности среди непроходимыхъ лѣсовъ, еще долго остаются разъединенными и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ своихъ брачныхъ обычаяхъ и т. д. сохраняютъ черты первобытности, удивляющей ихъ сосѣдей, у которыхъ быстро изглаживается самое воспоминаніе о ней.

Указаніе лѣтописей на обостренную борьбу, которая будто бы заставила „призвать варяговъ“ для водворенія порядка, свидѣтельствуетъ о томъ, что уже давно начался процессъ объединенія мѣстныхъ міровъ. Въ роли рѣшительныхъ межъ-областныхъ объединителей на время выступили варяги. Они издавна занимались грабежомъ-обмѣномъ и среди славянъ, и въ византійскихъ владѣніяхъ. Подчинивъ себѣ небольшую группу славянскихъ родовъ, они уже безъ труда могли подчинить одну за другой остальныя разъединенныя группы. Серьезнаго сопротивленія, вѣроятно, не было. Экономическое развитіе уже подготовило политическую феодализацію. Объединеніе, т.-е. слабое, зачаточно-феодальное подчиненіе, быстро пошло по путямъ, которые проложилъ обмѣнъ. Оно вносило „порядокъ“, т.-е. такимъ образомъ связывало роды, расположенные на торговыхъ путяхъ, что во взаимныхъ отношеніяхъ между ними грабежъ-обмѣнъ уступалъ свое мѣсто мирному обмѣну, и что они уже соединенными силами могли предпринимать походы на Византію. Блестящіе успѣхи порядка скоро были демонстрированы на византійцахъ. Послѣднимъ долгое время приходилось вести упорную борьбу съ военно-торговыми дружинами славянъ въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ, откупаться деньгами, подарками и торговыми льготами отъ ихъ смѣлыхъ набѣговъ подъ самыя византійскія стѣны. Эти набѣги, кстати сказать, во всѣхъ отношеніяхъ аналогичны вторженіямъ въ Западную Римскую имперію германцевъ, пережившихъ за полтысячи лѣтъ до славянъ такой же процессъ первоначальнаго объединенія родовъ. Упадокъ и гибель крестьянства, которое составляло главную боевую силу стараго войска, и быстрое просачиваніе варваровъ, которыми заполнялись образующіяся въ арміи пустоты, были въ Восточной Римской имперіи совершенно такъ же, какъ и въ Западной, предпосылками успѣшности внѣшнихъ вторженій.

Словомъ, какъ бы слабо ни было первоначальное объединеніе

славянъ, оно вполнѣ удовлетворяло потребностямъ, назрѣвшимъ на данной ступени экономическаго развитія.

Дружина объединителей, несомнѣнно, почти съ самаго начала была смѣшанная: и славянская, и норманнская. При близости уровня экономическаго развитія завоевателей и завоеванныхъ очень быстро произошла полная ассимиляція тѣхъ и другихъ. Организаторскія и, въ частности, военно-организаторскія функціи еще не оторвались отъ массы организуемыхъ, по меньшей мѣрѣ не вышли изъ-подъ ихъ контроля. Ихъ собранія, „вѣча“ въ новгородско-кіевской Руси призываютъ и смѣщаютъ князей. На югѣ функціи народнаго собранія, повидимому, скоро переходятъ къ дружинѣ,—т.-е. намѣчается обособленіе профессіи воиновъ. Въ Новгородѣ перевѣсъ силы склоняется на сторону торговой олигархіи, которая черезъ вѣче подчиняетъ себѣ дружинные элементы, препятствуетъ ихъ обособленію, равно какъ и полному выдѣленію мирно-организаторскихъ функцій (изгнаніе князей, выборность посадника и проч.). Это — уже конецъ феодализма, близко напоминающій средневѣковыя итальянскія отношенія, которыя характеризуются торжествомъ городскихъ торговыхъ элементовъ надъ сельскимъ землевладѣльческимъ дворянствомъ.

Извѣстія лѣтописей о древнѣйшихъ отношеніяхъ въ новгородско-кіевской Руси смутны и противорѣчивы; они носятъ несомнѣнные слѣды истолкованія старинныхъ отношеній, пониманіе которыхъ уже утратилось, отношеніями той эпохи, когда составлялись лѣтописи. Однако даже изъ нихъ видно, что князь исполнялъ функціи вождя только съ согласія и подъ контролемъ дружины. Его семья еще не завоевала исключительно-привилегированнаго положенія; его соѣоварищи, которые являются съ собственными дружинами, становятся князьями обширныхъ областей и при случаѣ порываютъ слабыя вассальныя отношенія. Тѣмъ не менѣе въ процессѣ борьбы уже вырабатывается устойчивая связь между организаторскими функціями и патріархальнымъ княжескимъ родомъ, изъ котораго еще не успѣла выдѣлиться патріархальная семья главнаго предводителя старой дружины. Борьба за привилегированное положеніе старшаго сына уже идетъ, но главенство переходитъ пока къ старшему въ княжескомъ родѣ. Матріархальный родъ уже разложился, хотя нѣкоторые слѣды его сохранились; патріархальный родъ торжествуетъ, патріархальная семья развивается.

Начиная съ XII вѣка, днѣпровская Русь, осаждаемая новыми и новыми полчищами кочевниковъ, все больше отрѣзывается отъ Византіи и утрачиваетъ прежнее экономическое значеніе. Идетъ колонизація сѣверо-востока. Въ потомкѣ дружинника воинъ все болѣе стушевывается передъ сельскимъ хозяиномъ. Создается сложная сѣть поземельныхъ феодальныхъ отношеній, до мелочей напоминающая отношенія

западно-европейскаго феодализма. Мелкіе натурально-хозяйственные міры связываются вассальными отношеніями въ болѣе крупные областные союзы. По мѣрѣ того, какъ возникающій обмѣнъ подтачиваетъ ихъ экономическую самостоятельность, развертывается упорная и затяжная борьба между крупнѣйшими сюзеренами, стоящими во главѣ крупныхъ областей. Побѣда склоняется, наконецъ, на сторону московскихъ объединителей, вотчина которыхъ лежитъ въ центрѣ мѣновыхъ отношеній сѣверо-восточной Руси, и къ которымъ поэтому экономически тянутъ остальныя области. Но завершеніе феодальнаго объединенія въ московской Руси, какъ и повсюду, было уже отрицаніемъ феодальной системы. Изъ собственно феодальнаго періода съ господствомъ натуральнаго хозяйства, съ преобладаніемъ непосредственнаго обмѣна между родами или ихъ сеньерами, съ живучими остатками патріархально-родового начала въ отношеніяхъ сеньеровъ и особенно массы населенія, съ экономической, военной, административной, финансовой и судебной децентрализованностью, оно выводитъ насъ въ періодъ усиленія денежно-мѣновыхъ отношеній, укрѣпленія патріархально-семейнаго начала, превращенія феодаловъ (Grundherren) въ помѣщиковъ (Gutsherren), полицейской централизаціи войска, управленія и суда.

То самое экономическое развитіе, которое стало возможнымъ благодаря слабому феодальному объединенію обширныхъ территорій, сдѣлало недостаточной эту степень объединенія. Феодализмъ развернулъ всѣ заключавшіяся въ немъ возможности и уступилъ мѣсто новой, имъ самимъ подготовленной системѣ общественныхъ отношеній.

5. Дифференціація мирно-организаторской дѣятельности.—Духовное сословіе.

Въ предыдущихъ главахъ мы прослѣдили возникновеніе двухъ основныхъ сословій феодальнаго общества: сеньеровъ (феодальнаго сословія), съ одной стороны, и крестьянскаго сословія—съ другой. Къ нимъ почти съ самаго начала феодальнаго объединенія присоединяется, какъ особое подраздѣленіе сеньеровъ, еще одно сословіе: духовные сеньеры, жрецы.

Пока роды остаются разъединенными, обособленіе организаторскихъ функцій, военныхъ и мирныхъ, не можетъ пойти дальше зародышевыхъ ступеней. Отношенія, среди которыхъ живетъ каждая группа и которыя ей приходится регулировать, болѣе или менѣе просты. Дѣятельность организатора въ общемъ направляется волей всей группы и, по меньшей мѣрѣ, контролируется всей группой.

Процессъ объединенія патріархально-родовыхъ группъ, усложняя

функціи военнаго организатора, ведетъ, какъ показано выше, къ превращенію ихъ въ постоянныя, а потомъ и въ пожизненныя. Сюзеренъ всего союза и сеньеры отдѣльныхъ группъ сосредоточиваютъ исключительно въ своихъ рукахъ завѣдываніе внѣшними отношеніями, которыя по своему характеру болѣе напоминаютъ неустойчивое перемиріе, чѣмъ прочный миръ.

Сходными явленіями процессъ феодальнаго объединенія сопровождается и въ сферѣ мирно-организаторской дѣятельности.

Мы видѣли, что уже въ патріархальный періодъ отъ старѣйшины, на которомъ лежитъ непосредственное, техническое завѣдываніе производственной дѣятельностью общины, начинаетъ обособляться знахарь, шаманъ. По мѣрѣ того, какъ земледѣліе и скотоводство все болѣе удаляются отъ собиранія дико-растущихъ растеній и охоты за дикими животными, точное опредѣленіе различныхъ моментовъ сельскохозяйственнаго цикла становится все болѣе важнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ— все болѣе сложнымъ дѣломъ. Необходимо во-время подготовить пашню, иногда исправить оросительныя сооруженія, необходимо въ надлежащій моментъ произвести посѣвъ; необходимо не просто слѣдовать за стадами, а предусмотрѣть недостатокъ корма, напр., отъ засухи, и заблаговременно принять надлежащія мѣры. У племенъ, для которыхъ главнымъ источникомъ существованія становится рыболовство, такую же важность пріобрѣтаетъ предвидѣніе тѣхъ моментовъ, когда начинается ходъ рыбы, когда она приближается для метанія икры къ отмелямъ, къ устьямъ рѣкъ, когда уходитъ обратно. Предвидѣніе смѣны временъ года и даже общаго характера предстоящаго года: засухи или избытка влаги, слабаго или необычно-сильнаго разлива, становится необходимымъ условіемъ существованія родовыхъ группъ. Оно строится по болѣе или менѣе субъективнымъ примѣтамъ и по явленіямъ жизненнаго процесса въ окружающемъ мірѣ. Эмпирическія наблюденія накопляются отъ поколѣнія къ поколѣнію. Храненіе ихъ становится главнымъ дѣломъ знахаря, между тѣмъ какъ старѣйшина превращается въ исполнителя его общихъ указаній. Врачеваніе, которое основывается на наблюденіяхъ за дѣйствіями больныхъ и раненыхъ животныхъ, на случайныхъ опытахъ предковъ, на сопоставленіяхъ явленій заболѣванія и выздоровленія съ примѣненіемъ той или иной пищи, той или иной воды и т. д., тоже развивается въ сложное искусство, требующее значительныхъ знаній и большой наблюдательности. Оно равнымъ образомъ входитъ въ кругъ дѣятельности знахаря *).

*) По мѣрѣ того, какъ знахарь вытѣсняется жрецомъ, къ послѣднему переходятъ и его врачебныя функціи. Хотя жрецъ строитъ свою лѣчебную дѣятельность на такихъ же принципахъ, какъ и шаманъ: кабалистическія заклинанія, изгнаніе не-

Въ преемственномъ ряду поколѣній каждая группа накопляетъ огромный трудовой опытъ, въ которомъ резюмируется достигнутая ступень подчиненія природы коллективомъ. Обладая этимъ коллективнымъ опытомъ, знахарь становится какъ бы воплощеніемъ всѣхъ накоплявшихъ его предковъ, организаторомъ надъ организаторами. Онъ не принимаетъ непосредственнаго участія въ работахъ, которыми группа продолжаетъ подчинять себѣ природу, но зато направляетъ всю дѣятельность ближайшаго организатора этихъ работъ, старѣйшины. Воплощая въ себѣ этотъ опытъ, уже онъ, а не старѣйшина, начинаетъ руководить и тѣмъ примитивнымъ культомъ, въ которомъ выражается связь настоящаго поколѣнія съ прежними организаторами.

Какъ и въ случаѣ съ военно-организаторскими функціями, выдѣленіе этихъ мирно-организаторскихъ функцій остается въ зародышевомъ состояніи, пока отдѣльные роды сохраняютъ прежнюю обособленность. Пока знахарь—или старѣйшина въ качествѣ знахаря—обслуживаетъ своей дѣятельностью сравнительно узкую и малочисленную группу, его функціи только въ рѣдкихъ случаяхъ выходятъ за предѣлы кругозора членовъ группы, его жизнь остается связанной съ общимъ существованіемъ группы. Выдѣленіе жреческихъ функцій, какъ спеціальнаго занятія новой профессіональной группы-сословія, дѣлаетъ крупный шагъ впередъ лишь съ того времени, когда патріархальныя группы начинаютъ объединяться въ болѣе или менѣе длительные союзы.

Возникновеніе этихъ союзовъ сопровождается объединеніемъ, обобщеніемъ и дальнѣйшимъ расширеніемъ трудового опыта всѣхъ постепенно объединяющихся группъ. Та болѣе или менѣе узкая борьба съ природой, которую до того времени изолированно вела каждая кровная группа, начинаетъ развиваться въ общественную, въ совмѣстную борьбу, въ которой принимаютъ участіе всѣ союзныя группы. Изъ старыхъ родовыхъ общинъ и надъ ними возникаетъ примитивное общество,—и вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченный трудовой опытъ этихъ общинъ расширяется въ общественный опытъ.

Хранителями этого расширеннаго и обобщеннаго опыта становятся жрецы, которые въ феодальныхъ союзахъ являются преемниками старыхъ знахарей. Только въ немногихъ случаяхъ можно было бы непо-

---

чистой силы силою фетишей, эмпирическія наблюденія за дѣйствіемъ нѣкоторыхъ травъ, корней, припарокъ и проч.,—тѣмъ не менѣе, старый шаманъ превращается въ гонимаго колдуна, ворожею, „кудесника“ совершенно такъ же, какъ его сила становится нечистою силой, его боги—дьяволами, его вѣра—суевѣріемъ. Въ Месопотаміи такая борьба новыхъ жрецовъ за монополію своей профессіи противъ старыхъ „волшебниковъ“ начинается уже въ такъ называемый сумерійско-аккадскій періодъ, т.-е. тысячи за три лѣтъ до Р. Х.—Такъ называемая „народная медицина“ до сихъ поръ является хранительницей лѣчебнаго искусства патріархальной эпохи

средственно прослѣдить, какъ съ первоначальнымъ объединеніемъ родовыхъ общинъ знахарь шагъ за шагомъ развивался въ жреца. Но знакомство съ основными функціями послѣдняго убѣждаетъ, что онѣ дѣйствительно представляютъ лишь развитую форму знахарскихъ функцій.

Тѣ болѣе или менѣе шаткія примѣты, которыми руководствовался знахарь патріархальной эпохи, опредѣляя моменты различныхъ работъ въ сельскомъ хозяйствѣ, смѣняются въ феодальный періодъ болѣе или менѣе точными вычисленіями перемѣны временъ года. Начиная съ VIII вѣка до Р. Х., жрецы Греціи даютъ рядъ постепенныхъ приближеній къ опредѣленію продолжительности года. Выражая видимый кругооборотъ солнца въ лунныхъ мѣсяцахъ, вводя поправки на основаніи тщательныхъ наблюденій, дельфійскіе жрецы уже въ концѣ VII вѣка приходятъ къ тому, что устанавливаютъ сравнительно точное лѣтоисчисленіе и напередъ опредѣляютъ моментъ, когда земля и солнце или луна будутъ находиться въ извѣстномъ относительномъ положеніи, т.-е даютъ прочные опорные пункты для земледѣлія, господствующей отрасли производства *).

Для земледѣльческихъ странъ вообще достаточно приблизительное опредѣленіе момента, когда слѣдуетъ начинать, напр., посѣвъ яровыхъ или озимыхъ хлѣбовъ. Напротивъ, для такихъ странъ, какъ Египетъ, Месопотамія, Китай, Индостанъ, которыя какъ бы питаются рѣчными разливами, необходима большая точность въ опредѣленіи времени, когда начнется разливъ, когда онъ достигнетъ наивысшей точки и когда случайныя колебанія смѣнятся окончательной убылью. Всѣ сооруженія—каналы, озера и дамбы—должны заблаговременно приводиться въ такое состояніе, которое требуется какъ отдѣльными моментами разлива, такъ и особымъ его характеромъ въ различные годы. Болѣе того: благодаря чрезвычайной стремительности наводненій, наступающихъ каждый годъ при таяніи горныхъ снѣговъ на верховьяхъ или въ началѣ періода тропическихъ дождей, многія селенія уничтожались бы со всѣми жителями, скотомъ и запасами, если бы разливы захватывали ихъ врасплохъ. Жрецы Востока съ древнѣйшихъ временъ превращаются въ звѣздочетовъ, т.-е. въ астрономовъ, которые на основаніи

*) Насколько сложна эта задача, убѣдится всякій, кто самостоятельно постарается вычислить день Пасхи въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ. Но онъ, разумѣется, будетъ оперировать при этомъ съ дѣйствительной (или принятой) величиной года и мѣсяца, какъ съ данными величинами. Между тѣмъ греческимъ жрецамъ все это приходилось устанавливать изъ собственныхъ наблюденій, продолжавшихся въ ряду многихъ поколѣній.

своихъ наблюденій предсказываютъ смѣну временъ года и связанныя съ этимъ важнѣйшія измѣненія въ уровнѣ рѣкъ.

Астрономическія знанія греческихъ, и въ особенности восточныхъ жрецовъ (халдеевъ и волхвовъ Библіи) знаменовали колоссальный шагъ впередъ по сравненію съ предыдущей эпохой: узкій, ограниченный эмпиризмъ патріархальнаго организатора они замѣняли руководствомъ, построеннымъ на болѣе объективныхъ и систематическихъ данныхъ *).

Несомнѣнно, уже въ патріархальную эпоху основные моменты производства связываются съ воспоминаніемъ о предкахъ-организаторахъ. По мѣрѣ того, какъ патріархальныя группы объединяются, совершается процессъ обобщенія ихъ отдѣльныхъ предковъ-организаторовъ: выдвигаются союзные фетиши-покровители. Чествованіе прежнихъ организаторовъ, которые преемственно организовали трудовую борьбу съ природой, по-прежнему сопровождаетъ начало посѣва, жатвы, выгонъ скота и т. д.; но теперь оно развивается въ празднества, посвященныя союзнымъ фетишамъ. И та дѣятельность жрецовъ, въ результатѣ которой достигается точное опредѣленіе времени разливовъ, посѣва, жатвы, принимаетъ форму опредѣленія моментовъ, когда должны устраиваться эти празднества. Такимъ образомъ „наука“ феодальной эпохи пріобрѣтаетъ форму не познавательнаго отношенія человѣка къ природѣ, а особаго, таинственнаго, религіознаго отношенія жрецовъ къ божествамъ **).

---

*) Въ свое время познанія жрецовъ Месопотаміи и Египта производили огромное впечатлѣніе на сосѣдей „и была мудрость Соломона выше всѣхъ сыновъ востока и всей мудрости египтянъ“. Третья книга царствъ, IV, 30.

**) Связь между господствующимъ производствомъ и празднествами наблюдается и въ средневѣковой Европѣ,—повсюду, гдѣ въ деревнѣ сохраняется феодальное производство. Но церковный календарь средневѣковая Европа получила въ значительной его части готовымъ. многіе праздники какъ бы вносились извнѣ, а не развились въ неразрывной связи съ производственными отношеніями, какъ старыя языческія празднества. Поэтому упомянутая связь выразилась въ томъ, что нѣкоторые праздники, напр. Егорьевъ, Николинъ и Петровъ день, Казанская, Покровъ и т. д., совпадающіе съ важнѣйшими моментами земледѣльческаго года, пріобрѣли необычайное значеніе, совершенно необъяснимое съ собственно церковной точки зрѣнія, а соотвѣтствующіе святые сдѣлались покровителями полей, скота и проч., что лишь въ немногихъ случаяхъ находитъ оправданіе въ обстоятельствахъ ихъ жизни. Объясняя значеніе такихъ празднествъ, обычно ограничиваются указаніями, 1) что они заняли мѣсто важнѣйшихъ языческихъ празднествъ, и 2) что послѣднія стояли въ самой тѣсной связи съ видимымъ движеніемъ солнца, культомъ свѣтилъ и проч. Послѣднія указанія совсѣмъ недостаточны· движенія солнца и луны даже въ феодальный періодъ интересовали человѣка не сами по себѣ, а по ихъ связи съ производственной дѣятельностью,—потому-то культъ свѣтилъ и могъ слиться съ культомъ предковъ-организаторовъ. Не абстрактная, будто бы врожденная человѣку „потребность понять и объяснить окружающій міръ“ создала древнія религіи и зачатки астрономіи (какъ

По мѣрѣ того, какъ количество и сложность пріобрѣтенныхъ знаній все увеличивается, въ дополненіе къ устному способу сохраненія и передачи ихъ присоединяется письменный. У грековъ, германцевъ, литовцевъ, славянъ и т. д. онъ появляется какъ разъ въ эпоху, которая стоитъ на границѣ патріархально-родового строя и феодальнаго объединенія родовъ. Характеръ древнѣйшихъ записей ясно показываетъ, что это искусство возникло сначала среди тѣхъ слабо отдифференцированныхъ группъ, которыя были предшественниками позднѣйшихъ жрецовъ. Позже, когда процессъ выдѣленія жрецовъ завершился, искусство дѣлать записи на многіе вѣка превратилось въ ихъ монополію *).

Расширяясь и дѣлаясь болѣе тѣсными и сплоченными, феодальные союзы выдвигаютъ необходимость такого административнаго механизма, который уже не можетъ обходиться безъ записей,—и жрецы древняго Востока, начиная съ феодальнаго періода, играютъ выдающуюся роль въ государственномъ управленіи.

Сосредоточивая въ своемъ вѣдѣніи верховныя производственно-организаторскія функціи, постепенно обособляющіяся отъ технически-организаторскихъ функцій, обладая извѣстными математическими и, въ частности, геометрическими познаніями и соотвѣтственными логическими навыками, обладая, наконецъ, искусствомъ дѣлать записи, жрецы совершенно естественно являются организаторами и еще въ одной сферѣ. Во-первыхъ, жрецы даютъ обобщенную формулировку господствующихъ производственныхъ отношеній, т.-е. выступаютъ въ роли законодателей. Во-вторыхъ, они истолковываютъ эти общія нормы въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ, т.-е. становятся судьями. Открытый въ послѣдніе годы кодексъ ассирійскаго (сумерійскаго) царя Гаммураби (тысячи за $2^1/_2$ лѣтъ до Р. Х.), представляющій одинъ изъ древнѣйшихъ законодательныхъ сводовъ, можетъ служить примѣромъ этого эмбріональнаго состоянія права, когда оно еще не обособилось отъ религіи и законодатель не обособился отъ жреца. Къ такого же рода памятникамъ относится Пятикнижіе Моисеево, во многомъ отражающее ассирійскія вліянія, и, въ частности, законодательство Гаммураби.—Въ Египтѣ уже тысячи за 4 лѣтъ до Р. Х. записи, которыми закрѣплялся переходъ собственности изъ од-

---

и другихъ наукъ), а потребности развивающаго производства.—По мѣрѣ того, какъ феодальное производство деревни оттѣсняется на задній планъ, религіозное сознаніе все болѣе утрачиваетъ средневѣковую живость и глубину,—и старые праздники теряютъ свое религіозное значеніе, превращаются просто въ дни отдыха.

*) Характерно, что многочисленныя вновь открытыя записи, которыя въ послѣднія 10—15 лѣтъ дали возможность уяснить экономическій строй древнѣйшаго Египта и особенно Ассиріи, найдены въ развалинахъ храмовъ.

нѣхъ рукъ въ другія, составлялись при храмахъ.—Значеніе этого рода функцій возрастаетъ въ той мѣрѣ, какъ старыя кровныя связи въ качествѣ первичной основы общественныхъ отношеній оттѣсняются на задній планъ чисто экономическими связями.

Въ варварскихъ государствахъ средневѣковой Европы, возникшихъ на мѣстѣ Римской имперіи, духовенство выполняло такую же роль, какъ на древнемъ Востокѣ. Умѣнье читать и писать и всѣ зачатки науки, сохранившіеся отъ древняго міра, въ теченіе многихъ столѣтій оставались почти въ монопольномъ обладаніи духовенства. Изъ его же рядовъ выходили администраторы, законодатели и юристы.

Такъ же обширны были функціи духовенства и въ древней Россіи. Напр. „Русская Правда“, древнѣйшій изъ русскихъ законодательныхъ сводовъ, носитъ явные слѣды того рѣшающаго значенія, какое имѣло духовенство въ законодательствѣ и судѣ. Но только это духовенство связано было не съ Римомъ, а съ Византіей, и изъ Византіи приносило готовыми тѣ элементы и формы организаціи, потребность въ которыхъ порождалась внутреннимъ развитіемъ славянскихъ племенъ.

Лишь развитіе новыхъ, буржуазныхъ отношеній въ городахъ положило конецъ монопольному положенію духовенства и выдвинуло свою науку, своихъ администраторовъ и своихъ юристовъ, воззрѣнія которыхъ все болѣе освобождаются отъ церковныхъ авторитетовъ.

Итакъ, то самое развитіе, которое расширяетъ функціи сеньера и превращаетъ его въ объединителя, сопровождается расширеніемъ и функцій жреца, преемника стараго знахаря. На ряду съ сюзереномъ, который выдвигается объединеніемъ военной дѣятельности сосѣднихъ общинъ, выступаетъ жрецъ, который является выразителемъ начавшагося объединенія мирной производственной дѣятельности этихъ общинъ. Развиваясь вширь и вглубь, феодальное объединеніе сопровождается расширеніемъ совмѣстной борьбы за существованіе, и организація этой совмѣстности въ однѣхъ сферахъ, преимущественно соприкасающихся съ войной, по-прежнему остается на свѣтскомъ сеньерѣ, а въ другихъ сферахъ, болѣе связанныхъ съ господствующимъ производствомъ, по прежнему составляетъ содержаніе профессіональной дѣятельности жрецовъ.

Такимъ образомъ объединеніе обособленныхъ родовыхъ группъ выступаетъ, какъ двусторонній процессъ: какъ объединеніе политическое и объединеніе религіозное, какъ процессъ возникновенія сословія свѣтскихъ сеньеровъ и жреческаго сословія, какъ расширеніе за предѣлы родовыхъ общинъ и военныхъ и жреческихъ функцій. Извѣстно, напр., что первоначальное объединеніе древней Греціи принимало форму „амфиктіоній“, т.-е. „союзовъ окрестныхъ жителей“, которые въ опре-

дѣленное время собираются на общія празднества, и что начало позднѣйшимъ жреческимъ корпораціямъ дали жрецы при тѣхъ храмахъ, которые сдѣлались центрами этихъ амфиктіоній: Додона въ гомеровскую эпоху, храмъ Аполлона въ VII в. до Р. Х., позже Олимпія и храмъ Деметры при Ѳермопильскомъ ущельѣ. Точно такъ же у германцевъ, литовцевъ и славянъ, объединяющихся въ первичные межродовые союзы, въ такъ называемыя „племена", обнаруживаются признаки выдѣленія жреческой корпораціи. Организаторская дѣятельность жрецовъ принимаетъ форму организаціи общихъ празднествъ при священныхъ рощахъ, деревьяхъ, источникахъ. Здѣсь же это зачаточное жреческое сословіе законодательствуетъ и совершаетъ судебныя разбирательства.

Такое же значеніе центровъ жреческой дѣятельности, какъ священныя рощи, деревья и проч. для осѣдлыхъ группъ, для кочевниковъ пріобрѣтаетъ передвижной союзный шатеръ, обиталище общихъ фетишей объединяющихся группъ („скинія" у евреевъ кочевого періода и т. под.). Начавшееся задолго до Магомета объединеніе арабскихъ кочевыхъ группъ нашло себѣ выраженіе въ жреческой корпораціи при меккской Каабѣ. Магометъ въ своей организаторской дѣятельности былъ преемникомъ этихъ жрецовъ.

Вообще говоря, эмбріональные жрецы именно той общины, къ которой экономически тяготѣютъ сосѣднія области и которая со временемъ выступаетъ въ роли феодальной „собирательницы земли", даютъ начало позднѣйшему жреческому сословію. Какъ разъ потому, что данная область сдѣлалась экономическимъ центромъ, она развивается въ политическій и религіозный центръ: ея сеньеръ — въ сюзерена, мѣстныя святыни въ святыни союза, преемники мѣстныхъ жрецовъ, лишь едва выдѣлявшихся изъ общаго состава общины, въ духовенство, которое уже не связано ни съ какой опредѣленной кровной общиной и противостоитъ всѣмъ остальнымъ членамъ союза, какъ обособленное сословіе. Процессъ этотъ съ большой ясностью выступаетъ въ греческой и арабской исторіи.

Историки обыкновенно перевертываютъ отношенія и утверждаютъ, будто именно вліяніе духовенства было той первоначальной и основной силой, которая склоняла борьбу между сеньерами-собирателями на ту или на другую сторону. Но дѣйствительная связь между явленіями ясно выступаетъ и въ позднѣйшей исторіи феодальныхъ обществъ, напр. въ кіево-новгородской, владимирско-суздальской и московской Руси. Кіевъ, торговый центръ юга, быстро превращается въ средоточіе религіозной жизни, митрополитъ кіевскій—въ главу духовенства. На сѣверѣ такую же роль играетъ Новгородъ. Перипетіи его борьбы за экономическое преобладаніе сначала съ Кіевомъ, потомъ съ Владимиромъ и, наконецъ,

съ Москвой отражаются въ относительномъ значеніи мѣстныхъ святынь; перемѣщеніе центра экономической жизни учитывается въ учрежденіи и перенесеніи митрополій. Экономическое тяготѣніе сѣверо-восточной Руси къ Владимиру наноситъ ударъ прежнему значенію кіевскаго духовенства. Рѣшительное торжество Москвы въ XIV вѣкѣ сопровождается перемѣщеніемъ религіознаго центра сѣверо-восточной Руси въ Москву и новый монастырь, Троицкій *).

Согласно распространеннымъ воззрѣніямъ, существованіе областныхъ святынь и вліятельнаго духовенства было необходимымъ предварительнымъ условіемъ для возникновенія первоначальныхъ „рынковъ", т.-е. мѣстъ, на которыхъ прекращалась вражда и совершался болѣе или менѣе мирный обмѣнъ между сосѣдними группами. Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что первичная связь явленій вовсе не такова. Вліяніе зачаточнаго мѣстнаго духовенства расширяется и превращаетъ его въ областное, впослѣдствіи межъ-областное духовенство лишь въ той мѣрѣ, какъ прогрессирующія экономическія отношенія сближаютъ сосѣднія общины, проводятъ ихъ черезъ послѣдовательныя формы обмѣна, намѣчаютъ пункты, гдѣ происходятъ регулярныя встрѣчи между ними. Организація расширяющихся общественныхъ связей становится дѣломъ духовенства по мѣрѣ того, какъ возникаютъ эти связи, но не духовенство ихъ создаетъ. Въ этомъ смыслѣ „рыночный миръ" предшествовалъ „божьему миру": „рынокъ" возникъ раньше, чѣмъ тѣ идеологическія формы, которыя ставятъ его подъ особое покровительство божества. Сначала въ процессѣ обмѣна складывались, какъ было показано выше, извѣстные обычаи, дѣлающіе возможнымъ обмѣнъ, и уже потомъ духовенство даетъ этимъ обычаямъ обобщенное выраженіе и охраняетъ ихъ. Мекка, напр., сначала выдвинулась, какъ центръ обмѣна,—и уже потомъ миръ, устанавливавшійся на время ярмарокъ, получилъ божественную санкцію. — Только на позднѣйшей ступени развитія, когда упрочивается та идеологическая форма, въ которой охраняется рыночный миръ, новые рынки при самомъ своемъ возникновеніи становятся подъ авторитетное покровительство божества; духовенство, расширяющее свои функціи съ прогрессомъ феодальнаго объединенія, развивается

*) Только петербургскій періодъ не выдвинулъ ни мѣстныхъ святынь, ни новаго областного духовенства, которыя по своему значенію могли бы равняться со святынями и духовенствомъ старой Россіи. Феодальныя отношенія были изжиты, остались далеко позади. Уже предыдущій періодъ экономическаго развитія разрушилъ областную обособленность, привелъ къ созданію достаточно централизованнаго государства съ централизованной духовной іерархіей, и превращеніе Петербурга въ столицу было не возвышеніемъ новой области и ея мѣстной духовной іерархіи надъ другими, а просто перенесеніемъ административнаго центра уже сложившагося государства изъ одного мѣста въ другое.

во вліятельную общественную силу и тогда уже дѣйствительно можетъ создавать новые рынки.

По мѣрѣ того, какъ съ расширеніемъ функцій воина, онъ обособляется отъ родовой общины и превращается въ сеньера,—отъ общей массы продукта, производимаго феодальными группами, извѣстная часть обособляется, какъ прибавочный продуктъ, и поступаетъ въ исключительное распоряженіе феодала. Точно такъ же расширеніе функцій жрецовъ, сопровождающееся выдѣленіемъ ихъ изъ состава родовой группы и превращеніемъ въ жрецовъ феодальнаго союза, необходимо приводитъ къ тому, что они тоже получаютъ самостоятельный базисъ существованія: часть прибавочнаго продукта пріобрѣтаетъ форму жертвы, форму средствъ, предназначенныхъ на поддержаніе культа, и поступаетъ въ распоряженіе жрецовъ

Съ расширеніемъ и упроченіемъ первоначальныхъ слабыхъ связей между общинами, устанавливается минимальная величина тѣхъ жертвъ, которыя должна доставить каждая община или каждая семья: столько-то штукъ скота, отличающагося такими-то примѣтами или родившагося въ такое-то время, такая-то доля зерна и плодовъ, такія-то части животныхъ и растеній, столько-то рабочихъ дней для воздѣлыванія земли, которую получаетъ жреческая корпорація. Коротко говоря, развивается та регламентированная до мелочей система священныхъ оброковъ и барщинъ, которую мы наблюдаемъ въ Египтѣ и Перу, въ Месопотаміи и Палестинѣ, у арабовъ и въ средневѣковой Европѣ,—въ томъ числѣ и у насъ, начиная съ XI вѣка. И даже въ Греціи, начиная съ VII вѣка до Р. Х., храмамъ обыкновенно посвящается десятая доля добычи отъ торговыхъ и военныхъ походовъ.

Поскольку приношенія связаны съ земледѣліемъ и скотоводствомъ,—а связь эта въ феодальный періодъ остается очень тѣсной,—они, какъ и доходъ свѣтскаго сеньера, представляютъ зародышевую форму абсолютной ренты: вознагражденія, которое дается жрецамъ за ихъ общественно-необходимыя функціи, за то, что только они дѣлаютъ возможными земледѣліе и скотоводство. Колебанія въ размѣрахъ приношеній стоятъ въ самой непосредственной связи съ функціями жрецовъ. Напр., при хорошемъ урожаѣ десятина возрастаетъ въ своей массѣ; при неурожаѣ или падежѣ скота увеличиваются умилостивительныя приношенія. Чрезвычайныя обстоятельства вообще дѣлаютъ особенно ощутительной связь между профессіональными функціями жрецовъ и результатами сельскохозяйственнаго цикла. Поэтому землетрясеніе, буря, война, появленіе большого количества хищныхъ звѣрей обычно ведетъ къ увеличенію приношеній. Словомъ, въ отношеніяхъ къ жрецамъ воспроизводятся отношенія вассальныхъ земледѣльцевъ къ своему

сюзерену съ той только разницей, что первыя неразрывно срастаются съ своей идеологической формой, отношеніями къ божествамъ.

Такимъ образомъ въ развитіи жреческаго сословія можно наблюдать два ряда явленій, неразрывно связанные другъ съ другомъ. Съ одной стороны, отъ мирно-организаторскихъ функцій старѣйшины постепенно обособляется та часть ихъ, которая представляетъ наиболѣе обобщенное выраженіе расширяющагося трудового опыта и становится спеціальнымъ занятіемъ новой группы, жрецовъ Съ другой стороны, отъ общей массы труда и продукта, которыми располагаетъ каждая деревенская община, извѣстная часть обособляется, какъ духовные барщина и оброкъ, какъ прибавочные трудъ и продуктъ, поступающіе въ распоряженіе жрецовъ. Слѣдовательно, при храмахъ одновременно развиваются и жреческое сословіе, и самостоятельное хозяйство.

Храмы (и монастыри) повсюду становятся центрами мѣстной экономической жизни, духовными усадьбами, въ которыхъ жрецамъ принадлежитъ та же руководящая роль, какъ свѣтскимъ сеньерамъ—въ свѣтскихъ виллахъ, мэнорахъ и т. д. Каждый храмъ превращается въ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ ойкосовъ, изъ которыхъ состоитъ все феодальное общество. Въ этомъ ойкосѣ жрецъ совершенно такъ же, какъ и свѣтскій феодалъ, организуетъ производственную дѣятельность: строитъ сооруженія, непосильныя для отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, снабжаетъ инвентаремъ вновь возникающія хозяйства, помогаетъ при неурожаяхъ и другихъ бѣдствіяхъ. Духовенство же, подобно свѣтскимъ сеньерамъ, организуетъ военную защиту окрестнаго населенія. Храмы древности и средневѣковые монастыри обыкновенно располагали собственными дружинами. Монастыри были настоящими укрѣпленіями: у насъ кремлями, на Западѣ—замками. Обстоятельства осады Ченстоховскаго, Троицкаго и Соловецкаго монастырей показываютъ, что эти крѣпости, сильныя въ среднія вѣка, сохранили боевое значеніе и до позднѣйшаго времени.

Всѣ эти мирно-и военно-организаторскія функціи шагъ за шагомъ превращаютъ жрецовъ въ сеньеровъ окрестнаго земледѣльческаго населенія, а храмы—въ тѣ центры, къ которымъ стекается прибавочный продуктъ болѣе или менѣе обширной округи. Поскольку въ этихъ функціяхъ нѣтъ ничего специфически жреческаго, постольку и дальнѣйшая исторія духовнаго сословія не отличается отъ исторіи свѣтскихъ сеньеровъ. Та дѣятельность, которую жрецы развиваютъ въ своихъ усадьбахъ, по существу носитъ такой-же частно-хозяйственный характеръ, какъ дѣятельность свѣтскихъ сеньеровъ въ ихъ вотчинахъ, дворахъ, виллахъ, мэнорахъ: и жрецы, и сеньеры здѣсь просто организуютъ потребленіе результатовъ своей общественно-организаторской дѣятель-

ности и закрѣпляютъ за собой тѣ пріобрѣтенія, которыя они дѣлаютъ, осуществляя общія условія, необходимыя для феодальнаго производства. Слѣдовательно, относительная сила духовнаго и феодальнаго сословій коренится не въ тѣхъ сеньеріальныхъ функціяхъ, которыя они выполняютъ въ своихъ частныхъ хозяйствахъ: этими функціями объясняется только господство сеньера надъ окрестнымъ земледѣльческимъ (или кочевымъ) населеніемъ, только его главенствующее положеніе въ отдѣльной, обособленной производственной группѣ. Сословная же сила жрецовъ и сеньеровъ въ широкихъ феодальныхъ союзахъ вытекаетъ изъ ихъ общественныхъ функцій, выходящихъ за предѣлы производственныхъ ячеекъ феодальной эпохи.

Благодаря различію тѣхъ условій, при которыхъ шло развитіе различныхъ феодальныхъ обществъ, особое значеніе пріобрѣтали въ однихъ случаяхъ функціи свѣтскихъ сеньеровъ, въ другихъ — тѣ функціи, которыя исторически выпадали на долю жрецовъ; въ однихъ случаяхъ господствующей общественной силой становились свѣтскіе феодалы, въ другихъ феодальныя объединенія развивались въ теократіи: политическія организаціи, въ которыхъ жрецамъ принадлежалъ рѣшительный перевѣсъ надъ свѣтскими феодалами, надъ воинами, или въ которыхъ военный глава, межъ-областной объединитель, былъ въ то же время и верховнымъ жрецомъ. Общія причины такихъ различій можно выяснить на нѣсколькихъ конкретныхъ примѣрахъ.

Ареной древней греческой исторіи была сравнительно ограниченная территорія, которая притомъ изрѣзана горами на мелкія области. Первоначальное объединеніе началось съ созданія мелкихъ областныхъ союзовъ. При незначительности разстояній сеньеру не было необходимости постоянно жить въ усадьбѣ; онъ могъ внѣ ея потреблять прибавочный продуктъ. Такъ какъ врагъ—сосѣдняя область—былъ слишкомъ близко, то усадьба не могла дать надежной защиты отъ неожиданныхъ нападеній. Все это приводило къ тому, что уже для древнѣйшей греческой исторіи становится характернымъ „синойкизмъ“, созданіе сеньерами „общихъ селеній“, полисовъ, т.-е. укрѣпленій, изъ которыхъ они сообща подчиняли зависимое крестьянство и предпринимали походы на сосѣднія области. Развитіе примитивной торговли въ свою очередь привлекало сеньеровъ изъ ихъ усадебъ къ полисамъ, возникающимъ около морскихъ гаваней.

Упорная и затяжная борьба сопровождала расширеніе первоначальныхъ объединеній и все разросталась въ своемъ масштабѣ, пока, уже за предѣлами собственно феодальной эпохи, она не приняла характера обще-греческой, Пелопонесской войны. Нескончаемой войной съ финикіянами, этрусскими, лидійцами, персами и т. д. была вся морская

греческая торговля. Военно-организаторскія функціи сеньеровъ, объединившихся въ полисахъ, пріобрѣтали рѣшающее значеніе для существованія и отдѣльныхъ республикъ, и всей Греціи.

Земледѣліе и скотоводство, тѣ отрасли производства, въ которыхъ общественно-организаторскія функціи жрецовъ играютъ особенно крупную роль, оттѣснялись на задній планъ торговыми операціями. Да и условія природы съ самаго начала не требовали такъ повелительно, какъ на Востокѣ, развитія этихъ функцій значительно выше элементарныхъ ступеней. Въ результатѣ всего этого ростъ общественной силы жреческаго сословія остановился сравнительно рано, и очень рано дельфійскій оракулъ началъ вѣщать то, чего требовали въ каждой данный моментъ интересы господствующей группы свѣтскихъ сеньеровъ.

Иначе складывались общественныя отношенія въ Египтѣ. Узкая долина Нила не представляла какихъ-либо естественныхъ препятствій объединенію. Отсутствіе сосѣдей, отъ которыхъ требовалась бы непрерывная, напряженная оборона, въ свою очередь уменьшало значеніе военно-организаторскихъ функцій. Напротивъ, тѣсная связь земледѣлія съ періодическими разливами придавала особое значеніе дѣятельности жрецовъ: объединеніе и отдѣльныхъ областей, и всего Египта осуществлялось, а въ особенности закрѣплялось не столько военными походами сюзереновъ, сколько тѣми гидравлическими работами, которыя выполнялись подъ верховнымъ руководствомъ жрецовъ. Послѣдніе выступали благодаря этому какъ „творцы“ и „созидатели“ общества. Одной изъ важнѣйшихъ задачъ феодальныхъ сюзереновъ была организація не походовъ, какъ въ другихъ странахъ, а всевозможныхъ оросительныхъ работъ. Въ связи съ этимъ въ египетскомъ царѣ свойства главы жреческаго сословія въ нѣкоторыя эпохи берутъ перевѣсъ надъ его свойствами, какъ военнаго организатора. И лишь въ той мѣрѣ, какъ возрастаетъ необходимость внѣшней защиты, вліяніе свѣтскихъ феодаловъ возвышается за счетъ жреческаго сословія. Это же явленіе съ еще бо̀льшей ясностью выступаетъ въ исторіи Месопотаміи и Ирана.

Господствующій у кочевниковъ способъ производства, какъ мы видѣли, препятствуетъ раздѣленію мирно-и военно-организаторскихъ функцій. Онъ же приводитъ къ тому, что глава кочевой группы обыкновенно сосредоточиваетъ въ своемъ вѣдѣніи и тѣ функціи, которыя у осѣдлыхъ группъ выдѣляются, какъ спеціальное занятіе жрецовъ. Вождь долженъ ориентироваться въ новой мѣстности по звѣздамъ,—безразлично, ищетъ ли его группа новыхъ пастбищъ для скота, отправляется ли въ походъ для обмѣна, или совершаетъ набѣгъ на враждебную группу. Точно такъ же исходъ и военныхъ, и мирныхъ предпріятій въ

одинаковой степени зависитъ отъ того, въ состоянiи ли организаторъ хотя за нѣсколько часовъ предусмотрѣть наступленiе истребительнаго урагана пустыни. Мы видѣли, что весь бытъ кочевниковъ стираетъ разграничительную черту между миромъ и войной. Теперь мы видимъ, что онъ же уничтожаетъ границу между воиномъ и жрецомъ.

Правда, объединенiе кочевыхъ группъ, сопровождающееся развитiемъ общихъ, союзныхъ святынь, приводитъ къ тому, что начинается выдѣленiе жреческаго сословiя, сосредоточивающаго свою дѣятельность около этихъ святынь. Но объединенiе сопровождается усиленiемъ борьбы съ сосѣдями, да и само оно обусловливается обыкновенно усиленiемъ этой борьбы. Для кочевниковъ, пока они остаются кочевниками, борьба никогда не кончается и прерывается лишь на самое короткое время. Поэтому первенствующая роль принадлежитъ военному организатору, который, передавая священнослужителю часть своихъ функцiй, оставляетъ за собой верховное завѣдыванiе ими. На Синай восходитъ не Ааронъ, а Моисей, и Моисей же подсказываетъ Аарону, что онъ долженъ говорить народу. И даже за предѣлами кочевой эпохи—Давидъ и Соломонъ въ важнѣйшiе моменты религiозной жизни оттѣсняютъ первосвященника на второй планъ: первосвященнику принадлежатъ лишь исполнительскiя функцiи.

У Магомета роль пророка являлась той идеологической формой, въ которой развивалась его дѣятельность, какъ военнаго объединителя патрiархальныхъ родовъ и слабыхъ межродовыхъ союзовъ Аравiи. Историческая задача, стоявшая передъ арабами, заключалась въ томъ, чтобы внѣшне, политически объединить тѣ страны: Аравiю, Месопотамiю, Иранъ, Малую Азiю, Сѣверную Африку, отчасти европейскiя прибрежья Средиземнаго моря, которыя уже давно объединялись обмѣномъ. Разрѣшенiе этой задачи при Магометѣ и его преемникахъ настолько переплелось съ распространiемъ единой религiи, что многiе историки подъ религiозной оболочкой этихъ событiй до сихъ поръ не видятъ ихъ дѣйствительнаго содержанiя. Между тѣмъ оно достаточно ясно выступаетъ даже въ нѣкоторыхъ фактахъ самой религiозной жизни ислама. Такъ, при первоначальномъ своемъ выступленiи (VII вѣкъ) онъ со значительной терпимостью относится къ iудейству и христiанству, которыя соотвѣтствуютъ достаточно развитымъ и широкимъ общественнымъ связямъ и потому, не представляя отрицанiя объединительныхъ стремленiй арабовъ, были для нихъ „иновѣрiемъ“. Но зато язычеству исламъ объявилъ безпощадную, истребительную войну: язычество съ его многочисленными мѣстными жрецами и культами было символомъ локальной ограниченности, патрiархально-родовой раздробленности, словомъ, того стараго для арабовъ, изжитого способа производства, которому

они наносили окончательный ударъ своимъ объединеніемъ подъ знаменемъ единой религіи; поэтому оно было ненавистнымъ для нихъ „суевѣріемъ".

Такая военно-жреческая организація, какой былъ исламъ, могла объединять арабовъ въ эпоху отчаянной внѣшней борьбы, въ періодъ завоеваній, пока они оставались кочевниками, подвижность которыхъ уже сама по себѣ препятствуетъ развитію локальной ограниченности. Какъ только они осаживаются на мѣстахъ, и земледѣліе становится основнымъ источникомъ ихъ существованія, логика феодальнаго производства вступаетъ въ свои права. Государство арабовъ распадается на рядъ областей, намѣстники которыхъ добиваются значительной самостоятельности, пока, наконецъ, не дѣлаются суверенами. То объединеніе и даже полное сліяніе духовной и свѣтской власти, которымъ характеризовался первоначальный исламъ, смѣняется раздѣленіемъ усложняющихся военно-организаторскихъ, производственно-организаторскихъ, административныхъ, законодательныхъ и судебныхъ функцій. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, это раздѣленіе въ различныхъ областяхъ идетъ по различнымъ линіямъ, и въ однѣхъ даетъ перевѣсъ военному организатору, въ другихъ главѣ духовенства, въ третьихъ, гдѣ военно-и мирно-организаторскія функціи имѣютъ одинаково существенное значеніе, приводитъ къ хронической борьбѣ, затягивающейся на цѣлыя столѣтія. Начинается ожесточенная борьба между обособляющимися областями, тяготѣющими къ Кордовѣ, Мединѣ, Багдаду, Дамаску и т. д. И религіозныя воззрѣнія, которыя въ свое время объединили арабовъ, теперь санкціонируютъ ихъ распаденіе на отдѣльные лагери, питающіе смертельную вражду другъ къ другу. Всякій вопросъ: объ отношеніи духовенства къ выдѣляющимся свѣтскимъ властямъ, о выборности или наслѣдственности калифа, духовнаго и свѣтскаго главы мусульманскаго общества,—служитъ теперь знаменемъ для возрастающаго областного обособленія.

Для средневѣковой Европы христіанство сыграло, въ общемъ, такую же роль, какъ исламъ—для арабовъ и впослѣдствіи для турокъ. Первоначальное объединеніе германцевъ совершалось уже въ дохристіанскій періодъ,—уже тогда складывались „племена", слабые областные союзы, численностью отъ 25 до 40, изрѣдка до 60 тысячъ. Піонерами болѣе тѣснаго и широкаго объединенія выступили представители римскаго духовенства. Распространеніе христіанства послужило формой, въ которой совершалось превращеніе первичныхъ союзовъ и временныхъ военныхъ объединеній въ сравнительно обширныя и болѣе устойчивыя феодальныя „королевства". И дальнѣйшее расширеніе ихъ было неразрывно связано съ распространеніемъ христіанства. Миссіонеръ прокладывалъ

первый путь къ фризамъ, англамъ, саксамъ, ирландцамъ. Слѣдомъ за нимъ двигалось войско и принудительной силой закрѣпляло дѣло миссіонера.

Было еще одно обстоятельство, которое придавало особенное значеніе миссіонерской дѣятельности римскаго духовенства. Какъ ни великъ былъ экономическій упадокъ Римской имперіи, обусловившій ея военное и политическое крушеніе, римская техника—и земледѣльческая, и ремесленная—все же была несравненно выше варварской техники германцевъ. Хранителями же римской техники были главнымъ образомъ монастыри, преемственно связанные съ Римской имперіей. Тѣ миссіи и монастыри, которые учреждались въ языческихъ странахъ, были въ первую очередь трудовыми общежитіями, а не такими просто потребительскими организаціями, какъ они сдѣлались на исходѣ феодальной эпохи. Въ своихъ областяхъ они организовали производство на новыхъ началахъ: расчищали лѣса, вводили въ оборотъ новыя растенія, знакомили съ болѣе усовершенствованными орудіями и пріемами обработки земли и продуктовъ.

Переходъ къ высшимъ формамъ производства сдѣлался настоятельной необходимостью для германскихъ племенъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и постоянныя передвиженія, и ожесточенная борьба, и даже начавшееся объединеніе. Этотъ переходъ осуществлялся при помощи римской церкви. Такимъ образомъ завоеваніе язычниковъ для христіанства было одновременно и внутреннимъ подчиненіемъ ихъ духовенству, носителю новыхъ производственныхъ формъ.

Связь съ римской церковью, единственной хранительницей какъ производственной техники, такъ и организаціонныхъ формъ Римской имперіи, становится источникомъ силы для германскихъ королевствъ начала среднихъ вѣковъ. Франки, напр., какъ вѣрные вассалы папы, опираясь на его поддержку, восторжествовали надъ тѣми германскими племенами, которыя приняли христіанство въ видѣ „ереси Арія“; римскому же духовенству короли франковъ обязаны тѣмъ, что они получили въ свое распоряженіе всю организованную силу Западной Европы для борьбы съ саксами, маврами и славянами.

По мѣрѣ того, какъ первоначальныя феодальныя объединенія разростались и усложнялись, мощь церкви, какъ единственной организаціи, стоящей на уровнѣ расширяющихся соціальныхъ потребностей, все увеличивалась. Благодаря этому вассалы духовныхъ феодаловъ пользовались болѣе дѣйствительной защитой, чѣмъ вассалы свѣтскихъ сеньеровъ и даже крупныхъ будущихъ сувереновъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что эпохи обостренной борьбы въ феодальныхъ обществахъ средневѣковаго Запада (какъ и средневѣковой Россіи) характеризуются

необыкновенно быстрымъ ростомъ церковныхъ и монастырскихъ владѣній и числа мелкихъ и крупныхъ вассаловъ у духовныхъ сеньеровъ: у епископовъ и монастырей. Свѣтскіе сеньеры, въ поискахъ защиты отъ сильныхъ противниковъ, отдавались со своими землями подъ покровительство духовныхъ сеньеровъ, становились ихъ вассалами. Этотъ процессъ зашелъ настолько далеко, что всѣ короли, бароны и герцоги фактически сдѣлались вассалами папы.

Свѣтскіе сеньеры средневѣковой Европы, разбросанные по своимъ сеньеріямъ, могли въ борьбѣ и другъ съ другомъ, и съ церковью располагать преимущественно мѣстными силами; сюзеренъ во всѣхъ внѣшнихъ столкновеніяхъ тоже долженъ былъ разсчитывать болѣе на свою собственную дружину, чѣмъ на вассаловъ, подчиненіе которыхъ оставалось слабымъ, иногда, какъ въ Германіи, чисто номинальнымъ. Напротивъ, церковь, какъ вліятельная централизованная организація, которая во всѣхъ существенныхъ дѣйствіяхъ направлялась единой волей изъ Рима, могла противопоставить всякому, кто не подчинялся ея власти, военныя силы всего христіанскаго Запада. По всѣмъ этимъ причинамъ, пока феодальная система оставалась живучей, всякое возмущеніе противъ папы неизбѣжно кончалось Каноссой.

Среди передовыхъ славянскихъ племенъ по Днѣпру и Волхову христіанство распространялось изъ Византіи въ эпоху, когда они стояли на болѣе высокомъ уровнѣ общественно-экономическаго развитія, чѣмъ германскія племена V—VIII вѣка. Быть можетъ, еще важнѣе то обстоятельство, что половцы и, въ особенности, татары очень рано отрѣзали русское духовенство отъ Византіи, которая, будучи центромъ высшей культуры, играла для него такую же роль, какъ Римъ для католическаго духовенства. Поэтому, хотя значеніе духовенства въ феодальный періодъ русской исторіи огромно, оно не развилось въ такую колоссальную силу, какъ католическое духовенство. Однако и здѣсь духовенство занимало очень вліятельное положеніе: и Иванъ III, и даже Иванъ Грозный,—которые, заканчивая собираніе Руси, не останавливались въ экспропріаціи свѣтскихъ князей передъ самыми рѣшительными шагами,—молча подчинялись каждый разъ, когда духовенство отказывалось добровольно разстаться съ частью своихъ огромныхъ владѣній. Между тѣмъ оба они были уже не феодальные сюзерены, а скорѣе монархи въ дѣйствительномъ, позднѣйшемъ значеніи слова.

Какъ указано выше, для феодальной эпохи основной формой прибавочнаго продукта, обособляющагося отъ общей массы годового продукта, является рента. Ростъ соціальной силы того или иного сословія выражается въ увеличеніи массы этой ренты. Точно такъ же каждое изъ феодальныхъ сословій и отдѣльные ихъ представители фи-

ксируютъ свою соціальную силу, увеличивая свою долю въ феодальномъ землевладѣніи, т.-е. расширяя ту площадь, съ которой они получаютъ барщину и оброкъ.

Такъ было и съ духовенствомъ. И на древнемъ Востокѣ, и въ классическомъ мірѣ, и въ средневѣковой Европѣ исторія духовенства была въ то же время исторіей роста церковнаго (и монастырскаго) землевладѣнія. Въ классическомъ мірѣ по причинамъ, отмѣченнымъ выше, этотъ процессъ остановился довольно рано. Но въ остальныхъ странахъ онъ не прекращался на протяженіи всей феодальной эпохи, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжался даже въ позднѣйшій періодъ.

Точныхъ цифръ относительно размѣровъ церковнаго землевладѣнія въ древнемъ мірѣ не имѣется. О размѣрахъ церковныхъ имуществъ въ средневѣковой Европѣ приходится судить преимущественно на основаніи субъективныхъ впечатлѣній современниковъ, на основаніи оцѣнокъ „на глазъ“, и по сопоставленію различныхъ косвенныхъ данныхъ. Притомъ и эти данныя, и эти впечатлѣнія обыкновенно относятся къ сравнительно позднимъ эпохамъ: для Франціи къ XVII—XVIII вѣкамъ, для Англіи и Германіи къ эпохѣ реформаціи, для Россіи—къ половинѣ и концу XVI вѣка. Однако ихъ достаточно для того, чтобы составить нѣкоторое представленіе объ относительной силѣ духовенства въ эпоху его расцвѣта, въ феодальный періодъ.

Всѣ матеріалы, относящіеся къ упомянутымъ странамъ, съ замѣчательнымъ согласіемъ указываютъ, что церковныя и монастырскія земли составляли до $^1/_3$ всей площади земельныхъ владѣній, иногда даже до $^1/_2$ всѣхъ культивируемыхъ земель. Но доходы, которые духовенство получало съ нихъ, значительно больше, чѣмъ соотвѣтствовало бы этой долѣ; монастыри сумѣли захватить—посредствомъ покупки или безвозмездно, въ качествѣ дара, — наилучшія и наиболѣе доходныя земли. Насколько успѣшно дѣйствовали въ этомъ направленіи отдѣльные русскіе монастыри, можно судить по такимъ примѣрамъ. Кирилловъ бѣлозерскій монастырь въ концѣ XVI вѣка владѣлъ 20.000 десятинъ пашни, не считая пустырей и лѣсовъ. Троицко-Сергіевскій монастырь, крупнѣйшій землевладѣлецъ, получалъ ежегодно доходовъ до 100.000 руб. (въ переводѣ на наши деньги до 4 милліоновъ).

Использованіе доходовъ въ свою очередь служило укрѣпленію и расширенію соціальной мощи духовнаго сословія. Здѣсь сказалось существенное различіе въ ступени экономическаго развитія между древнимъ Востокомъ и раннимъ европейскимъ средневѣковьемъ. Для Египта и Месопотаміи, занимавшихъ узкія рѣчныя долины съ чрезвычайно плотнымъ населеніемъ, связаннымъ естественными путями сообщенія, обмѣнъ съ сосѣдними странами уже очень рано пріобрѣтаетъ огромное зна-

ченіе: храмы этихъ странъ (какъ и храмъ въ Іерусалимѣ) развиваютъ широкую торговлю поступающими къ нимъ продуктами; жреческія корпораціи при храмахъ Мемфиса, Ниневіи, Вавилона, Іерусалима уже въ древнѣйшій періодъ обнаруживаютъ тенденцію къ превращенію въ тѣ мощныя торговыя и финансовыя компаніи, которыя впослѣдствіи торговлей и ссудами подчиняютъ себѣ не только окрестныхъ земледѣльцевъ, но и крупныхъ сеньеровъ и даже царей.

Въ средневѣковой Европѣ съ ея рѣдкимъ населеніемъ, разбросаннымъ на огромныхъ пространствахъ, обмѣну, вообще говоря, приходилось создавать искусственные пути сообщенія. Натуральному хозяйству на протяженіи многихъ столѣтій принадлежалъ рѣшительный перевѣсъ. Централизація церковныхъ доходовъ Римомъ, или хотя бы областными епископами, становились возможной лишь по мѣрѣ перехода обмѣна къ денежной формѣ. Громадная часть доходовъ состояла изъ продуктовъ земледѣльческаго производства какъ крестьянскаго, такъ и собственнаго монастырскаго или церковнаго. Они должны были или гнить, или потребляться на мѣстѣ. Иного выхода не было. Сами члены духовнаго сословія не въ силахъ были потребить тѣхъ массъ хлѣба, холста, пряжи, вина и т. д., которыя стекались къ монастырямъ. Они развиваютъ широкую благотворительность: поддерживаютъ населеніе во время голодовокъ, до чрезвычайности частыхъ при средневѣковомъ бездорожьѣ, при которомъ всякій неурожай даже въ ограниченной области неизбѣжно сопровождается голодомъ *); устраиваютъ богадѣльни для неспособныхъ къ труду, больницы и пріюты для инвалидовъ, калѣкъ (припомнимъ средневѣковыя войны) и больныхъ; во времена эпидемій, столь обычныхъ для среднихъ вѣковъ съ ихъ деревенскимъ презрѣніемъ къ гигіенѣ, но мѣстами уже съ городской скученностью, съ ихъ религіозной беззаботной покорностью „судьбѣ“, церковь оставалась единственной организаціей, которая хотя что-нибудь дѣлала для заболѣвшихъ, лѣчила ихъ, завѣдывала по меньшей мѣрѣ уборкой и погребеніемъ труповъ, брала на свое попеченіе сотни сиротъ.

Благотворительныя функціи, вынуждаемыя самымъ положеніемъ общественно-руководящей организаціи въ натурально-хозяйственномъ

*) Вотъ нѣкоторыя цифры, характеризующія размѣры монастырской благотворительности. Въ Кирилловомъ бѣлозерскомъ монастырѣ во время одного голода ежедневно кормились болѣе 600 человѣкъ; въ трапезѣ Волоцкого монастыря въ нормальные годы ежедневно кормилось по 600—700 человѣкъ, въ одинъ голодный годъ къ этому же монастырю изъ окрестныхъ селъ пришло за хлѣбомъ до 7.000 человѣкъ; многіе побросали передъ стѣнами своихъ голодныхъ дѣтей, и монастырь далъ имъ пріютъ. При оцѣнкѣ этихъ цифръ слѣдуетъ принять во вниманіе средневѣковую разрѣженность населенія.

мірѣ, обусловили ускоряющійся ростъ церковныхъ имуществъ и, слѣдовательно, дальнѣйшее усиленіе ея мощи. Земли и крестьяне передаются и завѣщаются церкви и монастырямъ не только какъ учрежденію, отъ котораго зависитъ загробная жизнь, но и какъ единственному благотворительному учрежденію феодальной эпохи, и какъ учрежденію, въ которое старѣющіе сеньеры, ихъ вдовы и дѣти, бѣгущіе отъ „міра", отправляются на покой.

Обособленіемъ хозяйства храмовъ отъ хозяйства феодальной общины заканчивается сословное обособленіе духовенства отъ мірянъ, какъ обособленіемъ самостоятельнаго хозяйства сеньеровъ завершается выдѣленіе свѣтскаго феодальнаго сословія. Завѣдываніе культомъ постепенно превращается въ такую же основную сословную привилегію духовнаго феодала, какъ военно-организаторскія функціи — въ исключительную привилегію свѣтскаго феодала.

По мѣрѣ того, какъ производственныя отношенія феодальной эпохи оттѣсняются новыми отношеніями, военно-организаторскія функціи, послужившія въ свое время основой, на которой развилась соціальная сила свѣтскихъ сеньеровъ, превращаются въ ихъ рукахъ просто въ средство удержать свое господствующее положеніе. Точно такъ же религіозныя функціи духовнаго сословія съ теченіемъ времени отрѣшаются отъ той связи съ экономической жизнью, которая обусловливала могущество духовенства въ феодальный періодъ, оттѣсняются производственно-организаторскими функціями, построенными на совершенно иныхъ началахъ, и становятся просто средствомъ внѣшне, принудительно удержать господство, утрачивающее внутреннюю опору.

Конечно, и въ собственно феодальныхъ обществахъ спеціальныя знанія духовенства представляли мистерію, профессіональную тайну. Но тамъ это было фактически неизбѣжно. Имѣя въ своей преобладающей массѣ характеръ эмпирическихъ наблюденій и сопоставленій, эти знанія лишь въ небольшой своей части допускали сведеніе въ стройную, логическую, легко усвояемую систему. Овладѣть ими могли дѣйствительно только „избранные", т.-е. лица, далеко превышающія по своимъ способностямъ средній уровень и всю свою жизнь посвящающія углубленію въ эти „мистеріи".

Въ позднѣйшій періодъ, когда феодальныя отношенія начинаютъ переходить въ чисто-эксплуататорскія отношенія, таинственность, окружающая функціи духовенства, охраняется искусственными мѣрами: мірянамъ прямо воспрещается разсуждать о религіозныхъ вопросахъ; священными книгами признаются только такія, которыя написаны на чужомъ или на старомъ языкѣ, живомъ въ эпоху возникновенія общей религіи, но превратившемся съ теченіемъ времени въ мертвый, непо-

нятный для массъ. Духовное сословіе настолько ревниво охраняетъ сферу своей дѣятельности отъ мірянъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ производитъ впечатлѣніе „касты".

Духовное сословіе, обязанное своимъ возникновеніемъ тѣмъ самымъ отношеніямъ, которыя выдвинули и свѣтскихъ сеньеровъ, объединяется съ ними въ борьбѣ за соціальныя привилегіи феодальной эпохи, противъ позднѣйшихъ формъ общественныхъ отношеній.

6. Развитіе идеологіи въ феодальномъ обществѣ.

Въ количественномъ отношеніи прогрессъ идеологической жизни за феодальный періодъ очень значителенъ. И возрастающая сложность производства, и расширеніе трудовой системы, благодаря связямъ какъ собственно феодальнымъ, такъ и мѣновымъ, — все это съ необходимостью ведетъ къ постоянному обогащенію идеологіи новыми и новыми формами какъ въ сферѣ языка и познанія, такъ и въ области нормъ.

Именно въ феодальную эпоху человѣческая рѣчь достигла той широты и гибкости, при которыхъ она способна выразить почти всякое новое содержаніе человѣческаго опыта, сложились языки столь совершеннаго типа, какъ различные арійскіе (санскритскій, греческій, латинскій, готскій, литовскій, древне-славянскій и пр.), семитическіе (еврейскій, арабскій и др.), монгольскіе и т. д. Въ ту же эпоху вырабатывались обширныя, сложныя миѳологіи разныхъ народовъ и великіе народные эпосы, какъ индійская Магабгарата, греческія поэмы Гомера, германская Эдда, финская Калевала и т. под. Мы знаемъ, что миѳологія и эпосъ были складомъ и въ то же время систематизаціей накопляющагося народнаго опыта, способомъ его передачи изъ поколѣнія въ поколѣніе, основнымъ орудіемъ воспитанія и источникомъ знаній для людей того времени. Наконецъ, въ феодальномъ періодѣ усложненіе обычаевъ привело къ образованію системъ обычнаго права, а затѣмъ къ дифференцированію собственно права и морали, возникли политическія учрежденія и государственныя системы если не въ современномъ, то въ достаточно приближающемся къ нему значеніи слова,— „нормированіе" человѣческихъ отношеній стало спеціальнымъ дѣломъ новыхъ и сложныхъ организацій.

Что касается основного характера идеологіи, самаго ея типа, то онъ по существу измѣниться не могъ, такъ какъ по существу не измѣнился типъ строенія общества, по-прежнему авторитарный; мѣновыя связи еще не играютъ преобладающай роли и не могутъ поэтому опредѣлить собою общую форму идеологіи. Но прежняя форма, авторитар-

ная, измѣняется и совершенствуется, приспособляясь къ развитію техники и экономическихъ отношеній.

Причинная связь фактовъ понимается, какъ и раньше, по аналогіи съ властью—подчиненіемъ, но грубыя формы анимизма отступаютъ, смѣняясь новыми, болѣе тонкими и гибкими. Такъ, благодаря накопленію и передачѣ практическихъ знаній, „души“ большинства обыденныхъ предметовъ окружающей среды шагъ за шагомъ атрофируются и исчезаютъ. Когда съ этими предметами научаются надежно, безъ всякихъ неожиданностей справляться на основаніи точнаго и достаточно полнаго ознакомленія съ ихъ свойствами, тогда фактически перестаютъ принимать въ разсчетъ ихъ „души“, т.-е. скрытую въ нихъ самостоятельную волю, а затѣмъ постепенно перестаютъ и мыслить ее; создается такимъ образомъ міръ „неодушевленныхъ“ вещей.

Этому способствуетъ и то обстоятельство, что человѣческое мышленіе, систематизируясь въ привычныхъ, соціально-трудовымъ строемъ „подсказанныхъ“ схемахъ, по образцу іерархіи людей безсознательно творитъ іерархію вещей. Получается воображаемый міръ полу-боговъ, боговъ и высшихъ боговъ, управляющихъ различными группами фактовъ и вещей, различными стихіями природы, наконецъ, всей природою въ цѣломъ. Все неожиданное и непонятное въ сравнительно обыденныхъ вещахъ относится тогда за счетъ воли этихъ высшихъ организаторовъ; къ нимъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обращается человѣческая мысль, къ нимъ, какъ суровымъ, но любящимъ покорность феодаламъ, направляется „молитва“, имъ приносится „жертва“, которая въ данную эпоху принимаетъ ясно выраженный видъ барщины или оброка—выполненія какой-либо работы на службѣ богамъ, или отдачи имъ части продуктовъ труда, причемъ то и другое постепенно точно нормируется, какъ всякая барщина и оброкъ. Такимъ образомъ все необычное въ обычныхъ вещахъ уже не сводится къ проявленіямъ ихъ собственныхъ „душъ“, а объясняется воздѣйствіемъ „душъ“ высшаго порядка, а самыя вещи продолжаютъ терять остатки своей „одушевленности...“ То, что мы называемъ „чудомъ“—вмѣшательство той или иной высшей воли въ ходъ вещей — здѣсь, съ одной стороны, органически входитъ въ естественный порядокъ, въ организованную систему опыта людей, съ другой стороны — объективно, какъ видимъ, помогаетъ развиться и укрѣпиться болѣе правильнымъ и точнымъ представленіямъ о большинствѣ предметовъ трудового опыта *).

*) Этотъ послѣдній выводъ можетъ, съ перваго взгляда, показаться чрезвычайно страннымъ, — такъ упрочилась въ современномъ сознаніи привычка считать идею „чуда“ за голое заблужденіе, безполезный или даже вредный для развитія плодъ познавательной слабости людей. Но съ точки зрѣнія организующей роли позна-

Въ то же время сохранившіяся „души“ людей и животныхъ измѣняютъ свои свойства; онѣ перестаютъ быть простымъ и грубымъ повтореніемъ соотвѣтственныхъ „тѣлъ“. Благодаря бо̀льшему, чѣмъ прежде, знакомству съ физическими свойствами вещей, съ одной стороны, болѣе полному и строгому ограниченію „души“ чисто организаторскими функціями—съ другой, „душамъ“ приписываются особенности самыхъ тонкихъ и неуловимыхъ физическихъ предметовъ; онѣ уподобляются воздуху, огню, облакамъ, тѣни и т. под: душа постепенно „дематеріализуется“, параллельно съ „обездушеніемъ“ обыкновенной матеріи. Дуалистическое міровоззрѣніе углубляется и завершается въ своемъ развитіи.

При этомъ создается новое, идеологически очень важное представленіе—о „безсмертіи“ душъ. Организаторская функція въ трудовомъ процессѣ исторически непрерывна. Когда умираетъ одинъ организаторъ, то не только онъ сейчасъ же смѣняется другимъ, пріобрѣтающимъ въ тотъ же моментъ его власть, его роль въ соціальной системѣ,—но и непосредственная, такъ сказать, его организаторская функція реально не прекращается. „Завѣты предковъ“, „повелѣнія предковъ“ въ видѣ жизненныхъ правилъ остаются обязательными для потомковъ и строго исполняются ими. Исполнять чье-либо повелѣніе, это, для конкретнаго мышленія тѣхъ временъ, значитъ подчиняться ему, какъ реальному существу, все равно, живъ онъ или умеръ. Поэтически-образное выраженіе этого факта въ народномъ сознаніи образуетъ идею „безсмертія души“. Что именно таково происхожденіе и смыслъ данной идеи, о томъ свидѣтельствуютъ и сейчасъ сохранившіяся у нѣкоторыхъ племенъ, стоящихъ на ступени полу-патріархальнаго, полу-феодальнаго быта, вѣрованія о переходѣ души стараго вождя, немедленно послѣ его смерти, къ новому,—весьма точное описаніе дѣйствительности, если подъ слово „душа“ подставить его соціальное содержаніе: организаторская функція. На то же указываетъ и еще шире распространенное ограниченіе „безсмертія“ душъ именно вождями или старѣйшинами родовъ.

Такъ разными путями складывались основы тѣхъ религіозныхъ міровоззрѣній феодальной эпохи, остатки которыхъ удержались еще и въ нашемъ современномъ обществѣ, опираясь на такіе же остатки

нія въ соціально-трудовой жизни людей тотъ же выводъ не только понятенъ, но и необходимъ: сохраняться и упрочиваться въ трудовомъ обществѣ могли только такія идеи, которыя были такъ или иначе полезны въ коллективной борьбѣ за жизнь. Все, что могло бы спутывать и разстраивать еще слабыя и непрочныя представленія о постоянныхъ связяхъ явленій, все это какъ-бы отвлекалось и отстранялось отъ нихъ понятіемъ „чуда“.

авторитарныхъ практическихъ отношеній между людьми. Но теперь эти религіозные пережитки существуютъ обособленно, не входятъ органически въ господствующія системы идеологіи, болѣе или менѣе рѣзко отдѣляются въ самомъ мышленіи людей отъ практическихъ и научныхъ знаній, отъ правовыхъ и политическихъ идей и т. под. Ничего подобнаго не было въ феодальномъ мірѣ. Мы даже не въ состояніи ясно представить себѣ ту величайшую цѣльность, стройность и всеобъемлющую универсальность, какія были свойственны его религіознымъ міровоззрѣніямъ въ ихъ развитомъ и законченномъ видѣ.

Любое, самое узкое и конкретное, самое практическое знаніе неразрывной цѣпью психологическихъ связей соединялось съ высшими и верховными фетишами, стоявшими въ центрѣ религіозной системы. Та хотя бы мельчайшая закономѣрность фактовъ, которая выражалась въ этомъ знаніи, была всегда лишь частнымъ проявленіемъ всеобщаго порядка, установленнаго верховною властною волей, прямо или черезъ низшихъ авторитарныхъ фетишей—это безразлично, такъ какъ они все равно должны были и могли только творить волю пославшаго ихъ И эта зависимость отнюдь не просто отвлеченно признавалась, а непосредственно чувствовалась, проникала собою каждый актъ человѣческаго мышленія; все полезное, все разумное, все радостное прямо вызывало идею о благости верховнаго фетиша, все вредное и мучительное—идею объ его гнѣвѣ, о нарушеніи его законовъ и повелѣній, или объ его желаніи испытать покорность своихъ подданныхъ. Молитва или молитвенное настроеніе сопровождали всякій крупный и почти всякій даже мелкій актъ сознательной человѣческой жизни, личной или соціально-трудовой. За всякое общее дѣло, производственнаго или военнаго характера, принимались не иначе, какъ „помолясь“, а въ болѣе серьезныхъ и опасныхъ случаяхъ — принесши надлежащія жертвы, испросивши разрѣшеніе грѣховъ и т. под. Этимъ достигалось и увѣренное, гармоничное душевное состояніе сотрудниковъ, и общее единство ихъ настроенія—условія, въ высшей степени важныя для успѣшности дѣла, для производительности труда или для энергіи натиска на враговъ.

Только ясное представленіе универсально-организующей роли религіозной идеологіи во всей трудовой жизни феодальной эпохи дѣлаетъ понятнымъ нерѣдкое тогда господство жрецовъ въ соціальной системѣ, нерѣдкое преобладаніе жречества даже надъ военными или „свѣтскими“ феодалами. Жречество было носителемъ всѣхъ обобщающихъ знаній того времени, техническихъ и соціально-организаціонныхъ; оно было наслѣдникомъ „старѣйшинъ“ и „патріарховъ“ какъ производственныхъ руководителей родового общества въ такой же мѣрѣ, какъ феодалы

свѣтскіе были наслѣдниками „вождей“—руководителей военныхъ (и большей частью, также торговыхъ).

О полнотѣ и о непрерывности этой практически-руководящей функціи жрецовъ въ тогдашней жизни можетъ дать слабое представленіе психологія современной вѣрующей католички, которая по каждому жизненному вопросу, начиная отъ супружескихъ отношеній и кончая финансовыми операціями, совѣтуется со своимъ духовникомъ и ничего не предпринимаетъ безъ его благословенія. Самая возможность развитія въ большинствѣ феодальныхъ религій такого учрежденія, какъ обязательная „исповѣдь“, т.-е. систематическій контроль духовенства надъ всѣми дѣлами и даже мыслями людей, достаточно ярко свидѣтельствуетъ о глубинѣ, широтѣ и о соціальной необходимости въ ту эпоху организаторской роли жрецовъ во всей жизненной практикѣ *).

Вся нормативная идеологія феодальнаго міра входила въ его религіозное міровоззрѣніе, съ которымъ она органически сливалась. Изъ прежней всеобщей формы—„обычая“—возникли и выдѣлились новыя. Сначала это — „обычное право“, отличающееся отъ обычая по преимуществу своей меньшей стихійностью, тѣмъ, что оно осуществляется опредѣленной властью, въ опредѣленныхъ внѣшнихъ формахъ. Затѣмъ оно, въ свою очередь, дифференцируется на „право“, неразрывно связанное съ наличностью государственной организаціи, которая установленными способами его вырабатываетъ и поддерживаетъ,—и „нравственность“,—сохранившіеся въ общественномъ сознаніи элементы обычая и обычнаго права, которые не входятъ въ „право“ оффиціальное и не поддерживаются внѣшней принудительной силой государства.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что обособленіе „права“ и „нравственности“ только начинается въ феодальномъ мірѣ, но далеко еще въ немъ не завершается. Въ религіозномъ мышленіи граница между „грѣхомъ“ и „преступленіемъ“, „добродѣтелью“ и „обязанностью“ никогда не становится рѣзкой и устойчивой; и, благодаря особенно вліянію жречества, первое очень часто переходитъ во второе,—то, что вчера вызывало лишь неорганизованное порицаніе общественнаго или сословнаго мнѣнія, сегодня становится предметомъ строгой и организованной правовой репрессіи; примѣромъ этому могутъ служить многіе законы противъ роскоши, ростовщичества, религіозныхъ ересей и т. п.

---

*) Идея „безсмертія души“ была могущественнѣйшимъ орудіемъ господства жреческаго сословія, его организаторской власти въ тогдашнемъ обществѣ. „рай“ и „адъ“, и „чистилище“ были не менѣе дѣйствительными санкціями жреческихъ правъ и практической непогрѣшимости воли духовенства, чѣмъ тюрьмы, пытки и костры для неповинующихся еретиковъ. Огромное экономически-консервативное значеніе идеи „безсмертія души“ изъ этого вполнѣ ясно.

Сословное строеніе общества, даже тогда, когда оно не достигаетъ законченно-кастовыхъ формъ, отражается въ области нормъ не только различными правами отдѣльныхъ его группъ, но также, поскольку нравственность уже получаетъ до нѣкоторой степени самостоятельное существованіе,—и различными нравственными нормами. Напр., въ католическо-феодальной Европѣ для духовнаго лица признавались важнѣйшими добродѣтелями смиреніе и кротость, для свѣтскаго феодала—щепетильная заботливость о родовой чести и сокрушительная воинственность, а для крестьянина—покорность высшимъ и терпѣливость въ бѣдствіяхъ прежде всего. И религія одинаково освящала всѣ эти добродѣтели—каждую на своемъ мѣстѣ,—какъ предписанія верховныхъ фетишей, устанавливающихъ законы жизни и общества, наказывающихъ и награждающихъ каждаго сообразно съ тѣмъ, насколько дурно или хорошо онъ выполняетъ жизненныя задачи, возлагаемыя на него его сословнымъ положеніемъ.

Здѣсь передъ нами снова съ особенной яркостью и очевидностью выступаетъ организующая роль идеологіи соціальной жизни. Сословныя добродѣтели различны потому, что различныя качества нужны отдѣльнымъ сословіямъ для выполненія и укрѣпленія ихъ спеціальныхъ функцій въ общественной системѣ. Смиреніе и кротость требуются отъ духовнаго лица потому, что они обезпечиваютъ съ одной стороны необходимую дисциплину самой жреческой организаціи, съ другой стороны—легкость сближенія и общенія духовнаго пастыря съ тѣмъ человѣческимъ стадомъ, которымъ онъ призванъ въ жизни руководить *). Фамильная гордость и физическая свирѣпость необходимы феодалу для надлежащаго поддержанія его власти и достоинства въ мирной жизни, для внушенія страха врагамъ—въ военной. А для чего нужны покорность и терпѣніе крестьянину—это понятно само собою.

Соціально-организаціонное значеніе имѣетъ и типичный именно для наиболѣе развитыхъ феодально-жреческихъ организацій обѣтъ безбрачія. Когда, напр., католическая церковь стала единственнымъ всеобъединяющимъ учрежденіемъ европейскаго феодальнаго міра, когда на нее легла гигантская тяжесть практически-организаціонныхъ задачъ, отъ самыхъ широко-политическихъ, какъ руководство охраной этого міра въ цѣломъ отъ тѣснившихъ его внѣшнихъ враговъ, до мельчайшихъ экономическихъ задачъ обыденной жизни,—тогда церковь, при-

*) Разумѣется, для духовнаго феодала, съ его большой властью и могуществомъ, „смиреніе“ было, чаще всего, внѣшней формой, да и „кротость“ обыкновенно тоже,—духовные сеньеры при случаѣ умѣли вести войны и жестоко расправлялись съ ослушниками. Но самый фактъ упорнаго сохраненія этой формы черезъ цѣлый рядъ вѣковъ ясно говоритъ объ ея соціальномъ значеніи.

способляясь къ огромнымъ требованіямъ жизни, создала институтъ безбрачія. Дѣло шло тутъ прежде всего о томъ, чтобы ряды духовенства могли непрерывно пополняться лучшими, по призванію организаторскими силами изъ всего общества; жреческія семьи были, конечно, препятствіемъ для этого, ибо при сословномъ строѣ онѣ неизбѣжно вели къ образованію наслѣдственной касты: родители стремились замѣщать себя въ своемъ служеніи своими дѣтьми, и для притока свѣжихъ элементовъ не могло быть простора. Затѣмъ, строгая централизація и дисциплина, необходимыя церкви въ ея всеобъемлющей организаторской дѣятельности, дѣлали въ высшей степени важнымъ сведеніе къ минимуму всякихъ личныхъ связей у ея безчисленныхъ агентовъ. Наконецъ, для сохраненія экономической ея силы и могущества, было необходимо избѣгать дробленія церковныхъ имуществъ, а оно было неизбѣжно при наслѣдственной ихъ передачѣ въ семьяхъ. Такъ установленіе, по внѣшности чисто-моральное, преслѣдующее самыя „идеальныя“ цѣли, въ дѣйствительности служило для удовлетворенія самыхъ практическихъ, а именно—экономическихъ потребностей.

Въ своемъ цѣломъ, феодальная идеологія по существу такъ же консервативна, какъ идеологія патріархальнаго міра, именно потому, что такъ же, какъ и та, является авторитарной. Намъ нѣтъ надобности иллюстрировать этотъ консерватизмъ историческими примѣрами: всѣмъ извѣстны враждебное отношеніе хотя бы католической церкви къ техническимъ изобрѣтеніямъ и научнымъ открытіямъ, ея стремленіе распространять въ массахъ суевѣрный ужасъ предъ всякими нововведеніями и безпощадную ненависть къ нимъ, трагическая судьба большинства великихъ изобрѣтателей и мыслителей того времени. Совершенно понятно, что главными носителями авторитарнаго консерватизма были жреческія организаціи, какъ выполнявшія въ наибольшей широтѣ и полнотѣ общественно-организаторскія функціи, а потому наиболѣе заинтересованныя въ сохраненіи установившихся формъ жизни.

Соціальный смыслъ этого консерватизма хорошо иллюстрируется весьма, по внѣшности, противорѣчивыми отношеніями католической церкви и другихъ жреческихъ организацій къ „еретикамъ“ и иновѣрцамъ. При завоеваніяхъ наиболѣе обычно насильственное обращеніе побѣжденныхъ въ вѣру побѣдителей; такъ, франки обращали въ христіанство саксовъ въ эпоху Карла Великаго, арабы въ исламъ цѣлый рядъ завоеванныхъ народовъ; но, напр., татары, подчинивши славянъ, оставили имъ полную религіозную свободу. На евреевъ въ христіанскихъ и мусульманскихъ странахъ время отъ времени воздвигались жестокія гоненія, обычно же они, какъ и мусульманскіе купцы въ европейскихъ городахъ, жили относительно спокойно. А еретиковъ, которые

неизмѣримо меньше расходились съ господствующимъ ученіемъ, чѣмъ совсѣмъ его не признававшіе иновѣрцы,—еретиковъ не терпѣли и преслѣдовали болѣе или менѣе систематично.

При ближайшемъ изслѣдованіи кажущіяся противорѣчія отпадаютъ. Завоеванныхъ иновѣрцевъ вынуждали принять свою вѣру, когда хотѣли прочно слить ихъ со своей организаціей,—единство организующей идеологіи тутъ было необходимо. Когда такой задачи не ставилось, напр., у татаръ въ эпоху монгольскаго ига, къ иновѣрцамъ обнаруживали терпимость. Евреевъ то терпѣли, то преслѣдовали, потому что они были соціально-необходимы, какъ торговцы, доставляющіе полезные товары, но ненавистны, какъ представители эксплуатирующаго и разлагающаго старыя отношенія торговаго капитала. Къ еретикамъ же, при обычныхъ условіяхъ, относились хуже, чѣмъ къ иновѣрцамъ, въ силу чисто практическаго соціальнаго консерватизма. „Ересь", т.-е. частичное измѣненіе установленной идеологіи, означала зарожденіе новыхъ жизненныхъ тенденцій въ данномъ обществѣ, начинающихъ организоваться въ новую идеологію, слѣдовательно, имѣла въ основѣ нѣкоторый подрывъ существующаго строя,—тогда какъ иная вѣра, возникшая въ другомъ обществѣ, и свято сохраняемая въ передачѣ отъ отцовъ къ дѣтямъ, не имѣла такой соціальной подкладки. Вполнѣ логически вытекалъ отсюда и тотъ обычный фактъ, что власти духовныя и свѣтскія предоставляли иновѣрцамъ также свободу преслѣдовать ихъ еретиковъ,—только не тѣхъ, разумѣется, кто измѣнялъ имъ для перехода въ господствующую вѣру.

Но если принципіальный консерватизмъ авторитарнаго мышленія въ феодальную эпоху остается въ полной силѣ, то фактически развитіе совершается все же несравненно быстрѣе, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ. Въ теченіе столѣтій переживаются столь же глубокія соціальныя преобразованія, какія тамъ требовали бы для себя тысячелѣтій. Консерватизму мышленія противостоятъ новыя условія. Съ одной стороны, благодаря въ огромныхъ размѣрахъ возросшей широтѣ и сложности соціальной системы, сумма элементовъ развитія, возникающихъ въ различныхъ ея частяхъ и въ ихъ взаимодѣйствіи, во много разъ превосходитъ прежнюю. Съ другой стороны, не только продолжаетъ усиливаться дѣйствіе прежнихъ силъ развитія, но рядомъ съ ними выступаютъ еще новыя, болѣе могущественныя силы.

7. Развитіе обмѣна въ феодальную эпоху.

Уже въ патріархально-родовой періодъ организація мѣновыхъ отношеній между сосѣдними общинами становится исключительно дѣломъ ихъ представителей, въ первую очередь военныхъ вождей. Развитіе феодальной системы сопровождалось, съ одной стороны, дальнѣйшимъ закрѣпленіемъ этихъ функцій, какъ привилегіи феодаловъ, а съ другой—ростомъ обмѣна.

Представитель родовой группы превращается въ сеньера; въ его распоряженіе поступаетъ весь прибавочный продуктъ, всѣ избытки, которые остаются у членовъ общины по удовлетвореніи ея обычныхъ потребностей и которые могутъ быть обмѣнены на чужіе продукты.

Масса прибавочнаго продукта увеличивается по мѣрѣ того, какъ производительность труда повышается, и по мѣрѣ того, какъ сеньеръ подчиняетъ себѣ новыя и новыя общины. Усиленіе борьбы заставляетъ увеличивать размѣры дружинъ и, слѣдовательно, повышать оброки и барщины. Увеличеніе дружины содѣйствуетъ расширенію области, подчиненной сеньеру, и, слѣдовательно, приводитъ къ возрастанію достающагося ему прибавочнаго продукта. Но этотъ же процессъ объединенія, разъ начавшись, разрушаетъ мѣстную обособленность, сталкиваетъ сеньера съ новыми областями, наконецъ, съ новыми странами и расширяетъ его знакомство съ предметами, которые не производятся въ его области. Потребности сеньера и его дружинниковъ начинаютъ расширяться и развиваться. Прибавочный продуктъ уже не цѣликомъ потребляется въ той формѣ, какъ его произвели крестьяне: часть его посредствомъ обмѣна превращается въ предметы роскоши, т.-е. въ предметы, которые не производятся въ данной области и должны удовлетворять новымъ, болѣе утонченнымъ потребностямъ феодаловъ.

Первые шаги феодальнаго объединенія и сами по себѣ начинаются актами обмѣна между сеньерами. Въ этомъ отношеніи исторія израильтянъ и Египта, Ассиріи и Вавилона, Греціи и Рима, средневѣковаго Запада и Россіи производитъ впечатлѣніе удивительнаго однообразія. Утомленный борьбой, вождь посылаетъ своихъ людей съ „богатыми дарами“ къ предводителю другой стороны. Если послѣдняя тоже достаточно утомилась, то пословъ „отдариваютъ“, т.-е. отпускаютъ съ отвѣтными подарками: война смѣняется миромъ, одинъ сеньеръ становится вассаломъ другого и впредь уже регулярно отправляетъ къ нему посольства съ дарами, состоящими изъ замѣчательнѣйшихъ продуктовъ своей территоріи, и въ обмѣнъ получаетъ рѣдкостныя произведенія отъ

сюзерена. Начавшись случайнымъ актомъ, обмѣнъ между ними превращается въ постоянный. — Регулярная дань тоже принимаетъ видъ подарковъ, но дареніе становится здѣсь болѣе одностороннимъ, а съ усиленіемъ централизаціи „отдариваніе“ можетъ и совсѣмъ исчезнуть. Такъ было, напр., въ отношеніяхъ Соломона къ „начальникамъ областнымъ“, назначавшимся его властью (около 1000 лѣтъ до Р. Х.).

Первое знакомство между отдаленными феодалами тоже завязывается при посредствѣ обмѣна. „И подарила она царю“ (царица Савская Соломону, къ которому она, услышавъ о его славѣ, прибыла въ Іерусалимъ) „сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовоній и драгоцѣнныхъ камней; и не бывало такихъ благовоніи, какія подарила царица Савская царю Соломону... Царь же Соломонъ далъ царицѣ Савской все, чего она желала и чего она просила, кромѣ такихъ вещей, какія она привезла царю“ (Вторая книга Паралипоменонъ, IX, 9, 12).—Одиссей отплылъ на корабляхъ, нагруженныхъ дарами царя феаковъ, и, конечно, возвратившись на родину и расправившись съ феодалами, нарушившими вассальную вѣрность и домогающимися руки Пенелопы, отвѣтитъ подарками, что послужитъ началомъ постоянныхъ сношеній. — Багдадскій халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ прислалъ Карлу Великому посольство съ произведеніями Востока и получилъ въ отвѣтъ богатые подарки изъ произведеній Европы: фризскихъ суконъ и проч.

Въ зависимости отъ особаго характера отношеній, складывающихся между обществами феодальной эпохи, и отъ дальнѣйшаго внутренняго развитія этихъ обществъ, дареніе является особой внѣшней формой или единовременной контрибуціи, или болѣе или менѣе урегулированной дани, или, наконецъ, развивающагося обмѣна. Насколько растяжимы рамки даренія, показываютъ примѣры отношеній между Соломономъ и Хирамомъ, царемъ тирскимъ (финикійскія владѣнія), между московскими князьями и Византіей, между Англіей и Москвой, между европейскими странами и Китаемъ, Тибетомъ, Хивой и Бухарой. Обмѣнъ, по существу далеко переростающій случайные акты даренія, отъ самаго своего возникновенія и до развитыхъ ступеней, когда онъ превращается въ обширную караванную торговлю, сохраняетъ форму обмѣна подарковъ между феодальными сюзеренами. Когда выдѣляется профессіональная группа торговцевъ, ихъ торговыя путешествія принимаютъ видъ посольствъ или пріурочиваются къ посольствамъ. Въ чужой странѣ они становятся „гостями“ сюзерена и начинаютъ свои операціи подарками сеньеру, если только вся ихъ миссія не исчерпы-

вается врученіемъ подарковъ ему и полученіемъ отъ него соотвѣтствующихъ подарковъ *).

Храмы античнаго міра, а въ особенности храмы на древнемъ Востокѣ, сыграли въ развитіи обмѣна не меньшую роль, чѣмъ свѣтскіе феодалы. Прибавочный продуктъ, сосредоточивающійся при храмахъ, давалъ матеріалъ для обмѣна. Центральное положеніе, которое занимаютъ храмы въ феодальныхъ объединеніяхъ, приводитъ къ тому, что здѣсь скорѣе всего получается знакомство съ новыми предметами, которые могутъ удовлетворять новымъ потребностямъ. А такъ какъ растущія потребности духовныхъ сеньеровъ съ самаго начала принимаютъ идеологическую форму требованій культа, т.-е. неразрывно переплетаются съ требованіями божества, то это до чрезвычайности облегчаетъ удовлетвореніе этихъ потребностей, дѣлаетъ заботы о немъ заботами всего союза и всѣхъ его составныхъ элементовъ.

Понятно поэтому, что ранняя торговля Востока производитъ такое впечатлѣніе, какъ-будто она удовлетворяла только двоякаго рода потребностямъ: потребности царей, т.-е. феодальныхъ сюзереновъ, и потребности храмовъ. Многочисленные караваны, которые приходятъ къ Соломону отъ финикійцевъ (царя Хирама) и изъ Аравіи, доставляютъ смолы, куренія и благовонія, золото, серебро и мѣдь для утвари и украшеній дворца и храма, кедръ, кипарисъ и другіе строительные матеріалы, и искусныхъ рабовъ, которые могли бы изъ этихъ матеріаловъ построить дворецъ и храмъ и снабдить ихъ всѣми необходимыми принадлежностями. Весь прибавочный продуктъ, который Соломонъ посылаетъ Хираму въ обмѣнъ — огромныя для того времени количества пшеницы, ячменя, вина и оливковаго масла, — цѣликомъ идетъ на пріобрѣтеніе

*) Съ крушеніемъ феодальной системы и переходомъ къ централизованному бюрократическому управленію, подарки—обычный символъ мирныхъ отношеній вообще и вассальной зависимости въ частности — превращаются въ средство подкупа. Уже во II вѣкѣ до Р. Х. нумидійскій царь Югурта съ варварской проницательностью уловилъ, чѣмъ сдѣлался Римъ („нѣтъ такой высокой стѣны, черезъ которую не перелѣзъ бы оселъ, нагруженный золотомъ“).—Взятки, которыя въ ранній періодъ полицейскаго государства являются одной изъ наиболѣе устойчивыхъ нормъ обычнаго права, лишній разъ напоминаютъ о преемственной связи этого государства съ феодальнымъ помѣстьемъ. По мѣрѣ того, какъ наслѣдственный сеньеръ смѣняется намѣстникомъ, а его управляющіе, приказчики и т. д. развиваются въ министровъ, дьяковъ, приказныхъ, вообще въ чиновниковъ,—тотъ подарокъ, съ которымъ вассальный крестьянинъ являлся въ усадьбу за разрѣшеніемъ своего дѣла, развивается въ „правомѣрную“ взятку, безъ которой чиновникъ не дѣлаетъ ничего, но за которую все можетъ сдѣлать, какъ фетишъ за надлежащую жертву. Это — тоже своеобразный обмѣнъ, при которомъ въ товаръ превращается, съ одной стороны, продуктъ, а съ другой—„услуга“ чиновника По своей внѣшности, онъ до конца сохраняетъ патріархально-феодальную форму „обмѣна подарками“.

предметовъ, необходимыхъ при постройкѣ храма и царскаго дома и ни на что больше (Третья книга царствъ, V, 9, 11).

То же наблюдается и въ Египтѣ. Царямъ тамъ долгое время принадлежала фактическая торговая монополія, какъ она принадлежала въ свое время царямъ Іудеи и какъ еще теперь принадлежитъ „царямъ", т.-е. военнымъ предводителямъ варварскихъ племенъ Камеруна. Но храмы Египта уже болѣе 3.000 лѣтъ до Р. Х. развиваютъ собственную торговлю. И характерно, что, когда Рамзесъ II (XIV—XIII в. до Р. Х.) задумалъ сломить непріязнь египтянъ къ морской торговлѣ, онъ началъ съ того, что пожертвовалъ роскошное судно храму въ Ѳивахъ. Это было несомнѣннымъ признаніемъ выдающейся роли храма, какъ центра обмѣна.

Главными предметами посреднической торговли финикіянъ, кромѣ бронзоваго оружія, были опять-таки металлическіе, стеклянные и глиняные сосуды и украшенія, куренія и благовонія, смолы и вина, виссонъ (льняныя ткани изъ Египта) и пурпуръ, — словомъ, предметы, потребителями которыхъ были храмы и крупнѣйшіе феодалы, въ первую очередь—цари.

Но значеніе храмовъ въ развитіи обмѣна не исчерпывается ихъ собственными торговыми операціями: подъ ихъ покровительствомъ обмѣнъ какъ бы демократизуется, отъ феодальныхъ верхушекъ спускается внизъ. Вслѣдствіе общихъ условій первоначальнаго грабежа-обмѣна, онъ былъ доступенъ только крупнѣйшимъ сеньерамъ, которые, опираясь на сильныя дружины, могли предпринимать походы въ сосѣднія страны. Мелкіе сеньеры, поскольку они выступали самостоятельно, оказывались чаще объектами односторонняго грабежа, чѣмъ дѣятелями двусторонняго обмѣна.

Но тотъ самый обмѣнъ между крупными сеньерами, который создавалъ нейтральныя территоріи между ихъ владѣніями, приводилъ къ тому, что на этихъ территоріяхъ враждебныя дѣйствія вообще прекращались, и что, попадая на нихъ, мелкій сеньеръ и даже зависимый крестьянинъ становились подъ мощную защиту жреческой корпораціи. Религіозныя празднества, какъ указано выше, совпадали съ важнѣйшими моментами сельскохозяйственнаго цикла. Населеніе, собирающееся на нихъ, реализовало результаты истекшаго періода этого цикла и запасалось на слѣдующій періодъ. Празднества съ самаго начала были въ то же время и днями ярмарокъ. По мѣрѣ того, какъ значеніе обмѣна растетъ, — крѣпнетъ и ширится экономическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозное значеніе празднествъ. Въ концѣ-концовъ они превращаются въ такія крупныя національныя событія, какъ пасха въ Іудеѣ, какъ олимпійскія, дельфійскія и другія празднества въ Греціи.

А храмы Востока постепенно становятся не только центрами торговли, но и торговыми помѣщеніями,—припомнимъ изгнаніе торгующихъ изъ іерусалимскаго храма. „Священныя дороги“, по которымъ движутся пилигримы, являются въ то же время и торговыми путями, по которымъ идутъ караваны.

То же было и въ средневѣковый періодъ. Мекка съ ея Каабой задолго до Магомета была уже важнѣйшимъ религіознымъ и торговымъ центромъ Аравіи. Ежегодный праздникъ весны привлекалъ и толпы пилигримовъ, и безконечные торговые караваны. На 4 мѣсяца устанавливался „божій міръ“, и купцы передвигались, не опасаясь разбоевъ.

Въ ранній періодъ феодализма на Западѣ широкія мѣновыя операціи тоже пріурочивались къ церковнымъ празднествамъ. Объ этомъ до сихъ поръ напоминаетъ слово „месса“ (Messe), которое одновременно означаетъ и богослуженіе, и ярмарку. Торговое развитіе Базеля, Страсбурга, Нюрнберга, Винчестера, Утрехта и т. д. неразрывно связано съ развитіемъ празднествъ, устраивавшихся въ честь мѣстныхъ святыхъ. Если простая близость къ храму недостаточно гарантировала безопасность обмѣнивающихся, то и товарные склады, и торговыя операціи переносились въ самый храмъ. Особенное значеніе церковное покровительство пріобрѣтало для тѣхъ чужеземцевъ, инородцевъ и иновѣрцевъ, которые или вообще были вкраплены въ чуждое имъ общество, какъ евреи, или являлись на чужбину безъ всякой военной защиты, какъ ганзейскіе купцы изъ Германіи въ Новгородъ. Въ средневѣковомъ Магдебургѣ торгъ между евреями и христіанами производился въ самой церкви въ то время, какъ на хорахъ шло богослуженіе. Въ Мецѣ и Вестминстерѣ, Руанѣ и Новгородѣ, Брюгге и Бергенѣ товары пріѣзжихъ сохранялись въ церквахъ *).

*) Въ позднѣйшее время, по мѣрѣ того, какъ непосредственный обмѣнъ все болѣе уступаетъ мѣсто собственно торговлѣ, церкви еще долго остаются мѣстами, гдѣ въ тайникахъ припрятываются отъ надвигающейся опасности драгоцѣнности, въ первую очередь—деньги Но зато при нашествіи иновѣрцевъ церкви (и монастыри), какъ крупные склады и хранилища, подвергаются ограбленію въ первую очередь. Такъ какъ искусство феодальной эпохи было неразрывно связано съ храмами (а позже, кромѣ того, съ домами крупнѣйшихъ сеньеровъ) и такъ какъ потайныя пустоты въ статуяхъ и пьедесталахъ, въ стѣнахъ и подъ картинами служили хранилищами сокровищъ, то мы получаемъ достаточное объясненіе „вандализма“ не только вандаловъ, но и всѣхъ феодальныхъ и даже позднѣйшихъ завоевателей.—Съ разложеніемъ феодальной системы единовѣрцы, въ свою очередь, дерзаютъ слѣдовать такому примѣру. Все это закрѣпляетъ средневѣковое представленіе о внутренней связи всякой войны съ „защитой истинной вѣры и храмовъ“ (обыкновенно—„и могилъ предковъ“, что будетъ понятно, если мы вспомнимъ богатыя усыпальницы феодальныхъ сеньеровъ у египтянъ и германцевъ, у скифовъ, грековъ и славянъ)

Въ Россіи еще и теперь сохранились ясные слѣды этой средневѣковой связи церкви съ обмѣномъ, праздниковъ съ ярмарками. Тѣ ярмарки, сельскія и городскія, на которыхъ земледѣльческая Россія сбываетъ хлѣбъ и скотъ, шерсть и птицу, перо, пухъ и продукты подсобныхъ земледѣльческихъ промысловъ, деревенскихъ кустарей и ремесленниковъ, издревле и до настоящаго времени пріурочиваются къ мѣстнымъ праздникамъ; послѣдніе же тѣмъ способомъ, какъ указано выше, совпадаютъ съ моментами, когда у земледѣльца является возможность и необходимость продажи съ одной стороны, купли—съ другой.

По мѣрѣ того, какъ обмѣнъ становится необходимымъ условіемъ обычнаго образа жизни сеньеровъ и создаетъ нѣкоторыя нормы обычнаго права, отграничивающія его отъ войны, свѣтскіе сеньеры берутъ на себя охраненіе этихъ нормъ. Гарантируя своей вооруженной силой безопасность пришельцевъ и мирный судебный разборъ столкновеній между ними и туземцами, они содѣйствуютъ тому, чтобы рынки устраивались въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, по близости отъ ихъ резиденцій. Такимъ образомъ сами феодалы, въ особенности крупные, покровительствуютъ зарождающейся торговлѣ, которая уже при самомъ своемъ возникновеніи является отрицаніемъ натурально-хозяйственныхъ отношеній феодализма, а впослѣдствіи, достигнувъ извѣстной ступени развитія, ведетъ къ разрушенію феодальнаго общества.

Общая организація обмѣна постепенно претерпѣваетъ существенныя измѣненія. Раньше торговое путешествіе по своей организаціи совпадало съ военнымъ походомъ. Теперь торговые караваны нуждаются въ сравнительно небольшой охранной стражѣ. Торговое посольство Гарунъ-аль-Рашида въ его владѣніяхъ охраняется авторитетомъ его имени, а перейдя въ Европу, поступаетъ подъ покровительство Карла Великаго. Караваны, отправляемыя храмами, охраняются отъ посягательствъ своимъ божествомъ.

Моральный авторитетъ свѣтскихъ и духовныхъ сюзереновъ вытекаетъ изъ ихъ физической силы, которая примѣняется каждый разъ, когда миръ нарушается грабежомъ. Сеньеры, захватываемые мѣновыми отношеніями, начинаютъ борьбу съ грабежами. Въ Египтѣ и Месопотаміи безопасность торговыхъ путей устанавливается уже за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х.; она нарушается въ первой странѣ только племенами, кочующими въ пустыняхъ, а во второй—горцами, до которыхъ не можетъ добраться организованная сила равнинъ. Въ Греціи безопасность внутренняго обмѣна устанавливается съ VI вѣка, и тогда же начинается борьба съ пиратствомъ, которое еще незадолго считалось правомѣрнымъ источникомъ добычи, а теперь постепенно превратилось въ разбой.

Однако обмѣнъ лишь съ величайшей медленностью порываетъ свою историческую связь съ грабежомъ.

Во-первыхъ, даже на сушѣ сеньеры, если только имѣется надежда на безнаказанность, не отказываются отъ ограбленія каравановъ. Чѣмъ далѣе отъ главныхъ торговыхъ путей лежитъ страна, тѣмъ медленнѣе развивается въ ней внутренняя безопасность. Въ Германіи на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ обозы и караваны могли двигаться только подъ сильной военной охраной. — Безопасность обезпечивалась вообще только для внутренней торговли. Но феодальное общество съ его провинціальной обособленностью характеризуется полной неопредѣленностью понятій „внѣшній“ и „внутренній“: пространство современной Ярославской губерніи, напр., въ феодальную эпоху было покрыто десятками удѣловъ, сеньеры которыхъ вели себя, какъ самостоятельные государи.—Морская торговля вплоть до капиталистической эпохи переплетается съ грабежомъ. Пиратствомъ признается нападеніе на суда только тѣхъ областей, которыя связаны феодальнымъ союзомъ. Съ Поликратомъ, сюзереномъ Самоса, въ VI вѣкѣ до Р. Х. наводившимъ своими разбоями ужасъ на все Эгейское море, боролись, но этрусскіе и финикійскіе корабли захватывались каждый разъ, какъ только представлялась возможность, и законы Солона содержатъ признаніе ассоціацій пиратовъ (ἐπὶ λείαν), какъ вполнѣ позволительной профессіи. Даже въ эпоху Юлія Цезаря Средиземное море кишѣло пиратами; это не были разбойники въ современномъ значеніи слова,—чаще это были сеньеры со своими дружинами, вѣрные хранители въ Римской имперіи уже тогда отжившихъ обычаевъ и отношеній феодальной эпохи. У береговъ современнаго Китая только европейцамъ удается сократить пиратскій промыслъ, развившійся въ тѣсной связи съ собственной рѣчной и прибрежной торговлей китайцевъ.—О торговлѣ итальянскихъ республикъ, какъ Генуя, Пиза, Венеція, нечего и говорить: обмѣнъ явственно отграничился здѣсь отъ войны только въ капиталистическую эпоху. Колоніальная же торговля—съ отсталыми полуварварскими племенами—до сихъ поръ лишь неуловимой гранью отдѣляется отъ разбоя. — Въ Англіи еще въ XIV вѣкѣ одинъ морякъ, ограбившій англійскій же корабль, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ избранъ мэромъ (головой) въ своемъ родномъ городѣ.

Во-вторыхъ, имѣя возможность и, по воззрѣніямъ феодальной эпохи, полное право ограбить караванъ или обозъ, сеньеры заставляютъ ихъ откупаться отъ грабежа. Сеньеръ требуетъ части товаровъ за то, что даруетъ пришельцамъ жизнь, свободу и остальные товары. Привилегіи, которыхъ иноземцы добиваются отъ сеньеровъ чужихъ странъ, сводятся главнымъ образомъ къ этимъ тремъ благамъ. Грабежъ ме-

дленно эволюціонируетъ въ урегулированные поборы, военная добыча сеньера смѣняется торговой пошлиной, зачаточной формой позднѣйшихъ таможенныхъ пошлинъ. Размѣръ торговыхъ пошлинъ сначала цѣликомъ зависитъ отъ произвола сеньера, — не даромъ онѣ представляютъ выкупъ за его „право на разбой“. Взиманіе части товаровъ при случаѣ смѣняется полнымъ ограбленіемъ. Названіе пошлинъ еще долго напоминаетъ объ ихъ происхожденіи: это — „провозныя пошлины“, „пошлины за охрану въ пути“, „пошлины за охрану на рынкѣ“. Взимаются онѣ одинаково съ ввозимыхъ и привозимыхъ товаровъ. Лишь съ большой медленностью онѣ развиваются въ сборы за сооруженія и приспособленія, необходимыя для торговли: дороги, мосты, гавани, крытые рынки и т. д. Тогда онѣ постепенно пріобрѣтаютъ финансовое значеніе. Но это относится къ позднѣйшему времени. Въ собственно же феодальную эпоху ими просто оплачивается отказъ сеньера отъ грабежа и его защита отъ ограбленія другими сеньерами.

Но какъ бы медленно ни приспособлялъ обмѣнъ феодальное общество къ своимъ потребностямъ, какъ бы велико ни было родство новыхъ торговыхъ обычаевъ съ отношеніями односторонняго завладѣнія, всѣ эти измѣненія, накопляясь въ постоянной борьбѣ, вели къ одному результату. сеньеръ, главный и единственный носитель обмѣна въ ранній періодъ феодализма, постепенно становится излишнимъ, какъ непосредственный дѣятель обмѣна. Торговые караваны идутъ безъ него. Если сюзеренъ успѣлъ достаточно подчинить себѣ область, то и охранной стражи не надо. Поскольку его власть уже распространяется на сосѣднія области, защитой его купцовъ и тамъ служитъ его грозное имя. Сеньеру достаточно только время отъ времени предпринимать карательныя экспедиціи и наказывать тѣхъ, кто нарушаетъ складывающіеся обычаи и нападаетъ на его караваны. Первыми предвѣстниками начинающагося феодальнаго объединенія были военно-мѣновые походы; въ развитомъ феодальномъ обществѣ объединеніе расширяется и углубляется уже походами, которые должны обезпечить прочную и длительную безопасность мирнымъ купцамъ. Этимъ различіемъ мотивовъ, которыми руководствуется сюзеренъ-собиратель, лучше всего обрисовывается глубокое измѣненіе въ общихъ условіяхъ обмѣна.

Такимъ образомъ собственно мѣновыя функціи отпадаютъ отъ сеньера; это постепенное отдѣленіе мѣновыхъ функцій отъ военно-организаторскихъ является въ то же время процессомъ созданія новой профессіональной группы-сословія: торговцевъ (купцовъ).

Послѣдовательныя ступени этого процесса до настоящаго времени недостаточно изучены; экономисты, которые даже для первобытнаго человѣка конструировали развитую торговлю, долгое время не видали

здѣсь никакой проблемы. Однако имѣющійся матеріалъ позволяетъ съ нѣкоторой увѣренностью установить главные этапы развитія.

Новая профессіональная группа, какъ и всѣ позднѣйшія сословія средневѣковаго общества, зародилась въ господской усадьбѣ, въ томъ самомъ ойкосѣ, въ центрѣ котораго стоялъ феодалъ. По мѣрѣ того, какъ устанавливается нѣкоторая безопасность сношеній, сбытъ излишка продуктовъ, накопляющихся при усадьбѣ, и пріобрѣтеніе продуктовъ изъ чужихъ областей переходитъ отъ сюзерена къ мейерамъ, управляющимъ, приказчикамъ,—вообще къ тѣмъ служащимъ сюзерена, къ „министеріаламъ“, которые завѣдуютъ и всѣмъ господскимъ хозяйствомъ. Часть изъ нихъ спеціализируется на мѣновыхъ операціяхъ, превращается въ тѣхъ купцовъ сюзерена, съ которыми мы встрѣчаемся въ эпоху расцвѣта феодализма у израильтянъ: „коней же царю Соломону приводили изъ Египта и изъ Кувы; царскіе купцы покупали ихъ изъ Кувы за деньги“ (Третья книга царствъ, X, 28). Министеріалы за свои заслуги получали отъ своихъ господъ лены, сами старались, чего бы это ни стоило, превратиться въ сеньеровъ, но и послѣ того не всегда порывали свои связи съ обмѣномъ. Ихъ потомки въ торговыхъ городахъ Германіи—Аусбургѣ, Ульмѣ, Бреславѣ и т. д.—уже въ XII—XIII в. в. составляютъ замѣтный элементъ той городской торговой аристократіи, того патриціата, который сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ крупныя торговыя операціи, откупалъ, между прочимъ, завѣдываніе чеканкой монеты и сборомъ всевозможныхъ налоговъ.

Рыночныя операціи министеріаловъ феодальной эпохи неразрывно связаны съ хозяйствомъ господской усадьбы. Они должны просто реализовать тотъ избытокъ ренты, который превышаетъ потребности феодала: замѣнить его первоначальную натуральную форму другой натуральной формой, напр., на пшеницу вымѣнять слоновую кость. И операціи эти остаются операціями сюзерена: министеріалъ выполняетъ ихъ для своего господина. Словомъ, этотъ купецъ феодальной эпохи не обособился отъ хозяйства усадьбы: онъ во всемъ исполняетъ волю своего господина. Его обмѣнъ остается дѣятельностью феодала, делегированной особому служащему и продолженной за предѣлы усадьбы.

Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вслѣдствіе выгоднаго положенія постепенно развиваются въ рынки, сеньеры неизбѣжно втягиваются въ мѣновую дѣятельность. Сравнительно мелкіе окрестные сеньеры, которые не могутъ держать достаточнаго штата служащихъ, время отъ времени сами сбываютъ излишки продуктовъ и получаютъ привозные предметы роскоши. Тѣ рынки, которые шагъ за шагомъ превращаются въ центры широкой торговли, привлекаютъ феодаловъ разнообразіемъ и сравнительной роскошью жизни, возможностью добиться вліятельнаго

положенія, а потомъ и кипучей политической борьбой, которая концентрируется въ городахъ. Этотъ процессъ мы характеризовали въ предыдущей главѣ, какъ „синойкизмъ“, какъ образованіе „общихъ селеній“ феодальными элементами.

Феодалъ, переселившійся въ городъ, рано вырабатываетъ презрительное отношеніе къ тѣмъ торговцамъ, которые занимаются мелкой торговлей, какъ постоянной профессіей. Но его презрѣніе не распространяется на мѣновыя операціи въ крупномъ масштабѣ и на случайныя, эпизодическія сдѣлки, которыя приносятъ крупныя выгоды.

Участіе феодаловъ въ крупной торговлѣ можно прослѣдить на древнемъ Востокѣ той эпохѣ, отъ которой до насъ дошли древнѣйшіе историческіе документы, несомнѣнно, предшествовало многовѣковое „городское“ развитіе, т.-е. переселеніе феодаловъ изъ усадьбъ въ общія укрѣпленія, создавшіяся около главныхъ центровъ обмѣна. Выдающіяся торговыя фамиліи Финикіи были потомками древней аристократіи, сеньеровъ феодальной эпохи.

То же повторяется и въ средневѣковой Европѣ. Въ Кельнѣ, Ульмѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Лиллѣ, Брюгге, Гентѣ, Бристолѣ, Норфолькѣ, Плимутѣ, Венеціи, Генуѣ, Флоренціи, Кіевѣ, Новгородѣ, вообще во всѣхъ городахъ, которые уже въ феодальную эпоху становятся крупными торговыми центрами, наблюдаются тѣ же процессы. Первоначальная исторія древнѣйшихъ городовъ есть исторія сосредоточенія въ нихъ феодальныхъ сеньеровъ, а съ ними и ренты, извлекаемой изъ зависимаго населенія. Они — не профессіональные торговцы, главная основа ихъ существованія — феодальное производство деревни. Но ихъ торговыя операціи такъ же относятся къ операціямъ профессіональныхъ торговцевъ, какъ операціи современнаго помѣщика, — который тоже глубоко презираетъ торговлю, но устраиваетъ для себя блестящія поставки хлѣба въ интендантство и спирта въ государственную монополію, — относятся къ операціямъ мелкаго деревенскаго лавочника или ростовщика.

Но въ собственно феодальный періодъ дифференціація городскихъ и сельскихъ сеньеровъ едва намѣчалась. Базисомъ торговли городского сеньера оставалась его внѣ-городская усадьба; товары, которые онъ продавалъ, извлекались, какъ прибавочный трудъ, изъ крестьянъ; люди, которые шли съ караванами и судами, вербовались изъ зависимаго населенія въ сеньеріи. И тѣ барыши, которые сеньеръ извлекалъ изъ торговли, шли опять-таки на расширеніе его феодальнаго хозяйства. Средневѣковый министеріалъ старается пріобрѣсти ленъ, городской сеньеръ — увеличить уже существующій. Словомъ, пока феодальное производство оставалось живучимъ, все изъ него исходило,—но и все

возвращалось къ нему. Исходила торговля изъ усадьбы, изъ ренты,— и возвращалась опять къ рентѣ, къ усадьбѣ. Только дальнѣйшее развитіе мѣновыхъ отношеній, создавая въ городахъ новое производство и новые источники общественной силы, могло довести до конца обособленіе городскихъ сословій отъ деревенскихъ.

Итакъ, феодальная усадьба дала одну часть будущаго торговаго сословія: министеріаловъ и сеньеровъ, — случайныхъ, эпизодическихъ крупныхъ купцовъ. Другой элементъ этого сословія дала феодальная деревня. Это тѣ мелкіе торговцы, которыми буквально кишатъ ярмарки и торговые города къ исходу феодальной эпохи, но которые были достаточно многочисленны и въ ея ранній періодъ.

По мѣрѣ того, какъ опредѣленный пунктъ превращался въ рынокъ, окрестное населеніе получало возможность сбыта своихъ продуктовъ. Хотя караваны обычно запасались собственнымъ продовольствіемъ, однако его часто хватало только на время пути.—Но несравненно важнѣе, что на рынокъ выходятъ тѣ эмбріональные ремесленники, которые появляются и въ деревнѣ, и въ особенности при усадьбѣ. Даже въ современной Россіи кузнецы-полукрестьяне многихъ деревень работаютъ только въ дни базаровъ и особенно въ дни ярмарокъ. Въ остальное время они „крестьянствуютъ“.

Въ ранній феодальный періодъ рынки нерѣдко возникали около мѣстонахожденій рѣдкихъ предметовъ, которые перевозятся безъ труда и пользуются большимъ спросомъ: благовонныхъ смолъ для бальзамированія и куренія, золота, самоцвѣтныхъ камней, янтаря и т. д. Здѣсь же развивалась и переработка этихъ предметовъ въ бусы, запястья, амулеты и талисманы, косметическія и волшебныя мази, притиранія и настойки. Удовлетворивъ требованія своего сеньера, зависимые крестьяне могли сбывать остальное на рынкѣ, уплачивая своему господину надлежащій оброкъ. Такимъ образомъ уже въ древнѣйшія времена нѣкоторые пункты развились въ центры янтарнаго производства, другіе— производства бронзоваго оружія и утвари, третьи—стеклянныхъ сосудовъ и украшеній, и въ древнѣйшія же времена храмы становятся центрами примитивныхъ „аптекарскихъ“ лабораторій и обширнаго производства идоловъ, капищъ, амулетовъ, священныхъ изображеній и т. д.

По мѣрѣ того, какъ устанавливается нѣкоторая безопасность на торговыхъ путяхъ, область сбыта для этихъ ремесленниковъ все болѣе расширяется. Они уже не ограничиваются торговлей на періодическихъ ярмаркахъ своей территоріи и предпринимаютъ путешествія въ отдаленныя области. Постепенно намѣчается обособленіе группы лицъ, которыя занимаются земледѣліемъ, но значительную часть своего времени затрачиваютъ на производство различныхъ предметовъ роскоши и орга-

низацію отдаленнаго сбыта; изъ этой же группы, въ свою очередь, выдѣляются лица, для которыхъ посѣщеніе отдаленныхъ ярмарокъ шагъ за шагомъ превращается въ единственное внѣ-земледѣльческое занятіе.

Такимъ образомъ эволюція мелкой торговли въ феодальный періодъ въ общихъ чертахъ такова: 1) крестьянинъ; 2) полукрестьянинъ-полуремесленникъ, самъ сбывающій свой продуктъ на сосѣднемъ рынкѣ; 3) ремесленникъ и торговецъ въ одномъ лицѣ, не порывающій связи съ обработкой земли; 4) мелкій торговецъ, который по порученію деревенскихъ ремесленниковъ посѣщаетъ отдаленные рынки, но занимается и земледѣліемъ.

Даже на высшихъ ступеняхъ своего развитія феодальный мелкій торговецъ несетъ явную печать своего происхожденія изъ феодальной деревни, своей тѣсной связи съ крестьянскимъ міромъ. Передвигается онъ по торговымъ путямъ коллективно, составляя артели, внутреннія отношенія которыхъ воспроизводятъ то крестьянскую общину, то большую семью. Избираемый всѣми и подконтрольный всѣмъ старшина завѣдуетъ всѣми дѣлами артели. На чужбинѣ земляки держатся вмѣстѣ и поселяются сообща: въ одномъ кварталѣ, на одной улицѣ и, по возможности, даже на одномъ постояломъ дворѣ, принадлежащемъ земляку же хозяину. Въ средневѣковый періодъ такія названія, какъ Рогожская (отъ ямского села Рогожа—теперешній Богородскъ) или Тверская улицы, какъ Вятское или Серпуховское „подворья“ въ Москвѣ, означали несравненно больше, чѣмъ въ настоящее время: они означали пункты, въ которыхъ селились пріѣзжіе изъ вятской, тверской, серпуховской областей. Всѣ потребности артели удовлетворялись изъ общей кассы, и въ нее же поступала вся выручка отъ продажи, распредѣлявшаяся потомъ старшиной. Цѣли этихъ мелкихъ торговцевъ оставались тоже чисто крестьянскія: торговля должна была—и могла—дать имъ только необходимое пропитаніе. Если же за прокормленіемъ, уплатой оброка, дорожными издержками оставались какіе-нибудь избытки, они шли не столько на увеличеніе масштаба торговли, сколько на упроченіе крестьянскаго хозяйства торговца: совершенно такъ же, какъ въ областяхъ современной Россіи, удаленныхъ отъ путей сообщенія, мелкіе торговцы затрачиваютъ барыши въ первую очередь на расширеніе своего земледѣльческаго базиса,—на улучшеніе инвентаря, увеличеніе числа душевыхъ надѣловъ, аренду земли. Мелкій торговецъ феодальной эпохи, вышедшій изъ феодальной деревни, неизмѣнно возвращается къ ней. Пока феодальное производство остается господствующимъ, торговая дѣятельность не столько качественно, профессіонально обособляетъ торговца отъ земледѣльцевъ, сколько количественно отслаиваетъ его отъ рядовыхъ крестьянъ, какъ зажиточнаго крестьянина.

Но, хотя обмѣнъ становился болѣе обычнымъ и даже заурядным явленіемъ, хотя мѣновая дѣятельность спускалась отъ феодальныхъ верхушекъ внизъ, по своимъ общимъ задачамъ торговля до конца феодальной эпохи оставалась такой же, какъ въ началѣ. Это—торговля преимущественно предметами роскоши (и отчасти оружіемъ), обслуживающая потребности сеньеровъ. И то раздѣленіе труда, которое въ процессѣ развивающагося обмѣна намѣчается между странами древняго міра, окружающими Средиземное море, есть раздѣленіе труда, производящаго предметы роскоши. Такъ, Египетъ уже за 3000 лѣтъ до Р. Х. выступаетъ на тогдашнемъ „міровомъ рынкѣ“ съ виссономъ и другими одеждами изъ льна, которыя цѣнились такъ же, какъ парча въ позднѣйшее время, и, подобно парчѣ, составляли необходимую принадлежность торжественнаго облаченія жрецовъ и сеньеровъ. Тысячи за двѣ лѣтъ до Р. Х. не меньшее значеніе пріобрѣтаетъ производство изъ стекла различныхъ издѣлій: сосудовъ, бусъ, имитацій драгоцѣнныхъ камней.—Около того же времени выдвигается Месопотамія, изъ которой вывозятся ковры, занавѣсы, одежды фантастическаго рисунка и поразительнаго для древнихъ блеска и разнообразія. Черезъ Месопотамію же „міровой рынокъ“ вокругъ Средиземнаго моря связывается съ Индостаномъ, откуда доставляются драгоцѣнные камни. Тысячи за $1^1/_2$ лѣтъ до Р. Х. выдвигается Финикія со своимъ производствомъ пурпуровой одежды, различныхъ издѣлій изъ стекла, дорогой утвари и оружія изъ мѣди и бронзы.—Аравія и отчасти Месопотамія снабжаютъ весь тогдашній культурный міръ душистыми смолами, лѣкарственными веществами и острыми приправами.—Греція съ древнѣйшихъ временъ вывозитъ боевыя колесницы и мелкія украшенія (соотвѣтствующія нашимъ „галантерейнымъ товарамъ“), кожаныя издѣлія и художественно исполненные глиняные сосуды, вино и оливковое масло.

Словомъ, въ той огромной области, которая въ позднѣйшую рабовладѣльческую эпоху была объединена Римской имперіей, торговля доставляла прежде всего предметы роскоши для удовлетворенія развивающихся потребностей феодаловъ. Предметы первой необходимости и особенно хлѣбъ ввозили главнымъ образомъ страны, которыя, занимая области, мало пригодныя для земледѣлія, превращались въ исключительно торговыхъ посредниковъ (Финикія, отчасти Греція), или же страны, которыя превращали сосѣдей въ своихъ данниковъ (тѣ же страны и особенно Римъ).—То же самое пришлось бы повторить и о средневѣковой торговлѣ. Но о ней мы будемъ говорить въ иной связи.

Тѣсная связь торговли феодальной эпохи съ потребленіемъ прибавочнаго продукта сеньерами обнаруживается и еще въ одномъ харак-

терномъ явленіи: главными торговыми центрами раньше всего становятся резиденціи свѣтскихъ и духовныхъ сеньеровъ *).

Старинные историки торговли безъ всякой критики воспроизводили изъ древнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ прямыя данныя и косвенныя указанія о длинѣ городскихъ стѣнъ, численности населенія, количествѣ прибывавшихъ и отбывавшихъ судовъ и каравановъ и приходили къ поразительнымъ результатамъ: Ниневія и Тиръ, Вавилонъ и Мемфисъ древнѣйшихъ временъ оказывались у нихъ колоссальными „фабричными“ и „торговыми“ центрами, средоточіями капиталистической промышленности и торговли. Смягченная форма такихъ представленій не чужда даже Э. Мейеру.

Въ городахъ древности центромъ всей жизни является сеньеръ, потребляющій ренту, получаемую въ видѣ оброковъ, барщинъ и даней. Въ этомъ отношеніи древнѣйшіе Вавилонъ и Ниневія, Аѳины и Римъ приближаются не къ новѣйшимъ торговымъ и промышленнымъ городамъ, а скорѣе къ средневѣковому Риму и къ Парижу XVII и XVIII вѣковъ, гдѣ феодалы всего міра прожигали свою ренту, и, пожалуй, къ современнымъ Монте-Карло и Ниццѣ, гдѣ, впрочемъ, потребленіе ренты уже стушевывается передъ потребленіемъ различныхъ формъ капиталистической прибыли. Но и такія сравненія скорѣе отдаляютъ, чѣмъ приближаютъ насъ къ пониманію дѣйствительнаго характера „города“ феодальной эпохи: къ современнымъ городамъ-потребителямъ весь доходъ стекается въ денежной формѣ, въ древнѣйшіе города подавляющія массы его поступали въ видѣ предметовъ потребленія.

---

*) Въ областяхъ Африки, населенныхъ варварскими племенами, до послѣдняго времени можно было наблюдать возникновеніе и гибель „городовъ“, родственныхъ по своему строю древнимъ Вавилону и Ниневіи и даже Аѳинамъ и Риму. Побѣдоносный побѣдитель заставляетъ побѣжденное племя возводить каменныя стѣны, окружающія огромное пространство съ дворцомъ и рынкомъ въ центрѣ и широко разбросанными домами, обширными полями, фруктовыми рощами. Отсюда вождь господствуетъ надъ окрестнымъ населеніемъ, „какъ хищный звѣрь, живущій въ берлогѣ, въ которую онъ стаскиваетъ добычу“. Удачное вторженіе другого племени кладетъ конецъ этому городу: новый побѣдитель съ своею дружиной селится въ новомъ мѣстѣ,—и къ нему быстро перемѣщаются торговые пути, такъ какъ дань начинаетъ стекаться къ нему.—Такимъ образомъ бытъ современныхъ варваровъ бросаетъ яркій свѣтъ на древнѣйшую исторію Египта, Месопотаміи, Ирана и Китая: совершенно такъ же, какъ китайскіе пираты во многомъ воспроизводятъ отношенія финикійской и греческой торговли. Но историческая обстановка совершенно иная,—и только потому отношенія, которыя въ древнемъ мірѣ были первоначальными ступенями безконечнаго, хотя и прерывавшагося по временамъ процесса общественнаго развитія, теперь находятся въ процессѣ распада и умиранія, не сопровождающихся созданіемъ новыхъ, высшихъ формъ отношеній.

Возникая, какъ общее поселеніе сеньеровъ, древнѣйшіе города Месопотаміи и многіе старинные города средневѣковой Европы до очень поздняго времени оставались совокупностью феодальныхъ усадебъ, къ которымъ примыкали сады, огороды, фруктовыя рощи и даже поля. Хотя усадьбы много меньше и расположены много тѣснѣе, чѣмъ въ деревнѣ, но все же города раскидывались по этой причинѣ много шире, чѣмъ соотвѣтствуетъ численности населенія. По даннымъ Геродота, напр., выходитъ, что Вавилонъ занималъ площадь почти въ 500 кв. километровъ,—въ 8 разъ бо̀льшую, чѣмъ современный Берлинъ съ его двумя милліонами населенія, въ $5^1/_2$ разъ бо̀льшую, чѣмъ современная Москва съ ея $1^1/_4$ милліона населенія. Но насколько разбросано было „городское“ населеніе древности, можно судить по тому, что Аристотеля не удивляетъ слѣдующее обстоятельство: когда Вавилонъ былъ взятъ, часть его населенія узнала объ этомъ только черезъ три дня.—И даже Москва XVI столѣтія могла дать нѣкоторое представленіе о способѣ городского разселенія сеньеровъ; огромная часть ея представляла собраніе скученныхъ боярскихъ усадебъ.

Грандіозныя цифры, которыя сохранились у писателей древности, не должны браться на вѣру. Только развитіе обмѣна создаетъ потребность въ точномъ счетѣ и самые его методы. Въ эпоху съ преобладаніемъ натуральнаго хозяйства численность населенія опредѣлялась на глазъ, представленія о ней составлялись на основаніи величины стѣнъ, съ одной стороны, и громадныхъ скопленій народа на рынкахъ—съ другой.

Тѣ сотни тысячъ, иногда милліоны, которыми старинные историки населяли древнѣйшіе города, въ особенности на Востокѣ, новѣйшая историческая критика сводитъ къ скромнымъ десяткамъ тысячъ *). Такъ же таютъ при ея прикосновеніи и тѣ сказочныя цифры, въ которыхъ еще недавно выражались торговые обороты древности и среднихъ вѣковъ.

Несомнѣнно, что уже въ феодальную эпоху къ резиденціямъ феодаловъ тянулись безконечные караваны, сопровождавшіеся цѣлыми арміями торговцевъ, что по Нилу и Евфрату ходили уже флотиліи гребныхъ судовъ, и что многочисленныя суда ассирійцевъ, финикіянъ, а впослѣдствіи грековъ поддерживали болѣе или менѣе постоянныя сношенія по Персидскому заливу, Красному и Средиземному морямъ. Но

*) Населеніе городовъ классическаго міра было много скученнѣе. Но однако даже въ VI вѣкѣ, когда торговля Аѳинъ и Коринѳа уже переростала собственно феодальныя рамки, все населеніе каждаго изъ этихъ городовъ не превышало 20—25 тысячъ.

цифры, относящіяся сюда, сами по себѣ еще ничего не говорятъ ни о размѣрахъ торговли, ни о значеніи мѣновыхъ отношеній по сравненію съ натурально-хозяйственными отношеніями.

Прежде всего, при феодальныхъ средствахъ транспорта для перевозки сравнительно небольшихъ грузовъ требовались цѣлыя стада вьючнаго скота, въ особенности если дорога шла горными странами. Крупная доля грузоподъемной силы вьючныхъ животныхъ, и вообще незначительной, затрачивалась на кормъ и съѣстные припасы, которые долженъ былъ брать съ собой караванъ. Произведя нѣкоторыя очень несложныя вычисленія, мы убѣдились бы, что, напр., караванъ изъ 2—$2^1/_2$ тысячъ ословъ, пройдя сотни три верстъ, едва ли доставилъ бы товаровъ больше, чѣмъ одинъ современный товарный поѣздъ всего въ два десятка вагоновъ. Оселъ же былъ однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ передвиженія въ сухопутной месопотамской, финикійской, палестинской и отчасти въ греческой торговлѣ *).

Грузоподъемная сила судовъ была, конечно, довольно большая. Но однако и она покажется жалкой по сравненію съ современными средствами сношеній. Для феодальной эпохи точныхъ цифръ у насъ нѣтъ. Возьмемъ эпоху, которая далеко оставила за собой феодальныя отношенія,—возьмемъ суда германской Ганзы въ XIV—XV вѣкѣ. Крупнѣйшія морскія суда этого времени не превышаютъ 4—5 сотенъ тоннъ (1 тонна немного болѣе 60 пудовъ). Значеніе этихъ цифръ будетъ, ясно, если указать, что баржи по Рейну поднимаютъ теперь до 1.200 тоннъ, т.-е. въ $2^1/_2$—3 раза больше. Въ баржи, ходящія по Волгѣ, иногда грузится до 200.000 пуд. хлѣба, т.-е. до $3^1/_2$ тысячъ тоннъ или разъ въ 8 больше, чѣмъ грузъ крупнѣйшихъ морскихъ судовъ славной Ганзы; и даже въ москворѣцкія баржи, идущія между Москвой и Коломной, грузится до 1.000 п. Товарный вагонъ поднимаетъ отъ 10 до 15 тоннъ. Поэтому мы можемъ смѣло сказать, что каждое изъ тѣхъ судовъ, о которыхъ съ такимъ простодушнымъ изумленіемъ повѣствуютъ историческіе документы, и для проводовъ и встрѣчи которыхъ выходилъ цѣлый городъ,—каждое такое судно привозило грузовъ несравненно меньше одного товарнаго поѣзда.

Толпы торговцевъ, наполнявшихъ древніе и средневѣковые города, тоже еще ничего не говорятъ о размѣрахъ торговли. Чтобы понять этихъ торговцевъ, мы можемъ обратиться къ отношеніямъ въ современной земледѣльческой Россіи. Крестьянинъ за десятки верстъ отпра-

*) Вотъ нѣкоторыя данныя о перевозочныхъ средствахъ караванной торговли. На осла въ Египтѣ и мула въ Персіи грузится 6—7 пуд., на лошадь въ Туркестанѣ до $7^1/_2$ пуд., на верблюда въ Аравіи и Месопотаміи 14—15 пуд. Средняя быстрота передвиженія каравановъ даже на верблюдахъ рѣдко превышаетъ 60 верстъ въ день.

вляется на ярмарку, на которой онъ сбываетъ нѣсколько мѣръ картофеля. Собиратель самоцвѣтныхъ камней на Уралѣ въ свободное отъ земледѣлія время предпринимаетъ цѣлыя путешествія, чтобы возвратиться съ выручкой въ 20—30 рублей. Слесарь-кустарь бредетъ на отдаленнѣйшія ярмарки, чтобы продать нѣсколько десятковъ дешевыхъ замковъ.

Вотъ такіе-то мелкіе торговцы, посылаемые феодальной деревней и соединявшіеся въ артели и караваны, оживляютъ торговые пути, переполняютъ рынки и ярмарки феодальной эпохи.

Словомъ, поглядѣвъ на дѣло съ иной стороны, мы опять приходимъ къ прежнему выводу: торговля феодальной эпохи еще не развилась въ такую силу, которая могла бы достигнуть полной самостоятельности: она оставалась какъ бы внѣшнимъ придаткомъ къ хозяйству деревни и въ особенности усадьбы, скорѣе ограниченіемъ, чѣмъ полнымъ отрицаніемъ натурально-хозяйственныхъ отношеній.

* * *

Одновременно съ торговыми операціями и въ тѣсной связи съ ними развивались ростовщическія операціи.

Мелкій земледѣлецъ феодальной эпохи, при своей производственной универсальности и при крайней примитивности орудій труда, большею частью самодѣльныхъ, въ случаяхъ нужды занималъ у сеньера главнымъ образомъ хлѣбъ и скотъ и расплачивался опять-таки скотомъ и хлѣбомъ.

Пока не началось то обособленіе города-потребителя отъ деревни, о которомъ говорилось выше, сеньеръ былъ, разумѣется, заинтересованъ въ возвратѣ ссуды, но не особенно былъ заинтересованъ въ ея приращеніи. Пока обмѣнъ оставался случайнымъ, эпизодическимъ, онъ не могъ использовать скоплявшіеся у него земледѣльческіе продукты для обмѣна на предметы роскоши; онъ долженъ былъ потреблять ихъ въ той натуральной формѣ, въ какой получилъ отъ крестьянъ.

Процессъ созданія „городовъ“ есть процессъ созданія рынковъ для земледѣльческихъ продуктовъ, которые находятъ на нихъ болѣе или менѣе обезпеченный сбытъ. И въ древнемъ мірѣ, и въ средневѣковомъ намѣчаются первые зачатки дифференціаціи земледѣлія: скотъ доставляется въ „города“ изъ отдаленныхъ гористыхъ областей; зерновые хлѣба—изъ сосѣднихъ равнинъ; овощи, фрукты—изъ ближайшихъ окрестностей; близъ „ремесленныхъ“ центровъ развивается воздѣлываніе техническихъ растеній, въ первую очередь красильныхъ. Какъ бы слабо ни была выражена эта дифференціація, однако уже она показываетъ, что обмѣнъ начинаетъ захватывать и земледѣльческіе продукты.

Хлѣбъ и скотъ, которые раньше были только потребительной стоимостью, становятся теперь рыночной стоимостью. То самое развитіе общественной власти, которое обезпечиваетъ извѣстную безопасность торговыхъ путей, освобождаетъ феодала отъ необходимости заботиться о боевой готовности крестьянства въ своей сеньеріи. Общественная власть—въ лицѣ ли сюзерена, въ видѣ ли сеньеровъ, объединившихся въ полисѣ, прикрываетъ его отъ нападеній сеньеровъ. Возможность сбывать земледѣльческій продуктъ, превращать его въ предметы роскоши, приходитъ одновременно съ возможностью усиливать эксплуатацію, не опасаясь роковыхъ послѣдствій.

Сеньеръ превращается въ ростовщика. Такъ запасной фондъ на непредвидѣнныя случайности: пожаръ, неурожай и проч., который перешелъ къ нему отъ патріархальной общины, постепенно становится базисомъ для чисто ростовщическихъ операцій. Помощь хлѣбомъ, скотомъ оказывается уже прямо для того, чтобы получить въ возвратъ многократныя количества скота и хлѣба. Мертвая петля долговъ, ежегодно увеличиваемыхъ процентами, затягивается на крестьянинѣ. Безпощадный сеньеръ-ростовщикъ захватываетъ у него за долги весь хлѣбъ и скотъ, затѣмъ землю, потомъ и его самого превращаетъ въ раба *).

Ростовщическія операціи сыграли не малую роль при переходѣ отъ феодальной системы къ рабской и крѣпостнической. Въ древнемъ мірѣ онѣ послужили однимъ изъ методовъ обезземеленія крестьянъ и превращенія ихъ въ рабовъ, въ Россіи XVI вѣка усиленная ростовщическая эксплуатація послужила одной изъ переходныхъ ступеней къ крѣпостнической эксплуатаціи. Но уже въ Греціи VII и VI вѣка эти операціи ведутся въ крупномъ масштабѣ, а въ кіевской Руси уже

*) Послѣдовательныя ступени этого процесса съ большой силой описаны въ „Бытіи“. Но операціи, захватывающія обыкновенно нѣсколько поколѣній, втиснуты здѣсь въ 3-годичный промежутокъ времени и пріурочены къ одной личности, къ Іосифу. Въ первый годъ голода Іосифъ взялъ отъ египтянъ за хлѣбъ все серебро, какое было въ Египтѣ. Во второй—такимъ же способомъ превратилъ въ собственность фараона весь скотъ египтянъ. „И прошелъ этотъ годъ; и пришли къ нему на другой годъ, и сказали ему: не скроемъ отъ господина нашего, что серебро истощилось, и стада скота нашего у господина нашего; ничего не осталось у насъ предъ господиномъ нашимъ, кромѣ тѣлъ нашихъ и земель нашихъ. Для чего намъ погибать въ глазахъ твоихъ, и намъ и землямъ нашимъ? купи насъ и земли наши за хлѣбъ; и мы съ землями нашими будемъ рабами фараону, а ты дай намъ сѣмянъ, чтобы намъ быть живыми и не умереть, и чтобы не опустѣла земля. И купилъ Іосифъ всю землю египетскую для фараона, потому что продали египтяне каждый свое поле; ибо голодъ одолѣвалъ ихъ. И досталась земля фараону. И народъ сдѣлалъ онъ рабами отъ одного конца Египта до другого“ (Бытіе, XLVII, 18—20).

„Русская Правда“ въ значительной степени продиктована ростовщиками-сеньерами.

8. Развитіе денегъ.—Міровыя деньги.—Мѣрило стоимости.—Сокровище.

На протяженіи всей феодальной эпохи господствующей формой обмѣна была такъ называемая мѣновая торговля, т.-е. непосредственный обмѣнъ предметовъ потребленія. Тѣмъ не менѣе уже въ феодальный періодъ развитіе денежно-мѣновыхъ отношеній дѣлаетъ нѣкоторый шагъ впередъ.

Мы видѣли, какъ уже при господствѣ патріархально-родовыхъ отношеній въ различныхъ областяхъ развиваются мѣстныя „деньги“. Процессъ мѣновыхъ отношеній выдѣляетъ изъ ряда товаровъ одинъ товаръ, въ которомъ всѣ остальные товары выражаютъ свою стоимость каждый разъ, когда опредѣленіе ея представляетъ практическій интересъ, т.-е. при каждомъ актѣ обмѣна. Въ каждой территоріи такое исключительное положеніе занимаютъ прежде всего товары, которые не производятся въ ней, изъ-за которыхъ она вступаетъ въ обмѣнъ съ сосѣдними территоріями, и въ которыхъ, слѣдовательно, она выражаетъ стоимость своихъ продуктовъ каждый разъ, когда на избытокъ ихъ пріобрѣтаетъ эти чужіе товары. Со временемъ такую же роль начинаютъ играть тѣ предметы собственнаго производства, которые пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе для жизни того или иного племени, напр., скотъ и продукты скотоводства у кочевниковъ, мѣха пушныхъ звѣрей у лѣсныхъ бродячихъ племенъ и т. д. Такимъ способомъ „деньгами“ въ однѣхъ областяхъ становятся шкуры, въ другихъ куски янтаря, въ третьихъ—мѣди, въ четвертыхъ—золота и т. д.

При томъ огромномъ вліяніи, которое кочевники оказали на развитіе обмѣна, было совершенно естественно, что скотъ, въ особенности волъ и овца, пріобрѣлъ широкое распространеніе въ качествѣ мѣрила стоимости. Такъ, въ Иліадѣ мѣдный треножникъ оцѣнивается въ двѣнадцать быковъ, металлическое вооруженіе въ девять, рабыня, опытная въ женскихъ работахъ, въ четыре. И еще въ эпоху Дракона (VII вѣкъ до Р. Х.) штрафы исчислялись въ головахъ скота. Изображеніе быка на древнихъ греческихъ монетахъ нѣкоторые историки связываютъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что металлъ былъ преемникомъ скота въ качествѣ денегъ. Названіе денегъ (pecunia отъ pecus—скотъ) и чеканка мѣдной монеты (boum ovium*que* effigie—„съ изображеніями быковъ и овецъ“) показываетъ, что и въ Римѣ скотъ функціонировалъ въ качествѣ денегъ.

Въ Евангелiи отъ Матѳея (VI, 19) имѣется мѣсто, которое хранитъ воспоминанiе объ эпохѣ, когда шкуры (и мѣха) были главнымъ матерiаломъ для воплощенiя стоимости и потому, подобно позднѣйшимъ металлическимъ деньгамъ, служили для накопленiя богатствъ: „Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ“. Упоминанiе о ржавчинѣ, какъ истребительницѣ богатствъ, показываетъ, насколько въ Римской имперiи первыхъ вѣковъ нашей эры была свѣжа память о мѣди, если не о желѣзѣ, какъ обычной формѣ сокровища.—У древнихъ персовъ, первобытныхъ германцевъ и шведовъ главнымъ мѣриломъ стоимости тоже былъ скотъ. У киргизовъ еще въ концѣ XVIII вѣка и стоимость обмѣниваемыхъ товаровъ, и размѣры богатства обычно переводились на скотъ, въ количествѣ его находили свое выраженiе.

Въ древней Руси мѣха долгое время занимали выдающееся положенiе въ качествѣ торговой статьи. Военно-мѣновые походы новгородцевъ и полянъ на патрiархально-раздробленныхъ сосѣдей: древлянъ, радимичей, литовцевъ и финскiя племена—предпринимались въ первую очередь изъ-за мѣховъ. При такихъ же походахъ на Византiю пушнина служила главнымъ товаромъ, на который вымѣнивались предметы роскоши Востока и Византiи. На нѣсколько столѣтiй мѣха сдѣлались главной формой денегъ на территорiи, занимаемой современной Россiей. Самое слово „деньги“ было заимствовано только въ XIII вѣкѣ у татаръ и служило для обозначенiя звонкой монеты. Деньги же вообще — какъ мѣрило стоимости и какъ обычная форма сокровищъ—еще долгое время назывались кунами, словомъ, первоначальное значенiе котораго было „мѣха“. Одно изъ подраздѣленiй тогдашней денежной единицы было „векши“. Да и вся древнѣйшая денежная система была построена на относительной стоимости обращавшихся на рынкѣ мѣховъ различныхъ звѣрей. Проповѣдникъ XI вѣка твердо стоялъ на почвѣ современной ему дѣйствительности, когда онъ убѣждалъ не собирать себѣ сокровища, не собирать „куны (деньги) и порты (платье) на изъяденiе моли“.

Крайняя неудовлетворительность такихъ денегъ, какъ шкуры и мѣха, сама собою понятна. Къ недостаткамъ ихъ относится прежде всего подверженность порчѣ, — обстоятельство, на которое единодушно указываютъ и апостолъ Матѳей, и русскiй проповѣдникъ, раздѣленные цѣлымъ тысячелѣтiемъ. Вторымъ, не менѣе важнымъ недостаткомъ является величайшая неоднородность шкуръ даже одного и того же зоологическаго вида. Далѣе, идеальный денежный матерiалъ долженъ быть таковъ, чтобы уменьшенiе его количества пропорцiонально уменьшало бы его потребительную стоимость и стоимость трудовую. Между

тѣмъ дорогой мѣхъ при дѣленіи его на части въ концѣ-концовъ утрачиваетъ потребительную стоимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть и стоимостью. Для выраженія долей стоимости приходилось прибѣгать къ болѣе или менѣе искусственнымъ мѣрамъ, напр., приравнивать мѣхъ горностая столькимъ-то мѣхамъ бѣлки. Такимъ образомъ объективнаго масштаба цѣнъ не было, опредѣленіе соотношенія стоимостей различныхъ денегъ, обращавшихся на рынкѣ, получало произвольный характеръ, денежная система неизбѣжно пріобрѣтала хаотическій видъ, совершеніе каждаго мѣнового акта выдвигало цѣлый рядъ трудностей, которыя обходились только при помощи ухищреній разнаго рода Словомъ, развитіе товара - мѣховъ въ товаръ - деньги представляло сравнительно небольшой шагъ впередъ отъ непосредственнаго обмѣна.

У древнѣйшихъ германскихъ племенъ скотъ, шкуры и мѣха первоначально тоже играли роль денегъ. Но уже до Р. Х. эти денежные матеріалы кое-гдѣ оттѣсняются янтаремъ. Отъ племенъ, жившихъ у Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, янтарь уже въ микенскій періодъ греческой культуры (начало перваго тысячелѣтія до Р. Х.) черезъ рядъ посредниковъ достигалъ до Балканскаго полуострова. Въ позднѣйшее время послѣдовательные волны обмѣна переносили его до этрусковъ, аборигеновъ Аппенинскаго полуострова, а потомъ до ихъ преемниковъ, римлянъ. Какъ товаръ, на который легко было вымѣнять всякіе другіе товары, янтарь на ряду съ мѣхами превратился въ деньги для германскихъ племенъ, живущихъ на главныхъ путяхъ между сѣверо-западомъ Европы и Италіей. Какъ товаръ, неподверженный порчѣ, отличающійся сравнительной внутренней однородностью, не утрачивающій при дѣленіи своей потребительной стоимости, янтарь представлялъ болѣе совершенный денежный матеріалъ, чѣмъ мѣха. Простое взвѣшиваніе двухъ однородныхъ кусковъ янтаря было достаточно для опредѣленія ихъ относительной стоимости.

Но хотя и болѣе совершенный денежный матеріалъ, чѣмъ мѣха, янтарь все же былъ очень далекъ отъ совершенства. Только въ видѣ исключенія попадаютъ куски янтаря, совершенно одинаковые по чистотѣ, цвѣту и блеску. Дѣлимость не идетъ дальше довольно тѣсныхъ предѣловъ, за которыми частицы янтаря утрачиваютъ и потребительную стоимость, и съ нею, конечно, мѣновую. Съ такими деньгами могъ примиряться только обмѣнъ, едва лишь возвысившійся надъ ступенью непосредственнаго обмѣна, при которомъ нѣтъ никакого устойчиваго масштаба, и каждая сторона при всякомъ мѣновомъ актѣ выражаетъ стоимость своего товара все въ новомъ и новомъ товарѣ.

Въ желѣзѣ и въ особенности въ мѣди нѣтъ многихъ изъ тѣхъ недостатковъ, которыми отличаются такіе денежные матеріалы, какъ

мѣха или янтарь. Поэтому въ нѣкоторыхъ странахъ въ теченіе долгаго времени желѣзо и мѣдь въ качествѣ денегъ занимали монопольное положеніе. Въ Греціи, напр., въ роли денегъ они выступаютъ уже въ гомеровскую эпоху; въ Византіи еще во время Пелопонесской войны (конецъ V вѣка до Р. Х.) размѣнная монета дѣлалась изъ желѣза; Спарта до III вѣка пользовалась исключительно желѣзными деньгами; въ Сициліи приблизительно до того же времени всѣ торговые разсчеты производились на мѣдь.

Однако и желѣзныя, и мѣдныя деньги страдаютъ крупными недостатками: ихъ „ржа истребляетъ", онѣ отличаются недостаточной внутренней однородностью,—припомнимъ старые методы добыванія желѣза,—въ большомъ объемѣ и вѣсѣ они представляютъ сравнительно малую стоимость. Такія деньги могли находить примѣненіе только при обмѣнѣ, который вообще не былъ развитъ количественно, а качественно стоялъ на столь низкой ступени развитія, что продукты, какъ общее правило, обмѣнивались на продукты, деньгами же покрывались сравнительно ничтожные излишки стоимости. Только при полной неразвитости обмѣна „законы Ликурга", который будто бы ввелъ и стремился увѣковѣчить въ Спартѣ желѣзныя деньги, могли сохранять свою силу въ теченіе многихъ столѣтій.

Борьба между различными денежными матеріалами неизбѣжно приводитъ къ тому, что окончательная побѣда повсюду склоняется на сторону серебра и золота. Ихъ физическія свойства. полная однородность различныхъ экземпляровъ, безконечная дѣлимость, причемъ мельчайшія частицы легко опять соединяются въ слитки, неизмѣняемость при дѣйствіи кислорода воды или воздуха и даже большинства кислотъ (въ особенности золото), — все это дѣлаетъ ихъ идеальнымъ матеріаломъ для функціонированія въ качествѣ денегъ.

Благодаря своей значительной рѣдкости, благородные металлы пріобрѣтаютъ то общественное свойство, которое Марксъ называетъ высокимъ „экономическимъ удѣльнымъ вѣсомъ": небольшое количество ихъ представляетъ сравнительно большія трудовыя затраты, т.-е. сравнительно высокую стоимость. Это до чрезвычайности повышаетъ подвижность такихъ денегъ: облегчаетъ передачу ихъ изъ рукъ въ руки и перевозъ изъ одной страны въ другую. Но въ то же время ихъ физическій удѣльный вѣсъ настолько великъ, что уже небольшое по объему количество оказываетъ чувствительное дѣйствіе на вѣсы. Благодаря этому въ серебрѣ и золотѣ могутъ найти себѣ выраженіе мелкія подраздѣленія стоимости.

По всѣмъ этимъ причинамъ, благородные металлы, сдѣлавшись главнымъ денежнымъ матеріаломъ въ одной территоріи, постепенно вы-

тѣсняютъ другіе денежные матеріалы во всѣхъ областяхъ, съ которыми первая связана мѣновыми отношеніями. Въ Китаѣ, Индостанѣ и Месопотаміи серебряныя деньги получаютъ широкое распространеніе уже во второмъ тысячелѣтіи до Р. Х., если не раньше. Въ средневѣковой Европѣ переходъ къ металлическимъ деньгамъ потребовалъ много меньше времени и совершился на болѣе низкой ступени развитія обмѣна, чѣмъ на древнемъ Востокѣ: мѣновыя сношенія съ Римомъ, Византіей и арабами давали кельтамъ, германцамъ и славянамъ готовую форму, которая уже въ древнемъ мірѣ достигла значительной выработанности.

Одновременно съ превращеніемъ металловъ въ главныя орудія обмѣна, въ деньги, начинается развитіе этихъ денегъ въ монету.

Первоначально металлы функціонировали въ качествѣ денегъ въ своей натуральной формѣ: въ видѣ слитковъ, кусковъ, песку. Зародышевой формой собственно монеты были металлическія украшенія: ожерелья, браслеты, запястья, кольца, пластинки, которые надѣвались на ноги и руки, продѣвались въ уши и носъ, вплетались въ волосы. Изъ всѣхъ этихъ формъ постепенно побѣждаетъ форма мѣднаго, серебрянаго или золотого кольца, какъ наиболѣе приспособленная для мелкихъ платежей и для ношенія. Повсюду, гдѣ обмѣнъ достигалъ извѣстной ступени развитія: въ древнѣйшемъ Вавилонѣ, въ Египтѣ, Индостанѣ, Іудеѣ, у римлянъ, среди древнихъ германскихъ племенъ и первобытныхъ обитателей Швеціи, мы встрѣчаемъ эту зародышевую форму монеты *).

Возникнувъ изъ украшенія, эмбріональная монета въ свою очередь производитъ полный переворотъ въ общемъ характерѣ украшеній. На предыдущей ступени развитія вождь, выдѣляющійся изъ массы своего рода, обвѣшивалъ себя предметами, которые символизировали его личное военное превосходство. Теперь онъ обвѣшиваетъ себя драгоцѣнностями, которыя должны всѣмъ возвѣщать, какъ онъ богатъ. Раньше лучшимъ его трофеемъ были скальпъ или отрѣзанныя уши врага. Теперь эти натуральныя украшенія замѣняются золотыми и серебряными украшеніями, и даже доспѣхи цѣнятся уже не только по ихъ боевымъ

*) Но если украшеніе дало начало металлической монетѣ, то впослѣдствіи развитая монета становится любимымъ предметомъ украшенія, а на Востокѣ, отчасти на Балканскомъ полуостровѣ и т. д. остается таковымъ до настоящаго времени. Слѣдовательно, до сихъ поръ не порвана связь монеты и украшенія. — Повидимому, именно тому обстоятельству, что кольцо — первобытная монета, оно обязано тѣмъ, что до сихъ поръ сохраняетъ символическое значеніе· обмѣнъ подарками-кольцами — начало союза. Позднѣйшія истолкованія совершенно затемнили первоначальный смыслъ этого обряда.

качествамъ, но и по золоту, серебру, драгоцѣннымъ камнямъ, осыпающимъ шлемъ или рукоятку меча. Втягиваемый въ мѣновыя отношенія, прежній суровый воинъ постепенно превращается въ ходячую выставку орудій обмѣна: уже они, а не только его военная сила, начинаютъ символизировать его власть надъ людьми. Это — процессъ, параллельный развитію вооруженнаго грабежа въ мирный обмѣнъ.

Въ кольцѣ функціи денегъ еще не обособились отъ функцій украшенія. Напротивъ, металлическіе прутья съ самаго начала предназначаются функціонировать преимущественно въ качествѣ денегъ. Эта форма придавалась не только серебру и золоту, но и желѣзу и мѣди. Такъ какъ эти прутья по своему виду напоминали вертелъ (ὀβολός), то они носили названіе „оболъ“, долгое время сохранявшееся въ Греціи за мелкой монетой. Такъ какъ рукой можно было охватить шесть такихъ прутьевъ, то получилась денежная единица, называвшаяся „горстью“ или драхмой (отъ δράττομαι) и удержавшаяся послѣ перехода къ серебрянымъ деньгамъ.

Такіе грубые методы измѣренія, какъ счетъ кусковъ металла, только приблизительно одинаковыхъ, могли примѣняться лишь при относительной неразвитости обмѣна: пока денежный матеріалъ представлялъ сравнительно низкую стоимость, какъ мѣдь или желѣзо; пока мѣновыя пропорціи вообще носили болѣе или менѣе случайный характеръ и заново опредѣлялись для каждаго единичнаго акта обмѣна; пока вымѣниваемые прутья представляли потребительную стоимость не столько потому, что они—средства обмѣна, деньги, на которыя можно купить всякій другой предметъ, сколько потому, что они могутъ непосредственно удовлетворять опредѣленной потребности: въ орудіяхъ, доспѣхахъ, оружіи. Выдѣленіе одного опредѣленнаго товара изъ ряда другихъ товаровъ и превращеніе его въ деньги сдѣлало новый шагъ впередъ, но еще далеко отъ завершенія.

Развивающійся обмѣнъ, выдвигая новый денежный матеріалъ. серебро и золото, вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ потребность въ точныхъ способахъ измѣренія. Имѣетъ ли благородный металлъ форму слитковъ, колецъ или прутьевъ, при платежахъ онъ во всякомъ случаѣ подвергается взвѣшиванію *). При сравнительно мелкихъ платежахъ прутъ или

*) „И отвѣсилъ Авраамъ Ефрону серебра, сколько онъ объявилъ вслухъ сыновъ Хетовыхъ, четыреста сиклей серебра“. „Вотъ серебро каждаго въ отверстіи мѣшка его, серебро наше по вѣсу его“. „Тогда человѣкъ тотъ взялъ золотую серьгу, вѣсомъ полсикля, и два запястья на руки ей, вѣсомъ въ десять сиклей золота“. Бытіе, XXIII, 16, XLIII, 21, XXIV, 22). Сикель или секель = 8,4 грамма, т.-е. немного болѣе двухъ золотниковъ.

кольцо расплющивается ударами молотка, и потомъ отъ него отрубаются мелкія частицы, которыя опять-таки подвергаются взвѣшиванію.

Вѣсы становятся необходимымъ орудіемъ всякаго торговца, золотыхъ дѣлъ мастеръ — неизбѣжнымъ соучастникомъ почти всякой сколько-нибудь сложной сдѣлки. Такъ объясняется то исключительное положеніе, которое золотыхъ дѣлъ мастера — „кузнецъ по золоту“ или „кузнецъ по серебру“ (Goldschmied или Silberschmied)—занимали среди ремесленниковъ на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ: ихъ главнымъ занятіемъ было не ювелирное дѣло въ собственномъ смыслѣ этого слова, а особаго рода банкирскія операціи, приближающіяся къ размѣну. Изъ ихъ же среды впослѣдствіи вышли профессіональные мѣнялы.

Трудно представить себѣ, насколько сложнымъ становилось производство всякихъ платежей благодаря постоянной необходимости взвѣшиванія. Еще лѣтъ 150 тому назадъ путешественники по Китаю разсказывали, что оно отнимало у купцовъ несравненно больше времени, чѣмъ самый торгъ, хотя послѣдній на начальныхъ ступеняхъ обмѣна и самъ по себѣ представляетъ невообразимо длительную процедуру.

По мѣрѣ того, какъ обмѣнъ развивается и, слѣдовательно, металлическія деньги все чаще и чаще переходятъ изъ рукъ въ руки, взвѣшиваніе приходится повторять уже не при каждой ихъ передачѣ. Серебряные прутья, кружки и кольца съ самаго начала изготовляются такой величины, что они какъ разъ соотвѣтствуютъ единицѣ вѣса, господствующей въ данной области. Такъ, въ Вавилонѣ вѣковъ за пятнадцать до Р. Х. значительное распространеніе получили серебряные слитки по 5 секелей. Вскорѣ купцы, занимавшіе видное положеніе по широтѣ своихъ мѣновыхъ связей, начали удостовѣрять вѣсъ и чистоту этихъ слитковъ, накладывая на нихъ свое клеймо. Но уже очень рано купцовъ оттѣснили храмы—въ особенности храмъ „Великой Богини“,—которые съ самаго начала были поставлены въ центрѣ мѣновыхъ отношеній. Отсюда оставался лишь небольшой шагъ до того, чтобы изготовленіе такихъ слитковъ превратилось въ исключительную привилегію феодальнаго сеньера.

Такъ же развивались деньги и въ позднѣйшее время: въ Персіи временъ Креза, въ малоазіатскихъ колоніяхъ грековъ въ началѣ VII вѣка, въ Эгинѣ, Халкидѣ, Коринѳѣ и Аѳинахъ къ концу этого вѣка, въ Римѣ временъ децимвировъ, — повсюду въ эпохи, которыя характеризуются быстрымъ ростомъ мѣновыхъ отношеній.

Такимъ образомъ потребности развивающагося обмѣна приводятъ къ тому, что металлическія деньги принимаютъ форму монеты: прутьевъ, а впослѣдствіи слитковъ опредѣленной формы и строго опредѣленнаго вѣса. Взвѣшиваніе замѣнилось болѣе простой операціей: про-

вѣркой дѣйствительнаго вѣса монетъ и въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ—провѣркой ихъ чистопробности.

Величина и, въ особенности, названія новой формы денегъ, монеты, еще долго напоминаютъ объ ея происхожденіи изъ старыхъ денегъ, изъ чисто вѣсовыхъ денежныхъ единицъ. Такъ, въ Вавилонѣ единицей вѣса былъ талантъ, который дѣлился на 60 минъ, а мина, въ свою очередь, на 60 секелей,—и всѣ эти вѣсовыя отношенія и названія были воспроизведены въ монетной системѣ. Послѣдняя съ измѣненіями названій и нѣкоторыми видоизмѣненіями вѣсовыхъ отношеній перешла къ грекамъ и римлянамъ.—Въ Россіи до XIII вѣка основной монетой была „гривна кунъ", т.-е. фунтъ денегъ, что означало фунтъ серебра· названіе, которое въ свое время такъ же соотвѣтствовало дѣйствительному вѣсу монеты, какъ это было и съ „фунтомъ стерлинговъ", „ливромъ" и т. д. Но уже въ феодальный періодъ началось расхожденіе названій съ дѣйствительнымъ содержаніемъ металла въ монетахъ. Его первоначальной причиной была, вѣроятно, двойственность монетной системы: серебро, древнѣйшій денежный матеріалъ у египтянъ, грековъ, римлянъ и германцевъ, постепенно раздѣляетъ свое господствующее положеніе съ золотомъ или сплавомъ золота и серебра. Но $^1/_{13}$ — $^1/_{14}$ фунта золота представляла такую же стоимость, т.-е. такое же количество трудовыхъ затратъ, какъ 1 фунтъ серебряныхъ денегъ.

Мелкія подраздѣленія монетной единицы получались посредствомъ ея дѣйствительнаго раздѣленія. Такъ, арабская диргема (или диргамъ)—серебряная монета величиной менѣе полтинника,—получившая значительное распространеніе въ древней Россіи, разрѣзалась на половинки, четверти, даже на двадцатыя доли, которыя играли роль мелкой размѣнной монеты. Бывало и такъ, что отъ золотой или серебряной монеты, какъ отъ прежняго слитка, отрубали извѣстную долю. Уменьшенная монета, пока урѣзываніе не заходило дальше извѣстныхъ предѣловъ, обращалась въ болѣе или менѣе ограниченной области, какъ полноцѣнная: совершенно такъ же, какъ еще очень недавно въ Россіи обращалась по своей нарицательной стоимости размѣнная серебряная монета, пробитая въ серединѣ и урѣзанная по краямъ. Но, отдаляясь отъ своей области, поступая къ иноземнымъ купцамъ, монета опять превращалась просто въ денежный матеріалъ и подвергалась оцѣнкѣ исключительно на основѣ дѣйствительнаго вѣса металла. Въ большинствѣ восточныхъ государствъ до сихъ поръ купцы принимаютъ по вѣсу даже мѣстную монету. Словомъ, цѣлый рядъ промежуточныхъ звеньевъ соединяетъ развитую монету съ фактически взвѣшиваемымъ денежнымъ матеріаломъ.

Области, въ которыхъ деньги обращались въ видѣ монеты, т.-е. на основаніи удостовѣреннаго клеймомъ ихъ металлическаго содержа-

нія, оставались очень ограниченными на всемъ протяженіи феодальной эпохи; онѣ совпадали съ областями, на которыя распространялась власть сюзереновъ, коллективныхъ или единоличныхъ. Такъ, въ древней Персіи право чеканки монеты принадлежало многимъ городамъ и сатрапамъ. Въ Греціи VII — VI вѣковъ до Р. Х. собственная монета чеканилась въ Эгинѣ, Халкидѣ, Эретріи, Коринѳѣ, Аѳинахъ, Беотіи, Фокидѣ, Аркадіи, Киренѣ и т. д. Въ древнемъ Римѣ только въ началѣ I вѣка до Р. Х. у союзниковъ было отнято право чеканить монету, но и тогда за ними оставлено право чеканки размѣнной монеты. Важнѣйшіе города восточныхъ римскихъ владѣній чеканили собственную монету до эпохи Діоклетіана.

Такой же характеръ мѣстныхъ, областныхъ денегъ имѣетъ монета въ средневѣковой Европѣ. Въ Германіи на исходѣ среднихъ вѣковъ насчитывалось до шестисотъ сюзереновъ, епископовъ, аббатовъ и городовъ, чеканившихъ каждый собственную монету. Въ Польшѣ до половины XV вѣка всякій крупный магнатъ могъ открыть у себя монетный дворъ. Во Франціи до XII — XIII вѣка правомъ чеканки монеты пользовалось отъ 30 до 40 созюреновъ,—графовъ и герцоговъ. Въ Россіи до конца XV вѣка монета чеканилась не только такими крупными сюзеренами, какъ князья московскій, тверской или рязанскій, но и такими мелкими удѣльными князьями, какъ старицкіе или городенскіе, сеньеріи которыхъ не превышали размѣровъ одного теперешняго уѣзда, иногда одной волости. Даже въ Англіи чеканка монеты превращается въ королевскую регалію, т.-е. въ исключительное право короля, только въ концѣ XII столѣтія.

Нелегко въ настоящее время представить себѣ, къ какому хаотическому разнообразію монетныхъ системъ приводила монетная автономія мелкихъ областей феодальной эпохи. Мѣры вѣса находились еще въ процессѣ выработки и измѣнялись отъ одной страны, даже отъ одной провинціи къ другой. Только потребности развивающагося обмѣна медленно приводили къ извѣстному единству въ этой сферѣ: къ тому, что извѣстная вѣсовая единица получала общее распространеніе въ территоріяхъ, связывающихся между собою обмѣномъ, и къ тому, что господствующимъ становилось послѣдовательное подраздѣленіе ея на опредѣленное количество долей, — на 60, какъ было въ Вавилонѣ, или на 50, какъ постепенно устанавливается въ Греціи (это — уже переходъ къ десятичной системѣ). На небольшой площади неизбѣжно сталкивались монеты, построенныя на такихъ системахъ вѣса, которыя отличались одна отъ другой, какъ господствующая до сихъ поръ въ Россіи система торговаго вѣса отличается отъ системы аптекарскаго вѣса и десятичной (метрической) системы.

Печать провинціальной обособленности, лежащая на монетахъ, еще болѣе усиливается, когда начинается упомянутый выше разрывъ ихъ съ системами вѣса. Величина основной монетной единицы становится измѣнчивой и болѣе или менѣе произвольной. „Гривна", т.-е. монета, которая первоначально содержала 1 фунтъ серебра, чеканится однимъ сюзереномъ въ $^5/_8$ фунта, другимъ въ $^1/_3$, третьимъ—всего въ $^1/_4$. Соотвѣтственно измѣняется и вѣсъ ея дробныхъ подраздѣленій: ногаты, или $^1/_{20}$ части, рѣзаны (предшественницы рубля), или $^1/_{50}$ части, и т. д. Не меньшее разнообразіе получается отъ того, что въ однѣхъ областяхъ монета чеканится изъ чистаго золота, въ другихъ—съ примѣсью серебра.

Такимъ образомъ въ первоначальной исторіи денегъ ярко отразилась вся исторія феодальнаго общества.

Обмѣнъ между сосѣдними родовыми группами, послѣдовательно развиваясь отъ единичной до всеобщей формы, приводитъ къ созданію первичныхъ межродовыхъ союзовъ, охватывающихъ сравнительно ограниченныя территоріи,—и въ то же время въ каждомъ изъ такихъ союзовъ выдвигаетъ тотъ или иной товаръ, какъ обычное мѣрило стоимости, какъ „мѣстныя деньги": скотъ, шкуры или мѣха, раковины, куски соли, янтарь, желѣзо, мѣдь, серебро, золото.

По мѣрѣ того, какъ сфера мѣновыхъ отношеній расширяется, возникаютъ слабые межъ-областные союзы,—и въ то же время начинается борьба между мѣстными деньгами за преобладающее положеніе. Въ одной странѣ она оканчивается побѣдой мѣховъ, въ другой—янтаря, въ третьей—желѣза.

Отдѣльныя страны въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ повторяютъ потомъ исторію областныхъ союзовъ. Иногда страны, связывающіяся примитивнымъ обмѣномъ, объединяются завоеваніемъ, утрачиваютъ свою политическую самостоятельность. Иногда же онѣ сохраняютъ эту самостоятельность; но въ такомъ случаѣ постепенно вырабатываются извѣстныя обычныя нормы зародышеваго „международнаго права", которыя санкціонируютъ мирный обмѣнъ между ними. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ „отборъ" денежнаго матеріала получаетъ болѣе широкую арену для своего дѣйствія и приводитъ къ тому, что „мѣстныя деньги" той или иной страны развиваются въ общія, въ „міровыя деньги" всѣхъ странъ, экономически связывающихся между собою. Такъ, мѣдь вытѣсняется серебромъ, а послѣднее, въ концѣ-концовъ, смѣняется золотомъ: процессъ, который до сихъ поръ не достигъ завершенія, поскольку, напр., въ индостанской торговлѣ, да и вообще въ азіатской, даже всѣ внѣшнія сдѣлки обыкновенно исчислялись на серебро и обслуживались

серебромъ, которое отчасти еще и теперь сохраняетъ здѣсь господствующее положеніе въ качествѣ денегъ *).

Поскольку отдѣльныя мѣстности связываются обмѣномъ, постольку мѣстныя деньги оттѣсняются единымъ денежнымъ матеріаломъ: во всѣхъ древнихъ странахъ, окружающихъ Средиземное море, во всей средневѣковой Европѣ единственными деньгами становится серебро, потомъ серебро и золото.

Но поскольку феодальное производство остается въ силѣ, т.-е. поскольку хозяйство имѣетъ натуральный характеръ, поскольку мелкія области и провинціи сохраняютъ экономическую и политическую самостоятельность, постольку единый денежный матеріалъ получаетъ въ нихъ клеймо локальной и провинціальной обособленности: превращается опять въ мѣстныя деньги, въ монету, которая, какъ таковая, можетъ функціонировать лишь въ своей ограниченной территоріи.

Получается полная аналогія съ религіознымъ развитіемъ феодальной эпохи, съ развитіемъ общихъ союзныхъ фетишей и общаго культа, стоящихъ надъ мѣстными фетишами и культами. Первыя неопредѣленныя тенденціи къ монотеизму возникаютъ на той самой экономической основѣ, на которой мѣстныя деньги расширяютъ сферу своего функціонированія и шагъ за шагомъ превращаются въ міровыя деньги. И подобно тому, какъ мѣстные фетиши связываются цѣпью происхожденія съ верховнымъ фетишемъ всего союза, такъ всѣ мѣстныя деньги, монеты, происходятъ теперь отъ единаго денежнаго матеріала, отъ серебра или золота. При всѣхъ событіяхъ, выходящихъ по своему значенію за предѣлы отдѣльныхъ феодальныхъ группъ, онѣ отъ своихъ близкихъ и живыхъ по своей близости фетишей обращаются къ отдаленному общему фетишу: такъ и мѣстныя деньги, переходя за предѣлы своей области, утрачиваютъ клеймо мѣстной ограниченности, стираютъ съ себя печать мѣстнаго сюзерена и превращаются въ общій, абстрактный денежный матеріалъ,—просто въ такое-то количество серебра или золота.

Историки и экономисты до послѣдняго времени любятъ распространяться на тему о томъ, какъ обмѣнъ феодальной эпохи тормозился

---

*) Марксъ (въ „Критикѣ политической экономіи“, 1859 годъ, и въ I томѣ „Капитала“, 1867 годъ) признавалъ міровыми деньгами и золото, и серебро. Такъ оно и было въ дѣйствительности отъ древнѣйшихъ временъ и до самыхъ послѣднихъ десятилѣтій. Но уже Энгельсъ въ одномъ примѣчаніи къ 4 изданію I тома „Капитала“ (1890 годъ) высказываетъ предположеніе, что быстрое пониженіе стоимости серебра—слѣдствіе уменьшенія трудовыхъ затратъ на его добываніе—поведетъ къ тому, что оно перестанетъ функціонировать на міровомъ рынкѣ въ качествѣ денегъ. Въ настоящее время это—совершившійся фактъ.

полной децентрализованностью монетнаго дѣла. Если бы они болѣе вдумались въ суть феодальнаго производства и феодальнаго общества, они подчеркнули бы другую сторону дѣла: какъ ни слабъ былъ обмѣнъ феодальной эпохи, однако уже онъ положилъ конецъ хаосу мѣстныхъ денежныхъ матеріаловъ; пестрое разнообразіе ихъ онъ замѣнилъ повсемѣстнымъ единообразіемъ такого совершеннаго денежнаго матеріала, какъ серебро и даже золото. Пока главные дѣятели обмѣна всѣмъ своимъ существованіемъ были связаны съ феодальной усадьбой и съ феодальной деревней, они не могли сколько-нибудь глубоко ощутить противорѣчіе между этими міровыми деньгами и мѣстной монетой. Оно было адэкватнымъ выраженіемъ существующей экономической дѣйствительности, — натурально-хозяйственныхъ міровъ, медленно связывающихся между собою мѣновыми отношеніями. Поэтому оно вовсе не существовало, какъ дѣйствительное противорѣчіе.

* * *

Въ феодальную эпоху особенное значеніе пріобрѣтаютъ двоякаго рода функціи денегъ: онѣ служатъ 1) мѣрой стоимости, 2) матеріаломъ для образованія сокровищъ, богатствъ.

Мы видѣли, что уже въ предыдущую эпоху выраженіе стоимости становится косвеннымъ, утрачиваетъ свою связь съ трудовыми затратами. Формула: 1 топоръ = 10 золотникамъ янтаря, сама по себѣ ничего не говоритъ о дѣйствительныхъ причинахъ этого равенства. Еще менѣе говорятъ о немъ тѣ формулы: 1 топоръ = 20 драхмамъ, 10 рублямъ и т. д.,—которыя получаются, когда извѣстный металлъ развивается въ деньги, а эти деньги становятся монетой, только номинально связанной съ вѣсовымъ содержаніемъ денежнаго матеріала. Выраженіе стоимости цѣлаго ряда товаровъ окончательно превращается въ прейскурантъ, въ перечень цѣнъ, выраженныхъ въ монетной системѣ, порвавшей свою связь съ системою вѣса: 1 мечъ, 2 топора, 5 копій,— каждый изъ этихъ товаровъ = 10 драхмамъ или 10 гривнамъ. Деньги въ формѣ драхмы, гривны, ливра и т. д., вмѣстѣ со своими монетными подраздѣленіями окончательно обособляются отъ міра товаровъ и противостоятъ ему, какъ нѣчто совершенно отличное отъ него, обладающее надъ нимъ какой-то таинственной силой.

Мѣновыя сдѣлки феодальной эпохи въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ обмѣна продуктовъ на продукты. Но стоимость каждаго изъ этихъ продуктовъ выражается уже не въ опредѣленномъ количествѣ другого продукта, а въ цѣнѣ, т.-е. въ опредѣленномъ количествѣ денегъ. Напр., 1 мечъ послѣ продолжительнаго

торга оцѣнивается въ 10 драхмъ, 2 шкуры въ 8 драхмъ. Какъ мѣрило стоимости, деньги для той и другой стороны—воображаемыя деньги, фигурирующія только въ разсчетахъ обѣихъ сторонъ. Но для того, чтобы обмѣнъ меча на шкуры дѣйствительно совершился, вторая сторона должна додать первой только 2 драхмы дѣйствительныхъ денегъ, какъ покупательныхъ средствъ.

По мѣрѣ того, какъ всѣ товары начинаютъ выражаться въ опредѣленномъ количествѣ денегъ, представлять для своихъ владѣльцевъ просто то или иное количество денегъ,—денежный матеріалъ становится, наоборотъ, представителемъ всѣхъ возможныхъ товаровъ, единственнымъ дѣйствительнымъ товаромъ, абстрактнымъ выраженіемъ потребительныхъ стоимостей всего безконечнаго міра товаровъ. Въ то время, какъ всякій товаръ удовлетворяетъ только одну какую-либо потребность, деньги удовлетворяютъ всякую потребность, поскольку онѣ могутъ быть превращены въ какой угодно предметъ потребленія. Такимъ образомъ серебро и золото становятся господствующей формой богатства, какъ соціальной силы, дающей власть надъ продуктами чужого труда.

Въ феодальную эпоху накопленіе матеріальнаго богатства, образованіе сокровищъ, лишь медленно порывало свою связь съ непосредственнымъ потребленіемъ. Денежный матеріалъ накоплялся преимущественно въ формѣ украшеній и утвари свѣтскихъ сеньеровъ: серебряные и золотые бокалы и кубки, блюда и вазы, изваянія и части троновъ; въ видѣ украшеній и принадлежностей храмовъ: золотые и серебряные идолы и одежда на идолахъ, жертвенники и чаши, предметы жрескаго облаченія и т. д. Именно такимъ способомъ къ храмамъ Греціи въ нѣкоторыя эпохи (напр., въ VI вѣкѣ) стягивалось почти все наличное золото. Преимущественно форму предметовъ потребленія имѣли сокровища царей Соломона и Креза. При чрезвычайныхъ обстоятельствахъ эти предметы потребленія извлекались изъ хранилищъ и начинали функціонировать, какъ дѣйствительныя деньги.

Сохраняя связь съ потребленіемъ, накопленіе денежнаго матеріала не могло развиться въ самоцѣль до такой степени, какъ это стало въ позднѣйшія эпохи.

9. Силы развитія въ феодальномъ обществѣ.

Феодальное общество представляетъ послѣднюю ступень старой натурально-хозяйственной системы, ея историческое завершеніе, съ котораго начинается въ то же время и переходъ къ совершенно иному экономическому типу общества, мѣновому или товарному. Соотвѣтственно

этому, и силы развитія въ эпоху феодализма имѣютъ двойственный характеръ. Съ одной стороны, при возросшей уже значительно, по сравненію съ предыдущими періодами, плотности населенія, при отсутствіи незанятыхъ земель или при крайней трудности достигнуть ихъ, абсолютное перенаселеніе, подъ оболочкою земельной тѣсноты со всѣми вытекающими изъ нея военными конфликтами общинъ, племенъ, цѣлыхъ народовъ и расъ, продолжаетъ дѣйствовать интенсивнѣе, чѣмъ когда-либо раньше. Съ другой стороны, развитіе обмѣна въ эту эпоху дѣлаетъ его уже существенной и постоянной составной частью экономической жизни общества, и онъ выдвигаетъ на сцену новыя, спеціально ему свойственныя, силы развитія—силы, которыя въ общей формѣ можно обозначить, какъ „относительное перенаселеніе“ и рыночную борьбу.

Феодальный міръ единодушно изображается историками, какъ царство войны по-преимуществу, безчисленные военные конфликты, мельчайшіе, мелкіе и крупные, сопровождаютъ весь процессъ его организаціи, иногда ускоряя его развитіе, иногда замедляя, но всегда налагая на него свой специфическій отпечатокъ. Однако и тутъ войны сами по себѣ—не движущія силы соціальнаго бытія, а только—частныя проявленія этихъ силъ. Если же мы разсмотримъ причины феодальныхъ войнъ или, что то же, ихъ экономическое содержаніе, то двойственный характеръ силъ развитія обнаружится для насъ вполнѣ наглядно.

Значительная доля войнъ феодализма должна быть, несомнѣнно, отнесена за счетъ земельной тѣсноты или, что то же, перенаселенія. Таковы, напр., безпрестанные завоевательные и грабительскіе походы скандинавовъ, племенъ, населявшихъ страны крайняго сѣвера Европы, съ очень суровой и бѣдной природой, дававшей лишь ограниченныя средства къ жизни. Таковы были колонизаціонные походы германцевъ для вытѣсненія славянъ, славянъ для вытѣсненія финско-монгольскихъ племенъ на востокѣ и сѣверо-востокѣ Европы. Таковы нападенія тюркскихъ племенъ на Византійскую Имперію, на славянъ и германцевъ нынѣшней Австро-Венгріи; таковы были вначалѣ и завоевательные походы арабовъ въ эпоху развитія магометанства. И параллельно съ такими крупными историческими передвиженіями, сюда же относятся безконечныя столкновенія маленькихъ и большихъ феодаловъ изъ-за различныхъ спорныхъ клочковъ земли.—Но уже здѣсь легко видѣть, что перенаселеніе абсолютное не одно, или, по крайней мѣрѣ, не въ чистомъ своемъ видѣ служитъ источникомъ этой борьбы и возникающихъ изъ нея соціальныхъ измѣненій. Прежде всего, тутъ имѣется передъ нами не только перенаселеніе вообще, но также спеціальное и своеобразное „перенаселеніе“ феодаловъ, какъ особаго соціальнаго класса.

Феодалъ, подобно прежнимъ организаторамъ, патріархамъ и вождямъ предыдущей эпохи, живетъ за счетъ прибавочнаго труда своихъ подчиненныхъ или „подданныхъ“; но онъ уже гораздо дальше отошелъ отъ нихъ въ смыслѣ развитія и расширенія потребностей. Само по себѣ возрастаніе размѣровъ общины, т.-е. увеличеніе количества прибавочнаго продукта, стекающагося въ руки феодала, не могло бы оказать особенно значительнаго дѣйствія въ этомъ направленіи, поскольку хозяйство оставалось натуральнымъ: потреблять много больше другихъ членовъ общины въ смыслѣ чисто количественномъ феодалъ все равно не можетъ, а съ качественной стороны—продукты общины немногимъ болѣе разнообразны, чѣмъ прежде. Но развитіе мѣновыхъ отношеній позволяетъ феодалу количество продуктовъ замѣщать качествомъ,—обмѣнивать излишекъ обычныхъ произведеній труда его подданныхъ на самые различные и, въ томъ числѣ, самые утонченные предметы потребленія, производимые другими общинами и даже другими странами. Благодаря этому, если бы сословіе феодаловъ и не размножалось вовсе, при застойной техникѣ все-же становилось бы для ихъ вассаловъ труднѣе и труднѣе добывать средства къ удовлетворенію ихъ расширяющихся потребностей, а между тѣмъ феодалы, конечно, размножаются и, большей частью, еще быстрѣе своихъ вассаловъ *). Отсюда неизбѣжное возрастаніе тягостей, лежащихъ на низшемъ сословіи, возрастаніе непрерывное, какое испытывали на себѣ, напр., крестьяне средневѣковой Европы. Къ перенаселенію абсолютному, означающему невозможность при данной техникѣ добывать на данномъ пространствѣ земли достаточную сумму насущныхъ жизненныхъ средствъ для его обитателей, присоединяется перенаселеніе „относительное“, означающее невозможность удовлетворять растущія потребности опредѣленнаго класса, при данной его численности. Это не такое „относительное перенасе-

*) Несмотря на свою боевую профессію, феодалы въ отношеніи численности едва ли больше другихъ сословій страдаютъ отъ войны: у нихъ лучшее вооруженіе и наибольшее искусство; простыхъ дружинниковъ погибало въ сраженіяхъ, по имѣющимся даннымъ, сравнительно гораздо больше; а беззащитныхъ крестьянъ, судя по описаніямъ варварскаго веденія тогдашнихъ войнъ, относительно еще больше: было въ обычаѣ не только грабить, но въ значительной мѣрѣ и истреблять мирное населеніе на земляхъ враговъ. Въ результатѣ относительно быстраго размноженія феодаловъ, получилось то, что, даже несмотря на большую еще силу и прочность фамильныхъ связей, дальніе родственники сеньеровъ вынуждены съ теченіемъ времени ограничиваться скромнымъ положеніемъ полу-крестьянъ, полу-рыцарей, образуя мало-по-малу особый, довольно обширный слой мелкаго дворянства, съ демократическимъ образомъ жизни и даже своеобразно демократическими тенденціями, какъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась позднѣйшая англійская „джентри“, большая часть польской шляхты и т. под.

леніе", о какомъ намъ придется говорить при изученіи капитализма, съ его резервной арміей безработныхъ,—но оно тоже является „относительнымъ" въ томъ смыслѣ, что зависитъ не отъ абсолютной недостаточности данной системы производства для даннаго числа ея участниковъ-потребителей, а отъ соціальныхъ соотношеній между классами эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ.

Далѣе, поскольку обмѣнъ успѣлъ сложиться въ устойчивыя формы, поскольку уже существуютъ опредѣленные его центры или рынки, торговые дни, ярмарки и т. под.,—постольку возникаютъ условія для постоянной рыночной борьбы, которая является особымъ, самостоятельнымъ двигателемъ техническихъ и экономическихъ измѣненій· борьбы между продавцомъ и покупателемъ и, въ данную эпоху въ меньшей степени, конкурренціи между продавцами. Выступаетъ ли на рынкѣ непосредственный производитель—вассальный крестьянинъ, ремесленникъ,—или присвоитель ихъ прибавочнаго продукта—феодалъ, или, наконецъ, начавшій уже всѣхъ ихъ эксплуатировать профессіональный посредникъ—торговецъ,—во всѣхъ случаяхъ оказываются на-лицо новые мотивы и условія, прямо или косвенно ведущіе къ измѣненіямъ техники и соціальныхъ отношеній. Для всякаго продавца возможность удешевить продуктъ представляетъ единственную гарантію успѣшнаго сбыта его товара. Непосредственнаго производителя это заинтересовываетъ въ повышеніи производительности его труда, т.-е. въ улучшеніи пріемовъ производства; феодала это же самое побуждаетъ къ усиленію эксплуатаціи производителей, что въ свою очередь заставляетъ ихъ для удержанія своего жизненнаго уровня усваивать по мѣрѣ возможности лучшіе методы труда; торговецъ побуждается рыночной борьбой и къ усиленію эксплуатаціи, но также и къ изысканію наиболѣе дешевыхъ способовъ пріобрѣтенія и доставки товаровъ.

Новые стимулы развитія дѣйствуютъ не такъ рѣзко и остро, какъ сила непосредственнаго перенаселенія,—но зато несравненно болѣе систематично и неуклонно· они оказываютъ свое давленіе при каждомъ актѣ обмѣна, такъ что вліяніе ихъ повторяется несчетное число разъ. Относительно всего слабѣе ихъ дѣйствіе на крестьянина, который въ феодальную эпоху обыкновенно почти не выступаетъ на рынкѣ и не связанъ съ нимъ непосредственно, а только косвенно, черезъ феодала, продающаго его прибавочный продуктъ, или черезъ торговца. Если къ этому прибавить наибольшій гнетъ авторитетовъ, лежащій на крестьянинѣ, и особенную узость его жизни, фактически· почти не выходящей за предѣлы его общины и ея маленькой территоріи, то намъ станетъ понятенъ тотъ огромный консерватизмъ, техническій и идейный, который обнаруживаетъ исторія средневѣковаго, напр., крестьянства. Можно

признать, что, вообще, въ феодальной системѣ не въ крестьянскомъ сословіи лежитъ исходная точка и опора соціальнаго развитія.

Наиболѣе прогрессивные классы феодальнаго общества—это наиболѣе тѣсно связанные своими жизненными условіями съ обмѣномъ и рынкомъ—ремесленники и торговцы. Что касается феодаловъ, то они—и тогда классъ не настолько неподвижный и застойный, какъ ихъ крестьянство; но развитіе ихъ вліяніемъ рынка направляется, какъ мы видѣли, въ сторону главнымъ образомъ расширенія потребностей и усиленія эксплуатаціи, слѣдовательно—въ сторону соціальнаго паразитизма. И это относится не только къ феодаламъ свѣтскимъ, но съ теченіемъ времени все въ большей мѣрѣ—и къ жреческому сословію, въ которомъ, подъ дѣйствіемъ обмѣна и растущаго накопленія собственности, производственно-организаторская функція начинаетъ оттѣсняться жаждою эксплуатаціи, паразитической тенденціей.

Совмѣстное дѣйствіе натурально-хозяйственныхъ и мѣновыхъ силъ развитія выступаетъ исторически въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ; отсюда—и различный характеръ, и различный темпъ соціальныхъ измѣненій. Что касается перваго, то намъ придется выяснять его, изучая тѣ общественныя формы, которыя возникаютъ изъ феодальнаго строя и на смѣну ему; а относительно второго мы уже раньше отмѣтили, что, при всѣхъ варіаціяхъ, скорость развитія однако далеко превосходитъ ту, какая была свойственна предыдущимъ эпохамъ, и что, вообще, въ феодальномъ періодѣ столѣтія выполняютъ такую соціально-преобразовательную работу, какую въ патріархальную эпоху выполняли, приблизительно, тысячелѣтія. Ускоряющимъ моментомъ является по-преимуществу именно обмѣнъ; чѣмъ выше его развитіе, тѣмъ быстрѣе измѣняется строеніе общества. При посредствѣ мѣновыхъ сношеній страны, ушедшія впередъ на пути соціальной организаціи, могутъ своимъ вліяніемъ значительно облегчать движеніе странъ болѣе отсталыхъ, значительно сокращать періодъ, необходимый для ихъ перехода къ новымъ формамъ.

10. Мѣсто феодальной системы въ исторіи экономическаго развитія.

Въ исторіи вообще нѣтъ рѣзко обособленныхъ эпохъ или фазъ развитія. Отдѣльныя ступени связываются между собою рядомъ промежуточныхъ звеньевъ. Такъ, зачатки патріархата появились уже въ группахъ, общій строй которыхъ сохранялъ матріархальный характеръ, и, наоборотъ, въ патріархальныхъ родовыхъ группахъ долго сохраняются живучіе остатки матріархальныхъ отношеній.

Въ предыдущемъ мы старались познавательно установить общіе и основные элементы феодальной системы въ ея чистомъ видѣ. Но въ исторіи феодальная эпоха не стоитъ какъ нѣчто замкнутое, рѣшительно обособленное отъ предыдущей и послѣдующихъ ступеней: разсматриваемая въ общей исторической связи, она, какъ и другія эпохи, представляетъ лишь одно изъ тѣхъ звеньевъ, которыя въ непрерывномъ процессѣ развитія связываютъ прошлое съ послѣдующимъ, и въ которыхъ сохраняются нѣкоторые элементы прошлаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ зарождаются и основные элементы слѣдующихъ ступеней. Мы видѣли, напр., что феодальные союзы и сеньеріальная власть представляютъ въ своей первоначальной формѣ лишь дальнѣйшее развитіе межродовыхъ союзовъ патріархальной эпохи и функцій патріарха, главы родовой общины. Мы увидимъ сейчасъ, что на высшихъ ступеняхъ своего развитія феодальная система обнаруживаетъ зачатки рабовладѣльческихъ, крѣпостническихъ и даже ремесленныхъ и торгово-капиталистическихъ отношеній. И только отъ конкретныхъ условій—отъ окружающей природы и отъ исторической обстановки — зависитъ, насколько быстро идетъ дальнѣйшее развитіе феодальнаго общества и какія новыя формы складываются изъ него: останавливается ли оно на ступени слабаго первоначальнаго объединенія, какъ австралійскія племена; приходитъ ли къ созданію такихъ внѣшне мощныхъ, но внутренно неустойчивыхъ рабовладѣльческихъ механизмовъ, какъ объединенія древняго міра; или же служитъ исходнымъ пунктомъ того непрерывнаго процесса развитія, который привелъ Европу отъ средневѣковаго феодализма къ современному капитализму.

Уже въ феодальный періодъ крестьянинъ частью своего трудового существованія включается въ производство сеньера: часть своего рабочаго времени онъ отдаетъ, въ качествѣ барщины, запашкамъ сеньера. Въ тотъ же періодъ появляются и рабы. Но они примѣняются преимущественно для домашнихъ работъ, приближаются по своему положенію къ прислугѣ, входятъ какъ элементъ въ потребительное, а не въ производительное хозяйство своего господина: такъ же, какъ и онъ, потребляютъ продукты, произведенные феодальной деревней.

Съ развитіемъ обмѣна и ростомъ потребностей феодала, эксплуатація деревни усиливается. Къ ея разрушительнымъ дѣйствіямъ присоединяется дѣйствіе войнъ, которыя требуютъ отъ деревни и средствъ, и людей. Собственное производство крестьянина падаетъ. Даже въ нормальные годы онъ вынужденъ прибѣгать къ ссудамъ, которыя носятъ характеръ продовольственныхъ ссудъ. Сельскохозяйственный инвентарь приходитъ въ упадокъ: Собственныя запашки, которыя еще сохраняются у крестьянина, затушевываютъ въ теченіе нѣкотораго времени то обстоя-

тельство, что фактически онъ уже превратился въ раба. Когда за долги отбирается и весь инвентарь, и эти запашки, крестьянинъ и юридически становится рабомъ. Все хозяйство сеньера строится не столько на трудѣ феодально-зависимыхъ крестьянъ, сколько на трудѣ рабовъ. военно-плѣнныхъ и бывшихъ крестьянъ, превращенныхъ въ невольниковъ.

По мѣрѣ того, какъ падаетъ крестьянство, эта основа феодальнаго производства, военные походы предпринимаются уже съ той цѣлью, чтобы доставать новыхъ невольниковъ для замѣны изношенныхъ и для расширенія рабскаго производства. Ложась главной тяжестью по-прежнему на крестьянство, они довершаютъ его гибель. Такъ феодальное общество окончательно переходитъ въ общество рабовладѣльческое.

Крѣпостническія отношенія даже въ своей развитой формѣ по внѣшности очень близко напоминаютъ феодальныя отношенія: тѣ же внѣшнія соотношенія крестьянскаго и господскаго производства и хозяйства, тѣ же повинности, обычно тѣ же наименованія этихъ повинностей и номинальная связь ихъ съ опредѣленными функціями сеньера. Но глубокое отличіе крѣпостническихъ отношеній отъ феодальныхъ заключается въ томъ, что эти функціи частью отошли отъ сеньера, напр., функціи военной защиты, частью же превратились просто въ предлогъ для поборовъ и въ средство для болѣе прочнаго подчиненія крестьянъ, какъ, напр., судебныя функціи. Сеньеръ-организаторъ смѣнился помѣщикомъ-потребителемъ, который, ничего не давая для производства, развиваетъ свою дѣятельность, если можно говорить о таковой, въ исключительно эксплуататорскомъ направленіи.

Но феодальная система тѣсно связана не только съ дальнѣйшими ступенями общественныхъ отношеній въ деревнѣ: къ ней непосредственно примыкаетъ въ своемъ возникновеніи и городское ремесло, и торговый капиталъ, а слѣдовательно, и все городское развитіе до эпохи промышленнаго капитализма. Въ феодальныхъ деревнѣ и усадьбѣ мы уже встрѣтили эмбріональныхъ ремесленниковъ и торговцевъ. Имъ остается порвать свои все еще очень тѣсныя связи съ феодальнымъ производствомъ, съ большей исключительностью опереться на ремесленно-промышленное производство или на торговлю, создать внѣ деревни и внѣ усадьбы самостоятельные центры новой жизни и дѣятельности, уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить зависимость ихъ отъ сеньера,—и передъ нами будетъ ремесленно-торговый городъ: не старый городъ-потребитель, служившій внѣшнимъ придаткомъ къ феодальнымъ усадьбамъ, а средневѣковый городъ, центръ новой экономической жизни, которая въ рядѣ послѣдовательныхъ ступеней развивается до полнаго отрицанія отношеній феодализма.

Феодальный періодъ, какъ и предыдущіе, характеризуется господствомъ натурально-хозяйственныхъ отношеній. Но избытки собственнаго производства уже вообще поступаютъ на рынокъ, нѣкоторые продукты уже съ самаго начала предназначаются для рынка, т.-е. производятся какъ товары, а не какъ предметы собственнаго потребленія. Обмѣнъ развивается до такой совершенной формы, какъ денежная, и выдвигаетъ такой совершенный денежный матеріалъ, какъ золото и серебро, которыя начинаютъ функціонировать въ качествѣ міровыхъ денегъ.

Развитіе денежной формы обмѣна дѣлаетъ возможнымъ накопленіе денегъ для денегъ, эту „варварскую форму производства для производства, т.-е. развитіе производительныхъ силъ общественнаго труда за предѣлы традиціонныхъ потребностей" (Марксъ). Организаторъ, удовлетворяющій часть своихъ потребностей продуктами чуждаго ему производства, накопляетъ денежный матеріалъ, въ которомъ воплощается уже не его непосредственная власть надъ зависимымъ отъ него населеніемъ, а его экономическая власть надъ чужимъ трудомъ вообще. Такимъ образомъ функціонированіе денегъ въ качествѣ сокровища является выраженіемъ новыхъ производственныхъ отношеній между людьми, — тѣхъ отношеній, при которыхъ они противостоятъ другъ другу, какъ товаропроизводители. Возникнувъ изъ натурально-хозяйственныхъ отношеній, накопленіе сокровищъ предвосхищаетъ, антиципируетъ товарное производство, производство на рынокъ.

Точно такъ же, являясь продуктомъ развивающагося обмѣна, золото и серебро, въ качествѣ міровыхъ денегъ, становятся въ то же время средствомъ для расширенія сферы обмѣна. Функціонируя въ качествѣ міровыхъ денегъ, золото и серебро предвосхищаютъ развитіе міровой торговли и производства на міровой рынокъ.

Такъ какъ уже въ феодальномъ обществѣ возникаютъ зачатки тѣхъ отношеній, которыя, достигнувъ полнаго развитія, превращаютъ общество въ рабовладѣльческое, крѣпостническое, ремесленное, торгово-капиталистическое, то зачастую бываетъ до чрезвычайности трудно отграничить отношенія собственно феодальной эпохи. Но, съ другой стороны, эта эпоха характеризуется такимъ внутреннимъ единствомъ и цѣлостностью всѣхъ отношеній, какъ ни одна изъ слѣдующихъ ступеней развитія до эпохи промышленнаго капитализма: и рабовладѣльческое, и крѣпостническое, и ремесленное хозяйства представляютъ лишь частичное отрицаніе системы феодализма, и даже торговый капиталъ обыкновенно оказывается не въ силахъ произвести универсальный переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя же отношенія и категоріи феодализма (напр., крупное землевладѣніе, рента,

крестьянство; въ политической области—наслѣдственность извѣстныхъ положеній, палата лордовъ, господъ и проч.) доживаютъ до эпохи полной зрѣлости промышленнаго капитализма.

По всѣмъ этимъ причинамъ, въ исторіи экономическаго развитія феодализму принадлежитъ центральное мѣсто среди докапиталистическихъ системъ.

IV. РАБОВЛАДѢЛЬЧЕСКІЯ СИСТЕМЫ.

Преобразованіе феодальнаго строя въ различныхъ историческихъ условіяхъ идетъ по различнымъ линіямъ, приводя въ однихъ случаяхъ къ еще гораздо болѣе глубокому закрѣпощенію большинства производителей, въ другихъ, напротивъ, къ относительному ихъ освобожденію, къ превращенію въ самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ. Мы послѣдовательно разсмотримъ тѣ и другія формы. Изъ рабовладѣльческихъ системъ выступили всего раньше и по существу простѣйшій типъ представляютъ организаціи восточныхъ деспотій.

А. ВОСТОЧНОЕ РАБСТВО.

Переходъ феодальныхъ системъ въ восточно-деспотическія имѣлъ мѣсто тамъ, гдѣ условія „внѣшней природы", среды, окружающей феодальное общество, требовали устойчиваго и тѣснаго сплоченія, какое не было свойственно феодальному строю. Мы знаемъ, что внѣшней средой для соціальной системы являются не только элементы физической природы, съ которыми она имѣетъ дѣло въ производствѣ, но также другія, не объединенныя съ нею человѣческія общества, съ которыми она сталкивается и ведетъ борьбу. И въ той, и въ другой области одинаково могутъ лежать причины, дѣлающія недостаточнымъ феодальное объединеніе, приводящія къ созданію наиболѣе прочныхъ, наиболѣе законченныхъ авторитарныхъ организацій.

Первыя деспотическія системы отнюдь не случайнымъ образомъ возникли въ плодородныхъ долинахъ великихъ историческихъ рѣкъ, Нила, Тигра и Евфрата, Хо-ан-хэ, Ганга и др. Тамъ сама природа ставила передъ людьми такую техническую задачу, выполненіе которой было возможно только для обширной и сплоченной общественной организаціи: вся судьба земледѣльческаго производства, которое тамъ развивалось, какъ основной источникъ жизни людей, зависѣла отъ регулированія этихъ рѣкъ, разливы которыхъ оплодотворяли почву, но могли также въ своихъ стихійныхъ колебаніяхъ время отъ времени опусто-

шать страну и разрушать всѣ плоды человѣческаго труда. Феодальное общество, слабо связанное въ своихъ частяхъ, часто потрясаемое мелкими внутренними войнами, конечно, не было организацiей, способной систематически вести необходимыя инженерныя работы, поддерживать оросительныя сооруженiя, контролировать резервуары, шлюзы и т. д. Объединенiе болѣе тѣсное и глубокое являлось исторически неизбѣжнымъ и достигалось, рано или поздно, обычнымъ методомъ тѣхъ временъ—методомъ завоеванiя. Феодальныя группы, наиболѣе сильныя экономически и численно, а въ то же время, вѣроятно, по самому своему территорiальному положенiю наиболѣе заинтересованныя въ разрѣшенiи общей технической задачи, побѣждая и покоряя своихъ сосѣдей, не ограничивались приведенiемъ ихъ въ вассальное состоянiе и наложенiемъ на нихъ дани, а стремились использовать ихъ въ принудительныхъ работахъ для своихъ техническихъ цѣлей. Эти принудительныя работы и были исходнымъ пунктомъ развитiя того всеобщаго рабства, которое составляетъ сущность восточныхъ деспотiй.

Въ другихъ случаяхъ стимуломъ устойчиваго авторитарнаго сплоченiя разрозненныхъ феодальныхъ группъ въ обширныя и мощныя деспотiи оказывалась необходимость защиты отъ хроническихъ, все болѣе усиливающихся нападенiй извнѣ. Такъ, образованiе персидскаго царства было въ значительной мѣрѣ результатомъ постоянныхъ набѣговъ туранскихъ племенъ; турецкая имперiя прiобрѣла свою рѣзко централистическую организацiю, благодаря борьбѣ съ арабами и европейцами, которые тѣснили ее, не переставая. Не разъ, какъ мы уже видѣли, и европейскiй феодальный мiръ на время объединялся въ „имперiю“ подъ влiянiемъ аналогичныхъ условiй; такова была, прежде всего, имперiя Карла Великаго—военное объединенiе Западной Европы для защиты отъ мавровъ, саксовъ и славянъ. Но здѣсь послѣ нѣсколькихъ серьезныхъ ударовъ, нанесенныхъ внѣшнимъ врагамъ, ихъ аттаки ослабѣвали, стимулы централизацiи, слѣдовательно, отпадали, и феодальный мiръ вновь принималъ свои старыя, разрозненныя формы: имперiя не успѣвала прочно централистически организовать его и закрѣпить себя созданiемъ широкой бюрократiи. Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ—жреческая организацiя, отстаивая свое экономическое могущество, свою власть надъ феодальнымъ мiромъ, не давала свѣтской и военной власти укрѣпиться и подняться до уровня восточныхъ формъ, сама же создала, въ видѣ папства, лишь чрезвычайно смягченную форму централистическаго объединенiя, въ рамкахъ которой не только продолжалъ сохраняться въ своей прежней разрозненности свѣтскiй феодализмъ, но изъ него могли даже мѣстами выдѣляться элементы новыхъ, болѣе свободныхъ организацiй—ремесленныхъ и вольно-крестьянскихъ общинъ.

Самыя прочныя и законченныя формы восточной централизаціи развивались тамъ, гдѣ существовали и техническія, и военныя потребности въ централизаціи, какъ это было, напр., въ Китаѣ, съ его плодородными, затопляемыми низменностями, и съ непрерывно идущими въ ряду вѣковъ нападеніями кочевниковъ-монголовъ.

Сущность соціальнаго преобразованія при переходѣ феодальныхъ системъ въ восточно-деспотическія сводится къ двумъ моментамъ: образованіе организаціи чиновничества съ одной стороны, чрезвычайное усиленіе эксплуатаціи, а съ нею фактическаго и юридическаго порабощенія народной массы—съ другой стороны.

Несомнѣнно, что прообразомъ и основою іерархіи чиновнической послужила іерархія феодальная. Но тамъ авторитарная роль сюзерена ограничена въ силу его интересовъ, и это ограниченіе закрѣпляется въ обычномъ правѣ. Сюзерену нѣтъ ни надобности, ни выгоды вмѣшиваться въ непосредственную экономическую дѣятельность его вассала, положимъ, его крестьянина, пока оброки и барщина отбываются исправно; а равнымъ образомъ нѣтъ ни надобности, ни выгоды увеличивать то и другое въ подрывъ благосостоянію вассала, пока хозяйство самого феодала остается по-преимуществу натуральнымъ, ибо тогда потребленіе не можетъ у него возрастать сколько-нибудь быстро. Но съ превращеніемъ части феодальнаго сословія въ чиновниковъ деспотіи всѣ эти отношенія начинаютъ быстро измѣняться.

По основной своей задачѣ, чиновники являются организаторами постояннаго центральнаго или „государственнаго“ хозяйства, техническаго, военнаго, и, разумѣется, податного, на которомъ держится то и другое. Хозяйство это, чрезвычайно крупное и сложное, нуждается въ самой строгой дисциплинѣ, которая при авторитарныхъ отношеніяхъ возможна только въ видѣ полнѣйшаго закрѣпощенія непосредственныхъ исполнителей. Военно-плѣнные, примѣняемые для различныхъ государственныхъ работъ, раньше всего становятся государственными рабами въ самомъ суровомъ значеніи этого слова; но скоро съ ними въ этомъ отношеніи почти или даже вполнѣ уравниваются и всѣ тѣ изъ числа собственныхъ подданныхъ государства, которые были взяты для его работъ. И по мѣрѣ развитія изъ прежней феодальной іерархіи новаго, централизованнаго чиновническаго механизма, авторитарный принципъ проводится все съ большей безпощадностью, въ видѣ ничѣмъ неограниченнаго подчиненія низшихъ высшимъ, причемъ послѣдне звено цѣпи, деспотическій монархъ, смѣнившій верховнаго сюзерена, пріобрѣтаетъ абсолютную власть надъ всѣми безъ исключенія. Даже въ предпослѣднихъ звеньяхъ не можетъ сохраниться той относительной независимости, какая была свойственна вассально-феодальнымъ отношеніямъ.

Самое существо бюрократической организаціи—дѣловой организаціи крупнѣйшаго централизованнаго предпріятія—требуетъ, чтобы чиновникъ назначался сверху, а не получалъ власть по наслѣдству, какъ феодалъ, подвластный высшему феодалу, но фактически получающій свой ленъ отъ отца. Сатрапы областей еще довольно долго замѣщались по наслѣдству, но постепенно и они, какъ это наблюдалось, напр., въ Персіи, въ Египтѣ, стали замѣщаться по назначенію; а къ министрамъ это относится тѣмъ въ бо̀льшей мѣрѣ. При всей своей огромной власти надъ подчиненными, чиновникъ самъ остается существомъ подневольнымъ. Кого деспотъ назначаетъ, того онъ можетъ всегда и смѣнить, можетъ низвести до положенія послѣдняго изъ рабовъ, а слѣдовательно, и убить и, вообще, сдѣлать съ нимъ, что угодно.

Только жречество, опираясь на огромную соціальную важность своихъ обще-организаторскихъ функцій во всѣхъ тѣхъ областяхъ жизни, которыя не регулируются прямо бюрократическимъ аппаратомъ, обыкновенно оказывается въ силахъ сохранить нѣкоторую независимость по отношенію къ его подавляющей власти. А въ тѣхъ случаяхъ, когда жрецы, со своими высшими техническими знаніями, являлись необходимыми главными руководителями центральныхъ государственныхъ работъ, какъ это было, напр., въ Египтѣ, ихъ вліяніе и власть порою не только не уступали могуществу свѣтской бюрократіи, но даже перевѣшивали его, причемъ только практиковались ими въ болѣе мягкой формѣ. Но это не измѣняло ни общаго характера системы въ ея цѣломъ, ни того положенія, которое создавалось ею для народныхъ массъ.

Исходя изъ государственнаго механизма, система порабощенія распространяется дальше, на все общество. Все подчинено этому механизму, и все эксплуатируется имъ для его цѣлей. Остальное населеніе страны для него только—источникъ податей и рабочихъ силъ. Любая община—прежняя феодальная группа—облагается оброкомъ. столько-то и такихъ-то продуктовъ, столько-то и такихъ-то людей на царскую службу. Но размѣры оброка уже не ограничены установившимися нормами обычнаго права: бюрократическій механизмъ считается съ ними лишь постольку, поскольку это согласуется съ его потребностями и разсчетами; онъ всегда беретъ все, что ему надо, ибо передъ его гигантской силой община совершенно ничтожна, она можетъ только покоряться. А потребности бюрократическаго механизма неизбѣжно и непрерывно возрастаютъ, потому что это не только потребности государственнаго хозяйства, т.-е. центральныхъ техническихъ предпріятій и арміи, но также потребности самой бюрократіи, которая кормится за счетъ податей. Коренная необезпеченность, неизмѣнно тяготѣющая надъ каждымъ представителемъ бюрократической системы—онъ всегда можетъ

быть смѣненъ по произволу начальства, и не имѣетъ права на передачу своей должности наслѣдникамъ,—заставляетъ бюрократію все въ большей мѣрѣ эксплуатировать населеніе для себя, для обезпеченія своего будущаго и будущаго своихъ семей; эксплуатація усиливается вплоть до физическаго своего предѣла, взятки представляютъ нормальный дополнительный оброкъ съ населенія въ пользу чиновничества, вліятельными чиновниками при всякомъ удобномъ случаѣ создаются новыя, хотя бы фиктивныя должности для пристраиванья близкихъ людей и т. д., и т. д. А поскольку еще сохраняются остатки собственно феодальныхъ отношеній, постольку и феодальная эксплуатація принимаетъ такой же безпощадно-интенсивный характеръ. передъ лицомъ могущественной бюрократіи положеніе прежняго феодала непрочно, онъ всегда можетъ быть ограбленъ ею и прямо, посредствомъ вымогательства, и косвенно, посредствомъ непосильнаго обложенія податями его вассаловъ, причемъ ему уже нечего будетъ съ нихъ взять. Очевидно, и ему остается только усиливать эксплуатацію, насколько возможно, подавляя всякое противодѣйствіе ленниковъ, усиливая гнетъ и произволъ, попирая старые права и обычаи, охранявшіе интересы подвластныхъ ему людей.

Затѣмъ, государственный механизмъ беретъ дань съ населенія не только продуктами, но и людьми. Если съ данной общины берется столько-то людей въ пользу государства, то это нѣчто совершенно иное, чѣмъ феодальная барщина, мирная и военная. Сохраняется, правда, обычно и барщина стараго типа, т.-е. налагается на общину повинность дать столько-то людей на столько-то рабочихъ дней для государственныхъ потребностей, напр., чтобы чинить мѣстныя дороги, поправлять мосты и т. под.; но, помимо этого, государству нужны люди въ непрерывное, неограниченное распоряженіе—для его центральныхъ работъ, для службы въ постоянномъ войскѣ, для безконечнаго количества мелкихъ порученій различныхъ чиновниковъ, для прислуживанья при дворѣ деспота и при дворахъ его приближенныхъ и т. д. Тутъ уже люди окончательно отрываются отъ родной почвы; чаще всего государство совсѣмъ не возвращаетъ ихъ тѣмъ общинамъ, изъ которыхъ взяло, а если иногда отпускаетъ на свободу, то скорѣе въ видѣ особой милости и награды за долгую, усердную службу; эти люди — государственные рабы въ самомъ полномъ смыслѣ слова, практически на каждомъ шагу обращаемые въ личныхъ рабовъ деспота или окружающихъ его знатныхъ людей, которымъ они будутъ отданы, подарены. Они — живой оброкъ, входящій въ исчисленіе податей, заносимый въ приходъ, когда они поступаютъ, въ расходъ — когда умираютъ или выбрасываются за негодностью для дѣла. Живой оброкъ можетъ замѣщаться мертвымъ,

и обратно: община можетъ дать больше продуктовъ (или также денегъ, когда натуральное хозяйство уже осложнено мѣновымъ) и меньше „людей"; но если община не въ силахъ выплатить положенный оброкъ продуктами и деньгами, и никакое выколачиванье уже не помогаетъ дѣлу, то съ нея берутъ больше „людей". Такимъ образомъ, дѣйствіе государственнаго механизма деспотіи окончательно уравниваетъ человѣка съ продуктами его труда, а въ этомъ и состоитъ сущность всякаго рабства.

Посредникомъ въ передачѣ живого оброка государству является чаще всего прежній феодалъ, и это дѣлаетъ его настоящимъ рабовладѣльцемъ по отношенію къ его подданнымъ: онъ выбираетъ и отдаетъ тѣхъ, кого ему угодно, ихъ судьба всецѣло въ его рукахъ, онъ разсматриваетъ ихъ, какъ свою собственность, а по мѣрѣ развитія обмѣна— и какъ товаръ, который онъ можетъ продавать, если найдетъ это выгоднымъ для себя.

Такъ послѣдовательная централизація феодальной системы, исходящая изъ техническихъ и военныхъ потребностей, приводитъ шагъ за шагомъ къ предѣльной формѣ авторитарнаго общества — восточно-рабовладѣльческой деспотіи.

Какая гигантская сумма человѣческаго труда концентрируется и расточается государственнымъ механизмомъ подобныхъ организацій, о томъ свидѣтельствуютъ такія подавляющія своей грандіозностью всякую фантазію сооруженія, какъ выкопанное руками людей обширное озеро для нильской воды и пирамиды фараоновъ, пограничная стѣна въ Китаѣ, а особенно — такія столицы, какъ Ниневія, Вавилонъ. Государство брало въ свое распоряженіе и объединяло въ своихъ центрахъ все возрастающую массу рабочихъ силъ, стремясь превратить все общество какъ-бы въ одинъ „ойкосъ" монарха. И, напр., Египетъ за тысячелѣтія своей исторіи успѣлъ въ значительной мѣрѣ приблизиться къ этому предѣлу.

Что касается роли обмѣна въ эволюціи восточныхъ обществъ, то она такова. Во-первыхъ, онъ обостряетъ и ускоряетъ развитіе эксплуататорскихъ тенденцій, — знаменитая роскошь восточныхъ деспотій основывается отнюдь не только на непосредственной эксплуатаціи и военномъ грабежѣ, но еще больше—на возможности вымѣнивать предметы роскоши, привозимые изъ другихъ странъ, за продукты, собираемые съ подданныхъ въ видѣ оброковъ. Во-вторыхъ, обмѣнъ углубляетъ и завершаетъ авторитарное закрѣпощеніе тѣмъ, что одѣваетъ человѣка въ товарную форму. Авторитарный механизмъ деспотіи превращалъ человѣка въ потребительную стоимость; но при этомъ обезличеніе не имѣло еще абсолютнаго характера: какъ потребляемая рабочая сила, одинъ чело-

вѣкъ не вполнѣ одинаковъ съ другими людьми и тѣмъ болѣе отличается отъ прочихъ предметовъ потребленія: а взятый, какъ мѣновая стоимость, онъ уже совершенно эквивалентенъ всякому другому товару, различія остаются только количественныя—„больше“ и „меньше“, человѣкъ—та сумма денегъ, за которую его можно купить или, въ случаѣ уничтоженія, замѣнить такимъ же новымъ,—и ничего больше.

Отсюда получается слѣдующій парадоксъ: хотя рѣшительно преобладающій типъ хозяйства по-прежнему натуральный, хотя потокъ обмѣна захватываетъ, главнымъ образомъ, предметы роскоши и лишь относительно малую долю другихъ объектовъ потребленія,—вполнѣ развитая восточная деспотія представляетъ общество „мѣновое“ въ самомъ своеобразномъ и грубомъ значеніи слова, именно въ томъ, что почти каждый членъ этого общества имѣетъ „мѣновыя“ свойства, является возможнымъ товаромъ всѣ рабы могутъ продаваться ихъ господами, всѣ дѣти—ихъ родителями, всѣ жены—ихъ мужьями, и наконецъ, всѣ подданные вообще, безъ различія,—деспотомъ.

Объ идеологіи подобныхъ системъ говорить много нѣтъ надобности. Совершенно ясно, что она можетъ быть только насквозь авторитарной, въ религіозныхъ формахъ — насквозь застойной, неподвижной, враждебной всякому движенію и творчеству въ какой бы то ни было области соціальной жизни.

Силы развитія здѣсь остаются, конечно, въ общемъ тѣ же, что и при феодальномъ строѣ; нѣсколько измѣнены только ихъ соотношенія,—напр., рѣзче обнаруживается дѣйствіе того „относительнаго“ перенаселенія, которое въ данномъ случаѣ зависитъ отъ прогрессивнаго роста потребностей бюрократіи съ одной стороны, прежнихъ феодаловъ, т.-е. тутъ уже рабовладѣльцевъ-помѣщиковъ—съ другой. Но силамъ развитія въ восточно-деспотическихъ системахъ противостоятъ могущественные дѣятели вырожденія, вліяніе которыхъ съ теченіемъ времени возрастаетъ и, наконецъ, не только парализуетъ всякое движеніе общества впередъ, но приводитъ даже рано или поздно къ его глубокому распаду.

Для соціальнаго прогресса всегда требуется нѣкоторый избытокъ соціальной энергіи, который могъ бы направиться въ сторону преобразованія общественныхъ формъ. Это условіе все болѣе и болѣе исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ восточное рабство складывается въ тотъ законченный типъ, который мы описали. Непрерывное усиленіе эксплуатаціи народныхъ массъ бюрократіей и знатью, безграничное закрѣпощеніе производителей ведутъ къ двойному результату: къ развитію верховъ въ направленіи голаго и грубаго паразитизма, къ полному жизненному истощенію низовъ.

Естественно и понятно, что верхи соціальной организаціи, сосредоточивъ свое вниманіе и энергію на выжиманіи народа и пользуясь своей властью надъ подчиненными, все болѣе и болѣе перелагаютъ на нихъ свои производительныя, общественно-необходимыя функціи, а сами утопаютъ въ восточномъ бездѣльѣ, роскоши и развратѣ. Избытокъ энергіи тутъ, конечно, имѣется на-лицо, но онъ растрачивается чисто-паразитически, безполезно для общества. А что касается до низовъ, задавленныхъ непосильной работой, разоряемыхъ растущими потребностями господъ, угнетаемыхъ безпредѣльнымъ произволомъ, — то здѣсь не только никакого избытка энергіи не оказывается, но при полномъ развитіи системы затраты энергіи переходятъ за предѣлъ ея усвоенія, жизнеспособность уменьшается, начинается прогрессивное вырожденіе, а въ его результатѣ можетъ явиться даже частичное вымираніе.

Процессъ этотъ въ большихъ деспотіяхъ длится иногда многія сотни лѣтъ; но по существу своему — онъ безысходенъ. Его завершеніемъ могла бы быть только гибель даннаго общества какъ цѣлаго, его разложеніе на составныя части, съ возвращеніемъ къ исторически-низшимъ формамъ техники и сотрудничества. На дѣлѣ, вопросъ рѣшается обыкновенно вмѣшательствомъ внѣшнихъ силъ.

Международная среда опредѣляетъ судьбы народовъ, утратившихъ внутренніе элементы развитія, застывающихъ и разлагающихся. Приходятъ дикіе кочевники, сметаютъ съ лица земли дряхлую культуру и утверждаются на ея развалинахъ, начиная вмѣстѣ съ остатками прежнихъ обитателей, приведенными къ уровню завоевателей, новый циклъ историческаго развитія, которому предстоитъ, можетъ быть, такой же конечный исходъ. Или, наоборотъ, приходитъ торговый, а за нимъ и промышленный капиталъ изъ другихъ странъ; опираясь на ихъ военную силу и высшую технику, беретъ въ свои руки эксплуатацію задавленныхъ рабствомъ народныхъ массъ и, цѣною усиленнаго вымиранія одной ихъ части, культурно поднимаетъ мало-по-малу остальную; старая система деспотизма и рабства разрушается, народъ вступаетъ въ общій потокъ капиталистической мировой цивилизаціи.

Сама же по себѣ, восточно-рабовладѣльческая культура есть замкнутый типъ экономическаго развитія, не способный пойти дальше извѣстнаго предѣла, за которымъ переходитъ въ деградацію. Роль этой культуры въ обще-человѣческомъ движеніи теперь уже закончена, сохраняющіеся кое-гдѣ остатки—только пассивный матеріалъ для переработки въ новыя, существенно иныя формы жизни.

В. АНТИЧНОЕ РАБСТВО.

Иной типъ культуры, — подобно рабству восточному, завершающійся деградаціей, но гораздо болѣе высокій во своемъ развитіи,—представляла система рабства въ классическомъ мірѣ. Въ ней элементъ мѣновыхъ отношеній былъ выраженъ несравненно сильнѣе, чѣмъ въ восточномъ рабствѣ; основу же ея представляла постоянная, столѣтія длившаяся борьба націй соціально-передовыхъ съ окружавшими ихъ племенами низшихъ ступеней развитія.

1. Происхожденіе античнаго рабства.

Древнѣйшее систематическое описаніе общественнаго строя грековъ, данное въ гомеровскомъ эпосѣ, рисуетъ передъ нами картину, несомнѣнно, феодальнаго строя со множествомъ уцѣлѣвшихъ еще остатковъ патріархально-родового быта. Иліада рисуетъ этотъ феодализмъ въ его военной организаціи, въ такой моментъ, когда онъ выступаетъ временно и непрочно централизованнымъ силою борьбы противъ общаго врага, Одиссея — въ его обыденной, мирной жизни. Слова „царь“ и „рабъ“ („Βασιλεύς“ или „ἄναξ“, и δοῦλος“) отнюдь не означаютъ у Гомера ни существованія царской власти въ позднѣйшемъ, централистическомъ смыслѣ, ни института рабства въ смыслѣ закрѣпощенія человѣка и превращенія его въ простое орудіе производства. Такъ называемый „царь“ былъ военнымъ сюзереномъ и иногда — верховнымъ жрецомъ союза феодальныхъ группъ, называвшихся „родами“ (γένη) и „фратріями“ (φρατρία—объединеніе нѣсколькихъ γένη родственнаго происхожденія), причемъ эти названія были уже только отчасти выраженіемъ живой, непосредственной кровной связи между членами подобныхъ группъ, отчасти же—идеологическимъ ея остаткомъ, напоминаніемъ объ общихъ предкахъ. А „рабство“ того времени было, насколько можно судить по фактическимъ указаніямъ того же эпоса, довольно мягкою формой подчиненія, основанной въ большинствѣ случаевъ на принятіи плѣнниковъ въ составъ „рода“ побѣдителей *). Сила патріархально-родовыхъ традицій поддерживалась болѣе тѣснымъ, чѣмъ, напр., въ средневѣковой феодальной Европѣ, разселеніемъ родственныхъ по

*) „Одиссея“ рисуетъ картины живого, дружескаго общенія между свободными людьми, даже „царями“, — и принадлежащими къ ихъ хозяйству „рабами“. По отношенію къ рабамъ примѣняется нерѣдко почетный эпитетъ героевъ — „ἰσόθεος“— богоравный, вещь абсолютно немыслимая въ произведеніяхъ эпохи настоящаго рабства.

происхожденію феодальныхъ общинъ, болѣе постояннымъ ихъ соприкосновеніемъ въ мирныхъ сношеніяхъ, главнымъ образомъ, конечно мѣновыхъ. Результатомъ прочности этихъ традицій и этихъ связей былъ своеобразный демократизмъ общественной организаціи: феодальные союзы объединялись въ еще большей мѣрѣ совѣтами своихъ старѣйшинъ или родовыхъ вождей, чѣмъ очень слабой въ мирное время и только въ военное пріобрѣтавшей большое значеніе властью общаго сюзерена—„царя"; послѣдній, повидимому, часто даже выбирался и, во всякомъ случаѣ, обыкновенно утверждался этими совѣтами. Но даже и внутри феодально-родовыхъ общинъ функція организатора не обособилась съ той рѣзкостью, какъ въ патріархальныхъ и феодальныхъ общинахъ Востока, и власть его не стала такой неограниченной. объ этомъ свидѣтельствуетъ выступающее наряду съ совѣтомъ старѣйшинъ народное собраніе (ἀγορά, ἐκκλησία—агора, экклесія), которое составляютъ рядовые члены общинъ — не всѣ, разумѣется, а главы семей, или также вообще тѣ, кто въ состояніи носить оружіе; это народное собраніе своимъ одобреніемъ или запрещеніемъ ограничиваетъ власть совѣта старѣйшинъ, а также и „царя"; и конечно, надо предполагать, что внутри общины отношенія между ея главою и прочими взрослыми членами приблизительно такія же. Вообще, тутъ передъ нами организація переходнаго типа, феодализмъ, смягченный, съ одной стороны, остатками родовыхъ отношеній, съ другой стороны — сравнительно широкимъ общеніемъ между членами различныхъ группъ, отсутствіемъ той изолированности ихъ и замкнутости, которая отчеканиваетъ въ ряду вѣковъ болѣе чистыя формы авторитарной связи, патріархальныя и феодальныя.

Въ существенныхъ чертахъ такова же была организація италійскихъ племенъ въ тѣ времена, когда они выступаютъ на арену исторіи. Только проявляются авторитарныя отношенія рѣзче и суровѣе. То смягчающее ихъ вліяніе, которое заключается въ болѣе „городскомъ" характерѣ начала греческой культуры, въ выше отмѣченной широтѣ связей и сношеній между патріархально-феодальными группами, здѣсь выражено гораздо слабѣе. Въ остальномъ сходство полное. Греческимъ родамъ соотвѣтствуютъ италійскіе роды (у латинянъ—gentes, даже имя почти то же самое), „фратріямъ"—латинскія „куріи", „филамъ" (племена) — римскія „трибы"; и здѣсь и тамъ высшую форму союза представляетъ „народъ". Элементы своеобразнаго общинно-родового демократизма и здѣсь имѣлись на-лицо; зародыши „рабства" такъ же мало напоминали тѣ развитыя его формы, которыя впослѣдствіи стали основою римской культуры, а также и причиною ея паденія.

Прогрессъ обмѣна, а съ нимъ и частной собственности разлагалъ

остатки родового и феодально-общиннаго хозяйства, выдвигая на ихъ мѣсто хозяйство индивидуально-семейное.

Обособленіе индивидуальнаго хозяйства есть въ то же время развитіе частной собственности. Конечно, и при феодально-родовомъ бытѣ ея элементы намѣчены уже весьма значительно, въ зависимости отъ немалаго уже тогда распространенія обмѣна, достигшаго примитивно-денежной формы (у Гомера „деньгами“ служитъ еще скотъ, а рядомъ съ этимъ практикуется прямой обмѣнъ, т.-е. вторая его форма). Оружіе, большая часть орудій, особенно ремесленныя, домъ отдѣльной семьи, а съ нимъ, естественно, усадебная земля, а затѣмъ и скотъ, могутъ считаться несомнѣнными объектами частной собственности еще въ феодально-родовую эпоху. Напротивъ, сохраняется общинная собственность на землю не только луговую, но и пахатную; а поскольку велась общинная обработка земли, то вначалѣ и земледѣльческія орудія оставались въ общемъ владѣніи „рода“. Но по мѣрѣ того, какъ обмѣнъ, уже извѣстными намъ способами, выдѣляетъ все рѣзче индивидуальное хозяйство, и остатки общинной обработки земли исчезаютъ, пахатная земля все болѣе переходитъ въ частную собственность отдѣльныхъ семей, и только общинная собственность на пастбища, лѣса и воды держится еще долго, чтобы окончательно исчезнуть во времена полнаго расцвѣта антично-классоваго строя.

Прогрессъ обмѣна и частной собственности выражалъ развивающееся общественное раздѣленіе труда. На его основѣ мало-по-малу образовались классы ремесленниковъ, торговцевъ и мелкихъ крестьянъ; послѣдній былъ особенно многочисленъ въ римской республикѣ въ эпоху тѣхъ войнъ, которыя дали ей господство надъ всей Италіей и преобладаніе на Средиземномъ морѣ; изъ крестьянства рекрутировались тогда въ своей наибольшей массѣ римскіе легіоны; его строгіе нравы и суровая дисциплина его патріархальной семьи были основою военной доблести римской арміи. Въ Греціи городъ очень рано получилъ перевѣсъ надъ деревней, ея крестьянство никогда не достигало такой численности и силы, какъ италійское; это было одной изъ причинъ того, что, несмотря на высокую военную технику и великія побѣды въ оборонительной войнѣ противъ варваровъ, Греція не могла выполнить такой завоевательно-объединительской роли для древняго міра, какая досталась на долю Рима, и что даже македонско-греческая имперія явилась лишь непрочнымъ, эфемернымъ объединеніемъ *).

*) Эту дифференціацію классовъ не слѣдуетъ представлять себѣ ни слишкомъ стремительной, ни слишкомъ рѣзкой. Очень часто ремесленники и торговцы владѣютъ участками земли, на которыхъ съ помощью другихъ членовъ своей семьи, а также рабовъ, если они имѣются, ведутъ сельское хозяйство. Къ этому усиленно стремятся,

Хроническія войны противъ „варваровъ", непрерывно нападавшихъ на Грецію и Италію съ востока, сѣвера и юга, были другимъ могущественнымъ дѣятелемъ, который, въ связи съ развитіемъ обмѣна и частной собственности, оказалъ рѣшающее вліяніе на общественную организацію античнаго міра и на судьбы его культуры.

Эти войны, благодаря преимуществамъ оружейной техники и особенно военной организаціи, какими обладали греки и римляне въ зависимости отъ своего болѣе высокаго экономическаго и обще-культурнаго уровня, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ оставались для нихъ неизмѣнно побѣдоносными и были источникомъ постояннаго притока военно-плѣнныхъ, которые, какъ мы знаемъ, обращались въ „рабовъ". Но съ разложеніемъ послѣднихъ остатковъ родового строя, та же сила обмѣна и частной собственности, которая ихъ разрушала, приводила къ существеннымъ перемѣнамъ въ соціальномъ положеніи рабовъ. Прежняя патріархальность отношеній утрачивалась, мягкія формы подчиненія смѣнялись болѣе суровыми, изъ неполноправныхъ, положимъ, но все-же членовъ феодально-родовой общины, изъ ея сотрудниковъ рабы превращались все болѣе въ объектъ эксплуатаціи по-преимуществу, а затѣмъ—въ личную частную собственность и въ товаръ.

Всюду, гдѣ въ натуральномъ хозяйствѣ имѣются хотя бы зародыши эксплуатаціи, развитіе обмѣна имѣетъ тенденцію ихъ усиливать, потому что оно ведетъ, какъ мы видѣли, къ расширенію потребностей тѣхъ, кто эксплуатируетъ, а при денежной формѣ обмѣна порождаетъ все болѣе сильную жажду накопленія. Такъ было, конечно, и въ данномъ случаѣ· взглядъ на раба, какъ на полезнаго сотрудника, хотя бы и не родного по крови, оттѣснялся все болѣе взглядомъ на него, какъ на производителя прибавочнаго продукта и, значитъ, прибавочной стоимости; на него возлагалось все большее количество работы, къ нему примѣнялись все болѣе строгія, — а затѣмъ и жестокія мѣры принужденія. Этимъ увеличивалось разстояніе между рабомъ и свободными людьми, принижалось его положеніе въ обществѣ.

потому что прочную экономическую опору для человѣка въ тѣ времена даетъ только земля, только возможность имѣть необходимѣйшіе предметы потребленія изъ собственнаго хозяйства.—Но тяготѣніе къ землѣ, ослабляющее рѣзкость общественнаго раздѣленія труда, нисколько не сглаживаетъ дифференціаціи классовъ по ихъ экономической силѣ, по накопленію богатства и обѣдненію. Напротивъ, такъ какъ пріобрѣтать землю и прочно на ней укрѣпляться всего легче элементамъ наиболѣе состоятельнымъ, а мелкіе производители гораздо чаще попадаютъ въ затруднительное финансовое положеніе, вынуждающее ихъ къ продажѣ участковъ своей земли, то дѣло сводится къ постепенной, вначалѣ медленной, а потомъ все болѣе быстрой, экспропріаціи мелкихъ собственниковъ, обостряющей экономическое расхожденіе классовъ.

Раньше личность раба была соціально связана со всей той феодально-родовой общиной, въ составѣ которой онъ находился, а отнюдь не только съ личностью ея главы, который, разумѣется, преимущественно распоряжался примѣненіемъ его рабочей силы. Теперь же эта первая связь исчезаетъ какъ потому, что происходитъ распаденіе самой феодально-родовой группы на индивидуальныя хозяйства, такъ и потому, что раба отъ всѣхъ вообще свободныхъ людей отдѣляетъ все болѣе глубокая соціальная пропасть. Напротивъ, связь подчиненія, связь личной эксплуатаціи, приковывающая раба къ его господину, прежнему главѣ патріархальной группы, становится все болѣе тѣсной: рабъ, какъ предметъ безконтрольной эксплуатаціи, обращался шагъ за шагомъ въ простую личную собственность господина.

Вполнѣ естественно и понятно, при такихъ условіяхъ, превращеніе раба и въ товаръ, довершающее его соціальную деградацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбѣжно понижается также интеллектуальный и вообще культурный типъ раба. Раньше, живя въ общинѣ, болѣе или менѣе одною съ нею жизнью, онъ, такъ сказать, ассимилировался ею и становился духовно подобенъ остальнымъ ея членамъ. Теперь это общеніе отпадаетъ, смѣняясь почти голыми отношеніями эксплуатаціи; а самая возможность культурнаго развитія для раба убываетъ, по мѣрѣ того какъ его время и силы все полнѣе поглощаются принудительной работой. Среди растущей, богатой цивилизаціи рабъ является тогда варваромъ, но не тѣмъ здоровымъ, воспріимчивымъ, способнымъ къ прогрессу варваромъ, какими были на свободѣ его предки, а забитымъ, культурно-безсильнымъ, отупѣлымъ. Создается какъ бы особая раса рабовъ, во всѣхъ отношеніяхъ низшая *).

Когда рабы стали товаромъ, на который спросъ предъявлялся, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе значительный, то къ прежнему источнику рабовъ—войнамъ съ варварами—прибавился еще новый: покупка ихъ у тѣхъ же варваровъ. Ведя войны между собою, варвары часто находили выгоднымъ продавать своихъ плѣнниковъ за хорошую цѣну своимъ болѣе культурнымъ сосѣдямъ. — Впрочемъ, это дѣлалось и не съ одними варварами. Военное право тѣхъ временъ было достаточно жестокимъ и въ то же время неопредѣленнымъ; въ своихъ взаимныхъ войнахъ государства греческія, равно какъ и италійскія, то и дѣло завершали побѣду продажею побѣжденныхъ въ рабство. Мало того, съ развитіемъ кредита или, вѣрнѣе, ростовщичества, разоренные должники очень часто также стали продаваться въ рабство; а иногда они сами

*) Отчасти, но только отчасти, измѣняется это положеніе къ концу античной эпохи. Объ этомъ рѣчь впереди, когда намъ придется говорить о соціальной роли ученыхъ рабовъ, рабовъ-управителей, вольноотпущенниковъ и т. п.

продавали своихъ дѣтей для уплаты долговъ *). Но основнымъ источникомъ человѣческаго товара оставались все-таки войны съ варварами, и пока войны эти продолжали быть побѣдоносными, непрерывный притокъ рабовъ былъ обезпеченъ.

Такимъ образомъ складывалась и укрѣплялась основная черта общественной организаціи античнаго міра — ея рабовладѣльческій характеръ. Сохранялось множество мелкихъ ремесленныхъ и крестьянскихъ хозяйствъ, изъ нихъ, вѣроятно, значительное большинство безъ всякаго рабскаго труда, и вообще, хозяйства рабовладѣльческія численно отнюдь не преобладали. Но они представляли наибольшую экономическую силу тогдашняго общества. Число рабовъ въ нихъ измѣрялось, въ эпохи расцвѣта, зачастую не только десятками и сотнями, но даже тысячами, и потому естественно, что, напр., въ Аѳинахъ во времена Пелопонесской войны общее количество рабовъ во много разъ превосходило количество свободныхъ людей. Хозяйства, не имѣвшія рабовъ, стремились завести ихъ, — словомъ, экономически тяготѣли къ рабовладѣльческому типу, какъ высшему. На рынкѣ же они должны были приспособляться къ условіямъ, которыя создавались крупно-рабовладѣльческимъ производствомъ. Такъ для нашего времени технически и экономически опредѣляющими современную культуру въ ея развитіи являются предпріятія крупно-капиталистическія, хотя по своей численности, а въ большинствѣ странъ и по общей численности занятыхъ въ нихъ рабочихъ силъ, они уступаютъ мелкому производству.

Экономическое, а также и политическое вліяніе класса рабовладѣльцевъ поддерживалось, затѣмъ, институтомъ „вольноотпущенниковъ“ и напоминавшимъ феодальную зависимость институтомъ „кліентовъ“. Рабъ, отпущенный на волю, не становился еще вполнѣ свободнымъ человѣкомъ, а сохранялъ нѣкоторую своеобразную связь со своимъ прежнимъ господиномъ — пользовался его экономическимъ и юридическимъ покровительствомъ; а также самъ обязанъ былъ, въ случаѣ надобности, оказывать ему надлежащую поддержку; господинъ имѣлъ право даже на наслѣдство послѣ вольноотпущенника, если прямыхъ наслѣдниковъ не оказывалось на-лицо. Вольноотпущенникъ принадлежалъ къ числу „кліентовъ“ господина. Кліентами же дѣлались далеко

*) Это, на первый взглядъ, стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ тѣмъ крайнимъ приниженіемъ рабовъ, о которомъ говорилось, и съ представленіемъ о нихъ, какъ о низшихъ существахъ, природою созданныхъ для рабства. Но эксплуататорская логика не можетъ стѣсняться такими частностями, и соціальное положеніе рабовъ „благороднаго“, греко-италійскаго происхожденія не могло быть инымъ, чѣмъ положеніе всѣхъ остальныхъ, — однородность отношеній, требуемая самой организаціей хозяйства, должна была установиться весьма быстро.

не одни вольноотпущенники. Такъ, положимъ, чужеземецъ, поселяющійся въ Аѳинахъ, долженъ былъ непремѣнно найти себѣ покровителя изъ числа коренныхъ гражданъ. А по мѣрѣ того какъ усиливалось экономическое неравенство въ средѣ свободныхъ людей, и выдвигались могущественныя фамиліи магнатовъ собственности и рабовладѣнія, многіе мелкіе ремесленники, мелкіе торговцы и вообще бѣднѣйшіе граждане находили выгоднымъ вступать въ составъ клиентовъ того или другого вліятельнаго лица, чтобы имѣть въ случаѣ нужды необходимую защиту и помощь *). Такимъ образомъ распространялся городской феодализмъ особаго типа, какой не разъ еще встрѣчался и позже въ исторіи человѣчества.

Строеніе античнаго общества въ эпоху его полнаго развитія было, слѣдовательно, весьма сложное, соціальныя группы были разнообразны, но центральнымъ моментомъ всей системы являлась растущая рабовладѣльческая крупная собственность—античная форма „капитала".

2. Рабовладѣльческая группа.

Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе строеніе этой основной экономической организаціи временъ расцвѣта классическаго міра.

Рабовладѣльческая группа представляетъ индивидуальное хозяйство, во главѣ котораго стоитъ свободный человѣкъ, собственникъ орудій и матеріаловъ труда, вообще всего „имущества", въ томъ числѣ—рабовъ. Вокругъ этого свободнаго собственника группируется прежде всего, конечно, его индивидуальная семья. Но рабовладѣльская система наложила свою печать и на семейныя отношенія свободныхъ людей. Жена и дѣти не только обязаны безусловнымъ подчиненіемъ главѣ семьи, а слѣдовательно, могутъ неограниченно эксплуатироваться имъ въ случаѣ надобности, — но дѣтей онъ можетъ даже, если пожелаетъ, продавать въ рабство, т.-е. они также его живая собственность. Конечно, случаи продажи были все-таки исключеніемъ; но можно съ увѣренностью сказать, что въ семьяхъ мелкихъ производителей, ремесленниковъ или крестьянъ, гдѣ не было рабовъ, эксплуатація жены и дѣтей должна была достигать значительныхъ размѣровъ, особенно если производство велось на рынокъ, и приходилось конкуррировать съ круп-

*) По всей вѣроятности, институтъ „клиентэла" сохранился въ рабовладѣльческомъ обществѣ еще отъ старыхъ, феодально-родовыхъ отношеній и представлялъ раньше частную форму вассальной зависимости; есть указанія на очень большую его древность (времена „первыхъ царей" Рима). Впослѣдствіи онъ приспособился къ измѣнившемуся строю—къ денежно-рабовладѣльческой соціальной системѣ.

ными рабовладѣльческими предпріятіями. Въ семьяхъ богатыхъ такой эксплуатаціи, естественно, не было.

Затѣмъ слѣдуютъ рабы—живые инструменты, по тогдашней классификаціи *). Въ крупномъ хозяйствѣ на нихъ лежалъ безусловно весь и всякій физическій трудъ; все дѣлалось непосредственно ихъ руками настолько, что, напр., для Аристотеля „наука хозяина сводится исключительно къ умѣнью пользоваться своимъ рабомъ". Хозяинъ долженъ былъ цѣлесообразно распредѣлять своихъ рабовъ по различнымъ занятіямъ, контролировать ихъ трудъ, потреблять, распредѣлять или реализовать ихъ продуктъ. При сотняхъ, а тѣмъ болѣе тысячахъ рабовъ въ одномъ хозяйствѣ, все это представляло такую сложную работу, какая не могла выполняться силами самого господина и помогавшей ему въ этомъ его семьи. Отсюда, по мѣрѣ того какъ число рабовъ въ хозяйствѣ возрастало, неизбѣжнымъ являлось выдѣленіе особой группы рабовъ-организаторовъ, рабовъ-надсмотрщиковъ и управителей. Примѣнялся иногда для такихъ функцій и вольно-наемный трудъ; но обычно рабовладѣлецъ, понятнымъ образомъ, предпочиталъ имѣть „своихъ собственныхъ" организаторовъ и довѣренныхъ лицъ въ своемъ хозяйствѣ, которымъ не надо было платить, и съ которыми можно было не церемониться.

Обычное распредѣленіе рабовъ было таково, что одна ихъ часть употреблялась на домашнія работы, выполняя функціи современной прислуги; другая, чаще всего—наибольшая, примѣнялась для сельскохозяйственныхъ работъ въ помѣстьяхъ господина, третья—въ его ремесленныхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, если таковыя у него имѣлись. Собственныя поля и собственный скотъ, а также домашняя пряжа и тканье давали крупному хозяйству почти всѣ необходимыя средства потребленія для его рабовъ и часть, но сравнительно небольшую, предметовъ потребленія для господской семьи съ ея широкими потребностями. Весь излишекъ продуктовъ направлялся въ продажу, равно какъ и большая часть продуктовъ ремесленнаго и, вообще, промышленнаго рабскаго труда. Вырученныя деньги шли на господскія потребности, на покупку орудій и рабовъ, на накопленіе денежнаго капитала.

Практиковалась, особенно въ позднѣйшія времена, отдача рабовъ въ наймы, причемъ заработную плату получалъ, естественно, ихъ хозяинъ. Красивыхъ рабынь заставляли нерѣдко заниматься проституціей, и вся выручка шла опять-таки хозяину. Гордые патриціи, ни-

*) Древніе различали „instrumenta muta"—нѣмыя или мертвыя орудія, „instrumenta semivocalia"—одаренныя голосомъ, но не рѣчью, т.-е. домашній скотъ, и instr. vocalia"—одаренныя рѣчью, т.-е. рабы.

сколько не роняя своего соціальнаго положенія, оказывались иногда содержателями домовъ терпимости. И это было только логично, разъ человѣкъ превращенъ въ орудіе, способъ примѣненія котораго самъ по себѣ безразличенъ, а важенъ только хозяйственный результатъ.

Несмотря на огромную, какъ видимъ, роль денежнаго обмѣна во всемъ направленіи жизни рабовладѣльческаго хозяйства, оно въ значительной мѣрѣ оставалось натуральнымъ. Обмѣнъ захватывалъ, главнымъ образомъ, его „верхи". Можно сказать, что рабы жили по-преимуществу въ сферѣ натурально-хозяйственной, а господа—по-преимуществу въ мѣновой. Въ самомъ дѣлѣ, потребности рабовъ, элементарно-низкія, сведенныя къ минимуму хозяйской эксплуатаціей, обыкновенно на $\frac{9}{10}$, если не на $\frac{99}{100}$ удовлетворялись собственнымъ производствомъ рабовладѣльческой группы; а потребности хозяевъ, расширявшіяся вмѣстѣ съ возрастающимъ разнообразіемъ товаровъ на рынкѣ, утончавшіяся по мѣрѣ развитія эксплуатаціи, а съ нею освобожденія господъ отъ производительнаго труда, все въ большей своей части должны были удовлетворяться посредствомъ покупки. Въ эпоху процвѣтанія Римской Имперіи предметы роскоши играли огромнѣйшую, преобладающую роль въ системѣ обмѣна.

Разумѣется, если владѣлецъ ремесленныхъ или вообще промышленныхъ предпріятій, основанныхъ на рабскомъ трудѣ, не имѣлъ деревенскаго хозяйства достаточныхъ размѣровъ, то ему приходилось и рабовъ содержать путемъ покупки для нихъ необходимыхъ жизненныхъ средствъ. Такъ должны были вести свои предпріятія большей частью, напр., владѣльцы „эргастеріевъ" (рабовладѣльческихъ фабрикъ Греціи) и, особенно, владѣльцы предпріятій горнаго дѣла. Именно въ горныхъ предпріятіяхъ раньше всего возникло и развилось крупное производство на рынокъ, что естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ основного техническаго ихъ характера: жить непосредственно своими продуктами эти хозяйства не могутъ, и при мелкихъ размѣрахъ въ нихъ нельзя достигнуть раціональной постановки производства. Соотвѣтственно такимъ особенностямъ горныхъ предпріятій, въ нихъ раньше всего должны были развиться и типическія черты крупнаго рабовладѣнія съ его безпощадной эксплуатаціей „одаренныхъ рѣчью орудій". Положеніе тѣхъ рабовъ, которые сотнями были сконцентрированы въ рудникахъ, принадлежавшихъ крупнымъ владѣльцамъ, считалось особенно, исключительно тяжелымъ, такъ что поражало даже вниманіе тогдашнихъ писателей, принадлежавшихъ, конечно, къ свободному сословію.

Поскольку рабъ превращался въ простое орудіе производства прибавочнаго продукта, постольку вопросъ о поддержаніи рабочей его силы, его здоровья и жизни выступалъ для господина совершенно въ

томъ же видѣ, какъ вопросъ объ изнашиваньи любого орудія. Если орудіе легко и сравнительно дешево можно, когда оно износится, замѣнить, посредствомъ покупки, такимъ же новымъ, тогда выгодно примѣнять это орудіе какъ можно интенсивнѣе, не стѣсняясь тѣмъ, что оно скоро станетъ негоднымъ, и придется его выбросить. Спеціально же, если дѣло идетъ о живомъ орудіи, рабѣ, то можетъ оказаться наиболѣе выгоднымъ, рядомъ съ усиленіемъ его эксплуатаціи, уменьшать издержки на его обычный „ремонтъ"—на его питаніе, и вообще на удовлетвореніе его потребностей. Все это—дѣло простого финансоваго разсчета, въ которомъ цѣны рабовъ надо сопоставить съ цѣнами на производимые ими товары, а также съ той экономіей, которую можно получить, сокращая ихъ потребленіе и жизнь *).

Разумѣется, не всегда разсчеты были безошибочны; но легко понять, что жадность рабовладѣльцевъ постоянно направляла ихъ дѣйствія и соображенія въ одну и ту же сторону—въ сторону увеличенія работы живыхъ орудій и сбереженія на ихъ жизненныхъ средствахъ, такъ что если и бывали ошибки разсчета, то именно въ такомъ направленіи. Неизбѣжнымъ, въ концѣ концовъ, результатомъ являлось вырожденіе рабовъ. Ихъ размноженіе не могло даже заполнять ту убыль, которая порождалась ихъ болѣзнями и усиленной смертностью. Но это не могло наносить серьезнаго ущерба крупнымъ рабовладѣльческимъ хозяйствамъ до тѣхъ поръ, пока продолжался непрерывный притокъ рабовъ извнѣ въ достаточномъ количествѣ, т.-е. пока войны противъ окружающаго варварскаго міра велись по-прежнему успѣшно и побѣдоносно. Торговля рабами процвѣтала, убыль въ нихъ возмѣщалась съ избыткомъ. Свѣжіе экземпляры, правда, вырождались съ такой же быстротой, какъ прежніе, и продолжавшійся несмотря ни на что ростъ эксплуатаціи велъ къ еще большему ускоренію этого процесса; но по внѣшности все шло благополучно.

---

*) Средняя цѣна раба для рудниковъ или для земледѣльческихъ работъ въ Аѳинахъ временъ расцвѣта измѣрялась 1—2 минами (мина—фунтъ серебра, около 35 рублей на наши деньги).—Правда, покупательная сила денегъ по отношенію къ основнымъ жизненнымъ средствамъ была тогда въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ теперь, но все-же такую цѣну за человѣка, за его рабочую силу на всю его жизнь очевидно, нельзя не признать ничтожной. При случаяхъ большихъ побѣдъ надъ варварами, когда брали сразу много тысячъ плѣнниковъ, цѣны падали въ десятки разъ, такъ, приводится случай (послѣ побѣды Лукулла въ Понтѣ) продажи плѣнныхъ по 4 драхмы (т.-е. около 1½ рублей за человѣка). При покореніи Эпира было обращено сразу въ рабство 150,000 человѣкъ Цезарю приписывается обращеніе въ рабы милліона людей—вещь довольно вѣроятная, если принять въ разсчетъ число его побѣдъ и ихъ размѣры.

Въ то же время происходили глубокія измѣненія въ производственномъ положеніи самого рабовладѣльца. Раньше это былъ настоящій хозяинъ-организаторъ, лично руководившій всей экономической жизнью своего хозяйства, непосредственно распредѣлявшій трудъ и продукты, зорко за всѣмъ слѣдившій и всегда готовый во все вмѣшаться. Но такъ дѣло могло идти только до тѣхъ поръ, пока размѣры рабовладѣльческой группы не были слишкомъ велики. Затѣмъ, какъ было нами уже указано, рабовладѣлецъ былъ вынужденъ брать себѣ помощниковъ и поручать имъ часть своихъ организаторскихъ функцій. А разъ появились рабы-надсмотрщики, рабы, технически завѣдывавшіе тѣми или иными работами, рабы-приказчики и управляющіе, то процессъ перекладыванія организаторскихъ функцій на спеціально подготовленныхъ рабовъ сталъ совершаться все быстрѣе и дальше. Съ какой стати было хозяину тратить свои силы и вниманіе на непосредственныя заботы о хозяйствѣ, когда все это можно было поручать своимъ собственнымъ обученнымъ рабамъ, если не за совѣсть, то за страхъ способнымъ весьма усердно и съ надлежащей строгостью выполнять дѣло? Сначала хозяинъ ограничиваетъ свои функціи высшимъ контролемъ за дѣятельностью подчиненныхъ организаторовъ, а затѣмъ и эту функцію все болѣе передаетъ въ руки особыхъ управляющихъ, самъ же въ производственномъ отношеніи становится чистѣйшимъ паразитомъ. Вырожденіе массы рабовъ въ одну сторону идетъ рядомъ съ вырожденіемъ рабовладѣльцевъ въ другую сторону.

При такихъ обстоятельствахъ техническое и экономическое развитіе рабовладѣльческаго хозяйства, поскольку оно продолжается, имѣетъ лишь количественный характеръ. Напр., въ огромныхъ помѣстьяхъ, „латифундіяхъ“ какого-нибудь римскаго магната работаютъ на поляхъ сотни и даже тысячи рабовъ. Техника земледѣлія при этомъ рутинная, не только не выше, но ниже, чѣмъ въ любомъ мелкомъ хозяйствѣ. Интенсивность труда рабовъ и ихъ старательность... но не трудно себѣ представить, насколько онѣ должны быть низки, если рабы, для безопасности и легкости надзора, работаютъ скованными, какъ это очень часто практиковалось. Бичъ надзирателя можетъ, конечно, сдѣлать трудъ рабовъ непрерывнымъ въ теченіе долгихъ часовъ, отнимая у нихъ возможность хотя бы минутныхъ отдыховъ среди работы; но онъ не можетъ прибавить ни силы, ни точности и цѣлесообразности ихъ движеніямъ, а скорѣе, наоборотъ, способенъ уменьшать все это. Рабъ ненавидитъ свой трудъ и тѣхъ, кто его принуждаетъ къ труду, и тѣхъ, на кого работаетъ; орудія производства для него—нѣчто въ родѣ орудій пытки, и соотвѣтственнымъ образомъ онъ къ нимъ относится. Онъ не только не бережетъ ихъ, но обыкновенно радъ ихъ

испортить, лишь бы не быть уличеннымъ и наказаннымъ за это; а иной разъ злоба и отчаяніе преодолѣваютъ даже страхъ побоевъ. Ему нельзя дать наиболѣе совершенныхъ инструментовъ для какой бы то ни было работы,—для него необходимы орудія исключительно прочныя, способныя противостоять его настроенію; а подобныя орудія, грубыя и тяжелыя, отнюдь не являются технически лучшими. Со скотомъ, ввѣреннымъ его надзору, онъ обращается такъ, какъ съ нимъ самимъ обращаются надсмотрщики; и усовершенствованныя породы скота при этомъ столь же мало возможны, какъ образованіе совершеннѣйшаго типа людей путемъ истязанія рабовъ. Техническія преимущества всецѣло на сторонѣ самостоятельнаго мелкаго крестьянскаго хозяйства; но они перевѣшиваются экономическими преимуществами рабовладѣльческихъ предпріятій: крупными размѣрами ихъ производства и безпощадностью царящей въ нихъ эксплуатаціи.

Аналогичнымъ образомъ въ обширныхъ ремесленныхъ мастерскихъ рабовладѣльцевъ-предпринимателей, гдѣ собраны были десятки иногда сотни рабовъ за одинаковымъ дѣломъ, какъ въ современныхъ намъ фабрикахъ, техника производства обыкновенно была ниже и грубѣе, чѣмъ въ тогдашнемъ же мелкомъ ремеслѣ; а раздѣленіе труда также не развивалось дальше своей „ремесленной“ формы, т.-е. той ступени, когда производство цѣлаго отдѣльнаго продукта выполняется отдѣльнымъ работникомъ. Исключенія очень рѣдки и незначительны *).

Въ самомъ дѣлѣ, изъ какихъ общественныхъ элементовъ могъ бы тогда исходить техническій прогрессъ? Для рабовъ онъ былъ въ высокой степени безразличенъ,—да и не было у нихъ энергіи для какого бы то ни было творчества. Для господъ, по мѣрѣ ихъ превращенія въ паразитовъ, производительный трудъ, вообще, становился все болѣе чуждымъ дѣломъ, дѣломъ „рабскимъ“, къ которому они относились съ возрастающимъ презрѣніемъ. Что касается рабовъ-организаторовъ, то всѣ ихъ интересы и заботы концентрировались на томъ, чтобы успѣшной и жестокой эксплуатаціей другихъ рабовъ, а также всякими личными услугами заслужить милость своихъ господъ и впослѣдствіи, можетъ быть, выйти въ вольноотпущенники, прикопивши для себя кое-что отъ хозяйской щедрости, или просто путемъ обкрадыванья господъ. Эта психологія, рабская и въ то же время тяготѣвшая къ паразитизму, не могла, конечно, быть опорою трудового прогресса.

Что же касается чисто количественнаго развитія крупнаго рабо-

---

*) Къ исключеніямъ относятся кожевенные эргастеріи Греціи эпохи процвѣтанія, гдѣ различныя стадіи производства одного продукта распредѣлялись между различными работниками—„техническое“ раздѣленіе труда, какъ въ мануфактурахъ.

владѣльческаго хозяйства, т.-е. возраставшаго накопленія въ немъ денежнаго богатства и рабовъ,—то и оно наталкивается на свои историческіе предѣлы, уже не внутренняго, а внѣшняго происхожденія.

3. Соціально-политическая организація античнаго міра.

Замѣчательная политическая организація античнаго міра опредѣлялась въ своемъ развитіи, прежде всего, потребностями войны и обмѣна, а позже—соотношеніями развивавшихся общественныхъ классовъ. Ея начало мы уже мимоходомъ обрисовали, когда говорили о той феодально-родовой организаціи, которая явилась исходной точкою античной культуры.

Военная организація, построенная на основѣ родовыхъ и племенныхъ союзовъ, оставалась пригодной и цѣлесообразной только въ эпоху сравнительно примитивной военной техники, какая описывается, напр., у Гомера. Члены одной феодально-родовой группы сражались подъ начальствомъ своего родового вождя, родовые вожди одной фратріи находились подъ руководствомъ выбраннаго ими вождя фратріи, фратріи, принадлежавшія къ одному племени,—подъ руководствомъ „басилевса“ этого племени, племенные „басилевсы“ подчинялись общему „басилевсу“; а при такихъ широко-союзныхъ предпріятіяхъ, какъ троянская война, союзные цари избирали общаго полководца. Благодаря преобладанію родовыхъ связей и неизбѣжной въ союзныхъ организаціяхъ избирательной системѣ, получалась своеобразная военная демократія, несовмѣстимая ни со строгой дисциплиной, ни со стройной боевой тактикой. Родовые, фратріальные, племенные отряды неравномѣрны по величинѣ, разнородны по составу и по вооруженію; ихъ разношерстность не допускаетъ ни точнаго боевого порядка, ни легкаго и быстраго ихъ перераспредѣленія на театрѣ борьбы сообразно съ ея измѣняющимися условіями. Поединки героевъ, т.-е. вождей, и стихійная схватка толпами въ рукопашную—вотъ основные моменты „гомерическихъ“ сраженій.

Оставаясь при такихъ методахъ, греческая нація, хотя очень мужественная и энергичная, не была бы въ состояніи черезъ цѣлый рядъ столѣтій выдерживать усиливающійся натискъ варварскихъ племенъ съ сѣвера и востока. Въ то самое время, какъ прогрессъ обмѣна подрывалъ экономическія основы феодально-родового строя, развитіе военной техники, дѣйствуя параллельно, реформировало кореннымъ образомъ старую военно-политическую организацію. То и другое вмѣстѣ доставило грекамъ необходимый культурный перевѣсъ надъ варварами.

Обмѣнъ и порождаемая имъ частная собственность мало-по-малу дробили феодально-родовыя группы на индивидуальныя хозяйства. Изъ

этихъ элементовъ разложенія старой системы, въ усиливающейся экономической борьбѣ, стали создаваться новыя группировки въ соотвѣтствіи съ тѣми или иными экономическими интересами, группировки, подобныя классовымъ; и онѣ закрѣплялись въ политическихъ формахъ. Такъ феодально-родовая система была, въ концѣ концовъ, вытѣснена классовою. Въ видѣ иллюстраціи этого процесса намъ послужитъ исторія Аттики.

Преобразованіе старой феодально-родовой организаціи въ политическую тамъ, какъ и вездѣ, было вызвано потребностями, возникавшими изъ новыхъ имущественныхъ отношеній. Развитіе обмѣна и частной собственности означало также возрастающее имущественное неравенство, дифференціацію богатыхъ и бѣдныхъ. Неравенство обострялось развитіемъ кредита или, точнѣе, ростовщичества. Между богатыми и бѣдными, кредиторами и должниками шла глухая борьба. Родовая организація по самому существу своему не была способна поставить эту борьбу въ такія рамки, при которыхъ она не разрушала бы общественнаго единства и не подрывала бы силъ всего соціальнаго цѣлаго, отовсюду окруженнаго врагами. Родовая организація не могла прочно ограждать индивидуальную собственность уже по той причинѣ, что ея собственная традиція была связана съ противоположнымъ явленіемъ—общинной собственностью. Права, напр., заимодавца-ростовщика въ родовыхъ связяхъ скорѣе встрѣчали препятствіе, чѣмъ поддержку, ибо родовая община, даже и преобразованная феодальными отношеніями, имѣла тенденцію защищать и охранять своихъ членовъ отъ ограбленія и разоренія, сколь бы ни было оно законно съ точки зрѣнія принадлежащихъ или не принадлежащихъ къ той же общинѣ заимодавцевъ. Для защиты новыхъ экономическихъ отношеній требовались новыя организующія формы, собственно политическія или государственныя, въ противоположность прежнимъ, расплывающимся феодальнымъ. И повидимому, наиболѣе раннее законодательство, о какомъ упоминаетъ исторія Аттики,—полу-миѳическое законодательство Дракона—было не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ господства класса богатыхъ, по-преимуществу ростовщиковъ, одолѣвшаго въ борьбѣ и безпощадными репрессіями ограждавшаго свои денежные интересы противъ бѣдныхъ, которые не захотѣли бы или не смогли бы исполнять своихъ обязательствъ.

Но эти стремленія не имѣли прочныхъ результатовъ, благодаря продолжавшейся борьбѣ, въ которой элементы задолженные и, вообще, болѣе бѣдные, сплачиваясь, образовывали также все болѣе значительную силу. Кромѣ того,—и это было особенно важно,—необходимо было практическое разрѣшеніе вопроса о новой военной организаціи. Старая

распадалась и становилась вообще негодною съ разрушеніемъ прежней родовой сплоченности и однородности. Феодально-родовыя группировки, разложившись на экономически-разнородные элементы, уже не образовывали естественной основы для военныхъ группировокъ; и опиравшаяся на нихъ старая тактика не могла вести къ побѣдамъ. А между тѣмъ потребность въ военной защитѣ усиливалась и обострялась экономическимъ развитіемъ: благодаря торговлѣ, пріобрѣтала все больше значенія конкурренція между различными городами и тяготѣвшими къ нимъ мелкими народностями; отъ успѣха въ конкурренціи объективно зависѣло общее благосостояніе каждаго народа, не только богатство богатыхъ, но и возможность заработка для бѣдныхъ. Отсюда вытекала историческая необходимость компромисса между борющимися экономическими силами,—необходимость путемъ ихъ соглашенія создать такую политическую организацію, которая способна была бы съ одной стороны дать городу военное могущество для охраны его интересовъ во внѣшней конкурренціи, съ другой стороны—внутреннія соотношенія различныхъ силъ и интересовъ организовать въ такія формы, при которыхъ дальнѣйшая ихъ борьба не превращалась въ простую соціальную дезорганизацію. Такимъ организаціоннымъ компромиссомъ различныхъ классовъ и явилось для Аттики сначала полу-историческое законодательство Солона, а затѣмъ—законодательство Клисѳена.

Преданіе приписываетъ происхожденіе законовъ Солона именно, во-первыхъ, великому внутреннему нестроенію, возникшему изъ разнузданной борьбы ростовщиковъ и ихъ должниковъ, во вторыхъ—внѣшнимъ военно-морскимъ неудачамъ. Мелкія хозяйства разорялись, много несостоятельныхъ должниковъ уже было обращено въ рабство, другіе все сильнѣе запутывались въ долговой кабалѣ и ожидали той же участи. Были всѣ основанія опасаться жестокой и истребительной гражданской войны; и въ то же время аѳинскій народъ оказался не въ силахъ оградить свою торговлю на морѣ отъ такого незначительнаго соперника, какимъ являлся островъ Саламинъ. Задача, такимъ образомъ, состояла въ томъ, чтобы завершить хотя на время уступками со стороны богатыхъ остро развернувшіеся конфликты классовъ и создать внѣ-родовую военную организацію, со сколько-нибудь пропорціональнымъ распредѣленіемъ военныхъ тягостей. Это и выполнилъ Солонъ (начало VI в. до Р. Х.), или, вѣрнѣе, та полоса политическаго творчества аѳинскаго народа, которая олицетворяется въ образѣ Солона.

Богатому классу, ростовщикамъ, пришлось согласиться на сложеніе нѣкоторой части долговъ; но въ то же время ихъ экономическое преобладаніе было политически оформлено въ видѣ „классовой“ системы. Народъ былъ раздѣленъ на четыре класса по размѣрамъ иму-

щества; наибольшія политическія права были даны первому классу, наименьшія—четвертому, который и составлялъ дѣйствительное большинство населенія. Высшія должности находились всецѣло въ рукахъ перваго класса; послѣдній не могъ занимать никакихъ должностей, но также былъ освобожденъ и отъ всякихъ податей. Однако онъ принималъ участіе въ народномъ собраніи, гдѣ его голоса имѣли большой вѣсъ и при избраніи должностныхъ лицъ, и при утвержденіи законовъ и прочихъ мѣропріятій, вырабатываемыхъ герусіей (сенатомъ). Изъ всего этого видно, что сила сплотившейся бѣдноты была довольно велика, и компромиссъ былъ на самомъ дѣлѣ взаимный,—простое подавленіе демократическихъ слоевъ для богачей оказалось невозможнымъ.

„Классовая“ организація составила въ то же время основу организаціи войска. Войско было раздѣлено, согласно достигнутому уровню боевой техники, на три вида оружія. всадники, пѣхота тяжело-вооруженная и пѣхота легко-вооруженная. Всадниковъ должны были поставлять два высшіе класса (причемъ для перваго класса, повидимому, самая служба была необязательна), пѣхоту тяжелую—третій, и легкую—четвертый. Это до нѣкоторой степени уравнивало бремя воинской повинности, – а вмѣстѣ съ тѣмъ устранялись послѣдніе остатки феодально-родовой организаціи войска· члены однихъ и тѣхъ же родовъ, принадлежавшіе къ разнымъ имущественнымъ классамъ, должны были служить въ разныхъ частяхъ арміи.

Какъ видимъ, экономическіе „классы“ Солона были сословіями, различавшимися на основѣ имущественнаго ценза. Въ этихъ новыхъ формахъ, экономическая борьба группъ общества продолжалась, и при Клисеенѣ она разорвала рамки сословнаго строя: создалась знаменитая демократическая организація аѳинскаго государства, въ которой экономическая сила уже не давала никакихъ привилегій и могла осуществлять свое реальное господство только экономическимъ путемъ, какъ въ современныхъ намъ республиканскихъ демократіяхъ. Демократическіе принципы были тамъ проведены полнѣе и строже, чѣмъ въ какой-либо изъ нынѣшнихъ республикъ: выборность всѣхъ должностей (впослѣдствіи часть ихъ замѣщалась даже по жребію), огромная роль народнаго собранія, какъ верховной инстанціи законодательной и контролирующей, безусловное равенство гражданъ передъ закономъ и т. под.— Но для правильной и полной оцѣнки смысла этихъ учрежденій, надо принять въ разсчетъ, во-первыхъ, конечно, то, что они охватывали только кругъ свободныхъ гражданъ и не имѣли никакого отношенія къ условіямъ жизни рабовъ, а во-вторыхъ, то положеніе, которое создала себѣ аѳинская республика среди другихъ греческихъ государствъ.

Государственная сплоченность, достигнутая посредствомъ демо-

кратическихъ формъ, послужила для Аѳинъ средствомъ подчинить себѣ прямо или косвенно большинство другихъ государствъ Эллады, обложить ихъ, подъ видомъ устройства союзной кассы, значительной данью, и захватить монопольное положеніе въ греческой торговлѣ. Города, непосредственно подвластные Аѳинамъ, при этомъ никакими выгодами ихъ демократическаго устройства не пользовались, но эксплуатировались очень энергично. Словомъ, демократія была объективно организаціей экономическаго господства меньшинства надъ большинствомъ,—не только гражданъ надъ рабами, но и сильнаго города надъ болѣе слабыми. Борьба городскихъ низовъ за политическое равенство была борьбою за участіе въ выгодахъ эксплуатаціи окружающаго міра.

Аналогичную исторію представляетъ политическое развитіе Рима, съ той, впрочемъ, разницей, что Аѳинамъ не удалось надолго упрочить свою гегемонію даже надъ Греціей, тогда какъ Римъ достигъ въ концѣ-концовъ всесвѣтнаго господства, сталъ центромъ эксплуатаціи всего античнаго міра. Въ остальномъ — глубокое сходство. Тотъ же самый, по существу, путь перехода отъ феодально-родовыхъ учрежденій къ политически-классовымъ. Реформы Сервія Туллія въ высшей степени сходны съ законодательствомъ Солона: то же раздѣленіе народа на классы сообразно имуществу, тѣ же политическія привилегіи для богачей, только еще болѣе значительныя. Даже въ народномъ собраніи, посредствомъ спеціально приспособленнаго счета голосовъ по центуріямъ, большинство голосовъ было дано первому изъ пяти имущественныхъ классовъ (98 центурій, противъ 95—всѣмъ вмѣстѣ остальнымъ классамъ). Точно такъ же, какъ въ Аѳинахъ, политическое дѣленіе было въ то же время основою организаціи войска. Точно такъ же, наконецъ, это сословно-классовое устройство послужило исходной точкой борьбы народныхъ массъ противъ привилегированнаго меньшинства, борьбы за политическое равенство, т.-е. за участіе въ выгодахъ государственной жизни или, что то же, въ выгодахъ эксплуатаціи завоеванныхъ странъ.

Исходъ борьбы за демократію для римскаго „плебса“ былъ въ общемъ, несмотря на большія его побѣды, менѣе благопріятенъ, чѣмъ для аѳинскаго демоса: частичныя привилегіи сохранялись за богатыми классами до конца республики, — напр., та организація народнаго собранія, о которой мы упомянули, право сената объявлять войну и заключать миръ и т. п. Зато поле государственной эксплуатаціи благодаря завоеваніямъ Рима оказалось очень обширнымъ, и если участіе въ ней не было равномѣрнымъ, то все-же разорившіеся потомки плебеевъ впослѣдствіи, опираясь на свое званіе римскихъ гражданъ, не

мало изъ нея извлекали и въ видѣ періодическихъ денежныхъ раздачъ, и въ видѣ даровыхъ „хлѣба и зрѣлищъ“.

Вообще же военная демократія и республиканскія учрежденія типичны лишь для эпохи развитія и процвѣтанія античнаго общества. Еще во время борьбы за демократію въ греческихъ республикахъ выступаетъ иногда на сцену монархическая форма,—„тираннія“, прообразъ будущаго цезаризма Римской Имперіи. Обыкновенно это — захватъ власти тѣмъ или инымъ вождемъ гражданскихъ низовъ, или какимъ-либо честолюбцемъ, сумѣвшимъ взять на себя роль организатора демократіи. Но тогда эта демократическая монархія непрочна; демократія, одержавъ побѣду надъ богачами и знатью, предпочитаетъ все-таки сама вести свои дѣла, не оставляя ихъ надолго въ чужихъ рукахъ; тиранъ, имѣя это въ виду, старается оградить себя отъ народа, на который только-что опирался, и чаще всего прямо измѣняетъ его интересамъ; и властолюбивая аристократія не можетъ послужить для него опорой, находя также болѣе выгоднымъ управлять самостоятельно. Все это приводитъ къ болѣе или менѣе быстрой гибели тираніи. — Но иначе обстоитъ дѣло въ эпоху вырожденія демократіи.

Тогда плебейскіе элементы, разоряемые войнами, ростовщичествомъ и конкурренціей со стороны рабовладѣльческихъ хозяйствъ, теряютъ свою экономическую силу и переходятъ мало-по-малу на содержаніе къ государству, а отчасти и къ магнатамъ рабовладѣльческаго капитала; элементы же рабовладѣльческіе, постепенно утрачивая свои производительныя функціи, перелагая функціи организаторовъ хозяйства на довѣренныхъ рабовъ, превращаются въ еще болѣе законченныхъ паразитовъ, чѣмъ потомки старой демократіи — „пролетаріи“. Въ результатѣ въ обществѣ не оказывается уже экономической опоры ни для республики демократической, ни даже для аристократической: нѣтъ класса, который твердой и увѣренной рукой могъ бы вести общія дѣла государства. Тогда достигнутое предыдущимъ развитіемъ экономическое объединеніе культурнаго міра можетъ сохраняться далѣе уже только въ монархической формѣ: изъ республики рождается имперія цезарей.

При глубокомъ разложеніи собственно классовыхъ организацій, войско еще долго удерживаетъ относительно прочное единство и формальную организованность, вытекающія изъ существа его практическихъ задачъ и выработанныя вѣками войнъ республики. А войско, даже самое республиканское, организовано строго авторитарно, монархически. Совершенно естественно, что оно, ставши среди возрастающаго развала и распада такой силой, передъ которой всѣ остальныя фактически ничтожны, беретъ на себя роль тѣхъ варяговъ, которые устанавливаютъ порядокъ и даютъ князей: оно навязываетъ обществу свою

форму организаціи, своего вождя вмѣстѣ съ нею. Власть захватываютъ, одинъ за другимъ, побѣдоносные полководцы, „императоры“ (титулъ, первоначально, чисто военный). Новый типъ управленія складывается не сразу, съ колебаніями, смутами и перерывами. Диктатура Суллы (I вѣкъ до Р. Х.) еще нерѣшительно и слабо посягаетъ на старыя республиканскія формы; Цезарь уже стѣсняется гораздо меньше; Октавій рѣшается покончить со старыми словами.

Вначалѣ захватъ власти удается только дѣйствительно талантливымъ и опытнымъ организаторамъ; но укрѣпившись, верховная власть все болѣе начинаетъ впадать въ такую же рутину, а затѣмъ и вырожденіе, какъ всѣ прочіе элементы общества. Первые императоры принуждены вести серьезную борьбу за власть, а потомъ за ея удержаніе; имъ надо тратить много искусства и энергіи, чтобы прочно закрѣпить за имперіей старую централистическую бюрократію, доставшуюся имъ по наслѣдству отъ республики,—чтобы приспособиться къ ней и приспособить ее къ себѣ. Правда, эта бюрократія еще при республикѣ успѣла стать достаточно продажной; да и могло ли быть иначе, если она была плотью отъ плоти безнадежно вырождающагося сословія? Раньше она была посредницей въ эксплуатаціи всѣхъ провинцій римской республикой, и уже тогда, конечно, пользовалась этимъ положеніемъ, чтобы эксплуатировать и въ свою пользу, теперь, когда надъ нею, вмѣсто прежнихъ республиканскихъ властей, поднимается цезарскій произволъ, она неизбѣжно должна укрѣпиться еще болѣе въ этой тенденціи. Когда высокій санъ какого-нибудь претора или префекта, источникъ его доходовъ и соціальнаго вліянія, начинаетъ зависѣть отъ случайной смѣны цезарей, или даже смѣны цезарскихъ настроеній, тогда чиновникъ поневолѣ долженъ стараться какъ можно скорѣе выжать изъ своей должности—и изъ подвластнаго населенія, разумѣется,—какъ можно больше. А для пріобрѣтенія и сохраненія драгоцѣнныхъ милостей цезаря приходится пускать въ ходъ низкопоклонство и подкупъ окружающей его камарильи. На этомъ пути взаимное приспособленіе цезаризма и старой бюрократіи приводитъ къ возрастающей деморализаціи того и другой, къ ускоренному ихъ обоихъ вырожденію.

Но расплачиваются за это народныя массы, эксплуатація которыхъ непрерывно усиливается и становится все болѣе жестокой, все болѣе истощающей. Развертывается картина, въ основѣ очень сходная съ тѣмъ, что мы видѣли въ восточныхъ деспотіяхъ, съ ихъ варварской бюрократіей. Разница имѣется только въ оттѣнкахъ формъ и вначалѣ въ степени гнета; но и эта разница все болѣе сглаживается по мѣрѣ развитія цезарскаго деспотизма и деградаціи общества.

Опорою и источникомъ цезарской власти съ начала до конца яв-

ляется армія. Среди общей деморализаціи, среди общественнаго распада и она, однако, не можетъ долго сохранять даже механической организованности, даже внѣшней дисциплины. Она превращается въ военную чернь, нагло торгующую своей силой, и продаетъ императорскую корону тому, кто даетъ больше денегъ, а затѣмъ измѣняетъ первому покупателю, чтобы ту же корону перепродать другому, третьему и т. д. Начинается эпоха преторіанскихъ дворцовыхъ переворотовъ, довершающихъ упадокъ цезаризма.

Таковъ циклъ политическаго развитія античнаго міра. Его государственная организація, ограниченная классомъ свободныхъ людей, съ начала и до конца выступаетъ, какъ организація экономическаго господства. Въ крупнѣйшихъ центрахъ городской жизни борьба за аристократическія или демократическія формы есть борьба за суженіе или расширеніе круга эксплуататоровъ, за недопущеніе или допущеніе большинства гражданъ къ выгодамъ систематическаго ограбленія подчиненныхъ областей и народовъ, своихъ ли родственныхъ, или чужихъ—безразлично; и демократическая республика знаменуетъ только самое широкое сплоченіе гражданъ для той же цѣли. Объединеніе всего культурнаго міра подъ главенствомъ Рима означаетъ съ одной стороны централизованную его эксплуатацію Римомъ, съ другой—его болѣе тѣсное сплоченіе для военной эксплуатаціи варварскихъ народовъ, для добыванія рабскихъ рабочихъ силъ. Переходъ же отъ республиканскихъ формъ къ цезаризму выражаетъ организаціонное крушеніе господствующихъ классовъ, ихъ безсиліе въ дѣлѣ экономическаго руководства культурнымъ міромъ и даже въ дѣлѣ веденія его военной защиты отъ варварской среды,—начинающееся вырожденіе античной культуры, въ которомъ классическій рабовладѣльческій строй идетъ по пути, аналогичному съ восточно-рабовладѣльческой системой.

4. Идеологія классическаго міра.

Какъ мы видѣли, античное общество было уже въ значительной мѣрѣ построено на мѣновомъ хозяйствѣ. Отсюда вытекаютъ многія важныя особенности его идеологіи. Но эти особенности намъ удобнѣе будетъ выяснять при изученіи болѣе типичныхъ и болѣе къ намъ близкихъ формъ мѣнового общества,—тамъ онѣ повторяются въ болѣе чистомъ видѣ. Теперь же мы ограничимся тѣми чертами идеологіи классическаго міра, которыя всего тѣснѣе связаны съ его особенной исторической судьбою.

Творцами этой идеологіи были, естественнымъ образомъ, почти исключительно свободные люди. Понятно, далѣе, что съ тѣхъ поръ,

какъ идеологическое творчество перестало совершаться только безсознательнымъ путемъ, перестало быть только стихійно-массовымъ,—съ тѣхъ поръ участіе въ немъ различныхъ соціальныхъ группъ свободной части общества стало также дѣлаться неодинаковымъ и неравномѣрнымъ. Ремесленники и особенно крестьяне, люди, занятые тяжелымъ физическимъ трудомъ, поглощающимъ наибольшую долю ихъ времени и силъ, не могли играть сколько-нибудь значительной роли въ созиданіи науки, искусства, философіи. Рабовладѣніе и эксплуатація чужого труда создавали въ тѣ времена такой досугъ и такой избытокъ энергіи, которые позволяли избранному меньшинству систематически заниматься работой познавательной, литературной, художественной. И пока шло прогрессивное развитіе античной культуры, руководящая и преобладающая роль этихъ общественныхъ верховъ въ идеологической жизни выступала все ярче и опредѣленнѣе. Но они, разумѣется, налагали при этомъ на всю идеологію отпечатокъ, вытекавшій изъ ихъ собственнаго соціальнаго положенія, выражавшій ихъ собственныя условія жизни и привычки мышленія.

По самому происхожденію своему идеологія, какъ мы знаемъ, представляетъ рядъ или систему организующихъ формъ соціально-трудового процесса. Зарожденіе философскаго и научнаго мышленія среди старыхъ, религіозныхъ концепцій, обособленіе искусства отъ религіознаго культа выражали возникновеніе новыхъ типовъ организаціи труда, для которыхъ уже недостаточны старые способы организаціи опыта. Основная причина этихъ измѣненій лежала въ ускореніи техническаго прогресса и развитіи обмѣна, т.-е. широкаго общественнаго раздѣленія труда.

Техническія правила и знанія, входящія въ составъ религіозной системы, какъ, напр., различныя техническія предписанія племенного божества въ еврейской религіи, закрѣпляются всей силою консерватизма авторитарнаго мышленія, благодаря чему имѣютъ поистинѣ окаменѣлый характеръ. Извѣстно, съ какой неуклонностью евреи талмудисты сохраняютъ въ ряду вѣковъ религіозно-техническія правила о способахъ убивать скотъ, назначенный на мясо, правила до того устарѣлыя, что въ наше время они кажутся прямо варварскими. Вслѣдствіе такого консерватизма, *новыя* техническія правила и знанія могутъ входить въ религіозную систему міровоззрѣнія лишь тогда, когда создаются съ величайшей медленностью, и совершенно незамѣтно для человѣческаго сознанія присоединяются къ другимъ религіозно-познавательнымъ формамъ, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ традиціи и приписывается божеству. А какъ только новыя техническія и познавательныя данныя начинаютъ получаться съ быстротою, *замѣт-*

ною для человѣческаго наблюденія, такъ исчезаетъ возможность ихъ органическаго включенія въ существующее религіозное мировоззрѣніе: его консерватизмъ не допускаетъ явныхъ нововведеній въ его составѣ; вновь пріобрѣтеннымъ знаніямъ нельзя приписать божественнаго происхожденія. А если могучія потребности жизни заставятъ группу все-таки принять и усвоить эти знанія, то они находятъ свое идеологическое мѣсто не въ религіозной системѣ, а внѣ ея и рядомъ съ нею. Это уже знанія практически-земного происхожденія, а отнюдь не небеснаго. Религія перестаетъ быть единственной и всеобъемлющей идеологіей: параллельно съ нею начинаетъ развиваться мышленіе научное, познаніе обыденное, не-религіозное. Затѣмъ, разлагаясь подъ вліяніемъ этихъ новыхъ элементовъ, мышленіе религіозное даетъ начало формамъ промежуточнымъ—метафизически-философскимъ.

Легко понять, какимъ образомъ именно мѣновыя отношенія вели къ такому усложненію и развѣтвленію идеологіи. При обмѣнѣ люди, во взаимномъ практическомъ общеніи, знакомятся съ чужой техникой, перенимаютъ другъ у друга различныя свѣдѣнія. Но тѣ же самыя знанія, которыя у одного племени или народа, органически сложившись, стали прочной религіозной традиціей, завѣтомъ или откровеніемъ боговъ,—для другихъ племенъ, заимствующихъ эти знанія, вовсе не имѣютъ такого характера, ибо не связаны съ ихъ собственной религіей, и усваиваются не въ качествѣ повелѣнія чужихъ боговъ, которыхъ слушаться незачѣмъ и не слѣдуетъ,—а уже именно какъ полезныя знанія, и только. Равнымъ образомъ, когда дѣйствіе силъ развитія, обостренное и ускоренное—чаще всего вліяніемъ опять-таки мѣновыхъ отношеній,—вынуждаетъ необычно быстрыя преобразованія техники, а значитъ, и усвоеніе новыхъ техническихъ правилъ, то эти послѣднія далеко не всегда могутъ пониматься, напр., какъ новыя откровенія божества. Гораздо чаще жрецы, какъ представители жизненнаго консерватизма по-преимуществу, своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ „новшествамъ“ съ очевидностью для всѣхъ устанавливаютъ и строго закрѣпляютъ ихъ не-божественный и не-религіозный характеръ.

Такъ, способы устройства шатровъ были для евреевъ въ кочевой періодъ ихъ жизни вполнѣ религіозными законами; а устройство постоянныхъ жилищъ послѣ перехода въ осѣдлое состояніе обладало такой окраской въ несравненно меньшей степени (хотя еще не вполнѣ ее утратило: рѣзкихъ идеологическихъ скачковъ тѣ эпохи вообще не знаютъ). Этимъ путемъ шатры перешли въ область культа и стали примѣняться только въ опредѣленные праздники, связанные съ воспоминаніями кочевой жизни. Аналогичнымъ образомъ очень многіе элементы устарѣлой техники удерживаются въ культѣ, какъ нѣчто „священное“;

напр., у нѣкоторыхъ народовъ „священный огонь“ добывался обязательно треніемъ двухъ кусковъ дерева, когда для добыванія обыкновеннаго огня примѣнялись уже несравненно болѣе легкіе и удобные способы; жертвенныхъ животныхъ рѣзали непремѣнно каменными ножами, когда имѣлись уже болѣе острые металлическіе. Неправильно думать, что древніе техническіе методы становились священными по мѣрѣ ихъ отживанія и переходили тогда въ область религіи; нѣтъ, въ дѣйствительности это было гораздо проще: они оставались священными, сохраняли религіозный характеръ въ силу консерватизма тогдашней идеологіи, ибо раньше они вполнѣ входили въ область религіи, которая была универсальна. Новые же техническіе методы и знанія обыкновенно не могли пріобрѣсти такихъ священныхъ свойствъ, такъ какъ религія, вѣрная своему консерватизму и духу традиціи, не принимала ихъ въ свой составъ, не ассимилировала ихъ въ видѣ „завѣтовъ“.

Итакъ, наряду съ сохраненіемъ религіозной идеологіи, подъ вліяніемъ новыхъ условій возникало и развивалось мышленіе обыденно-практическое, которое, систематизируясь и организуясь, превращается въ мышленіе научное. Очень вѣроятно, что подобными же способами выдѣляется изъ религіознаго искусства свѣтское: предметы религіознаго искусства однихъ племенъ становятся для другихъ,—захваченные, напр., въ видѣ военной добычи,—предметами забавы и украшенія; а когда возникаетъ торговля священными изображеніями, то тѣ, кто производитъ ихъ на продажу для племенъ чуждой религіи, перестаютъ съ теченіемъ времени сами религіозно къ нимъ относиться *). А затѣмъ развивающееся внѣ-религіозное познаніе должно было поддерживать и усиливать тенденціи къ образованію внѣ-религіознаго искусства, находя, въ свою очередь, въ немъ себѣ опору.

Для насъ важна и интересна та эволюція, которую испытало то и другое въ своеобразныхъ условіяхъ рабовладѣльческой культуры.

Пока свободный и состоятельный человѣкъ, обладающій досугомъ, былъ непосредственно и тѣсно связанъ съ производствомъ, пока онъ былъ дѣйствительнымъ организаторомъ труда въ своемъ хозяйствѣ — хотя и труда рабовъ,—до тѣхъ поръ и его идеологическая работа шла, естественно, въ производительномъ направленіи. Это былъ періодъ сравнительно быстраго техническаго прогресса, — не столь быстраго, разумѣется, какъ въ буржуазномъ обществѣ послѣднихъ вѣковъ, но далеко

*) По библейскому преданію, отецъ Авраама былъ однимъ изъ такихъ художниковъ-торговцевъ и дѣлалъ „идоловъ“ для окрестныхъ племенъ. Аврааму это еще казалось дѣломъ не просто не-религіознымъ, а грѣховнымъ.

по своей скорости превосходившаго стихійное техническое развитіе предшествующихъ формацій. Въ ту эпоху было сдѣлано много важнѣйшихъ для культуры пріобрѣтеній въ различныхъ областяхъ техническаго опыта, было выработано и усвоено много разнообразныхъ практическихъ знаній. Строительное дѣло и инженерныя работы, постройка кораблей, обработка металловъ, приготовленіе тканей достигли невиданнаго до тѣхъ поръ совершенства; въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ указано нами раньше, было накоплено значительное количество улучшеній и въ орудіяхъ, и въ выборѣ растеній, и въ сѣвооборотѣ, такъ что земледѣльческая техника стояла уже на уровнѣ, не менѣе высокомъ, чѣмъ до нашего времени—въ большинствѣ мѣстностей Россіи. Конечно, далеко не все это было создано европейскимъ античнымъ міромъ самостоятельно, — очень многое, большая часть пріобрѣтеній были заимствованы у другихъ народовъ на почвѣ торговыхъ и военныхъ отношеній; но надо помнить, что въ тѣ времена, при продолжавшемся еще преобладаніи консервативной, религіозной идеологіи, заимствованіе и усвоеніе чужого трудового опыта было дѣломъ почти столь же нелегкимъ, какъ самостоятельное изобрѣтеніе.

Весь этотъ техническій прогрессъ выражался и закрѣплялся въ развитіи положительныхъ знаній, уже не вплетающихся въ систему религіозной идеологіи, какъ всѣ старыя, традиціонныя практическія знанія, а группирующихся мало-по-малу въ „научныя“ и „философскія“ системы. Измѣнялось не существо человѣческаго познанія, измѣнялась его форма, способъ его усвоенія и систематизаціи. Техническія правила принимаются уже не какъ религіозные завѣты, а различныя знанія—не какъ переданныя черезъ предковъ религіозныя откровенія; первыя берутся просто какъ нѣчто цѣлесообразное, вторыя—какъ нѣчто „истинное“, и только. При этомъ они также не могутъ оставаться разрозненными и прогрессивно объединяются въ стройные ряды обобщеній. Постепенно къ тѣмъ же рядамъ присоединяются, въ ихъ составъ переходятъ и очень многіе элементы стараго идеологическаго матеріала, главнымъ образомъ тѣ, которые имѣютъ характеръ непосредственно практическихъ знаній, ближайшихъ обобщеній трудового опыта, или которые вообще находятъ себѣ непосредственно производительное примѣненіе.

Такъ, у египетскихъ жрецовъ знанія по геометріи — необходимая опора въ организаціи земляныхъ, инженерныхъ и строительныхъ работъ, а также въ астрономическихъ опредѣленіяхъ времени, регулирующихъ земледѣльческую практику,—были религіозной тайною, и какая-нибудь теорема о сторонахъ прямоугольнаго треугольника передавалась въ видѣ религіознаго символа, связаннаго съ тремя главными божествами Египта. У грековъ, въ значительной мѣрѣ заимствовавшихъ

тѣ же знанія изъ Египта, мы находимъ геометрію уже какъ науку, безъ всякаго прямого отношенія къ эллинской религіи. Въ видѣ наукъ развивались затѣмъ у древнихъ грековъ и астрономія, особенно важная для нихъ, какъ и для финикіянъ, по ея примѣненію въ мореплаваніи,— и механика, организующая система знаній для инженернаго, строительнаго, корабельнаго дѣла, и агрономія, наука сельскаго хозяйства, и медицина, и т. д. Впрочемъ, медицина еще очень долго сохраняла свою связь съ религіей и была профессіональной тайной жрецовъ Асклепія; да и астрономія въ названіяхъ созвѣздій и планетъ до позднѣйшихъ временъ сохранила слѣды своего религіознаго происхожденія.

Такимъ путемъ прежнее религіозное міровоззрѣніе постепенно теряетъ свои, такъ сказать, нижніе слои, свои основныя части, наиболѣе тѣсно связанныя съ техникой, которыя присваиваются и организуются заново возникающими системами положительныхъ знаній. Эти послѣднія, въ свою очередь, въ силу „экономической“ тенденціи мышленія, тенденціи къ наибольшей его стройности, къ наибольшему сбереженію энергіи мыслительнаго процесса, начинаютъ образовывать свое новое, обобщающее единство, что ведетъ къ возникновенію „философіи“.

Такъ происходитъ, на основѣ ускореннаго по сравненію съ прежнимъ техническаго прогресса, развитіе новой, положительной системы міровоззрѣнія, наряду съ прежнею, религіозною, область которой все болѣе суживается, все болѣе отграничивается и отрывается отъ обыденной трудовой практики. Тутъ именно пріобрѣтаетъ религія тотъ специфически „возвышенный“, „небесный“ характеръ, котораго она не имѣла въ эпоху своего наибольшаго процвѣтанія и силы, когда она идеологически охватывала всю жизнь людей въ ея цѣломъ, не оставляя мѣста никакой иной идеологіи.

Исходя изъ ускореннаго техническаго прогресса, развитіе положительныхъ знаній и „свѣтскаго“ міровоззрѣнія въ свою очередь является для него опорою. Такъ продолжалось дѣло до тѣхъ поръ, пока свободное и обладающее досугомъ рабовладѣльческое сословіе античнаго міра, носитель новыхъ знаній по-преимуществу, стояло близко къ производственной жизни и выполняло въ ней активную роль — непосредственныхъ организаторовъ труда. Но мы уже знаемъ, что съ теченіемъ времени все это стало измѣняться, что свою активную производственную функцію рабовладѣльцы мало-по-малу утрачивали, перелагая ее на плечи главнымъ образомъ рабовъ-организаторовъ, и такимъ образомъ постепенно теряли связь съ производственной техникой и техническимъ прогрессомъ. Тогда начинается новая, очень своеобразная и характерная для античной культуры линія развитія научной и философской идеологіи.

Утрата практическаго интереса къ производственной дѣятельности

отражалась въ идеологіи господствующаго сословія выступавшимъ сильнѣе и сильнѣе принципіально-отрицательнымъ отношеніемъ къ ней. Складывалось новое понятіе о производительномъ трудѣ, какъ по существу рабской дѣятельности, недостойной свободныхъ людей. Правда, не одни рабы занимались ею, а и ремесленники и крестьяне. Но то были низшія сословія, къ которымъ рабовладѣльцы пренебрежительно относились съ высоты своего экономическаго могущества и политическаго вліянія. Они находили, что, напр., занятіе ремесломъ унизительно, такъ какъ оно, съ одной стороны, не даетъ вполнѣ развиться физической красотѣ человѣческаго тѣла, съ другой стороны — занимая душу человѣка предметами низменными и мелкими, не оставляетъ досуга для вещей болѣе возвышенныхъ и, особенно—для политической жизни.

Культъ красоты, оторванной отъ человѣческаго труда и его задачъ, культъ „чистой" красоты является какъ нельзя болѣе естественнымъ для соціальной группы, развитіе которой направлялось въ сторону общественнаго паразитизма, въ сторону исканія наслажденій, по возможности новыхъ и новыхъ. Грубыя и элементарныя чувственныя наслажденія исчерпываются быстро, возникаетъ потребность въ болѣе сложныхъ и утонченныхъ, каковы наслажденія чистой красоты, чистаго искусства. Это, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему пластическія искусства достигли такой недосягаемой высоты въ древнемъ мірѣ, почему ихъ прогрессъ не остановился въ кульминаціонной фазѣ развитія античной жизни, и они послѣдними отразили затѣмъ на себѣ ея общій упадокъ.

Политическая дѣятельность была также отличительнымъ занятіемъ свободныхъ людей и въ наибольшей мѣрѣ, конечно, господствующаго сословія, рабовладѣльцевъ. Въ жизни этихъ послѣднихъ она занимала такое обширное мѣсто, что отнюдь не случайнымъ представляется данное ихъ великимъ идеологомъ, Аристотелемъ, опредѣленіе человѣка, какъ существа, по самой природѣ политическаго, опредѣленіе, мимоходомъ устраняющее рабовъ изъ предѣловъ человѣчества. Мы знаемъ, что реальное содержаніе всякой политической дѣятельности сводится въ конечномъ счетѣ къ регулированію экономическихъ отношеній между людьми. Но мы уже знаемъ, что, начиная съ эпохи полнаго развитія и расцвѣта классическаго міра, это экономическое содержаніе политической жизни для господствующихъ классовъ мало-по-малу свелось цѣликомъ къ вопросамъ эксплуатаціи покоренныхъ народовъ и производительныхъ группъ общества: гигантское развитіе политической жизни получило, въ свою очередь, паразитическій характеръ, который все болѣе усиливался по мѣрѣ упадка культуры.

При всѣхъ этихъ условіяхъ существенно измѣнялось во вторую

половину античнаго періода также направленіе научной и философской идеологіи. Именно въ ея область все болѣе проникало то отрицательное отношеніе къ обыденной трудовой практикѣ, которое воспитывалось самой жизнью въ носителѣ этой идеологіи по-преимуществу — рабовладѣльческомъ классѣ. Создается культъ „чистой“ науки и „чистой“ философіи, свободныхъ отъ всякаго соприкосновенія съ технической и экономической жизнью, съ „грубой“ и „пошлой“ сферой производства. Это означало тенденцію къ отрыву познанія отъ трудовой дѣятельности, къ превращенію науки и философіи изъ общей жизненно-организующей формы въ средство утонченнаго наслажденія жизнью.

Нѣкоторые мыслители доводили эту тенденцію до крайности, какъ, напр., великій философъ Платонъ, считавшій униженіемъ для идеальнаго достоинства геометріи примѣнять ее къ разрѣшенію практическихъ задачъ механики. Но и вообще такое направленіе мысли было очень сильно; оно преобладало въ великихъ центрахъ образованности—Аѳинахъ, Римѣ — и обнаруживалось въ томъ, какія области познанія по преимуществу привлекали тогдашнихъ идеологовъ. Математику, науку наиболѣе отвлеченную, разрабатывали усиленно; много занимались также теоретической астрономіей; но особенно много—философіей. Философія же все меньше и меньше основывалась на точныхъ, естественно-научныхъ знаніяхъ, все больше пріобрѣтала умозрительный характеръ, да и задачи себѣ ставила въ позднѣйшую эпоху главнымъ образомъ морально-поучительныя, сводясь къ вопросу о томъ, какъ человѣку устроить свою жизнь — личную жизнь—къ наибольшему счастью. Въ этихъ послѣднихъ чертахъ отражался и грубый индивидуализмъ господствующихъ классовъ, и смутное сознаніе неотвратимо развивающагося упадка жизни.

Интересъ къ техническимъ и естественнымъ наукамъ падалъ; временно только наблюдалось его оживленіе въ позднѣйшую александрійскую эпоху, подъ вліяніемъ непродолжительнаго экономическаго подъема провинцій, тяготѣвшихъ къ новому центру — Александріи. Вообще же наука падала, переставая служить выраженіемъ техническаго прогресса,—потому что самаго этого прогресса не было. Не пошло дальше первыхъ шаговъ, а затѣмъ смѣнилось упадкомъ, также развитіе наукъ соціально-историческихъ: пренебреженіе къ трудовой жизни исключало развитіе экономической науки и въ исторіи ослабляло элементы описанія культурнаго процесса, выдвигая на первый планъ войны и дѣянія героевъ; съ теченіемъ же времени, при общемъ упадкѣ образованія, она свелась къ типу лѣтописи, который и остался въ средневѣковомъ феодальномъ мірѣ, какъ вполнѣ подходившій къ его болѣе низкой культурѣ.

Такъ своеобразно извратились въ вырождающейся средѣ тенденціи научно-философскаго познанія, что въ свою очередь могло только ускорить техническій, а за нимъ и общій соціальный упадокъ античнаго міра.

Всего позже замерло идеологическое творчество классическаго міра въ области нормативной, именно—въ сферѣ права. Римъ, организаторъ всего этого міра, разработалъ и довелъ до высокаго совершенства систему юридическихъ нормъ, основанныхъ на частной собственности и соотвѣтствующихъ потребностямъ организаціи мѣнового общества, каковымъ и являлось въ своихъ верхахъ античное общество; это была та самая система „римскаго права", которая впослѣдствіи послужила готовой организующей формой для вновь нарождавшагося на исходѣ среднихъ вѣковъ товарнаго производства. Но и въ сферѣ права роль позднѣйшихъ временъ Римской Имперіи сводилась, главнымъ образомъ, къ подведенію итоговъ, къ формальной обработкѣ и кодификаціи того, что было выработано предыдущими эпохами. Такого рода идеологическая работа продолжалась еще нѣкоторое время послѣ паденія Римской Имперіи въ уцѣлѣвшей восточной ея части—имперіи Византійской; а затѣмъ здѣсь также заглохла среди продолжавшагося соціальнаго разложенія.

Въ общемъ и цѣломъ, старая идеологія не только не могла задержать деградаціи рабовладѣльческаго общества, но, ставши въ значительной своей части реакціонною, ускоряла ее еще болѣе. Не измѣнила въ этомъ положеніи ничего существеннаго и та новая идеологія, которую античный міръ создалъ въ своей послѣдней, предсмертной борьбѣ,—новая религія, о которой намъ придется еще говорить въ дальнѣйшей связи изложенія.

5. Ходъ экономической деградаціи античнаго общества.

а) Гибель мелкихъ производителей.

Мы уже видѣли, что собственно рабовладѣльческое хозяйство носитъ въ себѣ достаточные зародыши своего грядущаго упадка: тенденцію къ превращенію рабовладѣльцевъ въ паразитовъ и къ истощенію жизненной энергіи рабовъ до полной невозможности какого-либо прогресса. Такимъ образомъ, вопросъ о судьбѣ античнаго общества объективно сводился къ вопросу о судьбѣ его „среднихъ классовъ",—прежде всего, свободныхъ мелкихъ производителей, огромное большинство которыхъ составляли крестьяне, гораздо менѣе значительную часть—ремесленники. Крушеніе этихъ классовъ означало паденіе главныхъ опоръ общества, полный просторъ для дѣйствія разрушительныхъ

и разлагающихъ его силъ. Такое крушеніе и наступило благодаря экономической связи и взаимодѣйствію мелкихъ производителей съ рабовладѣльческой организаціей, которая подорвала ихъ экономическую жизненность и какъ-бы увлекла ихъ въ своемъ вырожденіи.

Рабовладѣльческое хозяйство губило крестьянъ, а затѣмъ и свободныхъ ремесленниковъ, прежде всего, своей конкурренціей.

Крестьянство того времени уже въ значительной мѣрѣ было вовлечено въ сферу обмѣна. Въ городѣ покупало оно значительную часть необходимыхъ ремесленныхъ продуктовъ, орудій и т. под.; а для того, чтобы покупать, продавало тамъ произведенія своего сельскаго хозяйства. Насколько значительно было мѣновое обращеніе этихъ продуктовъ, о томъ позволяетъ судить огромное развитіе городовъ въ древнемъ мірѣ.—И на городскомъ рынкѣ крестьянское хозяйство вовлекалось въ конкурренцію съ рабовладѣльческимъ.

Технически это послѣднее, какъ мы видѣли, не стояло выше самостоятельнаго мелкаго производства, или даже ему уступало въ этомъ отношеніи. Но благодаря крайнему выжиманію рабской рабочей силы, благодаря дешевизнѣ пріобрѣтенія рабовъ для крупнаго хозяйства и неполному удовлетворенію ихъ потребностей, оно получало возможность продавать тѣ же самые продукты дешевле, чѣмъ мелкое самостоятельное хозяйство. Особенно сильно это чувствовалось въ земледѣліи. Крестьяне не могли соперничать съ латифундіями, потреблявшими, въ самомъ грубомъ и буквальномъ значеніи этого слова, сотни и тысячи рабскихъ рабочихъ силъ. А по мѣрѣ того какъ разорялись въ непосильной конкурренціи крестьянскія хозяйства, за ихъ счетъ выростали еще болѣе, дешево скупая ихъ земли, рабовладѣльческія латифундіи: этотъ процессъ, такимъ образомъ, самъ себя поддерживалъ и усиливалъ.

Еще болѣе онъ обострился со времени завоеванія Римомъ плодороднѣйшихъ провинцій, такихъ, какъ Сицилія, Малая Азія, Египетъ. Съ этихъ провинцій римское государство брало сначала контрибуціи, а затѣмъ подати, между прочимъ, въ видѣ огромнаго количества хлѣба, который доставлялся въ столицу и частью раздавался даромъ голоднымъ массамъ „римскихъ гражданъ“ — пролетаріевъ, частью продавался по самой дешевой цѣнѣ. Такимъ образомъ рабовладѣльческое государство одновременно разоряло крестьянъ въ провинціяхъ—чрезмѣрными поборами, и въ самой Италіи—подрывомъ для нихъ главнаго рынка. Процессъ этотъ, какъ увидимъ дальше, сталъ роковымъ и для самихъ латифундій; но въ первую голову онъ губилъ, разумѣется, именно крестьянство.

Что касается ремесленниковъ—класса гораздо менѣе многочислен-

наго и исторически менѣе важнаго, чѣмъ крестьянство,—то для нихъ сама по себѣ конкурренція рабовладѣльческихъ предпріятій не была бы еще такъ губительна: въ ремеслѣ техническія преимущества свободнаго труда были значительнѣе, потому что тамъ бо̀льшую, чѣмъ въ земледѣліи, роль играетъ личное искусство и вниманіе работника; а крупное рабовладѣльческое производство въ этой области даже не развилось, за исключеніемъ Греціи временъ ея процвѣтанія. Но рабовладѣльческое хозяйство, расширяясь, подкапывало силу ремесла еще инымъ путемъ—суживая для него рынокъ. И не только тѣмъ, что оно разоряло крестьянство, составлявшее нѣкоторую часть этого рынка, но особенно тѣмъ, что само стремилось освободиться отъ необходимости покупать продукты ремесла.

Тутъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ „діалектическихъ“ явленій: экономически-мѣновая жажда наживы и накопленія усиливала внутри рабовладѣльческой группы натурально-хозяйственную тенденцію. Желая получить какъ можно больше денегъ отъ своего хозяйства и для этого какъ можно меньше тратить ихъ на его потребности, рабовладѣлецъ стремился достигнуть того, чтобы всѣ необходимые ремесленные продукты, особенно орудія труда, одежда для рабовъ и т. под., производились въ его собственномъ хозяйствѣ. И чѣмъ крупнѣе выростали рабовладѣльческія хозяйства, чѣмъ бо̀льшія массы рабовъ они примѣняли, тѣмъ въ бо̀льшей мѣрѣ этотъ идеалъ становился для нихъ осуществимымъ, тѣмъ больше разнообразныхъ ремесленныхъ профессій концентрировалось въ каждомъ изъ нихъ посредствомъ систематической покупки обученныхъ рабовъ и обученія другихъ рабовъ внутри самаго хозяйства *). Такъ натурально-хозяйственное ремесло рабовъ жестоко конкуррируетъ со свободнымъ ремесломъ, производящимъ почти исключительно на рынокъ, и ведетъ къ экономическому обезсиленію этого класса.

Другимъ могущественнымъ дѣятелемъ разоренія самостоятельныхъ мелкихъ производителей выступаютъ тѣ самыя войны, которыя слу-

---

*) По этой, въ значительной степени, причинѣ и въ общественномъ мнѣніи развитого уже рабовладѣльческаго общества, и въ отражающей его литературѣ, поскольку она касается экономическихъ вопросовъ, наблюдается такое преобладаніе натурально-хозяйственной точки зрѣнія, которое не соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію обмѣна въ соціально-производственной жизни, это можно видѣть даже у писателей аѳинянъ (какъ, напр., Ксенофонтъ), націи вообще сравнительно торговой. Задача—получить все необходимое изъ труда своихъ рабовъ, безъ помощи обмѣна,—выдвигается постоянно. Это содѣйствовало недоразумѣніямъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ экономистовъ, преуменьшавшихъ роль обмѣна въ древнемъ мірѣ.

жатъ главнымъ источникомъ и опорой рабовладѣнія. Ихъ жертвой по преимуществу оказывается крестьянская масса.

Крестьянство, какъ мы знаемъ, было основной боевой силой римскаго государства въ эпоху великихъ завоеваній и потому во всѣхъ отношеніяхъ должно было расплачиваться за побѣды. Его необходимыя рабочія силы отвлекались отъ хозяйства и безвозвратно растрачивались въ безчисленныхъ походахъ. На него ложилась наибольшая тяжесть порождаемыхъ войнами налоговъ, но не ему доставалась наибольшая часть добычи отъ военнаго грабежа и доходовъ отъ управленія провинціями. Правда, римское государство временами давало своимъ легіонерамъ земли въ завоеванныхъ провинціяхъ, чтобы имѣть тамъ надежную опору; но чѣмъ дальше отъ Италіи переносился районъ новыхъ походовъ и завоеваній, тѣмъ труднѣе для римскаго крестьянина становилось это дѣло колонизаціи, тѣмъ меньше оно могло его привлекать, особенно, если принять въ разсчетъ систему податного и вымогательскаго ограбленія провинцій Римомъ и его чиновниками, подъ дѣйствіе которой съ теченіемъ времени подпадали неизбѣжно и новые колонисты.

Вообще же стоило тому или иному крестьянскому хозяйству разъ пошатнуться хотя бы вслѣдствіе долгаго отсутствія, благодаря войнѣ, его главнаго работника и организатора,—дальше спасенія уже не было, потому что на сцену выступалъ немедленно еще новый, самый страшный факторъ крестьянскаго разоренія—ростовщичество.

Однимъ изъ интересныхъ парадоксовъ идеологіи классическаго міра было очень тогда распространенное презрительно-отрицательное отношеніе къ торговлѣ и торговцамъ рядомъ съ чрезвычайно терпимымъ и снисходительнымъ отношеніемъ къ ростовщичеству. Дѣло объясняется очень просто, если посмотрѣть на классовое положеніе, съ одной стороны, торговцевъ, съ другой—ростовщиковъ. Торговля была спеціализированнымъ занятіемъ, и торговцы составляли особую соціальную группу, тогда какъ ростовщичество было въ значительной мѣрѣ занятіемъ господствующаго класса—рабовладѣльцевъ. И характерная черта, свойственная всѣмъ рабовладѣльческимъ обществамъ, склоняющимся къ упадку,—ростовщическій капиталъ по своей соціальной силѣ значительно превосходилъ капиталъ торговый.

Интересы торговцевъ стояли въ явномъ и ощутительномъ противорѣчіи съ интересами другихъ классовъ общества и въ томъ числѣ—рабовладѣльцевъ. Тогда торговый процентъ прибыли былъ несравненно выше, чѣмъ въ наше время: торговля была дѣломъ очень труднымъ, требовавшимъ большой предпріимчивости и энергіи. Профессіональный рискъ былъ огромный, опасности и потери подстерегали на каждомъ шагу, и купецъ, конечно, не могъ довольствоваться такимъ малымъ

процентомъ, какъ сейчасъ, особенно, если принять во вниманіе, какъ невелика была, по сравненію съ теперешнею, та сумма товаровъ, которая проходила черезъ его руки. Такимъ образомъ, если даже исчезло въ изучаемую эпоху воспоминаніе о прежней неразрывной связи торговли съ сухопутнымъ и морскимъ разбоемъ, то все-таки враждебность общественнаго мнѣнія къ торговцамъ имѣла серьезныя экономическія основанія.

Для такого дѣла, какъ торговля, у избалованныхъ праздностью рабовладѣльцевъ необходимой энергіи не было, и они могли только ненавидѣть торговца, какъ неизбѣжнаго во многихъ случаяхъ посредника, отнимавшаго у нихъ значительную долю прибавочной стоимости, извлеченной ими изъ „собственныхъ“ рабовъ. Наоборотъ, ростовщичество было дѣломъ для нихъ вполнѣ подходящимъ, и они занимались имъ чрезвычайно охотно.

Ростовщичество въ древнемъ мірѣ начало развиваться, можно предполагать, еще раньше, чѣмъ успѣли получить сколько-нибудь широкое распространеніе обмѣнъ и денежное хозяйство. Ростовщическій кредитъ возможенъ, какъ мы уже знаемъ, и въ натурально-хозяйственной формѣ: заемъ сѣмянъ для посѣва съ отдачей въ значительно бо́льшемъ количествѣ хлѣба, въ случаѣ неурожая, скота, орудій и т. под. На всей исторіи древняго міра, экономической и политической, лежитъ печать тѣсной связи между крупнымъ землевладѣніемъ (а стало быть, также рабовладѣніемъ) и ростовщичествомъ. Всюду, когда побѣждала аристократія, создавались самые строгіе, порою жестокіе законы противъ несостоятельныхъ должниковъ; побѣда демократіи сопровождалась облегченіемъ долговыхъ тягостей. Уже въ Греціи ростовщичество развилось до огромныхъ размѣровъ; Римъ расширилъ его до размѣровъ міровыхъ. Италія и провинціи были имъ одинаково разорены.

Мелкое крестьянское хозяйство, вслѣдствіе своей зависимости отъ стихійныхъ силъ мертвой и живой природы, не можетъ не подвергаться время отъ времени такимъ потрясеніямъ, которыя вызываютъ потребность въ помощи извнѣ: засуха, неурожай, саранча, эпидеміи, поражающія скотъ, и т. под. Соціальныя условія, въ видѣ конкурренціи, войнъ, налоговъ, прибавляютъ еще цѣлый рядъ источниковъ подобныхъ потрясеній. А когда помощь является въ видѣ ростовщическаго капитала, то прибавляется еще одинъ, уже хроническій источникъ. Благодаря всегда большой остротѣ той нужды, которая заставляетъ крестьянина обратиться къ ростовщику (ибо крестьянинъ дѣлаетъ это только въ крайности), процентъ назначается огромный, въ видѣ ли продуктовъ, или въ видѣ денегъ, или — отработковъ, подрывающихъ собственное трудовое хозяйство должника. Долгъ не уплачивается въ

срокъ или уплачивается съ большимъ ущербомъ для хозяйства, и „помощь“ ростовщика нужна вновь, еще въ увеличенныхъ размѣрахъ, и т. д.,—задолженность начинаетъ расти лавинообразно, вплоть до разоренія.

Не такъ быстро, но рано или поздно попадалъ въ сферу дѣйствія ростовщическаго капитала также и городской ремесленникъ, причемъ, разумѣется, конечные результаты были такіе же.

Война повсюду превосходно подготовляла почву для ростовщичества. Мы уже видѣли, какъ она подкапывала хозяйство крестьянина-легіонера, уменьшая силу его сопротивленія богатому хищнику-сосѣду. Въ только-что завоеванныхъ провинціяхъ ростовщическая эксплуатація находила для себя наилучшее поле. Потрясенная неудачной войной, полуразграбленная уже страна облагалась еще высокой контрибуціей или, по крайней мѣрѣ, значительными налогами, которыхъ она въ первое время не въ состояніи была выплачивать, и которые должны были выколачиваться, по большей части съ ея крестьянства. Тутъ не только открывался просторъ для мѣстнаго мелкаго ростовщика, но немедленно выступалъ на сцену крупный ростовщическій капиталъ римскихъ патриціевъ и „всадниковъ“, который, можно сказать, шелъ слѣдомъ за побѣдоносными легіонами*). Этотъ капиталъ, во-первыхъ, бралъ на откупъ налоги, во-вторыхъ, охотно ссужалъ подвластныя Риму правительства деньгами какъ для уплаты дани, такъ и для другихъ надобностей. Въ первомъ случаѣ ростовщикъ самъ получалъ возможность экономически опустошать провинцію; внесши за нее сумму налога римскому казначейству, онъ уже ничѣмъ не былъ стѣсненъ въ дѣлѣ выжиманія мѣстнаго населенія подъ предлогомъ возмѣщенія выплаченной суммы налога. Во второмъ случаѣ это брало на себя мѣстное правительство, но населенію отъ того не было, разумѣется, легче: и самый долгъ, и громадные проценты, и издержки взиманія—все обрушивалось на него.

Обычный размѣръ ссуднаго процента измѣрялся десятками на сто въ годъ. Не только такіе люди, какъ Сулла, Крассъ, Антоній, не стѣснялись въ этомъ отношеніи, но и такіе идеалисты политики и морали, какъ Брутъ, Кассій, философъ Сенека, брали 50—70—100% въ годъ. Въ ростовщичествѣ были заняты и имъ въ свою очередь создавались колоссальныя состоянія: тысячи талантовъ въ рукахъ отдѣль-

---

*) „Всадники“ представляли изъ себя первоначально ту часть перваго „класса“ (по законамъ, приписываемымъ Сервію Туллію), которая давала государству конницу. Впослѣдствіи имъ даны были спеціальныя привилегіи по откупу налоговъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, такъ что они образовали своего рода сословную организацію ростовщиковъ по-преимуществу.

ныхъ лицъ, десятки тысячъ—въ рукахъ акціонерныхъ обществъ *) (таланть—около $3^1/_2$ тысячъ рублей, причемъ надо принять еще въ разсчетъ, что тогда покупательная сила денегъ была въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ въ наши времена).

Таковы были финансовыя силы, направленныя къ экспропріаціи мелкихъ производителей. Понятно, что всякое сопротивленіе этихъ послѣднихъ должно было съ теченіемъ времени истощиться. Процессъ еще ускорялся непомѣрнымъ ростомъ государственныхъ налоговъ, характеризующимъ эпоху имперіи вообще и особенно ея позднѣйшіе періоды.

Цѣлый рядъ причинъ велъ къ непрерывному возрастанію финансовыхъ потребностей имперіи. Основная изъ нихъ заключалась въ условіяхъ жизни военнаго и бюрократическаго механизма. Первый, съ одной стороны, долженъ былъ неизбѣжно увеличиваться благодаря усиливавшимся нападеніямъ на имперію извнѣ, съ другой стороны — долженъ былъ все болѣе опираться на систему найма солдатъ.

Протяженіе границъ имперіи, раскинутой вокругъ Средиземнаго моря, было громадно. Для поддержанія ихъ безопасности, а также для сохраненія мира въ самихъ покоренныхъ провинціяхъ, для прекращенія то здѣсь, то тамъ возникавшихъ возстаній, требовалось постоянное войско въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Между тѣмъ Востокъ и Сѣверъ высылали новыя и новыя полчища воинственныхъ племенъ германскаго, кельтическаго, а впослѣдствіи славянскаго, монгольскаго происхожденія. Они охватывали имперію желѣзнымъ кольцомъ, которое все суживалось, и нападенія ихъ, подъ давленіемъ земельной тѣсноты, которая быстро усиливалась при ихъ варварской техникѣ, становились все рѣшительнѣе и настойчивѣе. Во II—III вѣкѣ послѣ Р. Х. уже глубоко экономически подорванная, имперія должна была содержать армію въ 600,000 человѣкъ. И въ то же время каждый солдатъ обходился ей все дороже, потому что все меньшая ихъ доля рекрутировалась изъ собственныхъ гражданъ имперіи, все бо̀льшая—изъ наемниковъ.

Упадокъ крестьянства подрывалъ источники боевой силы имперіи, вызывая необходимость въ замѣнѣ гражданъ—варварами, которые шли на службу имперіи за жалованье; сумма же этого жалованья возрастала, вслѣдствіе увеличенія спроса на наемныхъ солдатъ, и уже въ II вѣкѣ по Р. Х. превосходила 300 динаріевъ на простого легіонера — сумма по тому времени очень большая. А бремя налоговъ, которымъ падало

*) Ростовщическій капиталъ древняго Рима (а ранѣе—Карѳагена) группировался не только въ товарищества крупныхъ капиталистовъ, но и въ акціонерныя предпріятія, подобныя нынѣшнимъ кредитнымъ, гдѣ привлекались и мелкія сбереженія широкой публики.

это жалованье въ бо̀льшей части на остатки крестьянства, въ свою очередь ускоряло ихъ гибель.

Что касается бюрократіи, то она по другимъ причинамъ все дороже обходилась обществу. По самой своей сущности, она была аппаратомъ для эксплуатаціи больше всего, именно — для эксплуатаціи Римомъ всей имперіи. Власть бюрократіи была огромна, между тѣмъ какъ положеніе каждаго изъ ея представителей, при продолжавшемся переходѣ императорской власти въ деспотическую и при постоянныхъ дворцовыхъ революціяхъ, было далеко непрочнымъ. Естественно, что бюрократія стремилась использовать свою власть, чтобы эксплуатировать въ свою пользу,—явленіе, неоднократно повторявшееся, до послѣдняго даже времени на памяти исторіи, а въ предыдущемъ уже отмѣченное нами въ восточно-рабовладѣльческихъ монархіяхъ. Произволъ, вымогательство и хищенія властей, особенно провинціальныхъ, увеличивались безгранично. Большинство императоровъ подавали въ этомъ отношеніи самый живой примѣръ. Ихъ роскошь и расточеніе ими государственныхъ средствъ, особенно съ цѣлью покупки симпатій солдатъ и римской черни, принимали порою восточно-сказочные размѣры.

Такъ, переплетаясь и поддерживая другъ друга, различныя экономическія и возникавшія изъ нихъ политическія условія неуклонно вели къ гибели классовъ, составлявшихъ жизненную опору античнаго міра— самостоятельныхъ мелкихъ производителей вообще и спеціально — крестьянства.

b) Упадокъ крупнаго рабовладѣльческаго хозяйства.

Губя различными экономическими и политическими путями крестьянство, рабовладѣльческій классъ разрушалъ основы своего собственнаго существованія. Рабовладѣльческое хозяйство, основанное на крайнемъ истощеніи и быстромъ изнашиваніи живыхъ орудій — рабовъ, не могло держаться прочно безъ постоянной доставки этихъ орудій извнѣ. Средствомъ ихъ полученія являлась война, — только, очевидно, побѣдоносная война. Но условіемъ побѣдоносныхъ войнъ были сильные, крестьянскіе легіоны, такіе, какъ тѣ, которые завоевали для Рима его имперію. И это условіе исчезло, когда крестьянство было экономически уничтожено конкурренціей крупныхъ рабовладѣльцевъ, ихъ ростовщичествомъ, ихъ способомъ вести войны, ихъ государственнымъ податнымъ хозяйствомъ.

Войны изъ наступательныхъ перешли въ оборонительныя и становились все менѣе успѣшными. Откуда было взять необходимый человѣческій матеріалъ для легіоновъ? Прежніе крестьяне, послѣ своего

разоренія бѣжавшіе въ города и жившіе тамъ въ видѣ „пролетаріевъ“, переставали быть тѣмъ, чѣмъ они были раньше. закаленными въ суровомъ трудѣ, воспитанными въ его строгой дисциплинѣ, во всѣхъ отношеніяхъ подготовленными къ роли солдата, къ лишеніямъ въ походахъ, къ стойкой борьбѣ, неуклонному повиновенію. Пролетарій античнаго міра былъ праздным поневолѣ, добывалъ средства къ жизни либо въ качествѣ паразита и прислужника богачей, либо въ качествѣ паразита государства, продавая свои политическія услуги, свой голосъ при выборахъ тому, кто больше давалъ; въ военную службу, съ ея опасностями и трудами, онъ идти не хотѣлъ, да и не годился для нея ни физически, ни морально.

О пополненіи войска рабами, конечно, не могло быть и рѣчи. Какіе результаты получались, когда ихъ обучали боевому дѣлу, какъ гладіаторовъ—для забавы, о томъ ясно свидѣтельствуетъ страшное возстаніе Спартака. Правительство и рабовладѣльцы должны были бояться даже всякаго длительнаго ихъ объединенія большими массами на работѣ, какъ это показало, напр., возстаніе земледѣльческихъ рабовъ въ латифундіяхъ Сициліи.

Оставался только одинъ возможный массовый источникъ воинской рабочей силы: сами варвары. Матеріалъ для арміи это былъ превосходный: крестьяне или пастухи, физически сильные и храбрые, привыкшіе дѣйствовать дружно и сплоченно,—у нихъ еще крѣпко держались старыя родовыя связи, съ ихъ патріархальной дисциплиной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ въ бо̀льшей мѣрѣ заполнялись ими кадры легіоновъ имперіи, которые постепенно становились „римскими“ только по имени. Варвары шли противъ варваровъ, наемные противъ свободныхъ.

Но—опять-таки: при этомъ была уже немыслима побѣдоносная наступательная тактика, которая раньше давала рабовладѣльческому обществу массы рабовъ. Еще борьба Рима съ Карѳагеномъ показала, какая разница между войскомъ изъ свободныхъ гражданъ, какое было у Рима, и войскомъ изъ наемниковъ, хотя бы превосходно обученныхъ, какое было у Карѳагена. Наиболѣе тѣсную сплоченность и единство дѣйствія даетъ арміи органическая связь съ тѣмъ обществомъ, которое она защищаетъ. У римской арміи позднѣйшихъ временъ этого условія не было на-лицо, а у ея противниковъ—свободныхъ германцевъ—оно было. Перевѣсъ неминуемо долженъ былъ перейти и мало-по-малу дѣйствительно перешелъ на другую сторону. Этимъ былъ подрѣзанъ жизненный нервъ рабовладѣльческой системы.

Естественно было бы прибѣгнуть къ разведенію рабовъ. Но оно совсѣмъ не представляло тѣхъ выгодъ, какъ добываніе ихъ готовыми, причемъ главныя издержки ихъ вскармливанья ложились на тѣ сво-

бодныя семьи и общины, изъ которыхъ они были вырваны. Въ достаточной мѣрѣ окупалось только разведеніе спеціально-обученныхъ, „квалифицированныхъ“ рабовъ; а нуждались въ рабахъ главнымъ образомъ латифундіи, для земледѣльческихъ работъ весьма несложныхъ. Тамъ, гдѣ все хозяйство держалось на дешевомъ пріобрѣтеніи и быстромъ изнашиваніи живыхъ орудій, процессы ихъ приготовленія внутри хозяйства не могли дать для него экономической опоры, какъ слишкомъ длительные и слишкомъ дорогіе.

Такимъ образомъ, крупное земледѣльческое производство при помощи рабовъ должно было прекратиться *). Подорвано было также горное дѣло, которое въ крупныхъ размѣрахъ велось рабскимъ трудомъ, и дѣло строительное, особенно государственныя постройки и инженерныя сооруженія, проведеніе дорогъ и т. под., которыя требовали огромной массы подневольныхъ рабочихъ рукъ.

Владѣльцы латифундій пытались приспособиться къ измѣняющемуся положенію, превращая поля въ пастбища, замѣняя земледѣліе скотоводствомъ, для котораго требовалось меньше рабовъ. Но и это пониженіе интенсивности сельскохозяйственной культуры не спасало дѣла. Общій упадокъ продолжался, пастбища смѣнялись пустошами. И въ связи съ упадкомъ главныхъ отраслей производства, приходили въ разстройство также всѣ остальныя, даже и помимо недостатка свѣжей рабской силы, просто въ силу своей связи съ главными; такъ, для ремесла сельское хозяйство являлось, съ одной стороны, источникомъ сырыхъ матеріаловъ и жизненныхъ припасовъ, съ другой стороны, въ значительной мѣрѣ и рынкомъ. Болѣзнь идетъ дальше и глубже по соціальному организму.

c) Пролетаріатъ.

Къ возрожденію стараго крестьянства упадокъ латифундій и всего рабовладѣнія повести уже не могъ по двумъ главнымъ причинамъ: будучи частною собственностью, земля была недоступна разорившимся прежнимъ крестьянамъ, которымъ купить ее, разумѣется, было не на что, а само это бывшее крестьянство, оторванное отъ земли, быстро подвергалось соціальному вырожденію, какъ главная составная часть „пролетаріата“ городовъ.

---

*) Въ Италіи этотъ процессъ былъ еще ускоренъ конкурренціей дешеваго хлѣба изъ плодородныхъ провинцій, который къ тому же, какъ мы упоминали, нерѣдко привозился въ огромныхъ количествахъ въ видѣ дани и раздавался сотнями тысячъ римскихъ гражданъ за безцѣнокъ или даромъ, что сильнѣйшимъ образомъ сбивало его цѣну.

Въ самомъ дѣлѣ, куда было дѣваться обезземеленному крестьянину, какъ не бѣжать въ городъ: только тамъ онъ могъ надѣяться на заработокъ или на помощь. Но заработокъ тамъ находился только въ рѣдкихъ случаяхъ: спросъ на наемный трудъ при рабовладѣніи, а затѣмъ при экономическомъ упадкѣ, былъ ничтожный; а между тѣмъ тамъ уже раньше успѣвала скопиться масса такого же безхозяйственнаго люда, изъ тѣхъ же разоренныхъ крестьянъ и ремесленниковъ, обанкротившихся торговцевъ, освобожденныхъ рабовъ и т. под. Это было совершенно непроизводительное населеніе—люмпенъ-пролетаріатъ; его источники жизни, по необходимости, сводились къ паразитизму, частному или государственному.

Частный паразитизмъ, опиравшійся на роскошь и расточительность богачей, при которыхъ кормились порою сотни „клиентовъ“ *), имѣлъ, несомнѣнно, очень широкіе размѣры, но онъ не былъ достаточенъ, чтобы поддерживать цѣлые милліоны пролетаріевъ, порождаемые экономическимъ разложеніемъ античнаго міра. Притомъ же, съ теченіемъ времени даже общая сумма расточаемаго богатства общественныхъ верховъ должна была сокращаться, а пролетаріатъ все увеличивался.

На государственную благотворительность падало такимъ образомъ все возрастающее бремя, и она въ Римской имперіи развилась до размѣровъ, какихъ не достигала никогда и нигдѣ больше въ исторіи человѣчества. Большинство пролетаріевъ были свободные граждане и, опираясь на свои гражданскія права, требовали поддержки отъ государства. И требованіе это государству приходилось такъ или иначе удовлетворять, хотя бы потому, что собравшаяся въ городахъ масса пролетаріевъ представляла во всякомъ случаѣ большую политическую силу, а доведенная голодомъ до отчаянія была бы грозной опасностью для всѣхъ имущихъ элементовъ общества.

Политическія партіи и отдѣльные политическіе дѣятели покупали у пролетаріевъ ихъ голоса; государство покупало у нихъ общественное спокойствіе: такой смыслъ имѣли постоянныя даровыя раздачи хлѣба, нерѣдкія раздачи денегъ и одежды, даровыя увеселительныя зрѣлища въ родѣ гладіаторскихъ боевъ и т. под. Особенно большую роль въ этомъ смыслѣ играли пролетаріи Рима, гдѣ ихъ было нѣсколько сотъ тысячъ, и гдѣ они въ эпоху упадка составляли огромное большинство населенія.

---

*) Институтъ клиентэлы, о феодальномъ происхожденіи котораго говорилось выше, среди рабовладѣльческой системы постепенно выродился въ простое прислужничество и приспѣшничество, соединенное часто съ грубымъ паразитизмомъ.

Однако въ дальнѣйшемъ положеніе пролетаріевъ неизбѣжно становилось все болѣе отчаяннымъ, такъ какъ и государственные рессурсы постепенно истощались, а пролетаріатъ по-прежнему численно возрасталъ. Между тѣмъ никакого производительнаго примѣненія его рабочимъ силамъ разрушающаяся культура дать не могла.

Накопленіе капиталовъ имѣлось на-лицо, и накопленіе огромное. На почвѣ рабовладѣльческой эксплуатаціи, военнаго захвата и чиновничьяго вымогательства создались даже такія состоянія, которыя измѣрялись сотнями милліоновъ сестерціевъ, т.-е. десятками милліоновъ рублей на наши деньги, причемъ, какъ мы знаемъ, покупательная сила денегъ была еще въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ теперь. Но капиталистическое производство, несмотря на многочисленный „свободный пролетаріатъ", возникнуть не могло. Производительныя силы не росли, а разрушались; при этихъ условіяхъ немыслимо развитіе новыхъ и высшихъ экономическихъ формъ. Не было организаторовъ для новой системы производства: господствующіе классы, владѣльцы капиталовъ, успѣли выродиться въ чистѣйшихъ паразитовъ. Торговецъ же не успѣлъ стать торговымъ капиталистомъ, т.-е. объединить подъ своею властью мелкое производство: это послѣднее уже успѣла погубить рабовладѣльческая система. Рабы, доведенные до крайней деградаціи, не могли изъ орудій труда стать свободными наемными рабочими; да и „пролетаріи" глубоко выродились въ своемъ нищенскомъ паразитизмѣ, утратили всякую способность и всякую склонность къ производительной работѣ. Путь къ капитализму былъ закрытъ повсюду.

d) Колонатъ.

Землевладѣльцы, вынужденные отказаться отъ веденія крупнаго сельскаго хозяйства рабскимъ трудомъ, естественнымъ образомъ стали искать новыхъ способовъ организаціи земледѣлія. Въ результатѣ возникли различныя формы колоната.

Первоначально слово „колонъ" означало просто свободнаго земледѣльца. Но крушеніе свободнаго крестьянства привело къ тому, что это названіе перешло къ занявшимъ впослѣдствіи его мѣсто несвободнымъ и полу-свободнымъ земледѣльцамъ.

Когда рабовъ стало недостаточно для того, чтобы съ выгодой вести сельскохозяйственныя работы ихъ насильственно-объединеннымъ трудомъ, тогда сталъ неизбѣжнымъ переходъ къ индивидуальной обработкѣ земли; а она могла быть успѣшной только въ томъ случаѣ, если самъ производитель былъ заинтересованъ въ возможно большей

производительности труда. Землевладѣльцы начинаютъ сдавать участки своимъ рабамъ, давая имъ орудія и предоставляя заводить собственное хозяйство, и требуя съ нихъ за это оброковъ, въ видѣ опредѣленной части продукта, иногда—опредѣленной суммы денегъ, а также, нерѣдко, отбыванія нѣкоторыхъ трудовыхъ повинностей (барщина) въ собственномъ хозяйствѣ господина. Впервые начало практиковать такую систему, повидимому, само государство въ своихъ обширныхъ доменахъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ имперіи,—уже въ началѣ II вѣка по Р. Х. Тамъ же, можно думать, первоначально складывались тѣ обычныя, а затѣмъ и правовыя нормы, которыми регулировалось впослѣдствіи положеніе колоновъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ.

Государство стремилось привлечь на свои земли вольныхъ арендаторовъ, особенно изъ числа прежнихъ легіонеровъ, а также разорившихся крестьянъ. Имъ предоставлялись участки земли на льготныхъ условіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы они ихъ не покидали больше. Вначалѣ, вѣроятно, и это послѣднее условіе не было обязательнымъ юридически, но потомъ, когда воздѣлываніе земли становилось все менѣе выгоднымъ, и ее все чаще бросали, государство, терпѣвшее отъ этого убытки, начало ограничивать свободу арендаторовъ въ этомъ отношеніи. Понятно, что изъ числа свободныхъ, хотя бы разорившихся гражданъ оказывалось мало желающихъ садиться на землю навсегда, и государство заселяло свои домены больше военно-плѣнными варварами, т.-е. людьми, формально стоявшими на положеніи государственныхъ рабовъ. Позднѣе къ нимъ стали присоединяться варвары-поселенцы, которые, будучи воспитаны въ феодальномъ бытѣ, ничего не имѣли противъ постоянной связи съ землею. Такъ создался колонатъ несвободный (servi terrae—рабы земли) и полу-свободный—зависимость крѣпостная и зависимость болѣе мягкая, близкая къ феодальной.

На частно-владѣльческихъ земляхъ тѣ же отношенія развивались затѣмъ, начиная съ третьяго вѣка, тѣмъ легче, что для нихъ имѣлись готовые образцы въ государственномъ колонатѣ. Рабы, получая надѣлъ и переходя въ крѣпостное состояніе, смѣняли прежнюю форму зависимости на болѣе мягкую, и впослѣдствіи законъ упрочилъ это фактически создавшееся положеніе, оградивъ колоновъ отъ изгнанія съ ихъ участковъ, отъ чрезмѣрнаго повышенія ихъ повинностей (они могли въ этомъ случаѣ обращаться къ суду съ жалобой на хозяина), отъ передачи ихъ участковъ по ихъ смерти кому-либо иному, кромѣ ихъ наслѣдниковъ... Но въ то же время бѣгство колоновъ съ ихъ надѣловъ строго каралось закономъ, а равнымъ образомъ карались и землевладѣльцы, которые принимали чужихъ колоновъ въ свои помѣстья. Таковъ былъ несвободный колонатъ.

Что касается колоновъ изъ свободнаго сословія, то первоначально ихъ права не были, конечно, такъ ограничены, и они были просто арендаторами; но впослѣдствіи государство, прикрѣпившее къ землѣ своихъ вольныхъ колоновъ, оказало ту же услугу и частнымъ землевладѣльцамъ, и юридически колонатъ свободный все болѣе смѣшивался съ несвободнымъ. Но уже самый фактъ юридическаго стѣсненія свободныхъ колоновъ ясно говоритъ о томъ, что положеніе колоновъ было крайне тяжелымъ, и наблюдалась въ значительныхъ размѣрахъ среди нихъ тенденція къ бѣгству отъ земли, а слѣдовательно, настоящаго возрожденія сельскаго хозяйства колонатъ античному міру не принесъ. О томъ же самомъ говорятъ и происходившія временами въ провинціяхъ возстанія колоновъ, которыя правительству приходилось подавлять.

Падавшая доходность земледѣлія вынуждала владѣльцевъ увеличивать повинности колоновъ, а правовая защита колоновъ государствомъ, которое само разлагалось и становилось великимъ бременемъ для населенія,—эта защита на дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ оказывалась фиктивной; продажный чиновникъ, равнодушный къ закону, всегда могъ легче столковаться съ помѣщикомъ, чѣмъ съ его крѣпостнымъ или полу-крѣпостнымъ крестьяниномъ.

Такимъ образомъ, разрушеніе римскаго государства съ его бюрократіей было необходимо для того, чтобы могли вполнѣ развиться тѣ новыя отношенія, которыя намѣчались въ колонатѣ. Ибо колонатъ представлялъ не что иное, какъ переходную форму отъ рабовладѣльческой организаціи труда къ феодальной, которую принесли съ собой разрушившіе Римскую имперію германцы. Въ развитіи колоната выражался своеобразный процессъ расплыванія и какъ-бы растворенія формъ античнаго міра въ охватывавшей его со всѣхъ сторонъ варварской средѣ.

Это случилось съ организаціей земледѣлія, какъ случилось съ арміей. Мы уже знаемъ, что она въ IV—V вѣкѣ стала германской по своему составу; она не могла дольше быть опорой для чуждыхъ германцамъ формъ жизни; и совершившійся фактъ былъ оформленъ низверженіемъ императорской власти. Старый циклъ историческаго развитія кончился, начинался новый.

6. Наслѣдство классическаго міра.

Жизнь античнаго міра не прошла безслѣдно для послѣдующаго развитія человѣчества: онъ оставилъ по себѣ огромное культурное наслѣдство. Оно лежало въ самыхъ различныхъ областяхъ соціально-трудового процесса и было использовано послѣдующими соціальными формаціями въ самыя различныя эпохи, облегчая и ускоряя прогрессъ общества.

Даже непосредственно-матеріальные остатки античной культуры были очень многочисленны и важны. Грандіозные образцы строительнаго искусства и инженернаго дѣла—дворцы, храмы, цирки, укрѣпленія, знаменитыя военныя дороги, водопроводы, каналы и т. под. Если сначала ими только кое-какъ пользовались, неумѣло и зачастую хищнически-разрушительно, ближайшіе наслѣдники—германскіе варвары, то позже многому по нимъ учились арабы, а затѣмъ и сами европейцы, особенно въ эпоху возрожденія.

То же самое можно сказать о памятникахъ искусства, особенно—скульптуры и поэзіи. Намъ не приходится разсматривать здѣсь ихъ роль въ развитіи всемірнаго искусства новаго времени, но извѣстно, насколько она была значительной, во многомъ—рѣшающей.

Техническія и научныя знанія древняго міра частью незамѣтно распространились и расплылись въ феодальномъ мірѣ среднихъ вѣковъ, повышая собою его культуру; частью же, и притомъ большей частью, цѣлый рядъ столѣтій они лежали подъ спудомъ, хранясь въ старыхъ манускриптахъ, пока не пришли тѣ поколѣнія, которыя въ силахъ были понять и принять ихъ. Распространеніе товарнаго производства въ арабскихъ царствахъ во времена ихъ расцвѣта и упадка, а затѣмъ и въ германскихъ и въ романскихъ странахъ сдѣлало не только доступною сознанію людей, но даже въ высшей степени нужною для общества идеологію раньше существовавшей мѣновой соціальной системы, каковою въ своихъ верхахъ являлся классическій міръ. Долгаго времени и очень большой затраты силъ общества потребовала бы выработка такой идеологіи заново; огромное ихъ сбереженіе получилось отъ того, что удалось найти и взять ее въ почти готовомъ видѣ, такъ что для старыхъ организующихъ формъ жизни и мысли, въ ней заключенныхъ, достаточны были небольшія передѣлки, чтобы онѣ совершенно подошли къ новымъ условіямъ и потребностямъ. Именно въ этомъ заключалось отмѣчаемое историками революціонное значеніе античной идеологіи въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому

времени, отъ феодальнаго хозяйства къ товарному. Классическая культура какъ-бы возстала тогда изъ гроба, чтобы выступить въ видѣ акушерки при трудныхъ родахъ новой, высшей культуры.

Всего очевиднѣе обнаруживается такой смыслъ обращенія къ древности въ распространеніи тогда по Европѣ римскаго права. Его душой, его организующимъ началомъ былъ, какъ мы знаемъ, принципъ частной собственности, основанной на обмѣнѣ, тотъ самый принципъ, который на границѣ новаго времени прокладывалъ себѣ дорогу, разрушая старыя, натурально-хозяйственныя и общинныя формы собственности. И принятіе римскаго права послужило тогда могучимъ орудіемъ выполненія этой жестокой, но исторически-необходимой работы.

Но было еще одно гигантское наслѣдство, которое непосредственно отъ античнаго міра принялъ міръ феодальный, то была церковь съ ея ученіемъ. Мы уже видѣли, какъ велико было ея жизненное значеніе въ феодальной системѣ. Теперь же отмѣтимъ въ общихъ чертахъ причины возникновенія этой организаціи съ ея экономической и съ ея идеологической стороны.

По наиболѣе обоснованной изъ современныхъ теорій, христіанство было идеологіей античнаго пролетаріата (взглядъ К. Каутскаго). Зародилось оно, согласно его собственному преданію, въ видѣ маленькой коммунистической секты среди евреевъ Палестины. Пролетарскихъ элементовъ въ городахъ Палестины, крестьянство которой разорялось и благодаря ростовщичеству, и благодаря римскому гнету, имѣлось достаточно. Склонность къ коммунизму всегда свойственна классамъ пролетарскимъ, т.-е. лишеннымъ собственности. Но у люмпенъ-пролетаріата тѣхъ временъ, жившаго непроизводительной жизнью, типичнымъ являлся именно коммунизмъ потребленія, а не коллективизмъ производства. Это и было основною чертой первыхъ христіанскихъ организацій, связь которыхъ воплощалась въ общихъ трапезахъ, и идеалъ которыхъ заключался въ раздѣлѣ имущества богатыхъ между бѣдными для потребленія.

Что касается теоретической стороны христіанства, то для нея было характерно отрицательное отношеніе къ тогдашней культурѣ вообще, въ томъ числѣ къ положительнымъ знаніямъ, философіи, искусству. Такая точка зрѣнія была естественна для элементовъ, лишенныхъ доли въ этой культурѣ. — Далѣе, характеренъ былъ для христіанства мессіанизмъ, т.-е. ожиданіе избавителя, который долженъ прійти и спасти человѣчество отъ всѣхъ бѣдъ (ученіе о второмъ пришествіи). Среди евреевъ Палестины мессіанизмъ этотъ былъ выраженіемъ жажды избавленія отъ эксплуататорскаго владычества чужеземцевъ, которое въ долгомъ ряду вѣковъ тяготѣло надъ еврейскимъ народомъ, перехо-

дившимъ отъ однихъ властителей къ другимъ. Спеціально же у пролетаріевъ мессіанизмъ принялъ болѣе глубокій смыслъ—жажды избавленія отъ всѣхъ бѣдствій этого міра, т.-е., въ сущности, отъ бѣдствій соціальнаго положенія люмпенъ-пролетаріата.—Наконецъ, нравственное ученіе христіанства о кротости, смиреніи, любви частью вытекало изъ того же соціальнаго положенія пролетаріевъ, подавленнаго и униженнаго, частью—изъ коммунистическаго характера секты.

Изъ Палестины новая организація вмѣстѣ съ ея ученіемъ распространилась по всей Римской Имперіи, находя благопріятную почву въ пролетаріатѣ городовъ и въ прочихъ угнетенныхъ, экономически и политически, элементахъ общества, особенно въ рабахъ. Своимъ мессіанизмомъ и враждою къ „міру сему“ христіанство привлекало и захватывало также тѣхъ представителей высшихъ классовъ, которые глубоко и болѣзненно воспринимали процессъ общественнаго разложенія и жили мечтами, въ отрицательныхъ чертахъ отражавшими этотъ процессъ. Для нихъ христіанство явилось готовой и цѣлостной систематизаціей мечтаній, ставшихъ главнымъ содержаніемъ ихъ паразитически-пустой жизни, уже пресыщенной всѣми наслажденіями, какія могло имъ дать богатство и утонченная, но дряхлая культура. Благодаря такимъ прозелитамъ, въ кассы христіанскихъ общинъ стекались пожертвованія, которыя вмѣстѣ съ грошами пролетаріевъ составляли солидную экономическую опору для организаціи въ ея коммунистически-благотворительныхъ задачахъ; дѣло общихъ трапезъ развивалось и расширялось, а съ нимъ и популярность и вліяніе церкви.

Накоплявшееся имущество церкви требовало серьезныхъ заботъ и умѣлаго употребленія; благодаря этому, во главѣ церкви стали въ концѣ-концовъ не пропагандисты ея ученія (апостолы), а дѣловые люди, опытные администраторы — епископы. Они сумѣли ввести въ организаціи хорошую дисциплину, что чрезвычайно увеличило ея силу, но въ то же время сумѣли вытравить изъ ея практики и теоріи тѣ элементы, которые для господствующихъ классовъ и для государства должны были представляться революціонными. Духъ коммунизма смѣнился духомъ простой благотворительности; были отброшены всякія крайнія требованія къ имущимъ классамъ, особенно требованіе о передачѣ всего своего имущества организаціи, подчеркивалась обязательность повиновенія властямъ, и царство мессіи мало-по-малу оказалось „не отъ міра сего“. Тогда-то государство прекратило свою, вначалѣ очень энергичную и суровую борьбу противъ церкви, а рѣшило, напротивъ, попытаться найти и для себя опору въ ея возраставшей силѣ. Въ началѣ IV вѣка церковь была объявлена государственнымъ учрежденіемъ, ея ученіе — господствующею религіей.

Съ тѣхъ поръ церковь могла развиваться совершенно свободно, а наибольшее вліяніе въ ней окончательно захватили господствующіе классы. Тогда и была выработана въ существенныхъ чертахъ ея систематическая догматика, въ которой уже съ трудомъ можно уловить слѣды ея первоначальнаго происхожденія. Въ такомъ видѣ церковь и досталась по наслѣдству средневѣковому феодальному міру, въ которомъ она и выполнила свою организующую роль въ грандіозныхъ размѣрахъ.

Есть основанія думать, что изложенная теорія, правильно указывая первые источники христіанства, недостаточно полна въ анализѣ его развитія. Оно было идеологіей всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ древняго міра, это несомнѣнно; только, быть можетъ, еще въ большей мѣрѣ идеологіей рабовъ, а затѣмъ колоновъ, чѣмъ пролетаріевъ. Историки отмѣчали особенно широкое распространеніе его между рабами. Его очень существенныя черты представляютъ отпечатокъ жизненныхъ условій именно этого класса. Сюда относится, прежде всего, характерная для него крайняя авторитарность, проникающая его ученіе, а съ нею—духъ кротости, непротивленія, смиренія и т. д. Для пролетаріевъ, людей свободныхъ и въ большинствѣ свободнаго происхожденія, въ своей бродячей, полной бездѣлья жизни не связанныхъ съ конкретными авторитетами, которые систематически руководили бы ихъ трудомъ и подавляли бы ихъ волю, такая рабская задавленность, какая выступаетъ въ представленіи христіанства о мірѣ съ одной стороны, въ его нравственномъ ученіи — съ другой, врядъ ли естественна; для рабовъ же она какъ нельзя болѣе понятна. Нравы люмпенъ-пролетаріата не были мягки; его склонность къ жестокимъ зрѣлищамъ, кровавымъ развлеченіямъ достаточно извѣстна — черта весьма мало христіанская; для рабовъ же, которые чаще всего сами бывали жертвами подобныхъ развлеченій (гладіаторскія игры, травля звѣрями) христіанское отвращеніе ко всякой жестокости вполнѣ естественно, особенно если вспомнить обычное обращеніе съ ними ихъ господъ. Далѣе, внѣ вліянія какихъ-либо производительныхъ элементовъ общества трудно объяснить связь христіанства съ производительными ассоціаціями — монастырями; тутъ чувствуются трудовыя привычки рабовъ и колоновъ. Наконецъ, всего загадочнѣе съ точки зрѣнія теоріи Каутскаго долженъ представляться фактъ необыкновенно, по тѣмъ временамъ, быстраго развитія самой прочной и удивительно стройной организаціи на основѣ наиболѣе дезорганизованныхъ, наиболѣе разбросанныхъ и анархичныхъ элементовъ тогдашняго общества. Основу организаціи должны были, во всякомъ случаѣ, составлять элементы иного типа, въ достаточной мѣрѣ

организованные самой жизнью. Рабы удовлетворяли этому условію, можетъ быть, въ наибольшей степени.

Тѣмъ не менѣе христіанство, несомнѣнно, было синтетической идеологіей, объединявшей опытъ различныхъ угнетенныхъ группъ общества. Въ этомъ нѣтъ ничего исключительнаго и страннаго: только классовая борьба рѣзко отчеканиваетъ различныя классовыя идеологіи; тамъ же, гдѣ ея нѣтъ, — а напр., между рабами и пролетаріями ея, конечно, не было,—тамъ обычнымъ является созданіе общей идеологіи для жизненно соприкасающихся между собою группъ.

По той же самой причинѣ христіанство, перейдя въ средневѣковый міръ и приспособившись къ его жизненнымъ отношеніямъ, могло стать общей феодальной идеологіей, общимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ сеньеровъ и крестьянъ, господствующихъ и подчиненныхъ. Безъ этого оно не могло бы выполнить своей колоссальной исторической роли, какъ въ сферѣ собственно экономической, такъ и въ политической, гдѣ Римская церковь выступила какъ замѣстительница Римской имперіи въ оболочкѣ, соотвѣтствующей потребностямъ феодальнаго общества.

С КОЛОНІАЛЬНОЕ РАБСТВО

Съ античною системою рабства огромное экономическое сходство представляетъ рабство колоніальное, которое мы и разсмотримъ поэтому здѣсь же, хотя въ исторіи главнымъ его полемъ являются позднѣйшія эпохи, и хотя связь происхожденія съ формами феодальными и феодально-родовыми для него оказывается, большей частью, лишь косвенной. Впрочемъ, еще въ древности имѣется достаточно типичный примѣръ системы колоніальнаго рабства, именно—Карѳагенъ, финикійская колонія на сѣверѣ Африки. Съ него мы и начнемъ.

Въ эпоху основанія Карѳагена, т.-е. вѣкѣ, вѣроятно, въ IX-омъ до Р. Х., финикіяне были уже довольно культурной торговой націей, съ общественнымъ строемъ, основаннымъ на своеобразномъ, по-преимуществу городскомъ феодализмѣ.

Страна, куда прибыли финикійскіе колонисты на своихъ корабляхъ, отличалась большими естественными богатствами: роскошное плодородіе почвы въ долинахъ рѣкъ, почти тропическая природа, горы съ ихъ минералами... Туземцы—ливійскія кочевыя племена—находились еще на низшихъ ступеняхъ авторитарно-родового быта. Сначала финикійскіе купцы и колонисты эксплуатировали ихъ посредствомъ мѣновой

торговли, причемъ пользовались ихъ невѣжествомъ совершенно такъ же, какъ въ позднѣйшія времена европейскіе купцы пользовались невѣжествомъ американскихъ, африканскихъ, австралійскихъ дикарей, вымѣнивая на красивыя бездѣлушки большія количества жизненныхъ средствъ и даже большіе участки земли. Самое основаніе Карѳагена преданіе связываетъ съ торговымъ обманомъ аборигеновъ. Но въ дальнѣйшемъ, разумѣется, на сцену выступаетъ завоеваніе, которое сдѣлало финикіянъ полными хозяевами страны и ея обитателей.

Естественныя богатства страны чрезвычайно сильно возбуждали торговую жадность пришельцевъ, стремленіе какъ можно скорѣе и полнѣе использовать то, что было подъ ихъ руками, какъ это было и впослѣдствіи, при открытіи новыхъ странъ испанцами, португальцами и другими европейскими колонизаторами. Получалось рѣзкое несоотвѣтствіе между собственными рабочими силами колонистовъ и размѣрами тѣхъ выгодныхъ предпріятій, возможность которыхъ передъ ними открывалась. Тогда хищническіе инстинкты съ одной стороны, слабость и безпомощность туземцевъ передъ высшей культурой — съ другой стороны, должны были подсказать самый легкій выходъ—обращеніе туземцевъ въ рабовъ, даровое использованіе ихъ рабочей силы. Въ данномъ случаѣ это было тѣмъ болѣе понятно, что на родинѣ колонистовъ уже существовали хотя бы еще неразвитыя формы рабства. Тѣ европейцы, которые въ позднѣйшія времена первыми стали заводить въ колоніяхъ систему рабовладѣнія—португальцы и испанцы—также имѣли у себя на родинѣ весьма близкія къ рабству, суровыя формы крѣпостного права.

Таковы были условія, вызвавшія быстрое развитіе рабовладѣльческаго строя въ Карѳагенской области, какъ впослѣдствіи, напр., въ американскихъ колоніяхъ европейцевъ. Уже въ эпоху войнъ съ греками—V, IV вѣкъ до Р. Х. — у богатыхъ карѳагенянъ на плантаціяхъ работало по нѣскольку сотъ, иногда по нѣскольку тысячъ рабовъ, какъ на крупнѣйшихъ испанскихъ и французскихъ плантаціяхъ Вестъ-Индіи въ XVI—XVIII вѣкахъ, или еще въ XIX вѣкѣ на плантаціяхъ Южной Каролины.

По отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя не удобны почему-либо для устройства обширныхъ рабовладѣльческихъ плантацій, методъ эксплуатаціи примѣняется иной. Тамъ туземцевъ обращаютъ въ крѣпостныхъ и оставляютъ имъ землю за повинности, — въ карѳагенской области за оброкъ, чаще всего составлявшій четвертую часть всего продукта. Аналогичнымъ образомъ испанцы и португальцы въ своихъ колоніяхъ обращали въ крѣпостное состояніе тѣхъ туземцевъ, которыхъ не могли использовать для крупнаго производства, какъ рабовъ, на плантаціяхъ или въ рудникахъ.

Когда туземцы по самымъ своимъ нравамъ непригодны для обращенія въ рабство, —каковы были, напр., индѣйцы Сѣверной Америки, вольные охотники, стоявшіе на высшихъ ступеняхъ родового быта, — тогда недостатокъ рабовъ восполнялся посредствомъ ихъ привоза. Такъ, въ Виргиніи сначала въ качествѣ рабовъ примѣнялись шотландскіе и ирландскіе военно-плѣнные, привезенные изъ Англіи; затѣмъ, около 1620 года, начали ввозиться негры. Въ испанскихъ и португальскихъ колоніяхъ Америки туземцевъ еще раньше стали замѣнять привозными неграми, въ виду малой трудоспособности первыхъ и быстраго ихъ вымиранія на принудительныхъ работахъ.

Дѣло работорговли на почвѣ колоніальнаго рабства развивается въ крупную спеціальность. Въ Карѳагенѣ, впрочемъ, оно спеціализировалось въ меньшей степени, потому что всѣ тогдашніе купцы при случаѣ занимались разбоемъ, захватомъ туземцевъ въ своихъ путешествіяхъ и продажею ихъ въ рабы. Въ позднѣйшихъ колоніяхъ европейцевъ дѣло обыкновенно организовывалось такимъ образомъ, что правительства метрополій отдавали на откупъ спеціальнымъ торговымъ компаніямъ исключительное право ввоза рабовъ въ ту или иную колонію съ обязательствомъ доставлять въ нее каждый годъ извѣстное количество негровъ, какъ необходимый минимумъ. Компаніи же нанимали на свою службу опытныхъ моряковъ-авантюристовъ, большею частью профессіональныхъ пиратовъ, которые на африканскихъ берегахъ частью покупали рабовъ у прибрежныхъ племенъ, частью захватывали тамъ же туземцевъ неожиданными нападеніями, а иногда совершали охотничьи экспедиціи за неграми внутрь страны.

Въ европейскихъ колоніяхъ новаго времени и въ колоніальныхъ государствахъ рабство держалось до весьма недавняго времени. Его паденіе было вызвано отнюдь не прогрессомъ гуманности самимъ по себѣ, а развитіемъ высшихъ формъ капитала, для которыхъ въ силу разныхъ экономическихъ и политическихъ комбинацій было невыгодно существованіе рабскаго производства. Насколько самый „прогрессъ гуманности“ опредѣляется въ своемъ содержаніи такими комбинаціями, видно изъ слѣдующаго примѣра: въ XVI вѣкѣ испанскіе филантропы, и спеціально знаменитый Ласъ-Казасъ, вели энергичнѣйшую агитацію за рабство негровъ, взамѣнъ слишкомъ жестокаго по своимъ результатамъ рабства индѣйцевъ, которые менѣе, чѣмъ негры, „приспособлены самой природою“ для принудительныхъ работъ, а въ XIX вѣкѣ филантропы всѣхъ странъ ратовали уже за освобожденіе негровъ. Освобожденіе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ кровавой гражданской войны, которое описывается обыкновенно, какъ подвигъ гуманности, въ дѣйствительности отнюдь не было цѣлью этой войны, а только

тактическимъ пріемомъ побѣдившаго капиталистическаго, промышленнаго и протекціонистскаго Сѣвера, чтобы ослабить побѣжденный Югъ, рабовладѣльческій и фритрэдерскій. Сѣверянамъ нужны были высокія пошлины на продукты ихъ фабрикъ, чтобы продавать ихъ по дорогой цѣнѣ; южанамъ—отсутствіе такихъ пошлинъ, чтобы покупать тѣ же продукты по дешевой цѣнѣ. Неграми сѣверяне воспользовались въ этой борьбѣ, какъ полезною опорой во вражеской странѣ, а потомъ надѣлили ихъ гражданскими правами, чтобы удерживать политическій перевѣсъ въ Союзѣ штатовъ.

Всего позже было уничтожено рабство негровъ въ Бразиліи (въ 1888 году). Во всѣхъ странахъ его идеологическіе пережитки поддерживаются до сихъ поръ авторитарными функціями буржуазнаго государства, именно въ системѣ уголовнаго права: преступниковъ и теперь еще во многихъ случаяхъ обращаютъ въ государственныхъ рабовъ, на извѣстный срокъ или на всю жизнь (такъ называемая „каторга“).

Политическій строй при колоніальномъ рабствѣ складывается неодинаково, въ зависимости отъ отношеній съ метрополіей, но въ общемъ тяготѣетъ къ формѣ аристократической или плутократической республики. Экономическое неравенство обыкновенно бываетъ принесено еще изъ метрополіи, а въ самой колоніи развивается, при значительной роли торговли въ ея жизни, еще далѣе; тѣхъ же условій, которыя въ Греціи и Римѣ создавали демократію, здѣсь нѣтъ: нѣтъ многочисленнаго класса самостоятельныхъ мелкихъ производителей, способнаго противопоставить свою силу силѣ магнатовъ капитала и рабовладѣнія. Эти магнаты, сплотившись, либо образуютъ формальную олигархію, какъ было въ Карѳагенѣ, либо на дѣлѣ осуществляютъ ее даже при довольно демократичныхъ внѣшнихъ формахъ, какъ это было раньше въ Южныхъ штатахъ Сѣв. Америки и въ нѣкоторыхъ отдѣлившихся испанскихъ колоніяхъ.

Какъ и всякая иная рабовладѣльческая система, колоніальная носитъ въ себѣ условія своего вырожденія, по обычной схемѣ: паразитизмъ однихъ, чрезмѣрное истощеніе силъ у другихъ. Въ Карѳагенѣ картина разложенія и упадка не успѣла развернуться широко и полно, потому что онъ раньше погибъ въ борьбѣ съ демократическимъ тогда и еще поднимавшимся вверхъ Римомъ. Но самая эта гибель была результатомъ коренной слабости: Карѳагенъ не могъ почти имѣть другихъ войскъ, кромѣ наемныхъ.—Въ европейскихъ рабовладѣльческихъ колоніяхъ процессы упадка маскировались часто дальнѣйшей колонизаціей, завоеваніемъ тѣхъ же колоній капиталистически-передовыми

націями, которыя ихъ реформировали, и т. под. Но на судьбѣ большей части испанскихъ отложившихся колоній въ Америкѣ, на ихъ долгой экономической отсталости и неспособности даже выработать прочное государственное устройство, легко видѣть, какъ глубоко подрывалась экономическая жизненность колоній продолжительнымъ господствомъ системы рабства.

V. СИСТЕМА КРѢПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА.

1. Отношеніе крѣпостного хозяйства къ другимъ экономическимъ формамъ.

Крѣпостническія отношенія точно такъ же развиваются изъ феодальныхъ отношеній среднихъ вѣковъ, какъ изъ феодальныхъ отношеній древняго міра развились рабовладѣльческія отношенія. Такимъ образомъ между рабовладѣльческой и крѣпостнической системами нѣтъ связи преемственности. Правда, у германцевъ, кельтовъ и славянъ, развитіе которыхъ составляетъ главное содержаніе средневѣковой исторіи, были рабы, въ нѣкоторыхъ странахъ рабство удерживалось до очень поздняго времени: напр., въ Англіи до XI вѣка, въ Россіи еще дольше. Но оно остановилось на ступени преимущественно такъ называемаго „домоваго рабства“, при которомъ рабы являются въ роли домашней прислуги,—нигдѣ въ Европѣ не сдѣлалось базисомъ производственныхъ отношеній, и во всякомъ случаѣ не оно дало начало крѣпостничеству. Въ средніе вѣка исторія начинается какъ бы снова, отправнымъ ея пунктомъ служатъ феодально-родовыя отношенія, близко напоминающія „догосударственный“ бытъ древнѣйшихъ Востока и античнаго міра. Но развитіе совершается здѣсь въ иной естественной и исторической обстановкѣ, и потому крѣпостническія отношенія, возникающія изъ феодальной системы въ деревнѣ, представляютъ глубокое отличіе отъ древняго рабства.

Хотя въ деревнѣ крѣпостничество непосредственно возникаетъ изъ феодализма, однако, если разсматривать экономическія отношенія въ цѣломъ, между этими двумя системами вторгаются два важныхъ звена: ремесло и торговый капиталъ. Хронологическая послѣдовательность типичныхъ общественныхъ формъ въ средневѣковой Европѣ была такова: феодализмъ, ремесло, торговый капиталъ, крѣпостное право. Предпосылкой крѣпостническихъ отношеній была извѣстная ступень въ развитіи общественнаго раздѣленія труда между деревней и городомъ, т.-е. развитіе средневѣковаго города, выполняющаго вполнѣ опредѣ-

ленныя, общественно-необходимыя производственныя функціи, гораздо болѣе значительныя и важныя, чѣмъ производственныя функціи древняго города, почти исключительно города-потребителя.

Въ расцвѣтъ феодальной эпохи въ центрѣ господствующей экономической организаціи стоялъ сеньеръ, который суверенно подчинялъ себѣ всѣ хозяйственныя отношенія. Для него существовала усадьба, для его усадьбы существовала деревня, и онъ же налагалъ господствующій отпечатокъ на всю жизнь тогдашняго города. Ремесло и торговля были просто однимъ изъ элементовъ его потребительнаго хозяйства, ремесленникъ и торговецъ были простой принадлежностью все той же усадьбы или деревни; послѣдняя въ свою очередь все болѣе развивается въ совершенно пассивный придатокъ къ усадьбѣ. Такимъ образомъ собственно въ феодальномъ мірѣ экономическая жизнь исчерпывается жизнью усадьбы; здѣсь нѣтъ мѣста развитію новыхъ производственныхъ формъ, которыя могли бы извнѣ воздѣйствовать на усадьбу.

Но, какъ мы уже упоминали, въ ходѣ развитія средневѣковой Европы городъ стряхиваетъ съ себя экономическую зависимость отъ феодальнаго сословія. Возникающія въ немъ новыя самостоятельныя сословія ремесленниковъ и въ особенности торговцевъ все болѣе отрываются отъ натурально-хозяйственныхъ отношеній, все исключительнѣе связываютъ свое существованіе съ развитіемъ обмѣна. Исходя изъ городовъ, новыя отношенія понемногу пронизываютъ все средневѣковое общество. Пассивно приспособляясь къ условіямъ, складывающимся безъ его участія въ городахъ, феодалъ незамѣтно для себя шагъ за шагомъ превращается въ помѣщика.

Экономическая исторія собственно средневѣковой Европы есть исторія феодализма, ремесла и торговли, изъ мелкой ремесленной и крупной эпизодической постепенно развивающейся въ капиталистическую. Напротивъ, переходъ отъ феодальныхъ отношеній къ крѣпостническимъ и въ особенности полный расцвѣтъ послѣднихъ въ большинствѣ странъ относится къ новому времени, къ эпохѣ когда разлагающееся ремесло уже отживало свое время, когда первоначальное накопленіе справляло свои оргіи въ старомъ свѣтѣ и въ новыхъ колоніяхъ, когда капиталъ уже переходилъ къ организаціи крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ формѣ мануфактуры. Съ другой стороны, помѣстная или крѣпостническая система обнаружила такую высокую эластичность и приспособляемость, что, зародившись на порогѣ торгово-капиталистической эпохи, она пережила мануфактурный періодъ и рухнула во Франціи лишь на границѣ, за которой начинается машинный періодъ капи-

тализма, а въ Австріи, Германіи и въ особенности въ Россіи—въ эпоху, когда экономическое развитіе перешагнуло и черезъ эту границу.

Такимъ образомъ, разсматривая вслѣдъ за феодализмомъ и рабствомъ не ремесло и не возникновеніе торговаго капитала, а крѣпостническую систему, мы нарушаемъ хронологическую послѣдовательность изложенія. Ея внѣшнее сходство съ рабствомъ—несвобода земледѣльческаго населенія—и ея возникновеніе изъ средневѣковаго феодализма сами по себѣ не могли бы оправдать такого отступленія. Рѣшающими могутъ быть только внутреннія сходства и различія въ способахъ производства.

До сихъ поръ мы разсматривали экономическія системы съ преобладающе натурально-хозяйственными отношеніями: каждая экономическая ячейка, не исключая даже рабовладѣльческаго хозяйства, стремится удовлетворить всѣ свои потребности собственнымъ производствомъ. Въ обмѣнъ поступаютъ первоначально только избытки предметовъ потребленія; и даже на высшихъ ступеняхъ феодальной и рабовладѣльческой системы обмѣнъ просто восполняетъ тѣ предметы потребленія, въ которыхъ нуждается глава хозяйства, въ первую очередь сеньеръ или рабовладѣлецъ.

Вотъ въ этомъ-то отношеніи крѣпостническая система и представляетъ глубокое сходство съ разсмотрѣнными экономическими формами. Крѣпостное хозяйство до конца остается хозяйствомъ потребительнаго типа. Конечно, чѣмъ дальше, тѣмъ бо́льшая доля продуктовъ производится въ помѣстьѣ уже не какъ предметы непосредственнаго потребленія, а какъ товары, не какъ потребительныя стоимости, а какъ стоимости. Но продажа этихъ продуктовъ является просто посредствующимъ звеномъ въ превращеніи ихъ изъ одной потребительной формы,—въ которой помѣщикъ въ данный моментъ не нуждается,—въ другую непосредственно потребительную же форму. Слѣдовательно, производство стоимостей является для помѣстья, вообще говоря, еще не самоцѣлью, — или, точнѣе, не средствомъ для накопленія ихъ въ денежной формѣ, — а просто средствомъ для личнаго потребленія. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, отчасти сближаетъ крѣпостное хозяйство съ ремесломъ,—съ той только разницей, что послѣднее въ своей развитой формѣ еще тѣснѣе и глубже связано съ рынкомъ.

Такимъ образомъ помѣщичье хозяйство (и ремесло) заканчиваетъ исторію тѣхъ старыхъ, біологически возникшихъ и стихійно измѣнявшихся хозяйственныхъ формъ, ближайшей и единственной цѣлью которыхъ было личное потребленіе. Но поскольку непосредственное производство потребительныхъ стоимостей отступаетъ на задній планъ передъ производствомъ мѣновыхъ стоимостей, постольку помѣстье (и реме-

сленное производство) представляетъ рѣшительный разрывъ съ натурально-хозяйственными формами и является переходной ступенью къ развитому мѣновому хозяйству.

Крѣпостная зависимость въ экономическомъ смыслѣ очень явственно отграничивается отъ рабскаго состоянія. Потребительное хозяйство (Haushalt) рабовъ можетъ быть обособлено отъ потребительнаго хозяйства господина, но собственнаго производительнаго хозяйства у нихъ нѣтъ, они—просто орудіе производства, цѣликомъ принадлежащее, какъ и земля и орудія труда, господскому производительному хозяйству Напротивъ, крѣпостной крестьянинъ ведетъ не только собственное потребительное, но и собственное производительное хозяйство. Онъ только частью своего существованія, только нѣкоторой долей своей рабочей силы принадлежитъ помѣщичьему производству. Слѣдовательно, онъ располагаетъ необходимыми условіями и средствами производства: землей и орудіями труда. Пока онъ не цѣликомъ включенъ въ господское производство, онъ—крѣпостной, а не рабъ. Напротивъ, такъ называемые дворовые крестьяне, живущіе при усадьбѣ, экономически ничѣмъ не отличаются отъ рабовъ.

Обыкновенно выдвигается еще цѣлый рядъ признаковъ, которые должны отличать крѣпостного крестьянина отъ раба. Но все это—признаки болѣе или менѣе шаткіе. Въ Голштиніи, Мекленбургѣ и Помераніи XVIII вѣка и въ Россіи вплоть до реформы—крестьянъ продавали отдѣльно отъ имѣнія, проигрывали въ карты, вообще распоряжались ими, какъ бездушнымъ товаромъ. Нѣкоторые находятъ, что такіе факты говорятъ о существованіи въ упомянутыхъ странахъ не только крѣпостного права, но и настоящаго рабства. Конечно, въ моментъ продажи положеніе крестьянина ничѣмъ не отличалось отъ раба. Но это еще ничего не говоритъ о тѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ крестьянинъ жилъ до продажи и будетъ жить послѣ продажи. — Точно такъ же нѣкоторые изслѣдователи признаютъ, что въ Австріи существовало и рабство, такъ какъ помѣщики въ цѣломъ рядѣ областей заявляли притязаніе на все имущество, оставшееся по смерти крестьянина, и ни законодательство, ни обычная практика до половины XVIII вѣка не давали отпора такимъ притязаніямъ. На этомъ же основаніи положеніе русскихъ крестьянъ со второй четверти XVII вѣка сближаютъ съ положеніемъ холоповъ, т.-е. рабовъ. Но всѣ эти факты свидѣтельствуютъ только о степени личной несвободы крестьянъ, о размѣрахъ имущественной необезпеченности, но нисколько не касаются того строя хозяйства, тѣхъ экономическихъ формъ, въ которыхъ протекала жизнь помѣщика и крестьянъ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и Австріи, начиная съ половины

XVIII вѣка, а въ XIX вѣкѣ и въ Россіи, вводятся небольшія ограниченія въ права помѣщика надъ крестьяниномъ: помѣщикъ можетъ продавать крѣпостныхъ лишь вмѣстѣ съ землей; безъ земли ему предоставляется продавать только дворовыхъ. Но такъ какъ право помѣщика на переводъ крестьянъ въ разрядъ дворовыхъ въ Россіи ничѣмъ не было ограничено, то изъ этого опять дѣлается такой выводъ, что крестьянинъ съ эпохи Екатерины II былъ скорѣе рабъ, чѣмъ крѣпостной. Ясно однако, что экономически единственно правильнымъ былъ бы тотъ выводъ, что русскій помѣщикъ имѣлъ право превратить всякаго крѣпостного въ раба.

Наконецъ, суровость или мягкость фактическихъ отношеній между господиномъ и земледѣльцемъ является чисто внѣшнимъ признакомъ, который мало говоритъ объ экономической сторонѣ этихъ отношеній. Конечно, крѣпостное право предполагаетъ отсутствіе той полной, безграничной, абсолютной зависимости, которой характеризуется рабство. Поэтому какъ форма экономической зависимости оно, несомнѣнно, мягче рабства. Колонатъ, вполнѣ родственный крѣпостному праву, и фактически былъ смягченіемъ римскаго рабства. Но иногда—въ Голштиніи, Мекленбургѣ, а въ особенности въ Россіи со второй половины XVIII вѣка,—и помѣщикъ осуществлялъ свою власть съ безграничной безпощадностью: истязанія, пытки, сознательное забиваніе до смерти, барщинныя работы, захватывающія 6 и даже всѣ 7 дней въ недѣлю, такъ что на собственныя работы у крестьянина оставалось только воскресенье или однѣ ночи. Хотя эти отношенія по жестокости не уступали рабовладѣльческому хозяйству, однако и здѣсь крестьянинъ былъ не рабомъ, а крѣпостнымъ.

Такимъ образомъ остается только одинъ наиболѣе общій и постоянный признакъ, который экономически отличаетъ крѣпостного крестьянина отъ раба: крѣпостной — не просто собственность помѣщика, не только орудіе его производства, но въ то же время отчасти и самостоятельный производитель. Въ этомъ заключается связь крѣпостного хозяйства съ экономически высшими формами. Если собственное производство крестьянина расширяется настолько, что имъ поглощается вся рабочая сила крестьянина, и если его повинности исчерпываются натуральными, а впослѣдствіи денежными оброками, соразмѣрными площади землепользованія, то мы скажемъ, что передъ нами будутъ послѣдовательныя ступени превращенія крѣпостного крестьянина въ арендатора. Уничтоженіе всякихъ повинностей или замѣна ихъ платежами государству превращаетъ его въ свободнаго самостоятельнаго крестьянина.— Наоборотъ, если барскія запашки расширяются на счетъ крестьянскихъ, то положеніе крѣпостного крестьянина все болѣе приближается къ

положенію раба; наконецъ, когда вся рабочая сила крестьянина поглощается помѣщичьимъ производствомъ, а онъ переводится въ приусадебную дворню, то исчезаетъ всякое экономическое различіе между крѣпостнымъ и рабомъ. Если крѣпостной постепенно лишается всѣхъ условій и средствъ производства, но, сохраняя собственную хижину, огородъ и т. д., восполняетъ дефициты собственнаго хозяйства тѣми продуктами, которые онъ получаетъ за работу въ помѣстьѣ, то передъ нами будутъ послѣдовательныя ступени превращенія крестьянина въ наемнаго рабочаго. Наконецъ, когда, лишенный всѣхъ средствъ труда и хижины, онъ отпускается на всѣ четыре стороны, онъ становится пролетаріемъ.

Настолько разнородны тѣ экономическія формы, которымъ при различныхъ конкретныхъ условіяхъ можетъ дать начало крѣпостническая система. И она дѣйствительно служила для нихъ исходнымъ пунктомъ. Рядомъ промежуточныхъ звеньевъ крѣпостное хозяйство соединялось въ исторіи экономическаго развитія и съ капиталистическимъ, и съ самостоятельнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ рабовладѣльческими отношеніями. Со стороны же происхожденія всего тѣснѣе связи крѣпостного хозяйства съ феодальными отношеніями.

2. Превращеніе феодала въ помѣщика. — Развитіе крупной земельной собственности и мелкаго крестьянскаго землевладѣнія (Англія).

Тѣ измѣненія производственной техники, которыя лежатъ въ основѣ перехода феодальныхъ отношеній въ крѣпостническія, совершились не въ области феодальнаго производства, не въ деревнѣ, а за спиной деревенскаго населенія, въ городѣ. Техническія предпосылки крѣпостного хозяйства суть предпосылки самостоятельнаго городского ремесла и въ особенности самостоятельной городской торговли, преобразующихъ соціальный бытъ технически-застойной деревни. Слѣдовательно, о нихъ придется говорить въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ, въ связи съ развитіемъ средневѣковаго ремесла и торговаго капитала. Точно такъ же мы должны исходить, какъ изъ готоваго факта, изъ тѣхъ перемѣнъ въ экономическихъ отношеніяхъ, которыя связаны съ развитіемъ средневѣковаго города.

Существо этихъ перемѣнъ характеризуется, какъ рѣшительный переходъ отъ натурально-хозяйственныхъ къ мѣновымъ отношеніямъ. Въ политической области онъ привелъ къ возможности такой централизаціи, какая была немыслима раньше. Земледѣльческіе продукты, которые

составляли главную массу доходовъ феодальнаго сюзерена, допускали перевозку, въ особенности по средневѣковымъ дорогамъ, лишь на ограниченныя разстоянія. Они потреблялись на мѣстѣ, и потому, хотя бы у сюзерена были огромныя владѣнія и вотчины, его силы разсѣивались и раздроблялись въ пространствѣ, иногда, быть можетъ, не увеличивались, а уменьшались съ дальнѣйшимъ расширеніемъ феодальныхъ владѣній.

Переходъ отъ натуральныхъ повинностей къ денежнымъ,—предполагающій значительное развитіе торговли, а слѣдовательно, и средствъ транспорта,—позволяетъ преуспѣвающему объединителю-сюзерену всѣ доходы и непосредственное распоряженіе ими концентрировать въ своихъ рукахъ. Номинальная зависимость вассальныхъ областей, сводившаяся преимущественно къ обязательству военной подмоги, теперь переходитъ въ реальную зависимость, которая выражается въ обязательствѣ регулярныхъ платежей сюзерену и экстраординарныхъ взносовъ на непредвидѣнныя потребности. Рядомъ съ сеньеромъ появляется уполномоченный суверена, королевскій или царскій чиновникъ, который въ первую очередь слѣдитъ за исправностью централизующихся платежей, а впослѣдствіи, все болѣе расширяя свою общественную роль, суживаетъ сферу дѣятельности сеньера: беретъ на себя, цѣликомъ или отчасти, судебныя, полицейскія и административныя функціи, организуетъ прокладку дорогъ, постройку мостовъ и т. д. Рядомъ съ іерархіей, а потомъ и надъ іерархіей мѣстныхъ сеньеровъ, олицетворявшихъ собою экономическую и политическую обособленность областныхъ міровъ феодальной эпохи, развивается чиновничья іерархія, которая служитъ выраженіемъ централизаторскихъ тенденцій новой экономической эпохи. Феодальный союзъ постепенно превращается въ централизованное государство.

Но въ то время, какъ новыя экономическія отношенія, исходящія изъ городовъ, приводили къ устраненію феодала отъ его прежнихъ мирно-организаторскихъ функцій,—въ это самое время назрѣвалъ полный переворотъ въ условіяхъ и методахъ веденія войны, наносились смертельные удары средневѣковой, феодальной, рыцарской организаціи войска. Пока феодалъ выполнялъ извѣстныя организаторскія функціи, пока онъ былъ общественно-необходимымъ элементомъ средневѣковаго общества,—не могло быть и мысли объ его устраненіи: такая военная организація, которая оказала бы содѣйствіе ниспроверженію режима феодальнаго сословія вообще, а не просто замѣнѣ однихъ представителей этого сословія другими, была невозможна. Одинъ рыцарь дѣйствительно обращалъ въ бѣгство цѣлыя толпы крестьянъ и горожанъ. Какъ замокъ господствовалъ надъ всей областью, такъ рыцарь, пред-

ставлявшій въ своихъ доспѣхахъ подвижную крѣпость, и въ открытомъ полѣ господствовалъ надъ вассальнымъ населеніемъ. Для того, чтобы держать въ покорности обширную страну, достаточно было численно незначительнаго рыцарскаго войска, даже лишеннаго внутренней организованности, недисциплинированнаго, неспособнаго ставить и разрѣшать сколько-нибудь сложныя стратегическія задачи, опиравшагося не столько на планомѣрное сочетаніе массовыхъ дѣйствій, сколько на выносливость и натискъ отдѣльныхъ частей и даже отдѣльныхъ рыцарей. Средневѣковыя войны въ огромной степени оставались рыцарскими турнирами. Такимъ образомъ экономическая автономія средневѣковыхъ усадебъ нашла себѣ выраженіе въ строѣ средневѣковаго войска.

По мѣрѣ того, какъ эта автономія отживаетъ свой вѣкъ, и феодалы становятся излишними,—зависимое населеніе начинаетъ вступать въ борьбу съ рыцарями и выдвигаетъ свою собственную военную организацію. Рыцарское вооруженіе было ему не по средствамъ. У франковъ, напр., рыцарское снаряженіе — шлемъ, панцырь, мечъ, копье и боевой конь—оцѣнивалось въ 45 коровъ или 15 лошадей, т.-е. стоило не меньше, чѣмъ цѣлое стадо порядочной деревеньки. Плебейское войско возникаетъ какъ легко-вооруженное войско, какъ пѣхота, которая недостатокъ индивидуальныхъ средствъ обороны и нападенія восполняетъ стройной согласованностью массовыхъ дѣйствій.

Однако, родиной новой пѣхоты была не какая-либо передовая по экономическому развитію страна, а Швейцарія XIV вѣка, въ горахъ которой дольше всего сохранялся патріархально-родовой строй. Швейцарское народное ополченіе боролось не за государственную централизацію противъ феодальной раздробленности, а за старинную независимость, противъ включенія въ составъ сосѣднихъ феодальныхъ союзовъ: здѣсь низшая ступень культуры опять торжествовала побѣду надъ высшей ступенью, какъ нѣкогда германцы надъ римлянами въ Тевтобургскомъ лѣсу (Энгельсъ). Но столѣтіемъ раньше блестящія побѣды швейцарскихъ горцевъ надъ австрійцами и бургундцами оказались бы мелкими эпизодами чисто мѣстнаго значенія. Теперь сосѣдніе сюзерены извлекаютъ урокъ изъ тѣхъ пораженій, которыя рыцарскія войска неизмѣнно терпятъ въ Швейцаріи.

Богемія была первой страной, гдѣ въ широкомъ масштабѣ разразилось столкновеніе между средневѣковой военной организацией и народными массами, переросшими средневѣковыя отношенія. Въ гусситскихъ войнахъ (первая половина XV вѣка) табориты впервые въ средневѣковой исторіи построили военное дѣло на мануфактурномъ раздѣленіи труда между различными родами оружія и впервые возвы-

сили его до степени искусства. Гибель этой грозной военной силы, основу которой составляло крестьянство, мелкая городская буржуазія и въ особенности пролетаризованные элементы, была не крахомъ новой стратегіи, — напротивъ, она доказала свое неизмѣримое превосходство надъ средневѣковой, — а результатомъ внутренняго разложенія гусситской организаціи.

Сюзерены, которые выдвигались обстоятельствами, какъ „собиратели" той или иной земли, быстро использовали этотъ поворотъ въ техникѣ военнаго дѣла. Они начинаютъ создавать собственную военную силу, которая уже нисколько не зависитъ отъ желанія или нежеланія вассаловъ оказывать военную помощь своему сюзерену. По мѣрѣ того, какъ развитіе мѣновыхъ отношеній позволяетъ объединителямъ централизовать доходы, у нихъ является возможность замѣнять рыцарей, вооружавшихся на свой собственный счетъ, легко-вооруженной, но численно сильной, старательно обученной, подчиняющейся единому руководству пѣхотой, а впослѣдствіи и конницей, снаряжаемыми на королевскія средства. Уже въ половинѣ XIV вѣка легкая англійская пѣхота нанесла при Креси страшное пораженіе французскимъ рыцарямъ. Столѣтіемъ позже король Франціи кладетъ начало постоянному войску, призвавъ на свою службу 15 ротъ наемниковъ, преимущественно швейцарцевъ и отчасти нѣмцевъ. Тогда же зарождается и національное постоянное войско. Это—стрѣлки, поставлявшіеся отъ населенія, и копейщики, или жандармы, которые несли тогда не полицейскую, а военную службу. Нѣсколько позже и въ Германіи появляются наемные полки рейтеровъ и ландскнехтовъ *), главный контингентъ которыхъ составляли пролетаризующіеся крестьяне. Съ конца XVI вѣка наступаетъ очередь и для Россіи. Въ столкновеніяхъ съ поляками и особенно съ нѣмцами и шведами средневѣковая организація Московскаго войска оказалась несостоятельной. Рядомъ съ боярскимъ ополченіемъ, боевое значеніе котораго все болѣе падаетъ, появляются наемные иноземные ратники, наконецъ, цѣлые полки иноземцевъ. Приглашаются опытные иностранцы для обученія новой техникѣ военнаго дѣла. Въ первой половинѣ XVII вѣка подъ руководствомъ иностранцевъ создается уже довольно широкая основа регулярнаго внутренно дифференцированнаго войска, въ составъ котораго входятъ пѣшіе солдатскіе полки (стрѣльцы), конные рейтарскіе, смѣшанные драгунскіе полки и, наконецъ, пушкари, завѣдующіе артиллеріей. Соціальный составъ этого но-

*) Рейтеръ (Reiter) какъ и рыцарь (Ritter) означаетъ собственно „всадникъ". Но рыцарь — это вольный воинъ-сеньеръ, между тѣмъ какъ рейтеръ - наемникъ. - Ландскнехты (или ланцкнехты, т.-е. копейщики) были прямо воспроизведеніемъ швейцарской пѣхоты.

ваго войска таковъ же, какъ рейтеровъ и ландскнехтовъ въ Германіи. Кромѣ добровольцевъ изъ дворянъ безъ усадебъ, въ эти полки привлекаютъ частью наймомъ, частью силой, а частью и тѣмъ и другимъ, крестьянъ, „вольницу“ и холоповъ, а впослѣдствіи, со второй половины XVII вѣка, пополняютъ регулярную армію постоянными принудительными наборами, какъ во Франціи, постепенно переходятъ къ крестьянской рекрутчинѣ. Петру оставалось только продолжить эти начинанія московской Россіи.

Такимъ образомъ въ той послѣдовательности, какъ въ разныхъ странахъ развивались мѣновыя отношенія, совершался и переходъ отъ феодальной организаціи войска къ постоянному войску, частью наемному, частью пополнявшемуся рекрутчиной.

Полный переворотъ въ условіяхъ веденія войнъ уже въ XV вѣкѣ не оставлялъ мѣста сомнѣніямъ. Примѣненіе пороха только завершило и закрѣпило его. Хотя уже табориты дали примѣръ умѣлаго примѣненія артиллеріи, но не она, а общая организація войска обусловливала ихъ перевѣсъ надъ феодалами. Даже въ концѣ XV вѣка огнестрѣльное оружіе не спасло бургундскихъ армій отъ разгрома швейцарцами, которые дѣйствовали преимущественно холоднымъ оружіемъ. И вообще огнестрѣльное оружіе начинаетъ играть рѣшающую роль только съ XVI вѣка (битва при Павіи, 1525 годъ, считается первой, исходъ которой опредѣлился огнестрѣльнымъ оружіемъ), когда соціальный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военный крахъ рыцарскаго сословія былъ уже совершившимся фактомъ.

Но мало того, что рыцарское ополченіе утрачиваетъ прежнее боевое значеніе: рыцарская военная организація становится безполезной и даже прямо вредной. Нарушенія мѣстнаго мира, носившія въ феодальный періодъ характеръ внѣшнихъ военныхъ столкновеній, съ ростомъ централизаціи превращаются въ акты разбоя; государственная полиція, опирающаяся на гарнизоны постояннаго войска, ведетъ съ ними борьбу, какъ съ заурядными преступленіями. Военная автономія сеньерій позволяла рыцарямъ превратить свои замки въ разбойничьи гнѣзда, изъ которыхъ они совершали набѣги на купеческіе караваны и вообще на мирное населеніе. Замки и вся средневѣковая военная организація, выраженіе и опора мѣстной обособленности, превращаются въ тормозъ дальнѣйшаго развитія по мѣрѣ того, какъ новыя экономическія отношенія разбиваютъ локальную замкнутость. Опираясь на крѣпнущія мѣновыя отношенія, ведущія къ расширяющемуся экономическому объединенію, сюзерены наносятъ ударъ за ударомъ феодальной военной организаціи. Подвассальные феодалы вынуждаются распускать свои дружины, непокорные приводятся къ смиренію вооруженной силой,

ихъ замки разрушаются, попытки возродить средневѣковые военные нравы разсматриваются уже не какъ война, а какъ внутренній бунтъ. Отъ всего былого величія рыцарь сохраняетъ только шпагу, какъ простую принадлежность костюма, какъ невинную эмблему изжитыхъ отношеній.

Процессъ разоруженія рыцарства раньше всего завершился въ Англіи и во Франціи. Въ сравнительно отсталой Германіи государственное объединеніе шло много медленнѣе. Но и здѣсь развитіе приводило къ болѣе централизованнымъ политическимъ формамъ. Попытка имперскихъ рыцарей и мелкихъ феодаловъ задержать этотъ процессъ была съ самаго начала обречена на неудачу. Ихъ возстаніе (въ концѣ первой четверти XVI вѣка: Зикингенъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ) было подавлено сюзеренами. Только, въ соотвѣтствіи съ экономической отсталостью Германіи, эти сюзерены были не національные объединители, какъ въ Англіи или во Франціи, а провинціальные централизаторы. Но совершалось ли государственное объединеніе въ національномъ или въ провинціальномъ масштабѣ, оно одинаково означало конецъ рыцарскаго ополченія.

Отнынѣ потомокъ сеньера, если онъ хочетъ исполнять извѣстныя общественныя функціи и получать соотвѣтствующіе доходы, долженъ идти на государственную службу. За нимъ признается преимущественное право на командованіе королевской арміей и на всѣ видныя должности въ государственномъ управленіи *). Воинъ, снаряжавшійся за свой счетъ, постепенно смѣняется офицеромъ, котораго на службу привлекаетъ королевское жалованье; феодалъ, наслѣдственный глава своей территоріи, превращается въ дворянина, на котораго только волей двора могутъ быть возложены извѣстныя общественныя функціи.

Новое государство, персонально связанное многочисленными нитями съ феодальнымъ прошлымъ, стремится превратить внѣшнее подчиненіе недавнихъ сеньеровъ въ подчиненіе внутреннее и по возможности замѣщаетъ всѣ видныя должности потомками феодаловъ, не останавливаясь передъ созданіемъ должностей исключительно для ихъ прокормленія. Но родовитая знать, въ ряду поколѣній сросшаяся съ узкими натурально-хозяйственными отношеніями усадьбы, чуждая или даже враждебная мѣновымъ отношеніямъ, которыя становятся главнымъ базисомъ новаго общества, не въ силахъ удержать въ своемъ распоря-

*) Россія со своимъ мѣстничествомъ представляетъ любопытный примѣръ перенесенія феодальной іерархіи въ новое государство. Но уже къ послѣдней четверти XVII вѣка новыя отношенія разорвали эту традиціонную іерархію, неподвижную, какъ само феодальное общество,—мѣстничество было отмѣнено.

женіи цѣлаго ряда функцій, преемственно развившихся изъ функцій средневѣковаго феодала. Такъ, изъ ея рукъ ускользаетъ организація финансоваго управленія, завѣдываніе промышленными отношеніями, судебное дѣло. За ней очень часто остаются только такъ называемыя „обязанности представительства", которыя, давая вліятельное положеніе и хорошій доходъ, не препятствуютъ проводить время въ усадьбѣ. дѣйствительная работа выполняется подчиненными, представителями новыхъ, городскихъ сословій. Съ другой стороны, у многихъ дворянъ отсутствуютъ всякія побужденія къ службѣ. Все это приводитъ къ тому, что феодалъ получаетъ возможность бо̀льшее вниманіе обратить на усадьбу. Но усадьбой онъ интересуется уже не такъ, какъ въ средневѣковый періодъ, когда онъ былъ лицомъ, выполнявшимъ общественно-организаторскія функціи: теперь онъ прежде всего сельскій хозяинъ, который хочетъ какъ можно больше извлечь изъ усадьбы. Феодалъ превращается въ помѣщика.

Въ наиболѣе чистомъ видѣ протекалъ этотъ процессъ въ Германіи съ конца XV и особенно съ XVI вѣка; въ Англіи онъ обнаруживается на 2—3 столѣтія раньше, въ Россіи—къ концу XV столѣтія. Для Россіи въ особенности характерно соединеніе въ одномъ лицѣ помѣщика и чиновника (или офицера); съ одной стороны, потомки феодаловъ превратились въ служилое сословіе по-преимуществу, а съ другой—и служба государю вознаграждалась не только доходами отъ нея, но и помѣстьями.

Во Франціи процессъ централизаціи начался уже въ XIII вѣкѣ (Людовикъ IX Святой), но впослѣдствіи онъ затянулся настолько, что новый политическій строй упрочился только во второй половинѣ XV вѣка (Людовикъ XI). Во Франціи раньше всего обнаружилась еще одна сторона въ вырожденіи феодальнаго рыцаря: безумное развитіе паразитической роскоши. Оно начинается еще съ эпохи крестовыхъ походовъ XII—XIII вѣка, въ которыхъ французскіе рыцари принимали особенно дѣятельное участіе и которые познакомили ихъ со сравнительно высокой культурой Востока (арабы), Италіи и Византіи. Сильный толчокъ дали ему итальянскіе походы конца XV и начала XVI вѣка, которые много ближе, чѣмъ обмѣнъ, познакомили французскихъ феодаловъ съ утонченнымъ использованіемъ богатства. И не случаенъ тотъ фактъ, что Францискъ I, потратившій массу силъ, средствъ и людей на итальянскія войны, впервые придалъ французскому двору тотъ блескъ, окружилъ себя той расточительной роскошью, которые на цѣлыхъ три вѣка сдѣлались и остались до настоящаго времени предметомъ подражанія и мечтаній всѣхъ сюзереновъ и монарховъ.

Спускаясь отъ двора внизъ, изысканная роскошь превращается для

потомковъ феодаловъ въ сословный критерій образованности, просвѣщенности, европеизма. Дворъ становится школой жизни для дворянина. Сначала феодалъ обязанъ являться ко двору, чтобы засвидѣтельствовать свои лояльныя чувства къ сюзерену, который еще и самъ не вѣритъ, что онъ превратился въ монарха и окончательно сломилъ автономію своихъ недавнихъ вассаловъ. Потомъ приглашеніе ко двору превращается въ особую честь, которой домогается всякій сеньеръ. Потомокъ суроваго рыцаря постепенно развивается въ придворнаго, въ свѣтскаго человѣка, общественное и сословное положеніе котораго опредѣляется не военными доблестями, а „умѣніемъ жить", т.-е. воспроизводить придворные нравы.

Вызванный развитіемъ мѣновыхъ отношеній, переворотъ въ образѣ жизни феодала въ свою очередь все шире и глубже связываетъ его существованіе съ рынкомъ. Живетъ ли онъ въ резиденціи монарха или въ своемъ помѣстьѣ,—роскошь и въ томъ, и въ другомъ случаѣ захватываетъ его. Управляетъ ли онъ имѣніемъ непосредственно, или черезъ приказчика, — онъ одинаково стремится получить какъ можно больше продуктовъ, чтобы продать ихъ на рынкѣ и окупить выручкой отъ продажи свои возрастающія потребности.

Необходимо отмѣтить, кромѣ того, что, хотя выше говорилось объ особенностяхъ въ развитіи той или иной страны, это вовсе не значитъ, что въ другихъ странахъ соотвѣтствующія явленія отсутствовали: въ дѣйствительности они или просто выступали съ меньшей выпуклостью, или развивались въ позднѣйшее время. Такъ, хотя французскій дворъ сдѣлался образцомъ для остальныхъ, тенденціи къ самостоятельному развитію такихъ отношеній около того же времени обнаруживаются повсюду, во всѣхъ европейскихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. Уже Иванъ III стремится возсоздать традиціи Византіи и „европеизировать" свой бытъ при содѣйствіи не только грековъ, но и выходцевъ изъ Италіи.

Превращеніе феодала въ помѣщика является въ то же время процессомъ развитія феодальнаго организатора въ собственника.

Выше уже указывалось, что сеньеръ феодальной эпохи не былъ собственникомъ своей территоріи. Ему принадлежало территоріальное верховенство (Oberhoheit), сеньеріальная власть надъ зависимымъ населеніемъ. Отношенія феодала къ крестьянству были отношеніями не собственника всѣхъ средствъ труда къ работникамъ, которые только отъ него и могли бы получить необходимыя средства производства: это были отношенія лица, которое, сосредоточивая въ своихъ рукахъ коллективныя силы своей мѣстности, организуетъ и направляетъ ихъ такимъ образомъ, чтобы феодальное производство вообще стало воз-

можнымъ. Прибавочный продуктъ, который поступаетъ въ его распоряженіе, является просто матеріализаціей коллективнаго труда, получающаго общественно-полезное примѣненіе. Все существованіе сеньера настолько органически связано съ феодальнымъ производствомъ, что не можетъ возникнуть вопроса о его правѣ на полученіе феодальныхъ доходовъ *).

Развитіе мѣновыхъ отношеній приводитъ къ возрастанію потребностей феодала, къ увеличенію тѣхъ требованій, которыя онъ предъявляетъ зависимому населенію. Развитіе новаго государства, отнимающаго отъ феодала, какъ такового, его прежнія общественныя функціи, дѣлаетъ его существованіе излишнимъ для деревенскаго производства: если бы помѣщикъ совершенно исчезъ, послѣднее не испытало бы отъ

---

*) Нѣмецкіе историки, въ особенности Кнаппъ, очень ясно видятъ эту особенность феодальныхъ отношеній. Напротивъ, большинство русскихъ историковъ уже боярина удѣльной эпохи превращаютъ въ полнаго земельнаго собственника. Они не замѣчаютъ, что вотчина предполагаетъ наслѣдственность не права собственности на землю, а, подобно наслѣдственной монархіи, наслѣдственность территоріальнаго верховенства. Изображая боярина-вотчинника собственникомъ, историки дѣлаютъ излишними свои объясненія того, какъ могли быть закрѣпощены крестьяне.— По господствующей до сихъ поръ теоріи, русское государство закрѣпощало крестьянъ для того, чтобы помѣщики могли отбывать военную службу. Объясненіе это явно противорѣчитъ фактамъ. тѣ самые историки, которые выдвигаютъ эту теорію, превосходно показываютъ, что къ эпохѣ крѣпостного права старое, дворянское войско какъ разъ отжило свое время: оно быстро замѣняется постоянной арміей, комплектуемой по найму и принудительному набору. Ссылка на отсутствіе крѣпостного права въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ потребность во внѣшней защитѣ была минимальная, и на быстрое развитіе его въ областяхъ, пограничныхъ съ непріятельскими территоріями, сама по себѣ говоритъ очень мало. въ пограничныхъ областяхъ съ наибольшей быстротой развиваются мѣновыя отношенія, и, слѣдовательно, быстрѣе всего совершается то перерожденіе феодала въ помѣщика, о которомъ говорилось выше. Кромѣ того, совершенно упускаютъ изъ виду, что крѣпостное право не совсѣмъ миновало и сѣверныя губерніи: Олонецкую, Вологодскую и Архангельскую Оно не проникло только въ области, лишенныя сносныхъ путей сообщенія. Напротивъ, по судоходнымъ рѣкамъ крестьяне уже при преемникахъ Петра I становятся крѣпостными, — правда, не барщинными, а преимущественно оброчными. Но это дѣла не измѣняетъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни объясняли мы первоначальное возникновеніе крѣпостного права, одно несомнѣнно: позднѣйшее распространеніе и въ особенности обостреніе крѣпостныхъ отношеній совпадаетъ съ эпохами, когда государство все съ бо́льшей рѣшительностью переходитъ къ системѣ постояннаго войска (третья четверть XVII вѣка; эпоха Петра I; эпоха Екатерины II); слѣдовательно, эти явленія ужъ никакъ не могутъ быть истолкованы изъ растущихъ потребностей государства въ боевой силѣ помѣщиковъ. У насъ, какъ и на Западѣ, развитіе крѣпостного права стоитъ въ неразрывной связи не съ возрастаніемъ общественно-необходимыхъ функцій, ложившихся на дворянство, а, напротивъ, съ прогрессирующимъ устраненіемъ его отъ этихъ функцій.

этого никакихъ неудобствъ, продолжалось бы такъ же, какъ при феодалѣ. Теперь притязанія феодала начинаютъ опираться не на его дѣятельность, а на голый юридическій титулъ,—на его право собственности. Ограниченныя въ феодальную эпоху своей связью съ функціями сеньера, эти притязанія становятся теперь въ принципѣ безграничными, а практически ограничиваются лишь сопротивленіемъ крестьянства, которое все болѣе сламывается, и необходимостью оставлять у крестьянъ такой минимумъ средствъ существованія, безъ котораго они не могли бы поддерживать свою жизнь и воспроизводиться.

Право собственности феодала исторически развивается прежде всего какъ право собственности на ту землю, которою въ теченіе многихъ столѣтій фактически пользовались феодалъ и крестьяне. Средневѣковая формула: нѣтъ земли безъ сеньера, означавшая, что нѣтъ земель, которыя не входили бы въ сферу территоріальнаго верховенства того или иного сеньера, получаетъ новое истолкованіе: нѣтъ земли, которая не была бы собственностью того или иного сеньера, т.-е. которою онъ не могъ бы распоряжаться, какъ ему вздумается. Сеньеръ можетъ оставить за крестьяниномъ пользованіе старинным надѣломъ за извѣстные платежи продуктами, отработками или деньгами; но можетъ также, прогнавъ его, передать его надѣлъ другому земледѣльцу или присоединить къ своимъ собственнымъ запашкамъ. Крестьянину предоставляется только одно право: отыскивать документы, которые доказывали бы, что его предки были свободными землевладѣльцами, а не держали землю отъ феодала: требованіе, въ большинствѣ случаевъ неосуществимое, такъ какъ въ феодальную эпоху отсутствовала потребность въ закрѣпленіи фактическихъ отношеній бумажными документами. Къ истолкованію феодальныхъ отношеній начинаютъ примѣняться совершенно чуждыя имъ нормы римскаго права, сложившіяся на основѣ высоко развитыхъ формъ собственности. Римское право превращается въ идеологическое орудіе экспропріаціи земледѣльцевъ.

Но развитіе крупной земельной собственности, взятое само по себѣ, могло бы приводить не къ крѣпостнымъ отношеніямъ, а къ различнымъ формамъ мелкой крестьянской аренды и къ крупному капиталистическому земледѣлію. Феодально зависимый земледѣлецъ, если бы онъ, утрачивая землю, не оставался въ личной зависимости отъ помѣщика, превращался бы не въ крѣпостного крестьянина, а въ арендатора, съ одной стороны, и пролетарія—съ другой. Изъ сеньера (Grundherr, по установившейся нѣмецкой терминологіи) тогда развивается не Gutsherr (помѣщикъ), а земельный собственникъ (Grundeigentümer) новѣйшей, капиталистической формаціи.

Крѣпостныя отношенія возникаютъ лишь въ томъ случаѣ, если

развитіе крупной земельной собственности комбинируется съ сохраненіемъ личной зависимости крестьянина. Помѣщикъ оказываетъ на фактическихъ воздѣлывателей не только экономическое давленіе, вытекающее изъ того, что онъ противостоитъ имъ, какъ собственникъ необходимаго условія земледѣльческаго производства: онъ подвергаетъ ихъ и тому принужденію, которое строится на голыхъ, ничѣмъ не прикрытыхъ отношеніяхъ силы и которое у Маркса называется внѣэкономическимъ принужденіемъ. Въ отличіе отъ новѣйшаго земельнаго собственника, который организуетъ свои отношенія къ арендатору или наемному рабочему на основѣ формально свободнаго договора, помѣщикъ юридически является господиномъ крестьянъ, крестьянскій трудъ на помѣщика—принудительный трудъ.

Уже изъ этого видно, что крѣпостныя отношенія имѣютъ смѣшанный характеръ. Феодалъ, оказавшійся въ обществѣ, въ которомъ за его спиною сложились нѣкоторыя предпосылки капиталистическаго хозяйства, приспособляетъ формы землевладѣнія къ этимъ новымъ условіямъ. Но, съ другой стороны, отъ феодальной эпохи онъ удерживаетъ юридическую зависимость земледѣльческаго населенія. Такимъ образомъ крѣпостное хозяйство не есть капиталистическое хозяйство, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки (напр. Кнаппъ, Лампрехтъ): оно представляетъ переходъ отъ феодализма къ капитализму, оно построено на сочетаніи формъ собственности, предвѣщающихъ близость капитализма, съ такими формами отношеній къ земледѣльцамъ, которыя напоминаютъ объ изжитой феодальной системѣ. Помѣщикъ соединяетъ примитивные методы капиталистической эксплуатаціи,—поскольку онъ противостоитъ земледѣльцамъ, просто какъ земельный собственникъ, — съ методами вырождающейся феодальной эксплуатаціи, — поскольку онъ противостоитъ крестьянамъ, какъ ихъ господинъ.

Различіе тѣхъ общественно-экономическихъ формъ, которыя возникали, какъ продуктъ разложенія феодализма, ближайшимъ образомъ опредѣлялось именно тѣмъ, какую роль игралъ въ земледѣліи принудительный трудъ.

Въ этомъ отношеніи Англія представляетъ очень существенныя отличія отъ важнѣйшихъ странъ континента. Уже въ эпоху норманскаго завоеванія (вторая половина XI вѣка) въ Англіи было до 80 городовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были основаны еще римлянами. Вытѣсненіе послѣднихъ саксами сопровождалось упадкомъ городской жизни. Города XI столѣтія были укрѣпленные пункты, со сравнительно небольшимъ количествомъ жителей, едва ли превышавшимъ гдѣ-нибудь, за исключеніемъ Лондона, 7—8 тысячъ; ихъ общій укладъ жизни лишь постепенно обособлялся отъ деревенскаго. Но въ то время, какъ въ

другихъ странахъ обмѣнъ сравнительно медленно создавалъ центры новыхъ экономическихъ отношеній, въ Англіи норманны нашли ихъ отчасти готовыми. Уже въ XII вѣкѣ нѣкоторые старые города становятся средоточіями ярмарочной торговли, возникаютъ новые торговые пункты, завязываются постоянныя торговыя сношенія съ фландрскими купцами. Съ XII же и не позже начала XIII вѣка одной изъ важнѣйшихъ статей вывоза становится шерсть.

Тѣ предварительныя условія, въ которыхъ нуждается развитой обмѣнъ и которыя на континентѣ складывались съ величайшей медленностью. свобода передвиженія товаровъ, защита каравановъ отъ грабежей, — осуществились въ Англіи уже въ XI вѣкѣ. Не даромъ господами страны стали норманны, для которыхъ обмѣнъ былъ настолько же родной стихіей, какъ море; и не даромъ ихъ господство явилось результатомъ завоеванія, которое всегда предполагаетъ значительную степень централизаціи. Быстрое развитіе мѣновыхъ отношеній повело къ тому, что эта военная централизація не оказалась преходящимъ эпизодомъ, какъ было въ другихъ странахъ, а послужила прочнымъ началомъ устойчиваго политическаго объединенія. Характерно, что съ самаго начала норманскаго періода англійскіе короли подчиняютъ себѣ зависимое населеніе непосредственно, а не только черезъ іерархію вассаловъ и подвассаловъ. Строй, слабые зачатки котораго появляются во Франціи лишь въ XIII вѣкѣ, въ Англіи упрочился уже съ начала XII столѣтія. И уже съ этого времени всѣ важныя событія англійской жизни развертываются въ національномъ, а не въ провинціальномъ масштабѣ, какъ было до XV столѣтія даже во Франціи, гдѣ, напр., войны герцога Бургундіи мало затрогивали остальныя области.

Еще до норманскаго завоеванія начинается, въ связи съ развивающимся обмѣномъ, замѣна натуральныхъ повинностей зависимаго населенія постоянными денежными платежами. За совокупность тѣхъ земель, которыми пользуется земледѣлецъ,—за свой надѣлъ въ пахатномъ полѣ и за извѣстную долю въ общинныхъ угодьяхъ,—онъ уплачиваетъ сеньеру разъ навсегда опредѣленную сумму денегъ. Платежи вообще настолько скромные, что нерѣдко, повидимому, ихъ реальное значеніе перевѣшивалось символическимъ, заключавшимся въ признаніи сеньеріальнаго верховенства. Благодаря быстротѣ развитія, въ денежныхъ платежахъ здѣсь были какъ бы зафиксированы мягкія феодальныя отношенія. Такъ складывается та категорія земледѣльцевъ, которая получила названіе „фригольдеровъ“, „свободныхъ держателей земли“, — свободныхъ отъ личной зависимости. Въ концѣ XI вѣка этотъ слой расширился, такъ какъ въ него вошли подвассалы—мелкіе рыцари, пришедшіе съ Вильгельмомъ Завоевателемъ,—а въ послѣдую-

щія столѣтія сюда присоединялись тѣ крестьяне, которымъ удавалось замѣнить свои повинности урегулированными денежными платежами. Слѣдовательно, уже къ XII вѣку въ Англіи намѣчается въ общихъ очертаніяхъ свободное самостоятельное крестьянство, которое въ другихъ странахъ выступаетъ лишь по уничтоженіи крѣпостного права.

Политическая централизація, ускоренная норманскимъ завоеваніемъ, сопровождалась всѣми обычными при ней явленіями. Сеньеръ привлекается ко двору, втягивается въ городской оборотъ, получаетъ вкусъ къ роскоши. Но здѣсь, благодаря значительной быстротѣ развитія мѣновыхъ отношеній, съ наибольшей силой выступило у него не побужденіе повышать повинности зависимаго населенія, а стремленіе получать доходы непосредственно въ деньгахъ, которыя можно было бы превратить въ привозимые съ континента предметы роскоши. Норманское завоеваніе сопровождалось обезземеленіемъ части туземныхъ крестьянъ и по меньшей мѣрѣ сокращеніемъ площади ихъ землепользованія. Такимъ образомъ въ англійской деревнѣ появляется полупролетаризованный слой, представители котораго обрабатываютъ господскую землю по вольному найму. По всѣмъ этимъ причинамъ съ половины XII вѣка начинается быстрая замѣна барщинныхъ работъ денежными платежами. Зависимые крестьяне постепенно превращаются въ „копигольдеровъ“, держателей земли по договору. Личная несвобода копигольдеровъ выражается въ томъ, что безъ разрѣшенія сеньера они не могутъ вступить въ бракъ, покинуть деревню и проч. Однако они не утратили феодальнаго права на отходъ: единственное ограниченіе этого права заключается въ томъ, что уходящій долженъ найти замѣстителя, который взялъ бы на себя всѣ его обязательства передъ сеньеромъ.

Слѣдовательно, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ или сеньеру не пошло дальше зачаточныхъ ступеней. „Копигольдеры“—не крѣпостные въ собственномъ, континентальномъ значеніи этого слова, а скорѣе переходная ступень къ свободнымъ арендаторамъ капиталистической эпохи. И чѣмъ шире и глубже распространялись мѣновыя отношенія, тѣмъ болѣе копигольдеры приближались по своему положенію къ арендаторамъ.

„Черная смерть“ (чума), впервые посѣтившая Англію въ 1348—9 годахъ и потомъ повторившаяся въ сравнительно слабой формѣ въ 1361 и 1369 годахъ, ускорила освобожденіе крестьянства отъ личной зависимости. Смертность отъ чумы была страшная: по самымъ осторожнымъ разсчетамъ она унесла до $^1/_3$ всего населенія. И наибольшую жатву косила она, какъ всѣ эпидеміи, среди менѣе зажиточнаго населенія: ремесленниковъ, батраковъ и крестьянства. Чтобы не пустовали

тѣ обширныя пространства земли, которыя освобождались за смертью старинныхъ воздѣлывателей, сеньеры шли на всяческія уступки. Черная смерть не только не задержала процесса перехода къ денежнымъ платежамъ, но послужила для него мощнымъ толчкомъ и въ то же время повела къ тому, что общій ихъ уровень сильно понизился. Черная смерть разорила многихъ сеньеровъ и, напротивъ, повысила способность зависимаго крестьянства къ сопротивленію.

Когда улеглась первая паника и замѣшательство, господа сдѣлали рѣшительную попытку отобрать назадъ то, что крестьяне купили цѣной смерти значительной части своего сословія. Не ограничиваясь быстрымъ повышеніемъ денежныхъ платежей, господа стремились превратить крестьянъ, фактически сдѣлавшихся почти свободными наслѣдственными арендаторами, въ своихъ крѣпостныхъ: они хотѣли возстановить старую барщину, повысить ея размѣры, возложить ее даже на такія группы населенія, которыя окончательно ликвидировали свои отношенія къ сеньеру.

Но было слишкомъ поздно. Дальнѣйшее развитіе тѣхъ самыхъ мѣновыхъ отношеній, которыя вели къ постепенному освобожденію крестьянства, создало среди общества, феодальнаго по своимъ внѣшнимъ формамъ, новыя экономическія группы, которыя сумѣли сплотить крестьянство и организовать его сопротивленіе въ національномъ масштабѣ.

Уже въ XIII вѣкѣ въ Англіи начинается переходъ отъ вывоза шерсти въ Нидерланды къ организаціи собственнаго производства сукна. Въ XIV вѣкѣ явственно намѣчается разграничительная линія между суконщиками-торговцами и мастерами, которые развиваются въ капиталистическихъ предпринимателей, съ одной стороны, и между непосредственными производителями, которые все болѣе превращаются въ пролетаріевъ,—съ другой. Послѣдніе становятся носителями примитивныхъ коммунистическихъ воззрѣній. Выходя изъ центровъ суконной промышленности, странствующіе агитаторы—„бѣдные братья“, „бѣдные священники“, „лолларды“—проникаютъ во всѣ части Англіи, связываютъ мѣстныя движенія крестьянства въ одно общее возстаніе, даютъ ему идейное и организаціонное единство. Зарождающійся промышленный пролетаріатъ XIV вѣка, ставъ во главѣ по-крестьянски разрозненныхъ актовъ сопротивленія, содѣйствовалъ превращенію ихъ въ „крестьянскую войну“ 1381 года; по имени главнаго предводителя она называется „возстаніемъ Уота Тайлера“.

Фальшивыми обѣщаніями, мнимой уступчивостью и отдѣльными, сепаратными договорами съ крестьянской частью возставшихъ господствующимъ удалось усыпить ихъ, а потомъ вѣроломство помогло поконъ-

рабочей силы, то переходъ къ высшимъ формамъ культуры, требующимъ бо̀льшей затраты труда на собственное хозяйство, становится невозможнымъ. Традиціонное трехполье воспроизводится изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ то время какъ и ростъ населенія, и складывающіяся новыя отношенія фактическаго землевладѣнія требуютъ перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ культуры. Экономически сильные элементы деревни въ свою очередь вынуждены подчиняться принудительному сѣвообороту, такъ какъ общій выпасъ по пару и проч. является однимъ изъ устоевъ трехполья.

Въ зависимости отъ размѣровъ той площади, которую помѣщикъ оставляетъ въ пользованіе крестьянъ, уже въ крѣпостной деревнѣ намѣчается рѣзкая дифференціація. Выдѣляется ничтожное количество сильныхъ семей, подъ ними—широкая масса рядового крестьянства, а еще ниже — полубатраки-полукрестьяне, располагающіе настолько ничтожными надѣлами, что могутъ только воздѣлывать нѣкоторые овощи, держать корову, пару свиней, нѣсколько штукъ домашней птицы. Это—тѣ крестьяне, которые носятъ названіе инстовъ, буднеровъ, гертнеровъ, т.-е. бобылей, домовниковъ, огородниковъ и т. д. У нихъ сохраняется лишь призракъ самостоятельнаго хозяйства; они представляютъ въ дѣйствительности переходную ступень къ сельскохозяйственнымъ пролетаріямъ *). Старая марка, — община, міръ, — все болѣе разлагается, смѣняясь простой совокупностью мелкихъ частныхъ землевладѣльцевъ-сосѣдей, чисто внѣшне, иногда принудительно связанныхъ въ коллективъ, выполняющій исключительно административныя функціи.

Такимъ образомъ феодалъ, превращаясь въ земельнаго собственника и экспропріируя земли, находившіяся въ фактическомъ владѣніи крестьянства, уже въ крѣпостную эпоху приводитъ къ созданію тѣхъ отношеній, которыми характеризуется наша пореформенная деревня: застойная техника; формы землепользованія, даже для отдѣльныхъ хозяевъ исключающія разрывъ съ застойностью; парцелляція, стоящая въ вопіющемъ противорѣчіи съ экстенсивной культурой и являющаяся впослѣдствіи тормозомъ всякой раціональной культуры; возрастающая разбросанность отдѣльныхъ полосъ, оказывающая такое же дѣйствіе. Слѣдовательно, возникновеніе крупной земельной собственности исторически было одновременно и процессомъ развитія того мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, которое сдѣлалось образцомъ безпощаднаго расточенія силъ природы и рабочихъ силъ человѣка.

---

*) Многочисленностью этихъ полупролетарскихъ категорій крестьянства слѣдуетъ, повидимому, объяснить то обстоятельство, что разрядъ дворовыхъ крестьянъ не разросся въ Германіи до такихъ размѣровъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, — въ особенности наканунѣ крестьянской реформы.

Но если бы при этомъ въ Германіи XV и слѣдующихъ вѣковъ дѣло сводилось только къ развитію новыхъ поземельныхъ отношеній, то весь процессъ лишь количественно, а не качественно отличался бы отъ того, который развертывается въ Англіи съ XIV вѣка. Основная же особенность Германіи, какъ и вообще важнѣйшихъ странъ континента, заключается въ томъ, что сеньеръ, превращаясь въ крупнаго земельнаго собственника, въ то же время требуетъ отъ крестьянъ принудительнаго труда. Расширяя свое хозяйство за счетъ крестьянскихъ хозяйствъ, прогоняя всѣхъ излишнихъ для него „ѣдоковъ“ изъ деревни, онъ требуетъ, чтобы сильно разрѣженное населеніе выполняло растущее количество работъ, отдавало все бо́льшую долю трудовой энергіи. Барщины увеличиваются и абсолютно—по общему количеству часовъ труда, которое требуется помѣщикомъ отъ зависимаго населенія,—и относительно—по сравненію съ тѣмъ количествомъ труда, которое остается въ распоряженіи крестьянъ для собственнаго хозяйства.

Крестьяне, которыхъ прогоняетъ помѣщикъ, должны уйти; тѣ же, которыхъ онъ не прогоняетъ, обязаны оставаться, чтобы выполнять все, чего отъ нихъ потребуетъ господинъ: они прикрѣпляются,—отсюда и выраженіе „прикрѣпленіе крестьянъ“, „крѣпостное право“ и т. д. Въ этомъ прикрѣпленіи обыкновенно подчеркивается одинъ моментъ: прикрѣпленіе къ землѣ, къ одной ограниченной мѣстности, чаще всего къ деревнѣ, которой крестьянинъ не можетъ покинуть безъ разрѣшенія помѣщика. Но не трудно видѣть, что это „прикрѣпленіе къ землѣ“, это мнимое отношеніе крестьянина къ неодушевленному предмету въ дѣйствительности есть лишь внѣшняя форма опредѣленнаго общественнаго отношенія: отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ, обезпеченія помѣщику принудительнаго труда. То, что называется прикрѣпленіемъ къ землѣ, есть лишь особый способъ прикрѣпленія къ помѣщику *). Въ этомъ и лежитъ первичное отличіе помѣщика отъ позднѣйшаго крупнаго земельнаго собственника, ведущаго собственное хозяйство и на свободномъ рынкѣ нанимающаго рабочія силы пролетаріевъ или пролетаризующихся крестьянъ. Всѣ остальныя отличія носятъ вторичный, производный характеръ.

Въ Германіи XV—XVI вѣка, какъ въ Италіи XII—XIII, въ Англіи и Франціи XIII—XIV, въ Богеміи XIV—XV столѣтія, устраненіе феодаловъ отъ общественно-необходимыхъ функцій, вытекавшее изъ развитія новыхъ экономическихъ отношеній, было общимъ процессомъ,

*) Что это такъ, видно и изъ того, что помѣщикъ повсюду могъ и переводить крестьянъ изъ помѣстья въ помѣстье, и превращать—въ особенности въ Россіи—въ безземельныхъ дворовыхъ, и просто прогонять изъ своей вотчины, не особенно стѣсняясь бумажными ограниченіями своихъ владѣльческихъ правъ.

распространявшимся и на свѣтскую, и на духовную часть феодальнаго сословія. По мѣрѣ того, какъ феодальная раздробленность уступаетъ мѣсто соединенію въ національныя государства, каждое изъ нихъ создаетъ самостоятельную централизованную организацію управленія и суда. Новое сословіе, буржуазія, которая стоитъ въ центрѣ мѣновыхъ отношеній, становится носителемъ новой техники, искусства, науки. Монастыри, которые въ феодальную эпоху были школами архитекторовъ, художниковъ. врачей, законовѣдовъ, ученыхъ и т. д., дѣлаются просто центрами квалифицированнаго потребленія, какъ усадьбы свѣтскихъ сеньеровъ, и ничѣмъ больше. Благотворительная дѣятельность сокращается, пока она не превращается въ простой предлогъ для усиливающихся поборовъ, въ чисто внѣшнее прикрытіе разростающихся аппетитовъ. Римъ остается центромъ церковной организаціи; но, какъ центръ экономически вырождающейся организаціи, онъ только беретъ съ отдѣльныхъ странъ, изощряетъ искусство увеличивать поборы, но ничего не даетъ имъ обратно. Центръ, изъ котораго въ началѣ среднихъ вѣковъ исходили мощные импульсы общественно-экономическаго развитія, становится общественно-ненужнымъ и вреднымъ центромъ эксплуатаціи.

Такъ какъ свѣтскіе и духовные феодалы одинаково превращались въ помѣщиковъ, то борьба крестьянства была одинаково направлена противъ тѣхъ и другихъ. Такъ какъ церковь была высшимъ авторитетомъ, освящавшимъ всѣ общественныя отношенія, то борьба противъ этихъ отношеній неизбѣжно была идеологически борьбой противъ существующей церкви, и принимала форму ересей. Такъ было прежде всего въ Италіи начала XIV вѣка, въ томъ крестьянскомъ возстаніи, которое, по имени главнаго вождя, получило названіе возстанія Дольчино.

Такъ какъ экономическое вырожденіе феодальнаго сословія идетъ параллельно съ развитіемъ новаго государства, то крестьянскія возстанія обыкновенно совпадаютъ по времени съ борьбой главныхъ соціальныхъ силъ этого государства противъ римскаго духовенства и его мѣстныхъ агентовъ. Субъективно, для сознанія сувереновъ и буржуазіи, основной общественной опоры этой борьбы, она была борьбой за истинное христіанство противъ искаженнаго христіанства, за истинную церковь противъ папской церкви, за просвѣщеніе противъ невѣжества, за нравственность противъ безнравственности, за права труда противъ тунеядчества. Объективно, т.-е. по тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводила борьба, когда она увѣнчивалась успѣхомъ, она была борьбой за права національныхъ эксплуататоровъ противъ эксплуататоровъ интернаціональныхъ, за превращеніе первыхъ въ единственныхъ собственниковъ всей прибавочной стоимости, извлекаемой изъ населенія

національно объединяющихся территорій. Лозунгомъ этой борьбы становится „Испанія для испанцевъ"—въ Испаніи, „Франція для французовъ"—во Франціи, „Англія для англичанъ"—въ Англіи. Націонализмъ раскрылъ свое дѣйствительное содержаніе уже при своемъ первомъ выступленіи, на границѣ между средневѣковымъ и новымъ общественнымъ строемъ.

Только у господствующихъ классовъ Италіи не было побужденій выступить съ такимъ лозунгомъ. Господство папы надъ западнымъ христіанствомъ было и ихъ экономическимъ господствомъ. Съ другой стороны, возстаніе Дольчино ясно показало, что для низовъ населенія критика церкви неразрывно связана съ критикой всего соціальнаго строя. Радикальныя реформаторскія стремленія быстро вымираютъ среди господствующихъ классовъ Италіи. Реформаторы не помышляютъ о томъ, чтобы нанести ударъ владычеству духовенства, — они желаютъ только, чтобы это владычество осуществлялось просвѣщенными папами. Церковное реформаторство тамъ оттѣсняется гуманизмомъ, который остался въ Италіи чисто идеологическимъ теченіемъ

Франція съ ея относительно высокимъ экономическимъ развитіемъ и ранней централизаціей уже съ Людовика IX („Святого", 1269 годъ) постепенно достигаетъ того, что французское духовенство подчиняется больше королю, чѣмъ папѣ. и что Римъ совершаетъ свои сборы лишь съ разрѣшенія королей. Точно такъ же Испанія, окрѣпшая въ борьбѣ съ маврами и многое унаслѣдовавшая изъ ихъ экономической культуры, постепенно, но неуклонно шла тогда къ національному высвобожденію изъ-подъ владычества папъ. Духовенство Франціи и Испаніи, организаціонно обособляясь отъ Рима, превращается въ одно изъ орудій національнаго господства сюзереновъ-централизаторовъ. Поэтому всякое движеніе, направленное противъ сеньеровъ, духовныхъ и свѣтскихъ, съ самаго начала становится здѣсь гонимой ересью, сектой, отколомъ отъ фактически сложившейся національной церкви.

Германія по своей экономической отсталости и раздробленности все болѣе превращалась въ объектъ для откровенныхъ до цинизма коммерческихъ операцій папы, для самой беззастѣнчивой фискальной изобрѣтательности римскаго духовенства. У такой иллюзорной центральной власти Германіи, какъ императоръ, не было ни силъ, ни побужденій противодѣйствовать Риму. Англія тоже оставалась объектомъ его эксплуатаціи.

По всѣмъ этимъ причинамъ оппозиція противъ Рима объединяетъ на первыхъ порахъ самые разнообразные классы Англіи и Германіи (и Богеміи). Вождямъ ея—Виклефу въ Англіи XIV вѣка, Гуссу въ Богеміи XV вѣка, Лютеру въ Германіи XVI вѣка—кажется, что въ низверженіи папскаго владычества равно и одинаково заинтересованы всѣ

классы общества. Свѣтскіе сеньеры привѣтствуютъ проповѣдниковъ истиннаго христіанства, такъ какъ на первыхъ порахъ для нихъ обрисовывается только одинъ практическій выводъ: интересы націи слѣдуетъ противопоставить интернаціональной эксплуататорской организаціи, — духовенство слѣдуетъ возвратить къ евангельской нищетѣ, — свѣтскіе сеньеры должны экспропріировать богатства духовныхъ сеньеровъ. Это первый періодъ реформаторскихъ движеній,—періодъ полной, почти безграничной свободы проповѣди реформаторовъ, періодъ смѣлаго привлеченія широкихъ массъ народа къ обсужденію религіозныхъ вопросовъ, періодъ рѣшительныхъ глубоко революціонныхъ лозунговъ.

Но спустившись внизъ, эти лозунги начинаютъ жить новой жизнью. Ихъ подхватываютъ прежде всего элементы, порожденные разлагающимися феодализмомъ и ремесломъ. Они уже не крестьяне, но еще не утратили связи съ крестьянствомъ. Они еще не пролетаріи, но уже не находятъ и не найдутъ мѣста ни среди самостоятельныхъ земледѣльцевъ, ни среди самостоятельныхъ ремесленниковъ. Они — деклассированные (Vorproletariat, „предпролетаріатъ“, по выраженію Энгельса), т.-е. они уже оторвались отъ классовъ экономическаго прошлаго, но еще не оформились, а частью и совсѣмъ не оформятся въ классъ будущаго: этимъ слоямъ еще предстоитъ окончательно опредѣлиться или какъ собственно пролетаріату, или какъ пролетаріату босяковъ. Представляя зародышевую форму пролетаріата, они изъ новыхъ религіозныхъ идей быстро дѣлаютъ коммунистическіе выводы. Не успѣвъ порвать матеріальныхъ и внутреннихъ связей съ деревней, они, обращаясь къ крестьянству, даютъ этимъ выводамъ крестьянское истолкованіе, вносятъ идейное и организаціонное единство въ борьбу противъ духовныхъ и свѣтскихъ помѣщиковъ. Это—рабочіе горной промышленности, подмастерья капиталистически перерождающагося суконнаго цеха, лишающіеся мѣста и заработка дружинники, частью даже мелкое сельское духовенство и т. д. Это — бегарды, лолларды, наиболѣе рѣшительные элементы въ войскахъ Дольчино, Уота Тайлера, Жишки и Томаса Мюнцера.

Пока свѣтскіе сеньеры и буржуазія видѣли въ этой плебейской оппозиціи противъ Рима только поддержку собственныхъ своихъ выступленій, они поощряли ее и по меньшей мѣрѣ не ставили ей серьезныхъ помѣхъ. Верхушки феодальнаго сословія тогда рѣзко раскалывались на двѣ враждебныя части: свѣтскую и духовную. Напротивъ, когда обнаружилось, что борьба противъ Рима развертывается внизу въ борьбу за собственные интересы народныхъ массъ, что церковная реформація для этихъ массъ только одинъ изъ моментовъ ихъ классовой борьбы за соціальную революцію,—тогда въ Англіи и Богеміи реформаторское

рвеніе господствующихъ классовъ слабѣетъ, они спѣшатъ примириться съ Римомъ и его духовенствомъ. Послѣ возстанія Тайлера популярность Виклефа падаетъ, и онъ оканчиваетъ жизнь забытый, въ опалѣ. Реформація отсрочивается на полтора вѣка. Въ Богеміи еще раньше, чѣмъ изъ-за церковной реформы показалась радикальная соціальная революція, борьба противъ Рима принимаетъ характеръ національной борьбы чеховъ противъ нѣмецкихъ сеньеровъ и буржуазіи. Гуссъ погибъ на кострѣ еще раньше, чѣмъ національное движеніе, связанное съ его именемъ, успѣло дифференцироваться.

Сюзерены сѣверной Германіи, — какъ и Швеціи, — экономически наиболѣе отсталой и потому наиболѣе беззащитной передъ римской эксплуатаціей, быстро и при неизмѣнномъ содѣйствіи Лютера дали княжеское истолкованіе новыхъ религіозныхъ идей. тѣхъ самыхъ идей, которыя у Виклефа и Гусса оставались еще общими антиримскими идеями, не получившими специфически классовой окраски. Отложеніе отъ Рима было для сѣверной Германіи созданіемъ если не національныхъ, то территоріальныхъ церквей, превратившихся для сюзереновъ въ одно изъ орудій ихъ господства, въ одинъ изъ элементовъ подчиненнаго имъ бюрократическаго аппарата; въ этомъ смыслѣ реформація тамъ была однимъ изъ моментовъ политической централизаціи и превращенія феодальныхъ сюзереновъ въ новѣйшихъ монарховъ. Уничтоженіе римской духовной іерархіи и монастырей было въ то же время превращеніемъ ихъ имуществъ въ полную собственность территоріальныхъ князей и ихъ феодальныхъ союзниковъ; въ этомъ смыслѣ реформація тамъ была однимъ изъ этаповъ въ развитіи крупной земельной собственности, въ превращеніи феодала въ помѣщика.

Для сеньеровъ церковная реформа на этомъ заканчивалась; дальше выдвигались только оборонительныя задачи. Напротивъ, для полупролетаризованныхъ элементовъ и крестьянства реформа еще не начиналась, — для нихъ самымъ ощутительнымъ ея результатомъ было бы только уничтоженіе послѣднихъ остатковъ церковной и монастырской благотворительности. Массы подхватываютъ лозунги Лютера, но, не останавливаясь на полдорогѣ, какъ онъ, послѣдовательно дѣлаютъ изъ нихъ рѣшительные примитивно-коммунистическіе и крестьянскіе выводы и превращаютъ ихъ въ лозунги крестьянской войны (1525 г.).

Программа, которая формулировалась въ ходѣ возстанія, состояла изъ столь же разнородныхъ элементовъ, какъ общественные слои, участвовавшіе въ движеніи. Смотря по тому, кто пріобрѣталъ перевѣсъ въ опредѣленное время или въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ программѣ болѣе подчеркивались то требованія крестьянства, которое еще не забыло свободнаго землепользованія феодальной эпохи, но уже страдаетъ

отъ жестокой помѣщичьей эксплуатаціи; то къ нимъ присоединяются нисколько не противорѣчащія имъ пожеланія буржуазіи, которая, добиваясь въ первую очередь объединенія Германіи — централизованной политической власти, единства монеты, мѣры и вѣса, уничтоженія внутреннихъ пошлинъ, — сталкивается на пути къ осуществленію этихъ требованій съ тѣмъ же экономически-мертвымъ феодальнымъ сословіемъ, которое было главнымъ врагомъ и крестьянъ; то выдвигаются примитивно-коммунистическія, радикально-нивелляторскія стремленія пролетаризованныхъ элементовъ, которые хотятъ искоренить всѣ отношенія господства и поставить на ихъ мѣсто отношенія христіанскаго братства. Чѣмъ больше отходитъ надежда примирить непримиримыя классовыя противорѣчія въ какомъ-нибудь компромиссѣ, чѣмъ суровѣе, шире и глубже развертывается борьба, тѣмъ болѣе отходятъ отъ нея элементы, по своему классовому положенію склонные къ компромиссу, тѣмъ значительнѣе становится вліяніе пролетаризованныхъ элементовъ. И чѣмъ сильнѣе обнаруживается ихъ вліяніе, тѣмъ яснѣе становится, что успѣшный исходъ возстанія, независимо отъ воли участниковъ, въ данной историко-экономической обстановкѣ былъ бы равносиленъ радикальному устраненію помѣхъ для капиталистическаго развитія, начавшагося въ городахъ.

Ходъ и исходъ крестьянской войны былъ таковъ же, какъ за полтора вѣка въ Англіи. Территоріальная и провинціальная организованность сеньеровъ и классовая ихъ солидарность, идущая дальше провинціальныхъ и даже національныхъ границъ, одержала побѣду надъ локальной ограниченностью крестьянъ. Крестьяне охотно шли на отдѣльные договоры со своими сеньерами; добившись для себя мнимыхъ уступокъ, они торопились возвратиться съ грамотами домой, не заботясь о судьбѣ остальной арміи; только въ исключительныхъ случаяхъ, да и тутъ по большей части слишкомъ поздно, они начинали схватывать связь между судьбами своей деревни и общимъ исходомъ крестьянской войны. Возстаніе въ Германіи было подавлено такъ же, какъ въ Италіи, Франціи, Англіи и Богеміи. Крестьяне, временно оставившіе деревню и объединенные въ общей борьбѣ, нанесли страшные удары старымъ рыцарскимъ ополченіямъ, но были раздавлены новыми ополченіями сувереновъ, за $1^1/_2$ года до того времени разгромившими возстаніе мелкихъ рыцарей. Они были снова отброшены къ замкнутому деревенскому существованію. Ихъ протестъ противъ крѣпостного режима, принимающаго все болѣе безпощадныя формы, выражается дальше преимущественно въ актахъ мести отдѣльнымъ помѣщикамъ или ихъ управляющимъ, да изрѣдка въ мятежахъ болѣе или менѣе мѣстнаго

характера, стихійныхъ по своей энергіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ идейно и организаціонно не оформленныхъ, какъ всѣ стихійныя вспышки *).

Процессъ развитія крѣпостныхъ отношеній въ Россіи до сихъ поръ недостаточно изученъ, — въ объясненіяхъ остаются существенные пробѣлы. По господствующей концепціи, бояре, чтобы обезпечить себя рабочею силой, во второй половинѣ XVI вѣка закабаляютъ крестьянъ посредствомъ ростовщическихъ ссудъ, а потомъ, чтобы добиться возврата этихъ ссудъ, удлиняютъ сроки, въ предѣлахъ которыхъ они могутъ разыскивать бѣглецовъ. Бояринъ уже для удѣльнаго періода изображается, какъ полный собственникъ земли. Оброки уже для удѣльнаго періода разсматриваются, какъ современная арендная плата. Барщина въ ея первоначальныхъ формахъ цѣликомъ выводится изъ помѣщичьихъ ссудъ. И, наконецъ, закрѣпощеніе крестьянъ является по этой концепціи не приспособленіемъ феодальнаго сословія къ новымъ условіямъ существованія, при которыхъ общественныя функціи уходятъ отъ феодаловъ, а приспособленіемъ къ обостряющейся внѣшней борьбѣ, которая требуетъ будто бы сохраненія экономически сильныхъ помѣщиковъ, какъ главной основы боевыхъ силъ государства.

Выше указывалось на внутреннія противорѣчія такихъ объясненій. Здѣсь отмѣтимъ еще одно обстоятельство. Жестоко-ростовщическій характеръ помѣщичьихъ ссудъ самъ по себѣ показываетъ, что превращеніе сеньера въ помѣщика уже въ XVI вѣкѣ зашло довольно далеко. И въ самомъ дѣлѣ, еще въ половинѣ XV вѣка положеніе русскихъ крестьянъ изображается въ благопріятныхъ чертахъ, напоминающихъ о германскихъ крестьянахъ XIII вѣка. Но уже въ концѣ царствованія Ивана III раздаются жалобы на непосильность оброковъ и барщины, а къ первой половинѣ XVI вѣка относится извѣстіе, что барщина доходитъ мѣстами до 6 дней въ недѣлю. Ясно, что ссуды второй половины XVI вѣка были симптомомъ, внѣшнимъ проявленіемъ, а не причиной усиливающейся эксплуатаціи. И неожиданнаго въ томъ ничего нѣтъ: общій характеръ экономическаго и политическаго развитія московскаго государства при Иванѣ III и особенно при Иванѣ IV близко напоминаетъ Францію XIV—XV и Германію XV—XVI вѣковъ.

---

*) Въ эти именно времена въ крестьянскомъ сознаніи далекій императоръ, который ведетъ за свою власть какую-то борьбу съ ближайшими угнетателями крестьянъ, выростаетъ въ миѳическую фигуру, въ скорбнаго, безсильнаго печальника о крестьянахъ, плѣненнаго помѣщиками и чиновниками. Такимъ образомъ, эпоха закрѣпощенія крестьянъ, совпадающая съ эпохой борьбы сувереновъ противъ феодальной автономіи вассальныхъ сеньеровъ, была тѣмъ временемъ, когда въ деревнѣ впервые зародились идеи такъ называемаго цезаризма, далеко не вполнѣ изжитаго въ современной Австріи и даже въ Германіи.

Упроченіе и усиленіе помѣщичьей эксплуатаціи у насъ тоже было отмѣчено крестьянскими войнами: возстаніями Разина и Пугачева (въ 70-хъ годахъ XVII и XVIII вѣка). Драматическая и отчасти военная сторона этихъ движеній еще привлекала историковъ, зато соціальная сторона до сихъ поръ остается совершенно неизслѣдованной. Но нельзя не отмѣтить одной характерной черты обоихъ движеній: главной организаціонной и боевой силой и, повидимому, тѣмъ элементомъ, который вносилъ въ нихъ примитивно-коммунистическія стремленія, здѣсь, какъ и въ Германіи, были деклассированные элементы. Они частью сами бѣжали изъ деревни, частью были изгнаны изъ нея и, представляя по своимъ экономическимъ отношеніямъ переходную ступень къ пролетаріату, въ то же время обладали многими чертами такъ называемаго босяцкаго пролетаріата *).

Извѣстно, какую роль въ обоихъ возстаніяхъ сыграли козаки („вольница"). Козакомъ первоначально назывался батракъ, переходившій отъ одного крестьянскаго хозяйства къ другому, лишенный постояннаго мѣстожительства и занятій. Эти пролетаризованные элементы организуются въ особыя общины на пограничныхъ территоріяхъ, — на Дону въ XVI вѣкѣ, на Днѣпрѣ—въ слѣдующемъ. Условія боевой жизни, требовавшія особеннаго сплоченія, въ связи съ остатками родового быта, сохранившимися въ только-что оставленной деревнѣ, привели къ тому, что на Дону, Днѣпрѣ и Уралѣ возникли своеобразные козацкіе коллективы („артели"). Ихъ строй во многихъ отношеніяхъ воскрешаетъ тотъ строй древней дружины съ верховной властью общихъ собраній, съ іерархіей выборныхъ предводителей, который былъ сколкомъ съ патріархальныхъ родовыхъ группъ и первичныхъ союзовъ между ними **). Война такъ же превращается въ главное занятіе этой демократической, пролетарской дружины, какъ для зародыша аристократіи—для древней дружины. Донское и отчасти уральское козачество не мало содѣйствовало тому, что крестьянскія возстанія пріобрѣли у насъ болѣе широкій размахъ и обнаружили бо́льшую силу сопротивленія, чѣмъ въ Германіи и въ особенности во Франціи.

Въ пугачевскомъ возстаніи выдвинулся еще одинъ элементъ, болѣе близкій къ позднѣйшему пролетаріату, чѣмъ козаки. Это были частью рабочіе уральскихъ горныхъ заводовъ, частью полукрестьяне-полурабочіе, прикрѣпленные къ этимъ заводамъ. Изъ 150 тысячъ крѣпостныхъ, по приблизительнымъ оцѣнкамъ принимавшихъ участіе въ

*) Имъ же обязаны своимъ возникновеніемъ и нѣкоторыя секты XVII и XVIII столѣтій.

**) Да и въ своей позднѣйшей исторіи козацкая организація во многомъ повторила исторію дифференціаціи и разложенія древнихъ дружинъ.

пугачевскомъ возстаніи, до 50 тысячъ составляли крестьяне, приписанные къ уральскимъ заводамъ.

Крестьянскія войны окончились въ Россіи такъ же, какъ на Западѣ. Покончивъ съ выступленіемъ крестьянства, какъ сословія, помѣщики, опирающіеся на организованную силу государства, могли уже не опасаться сопротивленія обособленныхъ, по-крестьянски разъединенныхъ деревенскихъ міровъ.

4. Помѣщичье хозяйство. — Крестьянскія повинности.

Возникновеніе крѣпостныхъ отношеній повсюду сопровождалось расширеніемъ собственнаго производительнаго хозяйства помѣщика, т.-е. прежде всего увеличеніемъ его запашекъ, а потому и увеличеніемъ барщины, абсолютнымъ и относительнымъ *). Такимъ образомъ возникновеніе крѣпостного хозяйства есть въ то же время процессъ расширенія, а для нѣкоторыхъ странъ—и созданія крупнаго земледѣльческаго производства. Крупная земельная собственность и крупное частно-владѣльческое производство исторически складывались одновременно. И одновременно же съ развитіемъ частной земельной собственности развертывались ея разрушительныя дѣйствія.

Переходъ отъ феодальныхъ отношеній къ крѣпостническимъ не былъ слѣдствіемъ развитія земледѣльческой техники. Она въ общемъ оставалась застойной во Франціи и Германіи до второй половины XVIII вѣка, въ Россіи — до второй четверти XIX вѣка **). Замѣтный прогрессъ совершался только въ подсобныхъ крестьянскихъ промыслахъ и въ особенности въ транспортномъ дѣлѣ. Но барщинный трудъ не былъ тѣмъ рабочимъ временемъ, которое, благодаря этому, высвобождалось у крестьянина, или, точнѣе, онъ представлялъ не одно это время, а несравненно бо̀льшую величину. Крѣпостныя отношенія возникли такимъ образомъ, что феодалы, сплоченные благодаря мѣновымъ

*) Въ Германіи этотъ процессъ отчасти стоялъ въ связи съ ея экономическимъ упадкомъ, наступившимъ вслѣдствіе перемѣщенія главныхъ центровъ міровой торговли къ Атлантическому океану. Помѣщикъ, потребности котораго развились въ предыдущія два столѣтія повышающейся экономической конъюнктуры, былъ поставленъ въ обстановку, вынуждавшую возвратъ къ натурально-хозяйственнымъ отношеніямъ. Но этотъ возвратъ выразился не въ реставраціи феодализма, а — такъ какъ всѣ историко-экономическія отношенія были иныя — въ томъ, что сеньеръ, который съ XIII—XIV вѣка началъ-было развиваться въ земельнаго собственника безъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, съ XVI вѣка быстро превращается въ помѣщика.

**) Къ концу XVIII вѣка относятся лишь совершенно единичные опыты усовершенствованнаго помѣщичьяго хозяйства.

отношеніямъ въ организованную, компактную силу, располагающіе мощными рессурсами новаго государства, подчинили себѣ крестьянство, разъединенное средневѣковыми земледѣльческими отношеніями. Расширеніе барщины было просто экономическимъ выводомъ изъ этого подчиненія.

Поскольку производственная техника оставалась неизмѣнной, постольку крестьянину приходилось затрачивать прежнее количество рабочаго времени, чтобы произвести необходимыя средства существованія для себя и семьи. Слѣдовательно, отбываніе барщины достигается или 1) просто удлиненіемъ рабочаго времени крестьянской семьи, или, кромѣ того, 2) чисто механическимъ сокращеніемъ ея необходимаго времени.

Въ первомъ случаѣ абсолютная величина рабочаго дня увеличивается. Время отдыха сводится къ количеству, едва лишь достаточному для сна. Въ феодальную эпоху и зимой работали отъ восхода до заката солнца. Теперь, затрачивая значительную долю дня на помѣщика, крестьянинъ вынуждается работать для себя ночью. Но помѣщикъ требуетъ работы не только отъ него, но и отъ членовъ его семьи. До чрезвычайности расширяется примѣненіе женскаго труда въ земледѣліи, мѣстами, въ особенности въ Пруссіи, начинается жестокая эксплуатація дѣтскаго труда. Весь тотъ дополнительный трудъ, который выжимается изъ крестьянской семьи, цѣликомъ составляетъ прибавочный трудъ, поступающій въ распоряженіе помѣщика. Общій характеръ совершающихся измѣненій можно иллюстрировать такими числовыми отношеніями, которыя берутся просто для примѣра. Допустимъ, что въ феодальную эпоху средняя продолжительность рабочаго дня каждаго члена крестьянской семьи составляла 8 часовъ; изъ нихъ 2 отбывались въ хозяйствѣ помѣщика и 6 оставались крестьянину. Увеличивая барщину, запрягая въ нее женщинъ и малолѣтнихъ, помѣщикъ доводитъ среднюю продолжительность рабочаго дня, допустимъ, до 15 часовъ; изъ нихъ крестьянину по-прежнему оставляется 6, а помѣщику идетъ уже 9 часовъ· прибавочное время увеличилось на 7 часовъ, съ 2 до 9 часовъ. Слѣдовательно, развитіе крупнаго земледѣльческаго производства исторически равносильно развитію чрезмѣрнаго труда для крестьянъ.

Во второмъ случаѣ, при прежней продолжительности рабочаго дня, сокращается та его доля, которая остается въ распоряженіи крестьянина. До извѣстной границы барщина увеличивается просто удлиненіемъ средняго рабочаго дня членовъ крестьянской семьи. Пусть этой границей будетъ, напр., 15 часовъ; когда она достигнута, тогда дальнѣйшее увеличеніе барщины возможно лишь за счетъ сокращенія необ-

ходимаго труда, т.-е. той части рабочаго дня, которая раньше оставлялась крестьянину. Свою пашню крестьянинъ обрабатываетъ только урывками,—по праздникамъ, по ночамъ; по первому требованію помѣщика онъ оставляетъ начатыя работы. Крестьянка все чаще отрывается отъ домашнихъ работъ, младенцы остаются безъ всякаго присмотра, мать замѣняется для нихъ братьями и сестрами, пока помѣщику не потребуются и ихъ „рабочія руки“. Каждый членъ крестьянской семьи работаетъ, въ среднемъ, по 15 часовъ ежедневно, какъ и въ предыдущемъ случаѣ; но изъ нихъ на собственное хозяйство затрачивается уже не 6 часовъ, а $5^1/_2$—5 часовъ, или и того меньше. Соотвѣтственно сокращается и то количество продуктовъ, которое составляетъ потребительный фондъ крестьянской семьи. Такимъ образомъ одновременно съ крупнымъ частно-владѣльческимъ производствомъ выступаетъ то характерное для жизни рядового крестьянства явленіе, которое называется недостаточнымъ потребленіемъ.

Барщиной нигдѣ и никогда не исчерпывались повинности крѣпостного крестьянина. Къ ней присоединялся оброкъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ, напр. въ Померанiи, онъ по своему значенію далеко перевѣшивалъ барщину. Но очевидно, что, представляя лишь особый способъ извлеченія прибавочнаго труда изъ крестьянъ, оброкъ при своемъ возрастанiи приводилъ къ тѣмъ же явленіямъ, какъ и растущая барщина: къ чрезмѣрному труду и недостаточному потребленію. Увеличивая оброкъ, помѣщикъ заставлялъ крестьянскую семью увеличивать продолжительность рабочаго дня; за извѣстной границей увеличеніе оброковъ достигалось сокращеніемъ той части продуктовъ, которая раньше оставалась въ крестьянской семьѣ. Барщина, первоначально представляющая просто прибавку къ тому рабочему времени, которое рабочая семья должна затрачивать на удовлетвореніе собственныхъ потребностей, впослѣдствiи увеличивается вычетами изъ этого рабочаго времени. Точно такъ же оброкъ, первоначально составляющiйся изъ продуктовъ, дополнительныхъ къ тому ихъ количеству, которое необходимо для самой крестьянской семьи, съ теченіемъ времени можетъ увеличиваться уже только за счетъ этого необходимаго количества.

Слѣдовательно, крупная земельная собственность, означающая возрастающее безтрудовое потребленіе для одной стороны, уже при самомъ своемъ выступленiи знаменовала для другой стороны возрастающую тяжесть труда и относительно или даже абсолютно падающее потребленіе. Помѣщичье хозяйство, производительное и потребительное, съ самаго начала строится на безпощадномъ отношенiи къ рабочей силѣ непосредственнаго производителя. Деревня насильственно сводится къ тому варварству, къ тому зоологическому существованію, къ тому

хроническому недоѣданію, прерываемому острыми голодовками, о которомъ говорятъ потрясающія описанія жизни крѣпостныхъ крестьянъ во Франціи и Германіи, въ Австріи и Россіи. Вырожденіе широкихъ массъ населенія было необходимымъ слѣдствіемъ хозяйничанья помѣщиковъ.

Крупное земледѣльческое производство,—организованное помѣщиками съ цѣлью выжимать изъ крестьянъ больше прибавочнаго труда, хотя техническій базисъ оставался безъ измѣненія, — и въ послѣдующей своей исторіи носило въ себѣ элементы не только техническаго застоя, но и технической деградаціи.

Крупная земельная собственность, какъ мы видѣли, возникала такимъ способомъ, что сеньеръ сокращалъ количество земледѣльческаго населенія до возможнаго минимума. Результатъ получался тотъ, что съ данной площади земли въ распоряженіе помѣщика поступала все бóльшая масса земледѣльческихъ продуктовъ, сырыхъ и обработанныхъ; и чѣмъ выше развивается квалифицированное потребленіе помѣщиковъ, чѣмъ энергичнѣе разрѣжаютъ они деревенское населеніе, тѣмъ сильнѣе растутъ барщина и оброкъ, тѣмъ бóльшая часть этой массы продуктовъ безвозвратно удаляется изъ деревни. Отъ земли берется возрастающая сумма элементовъ, необходимыхъ для питанія растеній, но все меньшее количество ихъ возвращается для возстановленія силъ почвы. Такимъ образомъ крупное земледѣльческое производство, построенное на частной собственности, съ самаго начала выступаетъ не только какъ расточитель жизненной силы крестьянства, но и какъ расточитель естественныхъ почвенныхъ силъ.

Связанный съ деревней просто какъ паразитическій потребитель, т.-е. какъ получатель извѣстной доли продукта, а не какъ участникъ производственнаго процесса, помѣщикъ—и вообще крупный земельный собственникъ, какъ таковой,—уже по самой своей природѣ не можетъ выступить иниціаторомъ техническихъ измѣненій. Его доходы получаются и растутъ не отъ его дѣятельности, а независимо отъ его дѣятельности. Характерно, что въ Англіи сравнительно быстрый прогрессъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства начинается съ конца XV вѣка, во Франціи и Германіи со второй половины XVIII вѣка, въ Россіи со второй четверти XIX вѣка: въ эпохи, когда фактическимъ хозяиномъ становится капиталистическій фермеръ, или когда городскіе буржуа начинаютъ пріобрѣтать земельную собственность и, давая примѣръ новой постановки сельскаго хозяйства, вынуждаютъ старыхъ собственниковъ также обратиться отъ рутинныхъ пріемовъ выжиманія прибавочнаго труда къ болѣе совершенной организаціи этого дѣла. Но въ послѣднемъ случаѣ передъ нами выступаетъ уже не просто крупный зе-

мельный собственникъ, а соединенный съ нимъ въ одномъ лицѣ капиталистическій земледѣльческій предприниматель. Слѣдовательно, эти явленія выводятъ насъ за предѣлы крѣпостного хозяйства или, какъ было въ континентальныхъ странахъ Европы, лежатъ на его крайней границѣ.

Инициатива техническихъ измѣненій не можетъ исходить и отъ барщиннаго крестьянина. Онъ приноситъ въ помѣщичье хозяйство не только свою рабочую силу, но, по большей части, и свой инвентарь, и свои пріемы труда, и всю не просто крестьянскую, но еще и барщинно-крестьянскую психологію. Слѣдовательно, тотъ мелочной и снабженный варварскими полномочіями контроль, которому обыкновенно подвергается барщинный трудъ, можетъ, вообще говоря, достигнуть только того, чтобы крестьянинъ въ единицу времени затрачивалъ на барскихъ поляхъ такое же количество труда, какъ на своей запашкѣ, и чтобы отношеніе къ силамъ природы не принимало еще болѣе хищническаго характера, чѣмъ въ собственномъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

До сихъ поръ мы останавливались на такихъ крестьянскихъ повинностяхъ и помѣщичьихъ привилегіяхъ, которыя болѣе или менѣе непосредственно связаны съ производительнымъ трудомъ въ крестьянскомъ или господскомъ хозяйствѣ: мы исходили изъ предположенія такого хозяйствованія, въ которое вносится наибольшая степень раціональности, доступная для данной системы экономическихъ отношеній. Расточеніе производительныхъ силъ оказывалось въ результатѣ даже такого хозяйствованія. Между тѣмъ для крѣпостной системы какъ разъ характерно, что она въ самой своей основѣ противорѣчитъ хозяйственной раціональности, и что технически и экономически цѣлесообразная постановка хозяйства не вытекаетъ изъ ея существа, а скорѣе представляетъ случайное исключеніе. Пока остается хоть какая-нибудь возможность расширять потребленіе, механически увеличивая эксплуатацію зависимаго крестьянства, производственный процессъ нисколько не интересуетъ помѣщика. Какъ чистый потребитель, онъ безъ всякихъ колебаній беретъ все, что только можно взять отъ помѣстья, вовсе не задумываясь надъ получающимся въ результатѣ разрушеніемъ производительныхъ силъ. Его исключительно потребительскій взглядъ на общественныя отношенія нашелъ яркое выраженіе въ извѣстномъ изреченіи Людовика XIV: „послѣ насъ хоть потопъ“, и, пожалуй, въ еще болѣе удачной формулѣ Фердинанда I австрійскаго: „на насъ съ Меттернихомъ еще хватитъ“.

Изъ господства потребительскаго міросозерцанія слѣдуетъ, что цѣлый рядъ помѣщичьихъ привилегій, которыя многимъ историкамъ представляются просто „эксцессами“ крѣпостного права, — настолько

нелѣпы онѣ съ точки зрѣнія капиталистической эпохи, — въ дѣйствительности были глубоко связаны съ самымъ существомъ крѣпостной системы. Помѣщикъ въ самый разгаръ страды отрывалъ крестьянъ отъ работъ, потому что ему требовались загонщики. Помѣщикъ воспрещалъ крестьянамъ бороться съ дичью, безпрепятственно истреблявшей поля, потому что охота — одно изъ благороднѣйшихъ развлеченій помѣщика. Можно бы привести огромный списокъ такихъ своеобразныхъ крестьянскихъ барщинъ и оброковъ, которые, разростаясь съ теченіемъ времени, иногда, напр. въ годы большого размноженія кроликовъ и голубей, превращались въ истинный бичъ для крѣпостныхъ. Особенно широкое развитіе получили они во Франціи,—вѣроятно, въ связи съ преобладаніемъ придворнаго дворянства, въ которомъ потребительскій типъ достигъ наибольшей выработанности. Но не малую роль играли они и въ другихъ странахъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ такого рода крестьянскія повинности—напр., обязанность предоставлять господскимъ кроликамъ и голубямъ прокормъ на крестьянскихъ поляхъ—служатъ основой для коммерческихъ операцій помѣщика. Несравненно чаще это хищническое расточеніе силъ природы и крестьянина своей единственной цѣлью имѣетъ непосредственное удовольствіе помѣщика.

Кромѣ тѣхъ повинностей, исполненія которыхъ требовалъ отъ крестьянина сеньеръ, превратившійся въ помѣщика, крѣпостной крестьянинъ отбывалъ цѣлый рядъ повинностей въ пользу сюзерена, превратившагося въ монарха: кромѣ непомѣрно разросшихся феодальныхъ повинностей, на него ложилась и главная тяжесть тѣхъ новыхъ поборовъ и службъ, которыми держится централизованное государство новаго времени. Останавливаться на перечнѣ этихъ повинностей нѣтъ надобности. Достаточно указать, что первоначальной ихъ формой были барщина и оброкъ, и что въ связи съ этимъ крѣпостное сословіе исторически было родоначальникомъ такъ называемыхъ „податныхъ сословій“ позднѣйшей эпохи.

Какъ барщинно-обязанное сословіе, оно обязано проводить и ремонтировать дороги, строить мосты, давать лошадей для проѣзжающаго начальства, снабжать лошадьми, возчиками и подводами военные обозы. На его же плечи ложится и своеобразная государственная барщина, которая, отрывая крестьянскихъ сыновей на цѣлую жизнь, превращаетъ эту жизнь въ сплошной барщинный трудъ: солдатчина, рекрутчина.

Какъ оброчно-обязанное сословіе, только крестьяне и несутъ всякіе, постоянные и экстраординарные сборы разныхъ названій,—всѣ эти государственныя десятины, тальи и т. д.; только у нихъ и располагаются солдаты постоемъ, который зачастую сопровождается такими же опустошеніями, какъ непріятельское нашествіе.

По мѣрѣ развитія мѣновыхъ отношеній, многія изъ этихъ натуральныхъ повинностей начинаютъ замѣняться денежными платежами, которые, естественно, главной тяжестью ложатся опять-таки на крестьянство. Помѣщичьи земли или совсѣмъ свободны отъ обложенія, или несутъ платежи въ такомъ размѣрѣ, какъ того хочетъ помѣщичье и духовное сословіе. Даже косвенные налоги (напр., на соль во Франціи) организуются такимъ образомъ, что потомки феодаловъ имѣютъ полную возможность уклоняться отъ нихъ, и всю сумму этихъ налоговъ должны доставить крестьяне. Словомъ, новыя потребности централизующагося государства удовлетворяются такимъ способомъ, что создаваемая имъ податная и налоговая система почти не затрогиваетъ прибавочной стоимости, извлекаемой помѣщикомъ изъ крестьянъ, и представляетъ простой, все растущій надбавокъ къ тому труду, который крѣпостные выполняютъ въ пользу помѣщиковъ *). Раньше мы видѣли, что развитіе крѣпостныхъ отношеній въ конечномъ счетѣ знаменовало—при медленно измѣнявшихся, почти застойныхъ техническихъ условіяхъ — удлиненіе рабочаго дня и пониженіе общаго уровня жизни крестьянъ. Теперь мы видимъ, что одновременное развитіе централизованнаго государства знаменовало дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи.

Для извлеченія прибавочной стоимости изъ крестьянства государство съ теченіемъ времени создаетъ болѣе или менѣе самостоятельный аппаратъ, который представляетъ комбинацію государственныхъ чиновниковъ, мѣстныхъ помѣщиковъ, получающихъ опредѣленныя полномочія отъ суверена, откупщиковъ, выборныхъ или назначаемыхъ деревенскихъ должностныхъ лицъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. во Франціи, появляются обширныя профессіональныя группы, которыя спеціализируются на завѣдываніи государственными повинностями и, получая свои доходы отъ исполненія этой функціи, создаютъ новыя повинности уже какъ источникъ своего прокормленія **). На этомъ пути крѣпостническое

*) Дворянство настолько срослось съ податными изъятіями и привилегіями, что всѣми средствами — и съ блестящимъ успѣхомъ—старается сохранить ихъ даже въ новѣйшее время. Однимъ изъ сравнительно мелкихъ, но очень характерныхъ примѣровъ могутъ служить колоссальныя недоимки государственныхъ и особенно земскихъ сборовъ, накопляемыя крупнѣйшими землевладѣльцами-аристократами. А такъ какъ земскія и государственныя потребности все возрастаютъ, то при составленіи смѣтъ эти регулярныя недоимки въ концѣ-концовъ неизбѣжно учитываются,—и платежи „податныхъ сословій", въ первую очередь крестьянства, соотвѣтственнымъ образомъ повышаются.

**) Быстрое развитіе такой бюрократіи начинается и у насъ съ конца XVI вѣка. Цѣлыя области отдавались въ „кормленіе" воеводамъ и проч., назначавшимся изъ боярства. Лѣтъ 30 тому назадъ въ нашей исторической литературѣ завязался курьезный споръ объ источникѣ стараго административнаго термина „кормленіе" Онъ

государство приходитъ къ такимъ парадоксамъ, когда выручка отъ налоговъ не покрываетъ издержекъ по взиманію ихъ. Налогъ здѣсь нисколько не увеличиваетъ государственныхъ рессурсовъ и превращается просто въ предлогъ для выжиманія изъ плательщиковъ прибавочной стоимости, цѣликомъ присвояемой взимателями налога. Эта организація устраняетъ тѣ границы удовлетворенію растущихъ потребностей, которыя кладутся для мелкихъ помѣщиковъ размѣрами ихъ имѣній. Государство крѣпостнической эпохи, возникшее въ конфликтѣ съ сеньерами, выступаетъ здѣсь какъ особая форма приспособленія феодальнаго сословія къ новымъ экономическимъ отношеніямъ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и въ особенности въ Россіи государство лишь очень поздно развило достаточно обширный бюрократическій аппаратъ со всепроникающими функціями. Помѣщикъ выступалъ здѣсь отчасти и въ роли государственнаго чиновника. Крестьянство вѣдалось съ государствомъ не въ образѣ чиновника, а въ образѣ все того же помѣщика. Онъ долженъ собрать съ крестьянъ всѣ государственные платежи, онъ отвѣчаетъ за всѣ недоимки, онъ поставляетъ назначенное число рекрутъ, онъ — глава мѣстной полиціи, и онъ же является единственнымъ судьей для крестьянъ даже въ дѣлахъ, въ которыхъ онъ—одна изъ сторонъ. Съ Екатерины II русскій помѣщикъ можетъ ссылать крестьянъ на поселеніе въ Сибирь, отправлять подъ предлогомъ простой дерзости въ сибирскую каторгу,—крестьянинъ, несмотря ни на что, лишенъ права жаловаться на помѣщика. Чрезвычайное расширеніе государственныхъ функцій помѣщика вполнѣ гармонируетъ съ тѣмъ, что въ соотвѣтственныхъ областяхъ крѣпостное право принимаетъ самыя суровыя формы. Оно доводитъ до полной выработанности то преобладаніе помѣщичьихъ интересовъ во всей государственной жизни, широкій базисъ которому кладется преимущественнымъ правомъ дворянства на всѣ важнѣйшія должности *).

остался нерѣшеннымъ. Изъ новѣйшихъ историковъ Павловъ-Сильванскій связываетъ „кормленіе“ съ „кормить“, т.-е. править, Ключевскій — съ „кормиться“, т.-е. извлекать „корма“, пропитаніе.

*) Русскіе историки обычно не видятъ, что принужденіе дворянъ къ государственной службѣ, — несомнѣнно, тягостное въ отдѣльныхъ случаяхъ, — для сословія, взятаго въ цѣломъ, было только особой формой сословной привилегіи. преимущественнаго права на всѣ доходныя и вліятельныя должности. Точно такъ же превращеніе помѣщика въ органъ государства служитъ для русскихъ историковъ дополнительнымъ подтвержденіемъ того взгляда, будто русское государство, закрѣпостившее всѣ сословія, „закрѣпостило“ и помѣщиковъ, превративъ ихъ въ свое „служилое сословіе“. Они не замѣчаютъ, что передача важныхъ государственныхъ функцій помѣщикамъ уже сама по себѣ раскрываетъ природу этого государства, какъ политической организаціи помѣщичьяго сословія.

Право помѣщика и государства на прибавочный трудъ крѣпостного принципіально такъ же безгранично, какъ эксплуатація раба его господиномъ. Но именно въ томъ, что отличаетъ крѣпостническія отношенія отъ рабовладѣльческихъ, лежитъ фактическая граница выжиманію прибавочной стоимости изъ крестьянина.

Рабовладѣльческое хозяйство, какъ мы видѣли, неспособно самовоспроизводиться: оно такъ быстро потребляетъ рабочія силы, что должно постоянно пополнять ихъ притокомъ извнѣ, и потому въ чистомъ видѣ существуетъ только до тѣхъ поръ, пока возможно дешево доставать извнѣ новыхъ рабовъ.

Напротивъ, крѣпостническія общества развиваются въ такой исторической обстановкѣ, что они не могутъ разсчитывать на сколько-нибудь постоянную и обильную добычу рабочихъ силъ извнѣ. Самовоспроизводство рабочей силы, т.-е. крестьянства,—необходимое экономическое условіе ихъ существованія. А такъ какъ крестьянство же составляетъ главную основу регулярнаго войска и почти единственный источникъ всѣхъ государственныхъ рессурсовъ, то его постоянное воспроизводство является и необходимымъ политическимъ условіемъ существованія крѣпостническихъ обществъ.

Въ этомъ—первоначальный и глубокій корень тѣхъ конфликтовъ между государствомъ и помѣщичьимъ сословіемъ, которые на извѣстной ступени развитія крѣпостного права наблюдаются во всѣхъ странахъ континента. Одинъ и тотъ же крестьянинъ является объектомъ и помѣщичьихъ, и государственныхъ повинностей; извлекаемый изъ него прибавочный трудъ служитъ главнымъ базисомъ существованія и каждаго индивидуальнаго помѣщика, и всего государства, организующаго и охраняющаго общія условія помѣщичьей эксплуатаціи; при застойности крѣпостнической техники усиленіе помѣщичьей эксплуатаціи очень быстро отражается на состояніи государственныхъ средствъ, а впослѣдствіи и на боевой готовности арміи. По всѣмъ этимъ причинамъ государство уже очень рано дѣлаетъ попытки вмѣшаться въ отношенія помѣщиковъ и крестьянъ: поставить хотя бы нѣкоторыя границы произволу помѣщиковъ, чтобы сохранить крестьянство, какъ объектъ возрастающаго государственнаго обложенія и натуральныхъ повинностей *).

*) Въ 1753 году, предлагая нѣкоторыя мѣры для огражденія крестьянства отъ чрезмѣрной помѣщичьей эксплуатаціи, гр Шуваловъ мотивируетъ ихъ тѣмъ соображеніемъ, что „главная государственная сила состоитъ въ народѣ, положенномъ на подушный окладъ". При Аннѣ I оберъ-прокуроръ сената выступаетъ противъ „безсовѣстныхъ" помѣщиковъ, которые, обременяя крестьянъ излишними работами и оброками, являются главными виновниками недоимокъ государственныхъ сборовъ. — И чѣмъ ближе возвращаемся мы къ эпохѣ Петра I, тѣмъ прозрачнѣе дѣлается по-

Такъ возникаютъ тѣ мѣры, совокупность которыхъ получила названіе „законодательства по охранѣ крестьянства“, онѣ начались во Франціи отчасти уже въ XV вѣкѣ, потомъ возобновились наканунѣ революціи; въ Австріи и Пруссіи получили сравнительно широкое развитіе въ XVIII вѣкѣ; въ Россіи не пошли дальше робкихъ зачатковъ при ближайшихъ преемникахъ Петра I, совершенно заглохли во второй половинѣ XVIII вѣка и возродились потомъ только въ послѣднія десятилѣтія передъ крестьянской реформой *).

Крѣпостной крестьянинъ можетъ отбывать государственныя повинности лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ведетъ собственное хозяйство,—дворовые обыкновенно освобождались отъ всякихъ повинностей,—т.-е. пока у него остается земельный надѣлъ, и пока онъ можетъ этотъ надѣлъ обрабатывать. Этимъ вполнѣ опредѣляется существо главныхъ мѣръ по охранѣ крестьянства: попытки установить максимальную величину помѣщичьей барщины, воспрещеніе сводить крестьянъ съ земли и продавать ихъ безъ земли,—словомъ, стремленіе сохранить и упрочить связь крестьянства съ землей. Такимъ образомъ уже изъ основныхъ потребностей самого крѣпостническаго общества, взятаго въ цѣломъ, вытекаютъ зародышевыя формы той либеральной программы, которая впослѣдствіи ложится въ основу освобожденія крестьянъ въ Германіи, Австріи и Россіи.

Законодательство по охранѣ крестьянъ, хотя бы оно первоначально задумывалось довольно широко, на практикѣ приводило къ ничтожнымъ результатамъ, если только съ самаго начала не было просто бумажнымъ законодательствомъ. У чисто помѣщичьяго государства, какимъ было оно въ эпоху расцвѣта крѣпостного права, не могло быть ни достаточно глубокихъ побужденій, ни силъ, ни средствъ для того, чтобы осуществить серьезныя ограниченія помѣщичьей эксплуатаціи **).

становка „крестьянскаго вопроса“. Такъ, при Екатеринѣ I въ верховномъ тайномъ совѣтѣ разсуждаютъ, что, если крестьяне будутъ и впредь такъ же разбѣгаться отъ притѣсненій помѣщиковъ, то скоро не съ кого будетъ брать ни податей, ни рекрутовъ. Замѣчательно ясно выражается въ своей запискѣ кн. Меншиковъ, сотрудникъ Петра I: если безъ арміи государству „стоять невозможно, то и о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе, потому что солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и если крестьянина не будетъ, то не будетъ и солдата“.

*) Всѣ эти попытки дали новую пищу тому крестьянскому „цезаризму“, о которомъ упоминалось выше. Но онѣ же послужили одной изъ главныхъ основъ представленій о „соціальной монархіи“, какъ внѣклассовой и надклассовой общественной силѣ, являющейся будто бы естественнымъ и неизмѣннымъ союзникомъ, защитникомъ и покровителемъ всѣхъ слабыхъ и эксплуатируемыхъ сословій и классовъ.

**) Пружины государственныхъ попеченій о крѣпостныхъ съ величайшей ясностью раскрываются въ русской исторіи. Эпоха Петра I была критическимъ мо-

Потребовалась довольно высокая ступень развитія буржуазнаго общества для того, чтобы личная власть помѣщика надъ крестьяниномъ смѣнилась безличной властью надъ нимъ государства, для того, чтобы совершилась ликвидація помѣщичьихъ оброковъ и барщинъ

Государство, проводившее такъ называемое освобожденіе крестьянъ, было непосредственнымъ преемникомъ чисто помѣщичьяго государства. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что крестьянская реформа диктуется такими же основными мотивами, какъ и чисто крѣпостническая охрана крестьянства стремленіе сохранить его, какъ податное сословіе по-преимуществу, какъ главный базисъ всего государственнаго аппарата. Съ этой цѣлью въ разныхъ странахъ проводятся различныя конкретныя мѣры. Въ Россіи онѣ отличались только наибольшей прозрачностью. При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ, согласно популярному выраженію, прикрѣплялся къ землѣ. Послѣ реформы земля, какъ главный объектъ обложенія и какъ необходимое условіе для отбыванія всевозможныхъ государственныхъ повинностей, прикрѣпляется къ реформированному крестьянину. Неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, отсутствіе залоговаго (подъ землю) права у крестьянства, отсутствіе права на вексельный кредитъ, круговая отвѣтственность всего крестьянскаго міра за недоимки, право отхода изъ деревни только съ разрѣшенія міра, право міра перекраивать отношенія землепользованія въ соотвѣтствіи съ исправностью и недоимочностью плательщиковъ,—всѣ эти и тому подобныя мѣры завершаютъ превращеніе крестьянства въ тяглое сословіе.

Раньше мы видѣли, что крѣпостное право было не только отрицаніемъ, но и утвержденіемъ феодализма: утвержденіемъ постольку,

---

ментомъ въ развитіи русскаго государства: борьба съ Швеціей поглотила десятки тысячъ крестьянъ и потребовала величайшаго напряженія всѣхъ силъ податныхъ сословій. Противорѣчіе между государственными и помѣщичьими требованіями, предъявляемыми къ крестьянству, бросалось въ глаза,—и, какъ упомянуто выше, цѣлый рядъ признаковъ указывалъ, что крестьянскій вопросъ скоро выступитъ какъ очередная практическая задача. — Къ половинѣ XVIII вѣка Россія становится великой державой. У нея нѣтъ такихъ сосѣдей, которые представляли бы серьезную угрозу для нея. Швеція падаетъ, Турціи приходится обороняться отъ Россіи, Пруссія только еще крѣпнетъ, но уже отвлекаетъ силы Австріи отъ Россіи. Въ результатѣ, въ полную противоположность первой четверти XVIII вѣка, — безпринципная, колеблющаяся, направляемая капризами внѣшняя политика, полная распущенность и развалъ внутренняго управленія, торжество случайныхъ бездарностей-фаворитовъ,—и забвеніе тѣхъ мѣръ по „охранѣ крестьянства“, которыя намѣчались въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка, и полное самодержавіе помѣщиковъ, которому одинаково содѣйствуютъ и Петръ III, и свергшая его Екатерина II. — Послѣ всего предыдущаго ясно, почему новая эпоха государственныхъ заботъ о крестьянахъ открывается у насъ Севастополемъ, какъ въ Пруссіи—Іеной и Ауэрштедтомъ.

поскольку оно было особой формой приспособленія феодаловъ къ новымъ экономическимъ отношеніямъ. Теперь мы видимъ, что крестьянская реформа, какъ она осуществлялась въ различныхъ странахъ континента (за исключеніемъ Франціи, гдѣ уничтоженіе крѣпостного права осуществилось не какъ реформа, а какъ революція), была одновременно и частичнымъ отрицаніемъ, и частичнымъ утвержденіемъ крѣпостническихъ отношеній.

Впослѣдствіи, когда мы будемъ говорить о паденіи крѣпостного права, для насъ станетъ еще яснѣе, что исторія крѣпостническаго общества не заканчивается крестьянской реформой, и что изученіе этой общественной формы представляетъ далеко не одинъ историческій интересъ.

5. Эволюція ренты.

Крѣпостныя отношенія сохранялись въ европейской деревнѣ въ теченіе 2—3 столѣтій. Техника земледѣльческаго производства измѣнялась съ большой медленностью, но въ области торговли и промышленнаго производства совершались глубокія, а подъ конецъ изучаемаго періода и быстрыя измѣненія, которыя неизбѣжно воздѣйствовали также на деревенскія отношенія.

Прибавочный трудъ, извлекаемый помѣщикомъ изъ земледѣльцевъ, какъ и въ феодальный періодъ, принимаетъ форму ренты, т.-е платы за пользованіе землей. Но по мѣрѣ того, какъ общій экономическій строй той или иной страны или области развивается,—измѣняются господствующіе способы извлеченія этого прибавочнаго труда, измѣняется вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренній экономическій характеръ доходовъ помѣщика.

Наиболѣе типичнымъ способомъ извлеченія прибавочной стоимости изъ зависимаго крестьянина является принужденіе къ барщинному труду. Онъ получаетъ широкое распространеніе тамъ и тогда, гдѣ и когда земледѣлію принадлежитъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими отраслями производства: въ первоначальный періодъ крѣпостныхъ отношеній и въ сравнительно отсталыхъ областяхъ. Общій уровень производительности труда тутъ не высокъ не только въ земледѣліи, но и въ другихъ отрасляхъ производства. Подавляющая масса населенія кормится непосредственно отъ земледѣлія. Господствующей, всепоглощающей формой прибавочнаго труда является тогда прибавочный трудъ земледѣльца, и первичной, основной формой нетрудового дохода служитъ именно рента. Такъ какъ она извлекается непосредственно въ формѣ крестьянскаго труда, работы, то ее называютъ отработочной

рентой (Arbeitsrente), когда она доставляется свободнымъ крестьяниномъ, и барщиной,—когда она доставляется крѣпостнымъ.

Все рабочее время, какое остается у крестьянина за производствомъ необходимыхъ средствъ существованія для себя и семьи, поглощается барщиной. Это, въ связи съ низкой общей производительностью труда, приводитъ къ тому, что всѣ деревенскія отношенія, разъ установившись, изъ поколѣнія въ поколѣніе воспроизводятся въ неизмѣнномъ видѣ: отдавая весь прибавочный трудъ помѣщику (или государству), крестьянство иногда на протяженіи вѣковъ, какъ было въ Индостанѣ, сохраняетъ одинъ и тотъ же уровень жизни и не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ разслоенія. Здѣсь нѣтъ побужденій къ повышенію производительности труда, да нѣтъ и средствъ для этого, такъ какъ у крестьянина остаются только продукты, безусловно необходимые для текущаго потребленія. Такимъ образомъ, связанная при своемъ возникновеніи съ низкой производительностью общественнаго труда, отработочная рента въ свою очередь закрѣпляетъ застойность техническихъ отношеній.

Повторяясь въ одномъ и томъ же видѣ, деревенскія отношенія пріобрѣтаютъ величайшую устойчивость и, наконецъ, фиксируются какъ одинъ изъ элементовъ обычнаго права. Напр., 2 дня барщины въ недѣлю становятся крайнимъ предѣломъ, дальше котораго не должны заходить требованія помѣщика; остальные 4 дня — неприкосновенное достояніе земледѣльца. Крѣпостные крестьяне фактически превращаются въ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Если послѣ того, какъ данное отношеніе упрочилось, вся экономическая обстановка измѣняется—расширяется рынокъ для земледѣльческихъ продуктовъ, развиваются подсобные внѣземледѣльческіе промыслы и т. д.,—то этихъ 4 дней будетъ достаточно уже не только для удовлетворенія необходимыхъ потребностей крестьянина, но у него будетъ оставаться и нѣкоторый избытокъ. Тогда отработочная рента перестаетъ быть тормозомъ для развитія экономическихъ отношеній въ деревнѣ, но тогда помѣщикъ обычно начинаетъ борьбу за ниспроверженіе установившагося, традиціоннаго строя, и въ большинствѣ случаевъ эта борьба заканчивается полной побѣдой помѣщика: барщина или удлиняется соотвѣтственно повышенію общей производительности труда, или уступаетъ мѣсто слѣдующей формѣ ренты, или дополняется ею.

Эта дальнѣйшая форма ренты—рента продуктами (Produktenrente, натуральная рента), которая въ эпоху крѣпостного права принимаетъ специфическую форму оброка. Логически и исторически она соотвѣтствуетъ болѣе высокой ступени въ развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, чѣмъ предыдущая форма. Одной изъ эле-

ментарнѣйшихъ ея предпосылокъ является такое развитіе деревенскихъ подсобныхъ промысловъ, что продукты ихъ становятся видной статьей потребленія помѣщика или находятъ на рынкѣ постоянный и обезпеченный сбытъ *). Слѣдовательно, наибольшее распространеніе она получаетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ крѣпостной Россіи, въ Индостанѣ или въ Персіи, ремесло лишь недостаточно обособилось отъ деревни, и ремесленники не развились въ самостоятельный общественный классъ. Напротивъ, развитіе самостоятельной городской промышленности суживаетъ сферу ренты продуктами и способствуетъ, какъ мы скоро увидимъ, смѣнѣ ея денежной рентой. Господство ренты продуктами въ ея чистомъ видѣ предполагаетъ, что, хотя общій строй деревенскихъ отношеній все еще остается натурально-хозяйственнымъ, видную роль наряду съ земледѣліемъ начинаетъ играть подсобная промышленная дѣятельность.

Прибавочный трудъ крестьянъ присваивается здѣсь помѣщиками не въ его непосредственной формѣ, какъ при барщинѣ, а въ видѣ продуктовъ земледѣльческаго и промышленнаго производства (на болѣе высокой ступени экономическаго развитія—исключительно промышленнаго производства). Рабочая сила крестьянина формально цѣликомъ принадлежитъ его собственному производству, помѣщикъ получаетъ прибавочный трудъ крѣпостного уже овеществленнымъ въ продуктахъ. Благодаря этому рента продуктами, соотвѣтствуя болѣе высокой ступени въ развитіи общества, въ свою очередь характеризуется относительно бо̀льшей эластичностью и оставляетъ извѣстный просторъ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ.

Прежде всего, оброчный крестьянинъ выполняетъ работу уже не подъ прямымъ принужденіемъ, не подъ угрозою плети, какъ барщинный крѣпостной, не отличающійся въ этомъ отношеніи отъ раба. По внѣшности онъ свободно располагаетъ своимъ временемъ, и все оно цѣликомъ принадлежитъ его собственному производительному хозяйству. Трудъ его интенсивнѣе, отношеніе къ землѣ бережнѣе, обработка тщательнѣе,—вся его психика иная, чѣмъ у раба. Конечно, при общемъ повышеніи производительности труда помѣщикъ былъ бы готовъ повысить оброкъ и оставить крестьянину только то, что безусловно необходимо для поддержанія жизни. Но, во-первыхъ, это не такъ легко, какъ въ случаѣ съ повышеніемъ барщины, и, во-вторыхъ, въ концѣ-концовъ и для помѣщика невыгодно убивать у крестьянина надежду на возможность выбиться изъ нужды. Слѣдовательно, при рентѣ продук-

*) Съ расширеніемъ сбыта эта форма ренты неизбѣжно уступаетъ мѣсто слѣдующей формѣ.

тами извѣстная доля прибавочнаго продукта можетъ оставаться—и дѣйствительно остается—у отдѣльныхъ крестьянъ. Въ деревнѣ начинается замѣтный процессъ разслоенія. Появляются зажиточныя семьи, которыя лишь отчасти занимаются земледѣліемъ и все шире развиваютъ промышленное производство, торговыя и ростовщическія операціи. Появляются крѣпостные крестьяне-арендаторы, предшественники капиталистическихъ арендаторовъ, примѣняющіе наемный трудъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Оброчные крѣпостные для своего собственнаго самосознанія—вполнѣ свободные, самостоятельные хозяева; только въ исключительныхъ случаяхъ крѣпостная дѣйствительность мучительно напоминаетъ имъ о себѣ актами произвола, которые иногда въ нѣсколько дней уничтожаютъ всѣ результаты труда трехъ-четырехъ поколѣній.

Чѣмъ большее значеніе для крестьянской семьи пріобрѣтаетъ промышленное производство, чѣмъ бо́льшую долю оброковъ составляютъ промышленные продукты, тѣмъ болѣе крестьянскіе платежи помѣщику, сохраняя внѣшнюю форму ренты, перестаютъ быть рентой въ экономическомъ значеніи этого слова. Формально оброкъ взимается по-прежнему за надѣлъ, за усадебную землю крестьянина, за пользованіе выгономъ и лѣсами, изъ которыхъ онъ, быть можетъ, получаетъ необходимые матеріалы для своего промышленнаго производства. Но фактически источникомъ этого оброка является уже не право собственности на землю, или не одно оно, а также и личная зависимость крѣпостного крестьянина. Въ составъ оброка входитъ уже не только собственно рента: онъ увеличивается за счетъ и той части прибавочной стоимости, которая составила бы прибыль свободнаго промышленнаго предпринимателя. Мало того: при извѣстныхъ обстоятельствахъ повышеніе оброка достигается пониженіемъ уровня жизни непосредственнаго производителя,—т.-е. урѣзываніемъ той доли продукта, которая составила бы заработную плату свободнаго наемнаго рабочаго. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи рента продуктами представляетъ большую эластичность: она позволяетъ помѣщику использовать развитіе такихъ отраслей производства, которыя чисто внѣшне связаны съ деревней, не имѣютъ никакого отношенія къ земельной собственности. Посредствомъ ренты продуктами крѣпостная эксплуатація начинаетъ протягивать свои щупальцы за предѣлы деревни.

Судьбы ренты продуктами неотдѣлимы отъ развитія общества, взятаго въ цѣломъ. Если развитіе мѣновыхъ отношеній, достигнувъ извѣстнаго уровня, останавливается,—останавливается и движеніе деревенской промышленности къ высшимъ формамъ. Пропорціи, въ которыхъ продуктъ распредѣляется между помѣщиками (или государствомъ) и крестьянами, повторяются изъ поколѣнія въ поколѣніе, застываютъ,

откристаллизовываются, какъ нормы обычнаго права, и становятся базисомъ такихъ застойныхъ общественныхъ формъ, какія наблюдаются въ нѣкоторыхъ областяхъ Индостана, Китая, Персіи, Турціи, а въ свое время складывались кое-гдѣ и въ Европѣ. Напротивъ, при дальнѣйшемъ развитіи внѣдеревенскихъ отношеній рента продуктами смѣняется денежной рентой, которая при наличности крѣпостного права является денежнымъ оброкомъ.

Отличіе этой формы отъ предыдущей заключается въ томъ, что помѣщикъ получаетъ здѣсь не продукты, а ту сумму денегъ, которая выручена крѣпостнымъ отъ ихъ продажи. Слѣдовательно, эта форма предполагаетъ не просто бо̀льшее развитіе мѣновыхъ отношеній, но уже и довольно высокую ступень промышленнаго развитія: отдѣленіе промышленности отъ земледѣлія и города отъ деревни. Обмѣнъ уже настолько пронизываетъ все общество, что пробиваетъ брешь въ натурально-хозяйственныхъ отношеніяхъ крестьянина: часть продуктовъ съ самаго начала производится для продажи, какъ товаръ. Уже не только усадьба, но и деревня утрачиваетъ свою феодальную обособленность, свою экономическую отрѣшенность отъ внѣшняго міра.

Эластичность этой формы еще выше, чѣмъ ренты продуктами. Обязанная своимъ появленіямъ болѣе высокому уровню экономическаго развитія, она представляетъ послѣдній шагъ отъ общественныхъ отношеній крѣпостнической эпохи къ пореформеннымъ общественнымъ отношеніямъ. Переходъ къ оброчнымъ, въ особенности къ денежно-оброчнымъ отношеніямъ повсюду былъ однимъ изъ предвѣстниковъ приближающейся крестьянской реформы *).

Уже въ рентѣ продуктами крѣпостническая эксплуатація изъ земледѣльческой сферы выходитъ въ сферу промышленности. Денежная рента, какъ несравненно болѣе эластичная форма, даетъ возможность помѣщику обложить данью всякій дальнѣйшій шагъ общественнаго развитія, всякое новое завоеваніе общественнаго труда, — всякую новую профессіональную группу, которая появляется въ ходѣ общественнаго развитія.

Разумѣется, денежная рента возможна и въ такихъ областяхъ, гдѣ земледѣлію принадлежитъ подавляющій перевѣсъ надъ промышленностью. Но, во-первыхъ, и здѣсь предпосылкой ея остается довольно

*) Уже Пушкинъ говоритъ объ Онѣгинѣ: „Яремъ онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ“. Наканунѣ реформы переводъ крестьянъ на оброкъ становится необходимымъ признакомъ „прогрессивности“ и „гуманности“ помѣщика. Даже экономисты до недавняго времени не находили иныхъ объясненій этимъ явленіямъ, кромѣ „общаго прогресса просвѣщенія“ и личнаго добросердечія отдѣльныхъ помѣщиковъ.

высокій уровень общаго промышленнаго развитія страны; во-вторыхъ, ея характерныя особенности наиболѣе ярко выступаютъ все же въ промышленныхъ областяхъ, которыя были ея первоначальной родиной. въ нѣкоторыхъ частяхъ Богеміи и Силезіи, въ Костромской, Нижегородской, Ярославской губерніяхъ, — вообще въ центральномъ промышленномъ районѣ Россіи *).

Денежная рента въ связи съ развитіемъ промышленности нигдѣ и никогда не получала на Западѣ столь широкаго распространенія, какъ въ центральныхъ русскихъ губерніяхъ: въ западно-европейскихъ странахъ крѣпостное право пало раньше, чѣмъ какая-либо область достигла такого высокаго уровня промышленнаго развитія, какъ эти губерніи Россіи наканунѣ 1861 года.

Денежная рента, опять-таки подобно рентѣ продуктами, первоначально взимается за то, что крестьянская семья владѣетъ надѣломъ, усадьбой, пользуется общинными угодьями. Но съ теченіемъ времени она все болѣе отрѣшается отъ непосредственной связи съ поземельными отношеніями, все болѣе становится просто использованіемъ исторически-сохранившейся власти помѣщика надъ крѣпостными крестьянами. Однако и такое повышеніе ренты, вытекающее изъ всей совокупности общественнаго развитія, въ концѣ-концовъ учитывается въ цѣнѣ имѣній: такъ какъ крѣпостной, изъ котораго выжимается прибавочная стоимость новыми способами, составляетъ просто придатокъ къ землѣ, ея неотдѣлимую принадлежность, то и обратно: изъ чего бы ни вытекала возможность усиленной эксплуатаціи крѣпостного крестьянина, она повышаетъ цѣну соотвѣтствующей земли.

Въ Московской и Владимірской, Нижегородской, Ярославской и Костромской губерніяхъ появляются обширныя крѣпостныя селенія, цѣлыя волости, въ которыхъ земледѣліе превращается въ подсобный промыселъ, второстепенный придатокъ къ внѣземледѣльческимъ заня-

---

*) Переводъ крестьянъ на оброкъ выразился въ относительномъ сокращеніи количества барщинныхъ крестьянъ въ промышленныхъ губерніяхъ, мѣстами, какъ въ Ярославской губ, почти въ полномъ исчезновеніи барщины. Вотъ нѣкоторыя цифры Въ Московской губерніи число барщинныхъ крѣпостныхъ съ 64% въ XVIII вѣкѣ упало до 32% къ половинѣ XIX вѣка, во Владимірской съ 50% до 30%, въ Ярославской съ 22% до 12½%. Напротивъ, въ земледѣльческихъ губерніяхъ за тотъ же промежутокъ времени количество барщинныхъ крестьянъ или сокращается очень медленно, или даже увеличивается: въ Курской губ. 92% въ XVIII вѣкѣ—и 75½% къ половинѣ прошлаго вѣка, въ Тамбовской 78%—и 78%, въ Пензенской 48%—и 75%

Быстрое увеличеніе числа дворовыхъ крестьянъ въ центральныхъ губерніяхъ тоже связано съ развитіемъ промышленности. Крестьяне фактически обезземеливаются, отпускаются на заработки и связываются съ помѣщикомъ только обязательствомъ регулярно высылать оброкъ.

тіямъ. Главныя рабочія силы крестьянской семьи заняты въ промышленности, въ торговлѣ и въ тѣхъ все расширяющихся профессіяхъ, первоначальнымъ корнемъ которыхъ были всевозможныя личныя службы (домашняя прислуга, а также лакеи, повара въ общественныхъ учрежденіяхъ и т. под.). Многихъ изъ нихъ новыя экономическія отношенія безповоротно оторвали отъ деревни. Но деревня въ образѣ помѣщика неизмѣнно напоминаетъ имъ о своей власти. она требуетъ оброка и постоянно повышаетъ оброкъ.

Извѣстны тѣ трагедіи, которыя разражались въ жизни артистовъ, художниковъ, литераторовъ и т. д. изъ крѣпостныхъ, когда суровая крѣпостная дѣйствительность вдругъ налагала на нихъ свою безпощадную руку. Но для политической экономіи наибольшій интересъ представляютъ не эти явленія, все же эпизодическія, а широкое, общее, длительное и постоянное вліяніе крѣпостного права на развитіе экономическихъ отношеній.

Денежная рента настолько гибкая форма, что она не исключала возможности и для нѣкоторыхъ крѣпостныхъ превратиться въ довольно крупныхъ купцовъ, въ мануфактуристовъ и фабрикантовъ съ достаточно широкими оборотами. И во всякомъ случаѣ при ея господствѣ изъ крѣпостного крестьянства промышленныхъ областей выдѣляется особый слой, который по всему строю своего экономическаго бытія представляетъ переходную ступень отъ мелкой буржуазіи къ собственно буржуазіи: тотъ слой, доходы котораго составляются не только изъ собственнаго заработка, но также и отъ эксплуатаціи чужого труда. Представители этого слоя еще и сами, какъ рядовые рабочіе, принимаютъ участіе въ своихъ предпріятіяхъ, но предпріятія эти организуются ими уже не изъ-за такого заработка, а изъ-за прибыли.

Помѣщикъ учитываетъ экономическое преуспѣяніе своихъ крѣпостныхъ, соотвѣтствующимъ образомъ повышая оброкъ. Доходы съ имѣнія, оставаясь по своей внѣшней формѣ рентой, повышаются урѣзываніемъ прибыли крѣпостного предпринимателя. Такимъ образомъ и здѣсь—въ противоположность, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, капиталистическому обществу — рента остается господствующей, стремящейся все поглотить и все опредѣляющей формой дохода. Прибыль крѣпостного предпринимателя — это тотъ избытокъ прибавочной стоимости, выжатой изъ наемныхъ рабочихъ, который остается послѣ уплаты оброка помѣщику. Не рента представляетъ здѣсь избытокъ надъ прибылью, какъ при развитыхъ капиталистическихъ отношеніяхъ, а прибыль является тѣмъ избыткомъ надъ рентой, который помѣщикъ оставляетъ предпринимателю. Это лишь экономическое выраженіе того соціальнаго факта, что въ крѣпостническомъ обществѣ господство при-

надлежитъ не классу капиталистическихъ предпринимателей, а помѣщикамъ.

Но крестьяне-предприниматели, хотя бы и мелко-буржуазнаго типа, все же не были заурядным явленіемъ даже въ такихъ деревняхъ, какъ Шуя или Павлово, Кимры или Тейково. Несравненно болѣе широкій базисъ для увеличенія денежной ренты представляли крѣпостные кустари, мануфактурные и фабричные рабочіе и крестьяне, регулярно отправляющіеся на отхожіе промыслы, которые все болѣе развивались.

Конкретныя формы, въ которыхъ помѣщикъ урѣзываніемъ заработной платы увеличивалъ свою ренту, очень разнообразны. Иногда предприниматель прямо нанималъ рабочихъ у помѣщика и оставлялъ у него значительную долю условленной платы; иногда самъ помѣщикъ становился предпринимателемъ и примѣнялъ на своей фабрикѣ трудъ крѣпостныхъ, которымъ платилъ только для поощренія. Но одинаковые результаты получались и въ томъ случаѣ—повидимому, наиболѣе распространенномъ,—когда помѣщикъ промышленныхъ областей просто увеличивалъ свои оброчныя требованія. При невозможности удовлетворять ихъ выручкой отъ земледѣлія, каждое повышеніе оброка было прямымъ принужденіемъ къ промышленному труду: къ кустарнымъ и отхожимъ промысламъ, къ найму на фабрику. Въ этомъ отношеніи денежная рента отличается отъ ренты продуктами только интенсивностью дѣйствія.

Постоянное уменьшеніе заработковъ ниже того уровня, при которомъ свободный рабочій могъ бы поддерживать свое существованіе, на первый взглядъ представляется невозможнымъ. Въ дѣйствительности оно осуществлялось въ теченіе многихъ десятилѣтій. Такъ какъ повышающіяся требованія предъявлялись цѣлой крестьянской семьѣ, то они были принужденіемъ къ усиленному использованію всѣхъ возможныхъ силъ этой семьи. Сфера женскаго труда расширяется, начинаетъ примѣняться дѣтскій трудъ,—фактически для того, чтобы семья могла уплатить всю сумму оброка. Крестьянинъ только на страдную пору приходитъ въ деревню: всю зиму, а иногда и лѣто онъ проводитъ въ городѣ, чтобы, съ одной стороны, избавить семью отъ лишняго „ѣдока“, а съ другой—помочь ей долею своего заработка. Слѣдовательно, и заработная плата подчиняется здѣсь движенію ренты,—опредѣляется, какъ та величина, которая остается по уплатѣ оброка.

Несомнѣнно однако, что такое усиленное выжиманіе прибавочнаго труда изъ крестьянской семьи, перейдя за извѣстныя границы, должно было привести—и дѣйствительно приводило—къ упадку и захиленію крестьянства: сельскохозяйственный инвентарь ухудшается, такъ какъ

нѣтъ возможности возобновлять его, сокращается количество скота, падаетъ его качество, почва истощается, потому что съ нея приходится безвозвратно брать все больше и больше, начинается вырожденіе деревенскаго населенія,—и все это потому, что потребности помѣщика неудержимо растутъ. Слишкомъ элементарныя соображенія, которыя заставляютъ съ извѣстной бережностью относиться къ крѣпостнымъ предпринимательскаго типа, отпадаютъ, когда дѣло идетъ о рядовомъ крестьянствѣ. Необходимость самовоспроизводства крестьянства оказывается здѣсь слишкомъ отдаленнымъ и потому практически мало дѣйствительнымъ предѣломъ эксплуатаціи. За послѣднія 20 лѣтъ передъ реформой приростъ крѣпостного населенія въ Россіи совсѣмъ прекратился.

Крестьянская реформа, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, на долгое время закрѣпила эти отношенія въ выкупныхъ платежахъ, въ высокой арендной платѣ, въ цѣнѣ земли, въ крестьянскомъ малоземельѣ, въ круговой порукѣ, во всемъ сословномъ строѣ крестьянства. У землевладѣльца-крестьянина по-прежнему отбирается не только рента въ экономическомъ значеніи этого слова, но фактически урѣзывается и та часть производимыхъ имъ стоимостей, которая при развитыхъ капиталистическихъ отношеніяхъ составила бы заработную плату батрака или прибыль земледѣльческаго предпринимателя. У крестьянина-арендатора отъ земледѣльческаго и промышленнаго труда всей семьи оставляется только такое количество стоимостей, которое лишь въ благопріятные годы достаточно для жалкаго прозябанія. Крестьянская аренда и въ пореформенную эпоху остается по-преимуществу кабальной арендой и превращается въ одно изъ наиболѣе существенныхъ препятствій развитію капиталистическихъ отношеній въ земледѣліи *).

По уничтоженіи крѣпостной зависимости, у помѣщика исчезаетъ возможность внѣшняго, внѣэкономическаго принужденія земледѣльцевъ къ труду. Общественныя отношенія въ земледѣліи перестраиваются по подобію отношеній въ промышленности, которая въ рядѣ переходныхъ формъ все болѣе становится капиталистической по своему строю. Круп-

*) П. П. Масловъ трактуетъ соотвѣтствующія отношенія подъ рубрикой „продовольственная рента“. Но онъ дѣлаетъ тамъ слѣдующее заявленіе. „Анализа продовольственной ренты и противопоставленія ея капиталистической рентѣ въ экономической наукѣ никто не дѣлалъ“ („Аграрный вопросъ въ Россіи“, т. I, изд. 1908 г., стр. XIII. Сравн. также т. II, стр. VIII, гдѣ Масловъ оберегаетъ свои „авторскія права“ на открытіе ренты, отличной отъ капиталистической). Масловъ страннымъ образомъ совершенно не замѣтилъ 47 главы въ томѣ III и „Капитала“, гдѣ докапиталистическія формы ренты трактуются несравненно строже, шире, глубже и яснѣе.— В. Ильинъ уже въ „Развитіи капитализма въ Россіи“ (1899 г. Главы II и III) далъ обстоятельный анализъ крестьянской кабальной аренды въ отличіе ея отъ капиталистической.

ная земельная собственность, неотдѣлимая въ крѣпостную эпоху отъ личной зависимости непосредственнаго производителя, все болѣе подчиняется и измѣняется капиталистическими отношеніями. Право собственности на землю выступаетъ, наконецъ, какъ единственное основаніе экономической власти земельнаго собственника надъ формально-свободнымъ арендаторомъ. Хотя условія и формы крестьянской аренды— отработочная, издольная и проч., — являются прямымъ продолженіемъ дореформенныхъ, крѣпостническихъ формъ или представляютъ сложную комбинацію простѣйшихъ дореформенныхъ типовъ, мелкій арендаторъ во всякомъ случаѣ юридически свободенъ, онъ связывается съ собственникомъ чисто договорными отношеніями. Въ крѣпостную эпоху, какъ и въ эпоху рабства, власть человѣка надъ человѣкомъ осуществлялась непосредственно. Въ арендныхъ отношеніяхъ, осуществляясь при содѣйствіи земельной собственности, эта власть замаскировывается. Это какъ будто не власть человѣка надъ человѣкомъ, а во-первыхъ, власть человѣка надъ мертвою вещью—собственника надъ землей—и, во-вторыхъ, власть мертвой вещи надъ человѣкомъ, — собственности надъ земледѣльцемъ.

Но какъ бы различны ни были условія образованія докапиталистической и капиталистической ренты, она и въ томъ, и въ другомъ случаѣ является налогомъ на общественное развитіе, совершающееся безъ всякаго содѣйствія земельнаго собственника, какъ такового.

* * *

При возникновеніи крѣпостныхъ отношеній сеньеръ еще сохранялъ многія черты отъ феодальной эпохи. Натурально-хозяйственный строй еще былъ господствующимъ въ деревнѣ, непосредственное потребленіе еще оставалось главной цѣлью хозяйствованія, подавляющая масса продуктовъ еще производилась какъ потребительныя стоимости. Къ концу крѣпостническаго періода помѣстье все болѣе превращается въ торгово-промышленное предпріятіе, помѣщикъ все больше развивается въ предпринимателя, который утилизируетъ старыя привилегіи и создаетъ новыя, поддерживаетъ старыя отрасли производства и вводитъ новыя просто какъ торговыя статьи, — какъ средство расширить свое присвоеніе стоимостей *).

*) Это обнаруживается, между прочимъ, въ такихъ явленіяхъ, какъ обязанность крестьянъ покупать извѣстные товары только у помѣщика и продавать избытки своего производства только помѣщику же —Кнаппъ правильно отмѣчаетъ, что, чѣмъ больше нажива становится цѣлью хозяйствованія помѣщика, тѣмъ сильнѣе помѣщикъ презираетъ горожанина и кушца, и чѣмъ болѣе приближается къ нимъ внутренно, тѣмъ щепетильнѣе старается внѣшне отгородиться отъ нихъ.

На этомъ основаніи нѣкоторые историки экономическаго развитія находятъ, что капиталистическій способъ производства раньше всего возникъ въ земледѣліи, и что помѣстье было первоначальной формой капиталистическаго предпріятія. Но они упускаютъ изъ вида два существенныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, основой помѣщичьяго хозяйства былъ внѣшне, юридически принудительный трудъ. Во-вторыхъ, если оставить въ сторонѣ отдѣльныя исключенія и взять хозяйствованіе помѣщичьяго сословія въ цѣломъ, то окажется, что производство и присвоеніе стоимостей не было здѣсь самоцѣлью, какъ въ капиталистическомъ предпріятіи. Стоимости присваивались здѣсь не для того, чтобы накоплять ихъ въ абстрактной денежной формѣ, а потомъ опять пускать въ оборотъ для дальнѣйшаго накопленія: стоимости превращались въ деньги обычно только для того, чтобы на эти деньги въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени купить предметы личнаго потребленія помѣщика. Конечно, встрѣчались такіе помѣщики, которые даже непреднамѣренно, автоматически—такъ громадны были ихъ имѣнія и доходы—накопляли колоссальныя денежныя состоянія, или которые вносили въ свою дѣятельность городскіе принципы и сознательно стремились къ накопленію. Но въ общемъ потребленіе остается основной цѣлью хозяйства въ помѣстьѣ,—только потребленіе перестаетъ быть непосредственнымъ, обмѣнъ становится его необходимымъ звеномъ.

Такимъ образомъ, помѣстье—еще не капиталистическое предпріятіе, а лишь переходное звено къ капиталистическому предпріятію. Даже уничтоженіемъ личной зависимости крестьянъ, какъ слѣдуетъ изъ предыдущаго, осуществлялось только одно изъ необходимыхъ условій для дѣйствительнаго перехода къ капиталистическому земледѣлію. Капиталистическій способъ производства и въ пореформенную эпоху распространяется въ земледѣліи лишь по мѣрѣ того, какъ появляется новый, капиталистическій фермеръ-предприниматель, или же земельная собственность отъ сословія феодальныхъ потомковъ переходитъ къ новому, буржуазному классу.

Крѣпостная эпоха оставила длительное наслѣдіе: оставила частную земельную собственность, которая служитъ опорой для частнаго, чисто потребительскаго присвоенія значительной доли матеріальныхъ результатовъ развитія общественныхъ производительныхъ силъ; и надолго закрѣпила землю за классомъ, неспособнымъ оказать хотя бы такое содѣйствіе развитію этихъ силъ, какое оказываетъ капиталистическій предприниматель.

Въ этомъ наслѣдіи — одинъ изъ главныхъ корней относительной отсталости современнаго европейскаго земледѣлія по сравненію съ промышленностью.

VI. РЕМЕСЛЕННЫЙ СТРОЙ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

1. Техника ремесленной эпохи.

Къ концу перваго тысячелѣтія по Р. Х. европейскія народности болѣе или менѣе прочно осаживаются на занятыхъ ими территоріяхъ. Старинное заимочное и захватное земледѣліе смѣняется болѣе устойчивой, осѣдлой и интенсивной трехпольной системой.

Выше уже было показано, какими послѣдствіями сопровождался такой переходъ. Во-первыхъ, прежнія, очень узкія границы для роста населенія стали значительно шире: территорія опредѣленныхъ размѣровъ при трехпольѣ даетъ пропитаніе несравненно большему числу людей, чѣмъ при заимочной переложной системѣ. Во-вторыхъ, производительность земледѣльческаго труда сильно повысилась. При экстенсивныхъ системахъ огромная доля продукта, добываемаго земледѣльцемъ, была безусловно необходима для существованія его самого и семьи. Прибавочный продуктъ былъ не великъ. Слѣдовательно, подавляющая часть населенія должна была затрачивать свой трудъ непосредственно на добываніе пищи. По переходѣ къ трехполью сокращается необходимое время, т.-е. та часть рабочаго времени, въ теченіе которой производятся продукты, необходимые для существованія самого земледѣльца. Увеличивается прибавочное время,—т.-е. избытокъ всего рабочаго времени надъ его необходимой частью,—увеличивается масса прибавочнаго продукта: расширяется тотъ основной фондъ, на который могутъ существовать другія профессіональныя группы, кромѣ непосредственныхъ земледѣльцевъ. Такимъ образомъ повышеніе производительности земледѣльческаго труда приводитъ къ возможности появленія и расширенія внѣземледѣльческихъ профессій и сословій и къ возможности обособленія ихъ отъ земледѣльческихъ группъ: прибавочный продуктъ деревни во всѣ времена служитъ первоначальнымъ базисомъ развитія города.

Обособленіе внѣземледѣльческихъ профессій въ свою очередь становится необходимымъ условіемъ увеличенія массы прибавочнаго про-

дукта въ деревнѣ. Наиболѣе полная утилизація земли предполагаетъ, что особыя профессіональныя группы все свое рабочее время посвящаютъ производству усовершенствованныхъ орудій или отдѣльныхъ частей къ нимъ. Наиболѣе полное использованіе земледѣльческихъ продуктовъ достигается такимъ образомъ, что еще другія профессіональныя группы занимаются исключительно операціями, окончательно подготовляющими продуктъ къ потребленію, каковы размолъ, выпечка, винодѣліе, пивовареніе, кожевенное производство и т. д. Уже въ феодальной деревнѣ являются эмбріональные „ремесленники“: кузнецъ,— отъ котораго скоро обособляется оружейникъ, — гончаръ, мельникъ, иногда пекарь, и уже ихъ появленіе ограничиваетъ, хотя и въ очень слабой степени, прежнюю универсальность крестьянина.

На этой ступени дифференціаціи профессій обмѣнъ становится необходимымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой различія въ естественныхъ условіяхъ различныхъ территорій постепенно приводятъ къ территоріальному, географическому раздѣленію труда: однѣ территоріи спеціализируются на производствѣ оружія, другія—гончарныхъ издѣлій и т. д. Но и эта межъ-территоріальная спеціализація, какъ было показано раньше, лишь въ слабой степени ограничиваетъ натурально-хозяйственный укладъ каждой территоріи и въ общемъ не нарушаетъ довольно большой профессіональной однородности населенія. Во всякомъ случаѣ, здѣсь открывается очень узкая арена для выдѣленія такихъ профессіональныхъ группъ, которыя могли бы откристаллизоваться въ форму ремесленнаго сословія.

Дальнѣйшее повышеніе производительности земледѣльческаго труда создаетъ необходимыя предпосылки и для сословнаго обособленія ремесленниковъ каждой территоріи, болѣе или менѣе цѣльной, а слѣдовательно, и замкнутой въ экономическомъ отношеніи.

Во-первыхъ, численность населенія въ каждой обособленной территоріи увеличивается настолько, что оно представляетъ достаточный рынокъ для обособляющагося ремесла и для его дробныхъ подраздѣленій: чѣмъ плотнѣе населеніе, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, шире возможность и образованія сильнаго ремесленнаго сословія вообще, и выдѣленія въ его составѣ профессіональныхъ группъ съ глубоко идущей спеціализаціей. Вотъ нѣсколько цифръ, которыя покажутъ, насколько осуществлялись эти предварительныя условія для развитія ремесла. По приблизительнымъ вычисленіямъ, въ средней Европѣ XIII—XV вѣковъ на 1 квадр. километръ приходилось около 20 человѣкъ населенія. Въ Англіи такая плотность была достигнута уже во второй половинѣ XI вѣка. Въ юго-западной Германіи XIV вѣка плот-

ность повышается до 30, а во Франціи — до 40 человѣкъ на 1 квадр. километръ.

Во-вторыхъ, увеличеніе массы продукта, получаемой при затратѣ опредѣленнаго количества трудовой энергіи, и развитіе потребностей, количественное и качественное, — это соціально-тожественныя явленія. Съ одной стороны, на удовлетвореніе элементарныхъ потребностей затрачивается относительно меньшая доля труда, — и соотвѣтственно бо́льшая доля остается на удовлетвореніе новыхъ потребностей, которыя отсутствовали въ то время, когда борьба за существованіе носила если не зоологическій, то все же очень примитивный характеръ. Съ другой стороны, увеличеніе массы прибавочнаго продукта, достающагося тѣмъ группамъ, которыя возникли на базисѣ общественно-организаторскихъ функцій, тоже неизбѣжно приводитъ къ развитію квалифицированнаго потребленія. Извѣстные предметы — сукно, слесарныя и гончарныя издѣлія и т. д.—производятся не въ деревнѣ уже не потому, что они здѣсь не могутъ быть произведены: напротивъ, для обыденнаго потребленія всѣ эти предметы по-прежнему производятся трудомъ крестьянской семьи. Но и сеньеръ вообще, и крестьянинъ для торжественныхъ случаевъ покупаетъ предметы одежды, обуви, утвари и т. д. у спеціалистовъ-ремесленниковъ исключительно потому, что ихъ издѣлія выше по качеству. Такъ возникаетъ раздѣленіе труда уже не между отдѣльными территоріями, а въ предѣлахъ каждой хозяйственной территоріи. Въ основѣ его лежитъ уже не различіе естественныхъ условій, благодаря которымъ извѣстные продукты вообще или болѣе тонкіе продукты того же рода могутъ быть произведены лишь въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Выдѣленіе ремесленниковъ, какъ особой професіональной группы, обусловливается здѣсь чисто техническимъ моментомъ: бо́льшимъ совершенствомъ труда работниковъ-спеціалистовъ.

Таковы главныя экономическія предпосылки возникновенія ремесленнаго сословія. Но осуществленіе ихъ само по себѣ еще не дало бы того ремесла, какимъ оно было на Западѣ. Для его расцвѣта требовалась еще такая отрицательная предпосылка, какъ относительная неразвитость экономическихъ связей между отдѣльными территоріями. Только при этомъ условіи каждая сравнительно ограниченная область—Магдебурга, Бреславля, Аугсбурга и т. д. — могла представлять своего рода экономическій микрокосмъ: въ нихъ во всѣхъ были въ общемъ однѣ и тѣ же отрасли производства, — и въ каждой были представлены почти всѣ тогдашнія отрасли производства. Средства сношеній были таковы, что лишь немногіе товары выдерживали перевозку на дальнія разстоянія. Существенное улучшеніе условій транспорта приводитъ къ тому, что начинаетъ играть свою роль всякое техническое превосход-

ство ремесленниковъ одной мѣстности надъ другой, и учитываются на рынкѣ незамѣтныя раньше естественныя преимущества отдѣльныхъ территорій. Дается новый толчокъ болѣе глубокому и широкому географическому раздѣленію труда, — торговый капиталъ становится необходимымъ посредникомъ между отдаленными областями,—и ремесленникъ болѣе или менѣе быстро сводится къ положенію кустаря.

Техническая трудность сношеній межъ территоріями закрѣплялась въ средніе вѣка всѣмъ политическимъ строемъ. Правомѣрные грабежи рыцарей, какъ и произвольные поборы сюзереновъ ставили отдѣльныя области въ такое положеніе, что трудно было разсчитывать на регулярный обмѣнъ. Повелительная необходимость требовала, чтобы каждая область по возможности представляла самодовлѣющее экономическое цѣлое.

Резюмируя все предыдущее, мы скажемъ, что основныя предпосылки ремесла создаются въ процессѣ развитія феодальнаго общества. Производительность земледѣлія повышается настолько, что становится возможнымъ выдѣленіе внѣземледѣльческихъ профессій. Потребности сеньеровъ и отчасти крестьянства развиваются до такой степени, что имъ перестаетъ удовлетворять работа универсальнаго, почти недифференцированнаго производителя-крестьянина и слабо дифференцированнаго деревенскаго ремесла. Повышенныя требованія, предъявляемыя къ орудіямъ труда новымъ, болѣе интенсивнымъ земледѣліемъ и болѣе старательной, иногда прямо утонченной переработкой сырья, вызываютъ быстрое развитіе металлургической техники въ широкомъ значеніи этого слова. Примитивное кузнечное дѣло распадается на множество детальныхъ подраздѣленій, изъ которыхъ каждое достигаетъ наибольшаго техническаго совершенства, когда обслуживается особой профессіональной группой. По мѣрѣ того, какъ съ повышеніемъ производительности общественнаго труда растетъ плотность населенія, развиваются запасы и увеличиваются сокровища разнаго рода, — возрастаетъ серьезность и размахъ военныхъ столкновеній. Слѣдовательно, техника обороны и нападенія должна идти въ ногу со всѣмъ экономическимъ развитіемъ. Оружейное производство совершенствуется и даетъ начало многочисленнымъ спеціальнымъ подраздѣленіямъ. Въ то же время, хотя обмѣнъ феодальной эпохи и перешагнулъ черезъ границы между отдѣльными территоріями, однако онъ еще не проложилъ достаточно совершенныхъ и свободныхъ путей: только продукты, исключительные въ томъ или иномъ отношеніи, становятся предметами межъ-территоріальной торговли.

Такимъ образомъ, достигнувъ извѣстной ступени въ своемъ развитіи, феодальное общество порождаетъ ремесленное сословіе и какъ бы выдѣляетъ ремесленный міръ изъ системы феодальныхъ отношеній. Эта

ступень была достигнута Франціей и Англіей въ XII вѣкѣ, Италіей — нѣсколько раньше, Германіей нѣсколько позже *).

Въ исторіи Россіи совсѣмъ не было такого ремесленнаго періода, какъ на Западѣ. Не было у насъ и городовъ, которые успѣли бы до такой степени высвободиться изъ-подъ власти феодальнаго сословія, какъ средневѣковые города Запада. Исключеніе представляли только нѣкоторые торговые города, какъ Новгородъ и Псковъ, родственные частью городскимъ республикамъ Италіи, частью городамъ Ганзы, и какъ приднѣпровскіе города въ кіевскій періодъ русской исторіи. Зародышевое ремесленное сословіе было и у насъ, — и въ новгородско-псковской, и въ кіевской Руси. Но оно не успѣло выйти изъ эмбріональнаго состоянія и придать городской жизни тотъ своеобразный отпечатокъ, какъ на Западѣ. Новгородско-псковская область развивается въ такомъ направленіи, что рѣшительное преобладаніе принадлежитъ торговому сословію. Въ приднѣпровьѣ къ концу XII вѣка начинается экономическій упадокъ, ускорившійся въ слѣдующемъ столѣтіи и нашедшій рѣшительное выраженіе въ татарскомъ разгромѣ.

Въ сѣверо-восточной Руси, которая становится главнымъ центромъ нашей исторіи, періодъ первоначальнаго захвата, экстенсивной колонизаціи до чрезвычайности затянулся; а пока онъ не закончился, предпосылокъ для развитія дѣйствительнаго ремесла не было. Правда, колонизація области между Эльбой и Вислой (позднѣйшая Пруссія) тоже затянулась до конца XIV вѣка. Но она съ самаго начала была интенсивной колонизаціей. Встрѣчая отчаянное и организованное сопротивленіе со стороны первоначальныхъ обитателей этихъ областей—славянскихъ, латышскихъ и литовскихъ племенъ,—германцы могли оттѣснять ихъ лишь при томъ условіи, если они съ самаго начала разселялись сравнительно плотными массами. Здѣсь даже сильная, по военному сплоченная и достаточно широкая организація духовно-рыцарскихъ орденовъ снова и снова отбрасывалась назадъ изъ захваченныхъ областей. Слѣдовательно, германцы, переселяясь сюда, должны были переносить съ собою основныя черты отношеній своей родины, германскаго юго-запада. Поэтому, хотя Пруссія еще долго оставалась колонизующейся страной, предпосылки ремесленнаго развитія складывались въ ней лишь нѣсколько позже, чѣмъ въ старинной части Германіи.

Не то въ Россіи. Мелкія, разъединенныя финскія племена звѣролововъ не могли оказать сколько-нибудь стойкаго сопротивленія потоку

*) Такія даты, по самому существу дѣла, могутъ быть только приблизительными и болѣе или менѣе грубыми. Изъ слѣдующихъ главъ будетъ еще яснѣе, насколько трудно опредѣлить моментъ, съ котораго то или иное ремесло можно считать свободнымъ, т.-е. ремесломъ въ собственномъ значеніи этого слова.

славянской колонизаціи. Переселенцы пробирались въ дремучіе лѣса слабыми группами. Расчищенныя мѣста еще въ XIV вѣкѣ, а къ сѣверу отъ Волги и значительно позже—оставались небольшими островками среди болотъ и лѣсовъ. Исторія монастырей, піонеровъ расширяющагося разселенія, лучше всего показываетъ, какъ легко осуществлялся захватъ новыхъ земель. Въ XIV и отчасти даже въ XV вѣкѣ отшельники отдѣляются отъ братіи старыхъ монастырей, уходятъ въ далекія дебри, строятъ одинокую келью,—вопреки своему желанію привлекаютъ послѣдователей и вмѣстѣ съ ними производятъ расчистки подъ пашни. Единственные враги, которыхъ они встрѣчаютъ,—дикіе звѣри. И только съ XVI вѣка новые монастыри все чаще начинаютъ наталкиваться—не на враговъ, а на мирныхъ противниковъ: на крестьянъ, которые уже раньше произвели небольшія расчистки въ глуши и не безъ основаній боятся, что созданіе обители положитъ конецъ ихъ безвѣстному существованію, а слѣдовательно, и свободѣ.

Пограничные города остаются въ первую очередь опорными военными пунктами: по разрѣженности населенія они не могутъ сдѣлаться центрами новой экономической жизни, какъ было на Западѣ съ бургами. Внутренніе города по той же причинѣ остаются главнымъ образомъ резиденціями сеньеровъ — князей и бояръ. Въ нихъ рѣшающая роль принадлежитъ феодальнымъ элементамъ, а не новымъ сословіямъ.

Процессъ экстенсивной колонизаціи сѣверо-восточной области къ XVI вѣку находитъ предварительное, хотя и очень кратковременное завершеніе. Отношенія населенія — по меньшей мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ этой области — создаютъ необходимую почву для развитія ремесла *). Но къ этому времени дни, когда ремесло вмѣстѣ съ торговлей могло создавать автономные города, когда господствующимъ въ промышленности могъ быть чистый ремесленный строй, уже вообще миновали. Россія, которая какъ разъ съ XVI вѣка все рѣшительнѣе захватывается общеевропейскими отношеніями, не могла повторить въ своемъ промышленномъ развитіи того ремесленнаго строя, который для Запада уже принадлежалъ прошлому. Конечно, многія производства до

*) Но насколько вообще экстенсивно заселялась Россія, видно изъ слѣдующихъ цифръ. Ко второй четверти XVIII вѣка плотность населенія Европейской Россіи опредѣляется въ 3,7 чел. на 1 кв. килом. Въ областяхъ Смоленска и Кіева (онѣ охватывали теперешнія одноименныя губерніи съ значительными частями сосѣднихъ губерній) она повышалась до 6,6 и 9,8, и только въ Московской губ (въ составъ которой входили тогда и части сосѣднихъ губерній) — до 25,7 чел. на 1 кв. килом. Предполагаютъ, что полустолѣтіемъ раньше населеніе было больше на 1/5 и, соотвѣтственно этому, на столько же плотнѣе. Во всѣ предыдущія эпохи далеко не достигалась даже плотность петровскаго времени.

послѣдняго времени сохранили организацію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминающую средневѣковое ремесло Запада. Но ихъ общественная роль всегда была ничтожна. По мѣрѣ того, какъ русская промышленность отдѣляется отъ земледѣлія, типичными фигурами для нея становятся крѣпостной рабочій помѣстья, кустарь, мануфактурный рабочій, фабричный рабочій, но никакъ не ремесленникъ *).

Такія новыя страны, какъ напр. Америка, въ своемъ промышленномъ развитіи тоже не проходили черезъ ремесленную эпоху. Запретительныя мѣры метрополій, въ особенности Англіи, играли при этомъ незначительную роль. Поселенцы XVII и даже XVIII вѣка при своей чрезвычайной разбросанности неизбѣжно должны были возродить того универсальнаго крестьянина, который старается всѣ свои потребности удовлетворять собственнымъ производствомъ. Поскольку же создавалась почва для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, онѣ возникали вопреки запретительнымъ мѣрамъ,—но возникали, въ соотвѣтствіи со всей историко-экономической обстановкой, въ формѣ мануфактуры, а потомъ въ формѣ фабрики.

* * *

Познакомившись съ предпосылками развитія ремесла, мы должны обратиться къ самой ремесленной техникѣ.

Медленный процессъ обособленія промышленности отъ земледѣлія и превращенія ея въ исключительное занятіе особыхъ спеціалистовъ приводитъ къ двумъ основнымъ слѣдствіямъ: 1) работникъ органически приспособляется къ своей спеціальной отрасли производства; 2) орудіе труда приспособляется къ своему спеціальному назначенію.

---

*) Въ поискахъ за признаками ремесленнаго сословія, въ западномъ значеніи этого слова, историки обычно ссылаются, какъ на самый убѣдительный доводъ, на то обстоятельство, что Петръ I и Екатерина II дѣлали попытки корпоративно организовать ремесло по образцу западныхъ цеховъ. Но ясно, что такія попытки регламентаціи вовсе не говорятъ о существованіи средневѣковыхъ ремесленныхъ отношеній. Онѣ родственны тому вмѣшательству монарховъ въ жизнь цеховъ, которое начинается на Западѣ съ XVI вѣка· съ эпохи, когда торговый капиталъ разрушаетъ экономическую автономію ремесла, а торжествующіе объединители уничтожаютъ средневѣковую политическую автономію города. Слѣдовательно, ссылка, которая должна бы доказать для XVIII вѣка существованіе у насъ средневѣковаго ремесла, доказываетъ, какъ и слѣдовало ожидать, нѣчто иное· существованіе у насъ экономическихъ и политическихъ отношеній, аналогичныхъ отношеніямъ той же эпохи на Западѣ. Трактовать эти явленія слѣдуетъ не подъ рубрикой „ремесло“, а подъ рубрикой „эпоха меркантилизма“. Это какъ нельзя болѣе согласуется и съ общимъ направленіемъ экономической политики при Петрѣ I и Екатеринѣ II.

По всему своему общему характеру ремесленная техника представляетъ непосредственное продолженіе производственной техники феодальной эпохи. Научнаго истолкованія и систематизаціи трудового опыта нѣтъ. Признаки, по которымъ опредѣляется наступленіе момента, важнаго для производственнаго процесса, очень недалеко ушли отъ примѣтъ (въ особенности въ пивоваренiи, винодѣліи и другихъ производствахъ, имѣющихъ дѣло съ органическими процессами). Огромную роль играютъ примѣты и въ самомъ узкомъ значеніи слова. Случайныя совпаденія и соотношенія, принадлежащія къ совершенно различнымъ порядкамъ явленій, принимаются за постоянную и необходимую связь. Здѣсь лежитъ одинъ изъ корней превращенія ремесла въ „мистерію", въ тайну (въ средневѣковой Англіи и Франціи ремесла иногда прямо назывались „мистеріями") и, вообще, развитія обрядовой стороны въ жизни ремесленниковъ.

Отсутствіе научной систематизаціи опыта, трудовая дѣятельность по примѣтамъ—это лишь особый способъ выраженія того обстоятельства, что въ ремесленной техникѣ господствуетъ самый ограниченный эмпиризмъ. Извѣстные пріемы труда въ неизмѣнномъ видѣ повторяются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мастеръ стремится съ наибольшею точностью воспроизвести послѣдовательные процессы и, не представляя внутренняго значенія каждаго изъ нихъ, не отличаетъ необходимыхъ стадій и звеньевъ отъ побочныхъ явленій и излишнихъ операцій. На примѣрѣ желѣзодѣлательной техники мы уже видѣли, какъ такой ремесленный эмпиризмъ приводитъ къ безграничному господству рутины,—къ тому, что литейная техника, вполнѣ подготовленная процессомъ развитія кузнечнаго ремесла, еще долгое время не находитъ себѣ примѣненія.

Оставаясь вполнѣ эмпирическими, пріемы ремесленнаго труда не могутъ объективироваться, т.-е. не допускаютъ сведенія въ научную систему, въ которой они существовали бы обособленно отъ личности ремесленника,—существовали бы такъ, какъ, напр., современная металлургія существуетъ въ физикѣ и химіи. Ремесленные пріемы неотдѣлимы отъ личности ихъ носителя. Усвоеніе ихъ достигается посредствомъ „выучки", т.-е. прямого копированія, непосредственнаго подражанія. Традиція,—передача, перенесеніе эмпирическихъ навыковъ отъ одного лица къ другому,—становится однимъ изъ основныхъ устоевъ ремесленнаго строя промышленности. Вся организація ремесленнаго ученичества является приспособленіемъ къ этому своеобразному субъективизму ремесленной техники.

При всей медленности своего накопленія, трудовой опытъ въ ряду поколѣній обогащается и расширяется. Такъ какъ онъ неотдѣлимъ отъ

личности ремесленника, то послѣднему принадлежитъ естественная монополія въ обладаніи необходимыми трудовыми навыками: точно такъ же, какъ въ свое время жрецамъ принадлежала естественная монополія въ обладаніи наиболѣе обобщенной формой трудового опыта. Въ нѣкоторыхъ производствахъ, напр. въ строительномъ, кузнечномъ и новыхъ подраздѣленіяхъ послѣдняго, требовалась особенно большая масса эмпирическихъ знаній. Но и въ другихъ отрасляхъ нужна была долгая выучка для того, чтобы усвоить пріемы опредѣленія качества матеріаловъ и методы ихъ обработки. Изъ года въ годъ передавая ученику свои пріемы, мастеръ дѣйствительно „посвящалъ" ученика въ дѣйствительныя мистеріи ремесла: совершенно такъ же, какъ подготовка къ жреческой профессіи была дѣйствительнымъ введеніемъ въ ея тайны.

И судьба ремесленныхъ тайнъ была такая же, какъ жреческихъ тайнъ. Надвигающійся капитализмъ разрушаетъ всѣ средневѣковыя мистеріи. Онъ вноситъ раціонализмъ въ производственные процессы, даетъ имъ научное истолкованіе. Тогда ремесленныя тайны становятся игрой въ тайны· превращаются сначала въ безсильное средство для того, чтобы искусственными мѣрами сохранить монопольное положеніе ремесленниковъ, а потомъ въ пустую обрядность, лишенную всякой опоры въ дѣйствительныхъ техническихъ отношеніяхъ.

Неразрывно связанные съ личностью мастера, ремесленные пріемы труда и еще во многихъ отношеніяхъ характеризуются огромнымъ субъективизмомъ. Объективные методы измѣренія и взвѣшиванія, да и вообще количественныхъ опредѣленій, примѣняются въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Но и тамъ, когда примѣняются, они обычно еще не обособились отъ личности ремесленника, отъ его организма: разстоянія измѣряются шагами, локтями и четвертями, углы опредѣляются („прикидываются") „на глазъ" и т. д. Человѣкъ остается „мѣрою всѣхъ вещей" въ самомъ буквальномъ значеніи этихъ словъ. Но несравненно чаще до количественныхъ опредѣленій дѣло совсѣмъ не доходитъ. мастеръ узнаетъ температуру „пальцемъ" или „рукой", судитъ о стадіи органическаго процесса „по запаху" или „на языкъ" и т. д.,—все чисто субъективные методы.

Господство ихъ еще болѣе выясняетъ, насколько тѣсно связанъ былъ весь строй средневѣковаго ученичества съ ремесленной техникой: требовались дѣйствительно цѣлые годы для того, чтобы органически приспособиться къ требованіямъ ремесленныхъ производствъ, въ особенности нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что, начавъ какую-либо производственную операцію, только тотъ же мастеръ и можетъ довести ее до конца; приступивъ къ производству какого-либо предмета, только тотъ

же работникъ и можетъ достигнуть надлежащаго согласованія его детальныхъ частей. Другими словами, каждый ремесленникъ производитъ цѣльный продуктъ. Конечно, понятіе цѣльности—относительное; но какъ бы ни дифференцировались отдѣльныя отрасли ремесла, ремесленникъ все же не становился детальнымъ, частичнымъ работникомъ. Въ ремеслѣ организаторскій трудъ не отдѣленъ отъ исполнительскаго, умственный—отъ физическаго.

Въ этомъ отношеніи дѣятельность ремесленника родственна художественной дѣятельности, искусству. Ремесленникъ всѣмъ своимъ существомъ принимаетъ участіе въ производствѣ. Продуктъ ремесленника—цѣльный продуктъ, и ремесленникъ цѣликомъ воплощается въ своемъ произведеніи *).

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что ремесленная промышленность и художественная промышленность—тожественныя понятія. Пусть ремесленникъ вкладывалъ въ продуктъ все свое существо; но существо-то это было бѣдное, какъ всѣ окружающія его отношенія. Посредственность, отсутствіе оригинальности, примитивность замысла и исполненія, столь же характерны для рядовыхъ ремесленныхъ произведеній среднихъ вѣковъ, какъ, напр., для издѣлій современныхъ русскихъ плотниковъ и столяровъ. И, кстати сказать, при осмотрѣ западно-европейскихъ музеевъ, въ которыхъ представлены и рядовые продукты средневѣковаго ремесла, иногда трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что эти скамьи, шкафы, лари и ларцы сдѣланы современными русскими захолустными столярами.

Довольно распространенное романтическое представленіе о необходимой, внутренней связи между ремесломъ и художественной промышленностью опирается на такія произведенія средневѣковаго ремесла, какъ знаменитые по своей архитектурѣ соборы и ихъ отдѣльныя части, изумительные по изяществу рѣзные ларцы изъ слоновой кости и дерева, кресла на церковныхъ хорахъ, нѣкоторыя металлическія, гончарныя и скульптурныя издѣлія и т. д. Но при этомъ обычно игнорируется тотъ фактъ, что эти художественныя произведенія были не тѣми заурядными продуктами, которые создавались ремесломъ вообще, а тѣми рѣдкими, совершенно исключительными продуктами творчества, до которыхъ, несмотря на ремесленную организацію промышленности, возвышались дѣйствительные художники, изрѣдка попадавшіеся среди ремесленниковъ. Уже самое сохраненіе такихъ произведеній на протя-

*) Французское и английское artisan, ремесленникъ, и чисто словесно отмѣчаютъ это родство ремесла и искусства.

женіи многихъ вѣковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что не ремесленники вообще были художниками.

Органически приспособляясь къ своему ремеслу, мастеръ съ теченіемъ времени развивалъ удивительную ловкость и твердость руки, вѣрность глаза и т. д. Участвуя въ производствѣ всѣмъ своимъ существомъ, а не только какъ исполнитель или даже исполнитель какой-нибудь детальной операціи или части, ремесленникъ развивалъ въ процессѣ и на процессѣ производства и общую сметливость, сообразительность. Въ этомъ—корень простодушныхъ, старинныхъ, докапиталистическихъ анекдотовъ о томъ, какъ рядовой нѣмецкій ремесленникъ посрамилъ своей технической сметкой англійскаго инженера, а заурядный русскій кровельщикъ или простой мужичокъ, ремесленникъ земледѣлія—ученаго нѣмца.

Въ такихъ явленіяхъ выражается и къ такимъ послѣдствіямъ приводитъ органическое приспособленіе работника къ своему ремеслу. Этимъ приспособленіемъ опредѣлялось и развитіе орудій ремесленнаго труда.

По мѣрѣ того, какъ рынокъ для ремесла расширяется, отдѣльныя отрасли промышленности распадаются на все болѣе дробныя подраздѣленія. Такъ, нѣкогда единое кузнечное дѣло даетъ начало такимъ взаимно обособляющимся отраслямъ, какъ подковываніе лошадей, ножевый, слесарный, гвоздарный и оружейный промыслы; послѣдній въ свою очередь распадается на производство шлемовъ, щитовъ, мечей, эфесовъ къ нимъ, кованыхъ панцыреи, проволочныхъ кольчугъ *) и т. д.,—трудно было бы дать исчерпывающій перечень профессіонально обособляющихся къ XV вѣку подраздѣленій стараго кузнечнаго дѣла.

То самое расширеніе рынка, которое дѣлаетъ возможной профессіональную спеціализацію ремесленниковъ, неизбѣжно приноситъ и возможность спеціализаціи орудій труда. Общій характеръ этого процесса и его значеніе для повышенія какъ производительности труда, такъ и совершенства издѣлій, будутъ понятны, если познакомиться съ величайшимъ разнообразіемъ тѣхъ спеціальныхъ формъ, которыя возникли, напр., изъ простого и универсальнаго по своему примѣненію молота. Молоты кузнеца, слесаря, каменщика, золотыхъ дѣлъ мастера, гвоздаря, ножевщика и т. д. съ теченіемъ времени настолько приспособляются каждый къ требованіямъ своей особой производственной сферы, что,

*) Быстрое развитіе этого ремесла начинается съ XIV вѣка, когда старый медлительный способъ выковыванія проволоки смѣняется болѣе современной процедурой: вытягиваніемъ.

обезпечивая въ ней максимумъ производительности, они становятся мало пригодными гдѣ бы то ни было, кромѣ своей спеціальной сферы.

Но какъ бы ни измѣнялись, ни совершенствовались орудія ремесленнаго труда, они никогда не могутъ освободиться отъ одного присущаго имъ ограниченія. Какъ показываетъ самое названіе, ремесло (Handwerk) всегда остается ручнымъ трудомъ. Самое совершенное орудіе не можетъ порвать той непосредственной, глубокой связи работы съ личностью мастера, съ его органическими функціями, о которой рѣчь была выше: молотъ не можетъ превышать мускульной силы руки; приближеніе къ геометрической точности при сверленіи и т. д. достигается лишь постольку, поскольку глазъ непосредственно схватываетъ неправильности, поскольку рука твердо направляетъ рѣзецъ. Развитіе орудій труда, сопровождающее ремесленную спеціализацію, не только не ведетъ къ тому, чтобы процессъ труда объективировался, но, быть можетъ, еще тѣснѣе связываетъ его теченіе и результаты съ личностью мастера. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ремесла это обстоятельство пріобрѣтало огромное практическое значеніе (производство пушекъ, пищалей и проч.; отливка колоколовъ; производство стали и стального оружія). Техническія задачи, выступавшія въ этихъ новыхъ отрасляхъ, созданныхъ въ послѣдовательномъ развитіи ремесла, быстрѣе всего наталкивались на специфическія границы ремесленной организаціи производства.

Значеніе этихъ границъ еще болѣе возрастало потому, что ремесленникъ производилъ въ общемъ цѣльный продуктъ, отъ первыхъ и до окончательныхъ стадій его обработки. Но нѣкоторыя производства уже въ эпоху ремесленнаго расцвѣта перешагнули черезъ эту границу. Такъ, окраска и отдѣлка (аппретура) суконъ въ Голландіи и Германіи уже къ XIV вѣку обособляется отъ ткачества. Точно такъ же въ металлургической промышленности по Нижнему Рейну (Золингенъ и проч.) очень быстро намѣчается своеобразное техническое раздѣленіе труда: одни ремесленники только выковываютъ клинки, другіе шлифуютъ ихъ, третьи закаливаютъ, четвертые оттачиваютъ, пятые производятъ эфесы, и, только перейдя черезъ длинный рядъ рукъ отдѣльныя части соединяются, наконецъ, въ готовый продуктъ. Но такое разложеніе производственнаго процесса, какъ мы увидимъ, обыкновенно сопровождалось и разложеніемъ общественныхъ отношеній, характерныхъ для ремесла: самостоятельный ремесленникъ превращается въ кустаря, который работаетъ на скупщика, выпускающаго готовый продуктъ.

При неразрывной связи производственнаго процесса съ организмомъ работника, при вытекающемъ отсюда несовершенствѣ орудій труда, производительность труда не могла быть высокой. Нѣкоторымъ, хотя и шаткимъ показателемъ могутъ служить цѣны ремесленныхъ продуктовъ.

Такъ, въ Англіи XIV столѣтія 1 тонна (около 60 пуд.) желѣза стоила, въ переводѣ на современныя деньги, около 1.000 руб. (въ 1907 году цѣна колебалась около 45 руб. за тонну).—Еще убѣдительнѣе, несмотря на отрывочность, прямыя и косвенныя данныя о продолжительности производственныхъ періодовъ въ разныхъ отрасляхъ ремесла. Такъ, въ Везелѣ въ 1428 году 342 ткацкихъ мастера произвели 5.140 штукъ сукна. На каждаго мастера приходилось, принимая во вниманіе всѣ отношенія даннаго ремесла, не менѣе пары вспомогательныхъ рабочихъ. Слѣдовательно, на каждаго сукнодѣла приходится, въ среднемъ, около 5 кусковъ годичнаго производства: производительность, разъ въ 20 меньшая, чѣмъ на современной фабрикѣ.—На производство хорошаго замка даже въ концѣ XV столѣтія затрачивалось до 14 дней.

Но самыми убѣдительными являются данныя, относящіяся къ строительному и родственнымъ промысламъ. Постройка соборовъ, ратушъ (городскихъ думъ) растягивалась на цѣлыя столѣтія, хотя въ ней принимали участіе многіе десятки, иногда сотни работниковъ. Надъ производствомъ рѣзныхъ издѣлій—церковныхъ вратъ, дверей, креселъ, шкатулокъ и проч.—обыкновенно преемственно работало нѣсколько поколѣній ремесленниковъ: начиналъ врата, напр., мастеръ, по его смерти работу продолжалъ его ученикъ, превратившійся въ мастера, и заканчивали работу иногда только ученики его учениковъ. 30, 50, 100 лѣтъ затрачивались на производство художественныхъ издѣлій, которыя были второстепенной или даже третьестепенной принадлежностью того или иного сооруженія въ цѣломъ.

Техническія особенности ремесла даютъ объясненіе, какъ могло оно,—или по меньшей мѣрѣ многія его отрасли,—процвѣтать въ теченіе 2—3 столѣтій, не обостряя искусственныхъ мѣръ для охраны ремесленнаго сословія отъ вторженій извнѣ.

Конечно, нѣкоторые промыслы, напр. производство тканей изъ льна, были слишкомъ прочно связаны съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Техника ихъ была и достаточно элементарна, и почти общедоступна. Понятно, что ремесленники отгораживаются здѣсь отъ конкурренціи почти съ самаго начала лишь при помощи совершенно искусственныхъ мѣръ. Другіе промыслы, напр. пекаря и мясника, нѣкоторое время пользовались фактической монополіей: относительная дороговизна сооруженій или необходимыхъ запасовъ—муки, скота—до крайности сужива́ла кругъ возможныхъ конкуррентовъ среди первоначальнаго населенія городовъ.

Но были, кромѣ того, и такія ремесла, которымъ въ теченіе долгаго времени принадлежала своего рода естественная монополія, вытекавшая не изъ особой зажиточности соотвѣтствующихъ мастеровъ, а

непосредственно изъ техническихъ отношеній. Здѣсь одинъ мастеръ не могъ перебить работу другихъ, такъ какъ производительность его труда, вообще низкая, допускала лишь незначительное повышеніе. Здѣсь мастера могли не опасаться появленія конкуррентовъ извнѣ, такъ какъ только они и могли подготовить себѣ замѣстителей, и, благодаря всѣмъ свойствамъ ремесленной выучки, они могли подготовлять замѣстителей въ количествѣ, едва лишь достаточномъ для того, чтобы восполнять естественную убыль отъ смертности и удовлетворять возрастающій спросъ на продукты ихъ производства. Наконецъ, отъ конкурренціи иногородныхъ товаровъ они были ограждены и техническими условіями транспорта, и феодальной обособленностью территорій.

Изъ этого видно, какъ ограничена была, въ общемъ, сфера естественныхъ ремесленныхъ монополій, и какъ шатки, непрочны условія ихъ сохраненія. Ихъ существованію угрожаетъ всякое измѣненіе въ производственной техникѣ, въ техникѣ сношеній, въ качественномъ и количественномъ характерѣ спроса, и даже всякое расширеніе и углубленіе политическаго объединенія. Поставленное впослѣдствіи въ новыя условія, ремесленное сословіе поневолѣ стремится тогда замѣнить утраченную естественную монополію привилегіей, обнаженной отъ всякихъ раціонально-техническихъ оправданій и поддерживаемой исключительно искусственными, внѣшними мѣрами.

* * *

Ремесленная техника, какъ мы характеризовали ее выше, зародившаяся еще въ феодальной усадьбѣ и деревнѣ, пережила средневѣковый общественный строй отношеній. Нѣкоторыя черты ея сохранились даже въ мануфактурѣ, хотя послѣдняя превратила прежняго цѣлостнаго ремесленника въ частичнаго работника, въ простого исполнителя какой-нибудь детальной операціи. Въ сравнительно болѣе цѣлостномъ видѣ сохранилась ремесленная техника въ нѣкоторыхъ деревенскихъ промыслахъ,—напр. производство деревянной посуды, башмачный, плотничій, отчасти столярный промыселъ,—и въ очень немногихъ городскихъ, какъ, напр., производство тростей, рукоятокъ для зонтиковъ (однако и здѣсь въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, чѣмъ обычно предполагаютъ). Но такъ какъ всѣ предпосылки развитія ремесла давно миновали, то эти „ремесленники“ являются вымирающими, быстро хилѣющими осколками средневѣковаго прошлаго, а не зародышами новыхъ экономическихъ формъ.

2. Развитіе средневѣковаго города.

Еще очень недавно изслѣдователи старались установить связь непрерывной преемственности между древне-римскими ремесленниками и ихъ корпораціями, съ одной стороны, и средневѣковымъ ремесленнымъ строемъ—съ другой. Въ настоящее время большинство изслѣдователей признаетъ, что такая преемственность не могла имѣть мѣста: послѣднія два-три столѣтія Римской имперіи характеризуются возвратомъ къ натурально-хозяйственнымъ отношеніямъ, исключающимъ существованіе даже тѣхъ зародышей свободнаго ремесла, которые наблюдались въ эпоху расцвѣта древняго Рима. Приблизительно до начала второго тысячелѣтія по Р. Х. рѣшительное преобладаніе принадлежало самодовлѣющему феодальному производству, при которомъ промышленность неразрывно связана съ земледѣліемъ, да и вообще слабо развита. Ремесло въ средневѣковомъ мірѣ возникаетъ вновь; но такъ какъ техническія пріобрѣтенія древняго міра не были безслѣдно утрачены, то средневѣковое ремесло развивалось много быстрѣе, чѣмъ промышленность древности. Для объясненія тѣхъ сходныхъ явленій, которыя обнаруживаются въ ремесленныхъ отношеніяхъ древности и среднихъ вѣковъ, нѣтъ необходимости предполагать непрерывность традиціи и непрерывность организацій ремесленниковъ. Поскольку ремесленная техника и въ древности и въ средніе вѣка, и въ Англіи и въ Римской имперіи, и въ Египтѣ и въ Индостанѣ обнаруживаетъ нѣкоторыя общія черты,—постольку и въ общественныхъ отношеніяхъ ремесла столь различныхъ странъ и эпохъ неизбѣжно должны оказаться извѣстныя сходства.

Для обороны отъ германцевъ и отчасти отъ кельтовъ римляне построили рядъ городовъ въ Британіи, по Дунаю и Рейну съ его притоками. Конечно, это были въ первую очередь—военные пункты, укрѣпленія, и главную массу ихъ населенія составляли солдаты со своими семействами. Но нѣкоторые изъ римскихъ городовъ,—напр., Кельнъ и въ особенности Триръ,—съ теченіемъ времени развивались въ центры новой экономической жизни. Ветераны, какъ общее правило, оставались на мѣстѣ и занимались не только земледѣліемъ, но также ремесломъ и мелкой торговлей. Конечно, замѣчательныя дороги,—онѣ превосходно выполняли свое назначеніе въ теченіе многихъ вѣковъ по крушеніи владычества римлянъ и до XIII вѣка оставались почти единственными искусственными путями сообщенія,—прокладывались въ первую очередь со стратегическими цѣлями. Но онѣ же послужили какъ бы готовыми артеріями для развивающагося обмѣна. Сосредоточеніе боль-

шихъ гарнизоновъ уже само по себѣ привлекало отдаленныхъ купцовъ; императоры по временамъ переносили сюда свою резиденцію, и по всѣмъ этимъ причинамъ военные пункты становились крупными рынками, торговыми центрами. Свободное не-военное, торговое и ремесленное, населеніе все возрастало. Нѣкоторое представленіе о размѣрахъ городовъ римской эпохи могутъ дать сохранившіеся кое-гдѣ развалины амфитеатровъ и другихъ общественныхъ сооруженій. Военное значеніе такихъ поселеній отступало на задній планъ: военное управленіе смѣнялось обще-гражданскимъ управленіемъ, города постепенно превращались въ автономныя общины съ обще-римскими учрежденіями.

Но по мѣрѣ того, какъ варвары все ближе надвигались на Римскую имперію, городская культура разрушалась и гибла. По Дунаю и Рейну быстрый упадокъ начинается уже въ III столѣтіи по Р. Х. Съ V вѣка онъ распространился и на Италію.

Города, оставляемые гарнизонами, въ экономическомъ смыслѣ превращались въ деревни и сохраняли деревенскій укладъ жизни до X или даже до XI столѣтія. Арабскіе путешественники, которые около этого времени проникаютъ въ глубь Запада, видимо, поражаются контрастомъ деревенской Европы съ экономически-передовыми восточными странами (и даже съ кіевской Русью). Описывая бытъ „городовъ“, они говорятъ въ первую очередь, иногда исключительно, о разнообразіи земледѣльческихъ продуктовъ: зерновыхъ хлѣбовъ и корнеплодовъ, фруктовъ и овощей. По словамъ одного путешественника, „жители распахиваютъ одну половину города, а въ другой живутъ сами“. По организаціи управленія „городъ“ этого времени тоже ничѣмъ не отличается отъ деревенской общины (марки).

Слѣдовательно, исходной точкой въ развитіи средневѣковаго города мы должны, вообще говоря, считать слабо дифференцированное феодальное общество.

Развитіе обмѣна было той силой, которая вызвала возникновеніе новыхъ городовъ и возрожденіе старыхъ, сохранившихся отъ римской эпохи. Мы уже видѣли, какъ обмѣнъ феодальной эпохи выдвигалъ опредѣленные пункты, на которыхъ, въ связи съ земледѣльческимъ цикломъ, устраивались регулярныя ярмарки *). Сравнительно быстрое развитіе ихъ начинается съ конца X вѣка. Кромѣ увеличенія плотности населенія,—обстоятельства, оказавшаго свое дѣйствіе на всемъ Западѣ,—въ Италіи и южной Франціи толчокъ ускоряющемуся развитію дали сношенія съ арабами, а въ Германіи разработка серебряныхъ рудниковъ въ Саксоніи и на Гарцѣ.

*) Слово ярмарка, взятое съ нѣмецкаго (Jahrmarkt), само по себѣ непосредственно означаетъ „годичный рынокъ“, или „годичный торгъ“.

Земледѣліе еще долго остается основнымъ источникомъ существованія для населенія рыночныхъ пунктовъ. Но наряду съ этимъ расширяются тѣ внѣземледѣльческія занятія, на продукты которыхъ оказывается постоянный спросъ на ярмаркахъ. Населеніе такихъ пунктовъ увеличивается болѣе, чѣмъ могло бы въ томъ случаѣ, если бы кормилось только отъ собственнаго земледѣлія. Возрастаютъ размѣры дѣятельности и общественное значеніе купцовъ. На ярмаркѣ они дѣлаютъ на цѣлый годъ запасы иноземныхъ издѣлій и время отъ времени пополняютъ эти запасы на ярмаркахъ сосѣднихъ областей, на которыя отправляются съ продуктами своего города. Окрестные жители все чаще и въ бо̀льшемъ количествѣ пріобрѣтаютъ различныя промышленныя издѣлія въ городѣ. Возникаютъ еженедѣльные рынки, — базары, на которыхъ совершается обмѣнъ между постепенно обособляющимися деревней и городомъ. Поскольку обмѣнъ создаетъ такимъ образомъ торгово-промышленный центръ области, постольку онъ превращаетъ деревенское населеніе области въ чисто-земледѣльческое населеніе.

По мѣрѣ того, какъ складывается и углубляется раздѣленіе труда между городомъ и деревней, промышленностью и земледѣліемъ, — раздѣленіе труда прогрессируетъ и въ предѣлахъ каждаго города. Натурально-хозяйственныя отношенія все болѣе разрушаются, каждая семья все тѣснѣе связывается съ рынкомъ. Ростъ города сокращаетъ размѣры городской земледѣльческой площади; ростъ населенія сокращаетъ долю каждаго горожанина въ общинныхъ угодьяхъ, а съ теченіемъ времени въ составѣ городского населенія появляются и совсѣмъ безземельные. Городскія запашки сокращаются иногда до полнаго исчезновенія; огороды сохраняются только у немногихъ жителей на окраинахъ; скотоводство въ большинствѣ городовъ продержалось до конца среднихъ вѣковъ, кое-гдѣ играло крупную роль даже въ XVI вѣкѣ, но въ типичныхъ, передовыхъ по экономическому развитію городахъ свелось къ такимъ скромнымъ размѣрамъ, что не могло покрыть потребности въ мясѣ даже тѣхъ семей, которыя еще держали пару коровъ, нѣсколько свиней и т. д. Такимъ образомъ развитіе средневѣковаго города постепенно превращало послѣдній въ рынокъ пищевыхъ продуктовъ и создавало необходимыя условія для дѣятельности торговцевъ мукой и скотомъ, для ремеслъ пекаря и мясника.

Съ другой стороны, расширеніе рынка, напр., для металлическихъ и столярныхъ издѣлій приводитъ къ тому, что слесарь и столяръ спеціализируются на данныхъ отрасляхъ производства и, затрачивая на нихъ все свое время, предпочитаютъ снабжать всю свою семью сукномъ, обувью и одеждой отъ ремесленниковъ-спеціалистовъ же; расширеніе спроса на продукты башмачниковъ и портныхъ постепенно

убиваетъ у нихъ побужденія возводить постройки собственными силами, изготовлять домашнее пиво, и т. д. Словомъ, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ спеціализація, всякое ремесло само превращается въ рынокъ для всѣхъ остальныхъ. Такимъ образомъ процессъ развитія города есть не только процессъ созданія „внѣшняго“ для средневѣковаго города рынка — отдѣленія промышленности отъ земледѣлія, — но и процессъ созданія „внутренняго“ рынка—возрастающаго обособленія различныхъ отраслей промышленности. Развитіе „внутренняго“ рынка въ средневѣковомъ городѣ получаетъ выраженіе въ томъ, что къ ежегоднымъ „мессамъ“ — ярмаркамъ — и еженедѣльнымъ базарамъ присоединяется ежедневная торговля, которая первоначально ведется на дому у ремесленниковъ, а потомъ въ спеціально построенныхъ для этого помѣщеніяхъ: съ лотковъ, ларей, въ палаткахъ, лавкахъ, рядахъ *).

Итакъ, послѣдовательные этапы въ развитіи средневѣковаго города нашли себѣ выраженіе въ такихъ приспособленіяхъ для обмѣна, какъ слѣдующія: 1) ежегодныя мессы или ярмарки, специфическую особенность которыхъ составляетъ межъ-областной обмѣнъ; 2) еженедѣльные базары, на которые являются для обмѣна съ горожанами деревенскіе жители данной городской области; и, наконецъ, 3) ежедневная торговля, которая служитъ преимущественно текущимъ потребностямъ самихъ горожанъ. Эта схема одновременно отмѣчаетъ и послѣдовательные этапы въ развитіи города, и тотъ путь, который проходитъ въ своемъ развитіи обмѣнъ: вначалѣ — обмѣнъ между обществами,

---

*) Въ Россіи еще лѣтъ 30 тому назадъ, да отчасти и теперь, можно было наблюдать нѣкоторыя экономическія явленія, характерныя для примитивной городской жизни. Захолустные городки сохраняли многое отъ натурально-хозяйственнаго уклада: на зиму дѣлались изъ собственныхъ огородовъ большіе запасы картофеля, капусты и другихъ овощей, заготовлялись впрокъ большія количества соленаго и копченаго мяса, многіе занимались даже хлѣбопашествомъ. Хлѣбъ, пиво, медъ, всевозможныя соленья и варенья приготовлялись дома, и дома же заготовлялась, по большей части, одежда, которая много разъ передѣлывалась, перекрашивалась, выворачивалась, перешивалась и переходила отъ старшихъ членовъ семьи къ младшимъ. Эмбріональные „ремесленники“ — слесари, бондари, столяры, башмачники — посвящаютъ своему ремеслу незначительную часть всего своего рабочаго времени, да и изъ этой части крупная доля уходитъ какъ бы на взаимное обслуживаніе другъ друга, поглощается „внутреннимъ“ рынкомъ. Сфера обмѣна вообще настолько узка, что монета, отмѣченная лавочникомъ, черезъ нѣкоторое время опять возвращается къ нему отъ покупателей. Это—тѣ города, передъ которыми въ недоумѣніи останавливается наблюдатель чѣмъ существуютъ жители, разъ всѣ они—почти сплошь люди „безъ опредѣленныхъ занятій“? Въ настоящее время капиталистическое развитіе разными способами быстро подчиняетъ себѣ жизнь такихъ городовъ. Черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ по открытіи руды, проведеніи желѣзной дороги и проч. остается лишь слабое воспоминаніе о докапиталистическихъ отношеніяхъ.

населяющими различныя территоріи, вносящій лишь слабыя ограниченія въ господствующій натурально-хозяйственный строй; далѣе—обмѣнъ, при которомъ горожане все болѣе превращаются въ товаропроизводителей по отношенію къ деревнѣ; и, наконецъ, — обмѣнъ, предполагающій превращеніе и самихъ горожанъ въ товаропроизводителей одни для другихъ.

Развитіе города настолько тѣсно связано съ развитіемъ обмѣна, что совокупность правъ, которыми пользовались средневѣковые города, носила названіе „рыночнаго права“ первичнымъ признакомъ города представлялось именно то обстоятельство, что онъ служилъ рынкомъ, центромъ обмѣна. И горожане, — безразлично, были ли они купцами или ремесленниками,—назывались въ первые вѣка второго тысячелѣтія mercatores, т.-е. торговцами.

Сосредоточивая растущіе запасы произведеній промышленности, городъ становится заманчивымъ объектомъ для нападеній извнѣ. Поэтому, едва лишь начинается развитіе извѣстнаго пункта въ значительный рынокъ, онъ окружается укрѣпленіями: рвомъ, валомъ, стѣнами,—въ горныхъ мѣстностяхъ каменными, въ равнинныхъ деревянными, а впослѣдствіи стѣнами изъ кирпича. Русское слово „городъ“ („огораживать“, укрѣплять), французское „буржуа“, нѣмецкое „бюргеръ“ (и то и другое — какъ и старинная форма „burgenses“ — отъ „бургъ“, укрѣпленіе, означало первоначально просто жителя города, горожанина, и лишь потомъ стало означать члена опредѣленнаго общественнаго класса), — всѣ эти названія до сихъ поръ напоминаютъ о томъ, что городъ развивался одновременно и какъ центръ обмѣна, и какъ укрѣпленіе. Совокупность правъ средневѣковыхъ городовъ называлась или „правами рыночнаго пункта“, или „правами укрѣпленнаго пункта“ (Marktrechte или Burgrechte).

Экономическое обособленіе города отъ деревни сопровождалось его политическимъ обособленіемъ отъ феодальнаго общества.

Мы уже видѣли, какъ сеньеры, въ первую очередь крупные, считаясь съ возрастающимъ значеніемъ обмѣна, начали оказывать ему покровительство, и какъ развитіе этого покровительства сдѣлало излишнимъ непосредственное участіе самихъ сеньеровъ въ мѣновыхъ актахъ. Постепенно складывается примитивное „торговое право“, — система нормъ обычнаго права, гарантирующихъ при обмѣнѣ каждую сторону отъ насилій другой. Рынокъ съ пограничной территоріи соприкасающихся областей переносится внутрь одной изъ этихъ областей и остается въ ней такимъ же экстерриторіальнымъ, какъ былъ въ мѣстѣ своего первоначальнаго возникновенія. Сеньеріальная власть прекращается тамъ, гдѣ начинается рынокъ. Стороны, встрѣчающіяся на немъ, равно-

правны, по крайней мѣрѣ въ моментъ заключенія сдѣлокъ. Признаніе особаго рыночнаго права, огражденнаго отъ посягательствъ сеньера, находитъ себѣ выраженіе въ томъ, что мѣсто для новаго рынка сеньеръ отводитъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ своей резиденціи, отъ главнаго центра своей власти: отъ усадьбы, замка, монастыря и т. д. Жители рыночнаго пункта, примитивные купцы, торговцы и ремесленники, получаютъ извѣстную свободу отъ вмѣшательствъ сеньера. Имъ самимъ предоставляется поддерживать порядокъ на ярмаркахъ, возводить необходимыя торговыя постройки, наконецъ, воздвигать укрѣпленія. Такъ начинается развитіе рыночныхъ пунктовъ въ самоуправляющіяся автономныя общины, въ городскія коммуны.

Чѣмъ болѣе развивается обмѣнъ, тѣмъ быстрѣе возрастаетъ потребность сеньера въ деньгахъ, какъ во всеобщемъ покупательномъ средствѣ. Сюзерены оказываютъ всяческое покровительство развитію городовъ, какъ основного источника своихъ денежныхъ доходовъ *). Натуральныя повинности отвлекали бы жителей возникающаго города отъ торговой и ремесленной дѣятельности, и въ рынкѣ не получила бы полнаго использованія какъ разъ та сторона, которая представляла его специфическую цѣнность: сеньеру важно было получить не мѣстные продукты, — достаточное количество ихъ онъ получалъ и съ деревенскаго населенія, — а деньги. Натуральныя повинности замѣняются для горожанъ денежными платежами, и рынки вообще становятся тѣми пунктами, отъ которыхъ исходитъ развитіе денежно-оброчныхъ отношеній.

Сначала каждый горожанинъ индивидуально дѣлалъ свои платежи сеньеру или его представителю. Но скоро и здѣсь обнаружилась огромная эластичность такой формы, какъ денежные оброки. При натуральныхъ повинностяхъ размѣры ихъ для каждаго домохозяина въ большинствѣ случаевъ непосредственно опредѣляетъ сеньеръ: напр., онъ назначаетъ 3 дня пѣшей барщины, 2 дня конной и т. д. И даже при оброкѣ продуктами сеньеръ же непосредственно устанавливаетъ такія чуждыя эластичности нормы, какъ извѣстная доля урожая, такое-то количество приплода скота и проч. Напротивъ, съ развитіемъ денежнаго оброка сеньеръ начинаетъ просто опредѣлять ту валовую сумму денегъ, которую желаетъ получить съ города. Способъ взысканія этихъ суммъ, раскладка ихъ между отдѣльными горожанами нисколько не интересуетъ его. Такимъ образомъ горожане изъ совокупности жите-

*) Характерно, что одинъ изъ германскихъ императоровъ, Генрихъ I, получилъ названіе „основателя городовъ“ (Städtegründer). Конечно, многіе города основывались сюзеренами исключительно по стратегическимъ соображеніямъ. Но знаменательно для общаго направленія развитія въ XI—XII вѣкахъ, что экономическое значеніе такихъ городовъ для сюзереновъ получаетъ перевѣсъ надъ стратегическимъ значеніемъ.

лей, лично, непосредственно зависимыхъ отъ сеньера, постепенно превращаются въ оброчную общину, въ городскую коммуну, въ самоуправляющуюся политическую организацію, которая, какъ таковая, противостоитъ сеньеру и прикрываетъ своихъ членовъ отъ власти сеньера. Горожанинъ становится гражданиномъ, „городской воздухъ“ пріобрѣтаетъ то свойство, что онъ „дѣлаетъ человѣка свободнымъ“, какъ гласитъ средневѣковая поговорка.

Слѣдовательно, политическое высвобожденіе городовъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ развитіемъ денежно-оброчныхъ отношеній. Совершенно естественно, что подъемъ городовъ совпадаетъ по времени съ той повышательной конъюнктурой въ жизни крестьянства, о которой говорилось въ предыдущемъ отдѣлѣ: въ Германіи относится къ XII—XIV вѣку, въ Италіи, Франціи и Англіи начался нѣсколько раньше, въ скандинавскихъ странахъ—значительно позже.

Конкретныя условія политическаго выдѣленія различныхъ городовъ изъ феодальнаго общества были чрезвычайно разнообразны. Одного стремленія феодаловъ къ доходамъ въ денежной формѣ было бы недостаточно для перехода къ денежно-оброчнымъ отношеніямъ. Для этого потребовалось и энергичное давленіе со стороны экономически крѣпнущаго городского населенія. Города пользовались всякимъ случаемъ для того, чтобы добиться отъ сеньера новыхъ уступокъ. Денежныя субсидіи увеличивались или сокращались, выдавались или не выдавались сеньерамъ, тѣснимымъ противниками, военная помощь оказывалась или не оказывалась, или же смѣнялась переходомъ на сторону враговъ сюзерена, въ зависимости отъ того, насколько полно и быстро удовлетворялись требованія горожанъ. Чѣмъ болѣе увеличивается власть денегъ въ общественныхъ отношеніяхъ, тѣмъ быстрѣе повышается соціальное значеніе городовъ. Но они не только торговались съ сеньерами: они вырывали хартіи вольностей и вооруженной рукой. Городскія укрѣпленія были не по плечу для военной техники среднихъ вѣковъ. Осада городовъ обычно оканчивалась отступленіемъ; только голодомъ можно было бы достигнуть успѣха, если бы горожане не обнаруживали элементарной предусмотрительности и не дѣлали достаточныхъ запасовъ на случай долгой осады. Съ другой стороны, при средневѣковыхъ условіяхъ транспорта голодъ—и неразлучныя съ нимъ эпидеміи—быстро разрѣжалъ и разсѣивалъ и осадную армію.

Такъ какъ города добивались уступокъ исключительно для городского населенія, то получаемыя ими права съ самаго начала носили характеръ привилегій, изъятій, выдѣленія изъ окружающаго феодальнаго міра. Позднѣйшіе города, несомнѣнно, пользовались примѣромъ болѣе старыхъ, городовъ-піонеровъ. Но соотношеніе силъ сеньеровъ, съ

одной стороны, и горожанъ—съ другой измѣнялось отъ области къ области. Поэтому общій характеръ и размѣръ привилегій, достигнутыхъ разными городами, представляетъ величайшую пестроту: однимъ удалось сбросить съ себя даже номинальную зависимость отъ сеньера и превратиться въ самостоятельныя городскія республики, другіе сумѣли только ограничить вмѣшательство сюзереновъ въ свои внутреннія отношенія.

Содержаніе привилегій опредѣляется въ первую очередь свойствами города, какъ центра новой экономической жизни. Горожане освобождаются отъ всякихъ платежей, кромѣ тѣхъ, которые будутъ установлены особыми соглашеніями съ сеньеромъ. Сеньеръ отказывается отъ взиманія въ городѣ таможенныхъ пошлинъ. Горожане неподсудны его суду и отвѣчаютъ только передъ городскимъ судомъ, въ которомъ участвуютъ ихъ представители. Посылаютъ они своихъ представителей и въ совѣтъ, завѣдующій городскимъ управленіемъ, торговой полиціей и полиціей безопасности. Городу же предоставляется организація чеканки монеты, установленіе мѣры и вѣса, контроль за вѣсами и проч. Расширяясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, привилегіи охватываютъ, наконецъ, всѣ общественныя отношенія и совершенно освобождаютъ жизнь горожанъ отъ вмѣшательствъ сеньера. Вначалѣ городскіе фогты, судьи и т. д. назначаются сеньеромъ, а выборные отъ горожанъ являются преимущественно совѣщательной коллегіей. Потомъ всѣ должности замѣщаются по выборамъ горожанъ. За сеньеромъ остается только право утвержденія или неутвержденія. Наконецъ, съ дальнѣйшимъ усиленіемъ городовъ и оно отпадаетъ.

Изъ всѣхъ натуральныхъ повинностей сохраняется только обязанность военной подмоги. Но и она подвергается ограниченіямъ и нормировкѣ. Сеньеръ не можетъ требовать, чтобы горожане принимали участіе въ военныхъ походахъ. Они обязаны только поддерживать укрѣпленія да дѣлать вылазки, на которыя потребуется не болѣе дня („отъ восхода до заката солнца"). Эти ограниченія вытекали изъ признанія особаго экономическаго значенія городовъ,—какъ пунктовъ, богатства которыхъ требовали особой защиты,—и ихъ стратегическаго значенія, какъ главныхъ опорныхъ пунктовъ при оборонѣ отъ непріятельскихъ нападеній.

Начиная съ первыхъ десятилѣтій XII вѣка, обладаніе извѣстной суммой привилегій, гарантирующихъ и закрѣпляющихъ автономность, становится такимъ же общимъ и необходимымъ признакомъ средневѣковаго города, какъ первичный, экономическій признакъ (рынокъ) и какъ стратегическій признакъ (укрѣпленіе).

Развиваясь въ торгово-промышленные центры мелкихъ натурально-хозяйственныхъ областей, города были и многочисленны, какъ эти области. Такъ, въ Германіи къ концу XIV вѣка было уже до 2.500 го-

родовъ. Въ Восточной Пруссіи количество ихъ было относительно наименьшее. Но и тамъ одинъ городъ приходится, въ среднемъ, на 552 кв. километра, — т.-е. среднее разстояніе между городами немногимъ превышало 20 килом. Наиболѣе часто расположены были города въ юго-западной Германіи. Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ одинъ городъ приходился всего на 118 квадр. километровъ,—и, слѣдовательно, среднее разстояніе между городами падало здѣсь до 10 километровъ *).

Поскольку города имѣли чисто областное значеніе, они даже къ концу среднихъ вѣковъ оставались мелкими селеніями и отличались отъ деревень не столько численностью жителей, сколько экономическимъ укладомъ, политическими правами и крѣпостными сооруженіями. Въ подавляющемъ большинствѣ городовъ населеніе не превышало нѣсколькихъ сотенъ, въ очень немногихъ оно считалось тысячами. За десятокъ тысячъ перевалили только совершенно исключительные города, главнымъ образомъ тѣ, которые развились въ центры не только межъ-областной, но и международной торговли. Вотъ нѣкоторыя цифры, относящіяся къ пятнадцатому столѣтію, т.-е. къ эпохѣ, когда средневѣковые города достигли высшей точки подъема. Населеніе Кёльна, крупнѣйшаго изъ тогдашнихъ городовъ Германіи, опредѣляется въ 30—35 тыс., населеніе Любека (къ XIV вѣку около 10 тыс.)—20 тыс., Нюрнберга, Гамбурга, Страсбурга приблизительно столько же, Базеля, Цюриха и Роштока около 10 тыс., Франкфурта на Майнѣ—нѣсколько меньше, Гейдельберга, Майнца и Дрездена приблизительно по 5 тысячъ. Въ Англіи конца четырнадцатаго столѣтія, т.-е. въ эпоху полнаго расцвѣта средневѣковыхъ отношеній, численность населенія опредѣляется слѣдующими цифрами: Лондонъ 35.000, Іоркъ 11.000, Бристоль 9.000, Ковентри 7.000, Норвичъ и Линкольнъ 5—6.000. Изъ остальныхъ городовъ ни въ одномъ цифра населенія не поднималась выше 5.000.—Въ Россіи начала XVI вѣка вторымъ по величинѣ городомъ былъ Псковъ (первый—Москва), въ которомъ вмѣстѣ съ предмѣстьями насчитывалось до 50—60 тыс. жителей (цифра, вѣроятно, преувеличенная).

*) Въ Россіи страшный гнетъ помѣщичьихъ и государственныхъ повинностей, возрастающій съ развитіемъ крѣпостного права и политической централизаціи, въ нѣкоторыя эпохи (напр., при Петрѣ I) понижаетъ общую плотность населенія и вызываетъ запустѣніе городовъ, возникшихъ въ XVI—XVII вѣкѣ. Для второй четверти XVIII вѣка число городовъ опредѣляется цифрой нѣсколько болѣе 300. Общая площадь Европейской Россіи петровскаго времени опредѣляется въ 3 милл. кв. верстъ. Это даетъ отношеніе: 1 городъ на 10.000 кв. вер. (или на 11.430 кв. килом.). Но изъ этихъ городовъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, болѣе сотни числятся „запустѣвшими". жители изъ нихъ разбѣжались. — Судя по всему, въ раннія эпохи отношеніе числа городовъ (хотя бы только номинальныхъ) къ общей площади было еще болѣе неблагопріятнымъ.

Но на средневѣковаго человѣка, сжившагося съ узостью деревенскихъ отношеній, и такіе города производили огромное впечатлѣніе. Опредѣляя „на глазъ“ численность населенія, средневѣковые хроникеры приходили къ такимъ цифрамъ, какъ, напр., 120.000 для Кельна XV вѣка, — и эти данныя, какъ ни противорѣчатъ они всѣмъ экономическимъ отношеніямъ феодально-ремесленнаго міра, до недавняго времени просто переписывались историками.

3. Возникновеніе и расцвѣтъ ремесла.—Цехи.

Исходнымъ пунктомъ въ развитіи средневѣковой торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средневѣковаго города, была „внѣшняя“ для феодальныхъ ячеекъ торговля: обмѣнъ между натурально-хозяйственными территоріями. Совершенно естественно, что первоначальные „купцы“ вышли изъ феодальной усадьбы, въ которой сосредоточивается прибавочный продуктъ земледѣльческаго и промышленнаго производства („рента продуктами“). И столь же естественно, что первоначальное населеніе ярмарочныхъ пунктовъ приводитъ въ недоумѣніе историковъ двойственностью или даже тройственностью своего экономическаго существа: „едва ли возможно рѣшить, слѣдуетъ ли считать ихъ сельскими хозяевами, или крупными купцами, или же рентьерами“ (Бюхеръ). Правильнѣе было бы сказать, что они были и первымъ, и вторымъ, и третьимъ, если подъ „сельскими хозяевами“ разумѣть сеньеровъ и министеріаловъ, а подъ „рентьерами“—сеньеровъ, которые просто получали оброкъ съ зависимаго населенія, мѣстнаго или окрестнаго, и не выполняли никакихъ экономическихъ функцій.

Какъ первоначальные жители ярмарочныхъ пунктовъ, эти выходцы изъ феодальной усадьбы дѣлаются собственниками участковъ земли въ чертѣ города, захватываютъ въ свои руки все городское управленіе, по мѣрѣ того какъ оно становится автономнымъ, вообще превращаются въ господствующее сословіе формирующагося города. Они даютъ начало той городской аристократіи, тѣмъ патриціанскимъ родамъ, которые впослѣдствіи частью развиваются въ торговую буржуазію, частью смѣняются ею. Съ экономической ролью этого сословія мы познакомимся нѣсколько ближе въ отдѣлѣ, посвященномъ торговому капиталу.

Старѣйшіе рынки, основываемые сеньерами, не получаютъ ни пахатной земли, ни общинныхъ угодій: вся ихъ территорія — въ предѣлахъ городской стѣны. Обмѣнъ, а не производство, былъ первичной экономической функціей возникающаго города и его населенія. Однако и эти города, привлекая ремесленниковъ, разростаясь и поглощая со-

сѣднія деревни съ ихъ территоріями, съ теченіемъ времени приближаются по своему экономическому строю къ позднѣйшимъ городамъ средневѣковья.

Когда наряду съ межъ-территоріальнымъ, въ главной своей части ярмарочнымъ обмѣномъ постепенно развивается внутри-территоріальный обмѣнъ, тогда составъ городского населенія измѣняется. Сеньеріальные элементы перестаютъ быть необходимыми посредниками между деревенскими ремесленниками, съ одной стороны, и потребителями—съ другой. Деревенскіе ремесленники, переселившись въ рыночный пунктъ, могутъ разсчитывать, что они найдутъ ремесленный заработокъ безъ всякихъ торговыхъ посредниковъ: населеніе данной территоріи превращается въ рынокъ для ихъ продуктовъ.

Ремесленникъ, приходя изъ деревни, въ которой ремеслу онъ посвящалъ небольшую часть своего рабочаго времени, а главную затрачивалъ на земледѣліе, придаетъ своеобразный отпечатокъ рыночнымъ пунктамъ. Полной экономической опредѣленностью характеризуются только верхи населенія. Главной ихъ экономической дѣятельностью становится коммерческая, направлена ли она на крупные торговые обороты, или на спекуляцію своей земельной собственностью въ городахъ, или же на искусныя операціи, при посредствѣ городскихъ совѣтовъ, съ городскими землями и съ городскими финансами. Напротивъ, подавляющая масса населенія—амфибіеобразныя существа: и земледѣлецъ, и ремесленникъ, и мелкій торговецъ—все въ одномъ лицѣ. Особаго торговаго помѣщенія обычно нѣтъ: ремесленникъ продаетъ свои издѣлія изъ своего жилья, черезъ окно или растворъ, если только не работаетъ на дому у заказчика.

Выдѣленіе чистыхъ ремесленниковъ совершается лишь по мѣрѣ того, какъ расширяются размѣры мѣстнаго рынка для ремесла. Однако и „чистый ремесленникъ“ въ большинствѣ случаевъ оставался не только промышленнымъ производителемъ, но и мелкимъ торговцемъ,—и остался имъ въ Германіи, напр., вплоть до новѣйшаго времени. Если оставить въ сторонѣ ремесленниковъ, обслуживающихъ потребности горожанъ, то торговля производится главнымъ образомъ въ базарные дни, преимущественно по воскресеньямъ, когда ремесленникъ выходитъ на торгъ со своими издѣліями.

Нѣкоторыя цифры, несмотря на неизбѣжную отрывочность, все же даютъ достаточное представленіе объ экомомическомъ строѣ средневѣковаго города. Въ восточной Германіи XIII вѣка земельная собственность вновь возникающихъ городовъ съ самаго начала составляетъ отъ 6 до 10 тысячъ моргеновъ (въ круглыхъ цифрахъ отъ 1.500 до 2.500 десятинъ), — величина очень крупная, если принять во вниманіе, что

населеніе такихъ городовъ составляло всего нѣсколько сотенъ. До 1/4 этой площади оставалось въ общинномъ пользованіи и образовало такъ называемую альменду. Остальная земля поступала подъ пашни и распредѣлялась между горожанами совершенно такъ же, какъ въ феодальной деревнѣ—между крестьянами. Вообще, собственное земледѣліе было необходимымъ условіемъ существованія средневѣковаго города, и только къ новому времени, да и тогда лишь въ наиболѣе передовыхъ по экономическому развитію городахъ, оно сокращается до скромныхъ размѣровъ подсобнаго занятія.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1387 году изъ каждой тысячи житей мужескаго пола старше 12 лѣтъ ремеслами было занято не менѣе 514 человѣкъ. Тамъ же и въ Гейдельбергѣ къ половинѣ XIV вѣка на ремесленниковъ приходится отъ 60 до 70% общаго числа жителей. Изъ этого слѣдуетъ, что уже въ XIV вѣкѣ рѣшительное численное преобладаніе въ городахъ переходитъ къ промышленному населенію.

Переселяясь изъ деревни, полукрестьяне-полуремесленники приносили съ собой въ города типичный для феодальной деревни семейный строй производства. Глава семьи является главой и основной производственной ячейки. Онъ одновременно и организаторъ, и исполнитель. Обычные, иногда единственные его помощники — члены его собственной семьи. Принимая постороннихъ помощниковъ, ремесленникъ и ихъ вводитъ въ свою семью. Правда, первоначальное названіе этихъ помощниковъ: Knecht, Diener, Gesinde, valet, servant (слуга), и соотвѣтствующее ему названіе главы ремесленнаго производства: Meister, master, maître, означающее одновременно и „мастеръ“, и „господинъ“, заставляютъ предполагать здѣсь наличность отношеній господства и подчиненія. Но рѣшительно все, что извѣстно о раннихъ отношеніяхъ средневѣковаго ремесла, показываетъ, что ремесленный помощникъ былъ „прислугой“ въ самомъ безобидномъ, патріархальномъ значеніи этого слова.

XII—XIV вѣка были эпохой блестящей конъюнктуры для ремесла. Крестовые походы познакомили Европу съ передовой промышленностью Востока: съ XII вѣка начинается ускоряющійся прогрессъ европейской ремесленной техники и, какъ необходимое его слѣдствіе, обособленіе ремесла отъ земледѣлія. Сеньеры, переводя крестьянъ на денежные оброки, образуютъ расширяющійся рынокъ для свободнаго ремесла городовъ. Улучшеніе положенія крестьянъ, сопровождающее развитіе денежно-оброчныхъ отношеній, въ свою очередь знаменуетъ расширеніе рынка. Но именно потому, что положеніе деревни улучшалось, притокъ новыхъ элементовъ въ города былъ ограниченный: увеличеніе числа городскихъ ремесленниковъ не поспѣвало за расширеніемъ спроса на

ремесленные продукты. Для ремесла складывалась естественная моно полія. Старые ремесленники могли не опасаться конкурренціи новыхъ ремесленниковъ. Положеніе помощника было временнымъ, обычно даже кратковременнымъ. Оно продолжалось до тѣхъ поръ, пока помощникъ не усовершенствуется въ избранномъ ремеслѣ и не накопитъ скромныхъ средствъ, необходимыхъ для устройства собственной мастерской. Все это отражается на числовыхъ отношеніяхъ мастеровъ и помощниковъ. Такъ, изъ тѣхъ 514 человѣкъ на тысячу, которые во Франкфуртѣ 1387 года были заняты ремесломъ, 343 были самостоятельные мастера, и только 171—помощники. Эта пропорція—одинъ помощникъ на двухъ мастеровъ—можетъ считаться типичной для ремесла въ эпоху расцвѣта *).

Недавно оставивъ деревню, и даже въ городѣ лишь въ ряду поколѣній порывая свои связи съ отношеніями деревенскаго производства, ремесленники и на свою промышленную дѣятельность смотрятъ съ чисто крестьянской точки зрѣнія: ремесло должно дать пропитаніе, прокормить человѣка, который занимается имъ. Внутреннія и внѣшнія отношенія ремесла долго носятъ отпечатокъ этой крестьянской идеи.

Прежде всего, образованіе цѣнъ на ремесленныя издѣлія до прозрачности ясно связано съ стремленіемъ ремесленника просто обезпечить себѣ традиціонный уровень жизни. Экономическая практика и экономическая теорія ремесленнаго и крестьянскаго міра среднихъ вѣковъ—это не что иное, какъ примитивная, наивная форма практики и теоріи „издержекъ производства“: мѣновая стоимость (соотвѣтственно цѣна) продукта складывается изъ стоимости (цѣны) сырья плюсъ стоимость (цѣна) жизни, приличествующей ремесленнику. Т.-е. вновь произведенная стоимость, присоединяемая къ стоимости сырья, равна стоимости средствъ существованія ремесленника. Справедлива только та практика,—потому

*) Здѣсь можно еще отмѣтить, что даже значительный притокъ новаго населенія изъ деревень долгое время былъ едва лишь достаточенъ для покрытія убыли населенія Скученность въ тѣсныхъ стѣнахъ, узкія улицы, въ которыя едва проникаетъ свѣтъ и свѣжій воздухъ, грязь, въ которой иногда въ буквальномъ смыслѣ тонутъ не только пѣшеходы, но и всадники (такъ, въ концѣ XV вѣка императоръ Фридрихъ III едва не потонулъ одинъ разъ въ Туттлингенѣ, другой разъ—въ Рейтлингенѣ), клоаки около домовъ и подъ домами (въ концѣ XII вѣка на имперскомъ сеймѣ въ Эрфуртѣ обрушились балки подъ заломъ,—и все собраніе провалилось въ глубокую клоаку, въ которой погибло 8 князей и болѣе сотни рыцарей),—и несмотря на скученность, земледѣльческія занятія, въ особенности скотоводство, увеличивающее загрязненіе—все это приводило къ ужасающей смертности. Проказа, чума, оспа, тифъ, горячки и т. д косили столь обильную жатву, что, несмотря на высокую рождаемость, населеніе средневѣковыхъ городовъ безъ притока извнѣ вымерло бы въ какія-нибудь 3—4 поколѣнія.

что только она и соотвѣтствуетъ традиціоннымъ отношеніямъ ремесла,— которая согласуется съ этой формулой. Несправедливо все, что отклоняется отъ этой практики и теоріи,—такъ какъ всякое отклоненіе свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣйствительное ремесло утрачиваетъ устойчивость и перестаетъ быть господствующей формой хозяйства.

Образованіе цѣнъ на основѣ ремесленныхъ издержекъ производства отличалось иногда большой непосредственностью, — прежде всего во всѣхъ случаяхъ, когда ремесленникъ работалъ на дому и изъ матеріала заказчика *). Здѣсь заказчикъ долженъ былъ содержать ремесленниковъ во все время работы. Денежная плата представляла просто небольшую приплату къ натуральному продовольствію и покрывала издержки на одежду, жилище, развлеченія, религіозныя потребности и т. д.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда не было такой непосредственности въ образованіи цѣнъ, издержки на существованіе ремесленника оставались такимъ же простымъ и яснымъ регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій. Продавая на еженедѣльномъ базарѣ свои издѣлія, ремесленникъ стремился получить такую выручку, которая оплатила бы стоимость сырья и обезпечила существованіе на слѣдующую недѣлю. Когда покупателемъ былъ непосредственный потребитель, въ особенности деревенскій, — ремесленникъ, при повышающемся спросѣ на ремесленные продукты, оставался господиномъ положенія, и могъ диктовать справедливыя съ его точки зрѣнія цѣны. И даже вторженіе межъ-территоріальнаго торговаго посредника долгое время не вноситъ существенныхъ измѣненій въ положеніе ремесленника. При большой неподвижности ремесленной техники, при застойности условій транспорта, при повышающемся спросѣ, — при всѣхъ этихъ условіяхъ отношенія

*) По Бюхеру такая работа (Lohnwerk)—вообще исходный пунктъ въ развитіи ремесла. переходная ступень отъ домашней работы для удовлетворенія собственныхъ потребностей семьи (Hauswerk, Hausfleiss) къ высшей формѣ ремесла, при которой ремесленникъ работаетъ для продажи (Preiswerk) неизвѣстнымъ напередъ, но преимущественно мѣстнымъ покупателямъ. Критики Бюхера указали, что избранные имъ признаки чисто внѣшне связаны съ внутренними отношеніями производства, и что устанавливаемая имъ послѣдовательность развитія не осуществилась въ исторіи цѣлаго ряда ремеслъ: оружейная и многія отрасли металлургической промышленности вообще, производство шелковыхъ тканей и т. д. едва ли стояли когда-нибудь въ Европѣ на ступени Lohnwerk, и сбытъ ихъ едва ли ограничивался когда-нибудь мѣстнымъ рынкомъ. Съ другой стороны, строительныя ремесла, напр., относятся къ числу тѣхъ, въ которыхъ ремесленная организація раньше всего достигла полной выработанности,—и однако по Бюхеру ихъ пришлось бы отнести не къ ремеслу, а къ Lohnwerk.— Можно отмѣтить еще, что и по Бюхеру обмѣнъ начинается, какъ интерлокальный, межъ-территоріальный обмѣнъ, — и уже это одно не совсѣмъ согласуется съ его схемой развитія ремесла, поскольку она претендуетъ на универсальность.

спроса и предложенія пріобрѣтаютъ устойчивый характеръ и въ основныхъ чертахъ воспроизводятся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Историки уже давно отмѣчали почти полную неизмѣнность цѣнъ промышленныхъ продуктовъ на протяженіи цѣлыхъ столѣтій. Расширеніе рынка, дѣятельность торговцевъ долгое время не расшатывала, а скорѣе укрѣпляла положеніе ремесла. Не ремесленникъ „гонялся“ за покупателемъ, а покупатель за ремесленникомъ *).

Итакъ, еженедѣльная выручка должна была доставить ремесленнику 1) средства на продолженіе производства (закупка сырья, починка старыхъ инструментовъ и пріобрѣтеніе новыхъ) и 2) средства на воспроизводство его рабочей силы (средства существованія его самого, семьи и помощниковъ). И выручка дѣйствительно получалась такая, что обезпечивала полную работоспособность по меньшей мѣрѣ на слѣдующую недѣлю.

Количество продуктовъ, которое ремесленникъ можетъ произвести за недѣлю, въ извѣстныхъ предѣлахъ прямо пропорціонально степени использованія рабочей силы: въ 6 рабочихъ дней будетъ произведено въ $1^1/_5$ раза больше, чѣмъ въ 5 дней, и при 12-часовомъ рабочемъ днѣ—въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ при 8-часовомъ днѣ.

Средневѣковый ремесленникъ работаетъ столько, сколько безусловно необходимо для поддержанія привычнаго уровня жизни. Конечно, этотъ уровень съ развитіемъ города повышается: не даромъ патриціанскіе городскіе совѣты, стремясь сохранить внѣшнюю обособленность патриціанскаго класса, въ XIII и XIV вѣкахъ начинаютъ борьбу противъ „роскоши“ и „расточительности“ низшихъ сословій. Однако и повышенныя потребности, связанныя въ значительной степени съ монопольнымъ положеніемъ ремесленника, нѣкоторое время удовлетворяются довольно легко благодаря все тому же монопольному положенію: ремесленникъ учитываетъ ихъ въ цѣнѣ своего продукта.

Принужденіе къ прибавочному труду существуетъ для ремесленника въ сравнительно ограниченной степени. Оно было сильнымъ, пока феодально-зависимый ремесленникъ и по переселеніи въ городъ былъ

*) Давно исчезнувшее монопольное положеніе ремесленника (и торговца) оставило извѣстныя традиціи, которыя можно до сихъ поръ наблюдать въ нашихъ захолустныхъ мѣстечкахъ и въ особенности на Востокѣ. Ремесленникъ (и торговецъ) считаетъ ниже своего достоинства выказать предупредительность къ заказчику или покупателю, онъ сначала неторопливо закончитъ безконечный разговоръ съ предыдущимъ покупателемъ, потомъ вступитъ въ такую же безконечную бесѣду съ новымъ и, наконецъ, снисходительно перейдетъ къ дѣлу. Всѣмъ своимъ поведеніемъ онъ показываетъ, что онъ собственно не нуждается въ покупателяхъ, а напротивъ, оказываетъ имъ одолженіе.

связанъ оброчными отношеніями непосредственно съ своимъ господиномъ. Эта непосредственность связи неизбѣжно повела бы къ такому же пышному расцвѣту дани, взимаемой помѣщиками съ промышленности, какъ мы наблюдали въ Россіи. Но уже съ XII вѣка всякій новый пришелецъ, проживъ въ городѣ годъ, совершенно освобождается отъ личной зависимости. Оброкъ смѣняется разными пошлинами и сборами, которые уплачиваются городу. И по мѣрѣ того, какъ растетъ самостоятельность городовъ, по мѣрѣ того, какъ ремесленники добиваются участія въ городскомъ управленіи,—принужденіе къ прибавочному труду съ этой стороны сводится къ размѣрамъ, необходимымъ для веденія городского хозяйства, устройства укрѣпленій и проч.: къ размѣрамъ, несравненно болѣе скромнымъ, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ сохраняется личная зависимость крестьянъ отъ помѣщика.—Давленіе торговаго посредника, который напоминалъ ремесленника въ томъ отношеніи, что былъ монополистомъ для покупателя, тоже не могло быть тогда сколько-нибудь значительнымъ *).

При такихъ обстоятельствахъ огромная часть рабочаго времени ремесленника представляла необходимое время: оно было какъ разъ достаточно для производства стоимости, которая при обмѣнѣ на продукты крестьянъ или другихъ ремесленниковъ давала количество ихъ,

---

*) Объ отличіяхъ ремесленнаго хозяйства отъ другихъ экономическихъ формъ существуетъ обширная литература (см., между прочимъ, полемику Бюхера и Зомбарта и ея отголосокъ у насъ—полемику Струве и Милюкова). Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что дѣйствительное ремесло въ эпоху его жизнеспособности характеризуется такими моментами: 1) эмпирическая, преобладающе ручная техника; 2) производство, въ общемъ не превышающее по своимъ размѣрамъ семейнаго; 3) товарное производство, задачей котораго является не накопленіе, а удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей ремесленника и его семьи; 4) минимальная степень принужденія къ прибавочному труду со стороны ли государства, со стороны ли помѣщиковъ, со стороны ли торговыхъ посредниковъ. Послѣдній пунктъ предполагаетъ, что средства труда принадлежатъ самому производителю въ противномъ случаѣ собственникъ средствъ производства выжималъ бы изъ него прибавочный трудъ.—Всякое измѣненіе въ условіяхъ, отмѣченныхъ въ 3 и 4 пунктахъ или въ обоихъ одновременно, даетъ великое разнообразіе начальныхъ и межеумочныхъ экономическихъ формъ: семейное производство для непосредственнаго удовлетворенія собственныхъ потребностей, эмбріональный „ремесленникъ“ при усадьбѣ, оброчно-обязанный „ремесленникъ“, домашній промышленникъ (кустарь), „мастерокъ“.—Бюхеръ несомнѣнно подходилъ къ тому отличительному признаку, который выраженъ въ пунктѣ 4. Но вмѣсто того, чтобы прямо выдвинуть этотъ экономическій признакъ, онъ остановился на внѣшнемъ, побочномъ обстоятельствѣ: на длинѣ пути отъ производителя къ потребителю. Зомбарту ничего не стоило показать, что капиталистическое производство въ извѣстныхъ случаяхъ до такой степени сокращаетъ этотъ путь, какъ и не мечталось ремесленнику.

необходимое для существованія ремесленника и его семьи. Прибавочное время составляло относительно ничтожную величину, прибавочную стоимость ремесленникъ производилъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Экономическая самостоятельность ремесленника нашла ясное выраженіе въ продолжительности его рабочаго времени. Прежде всего, судя по всѣмъ даннымъ, — конечно, неизбѣжно болѣе или менѣе шаткимъ, — даже къ концу XIV вѣка рабочій день въ среднемъ выводѣ едва ли превышалъ 8 часовъ. Но рабочихъ дней въ году было немного,—по всей вѣроятности, немного болѣе половины. Извѣстно, насколько многочисленны были въ средніе вѣка церковные праздники. Кромѣ того, не только воскресенье, но, повидимому, и понедѣльникъ былъ праздничнымъ днемъ: въ концѣ среднихъ вѣковъ подмастерья съ такимъ упорствомъ и сознаніемъ своей правоты борются за обычай понедѣльничанья, какъ они могли бороться только за старозавѣтные обычаи и освященныя временемъ традиціи.

Такимъ образомъ, если крестьянину для того, чтобы по отбытіи повинностей остались необходимыя средства существованія, приходилось работать, скажемъ, 60 часовъ въ недѣлю, то ремесленнику было достаточно, можетъ быть, 40 часовъ. Предположимъ дальше, что изъ 60 рабочихъ часовъ крестьянина 10 часовъ затрачивается на производство прибавочной стоимости для сеньера, а остальные 50 составляютъ необходимое время крестьянина. Предположимъ для упрощенія, что привычныя потребности ремесленника не отличаются отъ крестьянскихъ потребностей, и что трудъ ремесленника и крестьянина мало отличается по степени квалификаціи. Тогда у насъ получится выводъ: для того, чтобы существовать, ремесленникъ за продуктъ, воплощающій 40 часовъ труда, долженъ получать при обмѣнѣ съ деревней продуктъ, на производство котораго крестьянинъ затратилъ 50 часовъ труда.

И дѣйствительно, все, что извѣстно о средневѣковомъ ремеслѣ, подтверждаетъ, что общая, основная тенденція мѣновыхъ отношеній между городомъ и деревней была именно такова. Ремесленникъ и крестьянинъ (или сеньеръ) обмѣнивались не равными стоимостями. Ремесленникъ за стоимость своего продукта получалъ бо́льшую стоимость, продавалъ свой продуктъ выше его дѣйствительной стоимости. Цѣны на ремесленныя издѣлія были монопольными цѣнами.

Все это, разумѣется, отражалось и на положеніи ремесленнаго помощника. Живя въ семьѣ хозяина, онъ питался вмѣстѣ съ хозяиномъ; будучи просто помощникомъ, подъ прямымъ руководствомъ хо-

зяина совершенствующимся въ ремеслѣ, онъ работалъ столько же, сколько хозяинъ; всякое удлиненіе рабочаго времени для помощника удлинило бы рабочее время и для хозяина, а для этого, какъ показано выше, не было побужденій. Работая сначала за одно продовольствіе, помощникъ по мѣрѣ выучки получалъ нѣкоторую приплату, изъ которой онъ оплачивалъ свои издержки внѣ дома хозяина и дѣлалъ сбереженія для оборудованія въ будущемъ своей собственной мастерской. У стараго ремесленника не было основаній затруднять помощнику дорогу къ самостоятельному положенію. Эпоха возвышенія ремесла совпадаетъ съ эпохой усиленной борьбы ремесленнаго сословія противъ городского патриціата, и это обстоятельство заставляло желать не сокращенія, а ускореннаго роста численности ремесленниковъ.

Но и здѣсь необходимо напомнить еще разъ, насколько неустойчивы условія существованія ремесла въ его чистомъ видѣ, и насколько различна степень этой неустойчивости для различныхъ отраслей ремесла. Ремесленнику вообще чуждо стремленіе къ накопленію, онъ вообще не переходитъ за границы рабочаго времени, необходимаго для удовлетворенія исконныхъ потребностей. Но всякое измѣненіе въ условіяхъ сбыта, въ техникѣ производства, всякій шагъ въ развитіи города создаетъ побужденія къ накопленію. Начинается оно какъ накопленіе предметовъ потребленія—предметовъ роскоши—и на этой ступени слабо отражается на производственныхъ отношеніяхъ ремесленника; потомъ оно, перейдя черезъ рядъ промежуточныхъ ступеней, смѣняется стремленіемъ къ накопленію стоимостей въ абстрактной, денежной формѣ и довольно быстро приводитъ къ экономическому разслоенію нѣкогда однороднаго ремесленнаго сословія. Извѣстныя отрасли производства становятся доступными лишь для тѣхъ, кто далеко ушелъ въ накопленіи; въ предѣлахъ одной и той же отрасли намѣчаются крупныя имущественныя различія.

Вотъ нѣкоторыя цифры, характеризующія эту сторону средневѣковыхъ ремесленныхъ отношеній.

Въ Парижѣ конца 1293 года получали ежегодный доходъ:

болѣе 10.000	франковъ	1	ремесленникъ.
5.000—10.000	„	6	„
1.000— 5.000	„	121	„
250— 1.000	„	375	„
50— 250	„	821	„

Въ Базелѣ 1429 года располагали имуществомъ:

	Менѣе 50 флор.	Отъ 50 до 300 флор.	Отъ 300 до 1.000 флор.	Свыше 1.000 флор.
Сукнодѣловъ	159	51	2	1
Кузнецовъ	42	86	36	8
Мясниковъ	34	35	18	10
Пекарей	19	31	14	6
Портныхъ и скорняковъ	65	47	9	2
Плотниковъ и каменщиковъ	80	100	28	5
Аппретурщиковъ сукна, маляровъ и шорниковъ	24	34	16	2
Льноткачей	53	32	8	—
	488	416	131	34

Въ Гейдельбергѣ 1439 года приходилось имущества на душу:

Въ цехѣ мясниковъ	199	гульденовъ.
„ „ пекарей	167	„
„ „ портныхъ	119	„
„ „ башмачниковъ	113	„
„ „ кузнецовъ	100	„
„ „ ткачей	52	„

Значительныя группы,—въ первой таблицѣ три верхнихъ строки, во второй два послѣднихъ вертикальныхъ ряда, — вѣроятно, чисто номинально входили въ составъ ремесленниковъ, отнесены къ нимъ по своей принадлежности къ ремесленнымъ цехамъ. Экономически они, несомнѣнно, приближались къ торговой буржуазіи.

Вторая и третья таблицы показываютъ, что быстрота, съ которой совершается развитіе ремесленниковъ въ буржуа, различна для различныхъ отраслей производства. Дальше всего зашелъ этотъ процессъ у пекарей и мясниковъ. Напротивъ, ткачи по своему положенію, видимо, приближаются къ пролетаріямъ.

Всѣ три таблицы относятся къ эпохамъ, когда въ ремесленномъ строѣ обнаружились крупныя бреши. Но и данныя для болѣе раннихъ періодовъ, если бы они были добыты, по существу отличались бы только меньшей рельефностью. Ремесло, — какъ деревня почти до послѣдняго времени,—могло производить внѣшнее впечатлѣніе полной однородности и недифференцированности. Но въ ремеслѣ,—какъ и въ деревнѣ,—подъ этой обманчивой оболочкой неизмѣнности и неподвижности скрывались фактическія различія, которыя, какъ бы слабы ни были они первоначально, въ дальнѣйшемъ развитіи все явственнѣе

отчеканиваютъ классовыя различія въ предѣлахъ номинально единаго сословія и такимъ образомъ ведутъ къ разрушенію стараго соціальнаго строя.

На этомъ мы еще разъ убѣждаемся, насколько шатокъ и непроченъ былъ ремесленный строй, и какъ трудно указать такую эпоху въ исторіи, когда ему принадлежало бы полное и безраздѣльное господство.

* * *

Цехи, организаціи ремесленниковъ, возникали одновременно съ ремесломъ въ деревнѣ по мѣрѣ обособленія ремесла отъ земледѣлія, въ городахъ—по мѣрѣ развитія городовъ *).

Согласно стариннымъ воззрѣніямъ, ремесленники создали цехи для того, чтобы извѣстнымъ урегулированіемъ производства и сбыта обезпечить какъ существованіе ремесла вообще, такъ и ремесленное существованіе — самостоятельность и равенство — всѣхъ отдѣльныхъ ремесленниковъ.

Такое раціоналистическое объясненіе необходимо оставить. Первоначальные зародыши цеховъ не строились ремесленниками по напередъ составленному плану и съ напередъ опредѣленными цѣлями. Они возникали съ большой непосредственностью,—они, можно сказать, выростали почти такъ же, какъ старинные кровные союзы или, что еще ближе, какъ позднѣйшія деревенскія общины. Содержаніе ихъ дѣятельности — ихъ „цѣли“ — измѣнялось и усложнялось въ ходѣ развитія, а не выступало, какъ нѣчто готовое при самомъ ихъ зарожденіи.

Первоначальный цехъ былъ сколкомъ съ той деревенской общины, изъ которой вышли ремесленники и которая сохраняла большую живучесть въ эпоху зарожденія ремесла: въ XI—XII вѣкѣ. Взаимная помощь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—при постройкѣ дома, обработкѣ земли, пожарѣ, болѣзни, въ дѣлахъ, превышавшихъ силы одиночной семьи, и т. д., — играла крупную роль въ деревнѣ и служила тѣмъ матеріальнымъ базисомъ, который задерживалъ разложеніе старинной недифференцированной сплоченности и поддерживалъ такъ называемый „общинный духъ“. Въ городѣ, благодаря относительной новизнѣ усло-

---

*) Раньше изслѣдователи полагали, что городскіе цехи развились непосредственно изъ организацій феодально-зависимыхъ ремесленниковъ. Въ настоящее время эта гипотеза оставлена. Нѣкоторыя сходства деревенскихъ и городскихъ организацій объясняются не тѣмъ, что вторыя развились изъ первыхъ, а тѣмъ, что у обѣихъ былъ общій корень: деревенская община; общая историческая обстановка была одинакова для тѣхъ и другихъ, и по своей техникѣ городское ремесло лишь съ большой медленностью возвышалось надъ деревенскимъ.

вій существованія, потребность взаимной поддержки еще болѣе возрастала. „Общинный духъ“ не утрачивался на дорогѣ изъ деревни до города. При такихъ обстоятельствахъ нисколько не удивительно, что примитивные ремесленные союзы возникаютъ одновременно съ городскимъ ремесломъ. Было бы, напротивъ, неразрѣшимой загадкой, если бы ремесленники выступили въ исторіи какъ одиночки.

Насколько велика была потребность первоначальныхъ ремесленниковъ въ постоянномъ общеніи, лучше всего показываетъ, пожалуй, тотъ фактъ, что они и разселялись профессіями. Объ этомъ до сихъ поръ напоминаютъ сохранившіяся отъ среднихъ вѣковъ названія улицъ: Кузнецкая, Слесарная, Столярная, Гончарная, Суконная, Полотняная и т. д. (въ Новгородѣ—„концы“ Гончарскій и Плотницкій). Ремесленникамъ не приходилось создавать, выдумывать организацію. Она складывалась. Ремесленники какъ бы просто приносили ее съ собой и въ себѣ.

Точно такъ же не приходилось имъ помышлять объ „уравнительномъ распредѣленіи“ ремесла между собою, выдумывать какія-нибудь искусственныя мѣры для того, чтобы возстановлять равенство. Равенство было фактомъ, который существовалъ независимо отъ воли ремесленниковъ. Размѣры производственныхъ группъ—семей—были почти одинаковы. Всѣ ремесленники приходили въ развивающійся городъ, въ общемъ, съ одинаковыми техническими навыками, съ одинаковыми орудіями труда и—съ одинаковыми достатками или, точнѣе, съ одинаковымъ отсутствіемъ сбереженій. И въ этомъ смыслѣ они были плотью отъ плоти феодальной деревни.

Въ экономическихъ функціяхъ первоначальныхъ цеховъ ярче всего выражена не запретительная, а положительная сторона: стремленіе обезпечить общія условія существованія соотвѣтственнаго промысла. Цехи *) устраиваютъ необходимыя сооруженія для общаго пользованія: сушильни для сукна, заведенія для очистки шерсти, красильныя, прокатныя, аппретурныя, иногда закройныя заведенія и т. д.,—словомъ, приспособленія, необходимыя для всего промысла, но непосильныя для отдѣльнаго ремесленника. Цехи же организуютъ оптовую закупку сырья для всего промысла, когда для его пріобрѣтенія требуются отдаленныя поѣздки, или для опредѣленія его качества требуются спеціальныя способности. Пріобрѣтеніе сырья отъ пріѣзжихъ купцовъ на мѣстномъ

*) Иногда городскіе совѣты. Вообще, наблюдается такое явленіе, что многія функціи, которыя съ теченіемъ времени перешли къ цехамъ, сначала лежали на городскихъ совѣтахъ. Это совершенно естественно: представляя позднѣйшій элементъ городского населенія, ремесленники нѣкоторое время были бы и не въ силахъ взять на свои организаціи разрѣшеніе сколько-нибудь сложныхъ задачъ.

рынкѣ обставляется такими условіями, которыя напоминаютъ обычныя отношенія торга въ деревнѣ: не отдѣльный покупатель, а коллективность противостоитъ продавцу, опредѣляетъ качество товара, цѣну и т. д. Позднѣйшее цеховое законодательство, регулирующее закупки ремесленниковъ на рынкѣ, еще долго сохраняетъ слѣды происхожденія изъ этой примитивной формы торга.

Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что вступленіе въ цехъ было результатомъ не внѣшняго принужденія, а совершенно естественнымъ актомъ, вытекавшимъ изъ внутреннихъ побужденій кандидата въ ремесленники. И такъ же естественно было, что кандидатъ принимался въ ремесло не отдѣльнымъ ремесленникомъ, а всѣмъ цехомъ,—какъ не отдѣльный крестьянинъ, а только вся деревенская община принимала новаго члена. На отдѣльнаго ремесленника возлагалось только руководство окончательной подготовкой къ ремеслу, и онъ же давалъ заключительный отзывъ объ успѣшности подготовки. Этимъ отзывомъ заканчивалось дѣло,—и помощникъ безъ какихъ бы то ни было испытаній становился полноправнымъ членомъ цеха.

Труднѣе рѣшить, въ чемъ лежатъ корни такихъ функцій цеховъ, какъ осмотръ товаровъ передъ поступленіемъ на рынокъ старшинами цеха, и такихъ требованій, какъ однородность матеріала, однокачественность работы, одинаковость длины и ширины (напр. суконъ) и т. д. Во многихъ городахъ подобныя рыночно-полицейскія мѣры развиваются раньше, чѣмъ цехи, и осуществляются городскими совѣтами. Въ такихъ случаяхъ источникомъ ихъ былъ не „общинный духъ“ цеховъ, а, вѣроятно, стремленіе патриціевъ, межъ-областныхъ торговыхъ посредниковъ, гарантировать для себя извѣстный минимумъ доброкачественности товаровъ. Такимъ способомъ эмбріональный „торговый капиталъ“ дѣлаетъ попытки нѣкотораго вторженія въ сферу производства. И лишь по мѣрѣ того, какъ цехи растутъ, крѣпнутъ и наносятъ удары единодержавію стараго патриціата, имъ удается добиться того, чтобы функціи промысловой полиціи осуществлялись одними цеховыми старшинами или старшинами совмѣстно съ представителями городского совѣта.

Несомнѣнно однако, что нѣкоторыя и изъ раннихъ мѣръ цеховъ не могутъ быть названы иначе, какъ запретительными. Таковы главнымъ образомъ извѣстныя ограниченія, дѣлающія для нѣкоторыхъ категорій лицъ невозможнымъ вступленіе въ цехъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и занятіе ремесломъ въ городѣ). Но эти ограниченія отличаются своеобразной естественностью: прозрачностью и непосредственностью связи съ основными условіями мелко-буржуазнаго производства вообще и свободнаго ремесленнаго мелко-буржуазнаго производства, вкрапленнаго въ феодальный міръ, въ частности.

Таково, напр., одно изъ самыхъ раннихъ воспрещеній: воспрещеніе принимать въ цехъ дѣтей неизвѣстныхъ родителей и вообще внѣбрачныхъ дѣтей. Построенное на базисѣ мелкой патріархальной семьи, мелко-буржуазное производство, крестьянское и ремесленное, ревниво охраняетъ этотъ базисъ и мститъ презрѣніемъ и бойкотомъ дѣтямъ тѣхъ, кто расшатываетъ этотъ устой.

Таковы же раннія постановленія нѣкоторыхъ цеховъ не принимать сыновей пастуховъ, льноткачей, мельниковъ и т. д. *). Освободившись отъ феодаловъ тяжкой борьбой, обособившись отъ деревни, надъ населеніемъ которой и въ феодальный періодъ тяготѣло принужденіе къ прибавочному труду въ пользу сеньера, горожане могли охранять это обособленіе только болѣе или менѣе искусственными мѣрами: преграждениемъ доступа къ ремеслу тѣмъ элементамъ деревни, которые подвергались наиболѣе сильной эксплуатаціи сеньера.

Таковъ же источникъ борьбы цеховъ противъ издѣлій деревенскаго ремесла. Цехамъ не удалось добиться полнаго воспрещенія продавать эти издѣлія на городскомъ рынкѣ, но въ большинствѣ случаевъ они сумѣли провести существенныя ограниченія. На заказчиковъ же горожанъ вообще имѣли право работать только городскіе ремесленники. Въ стремленіи убить конкурренцію феодально-зависимаго населенія, цехи стараются превратить свой городъ въ единственный промышленный центръ области: на извѣстномъ разстояніи вокругъ города занятія ремесломъ воспрещаются (Bannmeilenrecht,—причемъ заповѣдная „миля“ отъ черты города лишь очень рѣдко была дѣйствительной милей, а въ новое время расширяется иногда до 8 миль, т.-е. приблизительно до 60 километровъ).

Для этихъ и тому подобныхъ ограничительныхъ и запретительныхъ мѣръ въ ранній періодъ характерно одно обстоятельство: городъ—или по меньшей мѣрѣ промышленная часть его населенія—выступаетъ какъ солидарное, внутренно-единое цѣлое. Конечно, и эти мѣры говорятъ о томъ, насколько ограниченъ техническій базисъ ремесла, насколько слабо его техническое превосходство надъ деревенскими подсобными промыслами, насколько узки и шатки соціальныя условія его существованія. Но онѣ отнюдь еще не свидѣтельствуютъ о внутреннемъ разложеніи самого городского ремесла.

Первые цехи принимали форму братствъ, религіозныхъ союзовъ. Связь ремесленныхъ организацій съ церковными церемоніями настолько велика, что нѣкоторые изслѣдователи полагали, будто цехи съ самаго начала организовались для участія въ культѣ: для содержанія на общій

*) Напомнимъ, что мельницы часто устраивались сеньерами. Мельникъ былъ въ такихъ случаяхъ барщиннымъ крестьяниномъ.

счетъ неугасимыхъ свѣчей передъ изображеніемъ мѣстныхъ святыхъ, для коллективныхъ панихидъ по покойнымъ товарищамъ, для коллективнаго же участія въ погребеніи и во всѣхъ церковныхъ процессіяхъ. Помощь сиротамъ и больнымъ, устройство госпиталей и т. д. тоже принимали форму религіозной благотворительности. Все это и не могло быть иначе при господствѣ церкви въ обществѣ среднихъ вѣковъ *).

Связанные самымъ тѣснымъ сосѣдствомъ, сплоченные еще тѣснѣе всей организаціей выучки и отношеніями повседневной жизни, ремесленники обладали въ своихъ цехахъ готовыми организаціями для всѣхъ случаевъ, когда требовались массовыя дѣйствія. Цехи были готовыми пожарными дружинами, работавшими подъ руководствомъ своихъ старшинъ **). Но они были и готовыми боевыми дружинами, организованно выступавшими по звуку набатнаго колокола,— они были главной боевой силой развивающихся городовъ (условіемъ вступленія въ цехъ почти повсюду ставится пріобрѣтеніе надлежащаго оборонительнаго и наступательнаго оружія). Регулярнаго войска въ средневѣковомъ городѣ не было. Тамъ была всеобщая воинская повинность, но она осуществлялась, какъ всеобщее вооруженіе, какъ народная милиція. Выступая противъ сеньеровъ, города опирались въ первую очередь на ремесленниковъ,—дюжихъ, крѣпкихъ людей,— и рыцарскому ополченію очень скоро пришлось испытать на себѣ организованную военную силу городскихъ цеховъ: „Мы, кожевники, хорошо подубили шкуры рыцарей". „Мы, красильщики, недурно покрасили ихъ въ пурпуровый цвѣтъ".

Но развитіе общественныхъ отношеній въ средневѣковомъ городѣ шло съ большой быстротой. Не успѣлъ онъ освободиться отъ феодаль-

*) Любопытно однако, что въ городахъ съ первыхъ вѣковъ ихъ развитія это господство не было такимъ подавляющимъ, какъ въ деревнѣ. Уже съ XII—XIII вѣка въ привилегіяхъ городовъ Германіи значится, что гражданамъ воспрещается передавать или продавать церквамъ и монастырямъ какую бы то ни было недвижимость. Очень рано началась, но не увѣнчалась такимъ успѣхомъ, и борьба горожанъ противъ податныхъ изъятій и привилегій духовенства, а также противъ промышленнаго производства при монастыряхъ. Борьба съ монастырской промышленностью отразилась на нѣкоторыхъ революціонныхъ требованіяхъ въ эпоху германской крестьянской войны.

**) Эта сторона дѣятельности цеховъ имѣла существенное значеніе. Отапливались дома „по-черному", т.-е. безъ дымоходовъ. Всѣ зданія были исключительно деревянныя: въ Гамбургѣ, Цюрихѣ, Бернѣ еще въ XII вѣкѣ, въ Магдебургѣ, Любекѣ и Бреславлѣ—въ XIII вѣкѣ, въ Шпейерѣ, Гейдельбергѣ и Мюнхенѣ—въ слѣдующемъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ еще въ XIV, въ Аугсбургѣ еще въ XV вѣкѣ—всѣ зданія были крыты гонтомъ (дранью) и соломой. Послѣднее показываетъ, какую огромную роль играло земледѣліе. Средневѣковые города постоянно горѣли, какъ современныя русскія деревни.

наго міра, какъ началась внутренняя борьба: борьба крѣпнущихъ цеховъ противъ патриціата—феодальнаго элемента, все болѣе превращающагося въ плутократическій,—захватившаго городское управленіе и открыто подчиняющаго всѣ городскія отношенія своимъ интересамъ. Уже въ эпоху борьбы германскихъ императоровъ съ папами обнаруживается глубокая соціальная рознь въ городахъ: цехи становятся на сторону свѣтской власти, городская аристократія тянетъ къ папамъ. Съ конца XIII вѣка въ одномъ городѣ за другимъ плебейская пѣхота—ремесленныя дружины—обнаруживаетъ свое военное превосходство надъ патриціанской конницей. Въ цехахъ, которые сплачиваютъ всѣхъ членовъ промысла, растворяется—какъ въ старомъ родѣ—личность каждаго отдѣльнаго члена, но тѣмъ цѣлостнѣе, согласованнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и сильнѣе становится коллективность.

Во многихъ городахъ борьба приняла затяжной характеръ. Торговая аристократія старалась во что бы то ни стало сохранить свои привилегіи и безпощадно расправлялась съ революціонерами. Напр., въ 1301 году въ Магдебургѣ 10 старшинъ цеховъ были сожжены на городской площади, въ 1305 году въ Брюсселѣ нѣсколько „зачинщиковъ“ ремесленнаго движенія живыми зарыты въ землю, въ Кёльнѣ въ 1371 году нѣсколько ткачей предано казни, и многіе съ женами и дѣтьми—въ общей сложности болѣе $1^1/_2$ тысячъ душъ — изгнаны изъ города.

Исходъ борьбы въ разныхъ городахъ опредѣлился общимъ направленіемъ ихъ экономическаго развитія. Въ большинствѣ городскихъ приморскихъ республикъ Италіи полная побѣда осталась за торговой аристократіей. Въ городахъ ганзейскаго союза преобладающей формой экономической дѣятельности становится посредническая торговля; здѣсь борьба цеховъ не могла развернуться далѣе преходящихъ, эпизодическихъ вспышекъ и безпорядковъ. Упорнѣе была она въ Нюрнбергѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ, но тоже не увѣнчалась успѣхомъ. Въ большинствѣ англійскихъ городовъ, а также въ вестфальскихъ — Дортмундѣ, Мюнстерѣ, Оснабрюкѣ—ремесло развилось настолько быстро, что торговой аристократіи пришлось безъ особаго сопротивленія удовлетворить его требованія. Къ половинѣ XIV вѣка въ тѣхъ городахъ Франціи, Нидерландовъ и Германіи, гдѣ ремесло становится относительно крупной экономической силой, политическая борьба вообще заканчивается полной или частичной побѣдой цеховъ. Но во многихъ городахъ она продолжается до конца среднихъ вѣковъ, ея отраженіемъ являются даже нѣкоторыя изъ требованій крестьянской войны въ Германіи.

Въ случаяхъ полной побѣды, цехи овладѣваютъ всѣмъ городскимъ управленіемъ (Аугсбургъ, Констанцъ, Магдебургъ, Брауншвейгъ), иногда

изгоняютъ побѣжденные патриціанскіе роды, иногда заставляютъ ихъ вступать въ цехи ремесленниковъ. Но чаще они добиваются лишь нѣкотораго вліянія на городскія дѣла: цехамъ предоставляется посылать въ городской совѣтъ извѣстное количество своихъ представителей, которые иногда смѣшиваются съ представителями патриціата, но иногда выдѣляются въ особую „цеховую скамью“ или даже въ особую палату, въ „малый совѣтъ,“—соотвѣтствующій палатѣ общинъ,—которому противостоитъ тогда „большой совѣтъ“, представляющій нѣкоторое сходство съ палатою лордовъ.

Но какія конкретныя формы ни принимало бы участіе цеховъ въ политической власти, оно въ конечномъ счетѣ знаменовало не демократизацію управленія, а лишь нѣкоторое расширеніе аристократіи или замѣну патриціанской, торговой аристократіи цеховою, ремесленной аристократіей. Во-первыхъ, внутренняя, экономическая дифференціація ремесла нашла выраженіе въ политической дифференціаціи. выступаютъ цехи привилегированные и неполноправные, и внутри каждаго цеха выдвигается небольшое количество богатыхъ фамилій, которыя фактически только и получаютъ доступъ къ городскому совѣту. Онѣ оттѣсняютъ старыя патриціанскія фамиліи или полюбовно дѣлятся съ ними выгодами отъ городского хозяйства. Мелко-буржуазныя общественныя формы неизбѣжно приводятъ къ такимъ результатамъ. Ихъ производственный базисъ узокъ,—онъ общественный лишь постольку, поскольку основной производственной ячейкой служитъ семья. Отдѣльнымъ же семьямъ, а не ремесленникамъ, какъ классу, достаются и главные плоды побѣды ремесленнаго сословія. Городское управленіе остается такимъ же хозяйничаньемъ узкихъ и жадныхъ кликъ, такимъ же корыстнымъ, испорченнымъ и продажнымъ, какъ было при единовластіи патриціата. Во-вторыхъ, съ того самаго XIV столѣтія, къ которому относятся главныя побѣды цеховыхъ ремесленниковъ, они сами въ полномъ составѣ превращаются въ ремесленную аристократію, которая чѣмъ дальше, тѣмъ безпощаднѣе оберегаетъ свои привилегіи отъ новой демократіи, отъ подмастерьевъ, превращающихся въ особое сословіе внутри ремесла.

Такимъ образомъ классовая борьба въ городахъ не прекращается на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ.

* * *

Формы организаціи, близко напоминающія ремесленные цехи, складывались въ средніе вѣка и въ такихъ сферахъ, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ промышленному производству или даже къ матеріальному производству вообще. Въ средневѣковыхъ городахъ

и отчасти въ деревнѣ были, напр., организованы въ цеховыя корпораціи рыбаки и мелкіе винодѣлы. Съ большой полнотой воспроизводился цеховой строй въ организаціяхъ ландскнехтовъ, и еще полнѣе—въ организаціи средневѣковыхъ ученыхъ профессій: ученикъ, подмастерье, мастеръ—ученикъ, баккалавръ, магистръ. Въ этихъ профессіяхъ нашли широкое примѣненіе даже ремесленные методы борьбы: стачка, неуловимой гранью отдѣляющаяся отъ возстанія (нѣмецкое Aufstand съ среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени имѣетъ непередаваемое никакимъ русскимъ словомъ двойственное значеніе: означаетъ и возстаніе или возмущеніе, и, въ примѣненіи къ рабочимъ, стачку); бойкотъ, обыкновенно сопровождающійся оставленіемъ университетскаго города и недопущеніемъ замѣстителей, переселеніемъ въ сосѣдніе города и перенесеніемъ въ нихъ „ученой промышленности“ изъ старыхъ пунктовъ.

Способъ возникновенія цеховаго строя въ этихъ сферахъ до настоящаго времени недостаточно изслѣдованъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—у винодѣловъ, рыбаковъ, ландскнехтовъ—несомнѣнно имѣло мѣсто простое перенесеніе цеховой организаціи, защищающей монопольное положеніе наличныхъ членовъ профессіи, изъ промышленной области. Въ другихъ съ самаго начала обнаруживали свое дѣйствіе такія же предпосылки, какъ въ области ремесла. Такъ, ученыя профессіи на протяженіи значительной части среднихъ вѣковъ пользовались фактической монополіей; методы выучки характеризовались такимъ же господствомъ субъективизма и такой же интимной близостью мастера (магистра) и учениковъ, какъ въ собственно ремеслѣ; въ мистеріи алхиміи или астрологіи новичокъ вводился съ такой же постепенностью, органически связанной съ его возрастомъ, какъ въ ремеслѣ: малолѣтній, юноша, взрослый человѣкъ — ученикъ, подмастерье (студентъ), мастеръ (магистръ).

4. Разложеніе ремесла. Классовая борьба внутри ремесла.

Со второй половины XIV вѣка начинается величайшій расцвѣтъ ремесла, продолжающійся до половины слѣдующаго столѣтія. Но въ это же самое время въ его глубинахъ совершаются измѣненія, которыя подтачиваютъ и разлагаютъ ремесленный строй въ одномъ промыслѣ за другимъ.

Прежде всего, измѣняется техника ремесла. Расширеніе рынка сопровождается распаденіемъ цѣлостныхъ раньше промысловъ на детальныя подраздѣленія, которыя становятся все дробнѣе и мельче. И чѣмъ мельче эти подраздѣленія, тѣмъ элементарнѣе становится ремесленная выучка, тѣмъ быстрѣе раскрывается тотъ покровъ мистеріи, тайны,

который при зарожденіи ремесла окружалъ производственные процессы. Дробленіе старинныхъ цѣлостныхъ промысловъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводитъ къ тому, что намѣчается мануфактурное разложеніе производственнаго процесса. И хотя детальные работники, преимущественно деревенскіе, еще не объединяются въ одной мастерской, но они уже объединяются посредникомъ-раздатчикомъ, и продукты ихъ уже начинаютъ конкуррировать съ ремесленными издѣліями. Это явленіе наблюдается въ особенности въ области производства сукна и въ нѣкоторыхъ металлургическихъ промыслахъ.

Далѣе, многіе промыслы, возникавшіе въ формѣ ремесленнаго производства, съ теченіемъ времени становятся технически возможными только въ видѣ крупнаго производства съ чрезвычайно сложнымъ и дорогимъ оборудованіемъ. Наиболѣе яркимъ примѣромъ можетъ служить горное дѣло. Пока можно ограничиваться поверхностной выработкой руды или розсыпей, устройство „дудки“ не превышаетъ силъ отдѣльной семьи. Съ углубленіемъ разработки становится необходимой сложная система шахтъ съ водоподъемными машинами, вентиляціонными приспособленіями и т. д. Пока техника производства желѣза оставалась кузнечной, у крупнаго производства не было почвы. Съ переходомъ къ техникѣ доменной печи почву утратило мелкое производство.

Конечно, „общинный духъ“, „артельное начало“, характерные для первоначальныхъ ремесленниковъ, наталкивали на нѣкоторые способы для того, чтобы примирить мелкое самостоятельное производство съ необходимостью сложныхъ, дорогихъ сооруженій: послѣднія устраиваются коллективными силами для нуждъ всей коллективности. Но этотъ выходъ для ремесла существовалъ лишь до тѣхъ поръ, пока сохранялись предпосылки артельнаго, недифференцированнаго бытія,—т.-е. пока дифференціація ремесленниковъ внутри каждаго цеха не заходила сколько-нибудь глубоко, пока каждый промыселъ въ цѣломъ характеризовался всестороннимъ господствомъ посредственности. По мѣрѣ того, какъ ремесленное сословіе разслояется, такія коллективныя сооруженія постепенно попадаютъ въ руки тѣхъ, кто ими завѣдуетъ, а впослѣдствіи они уже съ самаго начала устраиваются зажиточными членами цеховъ исключительно за свой счетъ и для своей выгоды. Такія сооруженія превращаются для богатыхъ ремесленниковъ въ опорные пункты экономическаго подчиненія номинальныхъ товарищей по цеху и чрезвычайно ускоряютъ процессъ разслоенія.

Измѣняются съ развитіемъ ремесла и всѣ рыночныя отношенія. Прежде всего, техника транспорта дѣлаетъ нѣкоторый шагъ впередъ. Превращаясь въ промышленный центръ своей области, каждый городъ становится узломъ дорогъ, все еще очень плохихъ, но тѣмъ не менѣе

допускающихъ колесный транспортъ вмѣсто прежняго вьючнаго. Устраиваются и поддерживаются мосты, кое-гдѣ настилаются гати и т. д. Рѣчной транспортъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ достигаетъ почтенныхъ размѣровъ. Еще быстрѣе развивается морской транспортъ. Такъ какъ эти явленія одновременно совершаются во всѣхъ областяхъ, то постепенно самыя отдаленныя изъ нихъ связываются между собою непрерывными дорогами, которыя по средневѣковымъ условіямъ могли называться проѣзжими.

Политическое объединеніе, въ которомъ учитывается экономическое объединеніе посредствомъ развивающагося обмѣна, въ свою очередь устраняетъ цѣлый рядъ помѣхъ для торговыхъ сношеній. Съ одной стороны, объединители, какъ, напр., Людовикъ XI во Франціи, связываютъ отдаленнѣйшія части своихъ странъ усовершенствованными путями и вообще развиваютъ средства сношеній (создается примитивная почта). Хотя они преслѣдуютъ при этомъ въ первую очередь военно-полицейскія цѣли — стремятся усовершенствовать методы подавленія областныхъ, сепаратистскихъ, феодальныхъ тенденцій, — однако все это создаетъ солидный базисъ для полной перестройки всѣхъ отношеній средневѣковой торговли. Съ другой стороны, подавляя былую независимость областныхъ сюзереновъ и мелкихъ сеньеровъ, централизаторы повышаютъ безопасность передвиженія торговыхъ обозовъ и каравановъ.

Въ условіяхъ пріобрѣтенія сырья ремесленниками постепенно назрѣваетъ цѣлый переворотъ. Рынокъ сырья, изъ преобладающе областного для большинства промысловъ, расширяется въ національный, наконецъ, даже въ интернаціональный (напр., рынокъ шерсти). Мѣстныя различія въ условіяхъ производства сырья пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе. По мѣрѣ того, какъ на рынкахъ появляются и сталкиваются между собою продукты все новыхъ и новыхъ мѣстностей, замкнутыхъ въ прежнее время вслѣдствіе бездорожья,—рушится старая неизмѣнность условій пріобрѣтенія, начинается революція цѣнъ, все болѣе ускоряющаяся съ теченіемъ времени. Стародѣдовская мудрость, сложившаяся на базисѣ неподвижности всѣхъ отношеній, терпитъ банкротство, когда она ставится лицомъ къ лицу съ постояннымъ движеніемъ, съ нескончаемыми измѣненіями. Новый рынокъ требуетъ и новыхъ людей: не ремесленниковъ, а тѣхъ спеціалистовъ, которые появляются и растутъ вмѣстѣ съ новымъ рынкомъ. Какъ аппретурщикъ или красильщикъ, устраивающіе дорогія мастерскія для окончательной отдѣлки сукна, подчиняютъ себѣ суконщиковъ, такъ въ большинствѣ другихъ промысловъ ремесленники попадаютъ въ экономическую зависимость отъ тѣхъ купцовъ, у которыхъ они теперь пріобрѣтаютъ сырье. Въ этихъ купцовъ—

какъ и въ аппретурщиковъ—иногда превращаются отдѣльные цеховые ремесленники, главнымъ образомъ тѣ, которымъ цехи поручали коллективную закупку сырья.

Но устойчивость отношеній исчезаетъ не только для пріобрѣтенія, но и для сбыта. На рынкѣ сталкиваются ремесленныя издѣлія, производимыя при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Рыночныя отношенія становятся настолько сложными и измѣнчивыми, что въ нихъ не въ состояніи ориентироваться ремесленный умъ, сложившійся въ отношеніяхъ неизмѣнности и постоянства. Торговецъ отдѣляется теперь отъ ремесленника, который раньше соединялъ въ себѣ производителя и торговца. Коллективная организація сбыта черезъ спеціалистовъ-уполномоченныхъ цеха, осуществимая при почти полной недифференцированности отношеній, становится невозможной, когда отдѣльные ремесленники, экономически отслоившись отъ массы, пріобрѣтаютъ вкусъ къ дальнѣйшему выдѣленію изъ нея. Уполномоченные цеховъ, организовавшіе сбытъ (они же обычно закупали и сырье для цеховъ), постепенно превращаются въ скупщиковъ, которые торгуютъ ремесленными произведеніями уже за свой собственный счетъ и исключительно для собственной выгоды.

Согласно популярнымъ воззрѣніямъ, самостоятельнаго ремесленника убиваетъ конкурренція машиннаго производства. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что капиталъ въ своемъ историческомъ развитіи находитъ несравненно болѣе многочисленные и разнообразные способы подчиненія ремесленника. Удары самостоятельному ремеслу наносятся много раньше, чѣмъ выступаетъ машинное производство. И въ позднѣйшее время, отчасти на нашихъ глазахъ, ремесло гибнетъ и въ такихъ промыслахъ, на которые не распространяется крупное производство ни въ формѣ фабрики, ни въ формѣ мануфактуры. Только при полномъ непониманіи общихъ условій существованія самостоятельнаго ремесла и при плоскомъ, упрощенномъ, схематическомъ изображеніи его историческаго развитія можно было надѣяться, что его удастся спасти при помощи артельнаго пріобрѣтенія машинъ или посредствомъ изобрѣтенія и распространенія мелкихъ моторовъ.

Измѣненіе средневѣковыхъ рыночныхъ отношеній само по себѣ было бы недостаточно для того, чтобы у торговыхъ посредниковъ, аппретурщиковъ и проч. явилась возможность экономически подчинить себѣ самостоятельныхъ ремесленниковъ, т.-е. принудить ихъ къ прибавочному труду въ свою пользу. Пока спросъ на ремесленные продукты превышалъ ихъ предложеніе, позиція ремесленника по-прежнему была монопольной, онъ по-прежнему могъ диктовать цѣны. Конечно, упрощеніе ремесленной техники, вытекавшее изъ распаденія

промысловъ, представляло для него нѣкоторую угрозу. Но эта угроза становится реальной лишь съ того времени, какъ начинается ускоряющійся притокъ населенія въ города и увеличивается число кандидатовъ въ ремесленники.

Съ XI до половины XIV вѣка населеніе важнѣйшихъ странъ Запада возрастало очень медленно, иногда, вслѣдствіе опустошительныхъ эпидемій, даже падало. Это обстоятельство, несмотря на переходъ къ денежнымъ повинностямъ, способствовало сохраненію мягкихъ отношеній въ деревнѣ. Эмиграція въ города оставалась умѣренной, переселялись въ нихъ преимущественно окрестные жители, уже подвергшіеся вліянію городскихъ отношеній, а потому не понижавшіе обычнаго уровня жизни ремесленниковъ.

Со второй половины XIV вѣка положеніе измѣняется. Во-первыхъ, начинается относительно быстрый приростъ населенія. Во-вторыхъ переходъ феодальной эксплуатаціи въ крѣпостническую, намѣчающійся около этого времени въ деревнѣ, оказываетъ отраженное дѣйствіе и на городъ. Крестьянинъ въ городѣ ищетъ спасенія отъ возрастающихъ тягостей. Но приноситъ онъ въ городъ уже не тотъ сравнительно высокій уровень жизни и не ту высокую способность къ сопротивленію, какъ крестьянинъ феодальной эпохи. онъ является какъ крѣпостной, который долгое время подвергался режиму принудительнаго труда, пока суровость отношеній не превысила всякую мѣру терпѣнія. Раньше онъ приносилъ съ собой и въ себѣ отношенія свободной феодальной общины,— теперь приноситъ отношенія крѣпостного деревенскаго міра. Раньше пришельцы являлись только изъ ближайшей округи,—теперь уходъ въ города смѣняется бѣгствомъ изъ отдаленнѣйшихъ областей.

Ускореніе темпа такихъ измѣненій хорошо иллюстрируется слѣдующей таблицей. Изъ каждой сотни новыхъ жителей Франкфурта на Майнѣ пришло изъ мѣстъ, находящихся отъ него на разстояніи:

Годы	До 2 миль *).	2—10 миль.	10—20 миль.	Болѣе 20 миль.
1311—1350	54,8	35,5	6,5	3,2
1351—1400	39,4	42,9	11,1	6,6
1401—1450	22,9	54,4	12,6	10,1
1451—1500	23,9	51,2	11,3	14,3

Изъ каждой сотни подмастерьевъ по металлу въ XV—XVI вѣкѣ пришло во Франкфуртъ съ разстоянія: до 2 миль—2,7, до 10 миль — 45,0, болѣе 10 миль—52,3, т.-е. болѣе половины подмастерьевъ—уроженцы мѣстностей, отстоящихъ далѣе 70 километровъ.

*) Нѣмецкая миля нѣсколько менѣе $7^1/_2$ километровъ.

Подтачиваемое изнутри, подвергаясь нападеніямъ извнѣ, ремесло прибѣгаетъ къ охранительнымъ мѣрамъ. Въ дѣятельности цеховъ запретительная сторона получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ положительной.

Техническая неподвижность ремесла въ періодъ его расцвѣта была фактомъ, вытекавшимъ изъ всѣхъ его отношеній. Чѣмъ болѣе разлагаются промыслы, тѣмъ проще и механичнѣе становятся производственныя операціи, и чѣмъ механичнѣе дѣлаются онѣ, тѣмъ неизбѣжнѣе становится появленіе изобрѣтеній, которыя переносятъ выполненіе этихъ операцій съ человѣка на механизмъ, на машину. По мѣрѣ приближенія новаго времени все чаще становятся извѣстія объ изобрѣтеніяхъ, которыя представляютъ крупный шагъ впередъ отъ рутинной ремесленной техники. Цехи искусственными мѣрами стараются остановить техническое развитіе. Судьба изобрѣтеній, сберегающихъ трудъ человѣка, неизмѣнна все время, пока ремесленное сословіе представляетъ политически вліятельную соціальную силу. Городскіе совѣты вынуждаются уступить давленію цеховъ, иногда принимающему форму городскихъ революцій, — и приказываютъ разбить и сжечь усовершенствованные станки, а изобрѣтателей подвергаютъ изгнанію, если только ихъ не постигаетъ еще горшая участь: пожизненное заточеніе, смерть отъ руки взбунтовавшихся ремесленниковъ или тайныхъ убійцъ. Цехи становятся и остаются до новѣйшаго времени организаціями борьбы противъ всего, что ведетъ къ повышенію производительности труда: ремесленникъ на каждомъ шагу убѣждается, что необходимой предпосылкой монополіи, главной основы ремесленнаго благополучія, является застойная техника.

Чѣмъ болѣе дробятся раньше цѣлостные промыслы, тѣмъ неизбѣжнѣе становится вторженіе ремесленниковъ изъ одного промысла въ сферу другого, и тѣмъ быстрѣе выростаетъ вражда къ такого рода вторженіямъ. Съ конца среднихъ вѣковъ начинается та непримиримая борьба между родственными цехами, тѣ почти анекдотическаго свойства процессы изъ-за разграниченія переплетающихся сферъ, которые захватываютъ и значительную часть новаго времени. Все рѣзче вырисовывается цеховая замкнутость и цеховая ограниченность ремесла.

Старинныя запретительныя мѣры, направленныя противъ конкурренціи деревенскаго ремесла, развиваются въ сложную систему рогатокъ, ограничивающихъ доступъ новыхъ пришельцевъ и затрудняющихъ сбытъ привозныхъ товаровъ на городскомъ рынкѣ. Быстро увеличивается рядъ профессій, занятіе которыми признается „безчестящимъ", лишаетъ права пріобрѣсти званіе гражданина и слѣлаться членомъ того

или иного цеха. Такое лишеніе правъ распространяется не только на членовъ „безчестящихъ“ профессій и происхожденія, но и на ихъ сыновей, иногда даже на внуковъ. Оно вообще принимаетъ настолько искусственный и произвольный характеръ, что современнымъ апологетамъ цеховой средневѣковщины, несмотря на всѣ ихъ старанія, никакъ не удается раскрыть хотя бы проблескъ общественной раціональности въ большинствѣ такихъ запретительныхъ мѣръ.—Привозные товары подвергаются самому придирчивому осмотру. Время, въ теченіе котораго разрѣшается торговать ими, ограничивается до крайнихъ предѣловъ. Принудительно устанавливаются цѣны, ниже которыхъ не должны продаваться товары. Таксы минимальныхъ цѣнъ все растутъ и расширяются, для проведенія ихъ въ жизнь создаются все болѣе строгіе и выработанные регламенты *). — При закупкѣ привознаго сырья ремесленникъ создаетъ для себя привилегированное положеніе. Оно поступаетъ въ вольную продажу лишь послѣ того, какъ всѣ ремесленники пополнятъ свои запасы, и продается по цѣнамъ, которыя назначены цехами (или находящимися подъ ихъ вліяніемъ городскими совѣтами). Широкая конкурренція становится фактомъ, — и было бы трудно дать исчерпывающее описаніе тѣхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ ремесленники стараются возстановить такое важное условіе существованія ремесла, какъ отсутствіе конкурренціи.

Пока всѣ техническія, экономическія и соціальныя отношенія средневѣковаго общества служили прочной опорой для ремесленнаго строя, изъ этихъ отношеній, какъ указано выше, совершенно естественно и непринужденно вытекало извѣстное равенство всѣхъ ремесленниковъ, какъ товаропроизводителей. Выдѣленіе болѣе зажиточныхъ ремесленниковъ сопровождается расширеніемъ мастерскихъ за рамки семейнаго производства. Упрощеніе техники позволяетъ привлекать къ производству лицъ, не прошедшихъ продолжительной выучки. Притокъ деревенскаго населенія расширяетъ тотъ контингентъ, изъ котораго мастера получаютъ помощниковъ. Отдѣльные мастера расширяютъ свое

*) Консервативные историки и экономисты, до сихъ поръ возвеличивающіе „соціальный духъ“, проникавшій средневѣковыя учрежденія, увѣряютъ, будто вся цеховая регламентація и, въ частности, таксы диктовались соображеніями „общаго блага“ и, въ первую очередь, интересами потребителей. Они игнорируютъ тотъ фактъ, что таксами опредѣлялись минимальныя, а не максимальныя цѣны, чего требовали бы интересы потребителей. Въ цехахъ пекарей и мясниковъ типичное для ремесла монопольное образованіе цѣнъ раньше всего развернуло свои слѣдствія, и эти слѣдствія приходилось нести городскому населенію Только этимъ и отличаются они отъ другихъ цеховъ. Консервативные историки либо умалчиваютъ объ этихъ цехахъ, либо представляютъ дѣло такимъ образомъ, будто они не характерны для собственно ремесла и вообще не имѣютъ къ нему никакого касательства.

производство за счетъ остальной массы. Этотъ процессъ нашелъ выраженіе въ числовомъ соотношеніи мастеровъ и помощниковъ. Въ XIII—XIV вѣкахъ на двухъ мастеровъ приходится въ среднемъ одинъ подмастерье. Съ приближеніемъ новаго времени это отношеніе повышается до 1, 2, 3, даже до 5 на одного мастера. Распредѣленіе подмастерьевъ между мастерами становится все болѣе неравномѣрнымъ. У однихъ производство по своимъ размѣрамъ остается семейнымъ, у другихъ — постепенно выростаетъ въ капиталистическія предпріятія. Такъ, въ 1514 году въ Вормсѣ за участіе въ бунтѣ былъ казненъ одинъ цеховой скорнякъ-мастеръ, у котораго въ то время работало 18 подмастерьевъ, и товаровъ на складѣ было приблизительно на 100.000 марокъ (болѣе 45.000 руб.). Разумѣется, такой товаропроизводитель могъ захватывать мѣсто на рынкѣ, лишь вытѣсняя мелкихъ товаропроизводителей.

Чѣмъ болѣе возрастаетъ производственное неравенство ремесленниковъ, тѣмъ сильнѣе развивается въ цехахъ стремленіе декретировать равенство: различными обязательными постановленіями возстановить исчезающее уравнительное распредѣленіе области ремесла между наличными мастерами. Мелочная регламентація техники, осмотръ товаровъ, выносимыхъ на рынокъ, установленіе минимальныхъ цѣнъ,—все это превращается въ средство для того, чтобы устранить конкурренцію, побивающую, при одинаковой добротности, сравнительной дешевизной товаровъ. Нормировка числа помощниковъ, которыхъ позволяется держать мастеру, и количества кусковъ сукна, полотна и т. д., которое разрѣшается ему выпускать изъ мастерской въ теченіе года,—всѣ эти мѣры прямо должны прекратить расширеніе однихъ ремесленныхъ производствъ въ ущербъ другимъ. Но уже одна необходимость постоянно повторять и обострять эти предписанія показываетъ, насколько тщетны были всѣ усилія задержать возрастающую дифференціацію искусственными барьерами. Зажиточный мастеръ все больше отдѣлялся отъ массы, и, выносимый своими номинальными товарищами по цеху, поднимаясь на ихъ плечахъ въ городскіе совѣты и сливаясь тамъ съ формирующейся торговой буржуазіей, политически закрѣплялъ свое выдѣленіе.

Но съ наибольшей тяжестью новое законодательство цеховъ, насквозь проникнутое страхомъ передъ надвигающейся конкурренціей, обрушивается на ремесленныхъ помощниковъ.

Въ первоначальный періодъ городского ремесла срокъ, въ теченіе котораго кандидатъ въ ремесленники оставался помощникомъ, вообще не превышалъ времени, дѣйствительно необходимаго для выучки. Когда монопольное положеніе ремесла пошатнулось, цехи устанавливаютъ

минимальную продолжительность ученичества въ 3—4 года. Чѣмъ усиленнѣе притокъ новаго населенія къ городамъ, тѣмъ болѣе удлиняются обязательные сроки ученичества: въ Италіи и Фландріи до 5—6 лѣтъ, во Франціи до 6—8 (въ нѣкоторыхъ парижскихъ цехахъ до 10—12 лѣтъ), въ Англіи уже съ начала XIV вѣка—до 7 лѣтъ.

Въ Германіи срокъ ученичества остался довольно короткимъ: 3—4 года. Но зато въ большинствѣ промысловъ создается (начиная съ XIV вѣка) новая переходная ступень къ положенію мастера: званіе подмастерья. Такимъ образомъ и здѣсь, хотя ремесленная техника упрощается, срокъ выучки увеличивается, въ общемъ, до такихъ же размѣровъ, какъ въ другихъ странахъ.

Простой отзывъ мастера объ успѣхахъ помощника, достаточный въ первые вѣка городского развитія для принятія въ цехъ, съ XIV вѣка удовлетворяетъ цеховыхъ ремесленниковъ лишь постольку, поскольку онъ гарантируетъ благонадежность кандидата въ мастера. Для испытанія технической подготовки одинъ цехъ за другимъ вводятъ особый экзаменъ: кандидатъ въ мастера по указанію старшинъ цеха долженъ самостоятельно выполнить пробную работу,—произвести Meisterstück, Mastestick, essay, chef d'ouevre. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе повышаются требованія: становится дороже матеріалъ, который приходится пріобрѣтать подмастерью, продолжительнѣе время, въ теченіе котораго онъ долженъ существовать безъ всякаго заработка, сложнѣе—иногда невыполнимѣе—техническія задачи, которыя ставятъ ему, безполезнѣе работа, которую задаютъ ему,—ее обычно воспрещаютъ продавать или уничтожаютъ по изготовленіи. Готовясь къ производству рядовыхъ продуктовъ, онъ съ жалкими техническими средствами долженъ создавать художественныя произведенія.

По мѣрѣ того, какъ подтачиваются устои средневѣковаго ремесла, все труднѣе становится выборъ города, гдѣ новый мастеръ могъ бы заработать для себя необходимое пропитаніе. Поэтому подмастерье, готовясь открыть собственную мастерскую, начинаетъ странствовать изъ города въ городъ и, только познакомившись со всѣми условіями, избираетъ мѣсто прочной осѣдлости. Цехи (въ Германіи и Франціи) превращаютъ эти вольныя странствованія въ принудительныя, устанавливаютъ и удлиняютъ минимальные сроки этихъ обязательныхъ путешествій. Разумѣется, въ системѣ цеховой идеологіи и такое принужденіе выступаетъ, какъ продиктованное интересами потребителей: цехи стремились будто бы гарантировать наивысшее техническое совершенство для своихъ промысловъ.

Во многихъ случаяхъ ко всему этому присоединялся еще такъ называемый выжидательный періодъ, періодъ искуса, Muthzwang: отбывъ

всѣ установленные сроки, кандидатъ въ мастера долженъ былъ еще нѣсколько лѣтъ оставаться простымъ помощникомъ, чтобы доказать серьезность своихъ стремленій къ избранной профессіи и обнаружить силу своей нравственной выдержки.

Во многихъ ремеслахъ, благодаря цѣлому ряду условій сложность оборудованія, необходимость значительныхъ запасовъ сырья и ихъ дороговизна, продолжительность періода производства, продолжительность времени отъ производства до реализаціи продукта и т. д.,—требовалось значительное состояніе для устройства самостоятельной мастерской. Подмастерьямъ, прошедшимъ всѣ испытанія, и послѣ того долгое время приходилось оставаться простыми помощниками, пока изъ трудовыхъ сбереженій не получалась необходимая минимальная сумма. Цехи форсируютъ это развитіе ремесла отъ дѣйствительно ремесленныхъ, мелкобуржуазныхъ формъ въ направленіи къ капиталистическимъ формамъ. Создается цѣлая система поборовъ за вступленіе въ цехъ. Растутъ вступные взносы въ цеховыя кассы, регламентируются до мелочей и разростаются въ настоящія пиршества тѣ обязательныя угощенія, которыя вновь принятый мастеръ долженъ устроить принявшимъ его товарищамъ по цеху. Неизмѣнно растетъ и тотъ имущественный цензъ, при наличности котораго новый пришелецъ только и можетъ пріобрѣсти званіе гражданина, безъ чего ему были бы воспрещены самостоятельныя занятія ремесломъ.

Но полнаго торжества этотъ ограничительный духъ достигаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда цехамъ удается нормировать число мастеровъ, установить неизмѣнный комплектъ. Такъ, число мясниковъ въ Штеттинѣ ограничивается 14, въ Бесковѣ 22; число шляпочниковъ въ Руанѣ установлено въ 50, игольщиковъ въ Любекѣ—въ 12, жестяниковъ въ Нюрнбергѣ—въ 12. Кандидаты должны дожидаться, пока не освободится мѣсто за смертью или по иной причинѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивается число цеховъ съ зафиксированными комплектами,—и тѣмъ чаще возобновляются попытки сокращать установленные комплекты. Чѣмъ дальше уходитъ то время, когда число ремесленниковъ фактически оставалось неизмѣннымъ, тѣмъ отчаяннѣе становятся попытки чисто внѣшними мѣрами остановить ускоряющееся переполненіе ремесла. По мѣрѣ того, какъ промыселъ уходитъ отъ мелкихъ самостоятельныхъ ремесленниковъ, ремесло объявляется собственностью наличныхъ мастеровъ.

Отсюда лишь одинъ шагъ до превращенія ремесленнаго промысла въ наслѣдственную собственность мастеровъ. Для сыновей послѣднихъ срокъ ученичества сокращается или совсѣмъ отпадаетъ. Чужимъ подмастерьямъ задается пробная работа, требующая нѣсколькихъ недѣль

труда, сыновьямъ мастеровъ—работа просто для виду; потомъ всякія испытанія для нихъ отмѣняются. Отъ нихъ при поступленіи въ цехъ требуются уменьшенные взносы; наконецъ, они совсѣмъ освобождаются отъ платежей. Въ связи съ комплектомъ, званіе мастера становится доступнымъ только для сыновей мастеровъ. Безъ всякихъ испытаній и съ минимальными взносами принимаются въ мастера лица, женившіяся на дочери (или вдовѣ) мастера. Словомъ, развивается способъ замѣщенія освобождающихся „вакансій", во многихъ отношеніяхъ напоминающій извѣстныя явленія среди русскаго духовенства.

Превращеніе званія мастера въ наслѣдственную привилегію очень ярко характеризуетъ тѣ измѣненія, которыя совершаются въ ремеслѣ. Отъ мастера въ извѣстныхъ случаяхъ не требуется никакой подготовки. Значитъ, мастеръ превращается просто въ собственника мастерской. Доходы притекаютъ къ нему, по крайней мѣрѣ отчасти, просто въ силу его права собственности, а не потому, что, какъ было раньше, онъ самъ принимаетъ участіе въ производственномъ процессѣ. Это обстоятельство вскрываетъ ту трагедію, которую пережило ремесло,— какъ переживаетъ, борясь за свое существованіе, всякая мелко-буржуазная форма: создавая сложный аппаратъ для того, чтобы сохранить ускользающую уравнительность распредѣленія, рядовые ремесленники только ускоряютъ процессъ образованія зачаточныхъ капиталистическихъ предпринимателей. Если вглядѣться въ перечисленныя выше ограничительныя мѣры, то будетъ ясно, что это — ихъ общая и основная тенденція.

Всѣ эти мѣры свидѣтельствуютъ объ одномъ: на городское ремесло надвигается принужденіе къ прибавочному труду.

Съ одной стороны, къ прибавочному труду принуждаетъ его торговый капиталъ, который перехватываетъ отношенія ремесленника къ рынку, сталкиваетъ продукты, произведенные при разнообразнѣйшихъ естественныхъ и соціально-экономическихъ условіяхъ, возбуждаетъ конкурренцію между производителями и все болѣе подчиняетъ ихъ своей власти. Цѣны диктуетъ онъ, а не ремесленникъ. Для полученія прежней выручки мелкому ремесленнику приходится удлинять свое рабочее время и засаживать за работу жену и дѣтей. Чрезмѣрный трудъ и недостаточное потребленіе надвигаются на ремесло,—на мелкаго мастера, на его семью и постороннихъ помощниковъ.

Съ другой стороны, къ прибавочному труду принуждаютъ привилегированные мастера, постепенно развивающіеся въ капиталистическихъ предпринимателей. Ихъ дѣятельность все болѣе сосредоточивается на рыночныхъ отношеніяхъ, они все болѣе устраняются отъ непосредственнаго участія въ производствѣ, производство все болѣе

утрачиваетъ семейный характеръ, и подмастерья изъ членовъ семьи и помощниковъ мастера все болѣе превращаются въ его наемныхъ рабочихъ. Удлиненіе ихъ рабочаго дня увеличиваетъ прибыль, но не увеличиваетъ работы хозяина. Ухудшеніе стола для нихъ ускоряетъ накопленіе, но не вредитъ здоровью хозяина. Продовольствіе отъ мастера развивается въ особый видъ truck-system,—системы расплаты товарами: мастеръ, не ограничиваясь тѣмъ, что при покупкѣ рабочей силы онъ до предѣловъ возможнаго понижаетъ ея цѣну, старается еще извлечь барышъ изъ рабочихъ, какъ изъ покупателей и потребителей предметовъ питанія и одежды.

Ремесленное ученичество уже съ конца XV вѣка превращается въ ту отвратительную пародію на дѣйствительное техническое обученіе, какой оно остается въ мелкомъ производствѣ до настоящаго времени. Плата въ первые годы берется съ родителей ученика. за жалкое, голодное продовольствіе, за обученіе, которое въ дѣйствительности отсутствуетъ. Мальчикъ превращается въ разсыльнаго, въ няньку, въ кухарку. Не оставляется необходимаго времени для отдыха, даже для сна. Принимая на себя отеческое попеченіе объ ученикѣ, мастеръ вооружается и всей полнотой отеческой власти. Примѣняются жестокія тѣлесныя наказанія, переходящія въ форменныя истязанія. Таковы отношенія ученичества, напр., по воспоминаніямъ Іоганна Буцбаха (на границѣ XV и XVI вѣковъ).

Такія перемѣны намѣчаются въ городѣ къ концу среднихъ вѣковъ. Средневѣковый городъ возникъ въ порахъ феодальнаго общества. Въ процессѣ своего роста онъ расширялъ эти поры. Все болѣе высвобождаясь изъ-подъ власти феодальныхъ отношеній, онъ постепенно превратился въ особый экономическій и политическій міръ. Въ то время, какъ въ деревнѣ принужденіе къ прибавочному труду все возрастаетъ,—въ городѣ оно сокращается. Въ то время, какъ административная и судебная зависимость деревенскаго міра отъ сеньера увеличивается,—городъ развивается въ самоуправляющуюся, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и въ суверенную коммуну.

Но въ ходѣ развитія измѣнялся весь строй средневѣковаго общества, взятаго въ цѣломъ. Глубже проникало раздѣленіе труда между городомъ и деревней. Вширь и вглубь росъ обмѣнъ. Тѣснѣе объединялись, экономически и политически, феодально-автономныя области. Въ деревнѣ феодальная эксплуатація переходила въ крѣпостническую. Всѣ эти измѣненія, совершившіяся при огромномъ участіи городовъ, отразились и на строѣ городскихъ отношеній. И къ городскимъ промышленнымъ производителямъ подбирается принужденіе къ прибавочному труду. Разница только въ томъ, что въ деревнѣ оно получаетъ

характеръ прямого личнаго принужденія, осуществляемаго помѣщикомъ, устраняющимся отъ всякихъ общественно-необходимыхъ функцій. Напротивъ, въ городѣ оно появляется, какъ безличная сила, какъ анонимная власть зарождающагося капитала, какъ неумолимый гнетъ объективныхъ общественныхъ отношеній. Никто не посягаетъ на личность промышленнаго производителя. Ростовщикъ выручаетъ его изъ нужды. Купецъ восполняетъ своимъ знаніемъ рыночныхъ отношеній ремесленное незнаніе новаго рынка. И даже мастеръ, превращающійся въ предпринимателя, выступаетъ для ремесленнаго сознанія, медленно овладѣвающаго новыми отношеніями, не какъ эксплуататоръ, а какъ благодѣтель, дающій работу и заработокъ производителю, лишенному средствъ производства (ходячее нѣмецкое названіе предпринимателя, Arbeitsgeber, непосредственно означаетъ „работодатель“).

По всѣмъ этимъ причинамъ деревенская общественная программа, быстро складывающаяся въ ходѣ крестьянскихъ движеній, носитъ такой же ясный и конкретный характеръ, какъ сама крѣпостническая эксплуатація; уничтоженіе власти помѣщиковъ — центральный пунктъ этой программы. Напротивъ, ни въ требованіяхъ цеховыхъ ремесленниковъ, ни въ позднѣйшихъ требованіяхъ подмастерьевъ мы долго не находимъ пунктовъ, которые такъ же увѣренно и непосредственно были бы направлены противъ развивающихся специфически-городскихъ методовъ эксплуатаціи.

* * *

Всѣ мѣры, направленныя къ тому, чтобы затруднить для подмастерья доступъ къ званію мастера, служатъ симптомомъ одного основного явленія: ремесленное сословіе дифференцируется и постепенно выдѣляетъ кверху классъ капиталистическихъ предпринимателей, а книзу—классъ наемныхъ рабочихъ.

Пока положеніе помощника было кратковременной подготовительной ступенью къ положенію мастера, одна и та же организація охватывала и подмастерьевъ, и мастеровъ. Первые были неполноправные, вторые—полноправные члены цеха, и это различіе было естественнымъ выводомъ изъ технической подготовки и жизненнаго опыта тѣхъ и другихъ.

По мѣрѣ того, какъ у мастеровъ проявляется тенденція къ нѣкоторому обособленію и растетъ численность подмастерьевъ,—цехи превращаются въ организаціи исключительно мастеровъ; тогда складываются особыя организаціи подмастерьевъ съ особыми кассами и особыми помѣщеніями для собраній. Первоначально обособленіе этихъ новыхъ союзовъ, одѣвающихся, какъ и цехи, въ идеологическую форму религіоз-

ныхъ братствъ, очень слабое. Предсѣдательствуетъ въ нихъ мастеръ по назначенію цеха, цехъ вмѣшивается въ кассовыя дѣла, онъ же утверждаетъ статуты и всѣ рѣшенія братства. Братство подмастерьевъ— не столько обособленная организація, сколько придатокъ къ цеху, подготовительная школа къ нему.

Тѣмъ же отсутствіемъ самостоятельныхъ соціально-экономическихъ функцій характеризуется и вся дѣятельность братствъ. Наибольшее развитіе получаетъ въ ней та сторона, которую можно назвать отстаиваніемъ сословной чести своего цеха. Борьба направлена въ первую очередь противъ подмастерьевъ другихъ цеховъ. Однимъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ для конфликтовъ, иногда принимающихъ крайне бурныя формы, является споръ изъ-за мѣста, которое то или иное братство должно занимать въ церковныхъ процессіяхъ. Одна изъ важнѣйшихъ статей расходовъ — на пріобрѣтеніе свѣчей и знаменъ, которыя по вѣсу и роскоши должны затмить свѣчи и знамена другихъ братствъ, участвующихъ въ церковныхъ процессіяхъ. Такими формами борьбы внутренняя солидарность каждаго цеха обыкновенно нисколько не нарушается. Въ борьбѣ противъ городского патриціата братства подмастерьевъ выступаютъ въ полномъ согласіи съ цехами и своей боевой силой содѣйствуютъ проведенію привилегированныхъ мастеровъ въ городскіе совѣты. Братства на этой ступени развитія не могутъ выдвинуть никакихъ требованій, которыя клонились бы къ тому, чтобы въ интересахъ подмастерьевъ ограничить экономическую и политическую власть мастеровъ. Пока у подмастерья оставалась надежда сдѣлаться мастеромъ, онъ не могъ не сознавать, что черезъ какую-нибудь пару годовъ эти ограниченія свяжутъ его самого.

По мѣрѣ того, какъ совершается капиталистическое перерожденіе одного промысла за другимъ, братства подмастерьевъ изъ вспомогательныхъ организацій временно-неполноправныхъ членовъ ремесленнаго сословія превращаются въ классовыя рабочія организаціи, а новыя товарищества подмастерьевъ съ самаго начала возникаютъ какъ боевыя организаціи. Послѣ упорной борьбы устраняется всякое вмѣшательство цеховъ и мастеровъ. Харчевни, открытыя только для подмастерьевъ, становятся центрами новыхъ организацій. Обрядности, сохранившіяся отъ эпохи религіозныхъ братствъ, превращаются въ особое средство для того, чтобы лучше законспирировать планы и приготовленія товариществъ. Взаимопомощь, которою почти исчерпывалась экономическая дѣятельность старыхъ братствъ, по своему сравнительному значенію отступаетъ на второй планъ и становится вспомогательнымъ средствомъ, необходимымъ придаткомъ къ боевымъ задачамъ.

Чѣмъ болѣе мастера обособляются отъ подмастерьевъ въ отдѣльный

классъ, тѣмъ тяжелѣе становится для помощника его положеніе, при которомъ онъ остается „слугой“, подчиненнымъ всесторонней опекѣ мастера. Товарищества подмастерьевъ начинаютъ борьбу за превращеніе этихъ отношеній въ договорныя отношенія и за превращеніе договора—въ коллективный договоръ, при которомъ каждый подмастерье находитъ опору въ товариществѣ *).

Чѣмъ яснѣе становится, что положеніе подмастерья для большинства — пожизненное и даже наслѣдственное положеніе, тѣмъ рѣшительнѣе вмѣшиваются товарищества въ опредѣленіе всѣхъ условій труда. Они принуждаютъ мастеровъ и цѣлые цехи договариваться съ ними о продолжительности рабочаго дня, высотѣ заработной платы, продовольствіи, дняхъ отдыха и т. д. Они требуютъ отъ мастеровъ, чтобы тѣ не нанимали подмастерьевъ иначе, какъ при посредствѣ товариществъ, и чтобы харчевни послѣднихъ были такимъ образомъ признаны въ качествѣ единственныхъ бюро найма.

На помощь цехамъ приходятъ городскіе совѣты, иногда суверены и сеймы. Издаются регламенты относительно продолжительности рабочаго дня. Вырабатываются таксы максимальной заработной платы. Суровыя наказанія угрожаютъ тѣмъ, кто будетъ требовать или платить болѣе высокую плату. Употребляются всѣ мѣры для того, чтобы задавить товарищества подмастерьевъ. Воспрещается предъявленіе коллективныхъ требованій, ношеніе оружія подмастерьями и т. д.

Но подмастерья становятся слишкомъ многочисленнымъ и организованнымъ классомъ. Они превращаются въ главную военную силу городовъ **). Принудительныя странствованія создаютъ имъ крупное преимущество передъ локально ограниченными цехами и городскими совѣтами. Ихъ организаціи превращаются въ провинціальныя и въ національныя организаціи. Харчевни отдѣльныхъ городовъ становятся своеобразными бюро мѣстныхъ организацій, мѣстныя организаціи — какъ бы филіальными отдѣленіями обширныхъ областныхъ и національныхъ организацій. Черезъ особыхъ гонцовъ каждое товарищество быстро извѣщаетъ товарищества сосѣднихъ городовъ о всѣхъ важныхъ событіяхъ и конфликтахъ. Каждое товарищество даетъ странствующимъ подмастерьямъ своего цеха кровъ, пропитаніе и средства на дорогу до слѣдующаго города.

Въ ходѣ развитія товариществъ постепенно вырабатываются такія основныя средства борьбы, какъ бойкотъ и забастовка. Бойкотъ напра-

*) Тогда же—въ Германіи съ XIV вѣка—подъ давленіемъ подмастерьевъ старинныя названія этой категоріи ремесленниковъ, означавшія: „слуга“, оттѣсняются названіемъ „Geselle“, товарищъ.

**) Характерно, что, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, ландскнехты въ огромной мѣрѣ рекрутировались изъ подмастерьевъ.

вляется и противъ подмастерьевъ, измѣнившихъ товарищамъ, и противъ отдѣльныхъ мастеровъ, и противъ всѣхъ мастеровъ извѣстнаго цеха въ томъ или иномъ городѣ, иногда въ цѣлой провинціи. Стачка неизбѣжно связывается съ объявленіемъ подъ бойкотомъ или отдѣльнаго мастера, или всѣхъ мастеровъ опредѣленной профессіи въ цѣломъ городѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіе бойкоты-стачки продолжались по 1, по 3 года—даже по 10 лѣтъ (стачка пекарей-подмастерьевъ въ Кольмарѣ, начавшаяся въ 1495 году). Подобная продолжительность заставляетъ предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мастерамъ удавалось найти замѣстителей изъ неорганизованныхъ ремесленниковъ.

Въ Германіи появленіе первыхъ товариществъ новѣйшаго, боевого типа относится къ концу XIV и началу XV вѣка. Распространеніе ихъ изъ одного промысла въ другой идетъ въ той послѣдовательности, какъ въ ремеслѣ зарождаются капиталистическія формы промышленности. Раньше всего товарищества пролетарскаго типа появились у шерсто-ткачей. Книгопечатаніе почти съ самаго начала организуется капиталистически,—и уже въ 1471 году въ Базелѣ подмастерья-книгопечатники поддерживаютъ свои требованія забастовкой. У плотниковъ-подмастерьевъ обособленныя боевыя организаціи складываются лишь въ XVI вѣкѣ, а во многихъ промыслахъ подмастерья такъ и не создали собственныхъ организацій.

Изученіе организацій подмастерьевъ въ Германіи началось лѣтъ 30 тому назадъ. Онѣ долгое время считались исключительной особенностью Германіи. Правда, во Франціи давно были извѣстны три національныхъ организаціи строительныхъ рабочихъ, сохранившіяся до XIX вѣка. Но только въ 80-хъ и 90-хъ годахъ изслѣдователямъ удалось установить, что въ концѣ среднихъ вѣковъ такія же товарищества подмастерьевъ существовали и въ другихъ промыслахъ. — Подъ вліяніемъ нѣмецкихъ изслѣдованій о товариществахъ подмастерьевъ въ Германіи, начались изысканія соотвѣтствующихъ союзовъ и въ Англіи. Оказалось, что и здѣсь организаціи подмастерьевъ прошли въ общемъ черезъ такія же ступени развитія, какъ въ Германіи.

Словомъ, по мѣрѣ того, какъ ремесло въ процессѣ своего развитія приближается къ промышленно-капиталистическимъ формамъ, — въ „предпролетаріатѣ“, о которомъ упоминалось въ предыдущемъ отдѣлѣ, все болѣе вырисовываются черты промышленно пролетарскаго класса, и формы его организаціи, задачи и методы его борьбы все болѣе становятся предвѣстниками новѣйшихъ организацій и формъ пролетарской борьбы.

ИДЕОЛОГІЯ ПРЕДЪ-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.

а) Фетишизмъ мѣновой стоимости.

И крѣпостная, и ремесленно-цеховая система живутъ еще въ рамкахъ авторитарнаго мышленія. Иначе и быть не можетъ: общій строй жизни и здѣсь и тамъ еще авторитарный, суровый и грубо-эксплуататорскій въ крѣпостной организаціи, патріархально-мягкій въ цеховой, но все-же въ цѣломъ авторитарный, основанный на сословной власти и сословномъ подчиненіи. Только внутри этихъ рамокъ, еще не разрывая ихъ, росли новыя, товарно-мѣновыя отношенія. Они глубоко измѣняли самое содержаніе экономической жизни, ея внутреннее строеніе, связь ея элементовъ, — они обострили землевладѣльческую эксплуатацію и подорвали ея жизненный смыслъ — организаторскую функцію землевладѣльца; они сдѣлали братства ремесленниковъ союзами монополистовъ городского рынка; но очертанія соціальной системы оставались прежнія. Соотвѣтственно этому, оставалось въ силѣ феодально-религіозное міровоззрѣніе, для Западной Европы—католицизмъ. Но уже незамѣтно складывались элементы иной, новой идеологіи, которая открыто еще не сталкивалась съ господствующей системой, но по существу стояла въ противорѣчіи съ ней и подтачивала ея основы. То былъ мѣновой фетишизмъ.

Авторитарное общество, какъ патріархально-родовое, такъ и феодальное, характеризуется существованіемъ сплоченныхъ трудовыхъ коллективовъ, гдѣ взаимныя отношенія людей для нихъ ясны и понятны, гдѣ ихъ сотрудничество выступаетъ въ открытой, ничѣмъ не замаскированной формѣ. Просты и свободны отъ противорѣчій какъ отношенія организаторовъ къ ихъ подчиненнымъ—исполнителямъ, такъ и этихъ послѣднихъ между собою. Именно потому люди и объясняютъ себѣ тогда связь внѣшнихъ явленій, всей природы по образцу связи соціальной, строенія общества, представляютъ причинность какъ господство однѣхъ вещей надъ другими, приписываютъ вселенной феодальный порядокъ съ сюзеренно-вассальной системой боговъ высшихъ

и низшихъ, отъ Зевса или католическаго божества до самыхъ мелкихъ „героевъ“, или „святыхъ“, и т. под. Такова сущность фетишизма натурально-хозяйственнаго, который можно выразить формулой: отношенія вещей понимаются, какъ отношенія людей.

Обмѣнъ представляетъ своеобразно замаскированную и затемненную для его участниковъ форму сотрудничества. Въ актѣ обмѣна реализуется общественное раздѣленіе труда. если А и В помѣнялись товарами, которые они произвели, то объективно оказывается, что А работалъ для В, и В—для А, какъ члены одного трудового коллектива; при этомъ безразлично, будутъ ли А и В двумя отдѣльными родовыми общинами, или двумя самостоятельными товаропроизводителями, напр., крестьяниномъ и ремесленникомъ. Но для самихъ участниковъ обмѣна дѣло обстоитъ совершенно иначе; они въ мѣновомъ процессѣ не видятъ и не могутъ видѣть общаго коллектива, а напротивъ, для нихъ обмѣнъ возникаетъ на основѣ обособленности, независимости, первоначально—даже враждебности ихъ коллективовъ.

На первыхъ шагахъ своего развитія обмѣнъ, какъ мы знаемъ, являлся чаще всего закрѣпленіемъ мирнаго договора между двумя родовыми группами, которыя либо прекращаютъ военную борьбу между собою за истощеніемъ силъ, либо не рѣшаются начать ее, въ виду сомнительности исхода. Но и тогда, когда мѣновыя отношенія становятся болѣе постоянными, болѣе систематическими, они еще долго не утрачиваютъ своей практической связи съ войною и грабежомъ: переходъ отъ торговыхъ переговоровъ къ боевой схваткѣ остается весьма обычнымъ дѣломъ; одни и тѣ же лица въ общинномъ раздѣленіи труда выступаютъ какъ военные организаторы и какъ представители общинъ при обмѣнѣ; а когда въ усложнившейся общественной системѣ дифференцируется профессія торговца, то вначалѣ она совмѣщается обыкновенно съ профессіей разбойника или пирата.

Впослѣдствіи эти историческія основы затемненія мѣноваго сотрудничества психологіей борьбы, конечно, отпадаютъ, но внутренняя экономическая логика обмѣна существенно не мѣняется. Даже въ самыхъ мирныхъ своихъ проявленіяхъ онъ заключаетъ моментъ борьбы, точнѣе – сохраняетъ форму борьбы, и эта форма тяготѣетъ надъ сознаніемъ товаропроизводителей.

Во всякомъ актѣ обмѣна—безъ исключенія—имѣется на лицо по меньшей мѣрѣ борьба между двумя контръ-агентами: „продавцомъ“ и „покупателемъ“; каждый изъ нихъ старается взять съ другого возможно больше и отдать ему возможно меньше; интересы обоихъ взаимно противоположны. Антагонизмъ этотъ обнаруживается рѣзче или мягче, въ явномъ или въ скрытомъ видѣ; но онъ всегда существуетъ, какъ

первичное противорѣчіе, разъединяющее двѣ стороны въ обмѣнѣ, и скрывающее за собою ихъ взаимную связь, ихъ взаимную необходимость въ общественномъ раздѣленіи труда.

Именно здѣсь лежитъ начало мѣновой идеологіи съ ея своеобразнымъ фетишизмомъ. Сотрудничество, которое выражается въ обмѣнѣ товарами, вполнѣ замаскировано борьбою интересовъ, которая одна захватываетъ вниманіе участниковъ мѣнового акта, одна удерживаетъ за собою поле ихъ сознанія, потому что только она жизненно-важна для нихъ въ этотъ моментъ; въ ней — экономическій успѣхъ товаропроизводителя, или его пораженіе. Именно эта борьба прежде всего замыкаетъ хозяйства товаропроизводителей въ ихъ формальной независимости и обособленности одно отъ другого. Устраняется возможность болѣе тѣснаго единенія между ними и сознательнаго ихъ взаимнаго регулированія—возможность коллективистическаго развитія. Реальный трудовой коллективъ съ его общественнымъ раздѣленіемъ функцій, благодаря этому, не существуетъ для его членовъ.

Дальнѣйшее развитіе обмѣна еще расширяетъ и усложняетъ борьбу интересовъ. Когда мѣновыя отношенія становятся прочными и систематическими, когда создаются „рынки“, гдѣ обычно уже встрѣчаются по нѣскольку продавцовъ и покупателей одного и того же товара, тогда на сцену выступаетъ новая, производная отъ первой, форма экономической борьбы, а именно конкурренція между продавцами и конкурренція между покупателями. Это явленіе вначалѣ слишкомъ незначительно по своимъ размѣрамъ и слишкомъ непостоянно, чтобы играть важную роль въ жизни; продавцу еще рѣдко приходится въ своей борьбѣ съ покупателемъ испытывать враждебное давленіе со стороны другихъ продавцовъ, сбивающихъ цѣну; но гдѣ оно возникаетъ, тамъ оно быстро становится чрезвычайно чувствительнымъ для него. Конкуррентъ не только обезсиливаетъ продавца въ его борьбѣ изъ-за цѣны съ покупателемъ, но иногда прямо отнимаетъ у него покупателя, лишаетъ его возможности продать свой товаръ, возможности реализовать свой трудъ. И эта опасность во времена слабо развитого обмѣна вовсе не въ меньшей степени угрожаетъ товаропроизводителю, чѣмъ во времена широко развернувшейся жизни рынка. Если мало конкуррирующихъ между собою продавцовъ даннаго товара, то вѣдь такъ же немного и покупателей на него; рынокъ лишенъ еще всякой эластичности, и если наличные два-три покупателя вымѣняли у кого-нибудь изъ продавцовъ достаточное для себя количество даннаго товара, то уже никакое пониженіе цѣны не поможетъ другому или третьему продавцу сбыть свой запасъ. Вотъ почему конкуррентъ начинаетъ въ сознаніи товаропроизводителя представляться какъ существо еще болѣе экономически-

враждебное, чѣмъ контръ-агентъ: покупатель необходимъ продавцу, какъ и продавецъ покупателю; но конкуррентъ отнюдь не нуженъ ни тому, ни другому; покупатель можетъ дать плохую цѣну, конкуррентъ можетъ предупредить и не допустить самую продажу товара.

Такимъ образомъ, конкурренція уже въ самыхъ первыхъ своихъ проявленіяхъ воспринимается товаропроизводителями, какъ жесточайшее зло, съ которымъ они усиленно борются. На систематической борьбѣ съ постоянно вновь и вновь нарождающейся конкурренціей въ концѣ-концовъ строится вся ремесленно-цеховая организація.

Формально отграничивая и обособляя борьбою и противорѣчіями интересовъ маленькія части общественной системы раздѣленія труда, обмѣнъ создаетъ первую и основную иллюзію — индивидуальнаго хозяйства. Хозяйства дѣйствительно индивидуальнаго, экономически вполнѣ самостоятельнаго и самодовлѣющаго нѣтъ и не можетъ быть при мѣновыхъ отношеніяхъ; каждое „частное“ хозяйство живетъ въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ трудомъ другихъ, воплощеннымъ въ ихъ товарахъ. Чѣмъ дальше расширяется и углубляется мѣновая жизнь въ обществѣ, тѣмъ болѣе развивается этотъ объективный трудовой коллективизмъ соціальнаго цѣлаго, тѣмъ менѣе каждое предпріятіе способно существовать безъ другихъ и независимо отъ нихъ. Но въ то же время сознаніе товаропроизводителя все сильнѣе проникается идеей отдѣльности его хозяйства отъ другихъ, представленіемъ объ ихъ взаимной борьбѣ и розни, исключающимъ всякую мысль объ ихъ сотрудничествѣ. Дѣйственное соціальное единство недоступно мѣновому мышленію.

Основная иллюзія порождаетъ другія, производныя. Изъ мнимой экономической обособленности участниковъ обмѣна возникаетъ извращенное пониманіе самого мѣнового отношенія, той закономѣрности, которая начинаетъ въ немъ замѣчаться, какъ только оно становится обычнымъ фактомъ соціальнаго бытія людей.

Эта закономѣрность выражается словами: „стоимость товаровъ“. На практикѣ рынка у людей вырабатывается убѣжденіе, что пропорціи товаро-обмѣна не случайны, что каждый товаръ имѣетъ свою особую „стоимость“, въ приблизительномъ соотвѣтствіи съ которою его и приходится обмѣнивать на другіе товары. Научный анализъ выясняетъ намъ, что въ „стоимости“ воплощается соціально-трудовое отношеніе людей, что она сводится къ тѣмъ количествамъ общественно-необходимаго труда, которыя заключаются въ товарахъ, и что ея господство въ обмѣнѣ есть объективное условіе жизнеспособности хозяйствъ, захваченныхъ властью рынка. Но для самого товаропроизводителя дѣло представляется иначе.

Коллективно-трудовой характеръ стоимости для него непонятенъ и невидимъ, ибо замаскированъ антагонизмами рынка и формальной отдѣльностью частнаго хозяйства. Но въ то же время стоимость для него—реальный фактъ, сила, управляющая его дѣйствіями при обмѣнѣ, норма, къ которой онъ на дѣлѣ вынужденъ приспособляться. Эту объективную силу онъ не можетъ приписать ни себѣ, ни своему контръагенту, который подчиненъ ей такъ же, какъ и онъ самъ, и такъ какъ для него коллективъ не существуетъ, то происходитъ то, что онъ приписываетъ ее просто самому товару „Мѣновая стоимость" оказывается свойствомъ товаровъ, мѣновая пропорція — ихъ взаимоотношеніемъ на рынкѣ. Связь людей понимается, какъ связь вещей, въ чемъ и состоитъ товарный фетишизмъ.

Фетишизмъ этотъ является результатомъ долгаго историческаго пути. Въ эпохи натурально-хозяйственныя создаются только его зародыши; и даже въ переходныя предъ-капиталистическія эпохи онъ не достигаетъ еще своего полнаго развитія. Его основа—распаденіе непосредственно-трудовыхъ коллективовъ, господство индивидуальнаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ — господство рынка надъ трудовой жизнью. Пока обмѣнъ остается явленіемъ не постояннымъ, не повторяющимся часто, не абсолютно необходимымъ въ жизни родовой или феодальной общины, — самое понятіе „стоимости" не можетъ оформиться, какъ опредѣленная и устойчивая концепція. Но и въ дальнѣйшемъ, когда оно уже сложилось, а преобладающей формою производства все еще является натурально-хозяйственная, которая и служитъ тогда основною „моделью человѣческаго мышленія", идея „стоимости" не можетъ пріобрѣсти законченнаго товарно-фетишистическаго характера.

Такъ, Ѳома Аквинскій, писатель XIII вѣка, т.-е. эпохи развитія крѣпостного и ремесленнаго строя, высказывалъ по вопросу объ обмѣнѣ взгляды, внѣшнимъ образомъ напоминающіе теорію трудовой стоимости и далеко не совпадающіе съ представленіями товарнаго фетишизма. Онъ полагалъ, что при продажѣ и покупкѣ нельзя руководствоваться стремленіемъ взять какъ можно больше, отдать какъ можно меньше, для товаровъ, по его мнѣнію, существуютъ опредѣленныя „справедливыя цѣны", которыхъ и долженъ придерживаться религіозно-нравственный человѣкъ. „Справедливая" же цѣна есть такая, которая достаточна для производителя, чтобы онъ могъ жить своимъ трудомъ въ достаткѣ, соотвѣтствующемъ его положенію въ обществѣ; эту точку зрѣнія онъ примѣняетъ безразлично и къ ремесленнику, и къ торговцу, за которымъ признаетъ право на „справедливое" вознагражденіе въ соотвѣтствіи съ его трудами по перевозкѣ товаровъ, ихъ продажѣ и т. под. — Если анализировать идею Ѳомы Аквинскаго относительно

справедливой цѣны, то въ ней мы найдемъ своеобразное, но исторически какъ нельзя болѣе естественное пониманіе нарождающихся мѣновыхъ отношеній съ точки зрѣнія феодально-сословныхъ формъ мышленія.

Въ самомъ дѣлѣ, наличность представленія о справедливой, т.-е. нормальной и, притомъ, для религіознаго міровоззрѣнія тѣхъ временъ, свыше установленной цѣнѣ товаровъ ясно говоритъ о значительно уже выработанномъ понятіи мѣновой закономѣрности, т.-е. стоимости. Но рамки этого понятія, абстрактно-пустого въ своемъ законченномъ видѣ, здѣсь еще заполняются привычнымъ, старымъ экономическимъ содержаніемъ. Въ авторитарно-организованномъ, натурально-хозяйственномъ коллективѣ каждый выполняетъ функцію, какая ему указана властью или традиціей, и каждый получаетъ при распредѣленіи столько, чтобы имѣть возможность выполнять свою функцію и жить соотвѣтственно тому положенію въ коллективѣ, которое съ ней связано. чьи функціи „выше“, т.-е. имѣютъ болѣе организаторскій характеръ, тотъ получаетъ больше, чьи „ниже“—тотъ меньше. Феодально-сословныя дѣленія и представляютъ въ своей основѣ такія ступени соціальной организаціи, закрѣпленныя идеологіей: рыцарь долженъ извлекать изъ подвластныхъ ему крестьянъ достаточно оброковъ и барщины, чтобы жить, какъ подобаетъ рыцарю; дружиннику онъ долженъ удѣлять столько, чтобы тотъ могъ существовать, какъ надлежитъ дружиннику, хорошо питаясь и накопляя физическую силу, необходимую для боя, и т. д. Эту самую точку зрѣнія Ѳома Аквинскій примѣняетъ къ растущей среди старыхъ соціальныхъ отношеній новой, мѣновой организаціи. ремесленникъ долженъ жить, какъ подобаетъ ремесленнику, торговецъ—какъ торговцу, и соотвѣтственно этому имъ слѣдуетъ опредѣлять цѣну своихъ товаровъ. Тогда все будетъ идти согласно божественной справедливости, т.-е. согласно духу традиціонныхъ формъ производства.

Ремесленныя корпораціи той эпохи, въ своей борьбѣ съ конкурренціей и при нормированіи цѣнъ, несомнѣнно, занимали позицію, родственную взглядамъ Ѳомы Аквинскаго, и онъ въ значительной мѣрѣ является идеологомъ цеховъ. Но во всякомъ случаѣ—не вполнѣ. Идеологія всегда отстаетъ отъ жизни, какъ форма отъ порождающаго ее содержанія. На практикѣ даже цехи не могли строго проводить принципъ „справедливой цѣны“: устанавливая одинаковыя для всѣхъ своихъ членовъ цѣны, всякій цехъ неизбѣжно стремился назначить ихъ какъ можно выше, настолько, насколько позволяли условія городского рынка и противодѣйствіе другихъ корпорацій, отстаивавшихъ по отношенію къ данному цеху свои потребительскіе интересы. Въ этой борьбѣ, разумѣется, не „справедливая цѣна“ опредѣлялась условіями „достойнаго

существованія" данной группы ремесленниковъ, а наоборотъ, ихъ уровень существованія ближайшимъ образомъ опредѣлялся тѣми цѣнами на ихъ продукты, которыхъ имъ на дѣлѣ удавалось добиться и закрѣпить. Предѣлъ, на который наталкивались при этомъ ихъ усилія, фактически могъ до извѣстной степени отклоняться отъ трудовой нормы; напр., несомнѣнно, что городъ, опираясь на свою высшую организацію, эксплуатировалъ тогда путемъ обмѣна феодальную, и затѣмъ крѣпостную деревню. Но самое существованіе такого предѣла неизбѣжно вело къ мысли объ объективной нормѣ обмѣна, связанной съ даннымъ товаромъ, т.-е. о „стоимости", какъ объективномъ его свойствѣ. А религіозно-феодальное пониманіе стоимости также неизбѣжно отпадало по мѣрѣ того, какъ мѣновой процессъ развертывалъ свои противорѣчія.

Обособлявшійся мало-по-малу классъ торговцевъ и ростовщиковъ былъ главнымъ носителемъ новыхъ формъ экономическаго сознанія. Жажда накопленія денегъ, какъ стимулъ хозяйственной дѣятельности, всего ярче выражала собою господство товарнаго фетишизма надъ этими элементами общества.

b) Деньги и жажда накопленія.

Развитіе товарнаго фетишизма совершается въ зависимости отъ самой формы обмѣна; оно ничтожно въ эпоху обмѣна случайнаго, и незначительно, когда обмѣнъ становится уже обычнымъ явленіемъ, но имѣетъ непосредственный, „натурально-товарный" характеръ. Только на денежной стадіи возможно завершеніе мѣновой идеологіи.

Денежная форма стоимости обладаетъ особенными и замѣчательными свойствами, которыя съ величайшей точностью были выяснены анализомъ Маркса. Основное изъ нихъ вытекаетъ изъ функціи денегъ, какъ орудія обмѣна, и заключается въ способности денегъ *непосредственно обмѣниваться* на какой угодно товаръ, лишь бы ихъ количество было достаточнымъ. Вслѣдствіе этого онѣ же служатъ *орудіемъ оцѣнки*: именно въ деньгахъ выражается стоимость всякаго товара. То и другое придаетъ деньгамъ въ сознаніи товаропроизводителя характеръ истиннаго воплощенія мѣновой стоимости. Денежный товаръ уже не интересуетъ товаропроизводителя со стороны своей „потребительной стоимости" въ обычномъ смыслѣ слова, напр., золото — какъ предметъ украшенія. Нѣтъ, оно интересуетъ его именно какъ средство покупки любого товара вообще, т.-е. какъ универсальная форма мѣновой стоимости. „Потребительная стоимость" денегъ, такимъ образомъ, сама сводится къ ихъ мѣновой стоимости. Такимъ образомъ въ мѣновомъ мышленіи завершается отвлеченіе одной стороны товара —

его стоимости — отъ другой стороны — „потребительной стоимости". Обѣ онѣ для товаропроизводителя находятъ себѣ реальное, конкретное выраженіе въ двухъ отдѣльныхъ „вещахъ": одна въ деньгахъ, другая въ нужномъ продуктѣ, который за нихъ покупается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ деньгахъ завершается и формальный разрывъ связи индивидуальнаго хозяйства съ производственнымъ коллективомъ, къ которому оно объективно принадлежитъ. При непосредственномъ обмѣнѣ трудовая связь его участниковъ не могла быть вполнѣ затушевана и затемнена для нихъ борьбой интересовъ: трудовой продуктъ одной общины обмѣнивался на трудовой продуктъ другой, каждая въ своемъ товарѣ цѣнила свою коллективную работу и не могла не понимать, что таково же отношеніе другой стороны къ своему товару; сознаніе того, что дѣло сводится къ обмѣну труда на трудъ, не могло вполнѣ исчезнуть. Но когда между товарами въ роли посредника выступаютъ деньги, а затѣмъ, соотвѣтственно этому, между производителями—торговцы, тогда трудовое отношеніе оказывается вполнѣ замаскированнымъ, окончательно скрытымъ отъ участниковъ обмѣна: производитель мѣняетъ свой товаръ на деньги купца, которыя обычно вовсе не произведены трудомъ этого послѣдняго, и покупаетъ у него нужные товары за деньги, которыхъ равнымъ образомъ самъ не производилъ. Въ полѣ его зрѣнія остается только связь рынка, — но она имѣетъ форму борьбы интересовъ; и производитель чувствуетъ себя обособленнымъ, изолированнымъ въ своемъ „индивидуальномъ" хозяйствѣ.

Индивидуалистическая иллюзія обволакиваетъ тогда соціальныя свойства продукта; не только мѣновая, но и потребительная стоимость, какъ она понимается въ мѣновомъ обществѣ, носитъ на себѣ печать этой иллюзіи.

Въ самомъ дѣлѣ, соціальныя свойства продукта всецѣло сводятся къ двумъ моментамъ: онъ получается цѣною *затратъ общественно-трудовой энергіи*, онъ служитъ обществу для удовлетворенія его потребностей, т.-е. является для него *источникомъ жизненной энергіи*. Оба эти полярныя свойства продукта — его общественная стоимость и общественная полезность — своеобразно переодѣты въ мышленіи товаропроизводителей, одно до полной неузнаваемости, другое—въ меньшей степени. Общественная стоимость принимаетъ форму мѣновой, общественная полезность — потребительной стоимости для индивидуальнаго хозяйства.

Въ организованномъ обществѣ, напр., въ родовой общинѣ, распредѣленіе труда между работниками регулируется *трудовой стоимостью* соціально-производимыхъ продуктовъ, такъ, чтобы на каждый продуктъ затрачивалось именно столько рабочей энергіи, сколько для

коллектива требуется, и сколько онъ въ то же время можетъ удѣлить; причемъ такое регулированіе совершается непосредственно и планомѣрно. Въ обществѣ неорганизованномъ, мѣновомъ ту же роль играетъ мѣновая стоимость товаровъ,—играетъ ее стихійно, подъ оболочкой измѣняющейся денежной цѣны товаровъ. Если на производство какого-нибудь товара фактически тратится больше работы, чѣмъ данному обществу нужно, то рынокъ заставитъ производителей товара понять и почувствовать это посредствомъ пониженія цѣны товара. Въ противоположномъ случаѣ рынокъ путемъ повышенія цѣнъ направитъ въ данное производство увеличенное количество труда. Равнымъ образомъ мѣновая стоимость, отражая въ своей величинѣ ростъ или уменьшеніе производительности труда (т.-е. измѣненіе трудовой стоимости продуктовъ), тѣмъ самымъ вызываетъ необходимое при этомъ перераспредѣленіе рабочей энергіи между отраслями производства. Словомъ, по своей функціи мѣновая стоимость товарнаго общества тожественна съ трудовой—общества натурально-хозяйственнаго, и есть не что иное, какъ историческое переодѣваніе трудовой стоимости на опредѣленной ступени соціальнаго развитія.

Въ обществѣ организованномъ количество и качество производимыхъ продуктовъ регулируется коллективными потребностями, — т.-е. соціальной полезностью этихъ продуктовъ. Въ обществѣ мѣновомъ на мѣсто соціальной полезности становится индивидуально-хозяйственная, или „потребительная стоимость“ товаровъ. Въ организованномъ обществѣ нѣтъ иныхъ потребностей, кромѣ соціально-производственныхъ; и потребности каждаго производителя являются таковыми же,— онѣ удовлетворяются именно на томъ основаніи, что это необходимо для выполненія его общественно-трудовой функціи, и, значитъ, постольку, поскольку для нея необходимо. Въ мѣновомъ обществѣ всякая производственная потребность въ томъ или иномъ продуктѣ представляется, какъ потребность отдѣльнаго, частнаго хозяйства, и удовлетворяется на томъ основаніи, что индивидуальныя хозяйства предъявляютъ на рынкѣ спросъ на этотъ продуктъ,—слѣдовательно, постольку, поскольку они спросъ предъявляютъ. Объективно же и здѣсь существо дѣла остается прежнее; рынокъ только маскируетъ новою оболочкой потребности соціально-производственной системы съ неорганизованнымъ раздѣленіемъ труда. Индивидуальное хозяйство получаетъ нужныя для него „потребительныя стоимости“ въ конечномъ счетѣ благодаря тому, что оно участвуетъ въ общей системѣ производства и создаетъ полезные для соціальнаго цѣлаго продукты *), что и выражается въ спросѣ на

*) Явленія паразитизма, соціально-безплоднаго потребленія мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ; они—результатъ частичнаго вырожденія и разложенія общества.

нихъ со стороны рынка, въ ихъ продажѣ, которая должна предшествовать покупкѣ другихъ продуктовъ.

Но производственныя отношенія, составляющія основу отношеній рыночныхъ, скрываются за этими послѣдними. Для товаропроизводителя остается видимымъ и несомнѣннымъ только тотъ фактъ, что необходимыя ему потребительныя стоимости онъ получаетъ за деньги, и что деньги, какъ универсальное воплощеніе мѣновой стоимости, способны доставить ему какія угодно потребительныя стоимости, въ зависимости только отъ своего количества. Съ точки зрѣнія качества товаровъ, которые подчинены мѣновой силѣ денегъ, деньги свободны отъ всякихъ ограниченій: за нихъ можно купить абсолютно все, что продается. Но количество денегъ всегда ограничено, и всякая данная сумма ихъ „истрачивается“ для индивидуальнаго хозяйства въ актахъ покупки.

Здѣсь мѣновой фетишизмъ захватываетъ эмоціональную область, область „чувства“: отъ денегъ, отъ ихъ количества зависитъ степень удовлетворенія потребностей или степень неудовлетворенности. Возникаетъ стремленіе безъ конца увеличивать количество денегъ, прибавлять деньги къ деньгамъ, чтобы пріобрѣтать все бо̀льшую возможность удовлетворенія своихъ потребностей. Денежный фетишизмъ порождаетъ ненасытную жажду накопленія.

Представителями этой тенденціи по-преимуществу выступаютъ классы, наиболѣе вовлеченные въ мѣновую жизнь: ростовщики, купцы, въ античномъ мірѣ также рабовладѣльцы, въ эпоху крѣпостного права также помѣщики. Ея соціальные результаты мы уже выясняли въ историческомъ анализѣ: она всюду обусловливала обостреніе эксплуатаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое вырожденіе старыхъ, на основѣ натуральнаго хозяйства создавшихся общественныхъ формъ.

Въ развитіи жажды накопленія приходится различать двѣ стадіи. Вначалѣ цѣлью накопленія представляется личное потребленіе, возможность пріобрѣтать потребительныя стоимости, какія только захочется,—возможность неограниченно удовлетворять при посредствѣ таинственной силы денегъ всѣ свои желанія. Дальше этой ступени обычно не идетъ фетишизмъ накопленія у классовъ непосредственно-эксплуататорскихъ,—у рабовладѣльцевъ, помѣщиковъ. Но уже у торговцевъ, и особенно у ростовщиковъ тѣхъ же экономическихъ формацій, намѣчается мало-по-малу иная, высшая его фаза· стремленіе накоплять для накопленія.

Какимъ образомъ могло возникнуть· такое „абстрактное“, оторванное отъ своей жизненной основы стремленіе? Путемъ процесса спеціализаціи группъ, занятыхъ денежнымъ накопленіемъ. Въ мѣновомъ

обществѣ раздѣленіе труда подчиняетъ себѣ людей, суживаетъ ихъ кругозоръ, извращаетъ отношеніе человѣка къ его соціальной функціи. Обособляя индивидуальное хозяйство, дѣлая его самостоятельнымъ центромъ интересовъ, оно тѣмъ самымъ превращаетъ спеціальность этого хозяйства въ центральную жизненную задачу личности. Подобная тенденція, въ различной мѣрѣ, наблюдается во всѣхъ спеціальностяхъ и, несмотря на свой фетишистическій характеръ, имѣетъ въ ту эпоху весьма положительное значеніе, приводя къ наибольшему возможному усовершенствованію личности въ ея сферѣ труда. Что касается денежнаго накопленія, то здѣсь эта тенденція выступаетъ съ наибольшей остротой, потому что данной спеціальности свойственно наиболѣе рѣзкое противопоставленіе интересовъ личности интересамъ остального общества: ростовщикъ и профессіональный купецъ, особенно въ ту эпоху, принуждены постоянно въ своихъ операціяхъ причинять явный и жестокій ущербъ тѣмъ, кого они эксплуатируютъ; ихъ соціальная функція выдѣляется среди общественнаго процесса какъ нѣчто не только особое отъ другихъ функцій, но формально имъ враждебное. Здѣсь, поэтому, суженіе поля интересовъ и сосредоточеніе на спеціальности достигаетъ высшей степени: пріобрѣтеніе денегъ легко становится страстью, стихійно подавляющей всѣ другія чувства.

Съ точки зрѣнія накопляющаго, между его дѣятельностью и той цѣлью, которая первоначально ее одушевляетъ, т.-е. широкимъ удовлетвореніемъ личныхъ потребностей, все сильнѣе ощущается коренное противорѣчіе: чѣмъ больше тратится денегъ на эти потребности, тѣмъ меньше ихъ накопляется, тѣмъ меньше у человѣка остается воплощенной мѣновой силы, къ которой жадно стремится его сердце. На такой почвѣ создается типъ скупца, во всемъ себѣ отказывающаго, едва не умирающаго съ голоду надъ грудами золота, типъ, знакомый уже и античному міру, и среднимъ вѣкамъ. Эмоціональная форма мѣнового фетишизма, въ этомъ крайнемъ развитіи своей напряженности, порождаетъ, какъ видимъ, своеобразный героизмъ. Для насъ онъ въ данный моментъ интересенъ, главнымъ образомъ, какъ мѣра той власти надъ людьми, которую уже въ тѣ эпохи завоевывала мѣновая идеологія.

с) Частная собственность.

Изъ мѣновыхъ отношеній развивались шагъ за шагомъ новѣйшія формы собственности. По существу своему, формы присвоенія принадлежатъ, какъ мы видѣли, къ производственнымъ отношеніямъ людей, но только не къ непосредственнымъ и основнымъ, а къ производнымъ и косвеннымъ: они сводятся къ работѣ однихъ людей на дру-

гихъ или для другихъ, тогда какъ первичными являются отношенія работы однихъ людей вмѣстѣ съ другими или заодно съ другими, отношенія сотрудничества въ тѣсномъ смыслѣ слова. Результатомъ присвоенія является собственность; присвоеніе мѣновое воплощается въ индивидуальной собственности, развитыя формы которой образуютъ основу буржуазнаго общества.

Современные экономисты, исходя изъ буржуазныхъ условій жизни, обычно примѣняютъ термины „присвоеніе“, „собственность“ ко всевозможнымъ соціальнымъ формаціямъ, не замѣчая, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ это—только метафора. Такъ, принято говорить о „коммунистической собственности“ первобытныхъ общинъ; но тамъ, гдѣ производство и потребленіе совершаются сообща, нѣтъ основного момента „собственности“, а именно — противопоставленія собственника не-собственнику. Дикарь-коммунистъ можетъ имѣть привычку къ данному орудію или оружію, которымъ онъ постоянно пользуется; но это еще—чисто техническое отношеніе человѣка къ вещи. Когда онъ не работаетъ, любой изъ его родичей безпрепятственно беретъ орудіе, если оно ему нужно, и пока оно ему нужно; въ этомъ выражается опять-таки техническій коллективизмъ группы, общность ея техническаго аппарата; и экономистъ, который понялъ бы данный случай въ смыслѣ акта ссуды, оказанной „собственникомъ“ орудія другому лицу, впалъ бы въ наивную модернизацію первобытныхъ формъ жизни.

Элементы, зародыши „присвоенія“ и „собственности“ возникаютъ тогда, когда среди общины выдѣляется организаторская функція—начало обособленія „индивидуальности“. Тогда впервые создается въ производственной системѣ противопоставленіе одного изъ сотрудниковъ другимъ, и становится соціально-возможнымъ выдѣленіе нѣкоторыхъ орудій и предметовъ потребленія, какъ принадлежащихъ одному лицу, въ отличіе отъ другихъ; примѣръ — украшенія вождя, которыхъ не можетъ надѣвать никто изъ остальныхъ членовъ общины. Но и это зародышевое присвоеніе связывается отнюдь не съ личностью, а съ функціей; и если вождю общины „принадлежитъ“, положимъ, лучшее оружіе, то онъ отнюдь еще не можетъ „подарить“ или „завѣщать“ это оружіе кому угодно: оно переходитъ къ слѣдующему вождю, послѣ смерти перваго, или даже при его жизни, если онъ сталъ негоденъ къ исполненію роли вождя. Очевидно, къ подобнымъ отношеніямъ концепція „собственности“ еще совершенно не подходитъ: еще слишкомъ прочна органическая связь родовой группы.

Настоящая „собственность“ зарождается въ между-групповыхъ отношеніяхъ, и вначалѣ именно какъ собственность родовая. Она кристаллизуется изъ обмѣна, который представляетъ изъ себя соціаль-

ную форму „присвоенія“ уже въ полномъ и точномъ смыслѣ этого слова.

Актъ обмѣна заключаетъ въ себѣ противоположеніе одной стороны, какъ собственника ея товара, другой сторонѣ, какъ не-собственнику этого товара, и обратно; вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны взаимно признаютъ другъ за другомъ собственность на товары. Ничего подобнаго не было до возникновенія обмѣна: тогда двѣ родовыя группы, которымъ случалось столкнуться, являлись другъ для друга не „собственниками“, а только возможными или дѣйствительными врагами,— и всѣ вещи, находившіяся въ распоряженіи одной изъ нихъ, были для другой лишь болѣе или менѣе вѣроятной добычей—въ зависимости отъ боевой силы обѣихъ сторонъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ соціальной связи, какъ ея не было между отдѣльными родовыми общинами первобытныхъ временъ, — тамъ нѣтъ и собственности, ибо она есть соціальное отношеніе.

Дальнѣйшіе этапы развитія собственности имѣютъ свою основу опять-таки въ развитіи обмѣна. Мы уже видѣли, какъ прогрессъ мѣновыхъ отношеній ведетъ ко все болѣе глубокому обособленію организатора-вождя среди общины, ея представителя во всѣхъ мѣновыхъ актахъ, — и какъ на этой почвѣ выступаетъ и укрѣпляется тенденція къ признанію организатора собственникомъ тѣхъ предметовъ, которые онъ пріобрѣлъ путемъ обмѣна. Далѣе, мы видѣли, какъ прибавочный трудъ, возрастая въ своемъ количествѣ, становится основою для новыхъ и новыхъ формъ его присвоенія, что ведетъ къ усложненію и разнообразію видовъ и ступеней развитія собственности, общинной, семейной, индивидуальной. На примѣрѣ землевладѣнія въ феодальную и крѣпостную эпоху мы показали, насколько ошибочно примѣнять современныя понятія къ отношеніямъ собственности, вытекающимъ изъ иныхъ способовъ производства; но мы показали также и то, какимъ образомъ прогрессъ обмѣна и усиленіе эксплуатаціи стремятся превратить всѣ переходныя и неразвитыя формы собственности въ ту законченную и типичную индивидуальную собственность, кодексомъ которой для поздней античной эпохи и для зарождавшагося на исходѣ средневѣковья буржуазнаго міра служило римское право.

Порожденная обмѣномъ и эксплуатаціей, частная собственность представляетъ наиболѣе законченное воплощеніе власти надъ людьми ихъ общественныхъ отношеній и, въ свою очередь, порождаетъ самыя глубокія и прочныя формы соціальнаго фетишизма.

Присущій ей моментъ обособленія, противопоставленія собственниковъ—индивидуумовъ, принадлежащихъ въ дѣйствительности къ одному производственному коллективу,—создаетъ то основное идеологическое

извращеніе, что собственность понимается, какъ отношеніе человѣка къ вещамъ, а не какъ отношеніе между людьми.

Отношеніе человѣка къ вещамъ объективно можетъ быть или техническимъ, когда онъ на практикѣ пользуется ими для своихъ цѣлей, или познавательнымъ, когда онъ изучаетъ вещи, чтобы получить опору для практическаго овладѣнія ими. Въ обоихъ случаяхъ отношеніе это по существу своему не индивидуально, а коллективно, даже тамъ, гдѣ на-лицо имѣется только одна человѣческая особь, ибо въ своихъ техническихъ и познавательныхъ актахъ отдѣльный человѣкъ всегда исходитъ изъ коллективно накопленнаго трудового опыта, примѣняетъ коллективно выработанные методы, и въ самой постановкѣ своихъ цѣлей опредѣляется — въ конечномъ счетѣ — своей соціальной средой. Съ этой точки зрѣнія легко раскрывается основная иллюзія, идеологически окутывающая и затемняющая собою объективное содержаніе всякой „собственности“.

Что собственность не есть реальное, т.-е., положимъ, техническое отношеніе человѣка къ вещамъ, которыя ему „принадлежатъ“, это легко видѣть на такихъ, очень обычныхъ фактахъ, когда „собственникъ“ вовсе не приходитъ въ дѣйствительное соприкосновеніе съ той или иной вещью, составляющей его „собственность“. Такъ, богатый человѣкъ зачастую никогда въ своей жизни не увидитъ многихъ предметовъ, принадлежащихъ къ его „имуществу“,—можетъ даже не знать ихъ названій, какъ, напр., живущій въ городѣ землевладѣлецъ не знаетъ названія тѣхъ или иныхъ вещей, входящихъ въ инвентарь его помѣстій, тѣхъ или иныхъ растеній, растущихъ на его поляхъ, и т. под. Что „собственность“ не есть отношеніе личности къ вещамъ познавательное, или, какъ обыкновенно выражаются, „идеальное“, это ясно хотя бы изъ того, что „собственникомъ“ безчисленныхъ и разнообразныхъ вещей можетъ являться новорожденный младенецъ или безнадежный идіотъ.

Анализъ подобныхъ фактовъ съ очевидностью обнаруживаетъ, что собственность — это отношеніе между людьми, или, точнѣе, отношеніе общества къ данной личности „собственника“ и къ даннымъ вещамъ. Такъ, если ребенокъ, самъ того не зная, является собственникомъ многихъ различныхъ вещей, то не ясно ли, что это вовсе не его отношеніе къ вещамъ, а отношеніе общества, въ которомъ онъ живетъ, къ нему и къ тѣмъ вещамъ одновременно? Производственная основа подобныхъ отношеній глубоко скрыта подъ историческими оболочками и наслоеніями, одѣвающими развитіе соціальнаго раздѣленія труда, она недоступна сознанію „собственниковъ“ и неизбѣжно фетишистически отражается въ ихъ мышленіи.

Тутъ завершается и закрѣпляется идеологическое выдѣленіе личности изъ общества: частная собственность—это и есть принципъ индивидуализма. Противопоставленіе „своего“ и „чужого“ въ рамкахъ общества отгораживаетъ человѣка отъ человѣка подобно тому, какъ заборъ отгораживаетъ его участокъ земли отъ другихъ участковъ. Другіе люди объективно — сотрудники даннаго лица въ производственной системѣ, субъективно для него—„чужіе“, не связанныя съ нимъ, экономически-безразличныя или враждебныя существа, тогда какъ вещи, принадлежащія ему какъ собственность, объективно—элементы, внѣшней, несоціальной, покоряемой обществомъ природы, субъективно для него — нѣчто „свое“, не безразличное и не враждебное, а близкое и дорогое. Реальная связь сотрудничества съ другими людьми не только скрывается отъ сознанія, но и замѣщается въ немъ фиктивною связью съ вещами. человѣкъ не-соціально относится къ другимъ людямъ и соціально—къ вещамъ. Таковъ фетишизмъ частной собственности.

По мѣрѣ своего развитія, онъ все полнѣе подчиняетъ себѣ людей и проникаетъ собою всю ихъ жизнь, все ихъ мышленіе. Частная собственность опредѣляетъ тогда собою и строеніе общественной организаціи, и условія существованія личности. Роль человѣка въ системѣ производства зависитъ отъ того, какія средства производительной дѣятельности ему „принадлежатъ“ или не принадлежатъ. Сынъ ремесленника продолжаетъ спеціальность своего отца, потому что по наслѣдству получилъ отъ него мастерскую и орудія; сынъ помѣщика становится общественнымъ паразитомъ, потому что онъ—собственникъ земли съ живущими на ней крѣпостными, и т. под. Вся послѣдующая исторія культурнаго человѣчества до нашихъ дней можетъ разсматриваться, какъ исторія развитія формъ частной собственности, отъ феодальной и мелко-буржуазной до крупно-капиталистической, до высшаго процвѣтанія и начинающагося упадка этой послѣдней.

Логическій анализъ элементовъ мѣнового процесса приводитъ къ тому, что частная собственность представляется предпосылкой обмѣна. Но это только потому, что мы имѣемъ дѣло съ уже развитыми товарными отношеніями. Исторически же, какъ разъ наоборотъ, именно обмѣнъ былъ той силой, которая создавала частную собственность и прогрессивно преобразовывала ея формы. Мѣновой фетишизмъ, въ различныхъ его проявленіяхъ, былъ основою развитія фетишизма собственности, который есть его продолженіе и обобщеніе. Перенося объективныя соціальныя отношенія людей въ продукты ихъ труда, подъ именемъ „стоимости“ товаровъ, человѣкъ субъективно становится въ то „соціальное“ отношеніе къ этимъ продуктамъ, которое обозначается словомъ „собственность“. Только то. что имѣетъ „стоимость“, является жизненно-

близкимъ человѣку, въ качествѣ его „собственности“; скрытая въ вещахъ сила кристаллизованнаго человѣческаго труда дѣлаетъ эти вещи для него эквивалентными живымъ союзникамъ или слугамъ, какъ это съ очевидностью обнаруживается въ отношеніяхъ рабства и крѣпостного права, и вообще во всякой куплѣ-продажѣ власти надъ людьми или ихъ помощи и содѣйствія.

Становясь принципомъ общественной организаціи, частная собственность завоевываетъ и преобразуетъ, приспособляя къ себѣ, самыя различныя области идеологіи. Жизнь правовая весьма рано проникается этимъ принципомъ и подчиняется ему; о томъ свидѣтельствуетъ выработка римскаго права въ древнемъ мірѣ и его „рецепція“, принятіе разными странами въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени. Медленнѣе и позже принципъ этотъ получаетъ такое же господство въ сферѣ морали, вообще болѣе консервативной, чѣмъ право, и дольше сохраняющей преобладаніе авторитарной тенденціи: только въ буржуазномъ мірѣ успѣваетъ сложиться послѣдовательно-индивидуалистическая этика, гдѣ царитъ духъ собственности и разсчета.

Организація семьи, не перестраиваясь цѣликомъ на этой новой основѣ, въ сильной степени подвергается ея вліянію, превращаясь въ комбинацію кровно-авторитарныхъ отношеній съ индивидуально-собственническими, легко видѣть, какъ тѣсно сочетаются оба эти элемента, напр, въ отношеніи главы семьи къ его женѣ и ихъ дѣтямъ.—Съ другой стороны, организація государства, долго еще сохраняя авторитарную схему въ своемъ строеніи, на дѣлѣ все болѣе становится организацией охраны и развитія частной собственности, иногда сознательно и планомѣрно, чаще непреднамѣренно и стихійно—пролагая путь къ ея полному господству.

d) Общій характеръ предъ-капиталистической идеологіи.

Мы обрисовали тѣ элементы предъ-капиталистической идеологіи, въ которыхъ выражаются прогрессивныя тенденціи эпохи, элементы, связанные съ главными силами развитія, двигавшими тогдашнее общество по пути къ капитализму. Ибо въ изучаемомъ періодѣ натурально-хозяйственныя силы развитія утрачиваютъ почти всякое значеніе сравнительно съ возрастающими силами мѣновыми—рыночной борьбою въ различныхъ ея формахъ, возникающими изъ нея потребностями пріобрѣтенія и накопленія, наконецъ, начинающейся борьбою экономическихъ классовъ, еще не вполнѣ опредѣлившихся, но, благодаря именно ей, все болѣе опредѣляющихся.

Но если движеніе общества зависитъ уже отъ новыхъ стимуловъ прогресса, то его строеніе тогда все еще характеризуется преобладаніемъ старыхъ экономическихъ элементовъ, въ большей своей части застойныхъ, въ нѣкоторой части—вырождающихся. Крѣпостная деревня глубоко подавлена грубымъ авторитаризмомъ помѣщичьей власти,—а деревня въ ту эпоху образуетъ наиболѣе значительную долю соціальной системы; да и въ самомъ городѣ цеховая организація по существу является смягченно-авторитарной и весьма враждебна главнѣйшей изъ новыхъ силъ развитія—силѣ конкурренціи.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится идеологическое состояніе общества. Благодаря относительному консерватизму идеологіи вообще, здѣсь авторитарные элементы преобладаютъ еще сильнѣе, чѣмъ въ экономикѣ общества. Религіозныя формы міровоззрѣнія всецѣло господствуютъ надъ массами, и даже теченія наиболѣе прогрессивныя одѣваются въ религіозную оболочку „ересей“. Новое содержаніе съ великими трудностями пробиваетъ себѣ дорогу, вначалѣ приспособляясь еще къ старымъ формамъ. Авторитарный консерватизмъ, опираясь на интересы феодальныхъ и полу-феодальныхъ слоевъ общества, ставитъ многочисленныя препятствія прогрессу техники и познанія. Въ эту эпоху трагическая судьба постигаетъ большинство изобрѣтателей, преслѣдуемыхъ и цехами, и духовенствомъ, и подъ ихъ вліяніемъ—государственной властью; тогда же зажигаются священные костры для представителей свободной мысли, религіозной и научной.

Но вмѣстѣ съ частной собственностью, какъ ея отраженіе, развивается самосознаніе личности, которая уже не удовлетворяется прежними рамками, отъ вѣка положенными предѣлами. Вмѣстѣ съ духомъ накопленія и пріобрѣтенія, выступаетъ духъ постояннаго недовольства тѣмъ, что имѣется, духъ безпокойнаго стремленія, исканія новыхъ путей и методовъ къ обогащенію—прежде всего экономическому, но затѣмъ также идеологическому, какъ могучему орудію для проведенія въ жизнь этихъ новыхъ тенденцій. Мѣновой фетишизмъ направляетъ волю и умъ людей въ глубокомъ противорѣчіи съ фетишизмомъ авторитарнымъ, по всей линіи его подтачивая.

Первыми носителями индивидуалистически-прогрессивнаго мышленія оказались, естественно, городскіе торговые классы. Торговый капиталъ на дѣлѣ началъ то преобразованіе общества, которое вело къ радикальной реформѣ общественнаго сознанія. Но по мѣрѣ того, какъ товарообмѣнъ расширялъ и укрѣплялъ свою власть надъ обществомъ,—и другіе классы безсознательно и невольно поддавались новымъ тенденціямъ, а затѣмъ выдвигали изъ своей среды ихъ идеологовъ. Трудность выработки новыхъ формъ міровоззрѣнія заставила въ поискахъ

за ними обратиться къ значительно успѣвшему уже ихъ разработать античному міру: таковъ генезисъ гуманизма и Возрожденія. Но базисъ античной культуры былъ слишкомъ узокъ для новаго европейскаго общества; пользуясь старымъ, оно создавало новое. Началась эпоха великихъ открытій и изобрѣтеній.

Это было преддверіемъ капиталистической культуры.

А. Богдановъ и И. Степановъ.

КУРСЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ I ТОМЪ. Содержаніе: Введеніе: Опредѣленіе экономической науки.—Методы экономической науки.—Система изложенія —I отд. Первобытный родовой коммунизмъ —II. Авторитарная родовая община.—III. Феодальная система —IV. Рабовладѣльческія системы – V. Система крѣпостного хозяйства.—VI Ремесленный строй среднихъ вѣковъ.—VII. Идеологія предъ-капиталистической эпохи —*404 стр.* 8⁰.—*Цѣна 2 руб.*

А. Богдановъ и И. Степановъ.

КУРСЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ II ТОМЪ *(Печатается).*

А. Богдановъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ. Предисловіе.—Приключеніе I: матерія—вещь въ себѣ.—Приключеніе II: объективная истина.—Приключеніе III: развитіе идеологій —Приключеніе IV: сраженіе съ эмпиріокритиками —Приключеніе V: сраженіе съ эмпиріомонистами —Заключеніе: тѣнь Маркса.—*66 стр* — 8⁰ —*Цѣна 30 коп*

Максъ Ферворнъ.

Профессоръ физіологіи и директоръ физіологическаго института Геттингенскаго университета

ВОПРОСЪ О ГРАНИЦАХЪ ПОЗНАНІЯ. Переводъ В. Степанова съ предисловіемъ А. Богданова —*56 стр* – 8⁰ —*Цѣна 30 коп.*

ОЧЕРКИ ФИЛОСОФІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА. Сборникъ I.

Содержаніе: Н Вернеръ Наука и философія.—А Богдановъ Философія современнаго естествоиспытателя.—В. Базаровъ Матеріалъ коллективнаго опыта и организующія его формы —А. Луначарскій. Мѣщанство и индивидуализмъ —М Горькій. Разрушеніе личности —*Цѣна 1 р. 50 к.*

А. Коллонтай.

СОЦІАЛЬНЫЯ ОСНОВЫ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА I Введеніе.—II. Борьба за экономическую независимость женщинъ.—III. Бракъ и семейная проблема —IV. Охрана беременныхъ и роженицъ. — V. Борьба женщинъ за политическія права.—*432 стр* —8⁰.—*Цѣна 1 р. 25 к.*

Ромэнъ—Роллянъ.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ Переводъ съ французскаго І. Гольденберга Содержаніе: Введеніе· Народъ и театръ. Часть I Театръ прошлаго: Мольеръ.—Классическая трагедія —Романтическая драма.—Мѣщанскій театръ.—Иностранный репертуаръ. Греческіе трагики. Шекспиръ. Шиллеръ Вагнеръ.—Репертуаръ народныхъ чтеній —Наши чтенія.—Общество „Тридцать лѣтъ театра“ и торжественныя представленія.—Часть II. Новый театръ Провозвѣстники народнаго театра: Руссо, Дидро, Французская Революція, Мишле —Первыя попытки въ области народнаго театра —Театръ въ Бюссанѣ —Матеріальныя и моральныя условія новаго театра —О нѣкоторыхъ жанрахъ народнаго театра.—Мелодрама —Историческая эпопея —О нѣкоторыхъ другихъ жанрахъ народнаго театра.—Соціальная драма —Сельская драма —Циркъ.—Часть III За предѣлами театра.—Народныя празднества —Заключеніе.—Приложенія —*149 стр.*— *Цѣна 70 коп.*

Дж. А. Гобсонъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ РЕСКИНА. Переводъ съ англійскаго Н Кончевской и В. Либина Содержаніе: Первые годы жизни и ихъ вліяніе.—Переходъ отъ искусства къ вопросамъ общественныхъ реформъ.—Критика ходячей политической экономіи.—Теорія соціальной экономіи Рескина.—Заблужденія въ наукѣ и практикѣ новѣйшей промышленности.—Промышленная конкуренція—Истинный общественный строй.—Соціализмъ и аристократизмъ.—Машина и промышленный городъ—Воспитаніе.—Положеніе женщины въ обществѣ и ея воспитаніе.—Промышленные опыты.—Гильдія св. Георга.—Краткая характеристика дѣятельности и вліянія Рёскина.—*133 стр.—8⁰.—Цѣна 1 р. 50 к*

Э. Вандервельде.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА ГОРОДОВЪ. Переводъ съ французскаго Л Винци Содержаніе: Притягательная сила городовъ—Разложеніе крестьянской собственности.—Распредѣленіе земли въ Бельгіи— *Цѣна 40 коп*

Л. Вигуру.

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Переводъ А Серебряковой. Съ предисловіемъ Поля де-Рузье. Содержаніе: Предисловіе—Введеніе—Концентрація мѣстныхъ союзовъ типографовъ.—Коалиція ремеслъ, соединенныхъ съ типографскимъ дѣломъ—Коалиція типографскихъ союзовъ съ союзами въ другихъ отрасляхъ промышленности.—Коалиція союзовъ сигарочниковъ съ союзами другихъ ремеслъ.—Коалиція союзовъ и плотниковъ съ союзами другихъ промысловъ—Рабочее движеніе до 1881 г.—Федерація тредъюніоновъ.—Американская Федерація Труда—Федерація въ 1896 г—Устройство и функціонированіе Американской Федераціи труда—Общее движеніе, направленное къ концентраціи—Непосредственное воздѣйствіе на нанимателей.—Коллективный договоръ о наймѣ.—Политическая и общественная дѣятельность—Общественные результаты—Заключеніе—*365 стр.—8⁰—Цѣна 1 руб. 50 коп.*

Роза Люксембургъ.

Докторъ Государственныхъ Наукъ.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТІЕ ПОЛЬШИ. Переводъ съ нѣмецкаго С Гурвича Содержаніе: Предисловіе автора—I. Исторія и современное положеніе польской промышленности.—II Экономическая политика Россіи въ Польшѣ.—Заключеніе—*103 стр—8⁰.—Цѣна 50 коп.*

А. Мертваго.

НЕ ПО ТОРНОМУ ПУТИ. Мечты о хозяйствѣ.—Въ работникахъ у А. Н. Энгельгардта.—Университетъ и батищевскіе интересы Отъѣздъ за границу.—Впечатлѣнія туриста.—Въ работникахъ на парижскихъ огородахъ—Буржуазные идеалы и бѣгство отъ нихъ домой—въ Россію.—Буковская интеллигентная община и мое огородничество въ Батищевѣ—Аренда с. Букова и устройство безнавознаго хозяйства.—„Кризисъ“ и его вліяніе на хозяйство—Изъ оптимистовъ въ „пессимисты“.—Третье изданіе. *260 стр—8— Цѣна 1 руб. 50 коп.*

Г. Майръ.

СТАТИСТИКА И ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЕ В. Я. Желѣзнова. Содержаніе I тома. Теоретическая статистика: Человѣкъ, какъ массовое явленіе.—Соціальные группы и союзы—Соціальная масса, какъ объектъ научнаго наблюденія.—Наука о соціальныхъ массахъ.—Отношеніе науки о соціальныхъ массахъ къ другимъ отраслямъ знанія—Статистическая наука и ея общія основанія.—Статистическій методъ и статистическая техника.—Статистическія учрежденія—Къ исторіи статистики.—*243 стр.—8⁰.* II томъ. Статистика населенія: Общее обозрѣніе.—Статистика состоянія населенія.—Статистика движенія населенія.—Измѣненія въ избранныхъ массахъ населенія.—Превращенія населенія Переводъ съ нѣмецкаго.—*631 стр.—8⁰.—Цѣна за 2 тома 6 руб.*

№ 201. К. Марксъ и Фр. Энгельсъ.

МАНИФЕСТЪ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ Съ предисловіемъ К. Каутскаго Съ нѣмецкаго перевелъ П Орловскій Содержаніе: Предисловіе къ VII-му нѣмецкому изданію К Каутскаго.—Предисловіе авторовъ — Манифестъ Коммунистической Партіи —Буржуа и пролетарій —Пролетаріи и коммунисты —Соціалистическая и коммунистическая литература: I. Реакціонный соціализмъ: а) феодальный соціализмъ; б) мелкобуржуазный соціализмъ; в) нѣмецкій или „истинный“ соціализмъ. II Консервативный или буржуазный соціализмъ III Критико-утопическій соціализмъ и коммунизмъ —Отношеніе коммунистовъ къ разнымъ оппозиціоннымъ партіямъ *58 стр.—8⁰ —Цѣна 12 коп (Конфисковано)*

№ 202. К. Каутскій.

ЭРФУРТСКАЯ ПРОГРАММА (Комментарій къ принципіальной части). Съ 6-го нѣмецкаго изданія перевелъ Дм Лещенко, подъ редакціей П. Орловскаго. Содержаніе: Гибель мелкаго производства —Пролетаріатъ.—Классъ капиталистовъ.—Государство будущаго —Классовая борьба.—*207 стр —8⁰ — Цѣна 30 коп*

№ 204. А. Бебель.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ и СОЦІАЛИЗМЪ Переводъ съ нѣмецкаго Мих Ольгина, подъ редакціей В Величкиной *32 стр —8⁰ —Цѣна 5 коп.*

№ 205. А. Бебель.

ПОСТОЯННАЯ АРМІЯ и НАРОДНАЯ МИЛИЦІЯ. Переводъ съ нѣмецкаго В. Орловскаго Содержаніе: Введеніе.—Организація германской арміи и ея развитіе —Стоимость вооруженій.—Уничтоженіе постоянныхъ армій.—Народная милиція. — Стоимость народной милиціи и постоянной арміи.—Народное войско въ исторіи новаго времени —Заключеніе —*88 стр.—8⁰.—Цѣна 15 коп. (Конфисковано).*

№ 206. К. Каутскій.

КЛАССОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ, ЧАСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ Съ нѣмецкаго перевелъ Дм. Лещенко, подъ редакціей П Румянцева. Содержаніе: Партіи и классъ —Свобода и справедливость —Классъ и общество: а) Феодальное идеальное общество; б) Либеральное идеальное общество; в) Соціалистическій идеалъ.—*28 стр. 8⁰ —Цѣна 6 коп.*

№ 207. Г. Роландъ-Гольстъ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА и СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ. Съ предисловіемъ Карла Каутскаго и вступительной статьей Генріэтты Роландъ-Гольстъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей А. Луначарскаго. Содержаніе: Предисловіе къ русскому изданію А Луначарскаго. — Предисловіе къ нѣмецкому изданію К. Каутскаго.—Вступительная статья Генріэтты Роландъ-Гольстъ.—Политическая массовая забастовка въ русской революціи — Всеобщая стачка и соціалъ-демократія: Что такое всеобщая стачка —Болье или менѣе всеобщая стачка по симпатіи —Экономически-соціальная стачка — Экономическая стачка съ политическимъ значеніемъ 1) Стачка въ отрасляхъ, изготовляющихъ средства производства.—2) Стачка въ транспортной промышленности.—3) Стачка рабочихъ въ городскихъ предпріятіяхъ большихъ го-

родовъ.—Политическая массовая стачка:—1) Историческій обзоръ политической массовой стачки.—2) Мнимая невозможность пролетарской массовой стачки.—3) Цѣль и формы политической массовой стачки.—4) Условія политической стачки.—5) Мнимая ненужность политической массовой стачки.—6) Политическая массовая стачка и классовая борьба пролетаріата.—Приложенія: I Рудольфъ Гильфердингъ о всеобщей стачкѣ.—II Дебаты о всеобщей стачкѣ на Лилльскомъ конгрессѣ (1904 г.).—III Энрико Леоне о всеобщей стачкѣ.—IV. Жанъ Жоресъ о всеобщей стачкѣ.—Карлъ Каутскій о политической стачкѣ:—1) Стачка.—Различные виды стачекъ.—2) Значеніе организаціи.—3) Условія политической стачки.—4) Полезность обсужденія вопроса о всеобщей стачкѣ.—VI. Докладъ Амстердамскому международному соціалистическому конгрессу голландской соціалистической партіи (забастовка всеобщая и забастовка политическая).—VII Докладъ Федеративнаго Союза Центра (Франція) Амстердамскому международному соціалистическому конгрессу (всеобщая забастовка).—VIII. А Бебель Докладъ Іенскому партейтагу отъ партійнаго центра германской соціалъ-демократіи (политическая массовая забастовка и соціалъ-демократія).—*340 стр.—8⁰.—Цѣна 70 коп.*

№ 208. Э. Вандервельде.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТІЕ и КОЛЛЕКТИВИЗМЪ Съ французскаго, переводъ подъ редакціей I Гольденберга. Содержаніе: Введеніе.—Капиталистическая концентрація.—Упадокъ личной трудовой собственности.—Развитіе капиталистической собственности.—Возрожденіе.—Обобществленіе средствъ производства и обмѣна.—Три элемента прибыли.—Преимущества общественной собственности.—Управленіе вещами.—Формула распредѣленія.—Средства осуществленія.—Возраженія.—*175 стр.—8⁰.—Цѣна 30 коп.*

№ 209. Жюль Гедъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ и СОЦІАЛИЗМЪ. Съ французскаго, переводъ подъ редакціей I Гольденберга. *30 стр.—8⁰.—Цѣна 5 коп.*

№ 210. К. Марксъ.

КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ. Переводъ подъ редакціей А. Луначарскаго. Содержаніе: Отъ редакціи.—Б Бауэръ: Еврейскій вопросъ.—Способность современныхъ евреевъ и христіанъ стать свободными.—*55 стр.—8⁰.—Цѣна 10 коп.*

№ 211. А. Бебель.

ПРОФЕССІОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ и ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ Съ нѣмецкаго переводъ Мих. Ольгина, подъ редакціей В. Величкиной. Содержаніе: Введеніе.—Къ исторіи профессіональныхъ союзовъ:—Ближайшія задачи профессіональныхъ союзовъ.—Политика профессіональныхъ союзовъ.—Границы вліянія профессіональныхъ союзовъ.—Членъ профессіональныхъ союзовъ, какъ гражданинъ государства и какъ членъ партіи.—Приложеніе.—*40 стр.—8⁰.—Цѣна 5 коп.*

№ 212. К. Каутскій.

НЕЙТРАЛИЗАЦІЯ ПРОФЕССІОНАЛЬНЫХЪ СОЮЗОВЪ. Съ нѣмецкаго переводъ А. Гойхбарга, подъ редакціей В. Десницкаго *42 стр.—8⁰.—Цѣна 10 коп.*

№ 213. І. Штернъ.

ГОСУДАРСТВО БУДУЩАГО. Соціализмъ, его сущность, осуществимость и цѣлесообразность. Съ нѣмецкаго переводъ А. Ратнеръ, подъ редакціей П. Румянцева. Содержаніе: Предисловіе.—Сущность соціализма.—Соціализмъ существенно отличается отъ государственной монополіи.—Соціализмъ не стремится уничтожить собственность —Соціализмъ не стремится къ всеобщему равенству.—Соціализмъ не стремится искоренить религію.—Соціализмъ не стремится уничтожить бракъ и ввести свободную любовь. –Соціализмъ не уменьшитъ комфорта (удобствъ жизни), но, напротивъ, значительно расширитъ его и сдѣлаетъ всеобщимъ достояніемъ.—Соціализмъ есть сильнѣйшій пособникъ изящныхъ искусствъ.—Соціализмъ не ограничиваетъ личной свободы, но увеличиваетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ —Соціализмъ не задерживаетъ предпріимчивости и не парализуетъ духа изобрѣтательности, но въ высшей степени поощряетъ первую и оживляетъ второй.—Соціализмъ беретъ людей такими, какіе они есть, а не какими они должны быть.—Соціализмъ можетъ быть осуществленъ только въ широкихъ размѣрахъ —Соціализмъ ни у кого не отнимаетъ, но всякому даетъ.—Соціальный вопросъ не есть только классовый вопросъ, но также и вопросъ культуры.—Заключеніе —*45 стр* —8⁰. – *Цѣна 8 коп.*

№ 214. Ан. Паннёкекъ.

СОЦІАЛИЗМЪ и РЕЛИГІЯ. Съ нѣмецкаго переводъ А. Ратнеръ, подъ редакціей П. Румянцева. Содержаніе: Предисловіе къ русскому изданію.—Введеніе.—Безвѣріе пролетаріата.—Нравственность и вѣра.—Вліяніе экономическихъ отношеній.—Натуральное хозяйство и естественная религія.—Товарное производство и цивилизація.—Соціалистическій способъ производства.—Міросозерцаніе пролетаріата. –Буржуазный матеріализмъ и его конецъ.—Практическіе выводы.—*26 стр.*—8⁰.—*Цѣна 5 коп*

№ 215. Атлантикусъ.

ГОСУДАРСТВО БУДУЩАГО. Производство и потребленіе въ соціалистическомъ обществѣ. Съ нѣмецкаго переводъ В. Десницкаго: Содержаніе: Предисловіе къ русскому изданію П. Румянцева.—Предисловіе къ нѣмецкому изданію К. Каутскаго.—Введеніе.—Земледѣліе: a) Повышеніе производства.—b) Сельско-хозяйственное предпріятіе и его статика.—c) Удобреніе.—d) Обработка почвы и уборка продуктовъ —Промышленность: a) Производство предметовъ питанія и наслажденія: 1) Мукомольное дѣло —2) Хлѣбопеченіе.—3) Заготовка мяса —4) Производство пива 5) Табачное производство.—b) Производство платья и обуви: 1) Изготовленіе обуви.—2) Кожевенное производство.—3) Производство платья и бѣлья.—c) Текстильная промышленность —d) Производства по обработкѣ глины, камней и металловъ.—1) Кирпичное производство и строительныя работы.—2) Производство цемента.—3) Желѣзодѣлательная промышленность.—4) Машиностроительная промышленность.—5) Горнозаводская промышленность.—6) Химическія производства.—7) Стекольное производство.—e) Производство по обработкѣ дерева:—1) Столярное производство, паркетное, плотничьи работы.—2) Производство роялей.—3) Бондарное производство.—f) Писчебумажное производство.—g) Мыловаренное и свѣчное производство.—Пути сообщенія.—Общее количество рабочихъ.—Стоимость продуктовъ и ихъ распредѣленіе.—Заключеніе.—*128 стр.*—8⁰.—*Цѣна 35 коп.*

№ 216. К. Каутскій.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ПЕРСПЕКТИВЫ (Добавленіе къ „Соціальной революціи“). Съ нѣмецкаго переводъ А. Г. Гойхбарга, подъ редакціей П. Румянцева. Содержаніе: 1) Сомнѣнія относительно послѣдствій пролетарскаго режима.—

2) Очаги революціи.—3) Политическая классовая стачка: 1) Вооруженное возстаніе.—2) Различные виды стачки —3) Сила организаціи.—4) Необходимыя условія политической стачки —5) Польза отъ дискуссій по вопросу о политической стачкѣ.—*56 стр. 8⁰.—Цѣна 10 коп.*

№ 217. Г. Чикотти.

ПСИХОЛОГІЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Съ итальянскаго переводъ Г Кирдецова, подъ редакціей А. Ульяновой. — Содержаніе: Предисловіе автора къ русскому изданію.— Введеніе. — Соціалистическая среда и соціалисты. — Соціалистическая организація и пропаганда.—Женщина и соціалистическая дѣятельность.—Идеалъ и жизнь.—Разногласія и расколы.—*172 стр.—8⁰. Цѣна 30 коп.*

№ 218. К. Каутскій и Б. Шенлангъ.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ТРЕБОВАНІЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ. Комментаріи къ Эрфуртской программѣ. Съ нѣмецкаго. Переводъ съ 4-го вновь пересмотрѣннаго изданія Р. Лембергъ, подъ редакціей П Орловскаго.—Содержаніе:—Мелкое и крупное производства.—Капиталистъ и пролетарій.—Частная и Государственная монополія.—Развитіе пролетаріата.—Соціализмъ.—Избирательное право и право голосованія.—Законодательство черезъ посредство народа.—Всеобщее вооруженіе —Свобода въ выраженіи мнѣній, свобода собраній и союзовъ.—Права женщинъ —Провозглашеніе религіи частнымъ дѣломъ.— Свѣтская школа.—Безплатное судопроизводство.—Безвозмездная подача врачебной помощи — Подоходные и имущественные налоги. — Законодательная охрана труда.—Надзоръ за промышленными заведеніями; государственное вѣдомство труда. — Уравненіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и прислуги. — Обезпеченіе права союзовъ — Передача страхованія рабочихъ въ руки государства.—*110 стр.—8⁰.—Цѣна 15 коп.*

№ 219. Э. Ферри.

ЭВОЛЮЦІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭВОЛЮЦІЯ СОЦІАЛЬНАЯ. (Докладъ, прочитанный въ группѣ студентовъ коллективистовъ въ Парижѣ). Съ французскаго, переводъ І. Гольденберга.—*30 стр.—8⁰.—Цѣна 6 коп.*

№ 220. Фр. Мерингъ.

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ МАРКСИЗМА. Съ нѣмецкаго, переводъ Вас. Берга, подъ редакціей Шлихтера.—*Цѣна 8 коп*

№ 221. П. Лафаргъ и Ж. Гедъ.

ПРОГРАММА РАБОЧЕЙ ПАРТІИ. *(Конфисковано).—Цѣна 15 коп.*

№ 231. Ф. Фаньо.

РАБОЧЕЕ ПРОФЕССІОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ АНГЛІИ. Краткій историческій очеркъ. Съ французскаго, переводъ Вл. Эльцина, подъ редакціей І. Гольденберга. Содержаніе: Предисловіе.—Состояніе рабочихъ союзовъ въ январѣ

1902 года.—О вліяніи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ —Возникновеніе профессіональнаго рабочаго движенія: Трэдъ-юніонизмъ —Борьба за существованіе (1799—1825 г.) —Революціонный періодъ (1829—1842 г.) —Новый духъ и новыя формы (1843—1860 г.) —Юнета и ея союзники —Развитіе союзовъ (1863—1885 г.) — Старое и новое рабочее движеніе (1875 — 1889 г.) —*72 стр.*—8⁰ — *Цѣна 12 коп.*

№ 233. П. Кампфмейеръ.

ПРОСТИТУЦІЯ, КАКЪ ОБЩЕСТВЕННО-КЛАССОВОЕ ЯВЛЕНІЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БОРЬБА СЪ НЕЮ. Съ нѣмецкаго Переводъ П Афанасьева, подъ редакціей Б Авилова. Содержаніе: Предисловіе.—Бракъ и проституція.—Проституція, какъ соціальное общественно-классовое явленіе города.—Во что обходится проституція въ общественномъ отношеніи —Государственная регламентація проституціи.—Больничныя учрежденія кассъ на случай бользни для безплатнаго лѣченія венерическихъ больныхъ —Борьба съ вредными сторонами квартирныхъ условій проститутокъ путемъ закона о жилищахъ.—Размноженіе семьи и проституція малолѣтнихъ —Организація попеченія о малолѣтнихъ, какъ средство предохраненія ихъ отъ проституціи —Государственные и коммунальные пріюты для взрослыхъ проститутокъ.—Проституція среди класса прислуги и мѣры къ ея уничтоженію —Проституція, какъ классовое явленіе, и ея уничтоженіе —*140 стр* 8⁰—*Цѣна 20 коп*

№ 234. Фр. Энгельсъ.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ. Со 2-го нѣмецкаго изданія. Переводъ Б Мальцмана подъ редакціей П. Румянцева Содержаніе: Предисловіе —Какъ Прудонъ рѣшаетъ жилищный вопросъ.—Какъ буржуазія рѣшаетъ жилищный вопросъ.—Еще о Прудонѣ и жилищномъ вопросѣ —*85 стр* —8°.—*Цѣна 15 коп.*

№ 235. К. Каутскій.

АМЕРИКАНСКІЙ и РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Съ нѣмецкаго переводъ А. Лурье, подъ редакціей и съ предисловіемъ Б. Авилова. Содержаніе: Предисловіе къ русскому переводу.—Два прообраза будущаго развитія Германіи —Россійскій капитализмъ —Иностранный и туземный капиталъ.—Англійскій капитализмъ — Капитализмъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. — Пестрый національный составъ американскаго рабочаго класса. — Отсутствіе революціонной романтики въ Америкѣ. — Зомбартъ объ американскомъ рабочемъ.—Потребленіе алкоголя нѣмецкимъ и американскимъ рабочимъ —Пролетарскій министеріализмъ. — Демократизація капитала — Капиталистическая политика профессіональнаго рабочаго союза.—Ухудшеніе положенія американскаго рабочаго — Упадокъ мелкаго сельскаго хозяйства, не располагающаго капиталомъ —Паденіе заработной платы —Дѣтскій и женскій трудъ — Безработица.—Профессіональные союзы и соціализмъ.—*72 стр* 8°.—*Цѣна 15 коп.*

№ 236. Дж. Б. Смайли.

КУДА ВЕДЕТЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ. Переводъ съ 13-го американскаго изданія В. Ногина, подъ редакціей Н Алексѣева. Содержаніе: Рабство древнее и современное —Таблица Спара, показывающая распредѣленіе собственности въ Соединенныхъ Штатахъ —Производство богатства.—Организація производства —Тресты — Конкуренція.—Общественное владѣніе —Производство.— Нѣсколько примѣровъ — Желѣзныя дороги.—Телеграфъ.— Уличныя желѣзныя дороги — Газопроводы — Телефоны. — Электрическое освѣщеніе. —

Производство и распредѣленіе.—Безработные.—Производство для потребленія и производство для прибыли.—Кто наживается?—Кооперація.—Надежда для массъ.—Капитализмъ—Рабочіе и машины—Изобрѣтенія.—Альтруизмъ—Потеря свободы и индивидуальности—Грядущая борьба.—*71 стр.—8°.—Цѣна 12 коп.*

№ 238. Ванъ-Коль.

КОЛОНІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА и СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ Докладъ международному Амстердамскому соціалистическому конгрессу представителя голландской соціалъ-демократической партіи Переводъ І Гольденберга.—*20 стр.—8°.—Цѣна 5 коп*

№ 261. П. Лафаргъ.

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА. Съ французскаго, переводъ подъ редакціей І. Гольденберга. Содержаніе: 1) Аграрная программа французской рабочей партіи 1892—94 гг.—2) Къ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ—3) Комментаріи къ аграрной программѣ.—4) Крестьянская собственность и экономическое развитіе.—*32 стр.—8°.—Цѣна 5 коп.*

№ 262. К. Каутскій.

СОЦІАЛИЗМЪ и СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Съ нѣмецкаго, переводъ подъ редакціей Ю Стеклова. Содержаніе: Развитіе теоріи.—Позиція марксизма.—Новая теорія.—Мелкое производство.—Самостоятельный хозяинъ—Наука и сельское хозяйство.—Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ.—Законъ развитія сельскаго хозяйства.—Заключеніе.—*92 стр.—8°.—Цѣна 15 коп.*

№ 263. Л. Крживицкій.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Съ польскаго, переводъ подъ редакціей Гр Алексинскаго и П. Орловскаго. Содержаніе: Деревня и городъ.—Централизація торговли и ея послѣдствія.—Усовершенствованіе машинъ и орудій.—Международная организація въ сельско-хозяйственномъ производствѣ.—Заокеанская конкуренція.—Организація механизма посредничества.—Сельско-хозяйственный кризисъ и различныя категоріи хозяйствъ—Крестьянскій вопросъ.—Сельско-хозяйственная кооперація.—Общій очеркъ развитія сельскаго хозяйства въ XIX вѣкѣ—*382 стр.—8°.—Цѣна 70 коп.*

№ 271. Фр. Энгельсъ.

СТАТЬИ ЗА 1871—1875 гг. Съ нѣмецкаго переводъ Б. Смирнова, подъ редакціей А. Санина. Содержаніе: Предисловіе—Еще разъ г-нъ Фогтъ.—Бакунисты за работой.—Двѣ прокламаціи эмигрантовъ: а) Польская прокламація.—б) Программа коммунаровъ-бланкистовъ.—О соціальномъ развитіи Россіи.—Послѣсловіе 1894 года. *80 стр.—8°.—Цѣна 12 коп.*

№ 272. К. Марксъ.

ЛИБЕРАЛЫ У ВЛАСТИ. Съ нѣмецкаго переводъ А Р., подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Луначарскаго. Содержаніе: Предисловіе редактора.—Германское Національное собраніе.—Министерство Пампгаузена.—Министерство Ганземана.—*48 стр.—8°.—Цѣна 8 коп.*

№ 273.

КАРЛЪ МАРКСЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ присяжныхъ ВЪ КЕЛЬНѢ Процессъ противъ комитета рейнскихъ демократовъ по поводу призыва къ вооруженному сопротивленію (9 февраля 1849 г) Изъ „Новой Рейнской Газеты“ съ предисловіемъ Фр. Энгельса —*62 стр* —8°.—*Цѣна 10 коп.*

№ 274. Э. Лиссагарэ.

ИСТОРІЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ВЪ 1871 г. Съ французскаго. Полный переводъ подъ редакціей В Базарова Содержаніе: Прологъ битвы.— Франція наканунѣ войны.—Какимъ образомъ пруссаки овладѣли Парижемъ и деревенщина Франціей.—Первые шаги коалиціи противъ Парижа —Батальоны національной гвардіи соединяются и захватываютъ пушки.—Пруссаки вступаютъ въ Парижъ —Монархисты открываютъ огонь по Парижу —Образуется центральный комитетъ. — Тьеръ даетъ сигналъ къ приступу. — 18-е марта. — Центральный комитетъ созываетъ избирателей — Мэры Парижа и депутаты Сены возстаютъ противъ него — Центральный комитетъ заявляетъ о себѣ, реорганизуетъ общественныя должности и овладѣваетъ Парижемъ. — Реакція является на Вандомскую площадь и получаетъ свою кару — Центральный комитетъ преодолѣваетъ всѣ препятствія и заставляетъ мэровъ сдаться — Провозглашеніе коммуны —Коммуна въ Ліонѣ, Сентъ Этьенѣ и Крезо —Коммуна въ Марсели, Тулузѣ и Нарбоннѣ —Первыя засѣданія коммуны.—Бѣгство мэровъ и ихъ адъюнктовъ —Парижане повсюду отбиты.—Флурансъ и Дюваль убиты —Версальцы избиваютъ плѣнныхъ.—Пораженіе коммуны въ Марсели и Нарбоннѣ — Большія средства коммуны — Слабыя стороны ея совѣта — Центральный комитетъ —Декретъ о заложникахъ.—Банкъ —Первыя сраженія при Нейли и д'Анверъ —Организація и пораженіе примирителей —Манифестъ коммуны. — Дополнительные выборы 16-го апрѣля обособляютъ группу меньшинства. — Парижанки. — Армія версальцевъ и Парижская армія. — Организація общественныхъ учрежденій, финансовъ, военнаго дѣла, полиціи, внѣшнихъ сношеній, юстиціи, просвѣщенія, труда и обмѣна —Масоны присоединяются къ коммунѣ. — Первое очищеніе форта Исси. — Созданіе комитета общественной безопасности. — Парижъ подвергается бомбардировкѣ — Фортъ Исси взятъ. — Коммуна обновляетъ свой комитетъ общественнаго спасенія. — Заговоръ противъ коммуны —Политика г-на Тьера по отношенію къ провинціи —Безсиліе второго комитета общественнаго спасенія.—Манифестъ меньшинства —Взрывъ въ аллеѣ — Паденіе Вандомской колонны. - Парижъ наканунѣ смерти. — Версаль. — Версальцы вступаютъ въ Парижъ въ воскресенье, 21-го, въ три часа по-полудни.—Собраніе совѣта коммуны закрывается.—Версальцы занимаютъ востсчные кварталы —Парижъ поднимается.—Монмартръ взятъ —Первыя массовыя избіенія — Парижъ горитъ — Послѣдняя ночь революціонной думы. — Члены коммуны очищаютъ думу —Пантеонъ взятъ —Версальцы массами разстрѣливаютъ парижанъ.—Федералисты разстрѣливаютъ заложниковъ. —Ночь кононады —Лѣвый берегъ въ рукахъ войскъ.—„Брасардье“ руководятъ убійствами.—Сопротивленіе сосредоточивается въ Бельвилѣ —Въ пятницу, 26-го, на улицѣ Аксо разстрѣливаютъ сорокъ восемь заложниковъ. — Битва прекращается въ воскресенье, къ 11 часамъ утра — Въ понедѣльникъ 29 го сдается Венсенскій фортъ —Версальскіе ужасы —Бойни —Смерть Варлена.—Эпидемія — Погребенія.—Партія плѣнныхъ.—Доносчики —Плавучія тюрьмы —Крѣпости. — Первые процессы —Военные суды —Казни.—Итогъ приговоровъ —Новая Каледонія — Ссылка —Злосчастное собраніе.—Макъ-Магонатъ —Милости.—Великое возвращеніе.—1896 годъ.—*526 стр.*—8°.—*Цѣна 70 коп.*

№ 275. Г. Іэккъ.

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ. Со вступительной статьей К. Каутскаго Съ нѣмецкаго переводъ Б Смирнова и А. Ратнера, подъ редакціей А. Санина.

Содержаніе: Къ исторіи Интернаціонала —Статья К Каутскаго.— Предисловіе автора. — Учрежденіе Интернаціонала — Митингъ въ St. Martin's Hall'ъ.—Интернаціоналъ и трэдъ-юньоны.—Программа и уставъ Интернаціонала.—Первые успѣхи.—Лондонская конференція —Организаторскіе успѣхи. — Манифестъ Интернаціонала.— Женевскій конгрессъ. — Періодъ борьбы и побѣдъ —Интернаціоналъ и австро-прусская война.—Случайности.—Движеніе въ пользу избирательной реформы въ Англіи.—Первыя крупныя забастовки рабочихъ. Лозанскій конгрессъ.—„Капиталъ“ Маркса.—Увлеченіе коопераціями въ Англіи —Общій совѣтъ и ирландскіе феніи.—Бонапартовское правосудіе.—Интернаціоналъ и стачки.—Стачка строительныхъ рабочихъ въ Женевѣ.—Кровопролитія въ Бельгіи.—Пустыя угрозы бельгійскаго правительства —Интернаціоналъ въ Германіи и Австріи —Брюссельскій конгрессъ —Интернаціоналъ и парламентскіе выборы.—Трудный годъ —Кризисъ въ Англіи —Базельскій конгрессъ.—Вліяніе базельскихъ резолюцій.—Періодъ полнаго расцвѣта —Интернаціоналъ на высшей точкѣ своего развитія — Отсрочка конгресса.—Франко-прусская война и рабочій классъ —Юрцы и Бакунинъ.—Парижская Коммуна.—Распаденіе стараго и образованіе новаго Интернаціонала Послѣ паденія коммуны.—Тредъ-юньоны и Коммуна —Лондонская конференція.—Соціалъ-демократическія партіи въ нѣмецкой Швейцаріи.—Юрская федерація.—Бакунистскій Союзъ въ Испаніи — Бакунистскій союзъ въ Италіи. –Интернаціоналъ въ Даніи.—Британскій федеральный Совѣтъ. –Гаагскій конгрессъ.—Перенесеніе Общаго совѣта въ Нью-Іоркъ.—Расколъ. –Тайная организація Бакунина.—Конецъ Интернаціонала въ Англіи.—Новый Интернаціоналъ.—Приложеніе: Письма Г. Ф Беккера, относящіяся ко времени Женевскаго конгресса.—Письмо Маркса по дѣлу Эккаріуса.—Къ перенесенію конгресса 1870 г —Письмо Петерсена о Даніи.—Два письма Беккера о шовинизмѣ 1870 г.—Два письма Беккера о бакунистскомъ союзѣ въ Женевѣ.—Два письма Маркса по дѣлу бакунистскаго Союза —Письмо Маркса о „Felleisen“.—Отвѣтъ Беккера относительно „Felleisen“.—Проектъ постановленія Общаго Совѣта о союзѣ, писанный рукою Маркса.—Членскій билетъ „Лиги земли и труда“. -Членскій билетъ „Лиги реформы“.—*370 стр.*—*8°*— *Цѣна 80 коп.*

№ 277. Мерингъ, Бебель, Вальтейхъ и Іэккъ.

НАЧАЛО НѢМЕЦКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ. Юбилейный сборникъ Лейпцигскихъ рабочихъ къ 23 мая 1903 г. Съ нѣмецкаго, переводъ В Величкиной. Содержаніе: Очеркъ начала рабочаго движенія, А. Бебеля. — Лейпцигскій Центральный комитетъ и Фердинандъ Лассаль, Юліуса Вальтейха.—Лейпцигское рабочее движеніе 1862—1867 годовъ, Франца Меринга —Лейпцигское рабочее движеніе 1868 — 1878 годовъ, Густава Іэкка. - *92 стр.* — *8°*. — *Цѣна 20 коп.*

№ 278. К. Каутскій.

КАРЛЪ МАРКСЪ. Біографическій очеркъ.— Съ нѣмецкаго переводъ Штейнертъ, подъ редакціей В. Десницкаго.—*23 стр.*—*8°*.—*Цѣна 5 к.*

№ 279. Д. Гепнеръ.

ИКАРІЙЦЫ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Съ нѣмецкаго переводъ Л. Громозовой, подъ редакціей В. Величкиной. Содержаніе: До отъѣзда перваго

авангарда.—Неудача въ Техасѣ.—Періодъ жизни въ Наувоо.—Шельтенгамъ.—Наувоо и Іова.—Молодежь противъ стариковъ.—Молодежь одна въ Іовѣ и Калифорніи.—*43 стр.—8°—Цѣна 10 коп*

№ 280. А. Тюрлянъ.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 г. Съ французскаго переводъ подъ редакціей І Гольденберга.—Содержаніе: Движеніе коммунъ при феодализмѣ - Парижская коммуна во время революціи и послѣ нея.—Послѣдніе дни Имперіи.—Основаніе республики.—Временное правительство.—Правительство „національной измѣны“. — Законодательные выборы 8 февраля 1871 года. — Возстаніе 18 марта. Дѣятельность Центральнаго Комитета —Городскіе выборы 26 марта и провозглашеніе Коммуны —Коммуны въ провинціи.—Ліонъ, Сентъ-Этьенъ, Крезо, Марсель, Тулуза, Нарбонна, Лиможъ, Манъ. — Манифестаціи въ честь Парижской Коммуны.—Сопротивленіе —Административная дѣятельность Коммуны. — Баррикадная борьба - Кровавая недѣля. — Ужасное подавленіе. — *63 стр.—8°—Цѣна 12 коп.*

№ 286. А. Бебель.

ШАРЛЬ ФУРЬЕ, ЕГО ЖИЗНЬ И УЧЕНІЕ. Съ приложеніемъ портрета Фурье и вида Фаланстера Съ нѣмецкаго переводъ Д. Майзеля и В. Сережникова, подъ редакціей В Базарова. Содержаніе: Предисловіе автора къ первому изданію.—Жизнь и ученіе Шарля Фурье.—*229 стр —8°.—Цѣна 50 коп.*

№ 287. К. Каутскій.

ЭТИКА И МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНІЕ ИСТОРІИ. Съ нѣмецкаго переводъ А. Ратнера, подъ редакціей А Луначарскаго. Содержаніе: Предисловіе.—Античная и христіанская этика.- Этика вѣка просвѣщенія.—Этика Канта. 1) Критика познанія.—2) Нравственный законъ.—3) Свобода и необходимость.—4) Философія примиренія.—Этика Дарвинизма:—1) Борьба за существованіе.—2) Самопроизвольное движеніе и познавательная способность.—3) Инстинкты самосохраненія и размноженія.—Соціальные инстинкты.—Этика Марксизма:—1) Корни матеріалистическаго пониманія исторіи —2) Организмъ человѣческаго общества.—Техническое развитіе.—Техника и образъ жизни.—Животный общественный организмъ —3) Превращеніе силы соціальныхъ инстинктовъ: а) Языкъ.—в) Война и собственность.—4) Сфера дѣйствій соціальныхъ инстинктовъ:—а) Международныя отношенія.—в) Дѣленіе на классы.—Принципы морали:—а) Привычка и приличія.—в) Форма производства и надстройки.—с) Старая и новая мораль.—*139 стр.—8°. Цѣна 20 коп.*

№ 288. Фр. Мерингъ.

ЛЕГЕНДА О ЛЕССИНГѢ. Съ приложеніемъ статьи объ историческомъ матеріализмѣ. Съ нѣмецкаго переводъ І. Т. подъ редакціей А. Луначарскаго Содержаніе:—Предисловіе —Лессингъ и буржуазія.—Зерно легенды о Лессингѣ —Гейне, Гервиніусъ, Ланцель о Лессингѣ.—Книга Штара о Лессингѣ,—Король Фридрихъ о Лессингѣ.—Бранденбургско-прусское государство.—Просвѣщенный деспотизмъ Фридриха.—Внѣшняя и военная политика Фридриха.—Къ психологіи семилѣтней войны.—Шереръ и Эрихъ Шмидтъ о Лессингѣ.—Лессингъ и саксонское курфюрство.—Лессингъ и Лейпцигскій университетъ.—Берлинъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ.—Лессингъ въ Берлинѣ и Виттенбергѣ.—Литературныя начинанія Лессинга.- Лессингъ въ семилѣтней войнѣ.—Брес-

лавскія работы.—Лессингъ въ Гамбургѣ.—Годы страданія въ Вольфенбюттелѣ — Послѣдняя борьба Лессинга.—Лессингъ и пролетаріатъ.—Приложеніе: Объ историческомъ матеріализмѣ.—*503 стр —8°.—Цѣна 80 коп.*

№ 301. М. Ольминскій.

СВОБОДА ПЕЧАТИ. *76 стр.—8°.—Цѣна 12 коп.*

№ 302. М. Ольминскій.

ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. *21 стр.—8°.—Цѣна 5 коп.*

№ 303. С. Михайловичъ.

ЧТО ТАКОЕ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. *16 стр —8°.—Цѣна 3 коп. (Конфисковано).*

№ 304. Л. Клейнбортъ.

О ПАРТІЯХЪ И ПАРТІЙНОСТИ. *30 стр.—8°.— Цѣна 5 коп.*

№ 306. С. Сомовъ.

СПРАВЕДЛИВЫЙ НАЛОГЪ. *70 стр.—8°.—Цѣна 12 коп.*

№ 309. Л. Клейнбортъ.

РУССКІЙ ИМПЕРІАЛИЗМЪ ВЪ АЗІИ. *47 стр.—8° —Цѣна 8 коп.*

№ 310. Л. Клейнбортъ.

КАПИТАЛИЗМЪ И ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ. *40 стр.—8°.—Цѣна 8 коп (Конфисковано).*

№ 312. С. Гуревичъ.

РАДИКАЛЬНАЯ БУРЖУАЗІЯ и ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ. Подъ редакціей П. П. Румянцева Содержаніе: Предисловіе—Прежде и теперь—Форма производства и постановка рабочаго вопроса.—Вліяніе профессіональныхъ союзовъ на производительность труда.—Регулированіе производства.—Регулированіе условій труда.—Коллективныя сдѣлки.—Стачки.—Органическій ростъ профессіональныхъ союзовъ. — „Соціальный миръ" и борьба классовъ. — *108 стр.—8°.—Цѣна 20 коп.*

№ 313. Л. Клейнбортъ.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ. *44 стр.—8° —Цѣна 10 коп.*